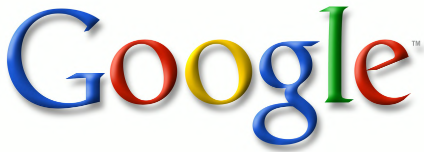

Многоуважаемому Ѳедору Ѳед
Рока

ТИМОѲЕЯ ФЛОРИНСКАГО.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ И ВИЗАНТІЯ

ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВѢКА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, № 1.
1882.

ТИМОѲЕЯ ФЛОРИНСКАГО.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ И ВИЗАНТІЯ

ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВѢКА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средняя Подьяческая, № 1.
1882.

Средняя Подьяческая, д. № 1.
2288.

СОДЕРЖАНІЕ.

—

Стран.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее время, послѣ новѣйшихъ трудовъ извѣстныхъ нашихъ славистовъ и византинистовъ: В. И. Ламанскаго. В. Г. Васильевскаго, Ѳ. И. Успенскаго, А. С. Будиловича, В. Макушева, М. Дринова и другихъ, молодыхъ ихъ послѣдователей, едва ли нужно останавливаться на выясненіи тѣсной связи, существующей между исторіей Южныхъ Славянъ и исторіей Византіи. Изученіе той и другой должно идти рука объ руку. Отдѣленіе Южныхъ Славянъ отъ Византіи и, обратно, Византіи отъ Южныхъ Славянъ—не мыслимо. Это одинъ міръ, жившій общею жизнью, долженствующій имѣть и общую исторію.

Предлагаемыя вниманію читателей изслѣдованія представляютъ начало посильнаго самостоятельнаго изученія судебъ Греко-Славянского міра во второй четверти XIV вѣка. По первоначально-задуманному плану авторъ намѣренъ былъ посвятить свой трудъ всестороннему изображенію состоянія Восточной имперіи и южнаго Славянства въ знаменательную эпоху царя Душана. Но принявшись за работу, онъ долженъ былъ убѣдиться въ полной невозможности въ короткое время выполнить удовлетворительно эту сложную задачу. Недостаточная разработка избраннаго предмета въ ученой литературѣ, отсутствіе трудовъ по критикѣ наличнаго весьма значительнаго историческаго матерьяла, поиски за новыми источниками — все это

заставило насъ ограничиться на первый разъ лишь двумя частными монографіями. Въ первой изъ нихъ, напечатанной еще въ 1879 г. въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, мы даемъ «очеркъ положенія Византіи во второй четверти XIV в.», который служа канвой для дальнѣйшихъ частныхъ изслѣдованій въ той же области, вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть разсматриваемъ какъ введеніе ко второй болѣе спеціальной монографіи. Въ послѣдней же мы подробно разсматриваемъ процессъ образованія Сербскаго царства и пытаемся выяснить политическую дѣятельность Душана.

Изъ предшествующихъ трудовъ, непосредственно относящихся къ занимающимъ насъ вопросамъ, въ нашей и иностранной литературѣ можно указать только два и то весьма старыя сочиненія: Parisot Cantacuzène homme d'etat et historien. Paris 1847 и Палаузова Юго-востокъ Европы въ XIV в. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1857.). Если для перваго своего изслѣдованія мы нашли нѣкоторую помощь въ почтенныхъ трудахъ по общей исторіи Византіи и Востока Цинкейзена, Хопфа и Хейда, то во второмъ намъ пришлось работать совершенно самостоятельно, почти безъ всякихъ пособій, имѣя дѣло съ одними источниками.

Возможно точное и объективное изложеніе фактовъ, основанное на внимательномъ изученіи доступнаго намъ матерьяла, и осторожность въ заключеніяхъ—вотъ что мы ставили на первомъ планѣ въ своей работѣ. Не намъ судить, насколько удовлетворительно мы выполнили принятое на себя дѣло, насколько выпускаемыя нами изслѣдованія уясняютъ одинъ изъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ періодовъ въ исторіи Греко-Славянскаго міра, насколько, наконецъ, убѣдительны и доказательны выводы, къ которымъ мы пришли изучая данную эпоху, и которые, намъ думается, не лишены извѣстной поучительности и для нашего времени.

Намъ остается засвидѣтельствовать нашу искреннѣйшую

признательность благодарнаго ученика глубокоуважаемому Владиміру Ивановичу Ламанскому. Не говоря о глубокой важности и цѣнности полученныхъ нами отъ него совѣтовъ и указаній, мы особенно высоко ставимъ ту нравственную поддержку, которую постоянно встрѣчали съ его стороны, и благодаря которой стало возможнымъ приведеніе къ концу самаго труда, нѣсколько разъ замедлявшееся разными неблагопріятными обстоятельствами. Изъ его богатой библіотеки мы пользовались всѣми нужными книгами. Наконецъ ему же мы обязаны сообщеніемъ столь важныхъ доселѣ неизданныхъ источниковъ, какъ хроника Растича и греческія грамоты Меникейскаго монастыря. Тоже чувство благодарности мы должны выразить и другому нашему наставнику Василію Григорьевичу Васильевскому, оказавшему намъ большое содѣйствіе въ нашихъ занятіяхъ византійскими источниками.

Тимоѳей Флоринскій.

Ноябрь 1881 г.

ВИЗАНТІЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВѢКА.

ВИЗАНТІЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВѢКА.

Вторая четверть XIV вѣка представляетъ весьма любопытный періодъ въ исторіи Греко-Славянскаго міра. Это была пора возникновенія и развитія явленій и событій, исходомъ которыхъ обусловился рѣзкій переворотъ въ судьбѣ всего Балканскаго полуострова. Съ одной стороны—передъ нами Византія, изо всѣхъ силъ старающаяся стать на ноги послѣ латинскаго погрома, оправляться отъ котораго она начала такъ дѣятельно при Михаилѣ Палеологѣ, и изнемогающая въ этомъ стремленіи подъ тяжестью внутреннихъ смутъ и жестокой внѣшней борьбы; съ другой—многочисленные враги ея: Латины, Сербы, Болгары и Турки, которые одновременно направляютъ свои удары на имперію, посягая окончательно подорвать ея существованіе. Выдержать борьбу со всѣми этими врагами Византія не въ силахъ, она ослаблена до послѣдней степени, вопросъ о неминуемой ея гибели ставится теперь въ послѣдній разъ и рѣшается уже безповоротно. Оставалось неизвѣстнымъ только то, когда и къ кому перейдетъ наслѣдство имперіи. Латины, въ лицѣ Генуи и Венеціи, не перестаютъ мечтать о прибраніи его къ своимъ рукамъ и направляютъ къ тому всѣ свои усилія, но на этотъ разъ встрѣчаютъ тутъ могущественныхъ соперниковъ. Въ то время, какъ Византія занята внутренними смутами и обращаетъ все вниманіе на опасность со стороны Латиновъ, незамѣтно создаются по обѣимъ ея сторонамъ, частью на счетъ ея владѣній, два царства: Сербское — Стефана Душана, и Османское — Орхана. Обстоятельства, отъ которыхъ зависѣло развитіе могущества Сербовъ и Турокъ, сами по себѣ весьма любопытны; но главный инте-

ресъ всей эпохи въ концѣ концовъ сводился къ вопросу: который же изъ двухъ народовъ, съ устраненіемъ третьяго соперника—Латиновъ, будетъ господствовать на полуостровѣ? Во второй половинѣ XIV в. и этотъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно, и какъ извѣстно, не въ пользу Славянства: Сербское царство пало, а вмѣстѣ съ тѣмъ и господство Турокъ стало неизбѣжнымъ. Разгадка такой безпомощности Греко-Славянскаго міра, причины и объясненіе такого крутаго переворота въ его исторіи скрываются именно столько же въ общей суммѣ событій второй четверти XIV в., сколько въ частности—въ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ Византіи и Славянства за то же время.

Способствовать, хотя отчасти, разъясненію смысла событій этой эпохи—составляетъ предметъ настоящаго очерка. Здѣсь мы останавливаемся собственно на Византіи и намѣрены прослѣдить ходъ ея исторической жизни въ царствованіе Андроника Младшаго и Іоанна Кантакузина. Уясненіе положенія имперіи въ этотъ періодъ „борьбы" проложитъ путь къ вѣрному пониманію условій образованія и значенія монархіи Стефана Душана, а равно и многихъ другихъ важныхъ вопросовъ и явленій этого времени.

Сперва нѣсколько замѣчаній о порѣ, непосредствено предшествовавшей той, которая насъ занимаетъ.

I.

Завоеваніе Византійской имперіи Франками и Венеціанцами въ началѣ XIII в. имѣло рѣшающее вліяніе на дальнѣйшую судьбу ея. Какъ кратковременно ни было существованіе Латинской имперіи, какъ непрочны ни были сами по себѣ вновь основанныя въ Греціи феодальныя княжества, все же для уничтоженія первой и для борьбы съ послѣдними потребовалось значительное напряженіе силъ возрождавшейся имперіи. Борьба эта, продолжительная и упорная, была причиной и того, что не была во-время понята опасность, грозившая имперіи и вообще Европѣ со стороны вновь усилившагося народа на Востокѣ—Турокъ [1]). Между тѣмъ въ результатѣ все-таки не было достигнуто полнаго освобожденія Византійскихъ областей отъ господ-

---

[1]) Подобный взлядъ мы находимъ, между прочимъ, у Франтцы: Phrantzes, l. I, c. 3, p. 23 (Ed. Bom.): 'Επὶ τῆς βασιλείας τοῦδε τοῦ αὐτοκράτορος (Михаилъ Палеологъ) διὰ τοὺς πολέμους τοὺς ἐν τῇ Εὐρώπῃ παρὰ τῶν 'Ιταλῶν ἀρχὴ τῶν δεινῶν τῆς ἐν 'Ασίᾳ 'Ρωμαικῆς ἀρχῆς ἐγεγόνει παρὰ τῶν Τούρκων.

ства Латиновъ; значительная часть Греціи такъ и осталась за ними до окончательнаго покоренія своего Турками. Не страшны были сами по себѣ эти вѣчно ссорящіеся между собою франкскіе герцоги и принцы, но господство ихъ на земляхъ имперіи было пагубно для послѣдней тѣмъ, что давало основаніе сильнымъ представителямъ западнаго міра предъявлять притязанія на окончательное подчиненіе себѣ имперіи и затѣмъ славянскихъ государствъ Балканскаго полуострова. Вмѣстѣ съ тѣмъ и духовный глава западнаго міра папа находилъ въ католическихъ владѣтеляхъ Греціи дѣятельныхъ помощниковъ къ утвержденію своей духовной власти на Востокѣ (стремленіе, издавна встрѣчавшее самый энергическій отпоръ). Такимъ образомъ опасность если не политическаго, то духовнаго порабощенія со стороны запада, постоянно стояла передъ имперіей въ послѣдній періодъ ея существованія. Но это еще не все. Обстоятельства основанія и паденія Латинской имперіи дали возможность утвердиться въ наиболѣе важныхъ политическихъ и торговыхъ пунктахъ Византіи могущественнымъ средневѣковымъ торговымъ государствамъ — Генуѣ и Венеціи. Искусно пользуясь моментомъ, обѣ этѣ республики, особенно первая, овладѣваютъ всею торговлей имперіи и ставятъ ее въ полную финансовую и экономическую зависимость отъ своего произвола. Послѣднее обстоятельство и было одно изъ гибельнѣйшихъ послѣдствій латинскаго господства; въ немъ болѣе всего и нужно искать объясненія, почему возстановленная Византія никогда уже не могла вполнѣ оправиться послѣ понесеннаго ею погрома.

Наконецъ, роковымъ событіемъ 1204 г. былъ положенъ конецъ единству Византійской имперіи. Нашествіе Латиновъ не только оторвало значительную часть ея владѣній, но и повело къ образованію въ сохранившей свою независимость половинѣ нѣсколькихъ мелкихъ государствъ, стремившихся присвоить себѣ обаятельное имя имперіи. Въ Европѣ Михаилъ Ангелъ Комнинъ основываетъ деспотство Эпирское; въ Азіи одновременно являются три имперіи: въ Трапезунтѣ, Никеѣ и Филадельфіи, и кромѣ того, нѣсколько независимыхъ мелкихъ владѣтелей. Съ теченіемъ времени число этихъ государствъ сокращается, но все же прежняго единства Византія не могла возстановить. Трапезунтская имперія такъ и продолжала свое независимое существованіе до завоеванія Турками. Эпирское деспотство также долго управлялось совершенно независимо отъ Византійскаго двора. Такимъ образомъ нашествіе Латиновъ, разрушая внутренній строй

Византіи, вызвало много внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя сдѣлали невозможнымъ полное обновленіе имперіи и наполнили почти двухсотлѣтній періодъ ея существованія ужасною, непрерывною борьбою.

Западные изслѣдователи византійской исторіи обыкновенно изображаютъ самыми мрачными красками этотъ послѣдній ея періодъ. Отыскивая причины быстраго завоеванія Царьграда Латинами и плачевнаго состоянія возстановленной имперіи въ недостаткахъ администраціи, въ негодности всего политическаго и соціальнаго строя, во всеобщемъ разложеніи, они заходятъ слишкомъ далеко въ своихъ нападкахъ на самое населеніе имперіи. Конечно, Византійцы XIII и XIV столѣтія ни мало не походили на Византійцевъ VI вѣка; національность греческая вслѣдствіе многоразличныхъ причинъ значительно пала во всѣхъ отношеніяхъ, и странно было бы доказывать въ ней существованіе давно утраченной доблести древне-Эллинскаго народа; но не менѣе странно слышать изъ устъ глубокихъ изслѣдователей жестокій приговоръ о полномъ усыпленіи Грековъ еще съ XIII столѣтія и раньше, объ утратѣ ими политической честности, патріотическаго чувства, военной чести, гражданской свободы [1]). Мы не станемъ доказывать несостоятельность подобнаго приговора. Она вполнѣ явствуетъ изъ событій, послѣдовавшихъ за 1204 г. и прежде всего изъ образованія Никейской имперіи (вскорѣ превратившейся въ Византійскую) и скораго изгнанія Латиновъ изъ Константинополя. Въ событіяхъ этихъ ясно обнаружилось, что Греческій народъ при всей своей деморализаціи сохранялъ въ себѣ еще достаточно и патріотизма, и преданности своей вѣрѣ, даже отваги, чтобы выступать противъ западныхъ поработителей. Маленькая Никея, тотчасъ послѣ паденія Царьграда становится новымъ политическимъ и религіознымъ центромъ греческаго міра, привлекаетъ къ себѣ массы Грековъ, бѣгущихъ отъ иноземнаго ига. Изъ этихъ бѣглецовъ, подъ державою Ѳеодора Ласкариса, основателя Никейской имперіи, незамѣтно создается сила, которая, если не окончательно сламливаетъ врага, то значительно ослабляетъ его, отвоевывая у него хотя часть своего достоянія. Ужели было бы возможно подобное историческое явленіе при той всеобщей неурядицѣ, въ которой находились въ XIII столѣтіи византійскія области, еслибы дѣйствительно, какъ говорятъ западные историки, въ населеніи подъ гнетомъ правительственнаго

---

[1]) *Finlay*, History of the Bysantine and Greek empires. London. 1853, II, pp. 341—351—454.

деспотизма были окончательно подавлены всѣ національныя чувства, всякое стремленіе къ независимости?

Успѣху греческаго дѣла способствовалъ цѣлый рядъ энергическихъ, талантливыхъ правителей на Никейскомъ престолѣ, что также говоритъ не въ пользу пессимистическаго взгляда на греческую народность. Θеодоръ Ласкарисъ (1204—1222 гг.) и его зять Іоаннъ Ватаци (1222—1254 гг.), особенно послѣдній, являются государями, одаренными сильною волею, значительнымъ умомъ, расчетливымъ дипломатическимъ тактомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ храбрыми и опытными военачальниками. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ имъ удается создать изъ Никейской имперіи сильный оплотъ противъ захватовъ латинства. Они окончательно вытѣсняютъ Франковъ изъ Малой Азіи, и Іоаннъ Ватаци становится уже твердою ногою въ прежнихъ европейскихъ владѣніяхъ имперіи. По справедливости нельзя не удивляться той находчивости, той умѣлости, съ какою оба императора, при незначительныхъ средствахъ успѣваютъ и объединить вновь возникающія въ малой Азіи мелкія деспотства (Манкафы — въ Филадельфіи, Маврозами въ области рѣки Меандра) и бороться съ Иконійскими Турками, и отстоять за Никеею знамя возстановленія Византіи противъ притязаній императора Трапезунтскаго и особенно противъ могущественнаго деспота (нѣкоторое время императора) Эпирскаго. Войны съ Латинами наполняютъ почти все время ихъ царствованія; и успѣхъ ихъ въ значительной мѣрѣ обусловливался умѣньемъ Θеодора и Іоанна поддерживать союзъ съ Болгарскими государями, которые дѣйствительно много способствовали ослабленію общаго врага православія. Тѣмъ не менѣе съ достиженіемъ политической силы Іоаннъ Ватаци, блюдя интересы имперіи, не упустилъ случая отнять у Болгаръ завоеванія, сдѣланныя ими во Θракіи (1245 г.). Расчетливый, бережливый, онъ сумѣлъ поднять нѣсколькими разумными мѣрами экономическое положеніе имперіи и умирая оставилъ своему преемнику—хорошо дисциплинированную армію и флотъ. Сынъ Іоанна III, Θеодоръ II (1254—1258 гг.), не смотря на свою болѣзнь, былъ хорошимъ воиномъ. Онъ отстоялъ противъ завоеваній Болгаръ пріобрѣтенныя отцемъ части Θракіи и Македоніи и значительно расширилъ предѣлы имперіи на счетъ Эпирскаго деспотства. Наконецъ Михаилъ Палеологъ (1259 — 1282 гг.), родоначальникъ послѣдней династіи Византійскихъ императоровъ, черезъ 58 лѣтъ послѣ латинскаго нашествія, является возстановителемъ Византійской имперіи. Какъ ни ложится чернымъ пятномъ на все его царствованіе совершенная имъ узурпація пре-

стола у законнаго наслѣдника Іоанна IV, безжалостно имъ ослѣпленнаго, какъ велики ни были его недостатки и ошибки, все же сдѣланное Михаиломъ для увеличенія внѣшняго могущества имперіи слишкомъ велико, чтобъ исторія отказала ему въ справедливомъ приговорѣ [1]). Какъ во время регентства, такъ и въ продолженіе всего своего царствованія, ему пришлось вести дѣятельную борьбу съ Латинами, которые имѣя постояннаго подстрекателя въ лицѣ папы и покровителя въ лицѣ сильнаго Неапольскаго короля Карла Анжуйскаго, не хотѣли отказаться отъ утраченнаго ими Царьграда и господства на Балканскомъ полуостровѣ. Въ борьбѣ этой Михаилъ не всегда могъ выступать съ открытою силою противъ своихъ враговъ, составлявшихъ коалиціи, и по необходимости прибѣгалъ къ хитрости. Одною изъ такихъ хитростей и были неоднократныя сношенія его съ папами о соединеніи церквей греческой и латинской, которыя вызвали внутреннія неурядицы въ государствѣ и обыкновенно ставятся въ вину Михаилу Палеологу. Во всякомъ случаѣ на это обращеніе императора къ Риму менѣе всего можно смотрѣть какъ на измѣну православію. Въ результатѣ, кромѣ возвращенія Царьграда, было возстановленіе императорской власти въ части Пелопонниса. Уступленныя какъ выкупъ за взятаго въ плѣнъ Ахейскаго принца Вильгельма крѣпости Монемвасія, Мизиера и Майна стали опорными пунктами, откуда императорскія войска выходили противъ франкскихъ герцоговъ. Такимъ образомъ возрожденіе имперіи шло довольно быстрыми шагами. Въ слѣдующее царствованіе оно пріостанавливается и мало того—снова клонится къ ущербу. Императоръ Андроникъ Старшій (1282—1328 гг.), нисколько не походилъ на своего отца, возстановителя Византіи. Неразсудительный, непослѣдовательный и въ то же время мотъ и трусъ, онъ представляетъ образецъ самаго неспособнаго государя. Все время его царствованія наполнено замѣшательствами и бѣдствіями для имперіи. Азіатскія области ея, такъ стойко отстаиваемыя Никейскими императорами, почти цѣликомъ переходятъ во власть Турокъ. Недальновидный Андроникъ изъ пренебреженія къ національнымъ войскамъ, составленнымъ его предшественниками и сослужившимъ такую большую службу дѣлу возстановленія имперіи, окружаетъ себя дорого-стоющими наемными войсками и въ виду угрожающей опасности отъ Турокъ, приглашаетъ на помощь изъ Испаніи сбродныя каталонскія дружины. Это добровольное при-

---

[1]) Ср. заключеніе у *Финлея*, стр. 463.

званіе Латиновъ, обнаружившее полную безтактность обладателя византійскаго престола, послужило источникомъ величайшихъ бѣдствій для имперіи, оплакиваемыхъ всѣми ея историками. Каталонцы, какъ извѣстно, не только не оказали Андронику никакой помощи противъ Турокъ, но въ концѣ концовъ соединились съ послѣдними, перешли въ Европу, два года опустошали Ѳракію, своими жестокостями и насиліемъ превосходя Турокъ, и наконецъ, пройдя Македонію и Ѳессалію, утвердились въ Віотіи, гдѣ и завоевали Аѳинское герцогство. Продолжительная экспедиція этой разбойничьей „великой компаніи" привела въ окончательное разореніе всю восточную часть Балканскаго полуострова. Самому Царьграду пришлось не мало потерпѣть отъ другихъ Латинцевъ-Венеціанцевъ, ловко пользовавшихся для своихъ грабежей и притѣсненій беззащитностью столицы съ моря, за отсутствіемъ флота. Къ этимъ внѣшнимъ бѣдствіямъ и ко многимъ другимъ, о которыхъ мы здѣсь не упоминаемъ (какъ напримѣръ, грозныя завоеванія Милутина), присоединилась внутренняя междоусобная война (1320—1328 гг.), между Андроникомъ Старшимъ и его внукомъ Андроникомъ Младшимъ, оспаривавшимъ власть у своего дѣда. Борьба эта, окончившаяся торжествомъ внука, тянулась съ перерывами восемь лѣтъ, и еще болѣе ослабляя имперію, давала возможность усиливаться и безъ того уже сильнымъ ея сосѣдямъ-врагамъ. Мы не касаемся здѣсь подробностей той внутренней неурядицы въ государственномъ устройствѣ, въ управленіи и во всемъ экономическомъ строѣ, которая царила во все время царствованія Андроника Старшаго. Слѣды всего этого оставались и въ послѣдующія два царствованія— Андроника Младшаго и Іоанна Кантакузина, которыя собственно и составляютъ предметъ настоящей статьи. Замѣтимъ только, что современные византійскіе историки даютъ массу фактовъ, свидѣтельствующихъ, что имперія за это время не разъ переживала по истинѣ критическіе моменты, когда паденіе ея представлялось не отложнымъ, однако выходила изъ всѣхъ затрудненій какимъ-то чудеснымъ образомъ. Не заключается ли эта чудесность именно въ сохранившейся еще, при всѣхъ невзгодахъ, жизненности народныхъ силъ Византіи, въ которой ей такъ настойчиво отказываютъ многіе западные изслѣдователи? Какъ бы то ни было, продолжительное царствованіе Андроника Старшаго было временемъ новаго упадка Византіи. Объ успѣшной борьбѣ съ Латинами, о дальнѣйшемъ обновленіи возстановленной имперіи тогда не могло быть и рѣчи. Вопросы эти снова поднима-

ются въ послѣдующее царствованіе, въ эпоху, которая собственно насъ занимаетъ, и къ которой мы теперь переходимъ.

II.

Андроникъ III Младшій вступаетъ на престолъ не путемъ простаго захвата, но соединеннаго еще съ продолжительною междоусобною войною. Государственные перевороты, смѣна царствующихъ династій—явленіе обычное въ византійской исторіи, но большею частію они составляютъ дѣло придворной партіи и совершаются чрезвычайно быстро; народъ остается почти всегда въ сторонѣ отъ этихъ неожиданныхъ перемѣнъ и заявляетъ свое участіе въ нихъ лишь принятіемъ присяги вновь возведенному императору. Примѣръ подобной узурпаціи мы видѣли уже и въ возобновленной Византіи. Отецъ Андроника Старшаго, Михаилъ Палеологъ, бросаетъ въ заточеніе законнаго наслѣдника престола, Іоанна IV, сына Θеодора Ватаци, провозглашая себя императоромъ и хотя возбуждаетъ недовольство въ народѣ, но далеко не всеобщее и не на столько сильное, чтобъ оно могло повести къ образованію оппозиціи, къ внутреннимъ замѣшательствамъ. Быстрота переворота обыкновенно ошеломляетъ на время умы современниковъ; но вскорѣ затѣмъ всѣ примиряются съ совершившимся фактомъ, особенно если новый государь оказывается умнѣе, дѣятельнѣе своего низвергнутаго предшественника. Государственное и народное дѣло въ этомъ случаѣ если мало выигрываетъ, то почти и ничего не проигрываетъ въ матеріальномъ отношеніи. Само собою разумѣется, что на нравственности народа подобные преступные перевороты, часто повторяемые, не остаются безъ слѣда, значительно притупляя въ немъ чувства законности, уваженія къ порядку престолонаслѣдія. Гораздо пагубнѣе отражались на положеніи государства и на народномъ благосостояніи междоусобныя войны за престолонаслѣдіе, встрѣчающіяся въ исторіи Византіи гораздо рѣже въ сравненіи съ обыкновенными придворными узурпаціями. Раздѣленіе народныхъ массъ на враждебныя партіи, взаимное самоистребленіе, участіе иноземныхъ силъ, окончательно раззоряющихъ страну, суть необходимыя черты такого добыванія императорскаго титула. Полное потрясеніе политическаго могущества и ослабленіе всѣхъ народныхъ силъ—всегдашнее послѣдствіе такихъ переворотовъ.

Для Византіи въ этомъ отношеніи особенно чувствительны были распри между преемниками Ираклія въ концѣ VII и началѣ VIII вв.

и смуты конца XII и начала XIII вв. въ правленіе династіи Ангеловъ, приведшія къ роковому событію 1204 г. Въ XIV в. мы опять видимъ въ имперіи цѣлый рядъ междоусобныхъ войнъ; первая изъ нихъ связана съ именемъ Андроника Младшаго и предшествовала его вступленію на престолъ. Спрашивается: кѣмъ вызвана была эта война? На сколько виноватъ въ ней Андроникъ-внукъ, и вообще какой ея смыслъ? Вникая въ характеры обоихъ Андрониковъ, въ ихъ взаимныя отношенія, во весь ходъ ихъ восьмилѣтней борьбы, нельзя не прійдти къ заключенію, что если не завязка всей распри, то по крайней мѣрѣ распространеніе и печальный исходъ ея коренится далеко не въ однихъ личныхъ неудовольствіяхъ между дѣдомъ и внукомъ. Въ самомъ дѣлѣ взглянемъ ближе на обстоятельства самой междоусобицы. Андроникъ — внукъ императора отъ старшаго его сына Михаила, съ дѣтства уже любимецъ дѣда, рано обнаруживаетъ привычки своевольной и легкомысленной жизни. Избалованный, плохо воспитанный юноша, онъ презираетъ всякій трудъ и наполняетъ все время охотою, шумными пирами и другими удовольствіями; все это требовало большихъ расходовъ, вело къ долгамъ, которые приходилось платить и безъ того скудной императорской казнѣ, и конечно, охлаждало расположеніе дѣда къ внуку. Охлажденіе это смѣнилось открытою непріязнью и презрѣніемъ къ прежнему любимцу, когда открылось грязное дѣло случайнаго убіенія старшаго сына Михаила—Мануила, людьми, сторожившими домъ возлюбленной ревниваго Андроника [1]).

Это семейное несчастіе свело въ могилу бѣднаго отца и окончательно вооружило императора противъ внука. Онъ принимаетъ противъ него цѣлый рядъ суровыхъ мѣръ и явно высказываетъ намѣреніе передать право престолонаслѣдія кому-либо другому въ своемъ потомствѣ. Онъ приближаетъ къ себѣ Катара, незаконнаго сына Константина Деспота (сынъ второй жены императора Андроника), а прежнему любимцу отказываетъ въ отпускѣ содержанія [2]), запрещаетъ пріѣздъ во дворецъ, ношеніе императорской одежды, наконецъ исключаетъ изъ формулы присяги [3]) имя царевича. Андроникъ Младшій конечно не могъ оставаться равнодушнымъ къ такимъ дѣйствіямъ дѣда; онъ заявляетъ протестъ и находитъ себѣ поддержку въ кругу лицъ, недовольныхъ императоромъ. Многіе не соглашались принять новую формулу присяги

---

[1]) Nicephor. Gregoras. Historia Byzantina, Edit. Bonn. l. VIII, c. 1.
[2]) Ioannes Cantacuzenus: Historia Byzantina. Edit. Bonn. l. I, cc. 5, 11, 16.
[3]) Greg., l. VIII. c. 3.

и не признавали за императоромъ права самовольно назначать себѣ наслѣдника. Отношенія между дѣдомъ и внукомъ принимаютъ все болѣе острый характеръ. Боясь какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій со стороны внука, Андроникъ Старшій приставляетъ къ нему шпіона Сиргіанна, правителя западной Македоніи. Выборъ его неудаченъ. Сиргіаннъ [1]), человѣкъ большихъ дарованій, необыкновенно хитрый и честолюбивый, пользуется этимъ порученіемъ для личныхъ цѣлей. Вмѣсто шпіона онъ выставляетъ себя передъ молодымъ царевичемъ ближайшимъ другомъ; предувѣдомляетъ о козняхъ противъ него дѣда и совѣтуетъ принять мѣры предосторожности. Защитниками правъ Андроника Младшаго присоединяются къ нему Кантакузинъ [2]) Великій Папія и Синаденъ — императорскій стольникъ. Этотъ тріумвиратъ составляетъ цѣлый планъ дѣйствій противъ императора: собираетъ войска, людей, выбираетъ центромъ оппозиціи Адріанополь. Всѣ эти приготовленія еще болѣе озабочиваютъ Андроника Старшаго, онъ рѣшается засадить внука въ тюрьму [3]). Логоѳетъ Метохита отговариваетъ его, и вмѣсто этой энергической мѣры 5-го апрѣля 1321 г. во дворцѣ устраивается свиданіе дѣда и внука; происходитъ полное примиреніе, даются клятвы во взаимномъ доброжелательствѣ. Но черезъ пятнадцать дней Андроникъ Младшій получаетъ уже увѣдомленіе отъ патріарха Герасима о предстоящемъ ему арестѣ и спѣшитъ въ Адріонополь [4]), гдѣ Кантакузинъ и Синаденъ организовали военный лагерь. Разрывъ неминуемъ. Начинается цѣлый рядъ войнъ. Императоръ [5]) постоянно терпитъ неудачу и долженъ дѣлать уступки. Послѣ первой войны по миру въ Регіѣ (іюль 1321 г.) [6]) за Андроникомъ Младшимъ признается право престолонаслѣдія и отдѣляется ему въ самостоятельное управленіе со

---

[1]) Greg., l. VIII c. 4.

[2]) Для біографіи Кантакузина до вступленія его въ число партизановъ Андроника Младшаго данныхъ почти нѣтъ. Извѣстно только, что онъ былъ сынъ знаменитаго правителя Мизиѳры—Кантакузина (1308—1316) сложившаго голову въ борьбѣ съ Франками, и Ѳеодоры Палеологъ, тетки императора Андроника, въ 1321 г. былъ назначенъ правителемъ въ Пелопоннисѣ на мѣсто Андроника Леона, и носилъ въ это время званіе Великаго Папіи (μέγας παππίας) (то-есть, правителя дворцовой стражи—см. *Ducange* Glossarium). Участіе въ междоусобной войнѣ отвлекло его отъ Пелопонниса, см. предисловіе *Бойвина* (Boivin) къ изд. Кантакузина, и *Fabricius*, Bibl. Graeca, VII, стр. 787.

[3]) Greg., VIII. c. 5.

[4]) Greg. VIII, c. 6.

[5]) Cant. I, 12, 20, 21. Greg. VIII, c. 6.

[6]) *Parisot*, Cantacuzène homme d'état et historien. Paris. 1845, p. 51.

всѣми доходами страны между Силиврiей и Константинополемъ. Въ 1322 г. вторая война оканчивается Епиватскимъ миромъ [1]); Андроникъ передаетъ управленiе территорiей, уступленною ему по предыдущему миру, въ вѣдѣнiе императора и выговариваетъ себѣ содержанiе 36,000 иперперовъ и жалованье своему войску. Затѣмъ пять лѣтъ царствуетъ наружное согласiе между дѣдомъ и внукомъ. Послѣдняя война оканчивается занятiемъ Константинополя и низложенiемъ Андроника Старшаго (22-го мая 1328 г.) [2]).

Во все время этой борьбы обѣ занимающiя насъ личности рисуются намъ съ самыхъ противоположныхъ сторонъ. Андроникъ Младшiй, своимъ безнравственнымъ поведенiемъ справедливо вызвавшiй гнѣвъ императора и дѣйствительно болѣе виновный въ возникновенiи междоусобiя, теперь всѣмъ образомъ своихъ дѣйствiй заслуживаетъ наиболѣе правъ на сочувствiе. Подъ влiянiемъ ли раскаянiя, или въ силу общаго склада своего характера онъ, вступая во враждебныя столкновенiя съ дѣдомъ, не обнаруживаетъ ни малѣйшей заносчивости. Съ самаго начала отвѣчая только на вызовъ, онъ постоянно имѣетъ въ виду лишь оборону своихъ правъ. Почти всегда побѣдитель, онъ охотно соглашается на миръ и обнаруживаетъ умѣренность требованiй. Во всѣ восемь лѣтъ до 22-го мая 1328 г. нельзя найдти ничего, что̀ указывало бы на намѣренiе его лишить дѣда законной власти; послѣднiй переворотъ былъ вызванъ лишь новыми интригами императора, и по видимому, совершился подъ влiянiемъ посторонней силы. Даже для себя онъ хлопочетъ не столько о признанiи своихъ правъ на престолъ, сколько о возстановленiи прежняго своего положенiя, какъ члена императорской фамилiи. Онъ охотно отказывается отъ власти надъ частью имперiи въ замѣнъ предложенной цифры доходовъ. Не обладая большимъ умомъ, несклонный къ труду, онъ чувствовалъ себя неспособнымъ къ управленiю государствомъ. Птицы и собаки, беззаботная, веселая жизнь—вотъ что̀ было предметомъ его желанiй. Добиться осуществленiя ихъ было главнѣйшею цѣлью его борьбы. Никакихъ властолюбивыхъ замысловъ онъ никогда не питалъ [3]). Въ противоположность Андронику Младшему, Старшiй является злопамятнымъ, неумолимымъ, жестокимъ старикомъ. Мысль лишить внука пре-

[1]) *Parisot*, 59.
[2]) *Parisot*, p. 83.
[3]) *Parisot*, 60, 61.

стола, по видимому, никогда его не оставляетъ [1]). Вынужденный неудачами войны вступить въ соглашеніе съ нимъ, онъ первый же ищетъ случая нарушить это соглашеніе. Немедленно же послѣ мира онъ пользуется услугами Сиргіанна, измѣнившаго Андронику Младшему [2]). Заключивъ Епиватскій договоръ, онъ вскорѣ уклоняется отъ выполненія важнѣйшей его статьи, касавшейся уплаты 36,000 иперперовъ [3]) внуку. Мало того: черезъ три года послѣ этого мира, въ то время, какъ Андроникъ Младшій празднуетъ свою коронацію (2-го февраля 1325 г.) и женитьбу на Аннѣ Савойской (октябрь 1326 г.), онъ не стѣсняется выставлять ему соперникомъ въ наслѣдованіи престола Іоанна панинерсеваста и затѣмъ деспота Димитрія [4]). Союзъ съ Сербскимъ кралемъ [5]) и запрещеніе поминать Андроника въ церковныхъ молитвахъ были рѣшительнымъ шагомъ, сдѣланнымъ императоромъ къ послѣднему разрыву. Словомъ, онъ постоянно тревожится опасеніемъ потерять престолъ, вѣчно занятъ интригами, и не имѣя достаточно средствъ для борьбы подъ рукой, ищетъ помощи на сторонѣ [6]). Странною кажется эта настойчивость императора въ затягиваніи междоусобія. Какъ ни было велико его раздраженіе противъ развращеннаго внука, трудно допустить, чтобъ его образъ дѣйствій вытекалъ единственно изъ ненависти къ нему. Вопервыхъ, такая ненависть не согласна съ его прежнею безумною любовью къ Андронику, и затѣмъ онъ самъ не могъ не видѣть его непритязательности, скромности и почтительности [7]), которыя ясно высказывались во все время борьбы.

---

[1]) См. любопытныя соображенія у *Паризо*, 32—36.

[2]) Greg. VIII, c. 11.

[3]) Cant. I, 48; *Parisot*, 62.

[4]) *Parisot*, 71, 72.

[5]) Greg. VIII, c. 14. Григора принималъ участіе въ посольствѣ, отправленномъ въ Сербію за вдовою Іоанна паниперсеваста, дочь котораго была за Стефаномъ Дечанскимъ. Сдѣланныя Григорою замѣтки объ этомъ путешествіи весьма драгоцѣнны для исторіи Сербіи. Между прочимъ онъ упоминаетъ, что это посольство имѣло и политическую цѣль—переговоры съ Сербскимъ кралемъ. Дѣйствительно черезъ три мѣсяца Стефанъ выступаетъ союзникомъ Андроника Старшаго.

[6]) Кромѣ союза съ Сербами, нѣсколько позже императоръ заключаетъ тайный договоръ съ Болгарскимъ царемъ Михаиломъ, который измѣняетъ своему шурину Андронику Младшему (Greg., IX, 5). Посланный имъ 3,000 отрядъ подъ начальствомъ Русса Ивана не могъ однако оказать помощи Андронику Старшему. Cantac. I, 58.

[7]) Кромѣ множества относящихся сюда свидѣтельствъ, разсѣянныхъ у Кан-

Онъ зналъ слишкомъ хорошо своего внука, его склонности, чтобы такъ настойчиво подозрѣвать его лично въ намѣреніи узурпировать престолъ.

Все дѣло значительно объясняется, если обратить вниманіе на два обстоятельства, на которыя и у Григоры, и у Кантакузина прямыхъ указаній очень мало, и которыя до сихъ поръ какъ-то обходились историками и изслѣдователями Византіи [1]). Мы разумѣемъ недовольство правленіемъ Андроника Старшаго, вызвавшее образованіе сильной оппозиціонной партіи, и первенствующую роль, которую играетъ во все время междоусобной войны Іоаннъ Кантакузинъ. Недальновидная, безтактная политика императора, о которой мы говорили выше, безцеремонное распоряженіе патріаршимъ столомъ, неудачный бракъ съ принцессою Ириною (преслѣдовавшею честолюбивые замыслы въ раздѣлѣ имперіи между ея дѣтьми и для этого поддерживавшею тѣсныя связи съ западомъ), расхищеніе государственной казны [2]), на пополненіе которой потребовались новые тяжелые налоги, наконецъ цѣлый рядъ злоупотребленій по администраціи, все это естественно должно было вызывать ропотъ, который и не замедлилъ перейдти въ открытое выраженіе неудовольствія. Дѣло Андроника Младшаго было только сигналомъ къ проявленію давно затаеннаго негодованія. Отъ того-то онъ сразу имѣетъ громадный успѣхъ. Ѳракія и Македонія легко переходятъ на его сторону, потому что во всѣхъ почти городахъ были болѣе или менѣе значительныя партіи недовольныхъ императоромъ [3]). Личность Андроника-внука, конечно, не могла располагать къ себѣ, но недовольные становились подъ его знамя, потому

такузина, обращаетъ вниманіе описаніе трогательной сцены свиданія дѣда и внука у Greg. VIII, c. 11.

[1]) Паризо мѣстами, какъ напримѣръ, на стр. 36, указываетъ на популярность Андроника Старшаго, но нигдѣ не говоритъ объ участіи партій въ веденіи междоусобной войны, которая представляется историку только личнымъ споромъ между дѣдомъ и внукомъ.

[2]) Характерный примѣръ расточительности приводитъ Григора VII, c. 5. Императрица Ирина, желая расположить Милутина Сербскаго къ назначенію въ наслѣдники сына отъ ея дочери Симониды или кого-либо изъ ея дѣтей, въ изобиліи снабжаетъ его деньгами изъ императорской казны, одаряетъ драгоцѣнностями и между прочимъ посылаетъ ему великолѣпную корону, почти не уступавшую той, которую носилъ самъ императоръ. Сто триремъ, восклицаетъ съ горечью Григора,—можно было бы выстроить на эти деньги, которыя она передала безъ расчета своему зятю.

[3]) Несомнѣнныя указанія у Greg. IX, c. 4.

что видѣли въ немъ поставленный обстоятельствами центръ оппозиціи. Нечего и говорить, что партія эта была особенно сильна въ Константинополѣ, откуда и начинается движеніе въ пользу Андроника Младшаго [1]). Во время послѣдней войны, когда патріархъ Исаія открыто противился запрещенію императора упоминать имя Андроника Младшаго въ церковныхъ молитвахъ, народное большинство, по свидѣтельству Григоры [2]), было враждебно Андронику Старшему; отъ него отвернулись даже люди, прежде того преданные ему. Этимъ и объясняется незначительность сопротивленія, встрѣченная Андроникомъ Младшимъ при взятіи столицы.

Съ другой стороны, слѣдя за дѣйствіями оппозиціонной партіи, нельзя не замѣтить отсутствія самостоятельности въ распоряженіяхъ Андроника Младшаго. Изъ тріумвирата, впервые выступившаго на защиту правъ внука, скоро выдѣляется Кантакузинъ и получаетъ преобладающее вліяніе на послѣдняго. Сиргіаннъ, также мечтавшій о первой роли, принужденъ отказаться отъ союзничества и беретъ сторону дѣда. Трудно сказать опредѣленно, чему обязанъ Кантакузинъ довѣріемъ со стороны Андроника. Несомнѣнно только, что кромѣ находчивости и ловкости ему не мало помогли значительныя денежныя средства, въ которыхъ такъ нуждался номинальный глава оппозиціи [3]). Уже съ самаго начала онъ болѣе другихъ хлопочетъ объ устройствѣ военнаго лагеря; затѣмъ мы видимъ, что всѣ военныя операціи, передвиженія совершаются по совѣту Кантакузина, во всѣхъ спорныхъ вопросахъ всегда одерживаетъ верхъ его мнѣніе. Въ своихъ запискахъ онъ изо всѣхъ силъ старается выставить себя человѣкомъ вполнѣ справедливымъ, не идущимъ далѣе поддержанія законнаго порядка вещей; вездѣ онъ проводитъ мысль, что стоялъ за соглашеніе враждующихъ и своими совѣтами поддерживалъ умѣренность требованій Андроника Младшаго. Но эта маскировка не вездѣ ему удается; самыя витіеватыя рѣчи его, не говоря уже о ходѣ событій, указываютъ, что главнымъ вожакомъ всей междоусобной войны былъ именно Кантакузинъ. Касательно послѣдняго движенія

---

[1]) Григора (VIII, 3) говоритъ, что ужь съ самаго начала (1321 г.) многіе отказались принять новую формулу присяги, изъ которой было исключено имя Андроника Младшаго.

[2]) Greg. IX, c. 1.

[3]) Въ 1321 г. Θеодора Кантакузинъ ссужаетъ Андроника необходимою суммою для уплаты жалованья солдатамъ. Cantac. I, 28.

на Константинополь, съ цѣлью низверженія императора, есть несомнѣнное свидѣтельство, что оно произошло по настоянію Кантакузина [1]).

И такъ, вотъ гдѣ разгадка настойчивости, съ которою Андроникъ Старшій поддерживаетъ междоусобную войну. Не внука онъ боялся, а той сильной оппозиціи, которая, прикрываясь именемъ будто бы обижаемаго царевича, имѣла во главѣ такихъ даровитыхъ и ловкихъ честолюбцевъ, какъ Кантакузинъ. Онъ хорошо понималъ, что какъ онъ ни примиряйся съ Андроникомъ Младшимъ, недовольная имъ партія не уймется, пока за нимъ будетъ оставаться престолъ. Опасность лишиться престола постоянно стоитъ предъ нимъ и вотъ, въ видахъ самозащиты, онъ направляетъ удары на внука, подъ знаменемъ котораго только и могла болѣе свободно дѣйствовать оппозиція [2]).

Обращаясь къ самой войнѣ, мы не видимъ въ ней ужасовъ, которыми обыкновенно отличаются всѣ подобныя войны. Служа отчасти выраженіемъ недовольства народныхъ массъ противъ правительства, она тѣмъ не менѣе не представляетъ большихъ вооруженныхъ столкновеній. Только во второй войнѣ вожди императора Сиргіаннъ и Константинъ Деспотъ [3]) завязываютъ сраженія въ открытомъ полѣ и терпятъ неудачу; въ остальныхъ же двухъ военныя дѣйствія ограничиваются передвиженіемъ войскъ и болѣе или менѣе продолжительною осадой укрѣпленныхъ городовъ, которые затѣмъ, обыкновенно послѣ перевѣса оппозиціоной партіи надъ партіей императора, добровольно сдаются Андронику и Кантакузину, при чемъ императорскіе отряды, всегда небольшіе, обращаются въ бѣгство [4]). Слѣдовательно, здѣсь не было истребленія населенія массами, что̀ составляетъ главное зло всѣхъ междоусобныхъ войнъ. Тѣмъ не менѣе и эта война не могла обойдтись безъ бѣдствій. Постоянныя передвиженія войскъ по Ѳракіи и Македоніи были весьма разорительны для этихъ странъ; сбродная, отчасти наемная дружина Андроника Младшаго грабила елико возможно [5]). Недостатокъ денегъ для уплаты

---

[1]) Григора IX, 1. глухо говоритъ о замыслахъ партіи Андроника Младшаго окончательно исторгнуть власть у императора; Кантакузинъ также не скрываетъ своего подстрекательства, см. I, 50.

[2]) Что самъ императоръ ждалъ опасности именно отъ Кантакузина — показываетъ стремленіе его удалить отъ внука этого яраго приверженца посредствомъ назначенія его правителемъ въ Пелопоннисъ. Cant. I, 16.

[3]) Greg. VIII, c. 11.

[4]) Cantac. I. 54, 55, 56; Greg. IX. 4, 5.

[5]) *Parisot*, p. 48.

жалованья солдатамъ связывалъ руки Кантакузину, при всемъ его желаніи ограничить эти грабежи. Деморализація, неуваженіе къ власти вообще господствовали въ арміи Андроника Младшаго [1]). Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ разсказахъ Григоры о насиліяхъ, которымъ подвергались приверженцы императора и ихъ семьи въ разныхъ македонскихъ городахъ, какъ скоро въ нихъ вступали войска восторжествовавшей оппозиціи [2]). По вступленіи въ Константинополь, которое произошло безъ кровопролитія, черезъ соглашеніе съ тамошнею недовольною партіей, Андронику стоило большаго труда удерживать отъ грабежей и убійствъ своихъ солдатъ [3]) и вступившій съ нимъ 3,000 болгарскій отрядъ (который собственно былъ посланъ Михаиломъ на помощь дѣду, но вынужденъ былъ примкнуть къ внуку). Вмѣстѣ съ этимъ повсемѣстнымъ разореніемъ естественно наступилъ полный экономическій упадокъ вслѣдствіе пріостановки полевыхъ работъ и прекращенія торговли. Казна императорская также была истощена окончательно; кромѣ содержанія наемныхъ войскъ для защиты своей власти и удовлетворенія нуждъ имперіи, Андроникъ Старшій вынужденъ былъ еще отдавать значительныя суммы на содержаніе войска внука, которое должно было быть направлено противъ него же. Правда, онъ далеко не все выплачивалъ, но и то, что̀ уплатилъ, было очень чувствительно для истощенной его казны [4]).

Такимъ образомъ, переворотъ 22-го мая 1328 г. при всей его популярности не легко отозвался на положеніи имперіи. Посмотримъ теперь, что такое было новое правительство? На сколько оно успѣло поправить ошибки предыдущаго царствованія и чѣмъ загладило бѣдствія, вызванныя продолжительною междоусобицею?

Во главѣ правительства Андроника Младшаго сталъ, какъ и слѣдовало ожидать, Іоаннъ Кантакузинъ. Мы видѣли уже, что государственныя дѣла, требующія умственнаго труда, не располагали къ себѣ Андроника. Такъ и теперь, обезпечивъ свое положеніе, онъ продолжаетъ вести прежнюю веселую, хотя и не столь беззаботную жизнь [5]). Только дальнія охотничьи прогулки замѣнились частымъ

---

[1]) *Parisot*, p. 56.

[2]) *Parisot*, p. 79.

[3]) Greg., IX, c. 6; *Parisot*, 84.

[4]) *Parisot*, 62. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ долженъ былъ уплатить 405,000 зол. монетъ, а уплатилъ только 77,000.

[5]) Greg. XI, c. 11.

участіемъ его во внѣшнихъ войнахъ, которыми наполнено все его царствованіе; въ нихъ находила себѣ исходъ его горячая, охочая до сильныхъ впечатлѣній натура, и надо признаться, что какъ полководецъ, онъ дѣйствовалъ вообще довольно удачно, не рѣдко обнаруживая не одну беззавѣтную храбрость, но и нѣкоторую военную опытность. Бремя же внутренняго управленія, всѣ иностранныя дѣла лежали на Кантакузинѣ, человѣкѣ, которому Андроникъ былъ обязанъ возведеніемъ на престолъ, и къ которому несомнѣнно питалъ большое довѣріе. Облеченный не особенно громкимъ титуломъ „Великаго Доместика" (μέγας δομέστικος), Кантакузинъ все время остается первымъ человѣкомъ въ государствѣ. Всегда близкій къ императору, онъ вѣдаетъ всѣ дѣла, во все входитъ самъ, даже въ составленіе бумагъ, назначаетъ и смѣняетъ по своему усмотрѣнію чиновниковъ и военачальниковъ [1]). По видимому, первенствующее значеніе его въ государствѣ упрочено, желаніе власти удовлетворено, но Кантакузинъ не останавливается на достигнутой ступени. Сознавая свое умственное превосходство надъ обоими Андрониками, опираясь на родство своего дома съ Палеологами, на свои богатства и нравственное обаяніе, какъ представитель новой политической партіи, онъ стремится къ чему-то большему, чѣмъ званіе великаго доместика. Стремленіе это вполнѣ понятно; оно вытекаетъ изъ самаго положенія Кантакузина. Смотря на себя какъ на главнаго виновника новаго порядка вещей, онъ естественно желалъ удержать, какъ можно дольше, за собою власть, которую добровольно передалъ ему Андроникъ Младшій. Но съ самаго начала при дворѣ и вообще въ столицѣ обнаружились препятствія къ осуществленію такого желанія. Андроникъ Старшій, получившій особый дворецъ и значительное содержаніе, не переставалъ поднимать интриги [2]). Значительное число его приверженцевъ также оставалось въ Константинополѣ. Императрица Ксенія, мать Андроника, и Анна Савойская относились недоброжелательно къ „доместику", пользовавшемуся огромнымъ вліяніемъ у императора; наконецъ, оставались старые претенденты на престолъ, какъ Константинъ Деспотъ, Ѳеодоръ Монфератскій, деспотъ Димитрій, которые такъ, либо иначе могли дѣйствовать, если не противъ Андроника, то противъ его министра. При жизни императора онъ могъ еще на-

[1]) Cantac. II, 1, и во многихъ другихъ мѣстахъ; Greg. IX, c. 8.

[2]) *Parisot*, p. 85. Особенно интриги обнаружились въ битвѣ при Филокрени. Cantacuz. II, c. 8; Gregor. IX, c. 9.

дѣяться на сохраненіе своей власти, но въ случаѣ смерти его, кто могъ поручиться, что онъ не будетъ устраненъ, и что все не перейдетъ къ неспособнымъ Палеологамъ. Такъ представлялось дѣло Іоанну Кантакузину, и вотъ, желая обезпечить свои прежнія усилія, онъ задается мыслью, пользуясь настоящимъ своимъ положеніемъ, подготовить себѣ путь къ императорскому престолу или по крайней мѣрѣ къ полновластному регенству. Эта мысль занимаетъ его всѣ 13 лѣтъ царствованія Андроника; она является руководящею нитью всей его дѣятельности. Въ своихъ запискахъ онъ тщательно старается скрыть эти истинныя свои намѣренія, но не смотря на эту тщательность, они довольно ясно проглядываютъ тамъ и сямъ въ его риторикѣ, въ искусныхъ оправдательныхъ рѣчахъ, и только этимъ намѣреніемъ и объясняется та сѣть интригъ, которою онъ опутываетъ императора, дворъ и всѣхъ вообще вліятельныхъ и опасныхъ для себя людей. Интриги съ одной стороны вызываютъ отпоръ съ другой, завязывается подпольная борьба съ ея происками, взаимными подозрѣніями, рѣшительными мѣрами, которая ложилась тяжелымъ бременемъ на всѣ государственныя дѣла.

Важнѣйшею заботою Кантакузина было составить себѣ сильную партію. Для этого онъ поручаетъ всѣ высшія должности людямъ, въ преданности которыхъ не сомнѣвался, или такимъ, которые своимъ возвышеніемъ были обязаны единственно ему. Управленіе Константинополемъ получилъ его другъ протостраторъ Синаденъ [1]). Финансовыя дѣла ввѣряются Апокавку, человѣку низкаго происхожденія, сомнительнаго прошлаго, но способному на всякія интриги, даже какъ оказалось позже и противъ своего патрона. Съ этою же цѣлью Кантакузинъ старается привлечь на свою сторону Сиргіанна, ловкаго интригана, который измѣнилъ уже разъ Андронику Младшему и затѣмъ былъ обвиненъ въ заговорѣ и противъ Андроника Старшаго и содержался въ темницѣ. Теперь Кантакузинъ добивается освобожденія Сиргіанна и дѣлаетъ это такимъ образомъ, чтобы тотъ ясно почувствовалъ, кому онъ обязанъ этимъ благодѣяніемъ [2]). Затѣмъ и на патріаршій престолъ Кантакузинъ возводитъ не совсѣмъ чистымъ путемъ [3]) простаго священника Іоанна Апрійскаго, очевидно расчитывая имѣть въ немъ впослѣдствіи поддержку. Расчеты Кантакузина на всѣхъ этихъ лицъ не

---

[1]) Cantac. II, 1., Greg. IX. 8.
[2]) *Parisot*, 86.
[3]) Cant. II, c. 21.

видимѣ оправдались: Сиргіаннъ и Апокавкъ вскорѣ оказываются на сторонѣ его противниковъ; тѣмъ не менѣе путемъ покровительства и креатуръ онъ собираетъ вокругъ себя значительное число приверженцевъ, которые впослѣдствіи признаютъ за нимъ право наслѣдованія Андронику. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивается цѣлый рядъ охранительныхъ мѣръ. Въ началѣ 1330 г. императоръ опасно заболѣлъ; съ часа на часъ ждали его кончины. Между тѣмъ у него не было еще дѣтей; Анна оставалась беременною, слѣдовательно поднимался вопросъ: кто будетъ царствовать? Кантакузинъ пользуется моментомъ и при помощи своей матери Ѳеодоры, которая почти не отходила отъ постели больнаго, добивается того, что императоръ въ своемъ распоряженіи на случай смерти передаетъ верховную власть императрицѣ Аннѣ [1]) и сыну, если родится, а все управленіе вручаетъ Кантакузину. Сенаторы и всѣ должностныя лица немедленно же приносятъ присягу императрицѣ и великому доместику [2]). Мать Андроника, императрица Ксенія, которую еще раньше Кантакузинъ отослалъ подальше отъ двора въ Ѳессалонику, теперь распоряженіемъ императора окончательно отстранялась отъ участія въ управленіи. Чтобъ отнять у нея всякую возможность интриговать, онъ назначаетъ какъ бы для наблюденія за нею стратигомъ на западъ Сиргіанна, на преданность котораго онъ какъ показала дѣйствительность, ошибочно разчитывалъ [3]). Вообще болѣзнь императора даетъ ему случай развязать руки по отношенію къ тѣмъ, кого онъ считалъ наиболѣе опасными для своего вліянія. Андроникъ въ виду близкой смерти даетъ предписаніе освободить всѣхъ сторонниковъ прежняго императора, которые со времени занятія Константинополя содержались еще въ заключеніи [4]). Метохита, покровитель Григоры, дѣйствительно былъ освобожденъ [5]), но на сколько точно выполнено было распоряженіе Андроника относительно другихъ заключенниковъ, показываетъ поступокъ съ Константиномъ Деспотомъ. Чтобъ избавиться навсегда отъ этого несчастнаго претендента на византійскій престолъ, Кантакузинъ поспѣшилъ забросить его въ другую болѣе безо-

[1]) Greg. IX, 10.
[2]) Cantac. II, 15 p. 396.
[3]) Cp. *Parisot*, 105, 106.
[4]) Greg. IX. 10,
[5]) Greg. IX, 13.

пасную тюрьму, распустивъ слухъ, что онъ утонулъ въ рѣкѣ [1]. Старикъ императоръ также не могъ не безпокоить великаго доместика. Внукъ всегда относился къ нему съ почтеніемъ; онъ даже готовъ былъ признать его соправителемъ, еслибъ его не отговорилъ патріархъ Нифонтъ [2]. Кантакузинъ наружно также оказывалъ должное вниманіе Андронику Старшему [3], вѣроятно въ угоду Младшему. Но онъ никогда не переставалъ подозрѣвать его въ замыслахъ возвратить себѣ престолъ [4], энергически отговаривалъ императора отъ мысли уступить власть дѣду [5] и снисходительно смотрѣлъ на притѣсненія, которымъ подвергался прежній императоръ со стороны имъ поставленныхъ властей [6]. Въ томъ же 1330 г. Синаденъ принуждаетъ Андроника Старшаго принять монашество, но не довольствуясь и этою гарантіей, черезъ четыре дня заставляетъ его, уже слѣпаго старика, поставить два креста (вмѣсто подписи) на письменномъ удостовѣреніи, что онъ навсегда отказывается отъ престола [7]. Трудно допустить, чтобъ это насиліе было сдѣлано безъ вѣдома Кантакузина [8]. Синаденъ былъ ближайшій его другъ, и очевидно, только исполнялъ его приказанія. Моментъ былъ выбранъ удачный. Будь здоровъ императоръ, онъ не допустилъ бы подобной интриги; позднѣе, узнавъ о постриженіи дѣда, онъ, по свидѣтельству самого Кантакузина, былъ

---

[1]) Greg. IX, c. 10. Въ оправданіе своей жестокости Кантакузинъ приводитъ невѣроятный разказъ, будто друзья требовали отъ него убіенія деспота и въ случаѣ отказа грозили сами расправиться съ подозрительною личностью. Чтобы спасти ему жизнь онъ де и былъ вынужденъ поступить подобнымъ образомъ. Cant. II, c. 15.

[2]) Greg. IX, c. 7.

[3]) Ibidem. Vol. I. p. 432. Καντακούζηνος ἄχραντον διετήρησε λοιδορίας καὶ γνώμην καὶ γλῶσσαν καὶ ἦθος πρός τε τὸν βασιλέα καὶ ὅσοι τῆς προσούσης ἐξέπεσον δόξης.

[4]) Фактическое основаніе къ такому подозрѣнію могъ давать только несчастный исходъ Филокренской битвы. Ср. *Parisot*, p. 85.

[5]) Cant. II, 19, 20.

[6]) Greg. IX, 8.

[7]) Greg. IX, 10.

[8]) Cant. II, 16. (Vol. I p. 399) говоритъ, что Андроникъ добровольно надѣлъ монашескій клобукъ, но помимо приведеннаго свидѣтельства Григоры, которому нѣтъ основанія не вѣрить, соображенія, которыя онъ ему приписываетъ, ясно показываютъ, что у самого Кантакузина было намѣреніе такъ, либо иначе обезпечить себя со стороны Андроника: δεἰσας μὴ τελευτήσαντος αὐτοῦ (то-есть, Андроника Младшаго) νεωτερισθῇ τι περὶ αὐτὸν καὶ ὑπό τινων ἀποστερηθῇ τὸ ζῆν οἰησομένων ἐπιθήσεσθαι πάλιν τῇ ἀρχῇ Ῥωμαίων, ᾐτήσατο γενέσθαι μοναχός..

глубоко огорченъ [1]). Между тѣмъ болѣзнь Андроника получила благопріятный исходъ: вода изъ источника Богородицы окончательно возстановила его силы. Планы Кантакузина нѣсколько разстроились. Императоръ не сочувствовалъ нѣкоторымъ его распоряженіямъ [2]) и видимо [3]) становился къ нему холоднѣе, хотя по прежнему дорожилъ имъ какъ необходимымъ человѣкомъ. Онъ освобождаетъ Константина Деспота, но это освобожденіе болѣе не страшно для Кантакузина, потому что Константинъ, къ удивленію Андроника, теперь оказывается монахомъ Каллистомъ [4]). Въ 1335 г. этотъ претендентъ умираетъ [5]). Тремя годами раньше послѣдовала и кончина Андроника Старшаго [6]). Не долго пережила послѣдняго и императрица Ксенія [7]), но она успѣла послужить орудіемъ для новой внутренней смуты. Сиргіаннъ, назначенный въ 1331 г. начальникомъ войскъ въ западныхъ областяхъ имперіи, измѣняетъ Кантакузину, сближается съ Ксеніей, обѣщаетъ ей поддержать ея права на званіе правительницы, а та въ свою очередь усыновляетъ его. Солунцы даютъ ей присягу въ вѣрности [8]). Само собою разумѣется, что Сиргіаннъ имѣлъ въ виду не защиту устраненной императрицы, а свои личныя честолюбивыя цѣли [9]). Начался продолжительный процессъ. Видя невозможность избѣгнуть кары, Сиргіаннъ бѣжитъ въ Галату, затѣмъ на Евбею, къ Албанцамъ и наконецъ къ Сербскому кралю, Стефану Душану. У послѣдняго онъ нашелъ хорошій пріемъ, участвовалъ въ его войнѣ съ Византіей, наводитъ ужасъ на всю имперію, и наконецъ, падаетъ отъ руки убійцы—Франца Палеолога, подосланнаго Кантакузинымъ [10]). Это была не послѣдняя смута въ Византіи въ царствованіе Андроника Младшаго. Въ 1336 г. мы видѣли заговоръ Деспота Димитрія, а въ 1340 г. отголосокъ за-

---

[1]) Cant. II, c. 18, p. 414.

[2]) Ср. *Parisot*, p. 109.

[3]) Вопреки его собственнымъ, въ высшей степени приторнымъ, изліяніямъ о трогательной любви и привязанности къ нему императора. Ср. напримѣръ II, c. 16, 17.

[4]) Cant. II, c. 18.

[5]) *Parisot*, p. 121.

[6]) Greg. IX, 14; 13 февраля 1332 г.

[7]) Умерла въ августѣ 1333 г. *Parisot*, p. 119.

[8]) Greg. IX, 10.

[9]) Ср. *Parisot*, p. 122—125.

[10]) Cantac. II cc. 22, 23, 24: Greg. X. c. 7.

говора пелопоннисскаго стратига Франца, убійцы Сиргіанна. Причины, вызвавшія эти заговоры, недостаточно уясняются изъ указаній источниковъ. Несомнѣнно одно, что оба сопровождались участіемъ Латиновъ (въ первомъ Генуэзцы, во второмъ Каталонцы) и вытекали изъ общаго недовольства знати и придворныхъ интригъ, въ которыхъ соперничали между собою партіи Кантакузиновъ и Палеологовъ [1]).

Приведенные выше факты достаточны для уясненія характера правительства Андроника Младшаго и задачъ его внутренней политики. Съ одной стороны передъ нами слабый, лишенный всякой самостоятельности императоръ, съ другой—всевластный доместикъ Іоаннъ Кантакузинъ, настойчиво преслѣдующій одну цѣль – подготовить себѣ дорогу къ царскому престолу. Эта подготовка ведется не всегда удачно. Она вызываетъ значительную оппозицію; дѣлается источникомъ смутъ, которыя имѣютъ иногда серьезный характеръ. Интриги, борьба партій—вотъ обстановка, при которой правятъ имперіей Андроникъ и Кантакузинъ. Во имя какой же идеи, какой новой политической программы идетъ послѣдній къ своей цѣли, не вполнѣ разбирая средства? На сколько онъ примиряетъ свои интересы съ интересами государства, другими словами, что̀ онъ дѣлаетъ для имперіи, для поддержанія ея существованія? Отвѣты на эти вопросы требуютъ разсмотрѣнія внѣшнихъ событій царствованія Андроника Младшаго; но прежде чѣмъ перейдти къ нимъ, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о политико-географическомъ положеніи, которое занимала имперія при вступленіи на престолъ Андроника Младшаго. Мы намѣрены отмѣтить границы имперіи и съ возможною полнотою начертить политическую карту остальной части греческаго міра, въ это время остававшейся за Латинами. Черезъ это передъ читателемъ сами собою выяснятся политическія задачи, которыя ставились историческимъ ходомъ событій передъ Андроникомъ III и Кантакузинымъ.

III.

Собираніе земель Византійской имперіи, съ возвращеніемъ Царьграда и отвоеваніемъ Лаконіи, въ концѣ царствованія Михаила Палеолога увѣнчалось весьма значительными успѣхами. Возстановленная имъ имперія, обнимая весь сѣверозападный уголъ Малой Азіи (Мизію,

---

[1]) *Parisot*, p. 129, 142.

Виѳинію, Пафлагонію, Фригію, Карію) [1]), Ѳракію, Македонію, часть Эпира и Ѳессаліи, нѣсколько ближайшихъ къ материку острововъ, все-таки не досчитывалась многаго, что̀ входило въ составъ государства Комниновъ (не говоря уже о болѣе славной эпохѣ); но и въ этихъ предѣлахъ самыхъ широкихъ, какія только она получаетъ въ послѣдній періодъ своего существованія, сохранялась она лишь въ царствованіе своего дѣятельнаго возстановителя, такъ что Михаилъ Палеологъ, въ этомъ отношеніи, былъ первый и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній могущественный императоръ возобновленной Византіи. Борьба съ Латинами ведется и послѣ него не безъ успѣха: византійскія владѣнія по частямъ вырываются у Латиновъ и соединяются съ своимъ естественнымъ центромъ; ни рядомъ съ этими пріобрѣтеніями, весьма незначительными, происходятъ въ гораздо большихъ размѣрахъ утраты недавно объединенной территоріи. Эти утраты начинаются еще при Михаилѣ Палеологѣ, а при его преемникѣ Андроникѣ II подъ натискомъ новыхъ завоевателей исчезаютъ цѣлыя провинціи.

Съ переѣздомъ императора изъ Никеи въ Царьградъ, заботы и вниманіе правительства естественно остановились преимущественно на западныхъ областяхъ, гдѣ предстояло, съ одной стороны, продолжать дальнѣйшее освобожденіе собственно греческихъ земель, а съ другой оборонять то, что̀ уже было отвоевано. Политическая недальновидность преемника Михаила Палеолога и истощеніе матеріальныхъ силъ имперіи вслѣдствіе продолжительной борьбы также объясняютъ, почему малоазіатскія провинціи были оставлены въ пренебреженіи. Между тѣмъ здѣсь, на востокѣ, совершался важный историческій переворотъ, получившій впослѣдствіи огромное значеніе не для одной Византіи. Царство Сельджуковъ, ослабленное нашествіемъ Монголовъ, около 1280 года окончательно распалось. Но на развалинахъ его съ необычайною быстротою возникаетъ цѣлый рядъ небольшихъ, независимыхъ одно отъ другаго эмирствъ [2]). Процессъ ихъ образо-

---

[1]) Ducas, c. II, прибавляетъ къ этимъ еще καὶ μερὸς κιλικίας, но это едва ли вѣрно.

[2]) Важнѣйшихъ было десять: Названія эмирствъ по именамъ основателей ихъ суть слѣдующія: *Караси*—въ Мизіи (вскорѣ распростр. и на Пергамъ), *Саруханъ* въ Магнезіи, эмирство *Аидина*—въ Лидіи; *Ментеске*—въ Каріи (ур. Меандра; потомъ надъ островами: Карпаѳосъ, Родосъ и Самосъ), *Хамидъ*—въ Писидіи и Лидіи; *Керміанъ*—въ Фригіи и Ликаоніи; *Текке*—въ Ликіи и Памфиліи; *Караманъ-Оглу*—въ прежнемъ Иконійскомъ султанствѣ, эмирство *сыновей Амурбега и Исфенджара*—въ Пафлагоніи; *Хази-Челеби*—въ области Кастамоніи. Niceph. Gregoras. 1.

ванія, а равно и дальнѣйшая ихъ исторія за недостаткомъ данныхъ остаются не разъясненными [1]). Извѣстно только, что въ началѣ XIV в. многія изъ нихъ достигаютъ значительной силы, распространяются на счетъ областей прежней Никейской имперіи [2]), и занявъ весь западный берегъ Малой Азіи, высылаютъ значительные отряды морскихъ удальцевъ, которые наносятъ не малый вредъ островамъ, подвластнымъ Латинамъ и заплываютъ даже къ Пелопоннису и берегамъ Ѳракіи. Особенно опасны были для византійскихъ областей эмирства: Караси, Керміанъ, Саруханъ и Аидинъ. Противъ нихъ-то и призваны были Каталонцы, причинившіе столько бѣдъ Балканскому полуострову и вмѣсто защиты отъ Турокъ открывшіе имъ дорогу въ Европу. Отнимая городъ за городомъ, воинственные турецкіе эмиры Керміанъ и Караси оттѣсняютъ Ромеевъ все далѣе на сѣверъ изъ Лидіи, Фригіи и Мизіи и къ 1328 г. оставляютъ имъ въ послѣдней лишь узкую береговую полосу [3]). Въ то же время большая опасность грозила Виѳиніи. Въ самый годъ смерти Михаила Палеолога на границѣ этой области, близъ Дорилея [4]), являются первыя поселенія орды Турецкаго племени Охузовъ, пришедшей подъ начальствомъ Эртогрула изъ глубины азіатскихъ степей на службу къ Сельджукскому султану Алаэддину противъ Монголовъ, а съ распаденіемъ

VII, c. I; Ducas, c. II; Chalcocondylas l. I, p. 15. (Ed. Bonn.) — *Zinkeisen*, Geschichte des Osmanischen Reiches, 1840. Th. I, p. 56; *Hertzberg*, Geschichte Griechenlands. 1877. Th. II, p. 182; *Spruner's* Hand-Atlas für die Geschichte des Mittelalters und der neueren Zeit, dritte Auflage neu bearbeitet von Dr. Th. *Menke*. Gotha, 1878. 19-te Lieferung.

[1]) *Hopf*, Griechenland im Mittelalter въ Allgemeine Encyclopedie v. *Ersch* u. *Gruber*. 1-te Serie. Bd. 85. p. 379; *Zinkeisen*, p. 55.

[2]) Georg. Pachymeres, Andronic. IV, c. 24, 29; VI, c. 17; *Hopf*, p. 422, *Zinkeisen*, p. 90.

[3]) Григора (V, c. 5) относитъ уже къ послѣднимъ годамъ царствованія Михаила Палеолога завоеваніе Турками всей страны «отъ моря Понтійскаго и Галатскаго до моря, омывающаго Ликію и Карію и до р. Евримедонта». Едва ли это вѣрно. Начинается движеніе сельджукскихъ эмировъ дѣйствительно около 1280 г. (ср. Pachym. Michael Paleol. VI, 29), но вполнѣ развилось оно и достигло указанныхъ размѣровъ только при Андроникѣ. Если и справедливо, что Михаилу Палеологу приходилось оборонять долину р. Меандра, то она при немъ не была еще потеряна. По свидѣтельству того же Григоры (VI, c. 8), въ первую половину царствованія Андроника, въ 1294 г., владѣнія Византіи въ Азіи простирались до р. Меандра.

[4]) *Zinkeisen*, p. 62.

Сельджукскаго царства задумавшей образованіе самостоятельнаго ханства. Даровитый сынъ Эртогрула Османъ (1288—1326 гг.) взятіемъ въ 1289 г. Караджахиссара (Меланген) началъ завоеваніе византійской Виѳиніи. Благодаря его личнымъ качествамъ умнаго правителя и хорошаго вождя и безпомощному положенію византійскихъ стратиговъ и архонтовъ, которымъ ввѣрено было управленіе несчастными провинціями, вся страна по лѣвому берегу р. Сангари постепенно переходитъ во власть новыхъ турецкихъ завоевателей. Въ 1326 г. сдалась послѣ продолжительной осады Бруcса [1]). Преемникъ Османа, Орханъ, дѣлаетъ ее столицею своего ханства. Такимъ образомъ, къ 1328 г. всѣ владѣнія имперіи въ Малой Азіи состояли изъ сѣверной части Мизіи и Виѳиніи, то-есть узкой полосы по южному берегу Мраморнаго моря и полуострова, примыкающаго къ Босфору. Никея и Никомидія остаются здѣсь послѣдними опорными пунктами владычества Ромеевъ. Кромѣ того, какъ острова среди турецкаго моря, долго еще держались византійскія крѣпости съ небольшими округами:—Гераклея и Амастрида въ эмирствѣ сыновей Амурбега и Исфенджара (въ прежней Пафлагоніи), Филадельфія между эмирствами Керміана, Сарухана и Аидина и Фокея въ эмирствѣ Сарухана. Въ это время Турки не умѣли еще брать крѣпостей. Это обстоятельство и сохраняло еще нѣкоторое время за Византіей нѣсколько пунктовъ въ Малой Азіи.

Въ европейскихъ владѣніяхъ имперіи въ царствованіе Андроника Старшаго не произошло существенныхъ перемѣнъ. При вступленіи Андроника Младшаго они обнимали всю Ѳракію и Родопію (граница съ Болгаріей по линіи отъ Совополя къ Филипполю и верховьямъ р. Неста), южную Македонію съ Сересомъ, Солунью и Херсонисомъ Ѳракійскимъ (граница съ Сербіей—по линіи: Мельникъ-Струмница—Охридское озеро) и Ботіэю съ Верріею, Пидною, Платомономъ, Островомъ. Затѣмъ, далѣе на западъ въ Албаніи, Эпирѣ и Ѳессаліи (герцогствѣ Влахіи) власть имперіи въ это время признается только отчасти и не вездѣ одинаково. Албанскія горныя племена въ началѣ XIV в. спускаются съ своихъ неприступныхъ горъ, подчиняютъ себѣ населеніе долинъ и, пользуясь смутнымъ положеніемъ дѣлъ почти на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, управляются независимо своими вож-

---

[1]) Gregor. VIII, c. 15; другіе источники о расширеніи Османскаго царства при Османѣ см. *Zinkeisen*, p. 77—96.

дами [1]). Они начинают даже наступательное движение изъ предѣловъ своей коренной страны; въ 20-хъ годахъ XIV в. значительныя массы Албанцевъ устремляются въ Өессалію [2]), гдѣ опять-таки устроиваются независимыми общинами. Между тѣмъ притязанія на господство въ Албаніи предъявляются съ нѣсколькихъ сторонъ. Сербское княжество, уже при Милутинѣ покорившее сѣверную Албанію, при Стефанѣ Дечанскомъ стремится овладѣть и южною. Соперниками Сербскимъ князьямъ выступаютъ, кромѣ Византійскаго императора, Анжуйскіе герцоги, съ 1267 г. старающіеся о созданіи своего государства на восточномъ берегу Адріатики. Въ послѣдніе годы царствованія Андроника Старшаго, могущество Анжуйцевъ, достигшее было значительной степени, ослабѣваетъ. Деспотъ Эпирскій Іоаннъ (Джіовани), послѣдній представитель династіи Ангело-Комниновъ въ Эпирѣ, со всѣхъ сторонъ стѣсняетъ намѣстника Филиппа Тарентскаго. Драчъ (Дирахій), Корфу и Лепанто остаются единственными на Балканскомъ полуостровѣ [3]) пунктами неапольскаго владычества. Но во вліяніи на Албанію Іоаннъ все же долженъ былъ уступить императору. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ въ Валлонѣ [4]), уже съ первыхъ годовъ XIII в. сидѣли греческіе владѣтели, признававшіе верховную власть императора; въ другихъ были византійскіе стратиги (Касторія, Старидола и др.). Тѣ и другіе, конечно, вліяли на подчиненіе Албанцевъ имперіи. Андроникъ Младшій, въ послѣдній годъ войны съ дѣдомъ, участвуя лично въ походѣ въ западныя провинціи, еще болѣе утвердилъ это вліяніе [5]). Самъ Іоаннъ, сосредоточивавшій въ своихъ рукахъ власть надъ Эпиромъ, Акарнаніей, Өтоліей и островами: Закинөомъ, Кефалоніей, Левкадой и Итакою, долженъ былъ признать верховную власть Ромеевъ и уступить Янину Андронику. Въ части Өессаліи или Великой Влахіи около 1328 г. мы также видимъ подобную номинальную зависимость отъ имперіи.

---

[1]) Страна такъ-называемыхъ независимыхъ Албанцевъ—занимала большую часть средней Албаніи. Границы ея можно опредѣлить приблизительно такъ: р. Шкумбъ, Охридское озеро и города: Касторія, Старидола, Стаги, Малакаси, Погоніана, Клисура, Канина (самые города, разумѣется, имъ не принадлежали). Cantac., Vol. I, p. 279, 450; *Hahn*, Albanesische Studien, p. 315; *Spruner-Menke*, Historischer Atlas. Karte. 88.

[2]) Cantac., Vol. I, p. 474; *Hopf*, p. 422.

[3]) *Hopf*, p. 427.

[4]) Ibidem, p. 428.

[5]) Cantac., I, cc. 54—55, Vol. I, p. 279—280. Ему подчинились Албанцы, жившіе въ Деволѣ, Колоніи и близъ Охриды.

Въ 1318 г. умеръ бездѣтный севастократоръ Іоаннъ II, послѣдній представитель побочной линіи Эпирской династіи Ангеловъ. Женатый на незаконной дочери Андроника Старшаго, онъ признавалъ зависимость Византіи. Съ его смертью страну постигла полная анархія. Андроникъ старается поддержать права своей дочери; а сильные ѳессалійскіе архонты добиваются частной самостоятельности. Внутренними смутами пользуются Каталонцы и въ 1319—1324 г. намѣстникъ Аѳинскаго герцога Альфонсъ завладѣваетъ южною лучшею частью Ѳессаліи съ ея столицею Новыми Патрами [1]. Остальную половину раздѣлили архонты Ангеловъ и предводители только что вторгшихся въ долины Ѳессаліи албанскихъ бандъ. Нѣкоторые изъ этихъ архонтовъ, какъ видно изъ хроникъ, признали потомъ власть имперіи. Это были архонтъ Трикалы и Касторіи, владѣтель укрѣпленія Николо де-Христіани у р. Пенея, и могущественный архонтъ Фокиды Гавріилъ Меллисенъ, впослѣдствіи владѣвшій значительною частью Ѳессаліи [2]. Такимъ образомъ, границы имперіи со стороны сѣверной Греціи въ данное время были весьма неопредѣленны. Объединительная миссія Палеологовъ подвигается и въ этомъ направленіи, но довольно медленно. Ни Албанія, ни Эпиръ, ни Ѳессалія не составляютъ одного цѣлаго съ имперіей. Изъ всѣхъ трехъ земель Андроникъ Младшій, вступая на престолъ, застаетъ въ наиболѣе фактическомъ подчиненіи Византіи лишь первую.

Въ Пелопоннисѣ владѣнія имперіи къ этому времени значительно расширились. Результатомъ 60-ти лѣтней борьбы грекославянскаго населенія полуострова съ Франками было присоединеніе къ отвоеванной при Михаилѣ Палеологѣ Лаконіи другой провинціи—Аркадіи (у Франковъ — Скорта) съ крѣпостями: Аковой, Каритеной и Матагрифономъ [3].

Этими областями и ограничивалась имперія на материкѣ Балканскаго полуострова. Вся остальная часть средней Греціи и Пелопонниса оставалась еще за Латинами, которые имѣли здѣсь два сильныя герцогства. Созданіе Каталонцевъ, Аѳинское герцогство, занимало

---

[1]) Завоеваны слѣдующіе города, кромѣ Новыхъ Патръ: Лидорикій, Сидерокастро, Цейтунъ, Гардики, Домокъ и Фарсалъ. *Hopf*, p. 422.

[2]) *Hopf*, ibidem. Кромѣ этихъ, можетъ быть, были и другіе.

[3]) Окончательное завоеваніе этихъ областей произошло въ 1320 г., когда византійскимъ стратигомъ въ Мизиѳрѣ былъ Андроникъ Асанъ Палеологъ (1316—1321 гг.); *Hopf*, p. 405.

Аттику, Віотію, Фокиду и часть Локръ и подъ управленіемъ умнаго и энергическаго Альфонса Фадрикэ распространялось уже въ Θессаліи и на островѣ Евбеѣ (присоединеніе Кариста въ 1318 году) [1]. Изъ двухъ маленькихъ графствъ—послѣднихъ остатковъ франкскихъ владѣній въ средней Элладѣ—Бодоницѣ постоянно грозитъ завоеваніе Каталонцами; а Салона перешла къ одному изъ главныхъ вождей каталонской дружины Рожеру Делору (Roger Deslaur въ 1311 г.) [2]. Герцогство Ахаія при всѣхъ территоріальныхъ потеряхъ, которымъ подвергалось съ прекращеніемъ славнаго царствованія Вильгардуэновъ, все-таки владѣло большею частью полуострова: Мессеніей, Элидой и Ахаіей съ Коринѳомъ. Кромѣ византійскихъ владѣній, югозападная оконечность Пелопонниса съ городами Модоною и Корономъ принадлежала Венеціи, а въ Арголидѣ (въ Велигошти, Халандрицѣ и Дамалѣ) въ 30-хъ годахъ XIV столѣтія утверждаются генуэзскія фамиліи (Цаккари) [3]. Каждое изъ этихъ герцогствъ находилось подъ сюзеренствомъ сильныхъ западныхъ государей. Король Сициліи Фридрихъ Аррагонскій въ 1312 году принялъ подъ свое покровительство Аѳинское герцогство, основанное прежними его дружинниками. Сыновья его—Манфредъ (1312—1317 гг.) и Вильгельмъ II (1317—1338 гг.) одинъ за другимъ носили титулъ герцоговъ Аѳинскихъ. За малолѣтствомъ послѣдняго, въ 1328 году правилъ герцогствомъ любимый Каталонцами незаконный сынъ короля Фридриха (1417—1330 г.) Альфонсъ Фадрикэ [4]. Не менѣе могущественный защитникъ стоялъ и надъ герцогствомъ Ахаіей. Въ 1267 году Балдуинъ II, послѣдній Франкскій императоръ въ Царьградѣ, по договору въ Витербо передалъ Неапольскому королю Карлу I право на верховную лённую власть надъ всѣми франкскими владѣніями въ прежней Латинской имперіи, выговоривъ себѣ только Константинополь и нѣсколько острововъ, для завоеванія которыхъ отъ Ромеевъ ему долженъ былъ оказать помощь Карлъ [5]. Съ этого времени Анжуйская королевская фамилія старается и фактически пріобрѣсть для себя земли на Балканскомъ полуостровѣ. Постепенно она утверждается въ Эпирѣ и Пелопоннисѣ. При вступленіи на престолъ

---

[1] *Hopf*, p. 415.
[2] Ibid., p. 410, 413.
[3] Ibid., p. 395.
[4] Ibid., p. 412 и слѣд.
[5] Ibid., p. 261, 290.

Андроника Младшаго верховнымъ государемъ Ахаіи былъ братъ Неапольскаго короля Роберта Анжуйскаго, Филиппъ Тарентскій, владѣтель части Эпира [1]), правителемъ же, съ титуломъ герцога, другой младшій его братъ Іоаннъ Гравина (1318—1338 гг.). Опираясь на Роберта, владѣя значительною территоріею, Филиппъ Тарентскій постоянно стремится къ дальнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ, питаетъ самые честолюбивые замыслы. Въ 1313 году, [2]) онъ вступилъ въ бракъ съ Катериною II Валуа, послѣднею отраслью франкскаго императорскаго дома Куртенэ, и вмѣстѣ съ этимъ принялъ на себя права и обязанности фиктивнаго императора Романіи [3]). Съ такою грозною силою приходилось еще считаться возстановленной Византіи. Къ счастью для послѣдней оба герцогства не могли быть единодушны въ своей борьбѣ съ греко-славянскимъ міромъ. Царствовавшія въ нихъ династіи, Анжуйцы и Аррагонцы, какъ извѣстно, были непримиримые враги между собою. Вражда, начавшаяся за господство въ южной Италіи, была перенесена ими въ Грецію. И здѣсь ахайскіе Французы ненавидѣли аѳинскихъ Испанцевъ и на-оборотъ. Въ разсматриваемое нами время Каталонцы были матеріально сильнѣе Французовъ и грозили отнятіемъ у нихъ сѣверо-восточной части Пелопонниса, составлявшей прежде лёнъ Аѳинскихъ герцоговъ Де-ла-Рошъ. Такимъ образомъ византійскому правительству представлялся удобный случай пользоваться этою взаимною ненавистью Латиновъ въ интересахъ имперіи.

Въ Эгейскомъ морѣ и владѣнія, и значеніе Византіи были весьма ограниченны. Изъ многочисленныхъ острововъ Архипелага ей принадлежали только прилегающіе къ Ѳракіи и сѣверозападному берегу Малой Азіи, именно: Ѳазосъ (съ 1313 г.), Самоѳракія, Имбросъ, Лемносъ, (съ 1276 г.) Тенедосъ и Лесбосъ [4]). Все остальное оставалось

---

[1]) Въ первый разъ Филиппъ Тарентскій былъ непосредственнымъ владѣтелемъ Ахаіи съ 1307 по 1313 г. Затѣмъ она перешла къ Бургундскому дому (Лудовикъ Бургундскій 1313—1316 г.; вдова его—Матильда Хеннегау была выдана насильно Неапольскимъ королемъ за Іоанна Гравину), притязанія котораго на герцогство Филиппъ пріобрѣлъ путемъ денегъ и брачнаго союза (1321 г.). *Hertzberg*, Gesch. Griech., II p. 255.

[2]) *Hopf*. p. 397.

[3]) Возвращеніе Константинополя онъ ставитъ задачею своей жизни, для осуществленія ея онъ не останавливается передъ средствами; но всѣ планы и попытки его рушатся.

[4]) G. Pachymer II, p. 558 (Ed. Bonn.).

еще за Латинами. Славныя завоеванія части Евбеи и Кикладскихъ острововъ, совершенныя доблестнымъ адмираломъ Михаила Палеолога Ликаріемъ (1276 г.), при Андроникѣ Старшемъ были всѣ утрачены (въ 1296—1300 годахъ). Могущественное вліяніе и въ этой части Средиземнаго моря принадлежало Венеціи. При дѣлежѣ 1204 года она получила право на самую большую и важнѣйшую часть имперіи, но за недостаткомъ средствъ не могла вполнѣ утвердить ее за собою. Непосредственно, какъ колоніи, ей принадлежали Негропонтъ [1]) (Евбея) и Критъ. Здѣсь сидѣли ея баилы. Кикладскіе же острова управлялялись независимо разными венеціанскими фамиліями, завоевавшими ихъ вскорѣ послѣ паденія Царьграда (1207 г.), подъ покровительствомъ своей митрополіи. Самый сильный между ними былъ домъ Санудо, владѣвшій герцогствомъ Наксо (острова: Наксосъ, Андросъ, Паросъ, Фермія, Мелосъ и Аморгосъ—съ 1309 года) и, претендовавшій на ленную власть надъ прочими Кикладскими островами. Затѣмъ наиболѣе извѣстны были герцоги: Хизи (Ghisi) надъ группой острововъ: Тиносъ, Миконосъ, Скиросъ, Скіаѳосъ и Скопелосъ; Квирини на о. Астипаліи; Бароцци на островахъ Санторини и Теразіи; Михіэли и Джустиніани на остр. Кеосѣ и Серифѣ; Коронья на остр. Симфосъ и Анафѣ (съ 1307 г.); Корнаро на о. Скарпато (Κάρπαθος) (съ 1306 г.) Віари на о. Чериготто; Венири—на о. Чериго (Киѳара) [2]). Независимые во внутреннемъ управленіи, всѣ эти маленькіе герцоги въ разсматриваемое нами время стояли въ тѣсной политической связи съ Венеціей. Съ изгнаніемъ Балдуина II изъ Константинополя и переходомъ правъ на фиктивную Латинскую имперію къ Неапольскимъ королямъ, занятымъ исключительно дѣлами на материкѣ, они чувствовали себя слабыми для борьбы съ Греками, Турками и Генуэзцами, искали покровительства и поддержки у сильной своей митрополіи, и мало по малу привыкли видѣть въ республикѣ своего верховнаго государя [3]). Такимъ образомъ положеніе Венеціи на Эгейскомъ морѣ было весьма прочно и открывало ей путь къ дальнѣйшему усиленію ея могу-

[1]) Здѣсь, какъ мы видѣли, стремились утвердиться и Каталонцы.

[2]) *Hertzberg*, pp. 69, 70, 217—219. Подробности и исторія всѣхъ этихъ венеціанскихъ владѣній какъ въ цитованномъ сочиненіи Хопфа, такъ и въ другихъ спеціальныхъ его трудахъ: «Geschichte der Insel Andros (*Sitzungsberichten der historisch-philologischen Klasse der Wiener Akademie*. 1855, Bd. 16), и Veneto-byzantinische Analekten (Ibid. 1859. Bd. 32).

[3]) *Heyd*, Le colonie commerciali degli Italiani in Oriente nel medio evo. Venezia e Torino. 1866, Vol. 1, p. 367.

щества [1]). Обладая позиціями въ Модонѣ и Коронѣ, на Евбеѣ и Критѣ, она держала въ своихъ рукахъ всю торговлю между Греціей и островами, Сиріей и Египтомъ съ одной стороны, и государствами запада съ другой, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла огромное вліяніе на ходъ событій въ процессѣ знаменательной борьбы возстановленной византійской имперіи съ остатками латинскаго господства. Небольшая Византійская колонія съ подестою была и въ самомъ Константинополѣ. Но здѣсь и вообще въ сѣверной части Архипелага и въ Мраморномъ морѣ первенствующая роль принадлежала не Венеціи, а постоянному ея сопернику—Генуѣ. Господство Венеціанцевъ на Босфорѣ пало, какъ извѣстно, одновременно съ паденіемъ Латинской имперіи, когда войска Стратегопуло, вступивъ побѣдоносно въ Царьградъ, разрушили до основанія венеціанскія колоніи. Генуезцы, хотя и не поспѣли съ своимъ флотомъ на помощь полководцу Михаила Палеолога, однако получили все, что̀ было имъ обѣщано по заключенному предварительно союзному договору [2]). Имъ былъ предоставленъ цѣлый рядъ колоній въ разныхъ частяхъ имперіи, освобожденіе отъ пошлинъ, монополія торговаго плаванія по Мраморному и Черному морямъ и другія торговыя льготы. Вскорѣ [3]) императоръ убѣдился, что Генуэзцы—плохіе союзники имперіи, и ограничилъ ихъ вліяніе допущеніемъ и Венеціи къ торговлѣ съ имперіей. Видя въ той и другой республикахъ хитрыхъ враговъ Византіи, тайно стремящихся передать ее снова въ руки латинства, этотъ мудрый государь старался во все свое царствованіе не допускать исключительнаго вліянія въ имперіи какой-либо одной, и заключая политическіе и торговые союзы то съ тою, то съ другою, постоянно поддерживалъ между ними антагонизмъ. Тѣмъ не менѣе и безъ того грозное положеніе Венеціи въ Архипелагѣ, стремленіе ея къ дальнѣйшимъ

---

[1]) Такъ, въ 1325 г., въ виду завоеваній Каталонцевъ въ южной Θессаліи, республика добивается отъ императора Андроника уступки беззащитнаго порта *Птелліона* (при входѣ въ заливъ Воло), который оставался за Венеціей до 1470 г., то-есть до уничтоженія Турками господства Италіанцевъ на Балканскомъ полуостровѣ. См. *Heyd*, I, p. 349.—ссылки на Sanuto, Ep. III (Appendice ai secreta fidelium crucis).

[2]) Договоръ заключенъ въ Нимфеи (Νιμφαίῳ) въ Лидіи 13 марта 1261 г., Aeropolita p. 80 (Ed. Bonn), Gregor. vol. I, p. 50.

[3]) Уже въ 1264 г. онъ былъ извѣщенъ о переговорахъ генуезскаго подесты съ Сицилійскимъ королемъ Манфредомъ, цѣлью которыхъ было возвращеніе Константинополя Латинамъ; см. Pach. I, p. 168; *Heyd*, p. 322.

захватамъ, большая опасность составляемыхъ ею плановъ возвращенія Константинополя [1]), все же заставляли его оказывать болѣе преимущества Генуэзцамъ; благодаря этому, торговля послѣднихъ получила быстрое развитіе и взяла перевѣсъ надъ венеціанскою. Важнѣйшимъ залогомъ процвѣтанія Генуи на Босфорѣ было обладаніе ею однимъ изъ лучшихъ предмѣстій Константинополя — Галатою. Уступая (1367 г.) [2]) эту превосходную гавань въ полное распоряженіе колонистовъ, Михаилъ Палеологъ запретилъ укрѣплять ее стѣнами, рвами и т. п. Онъ хорошо понималъ опасность для Византіи полнаго обособленія этой колоніи и во все послѣдующее время своего царствованія не дозволялъ Генуэзцамъ переходить границы дарованныхъ имъ важныхъ привиллегій [3]). Андроникъ II Старшій и въ этомъ отношеніи не былъ вѣренъ вполнѣ политикѣ отца. Не сумѣвъ отстоять отъ притязаній Венеціи завоеванія Ликарія, онъ допустилъ и другую политическую ошибку, имѣвшую роковое значеніе для имперіи. При немъ Галата преобразуется въ независимый, укрѣпленный генуэзскій городъ [4]). Угрожаемые нападеніями Каталонцевъ и Венеціанцевъ (отъ которыхъ дѣйствительно сильно пострадала Галата въ 1296 г.), Генуэзцы выпросили у императора позволеніе обнести Галату стѣной и рвомъ и въ 1308 г. принялись дѣятельно за постройку укрѣпленій. Такимъ образомъ, незамѣтно рядомъ съ право-

---

[1]) Вѣрная исполнительница папскихъ приказаній—Венеція въ царствованіе Михаила два раза заключала союзъ съ Карломъ Анжуйскимъ для общаго похода на Византію. Въ первый разъ въ 1273 г. начатые Михаиломъ переговоры съ папой о соединеніи церквей помѣшали осуществленію этого договора. Greg. I, p. 124 и Dandolo, p. 382, 388. Вскорѣ папа (Мартинъ IV), разувѣрившійся въ искренности намѣреній Михаила Палеолога, проповѣдуетъ новый походъ противъ греческаго схизматика и 3-го іюля 1281 г. въ Орвіетто опять заключенъ союзъ между Венеціею и Неапольскимъ королемъ. На этотъ разъ всѣ приготовленія къ походу были разстроены извѣстною Сицилійскою вечернею. *Tafel* u. *Thomas.*, Urkunden zur älteren Handels-und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante. Wien. 1856—1857, III, p. 287—308.). Въ послѣдующее царствованіе, въ 1307 г. Венеція въ союзѣ съ Карломъ де Валуа, женатымъ на племянницѣ Балдуина II, еще разъ замышляетъ походъ на Византію, также не состоявшійся. *Heyd*, I, p. 344.

[2]) Свидѣтельство Григоры, I, стр. 979, объ уступкѣ Галаты Генуэзцамъ, немедленно послѣ занятія Константинополя, то-есть въ 1261 г., невѣрно. Ср. *Heyd*, I, p. 329 примѣч.

[3]) *Heyd*, I, p. 338.

[4]) Исторія Галаты въ сочин. *Ludov. Sauli*: Della colonia dei Genovesi in Galata. Torino 1831 г. и въ общихъ чертахъ въ цитованномъ сочиненіи *Хейда*.

славнымъ Царьградомъ возникъ небольшой, но хорошо укрѣпленный латинскій городокъ съ генуэзскимъ подестою [1]), съ своимъ республиканскимъ устройствомъ, съ латинскими церквами и монастырями. Теперь Генуя помимо торговаго пріобрѣтаетъ большое политическое значеніе въ имперіи. Ничтожность греческаго флота, доведеннаго до полнаго минимума при Андроникѣ [2]), и необходимость—вслѣдствіе опустошеній Өракіи и Македоніи Каталонцами и Турками—получать хлѣбъ и другіе предметы потребленія моремъ, ставили Византію въ полную экономическую зависимость отъ генуэзскихъ купцовъ [3]). Въ виду стѣсненнаго положенія имперіи, ихъ заносчивость и притязательность достигли крайней степени, и при вступленіи на престолъ Андроника Младшаго Галата была какъ бы государствомъ въ государствѣ: авторитетъ императора для нея не существовалъ. Это былъ живой наростъ у самаго сердца раздираемой со всѣхъ сторонъ имперіи. Кромѣ Галаты, мелкія торговыя колоніи Генуи были разсѣяны въ разныхъ частяхъ имперіи, какъ напримѣръ, на Лесбосѣ, въ Кассандріи, Херсонисѣ Таврическомъ, Корфу и друг. Но наиболѣе важны въ торговомъ отношеніи были два пункта, собственно не принадлежавшіе генуэзской общинѣ, но находившіеся подъ властью одной изъ могущественнѣйшихъ генуэзскихъ фамилій — Цаккари. Фамилія эта, породнившаяся съ Михаиломъ Палеологомъ, получила отъ него въ управленіе малоазійскій городъ Фокею [4]), окрестности котораго изобиловали дорогимъ минераломъ—квасцами. Опасность со стороны сельджукскаго эмира Саруханa заставила окрестныхъ жителей и новыхъ латинскихъ переселенцевъ выстроить близъ этого стариннаго города новую крѣпость, названную Новою Фокеею. Въ ней находили убѣжище отъ нападеній Турокъ и Греки, и Латины. Съ теченіемъ времени Цаккари, совершенно изолированные отъ имперіи, являются

---

[1]) Potestas Januensis in imperio Romaniae, Heyd I, p. 353. Онъ собственно былъ представителемъ интересовъ колоніи передъ императорскимъ правительствомъ и при дворѣ императора пользовался гораздо большимъ преимуществомъ и почетомъ, чѣмъ подеста венеціанскій и консулъ пизанскій.—Ibidem.

[2]) Pachym., II, p. 558. Жалобы Григоры на недостаточность флота: l. VI, cc. 3, 11.

[3]) *Heyd*, p. 373.

[4]) Съ утвержденіемъ Генуэзцевъ Фокея получила и италіанское имя Foglia или Folia (*Heyd*, I, p. 332). Исторія Фокеи подъ управленіемъ генуэзской фамиліи въ статьѣ *Хопфа*: Giustiniani (въ Allgemeine Encyclopedie v. *Ersch* и *Gruber*. Bd. 68).

почти независимыми владѣтелями, а Фокея все болѣе и болѣе заселяется генуэзскими колонистами, которые усердно занимаются добываніемъ квасцовъ. Въ 1304 г. Бенедиктъ Цаккари [1]), подъ предлогомъ защиты отъ Турокъ, выпросилъ у Андроника II управленіе о. Хіосомъ, пообѣщавъ выплачивать въ императорскую казну получаемые съ него доходы. Вскорѣ островъ также какъ Фокея сдѣлался собственностью Цаккари. Между тѣмъ Хіосъ былъ однимъ изъ плодороднѣйшихъ и доходнѣйшихъ островов на всемъ Архипелагѣ. Его рѣдкое вино и драгоцѣнная мастика (употреблявшаяся какъ благовонное и медицинское средство), вмѣстѣ съ фокейскими квасцами, сдѣлались выгодными продуктами генуэзской торговли [2]). Въ томъ же 1304 г., Бенедиктъ Цаккари захватилъ у Византійцевъ острова Самосъ и Кеосъ [3]). Въ 1325 г., 26-го мая, внукъ Бенедикта, Мартинъ Цаккари (сынъ преемника его Палеолога Цаккари) [4]), владѣтель Хіоса, Дамалы и Халандрицы, получилъ отъ Филиппа Тарентскаго (съ согласія жены его Катерины Валуа) титулъ деспота и короля Малой Азіи и островов Энуссы, Марморы, Тенедоса, Лесбоса, Хіоса, Самоса, Икаріи и Кеоса со всѣми правами и знаками королевскаго достоинства. За этотъ фиктивный титулъ Мартинъ долженъ былъ выставить ему вспомогательный отрядъ въ 500 человѣкъ для завоеванія Константинополя [5]).

Такимъ образомъ, на морѣ имперія находилась еще болѣе въ стѣсненномъ положеніи, чѣмъ на материкѣ. Трудно сказать — кто былъ для нея опаснѣе — Генуя или Венеція: каждому ея островку, каждому болѣе или менѣе значительному приморскому пункту одинаково угрожалъ захватъ въ той, или другой формѣ, со стороны обѣихъ всемірно-торговыхъ республикъ. И здѣсь, впрочемъ, было одно обстоятельство, благопріятное для Византіи. Антагонизмъ, царившій между Генуей и Венеціей во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ сталкивались ихъ интересы, не менѣе сильный, чѣмъ между Аррагонцами и Анжуйцами, указывалъ императорскому правительству средства для болѣе успѣшной борьбы и съ этими врагами. Михаилъ Палеологъ понималъ этотъ путь и умѣлъ имъ пользоваться. Андроникъ II ис-

[1]) *Heyd*, I, p. 359.
[2]) Ibid., I, p. 359—361.
[3]) *Hopf*, p. 372.
[4]) *Hopf*, Chroniques Grecoromaines, p. 502.
[5]) *Hopf*, Griechenland, p. 408.

портилъ начинанія своего предшественника. Внуку его и его соправителю Іоанну Кантакузину выпадала задача поправить испорченное.

Для заключенія географическаго обзора намъ остается еще упомянуть, что островъ Родосъ и другіе прилежащіе къ нему Спорадскіе острова (Калими, Симе, Леросъ, Телосъ, Халки) были потеряны для Византіи. Здѣсь утвердился (въ 1306—1309 гг.) изгнанный изъ Палестины орденъ Іоаннитовъ [1]). Отвоевавъ эти острова у сельджукскаго эмира Ментеске, іоаннитскіе рыцари и впослѣдствіи вели борьбу съ Турками и этимъ можетъ быть оказали большую услугу христіанскому міру; но въ первой половинѣ XIV в. завоеванія ихъ въ Эгейскомъ морѣ были новымъ ударомъ для Восточной имперіи. Событіе это означало приходъ подкрѣпленія къ врагамъ ея Латинамъ, и безъ того многочисленнымъ и сильнымъ, и дѣлало борьбу съ ними для нея еще болѣе трудною и неравною.

IV.

Трудная задача выпадала новому императору и его соправителю. Извнѣ имперіи грозили со всѣхъ сторонъ враги. Флота нѣтъ, войска недостаточно, да и то деморализовано междоусобіями предыдущаго царствованія; казна пуста, а внутри вездѣ и во всемъ упадокъ матеріальный и нравственный. Между тѣмъ нужно дѣйствовать для спасенія имперіи, и дѣйствовать неотложно. Андроникъ и Кантакузинъ вполнѣ поняли всю неотложность энергическихъ дѣйствій и стараются возстановить славныя преданія временъ Ласкариса и Михаила Палеолога. Дать отпоръ врагамъ, расширить предѣлы имперіи и поднять упавшее ея значеніе—вотъ цѣль войнъ, наполняющихъ все царствованіе Андроника. Изъ тринадцати лѣтъ его правленія нельзя указать ни одного года, когда не было бы войны. Почти всегда онъ самъ является во главѣ войска, обыкновенно сопровождаемый и руководимый Кантакузинымъ, и обнаруживаетъ храбрость и знанія военнаго дѣла. Съ своей стороны, они оба дѣлаютъ все возможное, и нельзя винить одно правительство, что эта продолжительная борьба, сопровождавшаяся успѣхами временными, непродолжительными, въ общемъ принесла слишкомъ мало для поддержанія въ дальнѣйшемъ существованія имперіи. Съ одной стороны зло, понесенное Византіей въ

---

[1]) *Hopf*, Griechenland im Mittelalter, p 393.

продолжительное царствованіе Андроника Старшаго, было трудно поправить сразу, а съ другой—вести борьбу одновременно съ многими врагами, при слабыхъ средствахъ, было не возможно.

Враждебныя дѣйствія начались прежде всего съ Болгарами. Неблаговидная посылка Михаиломъ болгарскимъ болгаро-татарскаго отряда на помощь Андронику Старшему дала поводъ къ непріязни между Андроникомъ Младшимъ и зятемъ его Михаиломъ. Уже въ 1328 г. Михаилъ переходитъ Балканы и опустошаетъ Ѳракію до Димотики и Адріанополя [1]). Императоръ мститъ ему тѣмъ же, грабитъ южную Болгарію и беретъ Ямволи (Diampolis) [2]). Этими взаимными грабежами дѣло и кончается. Вскорѣ родственники примиряются [3]). Въ 1330 г. въ войнѣ съ Сербіей, въ битвѣ при Вельбуждѣ Михаилъ палъ; Сербы возстановили на Терновскомъ престолѣ изгнанную Михаиломъ сестру своего краля Стефана Дечанскаго, царицу Анну, и ея сына Шишмана II, а вторая его жена, сестра Андроника, Ѳеодора, должна была спасаться бѣгствомъ. Наступившими смутами и думалъ воспользоваться императоръ. Какъ бы мстя за изгнаніе сестры, онъ овладѣваетъ, однимъ за другимъ, всѣми прибалканскими городами отъ Тунджи до моря (Ямволи, Розокастро, Ктенія, Айтосъ, Анхіалъ, Месемврія [4]). Но Андронику не удалось расширить предѣлы имперіи въ эту сторону. Въ 1331 г., послѣдовалъ новый переворотъ въ Болгаріи. Болгары свергли Анну и Шишмана и провозгласили царемъ племянника убитаго Михаила—Александра Страцимира. Породнившись съ Сербскимъ кралемъ и Волошскимъ воеводою Бассарабой, онъ совершаетъ удачный походъ на Византію и отнимаетъ почти всѣ утраченные прибалканскіе города [5]).

---

[1]) Greg. l. IX, c. 8.

[2]) Cantacuzenus, l. II, c. 3.

[3]) Миръ въ Кремни (Между Созополемъ и Анхіаломъ), см. Cantacuz, l. II, c. 5.

[4]) Cantacuz. II, c. 21, p. 430; Gregor. l. IX. c. 13. p. 457.

[5]) Войну эту, кончившуюся миромъ въ Розокастрѣ, *Муральтъ* (Essai de Chronographie Byzantine, II, p. 557) относитъ къ 1333 г.; *Паризо* же, что вѣрнѣе, къ 1332 г. (стр. 116). Разсказъ о ней у Кантакузина во многомъ не сходенъ съ повѣствованіемъ Григоры. Кантакузинъ говоритъ сперва объ удачномъ отраженіи нападенія Болгаръ и о послѣдовавшемъ за нимъ предварительномъ мирѣ, по которому будто бы за Византіей осталось значительное число спорныхъ городовъ (съ Анхіаломъ). Затѣмъ онъ продолжаетъ: «На слѣдующій день Александръ воспользовался вновь прибывшимъ татарскимъ отрядомъ и опять завязалъ бой съ императоромъ, который уже распустилъ войско. Однако Греки мужественно держались въ Розокастрѣ, такъ что Александръ просилъ мира *на преж-*

Союзъ съ Михаиломъ болгарскимъ въ годъ Вельбуждской битвы послужилъ поводомъ къ продолжительной войнѣ Андроника съ Стефаномъ Душаномъ (1331—1334 гг.). Война эта стояла въ связи съ заговоромъ Сиргіанна, велась также упорно и сопровождалась потерею для Византіи почти всей западной Македоніи (городовъ: Охриды, Прилѣпа, Касторіи, Струмницы, Хлерина (теперь Леринъ или Флорина), Желѣзнеца (тур. Дорнихисаръ) и Водены [1]).

Неуспѣхъ обѣихъ этихъ войнъ на сѣверныхъ границахъ обусловливался отчасти тѣмъ, что одновременно имперіи приходилось вести отчаянную оборонительную войну на востокѣ. Мы знаемъ уже, какая опасность со стороны Османовъ грозила Никеѣ и Никомидіи, послѣднимъ опорнымъ пунктамъ византійскаго владычества на сѣверо-западѣ Малой Азіи. Императоръ сознавалъ необходимость оказать имъ поддержку какъ можно скорѣе. Но и здѣсь онъ терпитъ неудачу. Собравъ наскоро едва 2000-ный отрядъ, весною 1329 г., онъ съ Кантакузинымъ переправился въ Азію и близъ мѣстечекъ Пелекано и Филокрени встрѣтилъ сильное османское войско. Первый день боя остался не рѣшеннымъ для обѣихъ сторонъ; на другой день императоръ былъ раненъ; это обстоятельство произвело такую панику между Греками, что они въ безпорядкѣ бѣжали къ судамъ, оставивъ въ добычу врагамъ весь свой лагерь [2]). Филокренская битва рѣшила участь Никеи. Безъ

нихъ условіяхъ». Такимъ образомъ, изъ его разсказа выходитъ, что прибалканскіе города были сохранены императоромъ. Вообще Кантакузинъ старается снять съ Византійцевъ даже всякую тѣнь какой-либо неудачи. Иначе представляется дѣло у Григоры (IX, с. 13, X, с. 4). Послѣ нашествія Александра во Ѳракію, Андроникъ самъ вторгся въ Болгарію и истреблялъ все по пути огнемъ и мечемъ, не щадя даже хлѣбъ, только что собранный въ житницы (р. 483). Онъ взялъ и нѣкоторыя крѣпости. Но вскорѣ Александръ, собравъ войско и призвавъ Татаръ, стѣснилъ Византійцевъ у Розокастра. Месемврія и прочія крѣпостцы опять отпали къ Болгарамъ. Положеніе осажденныхъ Византійцевъ было весьма затруднительно, а между тѣмъ просить мира императоръ не смѣлъ и вотъ «Ἀλέξανδρος εἰς τὴν ὑστεράιαν εἰς οἶκτον ἰὼν καὶ συμπάθειαν, πέμψας τῷ βασιλεῖ δεξιὰν, ἀφῆκεν ὑπόσπονδον οἴκαδε πορεύεσθαι ξύν γε τῷ στρατοπέδῳ παραγγείλας μετριώτερον εἶναι τοῦ λοιποῦ (р. 488). Разказъ Григоры безпристрастнѣе. Изъ него видно, что Андроникъ вынужденъ былъ принять предложенный миръ, при чемъ отпавшіе города, конечно, были потеряны для Византіи. Въ качествѣ побѣдителя Александръ потребовалъ въ супружество своему сыну Михаилу дочь императора Марію. Бракъ этотъ состоялся позднѣе.

[1]) «Животи краљева и архиепископа српских» издао *Даничић*. Загреб. 1866, стр. 224—226.

[2]) Greg. IX, с. 9, стр. 439. Разказъ Кантакузина, какъ участника и оче-

подкрѣпленія крѣпость не могла держаться; въ слѣдующемъ году (1330) Орханъ, послѣ продолжительной осады, взялъ ее штурмомъ. Въ прежней столицѣ Никейской имперіи водворилось мусульманство. Образа, священныя книги и мощи были перевезены въ Византію и здѣсь распроданы[1]). Получивъ доступъ къ морю, Османы начинаютъ грозить и европейскимъ владѣніямъ имперіи. Уже въ 1329 г. на 70 судахъ они пристаютъ къ устьямъ Гебра (Марицы) и опустошаютъ окрестности городовъ Траянополя и Беры[2]). Съ набранными наскоро войсками Андроникъ разбилъ ихъ и заставилъ удалиться въ Азію. Затѣмъ эти высадки повторяются нѣсколько лѣтъ подъ рядъ. Въ 1331 году императоръ снова отражаетъ турецкій конный отрядъ, грабившій берега Ѳракіи. Часть его въ числѣ 1500 человѣкъ, не успѣвшая сѣсть на суда, была совершенно истреблена Греками[3]). Въ томъ же году, во время войны съ Болгарами, Андроникъ получилъ извѣстіе объ обложеніи Никомидіи. Неожиданнымъ появленіемъ съ значительными силами подъ стѣнами осажденнаго города онъ вызвалъ Орхана на переговоры. Государь Османовъ обѣщалъ не тревожить византійскіе города въ Малой Азіи и обмѣнялся съ императоромъ подарками. Онъ послалъ ему коней, охотничьихъ собакъ (вѣроятно, ему извѣстна была страсть императора къ охотѣ), ковры и тигровыхъ шкуръ; Андроникъ же одарилъ его серебряными чашами, драгоцѣнными сирійскими тканями и сверхъ того пожаловалъ одно изъ своихъ царскихъ облаченій, что у варваровъ, по замѣчанію Кантакузина, считается знакомъ „особеннаго почтенія и благосклонности" [4]). Не смотря на такое выраженіе внѣшняго дружелюбія, Орханъ не перестаетъ стремиться къ расширенію своего государства на счетъ византійскихъ

видца событія, болѣе изобилуетъ подробностями, но не вездѣ правдоподобенъ, такъ какъ авторъ, не церемонясь въ похвалахъ себѣ и императору, въ то же время приводитъ странные факты въ родѣ того, что послѣ кровопролитнаго боя со стороны Византіи былъ убитъ всего одинъ. Панику въ войскѣ какъ главную причину пораженія при Филокрени онъ объясняетъ молвой объ убіеніи императора, распространенною приверженцами партіи Андроника Старшаго (Cantacuz. II c. c. 6, 7, 8. p. 341).

[1]) Greg. IX. c. 13. p. 458. *Муральтъ*, II, стр. 554, относитъ взятіе Никеи къ 1331 г. Соображенія, приведенныя у *Паризо* (стр. 119, прим. 5), заставляютъ принять 1330 годъ.

[2]) Cantacuz., II c. 13, p. 390.

[3]) Cantacuz., II c. 21, p. 427.

[4]) Cantacuz., II, c. 24, p. 467: ὃ περὶ πλείστου παρὰ τοῖς βαρβάρων σατράπαις ἄγεται ἀεὶ καὶ τιμῆς εἶναι δοκεῖ τεκμήριον καὶ εὐμενείας.

земель. Лѣтомъ 1332 г., въ самый разгаръ борьбы съ Александромъ болгарскимъ за прибалканскіе города, императоръ снова является въ Азіи для защиты осажденной Никомидіи. При первомъ приближеніи Грековъ Турки отступаютъ въ свои предѣлы, съ тѣмъ чтобы по удаленіи императорскихъ войскъ возобновить осаду той же крѣпости [1]. Это была уже послѣдняя помощь Никомидіи со стороны Андроника. Спустя нѣсколько дней онъ возвратился въ Болгарію и болѣе уже не имѣлъ возможности сдѣлать что-либо для сохраненія за Византіей хотя части малоазійскаго побережья. Въ томъ же 1332 г. Османы совершаютъ набѣгъ на Ѳракію. Одинъ конный турецкій отрядъ разоряетъ окрестности городовъ: Кисса, Поливота и Акониты [2]), а другой идетъ на Редесто [3]). Въ то же время въ руки Орхана перешелъ и Кіосъ, важнѣйшій портъ на Мраморномъ морѣ [4]). Это новое завоеваніе еще болѣе облегчило Османамъ выѣзды на морской грабежъ. Въ 1334 г. семьдесятъ судовъ явились между Аѳономъ и Палленой. Сильный турецкій отрядъ высадился въ окрестностяхъ стараго города Сермиліи. Императоръ, занятый тогда войною съ Сербами, стоялъ въ Ѳессалоникѣ, поспѣшилъ на встрѣчу неожиданнымъ врагамъ и благодаря своей военной находчивости нанесъ имъ полное пораженіе. Почти всѣ суда были истреблены, а сами Турки перебиты или взяты въ плѣнъ [5]). Затѣмъ на нѣсколько лѣтъ Орханъ оставилъ въ покоѣ имперію; онъ занялся распространеніемъ своей власти надъ сосѣдними сельджукскими эмирствами и въ 1335 году покорилъ эмирство Караси [6]). Наконецъ дошла очередь до безпомощной Никомидіи. Въ 1337 г. пала эта послѣдняя византійская твердыня на сѣверо-западѣ Малой Азіи; вмѣстѣ съ нею окончательно пала и власть имперіи на южномъ берегу Мраморнаго моря. Государство Орхана достигаетъ теперь значительныхъ размѣровъ и становится все грознѣе и грознѣе для имперіи и всего Балканскаго полу-

---

[1]) Cantacuz., II c. 26 p. 459.

[2]) Κίσσος, Πολύβοτος, 'Ακονίτη., Cantacuz. II, c. 22, p. 435.

[3]) Ibidem. Ραιδεστός — на Мраморн. морѣ близъ Гераклеи.

[4]) Собственно это былъ портъ для Никеи. Ср. *Parisot*, p. 120.

[5]) Cantacuz., II. c. 25, p. 455. Въ группировкѣ турецкихъ нападеній на Ѳракію, а равно въ распредѣленіи всѣхъ событій царствованія Андроника, я слѣдую прекрасно установленной хронологіи *Паризо*, стр., 111—121. Хронологія *Муральта* не вездѣ удовлетворительна.

[6]) *Zinkeisen*, Geschichte des Osman. Reiches, I, 114—117. *Parisot*. p. 120.

острова [1]). Набѣги на Ѳракію еще болѣе учащаются; въ теченіе слѣдующаго 1338 г. они совершаются непрерывно, такъ что, по словамъ Григоры, историку этого года не о чемъ и говорить, какъ о постоянныхъ нашествіяхъ Турокъ [2]). Одна изъ высадокъ этого года, руководимая самимъ Орханомъ, была направлена на самый Константинополь. Не смотря на свои большія силы (36 судовъ), Турки и на этотъ разъ были отброшены Андроникомъ и Кантакузинымъ съ большимъ урономъ [3]). Тѣмъ не менѣе въ 1339 г. 800 Турокъ опять переправляются черезъ Геллеспонтъ и безнаказанно опустошаютъ всю Ѳракію до Болгаріи. На этотъ разъ имъ предоставлялась полная свобода дѣйствій, такъ какъ императоръ, какъ увидимъ ниже, со всѣмъ войскомъ находился въ западныхъ провинціяхъ имперіи [4]).

Такъ быстро росла сила Османовъ. Андроникъ не могъ помѣшать этому росту и едва успѣвалъ оборонять столицу и ѳракійское побережье отъ частыхъ нападеній этихъ новыхъ, столь опасныхъ сосѣдей. Онъ не только не былъ въ состояніи, при всемъ своемъ желаніи, предпринять что-либо болѣе внушительное, чѣмъ филокренскій походъ, для нанесенія рѣшительнаго удара мусульманскимъ завоевателямъ, но не имѣлъ даже на готовѣ войска для обороны южной границы.

---

[1]) Greg. XI, c. 6, p. 545. *Parisot*, 139. Кантакузинъ умалчиваетъ о потерѣ Никеи и Никомидіи,—одно изъ доказательствъ необъективности его разсказа; онъ не только повсюду старается сгладить и прикрасить печальныя стороны царствованія Андроника и своего правленія, но ради ложной идеализаціи своего монарха не останавливается передъ умышленнымъ игнорированіемъ такихъ важныхъ событій, какъ завоеваніе Турками этихъ двухъ городовъ.

[2]) Gregor. XI, c. 6, p. 545. τῷ μέντοι μετὰ ταῦτα ἐνιαυτῷ οὐδὲν ἱστορίας ἄξιον πέπρακται πλὴν ὅτι συνεχῶς τε καὶ ἀδεῶς καὶ κατὰ πλήθη κατέδραμόν τε καὶ κατατρέχουσι Θρᾴκην οἱ Τοῦρκοι. τοῦτο γάρ, ὡς ἐγνωσμένον ἤδη καὶ σύνηθες, ὀκνῶ διηνεκῶς διηγεῖσθαι.

[3]) *Муральтъ* (стр. 567) и *Цинкейзенъ* (стр. 189) относятъ это нападеніе Орхана къ 1337 г., основываясь вѣроятно на томъ, что Григора говоритъ о немъ раньше, чѣмъ о взятіи Никомидіи. Разсчетъ *Паризо* (стр. 138) который ставитъ это событіе въ концѣ 1338 г., кажется мнѣ вѣрнѣе. Разсказы Кантакузина и Григоры объ этомъ дѣлѣ во многомъ не сходятся между собою и одинаково содержатъ несообразности. Такъ у Григоры императоръ на 3 судахъ беретъ 14 непріятельскихъ кораблей (изъ 24), а Кантакузинъ съ 70 отборными воинами на голову разбиваетъ турецкій десантъ, при чемъ до 1000 Турокъ пали и до 300 было взято въ плѣнъ, со стороны же Византійцевъ, при такомъ кровопролитномъ боѣ не было ни одного убитаго. Самъ авторъ, вообще относящійся серьезно къ исторіи, удивляется такому успѣху и объясняетъ его Промысломъ Божіимъ.

[4]) Gregor. XI, c. 7, p. 548.

Всегда ему приходится или наскоро набирать войска, или отводить ихъ съ другаго театра войны.

Въ то время какъ Османы грозятъ европейскимъ границамъ имперіи, въ южной части Эгейскаго моря свирѣпствуютъ другіе мусульмане. Турки-Сельджуки (прибрежныхъ малоазійскихъ эмирствъ: Караси, Саруханa, Аидины и Ментеске) со времени каталонской кампаніи, въ которой принимали видное участіе, хорошо ознакомившіеся съ Балканскимъ полуостровомъ, организуютъ систематическіе разбои на Эгейскомъ морѣ. Во второй четверти XIV в. отъ ихъ хищныхъ набѣговъ терпятъ всѣ острова Архипелага и весь восточный берегъ Греціи. Сельджукскіе пираты не щадили ни Грековъ, ни Латиновъ, ни своихъ союзниковъ Каталонцевъ, и не довольствуясь простою добычею, уводили отовсюду массы народа въ рабство. Аѳины и Негропонтъ, Морея и Киклады, вслѣдствіе постояннаго междоусобія ихъ латинскихъ владѣтелей (Анжуйцевъ съ Аррагонцами, Хизи съ Санудо, Венеціи съ Генуею и проч.), оставались беззащитными противъ нападеній Турокъ. Такъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изъ герцогства Накса было вывезено до 15 тысячъ человѣкъ. Не получая помощи отъ Венеціи, едва защищавшей собственно ей принадлежавшіе острова (Критъ и Евбею), герцогъ Накса, Николай I Санудо, ищетъ поддержки у Андроника, посылаетъ ему отъ себя 6 судовъ, 100 рыцарей и богатые подарки [1]). Въ 1331 г. Турки увели въ рабство болѣе 25000 христіанъ, Грековъ и Латиновъ. Въ маѣ и іюнѣ 1332 г. повторилось новое нашествіе: 380 турецкихъ судовъ, съ экипажемъ болѣе 40,000 чел., два мѣсяца грабятъ и опустошаютъ Архипелагъ и берега Греціи; даже венеціанскій баилъ на Негропонтѣ былъ вынужденъ заплатить имъ дань, чтобы спасти отъ окончательнаго разоренія городъ Евбею [2]). Эти нападенія не прекращаются и послѣ. Григора подъ 1335 г. сообщаетъ, что Турки на многочисленныхъ судахъ разъѣзжаютъ безпрепятственно по Эгейскому морю, грабятъ острова, захватываютъ суда и высаживаются на материкѣ Греціи, гдѣ распоряжаются какъ дома, не встрѣчая ни малѣйшаго сопротивленія [3]). Сельджукскіе Тур-

---

[1]) Cantac., II, 12. p. 385 и письмо Санудо у *Хопфа*, стр. 425.

[2]) Sanudo, Ep. V; ed. *Kunstmann*, p. 797; Gio. Villani X, 202 (у *Muratori*, XIII, p. 723); Fragmenta annalium Romanorum у *Muratori*, XII, p. 534; *Hopf*. 426.

[3]) Gregor, XI, 1. c., p. 523. καθάπερ ἐν φιλίᾳ γῇ, μηδένα τὸν προϊστάμενον ἔχοντες.

ки заѣзжаютъ и къ берегамъ Ѳракіи, но въ царствованіе Андроника, съ усиленіемъ Османскаго царства, сферой ихъ грабежей была преимущественно южная часть Эгейскаго моря; собственно византійскія области не терпѣли со стороны этихъ хищниковъ [1]).

Андроникъ и Кантакузинъ хорошо поняли изолированное положеніе сельджукскихъ эмирствъ между Османами и Латинами, вступили въ дружественныя отношенія съ важнѣйшими изъ эмировъ (Караси, Саруханомъ и Аидиномъ) и такимъ образомъ не только обезопасили имперію со стороны этихъ опасныхъ мореходовъ, но и нашли въ нихъ хорошихъ союзниковъ для совмѣстной борьбы съ латинствомъ. Это была большая ихъ заслуга. Къ сожалѣнію, Кантакузинъ впослѣдствіи упустилъ изъ виду государственное значеніе этого союза съ Турками и слишкомъ неумѣренно воспользовался ими для своихъ личныхъ честолюбивыхъ цѣлей. Но это было позже, теперь же эта политика имѣла весьма разумное основаніе и прошла не безъ пользы.

Мысль такого союза явилась у Андроника сряду послѣ вступленія на престолъ (въ 1328 или въ началѣ 1329 г.). Императоръ, говоритъ Кантакузинъ, отправился въ Кизикъ, имѣя въ виду поклониться нерукотворному образу Хиртонійской Божіей Матери, а главное повидаться съ фригійскимъ эмиромъ Демир-ханомъ [2]). Свиданіе произошло въ г. Пигахъ, недалеко отъ Кизика, на границѣ эмирства Караси. Сюда явился по приглашенію Андроника Демир-ханъ, выказалъ ему, какъ императору, знаки благоговѣнія и послѣ переговоровъ обѣщалъ никогда не тревожить владѣній имперіи. Обѣщаніе свое, по свидѣ-

---

[1]) Указанныя выше нападенія Турокъ на Ѳракію въ 1329, 1331, 1332, 1334 и 1338 годахъ мы относимъ къ Османамъ, а не къ Сельджукамъ (вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ) на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) правда, византійскіе историки, современники этихъ событій, не объясняютъ точно, какіе это были Турки, но внимательное чтеніе Кантакузина и Григоры приводитъ къ убѣжденію, что вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ отдѣльныхъ случаяхъ турецкихъ вторженій, слова Πέρσαι и Τοῦρκοι относятся къ ближайшимъ къ Византіи Туркамъ-Османамъ; всякое же сельджукское нападеніе тотъ и другой писатель обыкновенно опредѣляютъ ближе указаніемъ того эмирства, къ которому принадлежали нападавшіе, чего въ разбираемыхъ случаяхъ нѣтъ; 2) всѣ эти нападенія касаются восточной части Ѳракіи, ближе къ царству Османовъ, которые на берегу Мраморнаго моря уже господствовали надъ Сельджуками; 3) важнѣйшіе изъ сельджукскихъ эмирствъ были въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Византіи.

[2]) Внукъ извѣстнаго Караси; вмѣстѣ съ отцомъ Іаксой (Γιάξης) онъ правилъ областью Мармора; *Parisot*, p. 98, not. 4, и 99; note 2.

тельству Кантакузина, онъ сдержалъ вполнѣ [1]). Цѣлью этого договора съ ближайшимъ изъ сельджукскихъ эмировъ было обезпечить задуманный для освобожденія Никеи походъ, который, какъ мы видѣли, все-таки кончился неудачно. Дальнѣйшія сношенія Андроника съ Сельджуками стоятъ въ связи съ его предпріятіями противъ Латиновъ и попытками расширить предѣлы имперіи на югѣ Балканскаго полуострова. Мы разсмотримъ ихъ совмѣстно съ этими послѣдними.

Недавно потерянный богатый островъ Хіосъ прежде всего остановилъ вниманіе императора. Мартинъ Цаккари, владѣтель острова, въ силу договора дѣда своего Бенедикта съ Андроникомъ Старшимъ обязанный признавать верховную власть императора и получать отъ него каждыя десять лѣтъ подтвержденіе во владѣніи островомъ, теперь отвергъ всякую зависимость. Чтобы лучше обезпечить за собою обладаніе островомъ, онъ строитъ на немъ цѣлый рядъ укрѣпленій. Тяжелыя работы и новые налоги возбудили противъ него недовольство населенія. Этимъ недовольствомъ сумѣлъ воспользоваться Кантакузинъ; благодаря его интригамъ, греческое населеніе было подготовлено къ встрѣчѣ императорскихъ войскъ, а самому Мартину выставленъ соперникомъ его братъ Бенедиктъ II. Не смотря на Филокренское пораженіе, Андроникъ подготовилъ значительныя силы и осенью 1329 г., послѣ отказа Мартина на требованіе—подчиниться добровольно, византійскій флотъ, въ числѣ 115 судовъ, окружилъ Хіосъ. Вся выгода была на сторонѣ Андроника; островъ вскорѣ сдался. Мартинъ взятъ былъ въ плѣнъ и отправленъ въ Царьградъ; всѣмъ объявлена амнистія, народъ облегченъ отъ податей. Бенедикту II предложено было управлять Хіосомъ, но съ тѣмъ, чтобъ онъ признавалъ власть императора и ежегодно выплачивалъ ему половину доходовъ. Гордый Генуэзецъ меч-

---

[1]) Сцена встрѣчи Демир-хана съ Андроникомъ, описанная Кантакузиномъ, (II, с. 5), весьма характерна; она хорошо свидѣтельствуетъ, какой высокій взглядъ на императора держался у восточныхъ народовъ даже въ XIV в., въ періодъ полнаго упадка имперіи. Считаемъ не лишнимъ привести ее цѣликомъ: ἀπὸ γὰρ Κυζίκου εἰς Πηγὰς πόλιν τὴν κατὰ Ἑλλησπόντον ἐλθὼν, μετεκαλεῖτο τὸν Ταμηρχάνην καὶ ὃς ἀφῖκτό τε κατὰ τάχος καὶ μετὰ πολλῆς τῆς μετριότητος καὶ, οἷον εἰπεῖν, δουλείας συνεγένετο τῷ βασιλεῖ, ὡς γὰρ ἐγγὺς ἐγένετο ὅσον ὁρᾶν τε τὸν βασιλέα καὶ ὁρᾶσθαι παρ' ἀυτοῦ, αὐτός τε καὶ ἄλλοι Πέρσαι τῶν ἵππων καταβάντες καὶ προελθόντες ἐπὶ μικρόν, οἱ μὲν ἄλλοι πάντες ἄπωθεν τὸν βασιλέα προσεκύνουν, τὰς κεφαλὰς ἐρείσαντες ἐπὶ τὴν γῆν· αὐτὸς δ'ἄχρι βασιλέως ἐλθὼν πεζῇ προσκύνει τε καὶ ἠσπάζετο τὸν βασιλέως πόδα, ἔπειτα ἔφιππος γενόμενος, μόνος μόνῳ συνεγένετο τῷ βασιλεῖ (p. 340).

талъ быть независимымъ владѣтелемъ и не согласился на такія условія. Выпросивъ у Андроника два судна, онъ со всѣмъ семействомъ уѣхалъ въ Галату. Здѣсь онъ нашелъ поддержку у своихъ соотечественниковъ. Это было первое чувствительное проявленіе зла для имперіи въ существованіи у самой ея столицы независимой отъ нея укрѣпленной генуэзской колоніи. Черезъ нѣсколько времени Бенедиктъ съ восемью галато-генуэзскими судами сдѣлалъ попытку захватить Хіосъ, но былъ совершенно разбитъ и вскорѣ умеръ. Смерть его избавила Византію отъ врага, который могъ бы причинить ей много затрудненій. Хіосъ былъ возвращенъ имперіи и оставался за нею до 1346 года [1]).

Изъ Хіоса императоръ отправился въ Старую Фокею, еще принадлежавшую имперіи, и здѣсь завязалъ дружественныя сношенія съ сосѣдними сельджукскими эмирами — Саруханомъ и Айдиномъ. Саруханъ явился лично въ Фокею, съ рабскимъ смиреніемъ принялъ отъ императора дары и заключилъ съ нимъ союзный договоръ [2]), Айдинъ же сказался больнымъ и прислалъ для привѣтствованія императора и поднесенія даровъ блестящую депутацію. Съ нимъ, слѣдовательно, не было заключено особаго союза; кажется, онъ пока не нуждался въ императорѣ, и какъ сейчасъ увидимъ, имѣя свои цѣли, не хотѣлъ себя связывать обязательствами [3]). Покончивъ дипломатическую часть своей поѣздки въ Малой Азіи, Андроникъ подступаетъ къ Новой Фокеѣ, чтобъ и здѣсь возстановить власть имперіи. Въ 1314 г., здѣсь прекратилась генуэзская фамилія Цаккари и богатая колонія перешла въ руки Андрея Каттанео. Самого Андрея не было въ городѣ. Правившій вмѣсто него, дядя его Арриго (Ἀρῆγος). Тартаро, не смѣлъ оказать сопротивленіе императору, отворилъ ворота и съ покорностью поднесъ ему ключи крѣпости. Андроникъ остался этимъ доволенъ и предоставилъ до времени намѣстничество въ Новой Фокеѣ тому же Андрею Каттанео [4]). Но довѣріе императора къ хитрымъ Генуэзцамъ

---

[1]) Cantac., II., cc: 10, 11, 12.

[2]) καὶ μετὰ τῆς προσηκούσης αὐτῷ προσελθόντι μετριότητος καὶ οἷον εἰπεῖν δουλείας. Cantac., II, c. 18, p. 388.

[3]) Тѣмъ болѣе вниманіе, оказанное Андронику, указываетъ, какъ Сельджуки, фактически не завися отъ имперіи, не могли не сознавать надъ собою законности верховной высшей власти.

[4]) *Хейдъ* (Le Colonie, I, p. 376, примѣч.), вопреки свидѣтельству Кантакузина, принимаетъ, что обѣ Фокеи принадлежали дому Каттанео, на томъ основаніи, что не находитъ указаній времени, когда бы старая Фокея, доставшаяся

не оправдалось. Преемникъ Андрея († 1331 г.), Доменико Каттанео, не только не признаетъ никакой зависимости отъ Византіи, но по примѣру своихъ предшественниковъ предпринимаетъ новые захваты ея владѣній.

Неискренность Аидина также не замедлила обнаружиться. Въ 1332 г. черезъ 15 дней послѣ заключенія мира съ Александромъ болгарскимъ въ Розокастрѣ, сынъ Аидина Омуръ [1]) на 75 судахъ прошелъ мимо Самоѳракіи и присталъ во ѳракійскомъ портѣ Поросъ. Императоръ, получивъ извѣстіе о появленіи Турокъ, немедленно явился съ войскомъ въ Кумуцену, недалеко отъ мѣста ихъ высадки. Однако сраженія не произошло. Цѣлый день противники простояли другъ противъ друга. Затѣмъ Турки первые по гречески [2]) вступили въ переговоры. Странно: Омуръ заявляетъ, что не ожидалъ встрѣтить помѣхи своему грабежу, и обманувшись въ ожиданіи, считаетъ за лучшее не завязывать боя. Византійцы также не имѣли нужды мѣшать отступленію Турокъ. Передавая эти переговоры, Кантакузинъ какъ будто что-то умалчиваетъ. Очевидно, кромѣ готовности Грековъ къ бою, на Омура должно было подѣйствовать напоминаніе о дружественныхъ отношеніяхъ императора къ его отцу. Какъ бы то ни было Ѳракія на этотъ разъ избѣгла разграбленія, которому такъ часто подвергалась.

предшественникамъ Каттанео — Цаккари отъ Михаила Палеолога, опять перешла къ Византійцамъ. Но прежде всего нужно замѣтить, что мнѣніе объ уступкѣ Старой Фокеи въ обладаніе генуэзской фамиліи при Михаилѣ Палеологѣ, котораго держится и Хопфъ (Giustiniani — Encyclop. v. *Ersch* u. *Grub*. Bd. 68 p. 310) не находитъ подтвержденія себѣ въ источникахъ. Георгій Пахимеръ (I, p. 420, Ed. Bonn.) говоритъ весьма кратко только о предоставленіи Мануилу Цаккари квасцовыхъ копей. Дука подробнѣе разсказываетъ объ утвержденіи Генуэзцевъ въ окрестностяхъ Фокеи и о возникновеніи Новой Фокеи, но ничего не говоритъ о переходѣ къ колонистамъ и Старой Фокеи: ὡς οὖν ᾔσθοντο οἱ Ἰταλοὶ τὴν τῶν Τούρκων ἔφοδον φοβηθέντες ἤρξαντο οἰκοδομεῖν φρούριόν τι σμικρότατον... читаемъ мы въ его исторіи (Ed. Bonn., стр. 161) и далѣе: ἦσαν δὲ οἱ ῥηθέντες τῆς πόλεως αὐτῆς κτήτορες ἐκ τῶν Κατανέων Γενουῖται Ἀνδρέας καὶ Ἰάκωβος καὶ τὴν ἐπωνυμίαν ἐκ τῆς παλαιτέρας φωκαίας ἐκτήσατο, ταύτην νέαν φώκαιαν καλέσαντες, ἐν ᾗ καὶ οἴκησιν κέκτημαι. Затѣмъ Кантакузинъ лучше чѣмъ кто либо долженъ былъ знать дѣло, и свидѣтельство его такъ ясно, что не вѣрить ему нельзя.

[1]) Ἀμοὺρ—у Кантакузина, Ομοῦρ у Дуки.

[2]) Cantac., II, c. 28, p. 471: οἱ βάρβαροι πρότερον Ἑλληνιστὶ πρὸς Ῥωμαίους εἶπον».

Самое нападеніе это Сельджуковъ на предѣлы имперіи, оставшееся безъ послѣдствій, составляетъ исключительное явленіе въ царствованіи Андроника Младшаго; болѣе оно не повторяется. Въ виду опасности отъ Османовъ, Сельджуки все болѣе ищутъ союза съ императоромъ; самъ виновникъ нападенія — Омуръ дѣлается лучшимъ союзникомъ Андроника и преданнымъ другомъ Кантакузина. Поводомъ къ этимъ отношеніямъ послужила новая война съ Латинами. Страшныя опустошенія, производимыя въ архипелагѣ Сельджуками, о которыхъ мы говорили выше, заставили разрозненныхъ латинскихъ князей подумать объ общемъ отпорѣ. Обратились за содѣйствіемъ къ папѣ. Іоаннъ XXII составилъ проектъ крестоваго похода, въ которомъ приглашались принять участіе: короли—Французскій—Филиппъ и Неапольскій—Робертъ, Венеція, король Кипрскій, родосскіе рыцари и императоръ Андроникъ [1]. Послѣдній, говоритъ Григора [2], не смѣлъ отказаться. Это понятно. Онъ могъ сочувствовать коалиціи только противъ Османовъ, а не противъ Сельджуковъ; но уклониться отъ участія въ коалиціи, въ виду силы ея, было невозможно. Императорская казна была пуста, пришлось послать собирать налоги по Ѳракіи и Македоніи, и безъ того разореннымъ. Флотъ однако былъ приготовленъ, но понадобился на другое дѣло. Предположенный на 1336 г. крестовый походъ такъ и не состоялся. Только въ 1334 г. соединенная эскадра западныхъ владѣтелей [3], подъ начальствомъ Джіовани де Кепуа (Giovanni de Cepoy), разбила турецкій флотъ и разграбила кое-гдѣ турецкіе берега. Византійскій флотъ тутъ не участвовалъ. Андроникъ былъ занятъ дѣлами въ Ѳессаліи и могъ сослаться, что онъ не готовъ еще, такъ какъ крестовый походъ былъ назначенъ на 1336 г. [4]). Въ самый 1336 г. вооруженными выступили только латинскіе государи: родосскіе рыцари, герцогъ Накса и владѣтель Фокеи. Но эти борцы за угнетенное христіанство повторили въ маломъ видѣ то, что сдѣлали въ 1204 г. въ большомъ размѣрѣ участники четвертаго крестоваго похода. Вмѣсто борьбы съ невѣрными, имъ пришла счастливая мысль отнять у Византіи Лесбосъ. При этомъ

---

[1]) *Raynaldus*, Annales ecclesiastici, sub. ann. 1333.

[2]) XI, c. 1, p. 523.

[3]) *Raynaldus*, sub. an. 1334 n. VII. Giov. Villani, l. XI, c. 18.

[4]) Этимъ событіемъ, мнѣ кажется, устраняется противорѣчіе, которое усматриваетъ Хейдъ (стр. 377) между показаніями Григоры и западныхъ источниковъ: первый говоритъ о 1336 г., а вторые о 1334 г.

дѣло устроилось такъ, что владѣтель Фокеи, Доменико Каттанео, воспользовавшись услугами остальныхъ двухъ союзниковъ, насмѣялся надъ ними, совершенно лишивъ ихъ добычи. Весь островъ, за исключеніемъ Ересса и Митилены, стойко выдержавшихъ напоръ Латиновъ, перешелъ въ его личное владѣніе; въ Митилену онъ перенесъ и свою резиденцію, а въ Фокеѣ оставилъ гарнизонъ подъ начальствомъ Одоарда. Успѣхъ Каттанео вызвалъ большую радость между Галато-Генуэзцами. Не видя особеннаго расположенія къ Генуѣ со стороны Андроника Младшаго и раздраженные возобновленіемъ сношеній съ Венеціей [1]), они принимаютъ по отношенію къ Византіи все болѣе угрожающее положеніе и не признаютъ принятыхъ обязательствъ, а укрѣпленія ихъ колоніи, не смотря на запрещенія, ростутъ съ каждымъ днемъ. При такомъ положеніи дѣлъ, прежде чѣмъ отправиться на защиту Лесбоса, императоръ рѣшился обезопасить столицу со стороны услужливыхъ сосѣдей. Онъ потребовалъ срытія укрѣпленій, со всѣхъ сторонъ окружилъ Галату и голодомъ принудилъ смириться заносчивыхъ Генуэзцевъ [2]). Но они не совсѣмъ унялись. Едва Андроникъ отплылъ къ Лесбосу, какъ въ Константинополѣ былъ открытъ заговоръ деспота Димитрія, оставшійся впрочемъ безъ послѣдствій. Галатцы приняли въ немъ участіе. Суда ихъ, вмѣстѣ съ пришедшими въ Галату генуэзскими, готовы были напасть на византійскій флотъ, стоявшій у Лесбоса, но открытіе заговора и принятыя императоромъ мѣры помѣшали ихъ плану. Между тѣмъ греческое населеніе Лесбоса помогло сильному византійскому флоту (84 корабля) отнять у Латиновъ почти весь островъ. Только въ Митиленѣ сидѣлъ еще Доменико Каттанео. Поручивъ осаду этого города пинкернѣ Филантропену, самъ императоръ съ большею частію флота отправился на Фокею. Здѣсь прежде всего онъ вступаетъ въ сношенія съ Сарухановъ. Этотъ эмиръ, завоевавшій всю страну вокругъ Фокеи, не могъ взять этой крѣпости и только обязалъ владѣвшихъ ею Генуэзцевъ выплачивать ему ежегодно извѣстную сумму [3]). Однако столкновенія между Фокейцами и Турками продолжались, и первые нерѣдко брали перевѣсъ. Такъ по послѣднему миру съ Сарухановъ они задержали въ качествѣ заложниковъ сына самого эмира Солимана (Σουλιμάν—Σαρχάντς) и 24 другихъ знатныхъ Турокъ. Желая освобо-

[1]) *Heyd*, p. 378.
[2]) Greg., XI, c. 1, 2, p. 527, 528.
[3]) *Heyd*, p. 380.

дить ихъ, онъ охотно согласился оказать императору помощь противъ Латиновъ; 24 судна его, значительная пѣхота и конница присоединились къ императорскимъ войскамъ, осаждавшимъ Фокею [1]). Сыновья другаго эмира Аидина: Хетиръ (Χετήρ) Омуръ и Сулема (Σουλαιμασας) также явились привѣтствовать Андроника и засвидѣтельствовать ему о своемъ доброжелательствѣ [2]). Всѣмъ имъ былъ оказанъ отличный пріемъ, всѣ удостоены императорскихъ даровъ. Одинъ же изъ нихъ— Омуръ—высказываетъ особенное сочувствіе императору и присылаетъ въ его распоряженіе 30 кораблей. Этимъ сочувствіемъ и помощью Андроникъ былъ обязанъ Кантакузину, который завязалъ самую тѣсную дружбу съ Омуромъ. Великій доместикъ говоритъ, что еще раньше, до Фокейской войны (вѣроятно, со времени нападенія въ 1332 г. на Кумуцену) онъ питалъ расположеніе къ этому турецкому принцу и былъ съ нимъ въ перепискѣ [3]). Теперь, встрѣтившись у Фокеи, онъ еще болѣе укрѣпилъ дружескія связи. Въ городѣ Клазоменахъ у нихъ состоялось интимное свиданіе; своими рѣчами и обращеніемъ Кантакузинъ такъ подѣйствовалъ на Омура, что послѣдній изъявилъ готовность служить императору, какъ своему государю [4]) и всегда оказывать ему помощь и отказался отъ всякой дани, которую ему платила византійская Филадельфія [5]). Въ этой дипломатической дѣятельности, о которой Кантакузинъ разказываетъ въ горделивохвастливомъ тонѣ, несомнѣнно виденъ государственный человѣкъ, понимающій интересы имперіи. Но съ другой стороны нельзя не видѣть въ ней и личныхъ, частныхъ интересовъ. Кантакузинъ всюду ищетъ себѣ друзей, которые могли бы поддержать его, когда онъ будетъ въ томъ нуждаться. Впрочемъ это отдѣленіе интересовъ государственныхъ отъ личныхъ скажется позже; теперь же для Кантакузина, при его положеніи, они сливаются. Судамъ Омура однако не пришлось принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Латиновъ; онъ отпустилъ ихъ назадъ, какъ только исчезла опасносность нападенія со стороны Генуэзцевъ и Галатцовъ. Бывшія на лицо

---

[1]) Cantac. II, c. 29, p. 480.

[2]) «προσῆλθόν τε κατὰ φιλίαν καὶ προσεκύνησαν καὶ ἐπηγγείλαντο εὔνοι ἔσεσθαι καὶ φίλοι βασιλεῖ. Ibidem, p. 481.

[3]) «Ὁ γὰρ μέγας δομέστικος καὶ πρότερον μὲν εἶχε πρὸς Ἀμοὺρ φιλίως καὶ γράμμασιν αὐτῷ ὡμίλει». Ibid., p. 482.

[4]) βασιλεῖ τε ἔπεισε προσέχειν ὡς δεσπότῃ καὶ τῶν ὑπ'ἐκείνῳ τελούντων ἐπιφανῶν Ῥωμάιων νομίζειν ἕνα». Ibid., p. 483.

[5]) Cant. II, c. 30, p. 483.

войска императора и Саруxана были достаточны для обложенія Митилены и Фокеи. Но оба пункта были такъ хорошо укрѣплены и въ изобиліи снабжены провіантомъ, что осада затянулась на пять мѣсяцевъ. Одоардъ выслалъ изъ Фокеи всѣхъ Грековъ и этимъ грозилъ отсрочить сдачу города еще на значительное время. У византійскихъ стратиговъ въ XIV в., не смотря на существованіе осадныхъ машинъ, вымариваніе гарнизона и жителей голодомъ практиковалось какъ наиболѣе вѣрное средство для овладѣнія желаемыми городами. Приходилось довести его до конца и въ настоящемъ случаѣ. Но дипломатія Кантакузина, съ которою онъ всегда является на помощь императору, значительно ускорила развязку всего дѣла. Онъ вступилъ въ сношенія съ однимъ изъ вліятельныхъ Генуэзцевъ, знакомымъ съ греческимъ языкомъ и образованіемъ, Іоанномъ де-Спину (Ντζουαν ντὲ Σπίνα), убѣдилъ его въ неминуемости скораго паденія обоихъ осажденныхъ пунктовъ и предоставилъ ему просить относительно выгодныхъ для Фокейцевъ условій, на которыхъ могла бы состояться добровольная сдача. Спину сообщилъ условія Доменику Каттанео, а тотъ принялъ ихъ. Каттанео окончательно долженъ былъ сдать Митилену; въ Фокеѣ онъ оставленъ намѣстникомъ императора; Солиманъ и другіе турецкіе заложники возвращены Саруxану; императоръ отказался отъ вознагражденія за военные расходы и объявилъ амнистію участникамъ въ войнѣ, обязавшись выхлопотать таковую же и у Генуи (которая, согласно трактатамъ, обязана была наказывать всякаго изъ членовъ своей общины, кто покусится на владѣнія имперіи). Наконецъ, Фокейцамъ предоставлено право свободной торговли во всей имперіи [1]). Трактатъ составленъ очень искусно и знаменовалъ для имперіи значительный политическій успѣхъ. Возвращая ей утраченный недавно важный островъ, онъ возстановлялъ ея обаяніе на Архипелагѣ и у сельджукскихъ эмировъ, которые, какъ видно, могли оказать ей существенную опору въ ея борьбѣ, какъ съ Османами, такъ и съ Латинами. Въ Фокеѣ верховная власть императора возобновлена только номинально: Генуезцы оставлены управлять ею; но дни ихъ владычества уже были сосчитаны. Вся эта счастливая война значительно оживила греческій элементъ ея населенія, подняла его духъ. Черезъ четыре года, въ 1340 г., Греки подняли возстаніе, Латины были изгнаны, и Фокея окончательно возвращена имперіи.

---

[1]) Cantacuz., II, c. 30—31; Greg., XI, c. 1, 2.

Торговыя льготы, дарованныя по трактату Фокейцамъ, также имѣли свой смыслъ: онѣ должны были ослабить значеніе Галаты и служить ей наказаніемъ за открытую враждебность къ Византіи, обнаруженную въ лесбосской войнѣ.

Вотъ все, что успѣлъ сдѣлать Андроникъ на Архипелагѣ. Онъ возвратилъ имперіи Хіосъ и Фокею и защитилъ Лесбосъ противъ притязаній Латиновъ. Онъ не могъ думать о дальнѣйшихъ присоединеніяхъ въ эту сторону, потому что вниманіе его и военныя силы, кромѣ обороны Ѳракіи и Македоніи съ сѣвера и юга, отвлекали дѣла въ Албаніи, Эпирѣ и Ѳессаліи. Стояло на очереди возсоединеніе этихъ греческихъ земель съ Византіей. Андроникъ удачно выполнилъ его. Турки-Сельджуки и здѣсь оказываютъ ему поддержку.

Мы видѣли, что Андроникъ Младшій, при вступленіи на престолъ, утвердилъ вліяніе имперіи въ части Албаніи и заставилъ деспота Эпирскаго Іоанна Ангела признать верховную власть Византіи. Филиппъ Тарентскій, видя въ этомъ ослабленіе значенія Анжуйцевъ на Адріатикѣ, затѣялъ походъ въ Эпиръ, для чего вошелъ въ сношенія съ албанскими вождями (въ іюнѣ 1331 г.). Предназначенный къ этому походу, сынъ его Филиппъ, такъ называемый „деспотъ Романіи", внезапно умеръ въ іюнѣ 1331 г. Тогда онъ поручилъ осуществленіе своихъ правъ на Романію зятю своему Вальтеру Бріенскому (женатому на дочери Филиппа, Беатриче), который, какъ законный претендентъ на завоеванное Каталонцами Аѳинское герцогство, долженъ былъ соединить свой походъ на Віотію съ завоеваніемъ Эпира для тестя. Въ награду за это ему обѣщалось отъ Катерины, титулованной императрицы Романіи, главное намѣстничество во всѣхъ завоеванныхъ земляхъ Романіи. Въ августѣ 1331 г., Вальтеръ началъ кампанію. Онъ взялъ Левкаду, Вотицу; Арта также сдалась ему. Іоаннъ положилъ предъ нимъ оружіе и черезъ особаго посла принесъ ленную присягу Неапольскому королю Роберту, который за это призналъ его наслѣдникомъ Ангеловъ. Попытка Вальтера завоевать Віотію и Аттику не удалась [1]).

Вслѣдъ за этимъ усиленіемъ Анжуйцевъ въ Эпирѣ, поднималась опасность для имперіи и со стороны Албаніи. Въ томъ же 1331 г., 26-го декабря, умеръ „императоръ" Филиппъ Тарентскій. Послѣ продолжительныхъ споровъ, его политическое наслѣдство было распредѣлено такимъ образомъ: императорскій титулъ, фантастическая им-

---

[1]) *Hopf*, p. 429.

перія „Романія" со всѣми верховными ленными правами и Морея — отошли ко вдовѣ Филиппа—Катеринѣ и старшему сыну ея Роберту; всѣ же анжуйскія владѣнія на восточномъ берегу Адріатики съ приплатою значительной суммы за Ахаію (которою онъ правилъ съ 1318 г.), получилъ Іоаннъ Гравина. Энергическій Іоаннъ поставилъ себѣ задачею расширеніе своихъ владѣній и уже съ 1333 г. принялъ титулъ герцога Драча и обладателя Албанскаго королевства (Dux Durachii ac Regni Albaniae Dominus) [1]. Но планамъ его не суждено было осуществиться. Вскорѣ на среднюю Албанію обрушился могущественный Стефанъ Душанъ, а въ южной Албаніи, равно какъ въ деспотствѣ эпирскомъ и въ Ѳессаліи утверждается, хотя не на долго, господство Византіи. Въ 1333 г., умеръ самый могущественный изъ всѣхъ ѳессалійскихъ архонтовъ, Степанъ Габріелопуло (Меллисенъ). Наступившими между наслѣдниками смутами удачно воспользовался императорскій наслѣдникъ въ Ѳессалоникѣ Мономахъ. Быстро явившись въ Ѳессалію, онъ занялъ Голо (Воло), Кастри и Ликостонъ; деспотъ Іоаннъ также не медлилъ и овладѣлъ городами: Стагами, Трикалою, Фанаромъ, Дамасисомъ и Эласономъ, т.-е. всею восточною половиною Влахіи [2]. Андроникъ, получивъ извѣстіе объ этихъ событіяхъ, понималъ важность не терять времени; явился лично на помощь Мономаху и отнялъ у деспота Іоанна всѣ занятые имъ города. Такимъ образомъ, вся Ѳессалія, за исключеніемъ южной ея части, которая съ городомъ Новыми Патрами принадлежала Каталонскому герцогству, снова была возвращена Византіи.

Въ то же время, жившіе въ горахъ Ѳессаліи четыре албанскихъ племени называемые Кантакузиномъ: Ἀλβανοί, Μαλακάσιοι, Μπούιοι, Μεσαρίται, до сихъ поръ пользовавшіеся независимостью (ἀβασίλευτοι), признали власть императора [3]. Всѣ эти важныя пріобрѣтенія были сдѣланы въ 1334 г. [4]).

Въ 1336 г. начались завоеванія Стефана Душана въ Албаніи (средней). Онъ взялъ Драчъ и покорилъ сосѣднія албанскія племена. Но едва ли въ это время его власть распространилась въ глубь Албаніи, въ страну такъ-называемыхъ независимыхъ Албанцевъ, лишь

---

[1]) *Hopf*, p. 431; *Макушевъ*, Историческія разысканія о Славянахъ въ Албаніи, стр. 40.
[2]) Cantacuz., II, c. 28, t. I, p. 473.
[3]) Cant., II, c. 28, p. 474. О названіяхъ этихъ племенъ у *Макушева*, стр. 41.
[4]) *Parisot*, p. 121.

номинально признававшихъ власть имперіи (съ 1328 г.). Душанъ стремится теперь къ завоеванію Македоніи, и по видимому, Драчъ даже не вполнѣ удержалъ за собою [1]). Тѣмъ не менѣе, этотъ походъ Сербовъ вызвалъ движеніе и у другихъ албанскихъ племенъ. Въ томъ же 1336 г. Албанцы, жившіе въ окрестностяхъ Бѣлграда (Βαλάγριτα) и Канины, разграбили эти города и производили опустошенія по окрестной странѣ. Высланное противъ нихъ войско заставило ихъ уйдти въ горы. Но вскорѣ они снова спустились въ долины и предались грабежу. Особенно потерпѣли отъ нихъ Бѣлградъ, Канина, Скрапаръ, Клисура и Томоръ. Извѣстіе о возстаніи Албанцевъ пришло въ Константинополь одновременно съ другимъ: деспотъ эпирскій Іоаннъ Кефалонскій умеръ отъ яда, поднесеннаго его женой; въ странѣ шла борьба партій по вопросу — кому передать правленіе. Слѣдовательно, представлялась возможность вмѣшаться и въ эпирскія дѣла и присоединить къ имперіи такъ давно отторгнутую отъ нея провинцію. Андроникъ рѣшился самъ отправиться на западъ. Весною 1337 г. онъ съ Кантакузиномъ, съ значительнымъ войскомъ и съ турецкимъ отрядомъ, присланнымъ Омуромъ, чрезъ Ѳессалію прошелъ въ Албанію. Постепенно разбивая Албанцевъ, онъ дошелъ до Драча. Возстаніе было подавлено; много Албанцевъ перебито, много уведено въ рабство Турками [2]). Огромныя стада — составляли добычу побѣдителей.

Еще удачнѣе было движеніе на Эпиръ. Изъ двухъ партій, на которыя раздѣлилось населеніе страны, взяла верхъ партія, желавшая подчиненія имперіи. Деспина Анна вошла въ соглашеніе съ Андроникомъ. Она должна была отказаться отъ управленія. Эпиръ и Акар-

---

[1]) Вопросъ этотъ представляется темнымъ даже у новѣйшаго изслѣдователя албанской исторіи—Проф. *Макушева*. Въ «Разысканіяхъ» на стр. 46, онъ говоритъ, что Душанъ въ 1336 г. овладѣлъ Драчемъ и потомъ въ 4 года покорилъ всю Албанію до Янины, а на 44-й категорически заявляетъ, что до 1349 г. Драчъ еще принадлежалъ Анжуйцамъ. Въ обоихъ случаяхъ ссылка на анжуйскіе регистры. Можетъ быть Анжуйцы только считали себя владѣтелями Драча, то-есть, были титулованные герцоги Драчскіе. Мнѣ кажется, что къ Сербамъ перешла теперь собственно анжуйская часть Албаніи (приблизительно между городами: Албанонъ (Эльбасанъ), Кроя и Сидерокастро.

[2]) Cantacuz., II, c. 32. Императоръ изъ человѣколюбія выкупилъ многихъ изъ плѣнныхъ Албанцевъ. Византійцы же, говоритъ нашъ историкъ, не брали рабовъ: Ῥωμαῖοι δὲ ἀνθρώπους μὲν οὐκ ἐξηνδραποδίζοντο. οὐδὲ γὰρ ἔξεστιν αὐτοῖς, εἰ μὴ ἀπὸ βαρβάρων εἶεν τῶν τῇ σωτῆρος Χριστοῦ ὑπὲρ ἡμῶν οἰκονομίᾳ μὴ πεπιστευκότων· (T. I, p. 497).

нанія и принадлежавшіе къ нимъ острова вошли въ составъ имперіи. Всѣ просьбы Анны о предоставленіи странѣ независимаго управленія Андроникъ отклонилъ, какъ несогласныя съ интересами Византіи. Онъ согласился только на бракъ малолѣтняго сына умершаго Іоанна, Никифора, съ одною изъ дочерей Іоанна Кантакузина [1]). Но за тѣмъ мать и сынъ должны были оставить Арту и переселиться въ Өессалонику, гдѣ имъ отведены были богатыя помѣстья. Императоръ провелъ довольно долгое время въ присоединенныхъ провинціяхъ; объѣзжалъ города, принималъ отъ прежняго правительства отдѣльные округа, вводилъ вездѣ византійскую организацію и только лѣтомъ 1338 г. вернулся въ столицу, для празднованія свадьбы дочери Маріи съ Александромъ болгарскимъ. Уѣзжая онъ предоставилъ управленіе прежнимъ деспотствомъ протостратору Синадену. Кантакузинъ съ восторгомъ описываетъ радость Андроника по случаю пріобрѣтенія, безъ всякихъ потерь и расходовъ, такой большой территоріи, оторванной отъ имперіи со временъ Алексѣя Ангела: всѣ попытки его предшественниковъ соединить ее съ Византіей не удавались и только онъ, Андроникъ, рѣшилъ и притомъ такъ легко эту задачу [2]).

Но если легко досталось присоединеніе Акарнаніи и Эпира, то все-таки пришлось употребить значительныя усилія для обороны ихъ противъ притязаній Латиновъ. Анжуйцамъ, особенно титулованной императрицѣ Романіи, Катеринѣ Валуа, былъ весьма непріятенъ новый успѣхъ Палеологовъ. Она немедленно принимаетъ мѣры, чтобы пресѣчь зло въ самомъ началѣ. Неапольскій намѣстникъ Драча Алоизій Карачіоло [3]) получилъ отъ нея предписаніе возстановить на престолѣ Никифора II. Онъ снесся съ анти-византійскою партіей въ самомъ Эпирѣ, и едва императоръ отправился въ обратный путь, какъ Никифоръ съ своимъ учителемъ Ричардомъ былъ увезенъ въ Патры, а оттуда въ Тарентъ. Катерина объявила его женихомъ одной изъ своихъ дочерей и начала вооруженія для защиты правъ будущаго зятя. Движеніе въ деспотствѣ приняло значительные размѣры. Очень вѣроятно, въ немъ приняли участіе и Албанцы [4]). Артою

---

[1]) Анна знала о роли, какую игралъ при дворѣ Кантакузинъ, можетъ быть, догадывалась даже о его честолюбивыхъ замыслахъ въ будущемъ и старалась какъ можно болѣе сблизиться съ нимъ.

[2]) Cant., II, c. 33, p. 504.

[3]) *Hopf*, p. 443.

[4]) Вожди ихъ Музаки и графъ Танусъ Топія; см. *Макушевъ*, стр. 44.

завладѣлъ одинъ изъ приверженцевъ Никифора, Николай Василица; протостраторъ Синаденъ былъ брошенъ въ тюрьму; Алексѣй Кавасила захватилъ Рого; въ Ѳомокастрѣ [1]) укрѣпились другіе приверженцы той же партіи. Впрочемъ, этими тремя городами и ограничились успѣхи мятежниковъ; другіе болѣе или менѣе значительные города, какъ Месопотано, Сокото, Химарра, Аргирокастро, Парга, С. Донато, Ангелокастро, Янина—остались вѣрны императору, и вообще большинство народа было на сторонѣ послѣдняго именно потому, что не сочувствовало вмѣшательству Латиновъ. Вскорѣ явился и Карачіоло съ войскомъ и Никифоромъ. Андроникъ предварительно послалъ для защиты оставшихся вѣрными ему городовъ Іоанна пинкерну и Мономаха. Весною же 1340 г., съ немногочисленнымъ войскомъ, но съ постояннымъ своимъ сопутникомъ, онъ поспѣшилъ и самъ въ возставшія области. Непріятели не выходили въ открытое поле, военныя дѣйствія ограничились обложеніемъ занятыхъ ими городовъ; но всѣ города были хорошо укрѣплены и достаточно снабжены провіантомъ. Осада затянулась; императоръ по неволѣ прибѣгъ къ часто употребляемому имъ дипломатическому пути, который и былъ блистательно выполненъ Кантакузиномъ. Съ обычною своею ловкостію великій доместикъ умѣлъ сойдтись лично со всѣми вождями противниковъ и столько же своимъ краснорѣчіемъ, сколько обѣщаніями достигъ вездѣ полнаго успѣха переговоровъ. Кавасила долго упорствовалъ, наконецъ прельстился предложеннымъ ему званіемъ великаго коноставла и сдалъ Рого [2]). Передъ Василицею Кантакузинъ держитъ убѣдительную рѣчь о необходимости гражданамъ Арты подчиниться Андронику, какъ единственному законному императору и здѣсь добивается своей цѣли. Можетъ быть и на Василицу, какъ на Кавасилу, подѣйствовало не одно краснорѣчіе императорскаго доместика, но и еще что нибудь, о чемъ Кантакузинъ умалчиваетъ [3]). Болѣе всего оказала сопротивленіе императору третья крѣпость Ѳомокастро; своимъ прекраснымъ приморскимъ положеніемъ она была поставлена въ лучшія условія касательно полученія провіанта, при

---

[1]) На Адріатическомъ морѣ, названный по имени бывшаго деспота Ѳомы и до того называвшійся Архангело.

[2]) Cant., II, cc. 34—35.

[3]) Cant., II, 36. Какъ ни рисуется Кантакузинъ своими дипломатическими рѣчами, несомнѣнно весь успѣхъ кампаніи зависѣлъ отъ его дѣятельности. Эти заслуги признаетъ и Григора (XI, с. 9).

томъ въ ней находился Никифоръ съ неапольскимъ отрядомъ. Кантакузинъ завелъ переговоры черезъ упомянутаго наставника Никифора — Ричарда. Въ длинной искусной рѣчи онъ изобразилъ предъ нимъ необходимость рано или поздно уступить императору: „Тарентинцы—де (то-есть, Анжуйцы) сами слабы и не въ состояніи оказать имъ серьёзной помощи [1]). Такъ не лучше ли имъ добровольно сдать городъ теперь и за это воспользоваться милостями императора. Въ послѣднемъ случаѣ Никифора ожидаетъ завидное положеніе: великій доместикъ самъ воспитаетъ и взлелѣетъ его и выдастъ за него свою дочь (что составляетъ даже величайшее счастье) а императоръ съ своей стороны изъ одного расположенія къ Кантакузину осыплетъ его всѣми почестями и благодѣяніями“ [2]). Предложенія Кантакузина были приняты. Ѳомокастро сдался; Никифоръ ласково принятъ Андроникомъ, получилъ титулъ „паниперсеваста“ и переѣхалъ въ Ѳессалонику. Намѣстникомъ Эпира и Ѳессаліи поставленъ пинкерна Іоаннъ Ангелъ [3]).

---

[1]) У нихъ въ Эпирѣ всего три крѣпости: Вонтица, Буѳротонъ и Навпактъ (Лепанто). Cantacuz., II, c. 37, t. I, p. 529.

[2]) Cant., II, c. 37. Кантакузинъ здѣсь съ особеннымъ удовольствіемъ указываетъ на любовь къ нему Андроника и намекаетъ на свое первенствующее положеніе въ имперіи: «ἐγώ γὰρ αὐτῷ τὴν ἐμὴν κατεγγυήσω θυγατέρα ὅπερ ὅτι γε οὐδενὸς δεύτερον εἰς εὐτυχίας λόγον οὐδ' αὐτοὶ ἀγνοεῖτε δήπου. ἐγώ τε γὰρ ὡς υἱὸν ἐκθρέψω καὶ βασιλεὺς τῆς εἰς ἐμὲ εὐνοίας ἕνεκα τιμαῖς τε καὶ πολλαῖς εὐεργεσίαις περιφανῆ παρὰ Ῥωμαίοις θήσει (p. 532).

[3]) Событія албано-эпирской исторіи времени Андроника Младшаго у разныхъ изслѣдователей излагаются въ различномъ хронологическомъ порядкѣ. *Паризо* (стр. 133—39) и *Муральтъ* (стр. 567—573), относятъ возстаніе Албанцевъ къ 1336 г., походъ Андроника въ Албанію и Эпиръ къ 1337 г., начало движенія въ Эпирѣ въ пользу Никифора—къ 1338 г., а послѣднюю кампанію Андроника въ Эпиръ къ 1340 г. Другіе, какъ *Хопфъ* (стр. 440—443), *Хертцбергъ* (II, стр. 275—277) и *Макушевъ* (стр. 41 и сл.), передвигаютъ всѣ событія на годъ назадъ. По нимъ выходитъ, что въ 1335 г. возстали Албанцы, весною 1336 г. ихъ разбилъ Андроникъ и въ томъ же 1336 г. овладѣлъ Албаніею и Эпиромъ. Основаніемъ къ такой перестановкѣ послужилъ повидимому документъ—неизвѣстный двумъ первымъ изслѣдователямъ — манифестъ неапольскаго короля. Роберта, 19 августа 1336 г., индикта IV (Registr. Angiov., vol. CCCII, f. 96) къ албанскимъ боярамъ, въ которомъ онъ проситъ ихъ отложиться отъ короля Рассіи, узурпатора Албанскаго королевства и герцогства Драчскаго (a Rege Rasie Regni Albaniae et Ducatus Duracii detontore illicito abscendere). По всей вѣроятности, дѣлая отсюда заключеніе о завоеваніи всей средней Албаніи Душаномъ въ 1336 г., г. Макушевъ и другіе допустили, что первый походъ Андроника въ

Такимъ образомъ Византіи была возвращена вся сѣверная Греція и восточная часть средней (Акарнанія и Этолія). Оставалось сдѣлать попытки противъ Каталонскаго герцогства и Мореи и этимъ докончить возсоединеніе греческихъ земель полуострова. Но Андроникъ былъ утомленъ; постоянныя войны окончательно сломили его здоровье, разстроенное еще въ молодыхъ годахъ. Смерть быстро приближалась къ нему. Нечего было и думать о новыхъ предпріятіяхъ. Мало того, ему пришлось увидѣть, какъ значительная часть имъ пріобрѣтеннаго была утрачена. Почти одновременно съ его успѣхами въ Албаніи и Эпирѣ начинаетъ свои завоеванія въ эту сторону и Стефанъ Душанъ; онъ идетъ словно по пятамъ императора все далѣе къ югу, и когда Эпиръ и Акарнанія признали византійское правительство, средняя Албанія—до Янины—дѣлается частью Сербскаго кралевства (1340—1341). Если прибавить, что часть Македоніи также уже была завоевана Душаномъ и къ этимъ потерямъ на западѣ присоединить все, что было вырвано у Византіи Турками, то окажется, что территоріальное могущество имперіи и въ царствованіе Андроника, при всей его энергіи и небезуспѣшности веденной имъ борьбы съ врагами, особенно Латинами, почти не увеличилось.

Бросая взглядъ на всѣ событія этого царствованія, нельзя не при-

---

Албанію и Эпиръ долженъ былъ предшествовать занятію Драча Сербами. Что касается до меня, то я слѣдую распредѣленію Паризо и Муральта. Сопоставивъ показанія Григоры и Кантакузина, я убѣдился, что расчетъ того и другаго ученаго нельзя не признать вѣрнымъ. Отвергнуть его и признать 1336 вмѣсто 1337 г. за годъ усмиренія Албаніи и присоединенія Эпира—значитъ перепутать всѣ событія послѣднихъ годовъ царствованія Андроника. Куда, напримѣръ, отнести въ такомъ случаѣ лесбоскую и фокейскую войны? Не говоря о нѣкоторыхъ частностяхъ, въ родѣ той напримѣръ, что отрядъ Омура въ войскахъ императора противъ Албанцевъ могъ участвовать только послѣ 1336 г., которыя не позволяютъ поставить походъ Андроника на Албанію раньше нашествія Душана, мнѣ кажется, что хронологія Паризо нисколько не подрывается упомянутымъ анжуйскимъ документомъ. Изъ него не видно, чтобы Душанъ завоевалъ всю среднюю Албанію. Тутъ идетъ рѣчь только объ анжуйскихъ владѣніяхъ Албаніи, которыя на югъ не простирались далѣе Эльбассана. Слѣдовательно, ничто не мѣшало Андронику идти усмирять Албанцевъ въ 1337 г. Сербы врядъ ли могли препятствовать императору въ преслѣдованіи Албанцевъ до Драча, еслибъ даже этотъ городъ оставался въ ихъ власти: въ 1336 г., они бросаются главнымъ образомъ на Македонію, и торопиться подчиненіемъ воинственныхъ Албанцевъ и безъ того вредившихъ имперіи, имъ было нечего. Г. Макушевъ говоритъ между прочимъ, что Андроникъ разграбилъ Драчъ (стр. 42), но у Кантакузина нѣтъ ничего подобнаго. Онъ говоритъ только: καὶ μέχρι 'Επιδάμνου ἦλθε ληιζόμενος αὐτοὺς, II, с. 32, t. I, p. 496.

знать, что Кантакузинъ играетъ въ нихъ видную роль и при всѣхъ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ стоитъ всюду на высотѣ государственныхъ интересовъ. Онъ вполнѣ понимаетъ ихъ и служитъ имъ всѣми своими военными и дипломатическими способностями. Вездѣ онъ умѣетъ найтись, вездѣ такъ либо или иначе сокрушаетъ враговъ. При разстроенныхъ финансахъ, онъ успѣваетъ организовать хорошее войско и значительный флотъ, благодаря которому и сдѣлались возможными успѣхи въ борьбѣ съ Латинянами въ Архипелагѣ. Словомъ, заслуги Кантакузина — великаго доместика для Византіи — несомнѣнны. Сохрани онъ за собою то же политическое положеніе въ государствѣ и въ послѣдующее царствованіе—и его дальнѣйшее управленіе дѣлами, вѣроятно, принесло бы еще болѣе пользы имперіи. Давъ отпоръ Туркамъ и Латинамъ, найдя союзниковъ въ Сельджукахъ, удачно расширивъ предѣлы Византіи къ югу, онъ могъ бы теперь обратить вниманіе и на могущественнаго сербскаго краля, съумѣлъ бы вѣроятно остановить его быстрое завоевательное нашествіе.

Но обстоятельства измѣнились. Послѣ смерти Андроника, разразилась надъ имперіею новая междоусобная война, болѣе жестокая и гибельная по послѣдствіямъ, чѣмъ борьба двухъ Андрониковъ. Главное дѣйствующее лицо въ ней — Кантакузинъ—является въ новой роли. Провозгласивъ себя императоромъ, въ погонѣ за фактическимъ удержаніемъ власти, онъ забываетъ о самыхъ насущныхъ интересахъ Византіи, и незамѣтно для самого себя, изъ прежняго защитника и собирателя имперскихъ земель, превращается въ губителя своей страны, наводящаго на нее цѣлыя массы враговъ. Своими руками онъ разрушаетъ то, что̀ незадолго предъ симъ самъ же создалъ. Всѣ усилія, все напряженіе государственныхъ силъ, потраченныя въ двѣнадцатилѣтнее царствованіе Андроника не привели ни къ чему; добытые имъ результаты окончательно исчезли подъ страшными ударами пятилѣтняго междоусобія.

V.

15-го іюня 1341 года скончался Андроникъ III Младшій. Старшему его сыну Іоанну Палеологу едва минуло одиннадцать лѣтъ [1]. Распоряженій объ опекѣ передъ смертью императоръ не сдѣлалъ никакихъ. Но врядъ ли онъ намѣренъ былъ передать регентство исключительно одному Кантакузину. Между тѣмъ послѣдній тотчасъ же принялъ на себя роль опекуна надъ царскимъ семействомъ и верховнаго правителя дѣлами государства. Онъ окружилъ дворецъ царевичей стражей и разослалъ предписаніе къ областнымъ правителямъ о поддержаніи порядка и повиновенія во ввѣренныхъ имъ провинціяхъ [2]. Несомнѣнно, что теперь онъ не помышлялъ еще объ узурпаціи престола у Іоанна Палеолога [3], но онъ ясно обнаружилъ намѣреніе не допускать никого къ браздамъ правленія, а отъ безконтрольнаго единоличнаго регентства недалеко было и до узурпаціи. Въ своихъ запискахъ Кантакузинъ увѣряетъ, что въ это время императрица Анна относилась къ нему съ полнымъ довѣріемъ и ничего не имѣла противъ занимаемаго имъ положенія. Едва ли это такъ. Мы видѣли, какъ при жизни Андроника ихъ взаимное нерасположеніе выражалось въ цѣломъ рядѣ интригъ; теперь честолюбивой Аннѣ Кантакузинъ долженъ былъ казаться еще опаснѣе. Совершенно естественно ей было подумать о составленіи противъ него оппозиціи. Сначала она, конечно, скрывала свои замыслы и въ виду обаянія, которымъ пользовался Кантакузинъ въ высшихъ слояхъ населенія столицы, притворно упрашивала его не оставлять государства, когда онъ при первомъ гласномъ заявленіи оппозиціи притворно же отказывался отъ всякаго участія въ управленіи [4]; но эта скрытность должна была исчезнуть, когда

---

[1]) Cant. II, c. 40, p. 560; Greg. XI, c. 11, p. 560.

[2]) Cant. II, c. 40 и III, c. I; Greg. XII, c. 2.

[3]) Григора, впослѣдствіи противникъ Кантакузина, настойчиво защищаетъ его противъ такого тяжелаго обвиненія (Greg. XII, cc. 2—6).

[4]) Cantac. III, cc. 2—6; Greg. XII. Кантакузинъ былъ огорченъ выходкою Хумна при обсужденіи требованія Александра Болгарскаго выдать укрывавшагося въ Византіи Шишмана (изгнаннаго изъ Болгаріи въ 1331 г.). О комиче-

число приверженцевъ Анны увеличилось и обстоятельства дали возможность дѣйствовать открыто.

Болѣе всего повредило Кантакузину его стремленіе къ исключительному вліянію на государственныя дѣла. Оно сразу создало ему двухъ враговъ, которые и оставались потомъ все время вождями противной партіи и постоянными совѣтниками императрицы. Его же креатура, патріархъ Іоаннъ Апрійскій, основываясь на томъ, что Андроникъ, во время похода своего въ Акарнанію, поручалъ его вѣдѣнію столицу, что онъ же еще до кончины императора произнесъ анаѳему всѣмъ, кто замыслитъ что-либо противъ царскихъ дѣтей, предъявилъ свои права на участіе въ регентствѣ. Кантакузинъ противодѣйствовалъ, но долженъ былъ уступить патріарху и Аннѣ. Іоаннъ участвуетъ въ государственномъ совѣтѣ, переѣзжаетъ во дворецъ, словомъ—становится однимъ изъ царскихъ опекуновъ. Съ этого времени онъ приверженецъ Анны и противникъ великаго доместика [1]. Точно также Кантакузинъ не сумѣлъ привязать къ себѣ другую свою креатуру — Апокавка. Роль этой пронырливо-хитрой, алчной и властолюбивой личности и ея отношенія къ своему покровителю въ описаніяхъ Григоры и Кантакузина являются весьма загадочными. Какъ при жизни Андроника, такъ и послѣ его смерти, Апокавкъ, кромѣ вреда имперіи и лично Кантакузину, ничего не дѣлаетъ, а между тѣмъ пользуется непрестанно благоволеніемъ послѣдняго, и Кантакузинъ „по своей кротости“ всегда прощаетъ его, ходатайствуетъ за него, и вновь поручая ему тѣ или другія государственныя должности, тѣмъ самымъ даетъ ему возможность совершать новыя злоупотребленія. Такъ, едва устраненный отъ управленія финансами за участіе въ заговорѣ Сиргіана, Апокавкъ въ 1339 г. сдѣланъ былъ адмираломъ флота, на постройку котораго отпущена значительная сумма; но вмѣсто судовъ онъ воздвигъ себѣ укрѣпленный замокъ Эпиваты, который впослѣдствіи долженъ былъ послужить орудіемъ его коварныхъ замысловъ [2]. Незадолго до кончины Андроника, онъ предлагалъ Кантакузину возложить на себя императорскую корону. Кантакузинъ съ негодованіемъ от-

---

скомъ характерѣ отказа Кантакузина и упрашиваніи императрицы ср. *Parisot*, p. 167.

[1]) Cantac. III, c. 2; Greg. XII, c. 2.

[2]) Cantac. II, c. 38.

вергъ предложеніе [1]); стремясь къ власти, онъ былъ всегда противъ явнаго насилія. Тѣмъ не менѣе Апокавкъ не былъ лишенъ милостей. Онъ сдѣланъ былъ протовестіаріемъ, слѣдовательно, занялъ довольно видное мѣсто по внутренней администраціи. Но этого ему было мало послѣ его перваго поста при государственной казнѣ; онъ домогался исключительнаго положенія въ имперіи, и потерявъ надежду быть первымъ лицомъ при Кантакузинѣ-императорѣ, перешелъ на сторону Анны, которая обѣщала ему въ случаѣ успѣха то, чего онъ желалъ. Идя прямо къ цѣли, онъ (вѣроятно съ согласія императрицы [2]) сдѣлалъ вскорѣ попытку овладѣть особой малолѣтняго императора. Кантакузинъ во-время открылъ заговоръ, предалъ Апокавка суду, но въ концѣ концовъ самъ же помиловалъ его [3]). Такое излишнее милосердіе къ столь опасному человѣку обошлось ему дорого. Апокавкъ еще тѣснѣе примкнулъ къ его врагамъ и посредствомъ клеветы и интригъ окончательно сплотилъ противъ него при дворѣ оппозиціонную партію. Вокругъ него, какъ вождя, сгруппировались: патріархъ, Гавала [4]), тесть Кантакузина—Андроникъ Асанъ и два брата послѣдняго, Константинъ и Исаакъ Асаны, Хумнъ, Изабелла (Цампа), самая близкая къ Аннѣ придворная дама, и многіе другіе. Вся интрига развилась чрезвычайно быстро. Въ половинѣ октября, слѣдовательно, на пятый мѣсяцъ послѣ смерти Адроника, она совсѣмъ созрѣла; заговорщикамъ оставалось только вынудить согласіе все еще колебавшейся императрицы на рѣшительныя дѣйствія и выждать удобной для того минуты. Послѣдняя вскорѣ представилась.

Кантакузинъ видѣлъ собиравшуюся грозу и съ своей стороны принималъ мѣры для отвода ея. Онѣ связываются съ его дѣятельностію въ устраненіи внѣшнихъ затрудненій, которыми ознаменовалось наступленіе этого новаго смутнаго времени для Византійской имперіи. Враги ея какъ бы догадывались, что у нея внутри не ладно, и при первомъ извѣстіи о кончинѣ императора, со всѣхъ сторонъ устреми-

---

[1]) Cantac. II, c. 40, p. 557—60; Greg. XII, c. 2, p. 578.

[2]) Cp. *Parisot*, p. 169.

[3]) Cantac. III, c. 10, p. 70; Greg. XII, c. 8, p. 599.

[4]) Постепенно достигнувъ высшихъ государственныхъ должностей протосеваста, великаго логоѳета и министра двора императрицы, Гавала затѣмъ подвергся преслѣдованію Апокавка и, хотя принялъ монашество, не избѣжалъ темницы. Cantacuz., vol. II, pp. 138, 139, 218, 223, 437, 441, 493, 497.

лись на ея предѣлы. Албанцы [1]) изъ окрестностей Погоніаны и Ливисды (οἱ περὶ Πογονιάνην καὶ Λιβίσδαν νεμόμενοι) опять подняли возстаніе и грабили византійскій Бѣлградъ (Βαλλάγριτα) и другіе города въ Эпирѣ. Турки возобновили опустошеніе ѳракійскихъ береговъ [2]), Александръ Болгарскій грозилъ войною за невыдачу Шишмана [3]); наконецъ Сербы сдѣлали набѣгъ до Солуни (до мѣстечка Криты — τῶν Κρητῶν) [4]). Благодаря обычной своей ловкости и энергіи, Кантакузинъ справляется со всѣми этими невзгодами. При оскудѣніи государственной казны, на свои средства онъ справляетъ флотъ и собираетъ пожертвованія на сформированіе войска [5]); внушительною угрозою напустить на Болгарію Турокъ, которыхъ ему предлагалъ его другъ сельджукскій эмиръ Омуръ [6]), онъ принудилъ Александра заключить миръ въ Стилбнѣ и отказаться отъ своихъ требованій, затѣмъ дважды разбилъ въ Херсонисѣ [7]) Турокъ изъ эмирства Іакчи, предупреждаетъ высадку Саруханa, противъ котораго неудачно дѣйствовалъ командовавшій флотомъ Апокавкъ [8]), и въ обезпеченіе отъ нападеній Османовъ возобновилъ миръ съ Орханомъ [9]).

Пребываніемъ въ западныхъ провинціяхъ Кантакузинъ воспользовался частью для свиданія и совѣта съ вліятельными людьми своей партіи, какъ напримѣръ съ Синаденомъ [10]) (ближайшимъ другомъ, который очевидно не безъ намѣренія былъ поставленъ имъ правителемъ Ѳессалоники, второй столицы), Константиномъ Палеологомъ, Цамвлакомъ, Іоанномъ Ангеломъ, а частью для привлеченія на свою сторону новыхъ лицъ, какъ напримѣръ, полунезависимыхъ сербскихъ владѣте-

---

[1]) Cantac. III, c. 12, p. 81.

[2]) Cant. III, c. 10, p. 69.

[3]) Cant. III, c. 2; Greg. XIII, cc. 5—7.

[4]) Cant. III, c. 12, p. 79.

[5]) Нѣкто Патрикіота пожертвовалъ на нужды государства все свое состояніе—до 140,000 золотыхъ монетъ. Cant. III, c. 8, p. 62.

[6]) Омуръ собственно также намѣревался пограбить имперію; но Кантакузинъ напоминаетъ о своей дружбѣ и заставляетъ его не только отозвать свои полчища, но и предоставить ихъ въ его распоряженіе. Cant. III, c. 7, p. 55. Greg. XII, c. 7.

[7]) Cant. III, c. 10.

[8]) Cant. III, c. 11.

[9]) Cant. III, c. 9.

[10]) Cant. III, c. 11.

лей—Оливера и Хреля [1]). Теперь же онъ занялся укрѣпленіемъ Димотики, которая служила ему важнѣйшимъ опорнымъ пунктомъ во все время междоусобной войны. Такимъ образомъ, обѣ стороны готовились къ открытой борьбѣ.

Между тѣмъ въ настоящій моментъ междоусобія были менѣе всего желательны. Представлялся удобный случай возсоединить съ Византіей и остальную часть Пелопонниса. Въ герцогствѣ Аѳинскомъ шла борьба феодаловъ съ намѣстниками Катерины Валуа Тарентской. Правленіе Флорентинца Якова ди-Донато Аччіаули (Accijaouli), въ 1341 г. замѣнившаго любовника титулованной императрицы Николо Аччіаули, наконецъ вывело изъ терпѣнія сильную партію французскихъ рыцарей и гасмуловъ. Они рѣшились искать соединенія съ византійскою областью Мизиерой и отправили посольство къ Кантакузину. Ихъ уполномоченные епископъ Коронскій Израиль и гасмулъ Іоаннъ Сидира явились въ Димотику и объявили великому доместику, что франкскіе бароны готовы признать власть императора, принять его стратиговъ и платить ему все, что платили герцогу (πρίγγιπι), но съ тѣмъ, чтобы за ними были сохранены ихъ лены. Кантакузинъ принялъ предложеніе, обѣщалъ слѣдующею весною съ войскомъ прійдти въ Морею, а теперь послалъ съ депутатами въ качествѣ повѣреннаго родственника своего Якова Врулу (Βρουλᾶν τὸν Ἰάκωβον [2]). Онъ понималъ важность своевременнаго вмѣшательства въ латинскія распри и рѣшилъ какъ можно скорѣе уладить дѣло съ Стефаномъ Душаномъ, съ тѣмъ чтобы приготовиться какъ слѣдуетъ къ походу въ Пелопоннисъ. Съ Сербами былъ возобновленъ прежній міръ; но пелопоннисскій походъ не осуществился [3]).

Послѣ своихъ успѣховъ Кантакузинъ пріѣхалъ ненадолго въ Царьградъ, но 28-го сентября 1341 года снова вернулся въ Димотику; кромѣ приготовленія къ завоеванію Пелопонниса, онъ думалъ принять отсюда

[1]) Ср. *Parisot*, p. 173.

[2]) Cant. III, c. II, p. 75; *Hopf*, Griechenland im Mittelalter, p. 434.

[3]) Cant. III, c. 12. «Если мы, съ Божіею помощію, присоединимъ къ имперіи Латиновъ, живущихъ въ Пелопоннисѣ», говорилъ Кантакузинъ на военномъ совѣтѣ,—«то и Каталонцы, владѣющіе Аттикой и Віотіей, должны будутъ подчиниться намъ; и тогда, съ возстановленіемъ имперіи Ромеевъ отъ Пелопонниса до Византіи (какъ было въ прежнія времена), ничего не будетъ стоить потребовать удовлетворенія отъ Сербовъ и другихъ варварскихъ народовъ за обиды, которыя они наносили намъ въ теченіе столь долгаго времени». Ibidem, p. 80.

мѣры къ усмиренію Албанцевъ. Отсутствіемъ его и воспользовалась противная партія. Анна уступила совѣтамъ своихъ новыхъ друзей и рѣшилась на открытый разрывъ съ великимъ доместикомъ. Патріархъ окончательно объявилъ себя во главѣ регентства, Апокавкъ поставленъ былъ правителемъ Царьграда и всѣхъ непосредственно подчиненныхъ ему городовъ и острововъ [1]). Гавала сдѣланъ протосевастомъ, а потомъ великимъ логоѳетомъ; всѣ прочіе вожди оппозиціи также захватили важныя и почетныя должности. Кантакузинъ объявленъ былъ измѣнникомъ государству [2]), домъ его разрушенъ, имущество разграблено; приверженцы его подверглись систематическому преслѣдованію: многіе изъ нихъ были брошены въ тюрьмы, но большая часть успѣла покинуть столицу и бѣжала въ Димотику. Кантакузинъ черезъ особаго посла просилъ у императрицы объясненія по поводу переворота, но посолъ его былъ задержанъ, а вмѣсто отвѣта онъ получилъ за государственною печатью предписаніе отказаться отъ всѣхъ государственныхъ должностей и вести частную жизнь, безъ выѣзда, въ Димотикѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, Кантакузинъ, 26-го октября 1341 года [3]), въ Димотикѣ торжественно возложилъ на себя императорскую одежду. Онъ все-таки хотѣлъ сколько возможно скрыть свою узурпацію и велѣлъ поминать во время церемоній себя и свою супругу императрицу Ирину послѣ Анны и Іоанна Палеолога [4]). Какъ бы то ни было, въ имперіи явились два императора; началась новая междоусобная война [5]).

Мы не станемъ слѣдить за нею во всѣхъ подробностяхъ, пере-

---

[1]) Gregor. XII, c. 10, p. 607. διοικητὴν καὶ ἀγορανόμον καὶ ἐπίτροπον Βυζαντίου τε καὶ τῶν ὑπὸ τὸ Βυζάντιον πόλεων, ἅμα καὶ νήσων καὶ ρητῶν καὶ ἀπορρήτων διανομέα.

[2]) Въ этомъ случаѣ особеннымъ усердіемъ отличился патріархъ, въ своей ненависти къ Кантакузину забывшій о высотѣ занимаемаго имъ мѣста, обязывавшаго его къ возможно большему проявленію чувства христіанскаго всепрощенія. Григора говоритъ (XII, c. 10, p. 606.) о немъ: βεβαίας ὑπισχνεῖτο τὰς αἰωνίους ἀντιδόσεις καὶ ἀΐδια τὰ τῶν πόνων ἔπαθλα εἰ Καντακουζηνὸν ἀνέλοι τις φαρμάκοις δηλητηρίοις, ἢ δολεραῖς τισιν ἐπιορκίαις καὶ γοητείαις δαιμονικαῖς ἢ ὅτῳ ἂν δυνηθείη τρόπῳ.

[3]) *Muralt*, p. 580.

[4]) Cant. III, c.c. 22—27. Greg. XII, c. 10—12.

[5]) Кантакузинъ старается представить свое провозглашеніе императоромъ какъ актъ, необходимый для блага государства, притомъ вынужденный его друзьями. Григора также доказываетъ законность его дѣйствій, проникнутыхъ чувствами

сказывать всѣ военныя передвиженія, диверсіи, осады городовъ, которыми она такъ изобилуетъ, и которыя весьма обстоятельно и согласно изложены у самого Кантакузина и у Григоры. Имя Сербскаго краля Стефана Душана тѣсно связано съ этими междоусобіями. Онъ принялъ въ нихъ непосредственное участіе и успѣлъ извлечь большія выгоды. Къ этому времени смутъ относятся важнѣйшія его пріобрѣтенія на счетъ Византіи. Все, касающееся его отношеній къ Кантакузину и къ партіи императрицы Анны, мы соберемъ и разъяснимъ въ возможной полнотѣ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же постараемся представить общій характеръ войны, отмѣтимъ важнѣйшія явленія въ ея ходѣ и гибельныя послѣдствія, которыми она отозвалась на имперіи.

Первые годы борьбы были неудачны для Кантакузина. Она сразу усвоила характеръ не простаго вооруженнаго соперничества придворныхъ партій, а борьбы народной, сословной. Дѣло въ томъ, что въ XIV вѣкѣ экономическо-соціальное положеніе имперіи представляло печальный видъ. Вслѣдствіе постоянныхъ политическихъ переворотовъ, внутреннихъ потрясеній, безпрестанныхъ нашествій враговъ, земледѣліе, промыслы и торговля всюду упали до послѣдней степени. Массы народа обѣднѣли, цѣлыя семьи оставались безъ дѣла и средствъ. По городамъ такой пролетаріатъ составлялъ большинство населенія. Онъ, конечно, былъ всегда въ антагонизмѣ съ малочисленными знатными фамиліями, которыя обыкновенно сосредоточивали въ своихъ рукахъ власть и богатство. Кантакузинъ—самъ родовитаго происхожденія и богатый человѣкъ — во всей предыдущей дѣятельности опирался на это знатно-богатое меньшинство и на войско, расположеніе котораго онъ дѣйствительно успѣлъ снискать, благодаря тому же своему богатству и личнымъ качествамъ воина. Но теперь подъ рукою войска у него было очень немного [1]), а Апокавкъ зло воспользовался сословнымъ антагонизмомъ. Распространяя посланія объ измѣнѣ Кантакузина, онъ систематически подстрекалъ низшіе классы и пролетаріатъ къ мятежу противъ аристократовъ, какъ ревностныхъ приверженцевъ узурпатора короны у юнаго императора. При отсутствіи расположенія къ личности Кантакузина въ народныхъ массахъ, возбудить негодо-

---

долга и справедливости; намъ кажется, что какъ ни толкуй фактъ, а все-таки Кантакузинъ былъ узурпаторомъ; а на сколько послужила къ благу государства эта узурпація—увидимъ ниже.

[1]) До 2000 всадниковъ; см. Greg. XII, c. 12.

ваніе противъ нарушителей законнаго порядка вещей было не трудно. Во всей Ѳракіи вспыхнула страшная революція [1]). Грабежи, убійства, истязанія ознаменовали начало внутренней анархіи, прежде чѣмъ противники успѣли обнажить мечи для систематической борьбы. Богатая знать, какъ меньшинство, и притомъ не получая никакой поддержки отъ Кантакузина, вездѣ была сломлена. Тѣ, которые хотѣли сохранить свое имущество и положеніе, должны были отказаться отъ солидарности съ Кантакузиномъ. Такимъ образомъ, послѣдній лишился многихъ своихъ друзей, въ помощи которыхъ только и видѣлъ возможность добиться признанія своей власти въ Ѳракіи и другихъ провинціяхъ имперіи. Ѳессалійскій епархъ Мономахъ, правитель Сереса Сирга Деленузіа [2]), солунскій протостраторъ Синаденъ [3]) уклонились отъ признанія его императоромъ; Сирга (женатый прежде на племянницѣ Кантакузина) даже разграбилъ богатыя помѣстья своего родственника, находившіяся въ его области, и завладѣлъ всѣмъ его имуществомъ. Отъ него отпалъ и такой преданный человѣкъ, какъ Константинъ Палеологъ; боясь за участь своей семьи, остававшейся въ Византіи, онъ оставилъ его и присоединился къ сторонникамъ Апокавка [4]). При такомъ положеніи дѣла, всѣ города Ѳракіи за исключеніемъ Димотики и нѣкоторыхъ другихъ [5]), крѣпко держались византійскаго правительства. Тщетно Кантакузинъ старался силой и переговорами

---

[1]) Cantacuz. III, c.c. 28, 29, 30; Greg XII, c.c. 10, 12, 14. Григора не находитъ словъ для передачи всѣхъ ужасовъ: «καὶ μέντοι καὶ γέγονεν ἐντεῦθεν μεγίστη καὶ πολυειδὴς φθορὰ πανταχῇ τῶν 'Ρωμαικῶν ἐν βραχεῖ πραγμάτων οἵαν οὐδεὶς ἐν βραχεῖ παραστῆσαι δύναται λόγος (p. 614); или: «πάντα μὲν τοίνυν ὁπόσα ὁ χρόνος ἐκεῖνος ἔτεκε τὰ δεινὰ ῥάδιον οὐκ ἂν εἴη διεξιέναι. (p. 623).

[2]) Συργὴ Ντελενούσια у Cantac. III, c. 31.; Γὴμ ὁ 'Αρμένιος у Greg. XII, c. 15 (въ латинск. переводѣ Guido). Впослѣдствіи онъ былъ призванъ на царскій престолъ въ Арменію (Cantacus., vol. II, p. 253, 292).

[3]) Синаденъ долго колебался между Кантакузиномъ и Апокавкомъ. Онъ нѣсколько разъ обѣщалъ сдать Солунь своему родственнику, но боясь насилій со стороны демократической партіи Зилотовъ, отказывался отъ своего намѣренія всякій разъ, какъ Кантакузинъ приближался къ городу. Одно время онъ вынужденъ былъ, вмѣстѣ съ солунскими бѣглецами, оставить управляемый имъ городъ и уже присоединился къ Кантакузину, какъ Апокавкъ явился съ сильнымъ войскомъ и заставилъ его перейдти на свою сторону. Cantac. III, cc. 31, 33, 34, 35, 37, 38, 40, 41.

[4]) Cant. III, c. 32.

[5]) Cantac. III, c. 30.

овладѣть Адріанополемъ и Солунью [1]), тщетно осаждалъ Веррію и Анастасіополь (Периѳеорій—Περιθεώριον): нигдѣ онъ не встрѣчалъ сочувствія. Неудачи окончательно деморализовали его небольшой отрядъ. Между тѣмъ самъ Апокавкъ, 19-го ноября 1341 года, устроилъ торжественное коронованіе Іоанна Палеолога [2]), принялъ титулъ „великаго дуки“, наградилъ соотвѣтственными почестями своихъ сообщниковъ [3]) и организовалъ значительныя военныя силы. Очень вѣроятно, что финансовую поддержку для этого онъ нашелъ у Венеціи [4]). Андронику и Ѳомѣ Палеологамъ онъ ввѣрилъ сухопутныя войска, а самъ на 60 судахъ [5]) высадился у Ѳессалоники. Тутъ къ нему присоединился и серескій Сирга. Кантакузинъ стѣсненъ былъ со всѣхъ сторонъ, сообщеніе съ Димотикой ему отрѣзано. Онъ вынужденъ былъ перейдти на сербскую границу и здѣсь вступилъ въ сношенія съ Стефаномъ Душаномъ [6]). Сербскій краль преслѣдовалъ свои цѣли по отношенію къ имперіи и не оказалъ Кантакузину существенной помощи. Онъ оставался его союзникомъ до тѣхъ поръ, пока это было ему выгодно. Присоединивъ къ своимъ войскамъ сербскій отрядъ, Кантакузинъ дважды безплодно осаждалъ Сересъ [7]). Но затѣмъ присланные кралицею Еленою наемные Германцы помогли ему овладѣть Верріей и другими македонскими городами (Сервія, Платамонъ, Петра, Соскъ, Старидола [8]). Въ это время онъ былъ уже признанъ императоромъ въ Ѳессаліи, то-есть, въ той области, гдѣ недавняя его дѣятельность на благо имперіи была у всѣхъ въ памяти. Въ 1342 году послы изъ Ѳессаліи приглашаютъ его принять власть надъ страной. Занятый дѣйствіями подъ Сересомъ, Кантакузинъ не могъ отпра-

---

[1]) Адріанопольцы призвали на помощь Болгаръ, которые заставили отступить войско Кантакузина, но за то сами опустошили окрестности Адріанополя. При отступленіи, однако, Кантакузинъ встрѣтилъ болгарскій отрядъ, разбилъ его и заставилъ Александра Болгарскаго просить мира. Пораженіе Болгаръ докончили Турки, высадившіеся въ это время для грабежа Ѳракіи. Cantac. III, c. 29.

[2]) Greg. XII, 13, Cant. III, c. 36 p. 218.

[3]) Исаакъ Ангелъ сдѣланъ паниперсевастомъ, Хумнъ и Андроникъ Палеологъ — великими стратопедархами, Гавала протосевастомъ, патріархъ получилъ право подписываться лазуревыми чернилами (ἡερανέῳ χρώματι) и украшенія на бѣлый клобукъ. Cantac., ibidem.

[4]) Ср. *Parisot*, p. 179.

[5]) Greg. XIII, c. 1— 50 триремъ.

[6]) Cant. III, c. 41, Greg. XIII, c. 2. et sequ.

[7]) Cant. III. c. 49; Greg., XIII. cc. 3, 5.

[8]) Cant, III c.c. 57, 58; Greg. XIII, c. 5.

виться лично и передалъ Θессалію въ пожизненное, почти независимое правленіе преданному родственнику своему Іоанну Ангелу [1]), который въ 1339 году былъ правителемъ Эпира. Едва утвердившись въ Θессаліи, Іоаннъ Ангелъ подавилъ возстаніе, поднятое бывшею деспиной Анной, захватилъ ее самое, но пощадилъ ей жизнь, не смотря на требованіе многихъ эпиро-θессалійскихъ архонтовъ предать смерти эту преступную виновницу долголѣтнихъ смутъ въ ихъ странѣ. Кромѣ того, онъ успѣлъ воспользоваться обстоятельствами и присоединилъ къ Акарнаніи и Этоліи каталонскія позиціи въ Θессаліи и Локридѣ (Локрахъ Озольскихъ) [2]). Такимъ образомъ, Іоаннъ Ангелъ сталъ сильнымъ правителемъ и уже въ 1343 году явился на помощь Кантакузину, въ то время, когда онъ, прочно утвердившись въ западной части Македоніи (въ Вотіэѣ), вновь пытался овладѣть Θессалоникой. Но и на этотъ разъ демократическая партія мужественно обороняла городъ и не согласилась ни на какіе переговоры [3]).

Между тѣмъ успѣхи Кантакузина на западѣ уже безпокоили Душана. Допустить перевѣсъ одной изъ спорящихъ сторонъ надъ другою было не въ его планахъ. И вотъ онъ сперва отзываетъ свои войска, которыя были въ распоряженіи Кантакузина, затѣмъ заводитъ интриги противъ него, стараясь добиться отпаденія отъ него Верріи и наконецъ открыто переходитъ на сторону его враговъ [4]). Такимъ образомъ изъ своихъ связей съ Душаномъ и знатными Сербами Кантакузинъ извлекъ лишь ту пользу, что въ трудную минуту нашелъ у нихъ убѣжище и получилъ небольшое подспорье для возобновленія войны.

Гораздо бóльшее значеніе имѣла для него дружба съ Сельджукскимъ эмиромъ Омуромъ, которую онъ такъ тщательно подготовилъ во время своего могущества, при жизни Андроника Младшаго. Услуги, оказанныя Кантакузину этимъ Туркомъ, дѣйствительно громадны; только благодаря ему, сдѣлались возможными побѣды Кантакузина въ борьбѣ съ сильною придворною партіей. Въ декабрѣ 1342 г., онъ является спасителемъ Ирины и самой Димотики, со всѣхъ сторонъ окруженной врагами. Не получая никакихъ извѣстій отъ мужа, дове-

---

1) Въ хрисовулѣ, данномъ Іоанну Ангелу при его отправленіи въ Θессалію, Кантакузинъ между прочимъ внушаетъ своему родственнику, что онъ долженъ признать власть не только его, Кантакузина, но и императора Іоанна Палеолога и его матери Анны. Cant. III, c. 53.

2) Cantac. III, c. 53; Greg. XIII, c. 6.

3) Cant. III, c. 53; Greg. XIII, c. 9.

4) Cant. III c.c. 58—61; Greg. XIII, c. 7.

денная до крайности натискомъ вождей Апокавка, Ирина призвала на помощь Александра Болгарскаго. Онъ не замедлилъ явиться, отогналъ Ромэевъ, но затѣмъ самъ началъ опустошать окрестности Димотики и думалъ даже овладѣть самымъ городомъ. Въ эту критическую минуту на 380 судахъ явился въ устьяхъ Хебра (нынѣ Марицы) Омуръ; съ 29,000 онъ подступилъ къ Димотикѣ, освободилъ ее отъ Болгаръ [1]) и заставилъ противниковъ Кантакузина очистить Христополь (нынѣ Кавала). Но онъ не могъ теперь же идти на помощь своему другу: проходы Христопольскіе оставались въ рукахъ его враговъ, холода и недостатокъ провіанта принудили его вернуться въ Смирну [2]). Впрочемъ, отсрочка помощи была непродолжительна. Разрывъ съ Стефаномъ Душаномъ, интриги Апокавка, опустошительныя неистовства Турокъ, насланныхъ константинопольскимъ правительствомъ въ окрестности Верріи, снова поставили Кантакузина въ затруднительное положеніе [3]). Онъ подалъ вѣсть Омуру. Въ августѣ [4]) 1343 г. огромный турецкій флотъ (около 290 судовъ) спѣшилъ уже изъ Смирны къ Өессаловикѣ. При его приближеніи Апокавкъ немедленно удалился въ Византію [5]). Турки, грабившіе Веррію, также убрались. Получивъ такое сильное подкрѣпленіе, Кантакузинъ успѣшно повелъ борьбу. Въ Өессаловикѣ продолжалась анархія, Зилоты жестоко преслѣдовали всякаго, высказывавшаго мысль о необходимости сдать городъ. Брать его силою, слѣдовательно, проливать кровь, Кантакузинъ не хотѣлъ, по словамъ Григоры, „чтя память великомученика Димитрія“, и отклонилъ всѣ предложенія Омура, направленныя въ эту сторону. Вмѣсто того, онъ предпринялъ съ своимъ сильнымъ другомъ движеніе на востокъ, побѣдоносно прошелъ Христопольскія тѣснины, подчинилъ многіе өракійскіе города [6]) и съ торжествомъ вступилъ въ Димотику [7]). Во время этого шествія по Өракіи Турки Омура грабили всѣ встрѣчавшіяся села, опустошали поля, жителей убивали

---

[1]) У Григоры (XIII, с. 4.) любопытны подробности сентиментальнаго характера о безпредѣльной любви Омура къ Кантакузину.

[2]) Cant. III, c. 56; Greg. XIII, c. 4.

[3]) Cant. III, c. 62; Greg. XIII, c. 9.

[4]) *Muralt*, p. 591.

[5]) Cantac. III, c. 63; Greg. XIII, c. 10.

[6]) Заняты были слѣдующіе города: Абдериты, св. Ирина (Ἁγία Εἰρήνη) Побисдо (Ποβίσδος), Кумуцена, Асомато, Парадимо, Кравобуни, Стиларн (Στυλάριον). Cant. III, cc. 64, 65, 66, 67.

[7]) Cantac. III, c. 63—66; Greg. XIV, c. 1.

или брали въ рабство, требуя за освобожденіе большой выкупъ [1]). Чтобъ обезопасить отъ такого опустошенія округи, оставшіеся вѣрными правительству императрицы, и главное, чтобъ удалить отъ Кантакузина его союзниковъ, Апокавкъ прибѣгъ къ хитрости. Путемъ подкупа, онъ возбудилъ въ самихъ Туркахъ недовольство походомъ: они потребовали возвращенія на родину. Омуръ не могъ противорѣчить необузданной ордѣ, но все-таки вытребовалъ изъ Царьграда большую сумму денегъ и суда и переправился въ Азію [2]), обѣщая Кантакузину вскорѣ явиться съ свѣжими силами. Дѣйствительно, черезъ 13 дней Омуръ [3]) прислалъ ему новый вспомогательный отрядъ; самого его удержала необходимость отстаивать собственныя владѣнія.

Мы говорили уже, что Турки Сельджуки составляли бичъ для латинскихъ владѣтелей Греціи и Эгейскаго моря. Въ сороковыхъ годахъ XIV в. Омуръ для нихъ былъ особенно грозенъ. Его огромная сила видна уже изъ той военной помощи, которую онъ посылалъ Кантакузину. Разбойничій флотъ его безпрерывно тревожилъ острова Архипелага и берега Пелопонниса, всюду внося грабежи, убійство, рабство. Онъ самъ сознавалъ свою силу надъ слабыми разрозненными Латинами и въ письмѣ къ папѣ Клименту VI гордо величаетъ себя государемъ Ахаіи [4]). Нѣкоторые латинскіе герцоги и частныя лица не разъ поднимали вопросъ о необходимости общаго похода противъ Турокъ. Но отсутствіе единодушія между представителями греко-латинскаго міра, а главное—безкорыстія и сознанія всей важности предпринимаемой задачи, или совсѣмъ мѣшали осуществленію такого об-

---

[1]) Cant. III, c. 66; Greg. XIII, cc. 9—10.

[2]) Cant. III, c. 67; Greg. XIV, c. 1. *Паризо* (стр. 200) относитъ отъѣздъ Омура и предшествовавшее ему завоеваніе ѳракійскихъ городовъ къ началу 1344 г. Если принять во вниманіе продолжительность совмѣстной кампаніи Кантакузина и Омура и то обстоятельство, что послѣдній (по Кантакузину) вернулся въ Азію до взятія Смирны Латинами, которое Дж. Виллани (l. XII, c. 38 у *Muratori*, Vol. XIII, p. 918) и Райнальдъ (Annal. eccles. an. 1344, № 1) относятъ къ 1344 г., то эта дата оказывается вполнѣ подходящею. Тѣмъ не менѣе, здѣсь и въ событіяхъ войны Латиновъ съ Турками я слѣдую *Хопфу*, не рѣшаясь отвергнуть его расчетъ, основанный на сопоставленіи Виллани и Райнальда съ свидѣтельствами венеціанскихъ источниковъ (Commemoriali и Misti), которые остались мнѣ недоступными.

[3]) Cant. III, c. 68.

[4]) У Giov. Villani, ed. *Dragomani*, Vol. IV. p. 260—262; *Hopf*, p. 410.

щаго предпріятія, или направляли его въ другую сторону и тѣмъ обусловливали его неудачу. Образецъ подобнаго латинскаго вооруженнаго союза противъ Турокъ мы видѣли въ царствованіе Андроника Младшаго. Тогда въ неожиданномъ нападеніи союзнаго флота вмѣсто Турокъ на византійскіе острова Хіосъ и Лесбосъ ясно сказалось, что именно стояло на первомъ планѣ во всѣхъ предпріятіяхъ этихъ ревностныхъ защитниковъ христіанства противъ ислама. Опасность со стороны Омура и поддержка, которую онъ оказывалъ „схизматику Кантакузину“, нанесшему столько ударовъ владычеству Латиновъ на востокѣ, вызвали въ 1343 г. новую унію, которая на этотъ разъ имѣла болѣе серьезный характеръ. Папа Климентъ VI [1]) изъ Авиньона приглашалъ королевъ Неапольскую и Сицилійскую принять участіе въ посылкѣ общаго флота противъ Турокъ. Но ни та, ни другая не отозвались на это приглашеніе; за то всѣ ближайше заинтересованные въ дѣлѣ обнаружили полное согласіе. Всѣ мелкіе владѣтели Архипелага, Генуя, Венеція, родосскіе рыцари, Кипрскій король приняли участіе въ снаряженіи флота. Папа также прислалъ нѣсколько судовъ и главную команду надъ соединенною эскадрою вручилъ Мартину Цаккари [2]), герцогу Дамалы, тому самому, у котораго въ 1329 г. былъ отнятъ островъ Хіосъ, и который до 1337 г. содержался въ плѣну въ Византіи. Назначеніе такого лица показывало, что и этотъ походъ былъ направленъ столько же противъ Турокъ, сколько и противъ имперіи. (Вскорѣ затѣмъ послѣдовавшее завоеваніе Генуэзцами острова Хіоса ясно доказало это). Отъ Евбеи, сборнаго пункта, союзники отплыли къ берегамъ эмирства Аидина и 28-го октября 1343 г. овладѣли Смирною [3]). Это послужило началомъ къ жестокой, продолжительной борьбѣ между Турками и Латинами. Апокавку выгодно было какъ можно дольше задерживать Омура вдали отъ его друга; съ своей стороны онъ старался затянуть эту борьбу [4]). Но эти старанія не достигли цѣли. Омуръ былъ на столько силенъ, что успѣвалъ отбиваться отъ своихъ враговъ, и въ то же время дѣятельно помогалъ Кантакузину во Ѳракіи.

---

[1]) *Muralt*, p. 591; *Raynaldus*, Ann. eccles. sub an. 1343.

[2]) Greg. XIII, c. 13. Cant. III, c. 68; *Hopf*, p. 464.

[3]) По Виллани (Giov. Villani y *Muratori* XIII, p. 918) и Райнальду (ссыл. на epist. secr. Pap. Climent VI, т. III, p. 632) взятіе Смирны въ 1344 г. Здѣсь я какъ уже замѣтилъ, слѣдую Хопфу (p. 464).

[4]) Ср. *Parisot*, p. 195.

Въ началѣ 1344 г. въ Царьградѣ считали перевѣсъ въ борьбѣ за партіей императрицы. Омуръ, во всякомъ случаѣ, хотя на время былъ отвлеченъ отъ Ѳракіи; Стефана Душана и Александра Болгарскаго Апокавкъ склонилъ дѣйствовать противъ Кантакузина. Нужды нѣтъ, что этотъ союзъ былъ купленъ цѣною пожертвованія областями имперіи, что первый изъ союзниковъ въ своемъ движеніи къ Зихнѣ [1]), отнимая города у намѣстниковъ Кантакузина, овладѣвалъ ими для себя, а второй за обѣщаніе содѣйствовать Іоанну Палеологу, получилъ города: Чепину, Кричимъ, Перуштицу, св. Юстину, Станимаку въ Родопіи и прибалканскіе Аитосъ и Козникъ [2]), то-есть, цѣлый округъ и притомъ одинъ изъ лучшихъ. Для Апокавка важно было только, чтобъ эти государи не были заодно съ Кантакузиномъ. Кромѣ того, онъ лишилъ своего соперника поддержки болгарскаго гайдука Момчила, игравшаго важную роль во время междоусобной войны. Этотъ народный герой уже въ юности велъ удалую жизнь гайдука на границѣ между Болгаріей и Византіей. Отъ смѣлыхъ набѣговъ и дерзкаго грабежа его значительной дружины (до 2,000) одинаково терпѣли какъ его соотечественники, такъ и предѣлы имперіи. Наконецъ, совмѣстное преслѣдованіе пограничной стражи съ той и другой стороны заставило его бѣжать въ Сербію. При извѣстіи объ успѣхахъ Кантакузина въ Родопіи, онъ оставилъ ряды войска Душана и предложилъ свои услуги искателю византійскаго престола. Направляясь съ Омуромъ къ Димотикѣ, Кантакузинъ ввѣрилъ ему управленіе только что завоеванной Меропіей (часть Родопіи) и поручилъ ему дальнѣйшее завоеваніе непокорныхъ городовъ [3]). Въ распоряженіи его состоялъ пятитысячный отрядъ изъ мѣстныхъ жителей—Болгаръ. Подстрекнуть такого сына свободы и удали къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Кантакузина Апокавку было не трудно; въ награду за измѣну онъ предложилъ ему отъ имени императрицы Анны титулъ деспота [4]).

Подготовивъ такія комбинаціи, Апокавкъ самъ собралъ значительное войско для нанесенія удара Димотикѣ, этому центру враждебной ему партіи. Но всѣ эти расчеты оказались несостоятельными. Сербы думали только, какъ мы сказали, о своихъ завоеваніяхъ и притомъ

[1]) Cant. III, c. 68.
[2]) Cant. III, c. 66.
[3]) Cant. III, c. 65, 68; Greg. XIV, c. 4.
[4]) Cant. III, c. 70.

вскорѣ сами потерпѣли пораженіе со стороны союзниковъ Кантакузина — Турокъ. Во время начавшейся войны Омура съ Латинами турецкая эскадра изъ 60 судовъ была оттѣснена союзниками къ ѳракійскому полуострову Лонго. Желая избѣжать морскаго сраженія, экипажъ высадился у мѣстечка Паллены. Вскорѣ сюда пришелъ и латинскій флотъ и сжегъ всѣ суда противника. Турки рѣшились возвратиться въ Азію черезъ Ѳракію. Стефанъ Душанъ для преграждения имъ пути выслалъ храбрѣйшаго своего воеводу Прелюба (Πρελίμπος). При мѣстечкѣ Стефаніана произошла жестокая битва. Сербы были разбиты на-голову. Турки дали знать Кантакузину о своей побѣдѣ и за жалованье предложили свои услуги. Въ числѣ 3100 человѣкъ они оказали ему содѣйствіе при диверсіи противъ Александра Болгарскаго и въ усмиреніи Момчила. Средства для уплаты имъ жалованья доставила ему богатая добыча только что сдавшагося Граціанополя [1]). Александръ Болгарскій, не смотря на полученное богатое вознагражденіе, не сдѣлалъ рѣшительно ничего въ пользу императрицы. Онъ вторгся въ область Морру и овладѣлъ небольшимъ городкомъ Иперпиракіемъ, но при первомъ движеніи сюда Кантакузина поспѣшилъ отступить за рѣку Марицу и заключилъ съ нимъ миръ, возвративъ взятый городокъ [2]). Момчилъ также недолго поддерживалъ Анну и Апокавка. Враждебность къ Кантакузину онъ обнаружилъ тѣмъ, что сжегъ въ Абдерахъ три турецкіе корабля изъ пятнадцати, привезшихъ подкрѣпленіе отъ Омура. Турки потребовали отъ Кантакузина мести за такое самоуправство. Соединенный ромэотурецкій отрядъ жестоко опустошилъ область Момчила. Самъ вождь и правитель укрѣпился въ Анастасіополѣ (Париѳеорій) и дѣлалъ отсюда удачныя вылазки и нападенія на враговъ. Одно изъ нихъ, произведенное ночью на лагерь Грековъ при Мессенѣ, даже сопровождалось опасностью для жизни Кантакузина. Но въ концѣ концовъ Момчилъ все-таки уступилъ силѣ, смирился предъ Кантакузиномъ и былъ имъ награжденъ титуломъ севастократора, болѣе почетнымъ, чѣмъ тотъ, который былъ ему пожалованъ Анною [3]). Впрочемъ, его не тянуло и къ Кантакузину. Онъ хотѣлъ быть ни отъ кого не зависимымъ. Вскорѣ онъ достигъ такого положенія [4]). Меропія съ Анастасіополемъ и Ксан-

---

[1]) Cant. III, c. 69.
[2]) Ibidem.
[3]) Cant. III, c. 70; Greg. XIV, c. 4.
[4]) Cant. III, c. 71.

фіей становятся его маленькимъ княжествомъ, изъ котораго онъ производитъ грабежи во всѣ стороны. Окончательно сломить этого безпокойнаго гайдука Кантакузину удалось только черезъ годъ и опять при помощи Турокъ.

Неудалось и Апокавку его нападеніе на Димотику и намѣреніе хитростью овладѣть личностью Кантакузина [1]). Онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе и долженъ былъ вернуться въ Византію. Здѣсь между тѣмъ царствовало полное недовольство великимъ дукой. Дѣло въ томъ, что непривлекательныя личныя качества Апокавка, его чрезмѣрное властолюбіе, фальшь [2]), стремленіе къ тайнымъ замысламъ вооружили противъ него даже передовыхъ людей его партіи, какъ патріарха и Іоанна Гавалу. Съ другой стороны, неудачи войны и неисчислимыя бѣдствія, причиненныя ею, вслѣдствіе постоянныхъ нашествій и опустошеній Турокъ, все болѣе увеличивали въ столицѣ партію мира; она громко возвышала голосъ о необходимости такого или иного соглашенія съ Кантакузиномъ [3]), который, съ своей стороны, также не отказывался отъ примиренія. Апокавкъ не могъ ждать для себя ничего хорошаго отъ такого примиренія и старался подавить даже всякую мысль о немъ. Безхарактерность императрицы давала полную волю его деспотизму. Внутренняя борьба, интриги, преслѣдованія вновь заняли вниманіе цареградскаго правительства. При такихъ условіяхъ и отпоръ наступательному движенію Кантакузина становился все слабѣе. Апокавкъ съ каждымъ днемъ опускался все ниже въ мнѣніи народа и высшихъ классовъ, его жестокости возбуждали все большее раздраженіе, и наконецъ, привели къ катастрофѣ 11-го іюня 1345 г. Въ этотъ день, во время обозрѣнія вновь устроенной тюрьмы, на него бросилась толпа невинно-заключенныхъ и при помощи палокъ и каменьевъ расправилась съ своимъ притѣснителемъ; чей-то мечъ отсѣкъ голову уже у безчувственнаго трупа. Эта катастрофа сопровождалась другою: страшнымъ избіеніемъ участниковъ заговора уже вышедшихъ на свободу, которое произвели фанатическіе приверженцы

---

[1]) Cant. III, c. 71; Greg. XIV, c. 5.

[2]) Этимъ качествомъ отличаются всѣ его дѣйствія. Особенно характеренъ его поступокъ съ Гавалой, которому онъ постоянно обѣщалъ въ супружество свою дочь; не имѣя намѣренія выполнить это обѣщаніе, онъ въ концѣ концовъ, провелъ его жестокимъ образомъ, заставивъ его связать себя не узами брака, а обѣтомъ монашества. Cantac. III, cc. 72, 80.

[3]) Cant. III, c. 72.

убитаго Апокавка, при молчаливомъ согласіи императрицы [1]). Тѣмъ не менѣе, радость въ Царьградѣ была всеобщая; всѣ чувствовали, что избавились отъ тяжелаго человѣка, всѣ вздохнули свободнѣе.

Между тѣмъ съ паденіемъ Апокавка Кантакузинъ пріобрѣтаетъ все большее обаяніе. Города Ѳракіи одинъ за другимъ переходятъ въ его власть; въ продолженіе одного года (съ лѣта 1344 г. по лѣто 1345), почти вся провинція съ Адріанополемъ, со стороны Эгейскаго и Чернаго морей, признала его императоромъ [2]). Аннѣ оставались вѣрными только небольшой округъ близъ Царьграда и города: Каллиполи, Эносъ и Экзамилій. Такого успѣха Кантакузинъ не могъ достигнуть однѣми собственными силами. Своего войска у него было немного. Трехтысячный турецкій отрядъ, принимавшій участіе въ войнѣ съ Момчиломъ, сряду послѣ усмиренія его, вернулся въ Азію [3]). Затѣмъ до мая 1345 г. нѣтъ извѣстій о присылкѣ подкрѣпленій отъ Омура. Однако, и въ присоединеніи срединныхъ городовъ Ѳракіи, которые большею частію сами сдаются, несомнѣнно принимали участіе Турки [4]). Ихъ было также немного; можетъ быть, это была часть того большаго отряда, пожелавшаго за жалованье остаться на службѣ, или вновь присланная Омуромъ помощь, о которой вслѣдствіе ея обычности и незначительности нашъ историкъ забылъ упомянуть. Кантакузинъ обыкновенно пользуется ими по отношенію къ беззащитнымъ городамъ Ѳракіи, какъ орудіемъ для возбужденія покорности [5]); опасеніе за опустошеніе полей и разграбленіе города невольно заставило кефалій отворять ворота новому императору. Болѣе значительныя военныя средства нужны были Кантакузину для удержанія за собою жителей Халкидики и Морры, въ которыхъ все болѣе усиливался Момчилъ и для подчиненія хорошо укрѣпленнаго и оберегаемаго побережья Чернаго и Мраморнаго морей. Противъ Момчила къ нему явился на помощь въ послѣдній разъ Омуръ. Онъ успѣлъ нѣсколько справиться съ латинскою лигою; послѣ долгой осады Смирны, онъ, наконецъ, выманилъ Франковъ изъ города и 17-го января 1345 г. нанесъ имъ тяжелое пораженіе: самъ храбрый предводитель

---

[1]) Cantac. III, cc. 87, 88; Greg. XIV, c. 10.

[2]) Cantac. III, c. 77; Greg. XV, c. 1.

[3]) Cant. III, c. 70.

[4]) Упоминаніе о нихъ есть у Кантакузина (III, c. 76) при описаніи попытки овладѣть городомъ Хорой.

[5]) Cant. III, c. 79.

лиги Мартинъ Цаккари палъ въ битвѣ [1]. Эта удача ободрила Омура. Весною 1345 г., съ двадцати-тысячною арміей и съ сыномъ сосѣдняго Сельджукскаго эмира Саруханa Солиманомъ, онъ спѣшилъ къ своему другу въ Димотику. Кантакузинъ направилъ своихъ союзниковъ противъ Момчила [2]; жестокій бой при Периѳеоріи (Анастасіополь) окончился гибелью болгарскаго героя и истребленіемъ почти всей его храброй дружины [3].

Такимъ образомъ избавился Кантакузинъ отъ одного изъ опаснѣйшихъ враговъ. Теперь онъ думалъ воспользоваться готовыми большими силами противъ Сербовъ, которые заняты были завоеваніемъ Македоніи и дѣлали попытки овладѣть Сересомъ. Омуръ готовъ былъ и здѣсь оказать помощь и двинулся было къ осажденному городу, но неожиданно съ дороги вынужденъ былъ вернуться въ Азію. Близъ Апамеи скончался участвовавшій съ нимъ въ походѣ Солиманъ. Боясь нареканій со стороны подозрительнаго отца умершаго, опаснаго сосѣда, онъ торопился объяснить Саруханy обстоятельства смерти Солимана. Кантакузинъ [4] указываетъ одну эту причину отъѣзда Омура. По всей вѣроятности, была и другая. Ему предстояло снова оборонять предѣлы своей страны отъ нападеній латинской лиги, которая вскорѣ собралась съ силами, и имѣя вождемъ поставленнаго папою ахайскаго баила Бэртрана де Бокса [5], съ прежнею энергіей стремилась къ завоеванію эмирства Аидина. Дѣйствительно, въ концѣ 1345 г. борьба на югѣ Эгейскаго моря возгорѣлась съ новою силою, и на этотъ разъ она была несчастна для Омура; въ 1346 году онъ въ свою очередь былъ разбитъ и убитъ. Смертью заплатилъ онъ за излишнюю привязанность къ византійскому другу, ради котораго

---

1) Misti XXI, fol. 6 v., 50; Commemoriali, Vol. IV, fol. 238 v. (*Hopf*, p. 465), *Raynaldus*, sub. an. 1345.

2) Омуръ явился совершенно неожиданно, когда у Кантакузина войско не было еще готово къ походу. Турки сгорали отъ нетерпѣнія пограбить, и въ ожиданіи выступленія Кантакузина, устремились за добычей въ Болгарію...... Cantac., vol. II, p. 530. По свидѣтельству же Григоры, Кантакузинъ и Омуръ, до движенія противъ Момчила, подступили къ Царьграду θέας τε ἕνεκα καὶ πείρας εἰ δέοι. Варваръ съ любопытствомъ осматривалъ столицу Восточнаго міра и былъ удивленъ ея громадностью, красотой и неприступностью. Greg. XIV, c. 7, p. 727.

3) Cant III, c. 86; Greg. XIV, c. 9.

4) Cant. III, c. 89.

5) *Muralt*, p. 600; *Raynald*, sub an. 1345 (Bertrandus de Baucius).

пренебрегалъ достаточно обезцеченною защитою собственныхъ владѣній [1]). Почти наканунѣ смерти онъ оказалъ еще одну услугу Кантакузину; посланный имъ двухтысячный отрядъ, согласно его предписанію, отвлекъ на сторону императора-претендента—Турокъ изъ эмирства Саруxана, нанятыхъ императрицей Анною для дѣйствій противъ Кантакузина [2]).

Такимъ образомъ, во-время съ ловкою предусмотрительностію завязанныя дружественныя отношенія съ однимъ изъ могущественныхъ Сельджукскихъ эмировъ лично Кантакузину сослужили громадную службу въ періодъ междоусобной войны. Другой вопросъ: во что обошлась эта дружба Византійской имперіи? Какіе слѣды на ея областяхъ оставляли всякій разъ эти дружественныя посѣщенія Сельджуковъ?

Утвержденіе императорской власти Кантакузина въ восточной части Ѳракіи—на берегу Чернаго моря и въ городахъ, непосредственно примыкающихъ къ Царьграду, совершилось при дѣятельномъ участіи новыхъ союзниковъ — Турокъ-Османовъ. Съ верховнымъ главой ихъ, Орханомъ, Кантакузинъ пытался вступить въ такія же тѣсныя отношенія, какія у него давно были установлены съ Омуромъ. Онъ видѣлъ, что Омуръ, при всемъ желаніи содѣйствовать ему, былъ занятъ своими дѣлами—серьезною войной съ Латинами. Положимъ, что не смотря на это, онъ продолжалъ получать хотя небольшую помощь изъ Аидинскаго эмирства; но кто могъ поручиться, что въ самую нужную минуту онъ не останется одинъ съ своимъ плохо-сформированнымъ отрядомъ, одинъ среди многочисленныхъ враговъ. Наконецъ, по отношенію къ понтійскимъ городамъ, онъ не могъ воспользоваться помощью Омура. Появленіе Сельджуковъ въ окрестностяхъ Босфора, по сосѣдству съ ихъ естественными врагами Османами, которые въ это время, какъ мы видѣли, обнаруживали притязанія на господство на Мраморномъ и Черномъ моряхъ, могло легко повести къ опаснымъ и для него, и для имперіи столкновеніямъ. Такія соображенія подсказывали ему важность обращенія къ Орхану. Съ другой стороны, этотъ союзъ былъ для него просто неизбѣженъ, какъ только онъ вступилъ не-

---

[1]) Сыновья Омура продолжали войну съ лигою. Смирна такъ и осталась за Латинами, служа имъ, до завоеванія своего (1402 г.) Тимуромъ, важнѣйшимъ военнымъ и торговымъ пунктомъ на западномъ берегу Малой Азіи. *Hopf*, p. 465.

[2]) Cantac. III, c. 96. Кантакузинъ, впрочемъ, не нуждался въ ихъ помощи. Тогда они, получивъ отъ императрицы условныя деньги и ища исхода кровожаднымъ стремленіямъ, набросились на Болгарію и подвергли ее жестокому разоренію. Greg. XV, c. 5.

уклонно на путь междоусобной войны. Внутреннія смуты въ имперіи предоставили Османамъ полную свободу, независимо ни отъ какихъ партій, грабить берега Өракіи [1]), какъ это дѣлали Сельджуки, принимавшіе участіе въ самыхъ смутахъ. Помимо того, что Кантакузину нужно было позаботиться предохранить отъ этихъ опустошеній тѣ области, которыя уже признали его державную власть, очень важно было не допустить противной стороны до союза съ этими хищниками. Послѣднее было тѣмъ болѣе необходимо, что въ Византіи дѣлались попытки привлечь Османовъ къ совокупнымъ дѣйствіямъ противъ Кантакузина. Въ началѣ войны, въ критическій для Кантакузина моментъ отступленія отъ Верріи къ переправѣ черезъ Вардаръ, у Өессалоники явился Апокавкъ съ сильнымъ флотомъ: кромѣ византійскихъ судовъ у него было и 22 союзныхъ турецкихъ [2]). Суда эти, по всей вѣроятности, принадлежали Османамъ [3]). Нѣсколько позже, Анна вступаетъ съ Орханомъ въ формальные переговоры о союзѣ [4]). Но Кантакузинъ предупредилъ ее и успѣлъ окончательно склонить на свою сторону Турокъ-Османовъ. Дружественныя сношенія съ ними завязываются въ 1344 г. Во время завоеванія Херсониса өракійскаго (Галлипольскаго пол.) близъ р. Эгосъ-потамо, Кантакузинъ имѣлъ свиданіе съ однимъ изъ мелкихъ османскихъ эмировъ, Сулейманомъ. Результатомъ этого

---

[1]) Cant. III, c. 68; общіе отзывы у Григоры, XIII, c. 12 и XV, c. 1.

[2]) Gregor. XIII, c. 7, p. 659: Περσικαὶ δὲ, κατὰ συμμαχίαν ἑπόμεναι, δύο καὶ εἴκοσι.

[3]) Трудно допустить, чтобы подъ Περσικαὶ здѣсь разумѣлись Сельджуки. Омуръ былъ союзникомъ Кантакузина, Саруханъ выступаетъ позже, прочіе сельджукскіе эмиры, уже признававшіе господство Османовъ, не были на столько сильны, чтобы посылать такой значительный флотъ. А главное: внимательное чтеніе Григоры и Кантакузина убѣждаетъ, что оба автора, говоря о Сельджукахъ, не довольствуются общимъ названіемъ Πέρσαι, но присоединяютъ къ нему имя эмира, которымъ они управляются, или же точнѣе опредѣляютъ мѣста ихъ владѣнія географическими названіями. Одно Πέρσαι (Τοῦρκοι), употребленное въ частномъ смыслѣ, обыкновенно означаетъ ближайшихъ къ Византіи Турокъ-Османовъ.

[4]) Greg. XV, c. 5. Позднѣйшій византійскій писатель Дука говоритъ, (c. VII, p. 31, c. 1. seq), что Орханъ даже поддался обѣщаніямъ Анны и прислалъ ей десятитысячный отрядъ, который повредилъ не столько Кантакузину, сколько имперіи и областямъ, которыя оставались вѣрны императрицѣ. Такъ какъ современники Кантакузинъ и Григора ничего не говорятъ объ этой помощи Орхана Аннѣ, то мнѣ кажется, Дука здѣсь ошибочно передаетъ ниже приводимый разсказъ Григоры о звѣрствахъ Сельджуковъ изъ эмирства Сарухана, дѣйствительно призванныхъ Анной.

свиданія было то, что Сулейманъ снабдилъ Кантакузина оружіемъ и лошадьми и предоставилъ въ его распоряженіе значительный отрядъ [1]). Вскорѣ затѣмъ эти Турки производятъ опустошеніе въ окрестностяхъ непокорной Кантакузину Гераклеи [2]). Съ самимъ Орханомъ договоръ былъ заключенъ зимой съ 1344 на 1345 годъ черезъ посредство евнуха Хаджи (Χατζῆν τὸν εὐνοῦχον), присланнаго повелителемъ Османовъ въ лагерь Кантакузина во Ѳракіи [3]). Обыкновенно обстоятельный, на этотъ разъ царственный историкъ не сообщаетъ условій договора. Очевидно, они были тяжелы для стороны, искавшей союза, и во всякомъ случаѣ не легче тѣхъ, которыя одновременно предлагала тому же Орхану императрица Анна [4]). Очень вѣроятно, главнѣйшее между ними было—согласіе Кантакузина на опустошеніе Ѳракіи и на уступку одной изъ его дочерей въ супружество Орхану [5]). Немедленно по заключеніи договора, турецкіе отряды одинъ за другимъ начали переходить во Ѳракію. При содѣйствіи ихъ въ нѣсколько мѣсяцевъ всѣ города по Черному морю, за исключеніемъ Созополя, подчинились Кантакузину. Наконецъ, были взяты Деркъ, Емпиритъ и Селиврія, города, ближайшіе къ Византіи [6]). Османы хорошо помнили выговоренное право, являлись во Ѳракіи даже тогда, когда Кантакузинъ не нуждался въ ихъ помощи, и своими посѣщеніями обратили несчастную страну въ пустыню [7]).

Завоеваніе черноморскихъ городовъ и дѣятельная помощь Османовъ происходили въ первой половинѣ 1345 года, до пораженія Момчила. Такимъ образомъ, въ это время, почти все, что составляло Византійскую имперію, за исключеніемъ самой столицы и нѣсколькихъ отдѣльныхъ городовъ (Созополя и Гераклеи во Ѳракіи и Солуни въ

---

[1]) Cant. III, c. 76.

[2]) Cant. III, c. 77.

[3]) Cant. III, c. 81, p. 498.

[4]) Ducas, p. 31. (Ed. Bonn.): συνθεμένη (то-есть Анна) δοῦναι αὐτῷ ποσότητα χρυσίου πολλοῦ, καὶ οὓς ἀνδραποδίζουσιν οἱ Τοῦρκοι 'Ρωμαίους ὑπηκόους τοῦ Καντακουζηνοῦ, ἔχωσι ἄδειαν πωλεῖν καὶ πιπράσκειν ἔνθα βούλονται καὶ τοὺς μὴ θέλοντας πωλῆσαι τοὺς αὐτοῦ αἰχμαλώτους, ἀνεμποδίστως περᾶν αὐτοὺς ἀπὸ Σκουταρίου, καὶ ἄγειν, καὶ φέρειν αὐτοὺς ἔνθα βούλονται.

[5]) Что послѣднее обязательство установлено по этому договору, а не есть позднѣйшее требованіе Орхана, ясно видно изъ хода разказа Григоры о союзѣ съ Османами. Greg. XV, c. 5. Дука также ставитъ этотъ бракъ какъ первое условіе союза Кантакузина съ Орханомъ.

[6]) Cant. III, c. 81.

[7]) Cant. ibidem; Greg. XV, c. 2.

Македоніи), признавало императоромъ Кантакузина. По видимому, ему оставалось немедленно овладѣть Царьградомъ. Но до этого событія, слѣдовательно и до окончанія междоусобной войны, прошло еще полтора года. Вообще, избѣгая дѣйствій открытою вооруженною силою, Кантакузинъ особенно боялся воспользоваться помощью варваровъ для входа своего въ царствующій градъ вселенной [1]) и предпочелъ путемъ мирныхъ сношеній и усиленія своей партіи въ Царьградѣ добиться конечной цѣли борьбы. Расчетъ этотъ былъ вѣренъ. Асанъ, занявшій мѣсто убитаго Апокавка, не въ состояніи былъ поднять въ глазахъ народа низко упавшее значеніе императрицы Анны. Число приверженцевъ Кантакузина, особенно въ виду несомнѣнной развязки въ его пользу, росло съ каждымъ днемъ. Всеобщее обѣдненіе, голодъ, опустѣніе казны еще болѣе увеличивали недовольство противъ императрицы [2]).

Все указывало, что она должна смириться. Но гордая, властолюбивая женщина не могла согласиться на такой шагъ. Слыша отовсюду требованіе примиренія, не находя ни въ комъ изъ окружающихъ поддержки, она принимаетъ лично на себя веденіе послѣдней борьбы и съ необыкновенною энергіей прибѣгаетъ къ цѣлому ряду крайнихъ, но не удавшихся мѣръ, въ которыхъ обнаруживается столько же непримиримая ненависть и ожесточеніе къ врагу, сколько и отвѣчающая этимъ качествамъ неразборчивость въ средствахъ. Нѣсколько разъ она подсылаетъ къ Кантакузину убійцъ, вручая имъ то кинжалъ, то ядъ; ни одно покушеніе не удалось [3]). Она старается переманить на свою сторону наиболѣе сильныхъ по своему положенію лицъ, уже перешедшихъ къ Кантакузину. Одинъ изъ нихъ, стратопедархъ Іоаннъ Ватаци (Βατάτζης), имѣвшій большое вліяніе между ѳракійскимъ населеніемъ, тесть одного изъ турецкихъ эмировъ-

---

[1]) Greg. XIII, c. 11: ἡ γάρ τοι βασιλεύουσα πόλις αὕτη κοινὴ τῆς ὅλης εἰπεῖν οἰκουμένης ἐστὶν ἑστία καὶ κοινὸν πρυτανεῖον·

[2]) Картинное описаніе бѣдственнаго положенія Царьграда въ это время у Григоры XV, c. 1. За недостаткомъ денегъ, снимались даже украшенія съ иконъ, но они шли далеко не на нужды государства. Авторъ сильно упрекаетъ по этому случаю Анну, какъ иностранку: τῆς βασιλίδος Ἄννης χαίρων οὐδὲν περὶ τὴν τῶν πραγμάτων μελετᾶν οὔτ'εἰδυίας οὔτ'ἐθελούσης διοίκησιν, ἀλλ'ἀφαιρουμένης μὲν τὸν τῶν ἱερῶν εἰκόνων κόσμον ἀνέδην, καὶ ὃν μὲν ἐκποιουμένης, ὃν δὲ χωνεία παραπεμπούσης, προφάσει μὲν διὰ τὴν ἐς τὰ κοινὰ χρείαν, τὸ δὲ πλεῖστον εἰς ἑαυτῆς ἴδιον κέρδος (p. 748).

[3]) Cant. III, cc. 90, 91, 97.

Сулеймана, соблазнился на предложенія Анны и измѣнилъ Кантакузину. Вмѣстѣ съ нимъ отпало и нѣсколько городовъ. Но и тутъ неудача. Ватаци навлекъ нерасположеніе Турокъ, присланныхъ къ нему зятемъ, и былъ ими убитъ; сами Турки не могли нанести вреда областямъ Кантакузина, а отпавшіе города вскорѣ были возвращены [1]). Не успѣвъ заручиться союзомъ Орхана, Анна вызываетъ полчища Турокъ изъ сельджукскихъ эмирствъ, главнымъ образомъ изъ Саруханa [2]). Лѣтомъ 1346 года, 6000 Сельджуковъ переправились черезъ Геллеспонтъ. Но какую же пользу извлекла она изъ призванія этой сбродной, хищной толпы? Вмѣсто того, чтобъ обратиться прямо на Кантакузина, Турки бросились на Болгарію, представлявшую больше добычи, чѣмъ въ конецъ разоренная Өракія. Опустошивъ ее, они продолжали грабить по всей дорогѣ до самой Византіи. Съ неисчислимымъ множествомъ плѣнниковъ и большею добычею расположились эти новые союзники Анны передъ стѣнами столицы и съ наглостью требовали уплаты за услуги, которыхъ они еще не оказали, или же выкупа забранныхъ ими въ рабство Ромэевъ. Для приданія большей силы своему требованію, они подвергали плѣнныхъ, въ виду ихъ соотечественниковъ, жестокимъ и позорнымъ истязаніямъ. Стоны несчастныхъ оглашали далеко окрестности, говоритъ свидѣтель этихъ событій, Никифоръ Григора [3]), — въ городѣ же повсюду раздавались плачъ и рыданіе. Одна правительница относилась хладнокровно къ этому страшному зрѣлищу. Иностранка она была и отъ природы не мягкаго сердца, замѣчаетъ по этому поводу тотъ же историкъ [4]). Можетъ быть, это замѣчаніе Григоры о безсердечіи Анны къ своимъ подданнымъ и справедливо, но съ другой стороны, очень вѣроятно, что за недостаткомъ средствъ она ничѣмъ не могла помочь горю Даже войска у нея едва хватало для защиты городскихъ стѣнъ, и когда Турки, наскучивъ ждать, наконецъ просили ее дать имъ вождей и проводниковъ, которые вели бы ихъ на то, за чѣмъ они призваны, то императрица не нашла лишнихъ людей. Не добившись ничего,

---

[1]) Cant. III, c. 90; Greg. XIV, c. 11.

[2]) У Кантакузина (III, c. 96) это нашествіе изложено нѣсколько иначе и съ меньшею подробностію, чѣмъ у Григоры.

[3]) Greg. XV, c. 5.

[4]) Ibidem. p. 764: ἅτε γὰρ οἶμαι ἀλλόφυλος οὖσα, καὶ ἅμα τὴν τῆς γνώμης ἕξιν σκληροτέραν ἐκ φύσεως ἐσχηκυῖα, πᾶσιν ὁμοίως ἤχθετο Ῥωμαίοις καὶ κατὰ πάσης ἄρδην ἐχώρει τύχης.

Турки опустошили всѣ предмѣстья Царьграда вплоть до Селиврія, вошли въ соглашеніе съ Кантакузиномъ и вернулись въ Азію [1].

Не смотря на явные неуспѣхи, Анна не терялась; она питала еще надежду на помощь Орхана. Кантакузинъ колебался въ выполненіи обѣщанія—отдать дочь свою Θеодору за повелителя Османовъ; между тѣмъ послѣдній настоятельно домогался родства съ императоромъ и въ случаѣ отказа угрожалъ перейдти на сторону усердно приглашавшей его императрицы. Рѣшительный шагъ Кантакузина и въ этомъ дѣлѣ подорвалъ послѣднюю ея надежду. Уступая настояніямъ друзей (какъ онъ старается увѣрить), а вѣрнѣе, самъ усматривая выгоды изъ тѣснаго сближенія съ Османами, съ вѣдома Омура, онъ далъ знать Орхану о присылкѣ свиты за невѣстою. Весною 1346 г., въ Селимвріи совершена была торжественная церемонія помолвки, послѣ которой Θеодора, на тридцати турецкихъ судахъ, въ сопровожденіи блестящей свиты отправилась къ своему повелителю [2]. Этотъ бракъ дочери императора (хотя еще не вполнѣ узаконеннаго) съ варваромъ-мусульманиномъ—несомнѣнно характерное событіе въ исторіи Византіи разсматриваемой эпохи. Онъ ясно свидѣтельствуетъ, какъ низко опустилась имперія, какъ мало оставалось у нея прежняго величія и обаянія и пренебреженія къ сосѣднимъ народамъ, со всѣхъ сторонъ стремившимся въ ея предѣлы, отъ той поры, когда брачные союзы членовъ императорской фамиліи даже съ христіанскими государями варваровъ считались немыслимыми, невозможными и допускались какъ исключеніе съ крайнимъ соболѣзнованіемъ. По отношенію къ давно минувшей эпохѣ могущества имперіи отдача Θеодоры Кантакузинъ въ гаремъ Орхана представляется весьма рѣзкимъ явленіемъ. Но въ данное время это событіе не могло особенно поразить умы. Если это былъ первый случай по отношенію къ Османамъ, то онъ не былъ новостью по отношенію къ мусульманамъ вообще. Мы знаемъ, что вышеназванный Ватаци, игравшій весьма видную роль и при дворѣ императрицы, и у Кантакузина, былъ тестемъ амира Сулеймана, одного изъ потомковъ Караси. Очень можетъ быть, что были и другіе примѣры, которые не упомянуты у нашихъ историковъ. При частыхъ дружественныхъ сношеніяхъ съ Турками, которыя стараются поддерживать обѣ спорящія стороны, во всемъ этомъ нѣтъ ничего пора-

[1]) Μήτε μηδὲν ὧν χάριν ἐκλήθησαν καὶ πᾶν τοὐναντίον δράσαντες, заключаетъ Григора свой разказъ объ этомъ печальномъ событіи. Ibidem.

[2]) Cant. III, c. 95. Касательно хронологіи ср. *Muralt*, p. 605.

жающаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что этотъ бракъ самъ по себѣ не имѣетъ такого значенія, какое ему придаютъ многіе изслѣдователи византійской исторіи, когда обвиняютъ Кантакузина въ призваніи Турокъ въ Европу. Онъ ничего уже не прибавлялъ къ тому злу, которое было принесено всѣмъ ходомъ междоусобной войны и событіями, задолго ей предшествовавшими, которыя собственно и проложили Туркамъ дорогу въ Европу. Напротивъ, онъ могъ послужить не только личнымъ цѣлямъ Кантакузина, но и государственнымъ интересамъ имперіи. Османы, какъ и Сельджуки, созидая свое могущество на счетъ византійскихъ областей, въ первое время все-таки сохраняли, унаслѣдованный по преданію, высокій взглядъ на власть Восточнаго императора. Поэтому Өеодора, ставъ супругой Орхана, естественно должна была занять первое мѣсто между другими его женами; она сохранила свою религію и помимо того, что путемъ миссіи христіанства могла сдѣлать многое въ ослабленіи силы мусульманъ, вліяніемъ своимъ на мужа должна была отсрочить на время дальнѣйшія завоеванія Османовъ. До нѣкоторой степени такъ и было: въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ, до 1352 г., нѣтъ извѣстій о новыхъ завоеваніяхъ Орхана въ предѣлахъ имперіи. Но расчетъ Кантакузина на постоянную дружбу Османовъ, какъ увидимъ, не оправдался.

Какъ бы то ни было, въ настоящій моментъ тѣсный союзъ съ Орханомъ окончательно облегчалъ Кантакузину достиженіе преслѣдуемой цѣли. 21-го мая 1346 г. въ Адріанополѣ совершилась коронація Кантакузина. Она должна была служить дополненіемъ къ церемоніи провозглашенія, совершенной въ началѣ войны въ Димотикѣ, когда Кантакузинъ ограничился возложеніемъ на себя императорской одежды. Теперь Іерусалимскій патріархъ Лазарь, въ присутствіи многихъ епископовъ и массы народа, торжественно возложилъ золотую корону на новаго императора; затѣмъ Кантакузинъ самъ короновалъ свою супругу Ирину. Торжество, по обычаю, сопровождалось раздачею золотыхъ и серебряныхъ монетъ и продолжительными пирами [1]). Отъ

---

[1]) Cantac. III, c. 92; Greg. XV, c. 5. Послѣ коронаціи всѣ присутствовавшіе епископы составили соборъ, на которомъ низложили патріарха Цареградскаго Іоанна Априйскаго и постановили: не упоминать впредь его имя при богослуженіи. Тогда же войско и высшіе чины предлагали Кантакузину короновать также и сына Матвѣя, чрезъ что Іоаннъ Палеологъ окончательно былъ бы устраненъ отъ престола. Кантакузинъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе;

этого событія до вступленія въ столицу прошло еще восемь мѣсяцевъ. Въ этотъ промежутокъ времени произошла вышеописанная несчастная высадка Турокъ эмирства Сарухана, призванныхъ Анной, и пришла другая, также не принесшая ей пользы помощь со стороны владѣтеля Карвоны, Валика [1]). Въ это же время складывались обстоятельства, подготовлявшія Кантакузину мирное занятіе Царьграда.

Въ числѣ судовъ латинской лиги противъ Турокъ, въ 1346 г., плавали въ водахъ Архипелага нѣсколько генуэзскихъ галеръ, вооруженныхъ на частныя средства общества Маоны. Командиръ ихъ Симоно Виньози, вспомнивъ объ утраченныхъ завоеваніяхъ земляка Цаккари, 16-го іюня напалъ на о. Хіосъ и въ нѣсколько дней овладѣлъ всѣмъ островомъ съ его столицею. Только въ Хіосскомъ акрополѣ императорскій намѣстникъ Іоаннъ Кибо держался до 12-го сентября, когда также принужденъ былъ сдаться. Императрица не въ состояніи была оказать серьезной помощи. Едва нашлось нѣсколько триремъ, которыя были ввѣрены Фоччіолати. Не смотря на ничтожность силъ, этотъ ловкій навархъ захватилъ одно [2]) большое генуэзское судно съ транспортомъ; экипажъ перебилъ, а транспортъ доставилъ въ

въ исторіи своей онъ приводитъ рѣчь, которую будто бы онъ сказалъ при этомъ случаѣ; въ ней онъ силится доказать всегдашнюю чистоту своихъ намѣреній: онъ заботится только о благѣ имперіи и никогда не рѣшится коснуться законныхъ правъ дѣтей покойнаго императора. На сколько справедливы и искренни были эти завѣренія Кантакузина—показываетъ самый фактъ послѣдняго коронованія и дальнѣйшій образъ его дѣйствій послѣ занятія Царьграда. Объ этомъ предложеніи приверженцевъ Кантакузина, а равно о низложеніи патріарха Іоанна Апрійскаго, у Григоры нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія.

[1]) Cantac. III, c, 95. Валикъ послалъ тысячный отрядъ подъ начальствомъ двухъ братьевъ: Өеодора и Добротича (Τομπροτίτζης). Добротичъ былъ разбитъ вождями Кантакузина, женился на дочери Апокавка и продолжалъ, какъ увидимъ, держать сторону Палеолога. Валикъ—остается личностью совершенно неизвѣстною. Имя его, не напоминающее ничего славянскаго, заставляетъ догадываться, что по происхожденію онъ принадлежалъ къ одной изъ знатныхъ фамилій куманскихъ, переселившихся въ Болгарію послѣ нашествія Монголовъ на прежнія ихъ кочевья въ южной Россіи (*Jireček*, Gesch. der Bulgaren, p. 260, 278). Карвона или Карвуна Καρβοῦνα (см. Acta Patriarch. Constant. ed. *Miklosich* et *Müller* I, 502) занимала мѣсто нынѣшней деревни Экерне близъ Балчика, между Варной и Каварной (*Брунъ*, О названіи Добруджи—въ *Ж. М. Н. Пр.* 1877 г. сентябрь, стр. 63). Владѣлъ Карвоной Валикъ, вѣроятно, въ зависимости отъ Болгарскаго царя.

[2]) По свид. Григоры (XV. c. 6) два судна.

Константинополь [1]). Такой обычный въ военное время случай возмутилъ галатскихъ Генуэзцевъ. Они заперли гавань, прекратили подвозъ хлѣба и окончательно стѣснили бѣдную столицу [2]). Въ виду крайности, Анна соглашалась дать Генуэзцамъ удовлетвореніе и даже готова была пожертвовать самимъ наврархомъ, виновникомъ катастрофы генуэзскаго судна. Чтобъ обезопасить свою личность отъ постыдной выдачи врагамъ, Фоччіолати вступилъ въ переговоры съ Кантакузиномъ о передачѣ Царьграда.

Ночью 3-го февраля 1347 г. Золотыя ворота были отперты — и Кантакузинъ спокойно вступилъ въ столицу имперіи, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія; населеніе и войско, оберегавшее городъ, были на его сторонѣ. Одна правительница ни за что не соглашалась смириться. Она приказала укрѣпить дворецъ, призвала изъ Галаты генуэзскія галеры, чтобы бѣжать на нихъ съ сыномъ и такъ, либо иначе, продолжать войну съ ненавистнымъ соперникомъ. Кантакузинъ предупреждаетъ содѣйствіе Галатцевъ, посылаетъ къ Аннѣ почетное посольство (митрополита Филиппа и Кавасилу), которое завѣряетъ, что онъ не замышляетъ ничего худаго, ни противъ императрицы, ни противъ ея сына; она остается непреклонною. Наконецъ солдаты врываются во дворецъ, и только тогда Іоаннъ Палеологъ убѣждаетъ мать, въ виду грозящаго имъ обоимъ насилія, вступить въ соглашеніе [3]). Кантакузинъ признанъ императоромъ наравнѣ съ Іоанномъ Палеологомъ. Взаимныя отношенія между ними должны быть отношеніями отца къ сыну. Въ теченіе десяти лѣтъ государствомъ управляетъ Кантакузинъ, и только по достиженіи совершеннолѣтія долженъ принять участіе въ дѣлахъ Іоаннъ Палеологъ. Затѣмъ, объявлена всеобщая амнистія, признаны свободными отъ всякихъ преслѣдованій приверженцы той и другой стороны, установлена неприкосновенность собственности. Утвержденіе этого соглашенія взаимными клятвами и провозглашеніе Кантакузина императоромъ произошло 8-го февраля. Вскорѣ затѣмъ — 21-го мая — послѣдовала новая, уже третья его коронація и бракъ юнаго императора съ его дочерью Еленою [4]). Кантакузинъ достигъ своей цѣли. Побѣда его была полная.

---

[1]) Cantac. III, c. 95; Greg. XV, c. 6; *Hopf*, Giustiniani, въ Encyclop. von *Ersch* u. *Gruber*, Bd. 68, p. 314.

[2]) Greg. X, c. 6.

[3]) Cantac. III, cc. 98, 99, 100.

[4]) Cant. IV, c. I; Greg. XV, c. 11.

Посмотримъ теперь, какою цѣною была пріобрѣтена эта побѣда, во что обошлось имперіи вступленіе на цареградскій престолъ, уже занятый Іоанномъ Палеологомъ, другаго императора. Взглянемъ на послѣдствія этой междоусобицы.

Выше мы замѣтили, что задуманный и отчасти удачно выполненный Кантакузиномъ планъ внѣшняго усиленія Византіи, разстроился самъ собою съ наступленіемъ внутреннихъ смутъ. Обѣ стороны до такой степени увлеклись личною борьбой, что совсѣмъ забыли о государственныхъ интересахъ. О защитѣ предѣловъ имперіи противъ враговъ, которые спѣшили пользоваться удобнымъ временемъ для новыхъ завоеваній, никто не думалъ. Напротивъ, даже добровольная уступка имъ тѣхъ или другихъ областей на разграбленіе, или въ собственность считалась ни во что, лишь бы путемъ этихъ противогосударственныхъ сдѣлокъ достигалось возможно большее ослабленіе соперника. Такимъ образомъ были утрачены почти всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя въ царствованіе Андроника Младшаго, и кромѣ того, цѣлыя полосы земли, еще раньше вошедшія въ составъ возстановленной имперіи. Границы ея сузились до послѣдней степени. Въ 1344 г. къ Болгаріи отошла, какъ мы видѣли выше, прекрасная долина верхней Марицы съ городами Филиппополемъ, Чепиной и Станимакомъ. Съ запада огромныя завоеванія сдѣлалъ Стефанъ Душанъ. Оправившись послѣ пораженія при Стефаніанѣ въ 1345 г. онъ подчиняетъ всю Македонію до Христопольскихъ тѣснинъ. Богатый Сересъ и Веррія должны были принять сербскіе гарнизоны. Правитель послѣдней, сынъ Іоанна Кантакузина, Мануилъ бѣжалъ въ Ѳессалію къ своему дядѣ Іоанну Ангелу. Только Солунь, гдѣ продолжалась анархія и господствовала демократическая партія, отстаивала свою независимость противъ Сербовъ, но она не признавала и Кантакузина. Такимъ образомъ Ѳессалія и деспотство Эпирское (къ югу отъ Янины), которымъ также грозило сербское завоеваніе, равно какъ Халкидскій полуостровъ, были отрѣзаны отъ главной части имперіи новыми сербскими владѣніями. Въ этотъ періодъ смутъ дальновидный Стефанъ Душанъ вполнѣ развилъ свои силы. Теперь-то, на счетъ слабости и бѣдствій Византійцевъ созидается его военная и государственная мощь; теперь-то у него созрѣваетъ смѣлый планъ окончательнаго разрушенія Византійской имперіи. Ко времени коронованія Кантакузина въ Цареградѣ онъ является царемъ Сербовъ и Грековъ [1]).

---

[1]) Gregor. XV, c. 1; Cantac. III, c. 89 (vol. II, p. 551—554); IV, c. 15

На Эгейскомъ морѣ Латины опять подняли голову. Симонъ Виньози, возвративъ Генуэзцамъ въ 1346 г. Хіосъ, въ сентябрѣ того же года отнялъ у Византіи для той же торговой компаніи Маоны обѣ Фокеи Старую и Новую. Вскорѣ Кантакузинъ возвращаетъ не надолго этотъ важный пунктъ на малоазійскомъ берегу [1]; но судьба Фокеи уже была рѣшена: въ концѣ половины XIV в. вмѣстѣ съ Хіосомъ и сосѣдними меньшими островами — Само, Никиріей, Энуссой и Панагіей она образуетъ важнѣйшую и богатѣйшую на всемъ Архипелагѣ колонію Генуэзской республики, подъ управленіемъ фамиліи Джустиніани [2]. Утвержденіе Латиновъ въ этихъ пунктахъ, и въ Смирнѣ (взятой еще въ 1343 г.) окончательно уничтожило значеніе Византіи въ водахъ Архипелага, лишило ее возможности защищать отъ захватовъ не многіе оставшіеся за нею острова. Потеря ихъ была неминуема. Важнѣйшій изъ нихъ Лесбосъ уже въ 1355 г. перешелъ въ руки Генуэзцевъ [3].

Огромныя территоріальныя потери составляли не единственное послѣдствіе междоусобной войны. Какимъ страшнымъ зломъ она была для той единственной значительной области, которая собственно должна была теперь представлять Византійскую имперію. Θракія наравнѣ съ Македоніей, завоеванною Сербами, служившая главнымъ театромъ войны, была доведена до ужаснаго положенія. Не говоря уже о такихъ, относительно второстепенныхъ, обстоятельствахъ, какъ ожесточенное раздѣленіе населенія на двѣ партіи, анархія въ городахъ, вмѣшательство Александра Болгарскаго, гайдучество Момчила, безъ того дѣлавшихъ эту внутреннюю борьбу невыносимо-тяжелою для всей страны, Θракія остается еще все время безотвѣтною жертвою гра-

(vol. III, p. 104); IV, c. 20; Laon. Chalcocondyl. l. I, p. 27, 28 (Ed. Bonn.) и разные сербскіе источники. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, какъ напримѣръ, съ Паризо (стр. 212), что завоеванія Душана въ Θессаліи, Акарнаніи и Этоліи произошли во время междоусобной войны. Они относятся ко времени царствованія Кантакузина въ Византіи.

[1]) Новая Фокея управлялась византійскими намѣстниками съ 1348 по 1351 г.; а Старая съ 1348 по 1358 г.; см. *Hopf*, Giustiniani, p. 316.

[2]) *Hopf*, Giustiniani, p. 315—320. Подробности объ экспедиціи Виньози, о торгово-политическомъ значеніи этой новой колоніи, ея устройствѣ и отношеніяхъ къ Генуѣ, см. также въ книгѣ *Heyd*, Le colonie commerciali degli Italiani in Oriente, I p. 383—392.

[3]) Его получилъ Франческо Гатталузіо, какъ приданое за женою, сестрою Іоанна Палеолога, Маріей. Ducas, c. XI, p. 40—43; ~~Greg., vol. III,~~ p. 554; ср. *Heyd*, p. 414.

божа, опустошеній и порабощенія для безчисленныхъ турецкихъ ордъ, наводнявшихъ Малую Азію. Каждый годъ по нѣскольку разъ и Сельджуки разныхъ эмирствъ, и Османы посѣщаютъ несчастную провинцію. Обыкновенно они участвуютъ въ войнѣ по приглашенію то той, то другой стороны, и собственно они-то и суть главные рѣшители исхода ея. Въ такомъ случаѣ они съ свойственнымъ имъ варварствомъ набрасываются на города и села, принадлежащія противникамъ призвавшей ихъ стороны: жгутъ и истребляютъ все безъ разбора, опустошаютъ поля, забираютъ жителей въ рабство. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ содѣйствіе личнымъ интересамъ соперниковъ, ложилось бременемъ и на тѣхъ частяхъ провинціи, которыя стояли на сторонѣ призывавшаго ихъ противника. Онѣ должны были содержать эти пришлыя толпы, доходившія нерѣдко до 20,000, и ничѣмъ не были гарантированы отъ ихъ хищничества и произвола. Мы видѣли, какъ безсильна была императрица Анна остановить истязанія взятыхъ въ рабство Грековъ, которыя на ея глазахъ производили ею же призванные Сельджуки, какъ ни чѣмъ не могла защитить отъ ихъ грабежей и насилія остававшихся покуда ей вѣрными окрестностей Константинополя. Кантакузинъ, который главнымъ образомъ и пользуется турецкою помощью, благодаря своимъ личнымъ связямъ съ турецкими вождями, ловкости, наконецъ знанію турецкаго языка[1]), могъ болѣе вліять на своихъ союзниковъ, но и онъ не всегда въ состояніи сдерживать ихъ хищные порывы, о чемъ не безъ огорченія часто говоритъ въ своихъ запискахъ [2]). Впрочемъ Кантакузинъ сознательно пользуется этимъ страшнымъ орудіемъ войны; онъ хорошо понимаетъ наносимый ими вредъ, самъ разъясняетъ въ посольствѣ къ императрицѣ все варварство своихъ союзниковъ и самъ же напускаетъ ихъ на мѣстности, которыя отказываются признать его власть, предварительно увѣдомляя ихъ о тѣхъ ужасахъ, которые ожидаютъ ихъ въ случаѣ непокорности [3]). Если Туркамъ нечего дѣлать во Ѳракіи, они направляются на Болгарію и предаются тамъ неудержимому грабежу. Страдаетъ отъ нихъ и Македонія, особенно Солунскій округъ, какъ до окончательнаго своего завоеванія Сербами, такъ и послѣ.

Независимо отъ этихъ нашествій по призыву, во все время междо-

---

[1]) Cantac. IV, c. 10 (t. III, p. 67): βασιλεὺς δὲ... ἐκέλευεν... ἀνατρέχειν Περσιστὶ καὶ σώζεσθαι· ἄπειρος γὰρ οὐ παντάπασιν ἦν τῆς ἐκείνων διαλέκτου.

[2]) Ср. напримѣръ, Cant. III, c. 64, c. 81. c. 86.

[3]) Cant. III, c. 64, c. 79, c. 81.

усобной войны повторяются обычныя частныя высадки Турокъ у береговъ Өракіи[1]. Тутъ дѣйствуютъ главнымъ образомъ Османы, изъ Сельджуковъ же вѣроятно ближайшіе къ имперіи, то-есть, Караси. При этихъ высадкахъ уже вовсе не разбиралось, чью власть, Анны или Кантакузина, признавала мѣстность, которой предстояло подвергнуться опустошенію. Защищать ихъ было некому; грабежу и насилію былъ открытъ полный просторъ. Турки пользовались имъ съ неумолимою безпощадностью. Бо̀льшими или меньшими толпами они высаживаются въ томъ или другомъ пунктѣ, забираются въ глубь страны, безнаказанно предаются разнымъ звѣрствамъ, снимаютъ посѣвы и уводятъ массы людей въ рабство. Вслѣдствіе такихъ частыхъ посѣщеній Турокъ, то ради союза, то съ цѣлію грабежа, Өракія, не оправившаяся отъ прежнихъ потрясеній, была въ конецъ разорена и обезлюжена. На сколько такое заключеніе вѣрно, показываетъ характерный фактъ, приводимый Кантакузиномъ въ его запискахъ[2]. Въ 1342 г. Татары изъ-за Дуная напали на Өракію, но нашли ее опустошенною и вернулись назадъ, выместивъ свою злобу на жителяхъ Скопела, которые сдѣлали на нихъ нападеніе при отступленіи.

Въ концѣ 1343 г. во всей провинціи почти не оставалось слѣдовъ земледѣлія: поля, плодородныя равнины были обращены въ пустыню. Повсюду, не исключая столицы, господствовалъ голодъ, развившійся отчасти и вслѣдствіе прекращенія подвоза хлѣба изъ Чернаго моря, гдѣ Генуэзцы вели борьбу за свои колоніи (Каффу) съ Монголами[3]. Это было еще въ первый періодъ смутнаго времени; каково же положеніе имперіи было къ концу междоусобицы, послѣ дѣятельнаго участія Омура, Саруханá и Османовъ?

---

¹) Кантакузинъ приводитъ нѣсколько такихъ случайныхъ высадокъ, III, сс. 9, 10, 29, 68. Григора же указываетъ на непрерывность этихъ нападеній, XIII, с. 12, l. XV, с. 1: τῶν γάρ τοι Ῥωμαίων τοῖς ἐμφυλίοις περισπωμένων πολέμοις, συχνὰς ποιούμενοι τὰς ἐφόδους οἱ ἐξ Ἀσίας ἀδεῶς μονήρεσι καὶ τριήρεσιν ἐς τὴν Θρᾴκην περαιούμενοι Τοῦρκοι, καὶ μάλιστα ἐν ἀκμῇ τοῦ σίτου, τάς τε χώρας ἐνεπίμπρασαν καὶ τὰ κτήνη ἤλαυνον, ἄνδρας τε καὶ γυναῖκας ἠνδραποδίζοντο, καὶ πάντ' ἐποίουν τὰ χαλεπώτατα (Vol. II, p. 683). Περσικαὶ δὲ δυνάμεις, ἐξ Ἀσίας δι' Ἑλλησπόντου πᾶσαν ὥραν διαπεραιούμεναι, καθάπερ ἐξ οἰκείων ἐς οἰκείας νομὰς καὶ ἐπαύλεις, συχνὰς ἐποιοῦντο νύκτωρ καὶ μεθ' ἡμέραν τὰς θηριώδεις ἐφόδους κατὰ τῶν Θρᾳκικῶν πόλεων, νῦν μὲν αὐτονομίᾳ χρώμενοι λυστρικῇ (p. 747).

²) Cant. III, с. 51.

³) Greg. XIII, с. 12. Замѣчательно, что отъ окончательной гибели голодною смертью Византійцы были спасены благодаря подвозамъ хлѣба изъ Іоніи, Виѳиніи и Фригіи, съ полей, обработанныхъ Турками.

Рядомъ съ объдненіемъ народныхъ массъ шло разореніе богатыхъ знатныхъ фамилій и полное истощеніе государственной казны. Вызванное и поддерживаемое партіей Апокавка раздраженіе черни противъ знати привело къ расхищенію богатствъ, которыя между тѣмъ въ трудныя минуты могли быть добровольно пожертвованы на нужды государства. Огромныя помѣстья, богатое имущество самого Кантакузина были разграблены. Все, что удалось ему спасти, ушло на уплату жалованья Туркамъ и другимъ наемникамъ. Императрица Анна, при своемъ мотовствѣ, еще болѣе нуждалась въ деньгахъ. Ей приходилось не только платить жалованье войскамъ, но и тратить значительныя суммы для отвлеченія отъ противника турецкой помощи путемъ подкупа [1]). И безъ того скудная государственная казна въ непродолжительное время — оказалась совсѣмъ пустою. Для покрытія необходимыхъ расходовъ пришлось обратиться къ драгоцѣннымъ ризамъ и украшеніямъ иконъ. Самъ Кантакузинъ, вступая на престолъ, почти ничего не имѣлъ, и слѣдовательно, ничего не могъ удѣлить для поднятія финансовъ. Въ виду всеобщаго обѣдненія не мыслимы были и какіе-либо налоги. До какой степени стѣснительны были обстоятельства, видно изъ того, что Кантакузинъ-императоръ ежедневныя издержки на столъ сократилъ въ десять разъ противъ того, что у него выходило въ бытность великимъ доместикомъ [2]). Обычная византійская роскошь должна была исчезнуть изъ самыхъ торжественныхъ церемоній. На обѣдѣ по случаю коронаціи (21-го мая 1347 г.) вмѣсто золотыхъ и серебрянныхъ кубковъ и чашъ мы видимъ оловянныя и глиняныя [3]) У самаго императора назначенныя для этого торжества діадима и облаченіе не блестѣли настоящимъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, какъ бывало обыкновенно; царскія одежды были сдѣланы изъ простой кожи, съ мишурною позолотою [4]).

---

[1]) Въ этомъ случаѣ особенно отвѣтственность падаетъ на Кантакузина. Совершенно забывая, что въ Византіи все же была государственная казна, онъ совѣтуетъ Омуру требовать съ императрицы какъ можно болѣе денегъ. Greg. XIV, c. 1.

[2]) Gregor. XVI, c. 3, p. 811.

[3]) Ibid. XV, c. 11: τοσαύτη δὲ πενία κατέχετο τὰ βασίλεια τηνικαῦτα, ὥστ' οὐδὲν ἦν τῶν τρυβλίων καὶ ἐκπωμάτων ἐκεῖ χρυσοῦν ἢ ἀργυροῦν. ἀλλ' ἔνια μὲν καττιτέρινα, τα δ'ἄλλα πάντα κεραμεᾶ καὶ ὀστράκινα.

[4]) Ibidem. καὶ τὰ βασιλικά, τῆς ἑορτῆς ἐκείνης διαδήματά τε καὶ περιβλήματα ὡς ἐπὶ τὸ πλεῖστον, χρυσοῦ μὲν εἶχον τὴν φαντασίαν καὶ λίθων ἔνθεν πολυτιμήτων.

При такой печальной обстановкѣ состоялось воцареніе Кантакузина. Какъ бы то ни было, теперь онъ снова стоялъ во главѣ управленія имперіей, и слѣдовательно, могъ снова отдать на пользу ей свой умъ и замѣчательную энергію, которыя въ этотъ пятилѣтній промежутокъ были имъ систематически направлены къ разрушительнымъ для государства дѣйствіямъ.

Мы сейчасъ увидимъ, на сколько успѣлъ онъ поправить дѣла имперіи и тѣмъ загладить свою вину предъ нею, на сколько оправдалась его узурпація послѣдующею его дѣятельностью въ санѣ императора, на сколько, наконецъ, она осуществила его личные планы, съ которыми, по его мнѣнію, было тѣсно связано и благосостояніе имперіи.

VI.

„Своими талантами Кантакузинъ воспользовался скорѣе къ разрушенію, чѣмъ къ возстановленію имперіи“, замѣтилъ еще Гиббонъ въ своей Исторіи паденія Римской имперіи [1]). Нельзя не признать справедливости такого отзыва не только по отношенію къ энергіи и настойчивости, обнаруженнымъ Кантакузиномъ во время пятилѣтняго искательства императорскаго престола, но и если обратимъ вниманіе на ту неистощимую изобрѣтательность, соединенную съ умѣньемъ маскировать свои дѣйствія, которая въ царствованіе Андроника Младшаго дѣлала изъ него то ловкаго интригана, то умнаго политика-дипломата, а во все послѣдующее время его государственной дѣятельности была направлена исключительно къ достиженію его личныхъ себялюбивыхъ цѣлей. Возложеніе императорской короны въ Константинополѣ, по видимому, должно было побудить Кантакузина дать иное лучшее направленіе въ обнаруженіи этого качества, необходимаго для всякаго государственнаго человѣка. Между тѣмъ, теперь оно болѣе чѣмъ когда-либо соединяется съ его неограниченными властолюбивыми и честолюбивыми стремленіями. Императорскій титулъ и имъ же устроенное, дѣйствительно ненормальное положеніе имперіи съ двумя императорами не удовлетворяли его. Онъ домогается окончательнаго устраненія Палеологовъ отъ престола и водво-

---

τὰ δ'ἦν ἐκεῖνα μὲν ἀπὸ σκύτους, ὁπόσα χρυσὸς ἐπιχρώζει πρὸς τὴν τῶν σκυτέων ἐνίοτε χρείαν.

[1]) *Gibbon*, The history of the decline and fall of the Roman Empire. London. 1830, p. 1162: «The talents of Cantacuzene were employed to the ruin, rather «than the restoration of the empire».

ренія своей династіи, для чего обращается къ обычной своей подпольной политикѣ. Палеологи не сдаются добровольно, и вотъ имперія дѣлается жертвою новой усобицы, уже третьей въ разсматриваемый нами періодъ. Всякій рѣшительный шагъ Кантакузина для выполненія давнишней его мечты, даже открытое низложеніе Палеологовъ тотчасъ же послѣ занятія Константинополя, былъ бы для страны несравненно выгоднѣе, чѣмъ эта не достигшая цѣли система тайнаго подкапыванія, и еслибы такой шагъ не оправдывалъ узурпаціи, то все же придавалъ бы ей сколько-нибудь разумное значеніе. Теперь же семилѣтнее правленіе Кантакузина, вмѣсто отдыха и укрѣпленія силъ, въ которомъ такъ нуждалась истощенная имперія, и котораго она была въ правѣ отъ него ожидать, принесло ей бѣдствія не меньше тѣхъ, которыми ознаменовались предидущія междоусобныя войны. При всѣхъ попыткахъ сдѣлать что-либо для поправленія дѣлъ государства, онъ не въ силахъ остановить тотъ роковый ходъ событій, который самъ же развилъ, а теперь самъ же ускорялъ, можетъ быть, уже безсознательно, невольными толчками. Враги имперіи, какъ всегда, пользуются ея внутренними затрудненіями: Сербы съ одной стороны, Латины съ другой продолжаютъ свои угрожающія наступленія—Кантакузинъ почти безсиленъ противъ нихъ. Турки, по прежнему, то съ мирными, то съ хищными цѣлями посѣщаютъ несчастную Ѳракію, и наконецъ, полагаютъ начало ея завоеванія—Кантакузинъ почти безмолвно опускаетъ голову и передъ этимъ неотразимымъ событіемъ. Ко всему этому присоединяются другія бѣдствія, уже прямо не зависящія отъ него. Въ концѣ концовъ онъ и самъ не въ состояніи совладать съ поднятыми неурядицами и безславно сходитъ со сцены, уступая дорогу законному наслѣднику престола.

Въ первые мѣсяцы послѣ воцаренія, Кантакузинъ чувствовалъ себя хорошо, былъ въ нѣкоторомъ упоеніи отъ своей побѣды. Онъ успѣлъ возстановить порядокъ въ столицѣ, издалъ законъ о прекращеніи всякихъ исковъ и тяжебъ о движимыхъ имуществахъ, подвергшихся разграбленію и конфискаціи въ эпоху междоусобія [1]), чѣмъ до нѣкоторой степени снискалъ расположеніе прежней противной ему партіи, получилъ отъ новопоставленнаго патріарха Исидора разрѣшеніе отъ отлученія, которое было на него наложено Іоанномъ Апрійскимъ [2]) и занялся цѣлымъ рядомъ придворныхъ торжествъ, то

[1]) Cantac. IV, c. 1.
[2]) Cant. IV, c. 3; Greg. XV, c. 12.

по случаю принесенія присяги новому императору, то по поводу своей коронаціи и свадьбы зятя—Іоанна Палеолога, то вслѣдствіе въѣзда въ столицу своей супруги, императрицы Ирины [1]). Союзникъ и родственникъ Кантакузина Орханъ также спѣшилъ принести ему поздравленіе. Со всѣмъ семействомъ онъ пріѣхалъ въ Скутари. Сюда явился императоръ и нѣсколько дней веселился съ своимъ зятемъ, забавляя его охотой и шумными пирами [2]). По окончаніи празднествъ, Ѳеодора съ своимъ отцомъ и сыновьями Орхана ѣздила на три дня въ самый Константинополь, самъ же Орханъ дожидалъ ее въ Скутари [3]).

Но благодушіе Кантакузина не могло быть продолжительно. Уже въ 1347 г. ему пришлось убѣдиться, что созданное имъ положеніе вещей весьма неудовлетворительно. Прежде всего онъ возбудилъ недовольство среди прежнихъ своихъ приверженцевъ. Большинство этихъ людей расчитывали на вознагражденіе за свою поддержку и еще задолго до занятія Константинополя требовали отъ Кантакузина обѣщанія, что по достиженіи успѣха имъ будутъ уступлены отдѣльныя части имперіи въ независимое управленіе [4]). Тогда онъ отвергъ эти дѣйствительно антигосударственныя требованія, но теперь долженъ былъ не упускать изъ виду эгоистическихъ стремленій представителей своей партіи и дать имъ нѣкоторое удовлетвореніе. Между тѣмъ, онъ оставляетъ ихъ въ сторонѣ и скорѣе ищетъ сближенія съ прежними противниками. Законоположенія его касательно возстановленія правъ собственности, прощая грабежи и захваты антикантакузинистовъ, слишкомъ мало вознаграждали потерпѣвшихъ лицъ его партіи. Это, естественно, озадачивало послѣднихъ. Дальнѣйшіе тайные замыслы Кантакузина не были никому извѣстны; соглашеніе его съ Палеологами и имперія съ двумя императорами не могли не казаться имъ

---

[1]) Cant. IV, cc. 1, 4.

[2]) Cant. IV, c. 4. Во время пировъ императоръ съ Орханомъ обыкновенно занимали одинъ столъ, четыре сына Орхана отъ другихъ женъ возлежали недалеко за другимъ столомъ, а прочіе знатные Турки и Греки располагались на полу, на коврахъ.

[3]) По видимому, онъ не мечталъ еще о завоеваніи европейскихъ владѣній имперіи и отнюдь не задавался мыслію овладѣть столицей. Иначе трудно объяснить, почему онъ не воспользовался случаемъ осмотрѣть Царьградъ. Кантакузинъ не могъ быть противъ такого посѣщенія, потому что дозволилъ съ Ѳеодорою отправиться сыновьямъ Орхана и нѣкоторымъ знатнымъ Туркамъ, состоявшимъ при Османскомъ дворѣ.

[4]) Greg. XIV, c. 5.

странными. Многіе отказались присягать Іоанну Палеологу и его матери [1]). Такимъ образомъ создается новая оппозиція. Она рѣзко обнаруживается, едва Кантакузинъ выступаетъ съ проектомъ необходимыхъ мѣръ для поправленія дѣлъ имперіи. Собрать что-нибудь въ совсѣмъ пустую государственную казну было первой его заботой. О новыхъ податяхъ и налогахъ при полномъ разореніи Ѳракіи нечего было и думать; онъ рѣшился обратиться къ патріотизму Византійцевъ и добровольнымъ приношеніямъ на нужды государства. Созвано было общее собраніе византійскихъ гражданъ всѣхъ сословій. Тутъ присутствовали и купцы, и воины, и ремесленники, и простонародіе (δῆμος), и настоятели церквей и монастырей. Самъ императоръ въ рѣчи указалъ на трудное положеніе имперіи и на необходимость для каждаго гражданина оказать правительству посильную помощь [2]). Часть гражданъ отнеслась сочувственно къ предложенію Кантакузина и согласилась жертвовать. Другіе же весьма многіе [3]) высказались противъ пожертвованій и открыто заподозрили императора въ корыстныхъ цѣляхъ, говоря, что онъ уже разорилъ разъ окрестности Византіи и теперь хочетъ воспользоваться имуществомъ гражданъ и самаго города. На сколько сильна была партія этихъ недовольныхъ, видно изъ того, что она успѣла подѣйствовать на тѣхъ, которые склонились было на убѣжденія Кантакузина, и сборъ почти не состоялся. Затѣмъ, она пошла дальше и сдѣлала попытку вооружить противъ императора старшаго его сына Матвѣя. Одинъ изъ вожаковъ партіи Іоаннъ Асанъ (шуринъ Кантакузина) побудилъ его подъ предлогомъ защиты отъ происковъ Палеологовъ, къ которымъ снисходитъ его отецъ, образовать изъ управляемой имъ восточной Ѳракіи особое деспотство и объявить себя независимымъ отъ Византіи государемъ. Юноша поддался совѣту и уже укрѣпился въ Адріанополѣ. Іоаннъ Кантакузинъ былъ сильно встревоженъ; но императрица Ирина лично отправилась въ Адріанополь и успѣла склонить сына къ повиновенію отцу [4]).

---

[1]) Cantac. IV, cc. 1, 7.

[2]) Cantac. IV, c. 5. Впрочемъ, большая часть рѣчи была посвящена оправданіямъ призванія Турокъ во время предыдущей войны.

[3]) Cantac. IV, c. 6. Кантакузинъ говоритъ, что это были его давнишніе враги (τινὲς δὲ τῶν ἐξ ἀρχῆς ἐκείνῳ ᾑρημένων πολεμεῖν) и главнымъ образомъ византійскіе финансисты-мѣнялы (καὶ ἐκ τῶν ἐν ἐργαστηρίοις ἐμπορευομένων ἀργυραμοιβῶν), но послѣдующія событія, которыя мы сейчасъ разъяснимъ, указываютъ, что въ оппозиціи принимала большое участіе именно недовольная партія прежнихъ кантакузинистовъ.

[4]) Cantac. IV, cc. 7, 8; Greg. XVI, cc. 2,3.

Тѣмъ не менѣе, ему пришлось выдѣлить часть имперіи. Императоръ самъ отправился въ Димотику и предоставилъ Матвѣю въ независимое управленіе, съ признаніемъ только его верховной императорской власти, береговую полосу Халкидики отъ Димотики до Христополя [1]). Стремленіе къ такому сепаратизму если дѣйствительно огорчало Кантакузина, какъ это видно изъ его рѣчи къ сыну, приводимой у Григоры [2]), то только отчасти, именно по скольку съ нимъ связывалось опасеніе, что этотъ сепаратизмъ сдѣлается опорой оппозиціонной партіи. Собственно же, фактическій переходъ части имперіи въ руки сына означалъ новый шагъ въ задуманномъ имъ планѣ—устраненія Палеологовъ отъ престолонаслѣдія. Чѣмъ болѣе вчитываешься въ оправдательныя рѣчи Кантакузина, которыми переполнена четвертая книга его записокъ, и вникаешь въ обвиненія, отголосокъ которыхъ находится въ послѣднихъ книгахъ исторіи Григоры, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ существованіи у него такого плана. Всѣ его оправданія разсыпаются передъ фактами, которые онъ самъ же приводитъ. Чтобы проложить своимъ сыновьямъ дорогу къ престолу, ему нужно было облечь ихъ званіями и достоинствами, которыя служили бы переходною ступенью къ трону, и вмѣстѣ съ тѣмъ, вообще дать своему дому матеріальную и нравственную силу для оспариванія правъ Палеологовъ. Съ этою цѣлью онъ въ первые же дни царствованія даетъ сыну Мануилу и зятю Никифору Дукѣ званія деспотовъ, а братьевъ жены Іоанна и Мануила Асановъ объявляетъ севастократорами. Тотъ и другой титулъ давалъ право на высшія государственныя почести

---

[1]) Gregor. XVI, с. 4. Кантакузинъ не говоритъ объ этомъ выдѣленіи. Но нѣсколько спустя (IV, с. 10, p. 66) Матвѣй является въ его исторіи: τῶν κατὰ τὴν Χαλκιδικὴν πόλεων ἔχων τὴν ἀρχήν.

[2]) Въ рѣчи, съ которою Кантакузинъ обращается къ сыну по случаю этого назначенія (Greg. XVI, с. 4), указывается на важное значеніе поручаемой ему страны, какъ передоваго поста противъ нападеній Сербовъ и Турокъ, и въ яркихъ чертахъ изображается бѣдственное положеніе опустошенной, обезлюженной Θракіи, единственной области, которая остается имперіи: «ὁρᾷς γὰρ ὡς εἰς στενὸν κομιδῇ τὰ Ῥωμαίων ἐλήλαται πράγματα, καὶ ἄβατός τις μικροῦ καὶ θηριώδης ἡμῖν ἀντὶ πάντων ἡ τῆς Θρᾴκης ἠπλωται μόνη γῆ· πόλεις δ' ὀλίγαι περὶ αὐτὴν γένους διασώζουσι λείψανα μόλις Ῥωμαϊκοῦ, δίχα προαστείων καὶ αὗται καὶ τῶν ὀφειλομένων προθύρων εἰς εὐκοσμίαν πολιτικὴν καὶ πρός γε μακροῖς τισιν ὅροις καὶ διαστήμασιν ἀοικήτοις ἀλλήλων διεστηκυῖαι καθάπερ ἐν μακρῷ πεδίῳ καὶ παμπληθεῖ καλάμῃ μετὰ θέρος κα δρέπανον σποράδες ἅμα καὶ εὐαρίθμητοι στάχυες .... ὡς εἰδώλοις γε τισιν ἐοικέναι μᾶλλον οἰκητόρων, ἢ οἰκήτορσιν· οὕτω δυστυχῶς ἔχει τὰ καθ' ἡμᾶς πράγματα νῦν ....» (vol. II, p. 817).

и на самостоятельное управленіе цѣлыми областями имперіи. Сыну же Матвѣю онъ предоставилъ постъ, который впервые учрежденъ императоромъ Михаиломъ Палеологомъ для сына Константина Порфиророднаго и „не имѣлъ особаго титула, но былъ выше званія деспота и соединялъ въ себѣ право и почетъ перваго лица послѣ императора“ [1]). Облеченіе сына такою рѣдкою, высочайшею должностью не было ли первымъ шагомъ къ открытому объявленію его наслѣдникомъ престола? Выдѣленіе ему въ управленіе цѣлой провинціи было вторымъ шагомъ въ томъ же направленіи. Совершенно понятно, что Матвѣй Кантакузинъ теперь сталъ смотрѣть на себя какъ на законнаго претендента на византійскій престолъ, который отъ отца долженъ перейдти къ нему, а не къ Іоанну Палеологу [2]). Впослѣдствіи Іоаннъ Кантакузинъ, чтобы лучше скрыть свой замыселъ, указывалъ на самостоятельность дѣйствій сына; но если это и было такъ въ моментъ открытаго столкновенія между Матвѣемъ Кантакузиномъ и Іоанномъ Палеологомъ, то въ подготовленіи этого столкновенія главнымъ образомъ виноватъ Іоаннъ Кантакузинъ; ему принадлежитъ вся завязка смуты, направленной къ низложенію Палеологовъ [3]). Что онъ продолжаетъ дѣйствовать въ духѣ своего плана, показываетъ то, что въ 1349 г. онъ посылаетъ въ Пелопоннисъ правителемъ другаго сына, деспота Мануила. Пріѣздъ его былъ благодѣтеленъ для византійской части полуострова; онъ уничтожилъ царившій тамъ анархическій порядокъ вещей, принялъ мѣры противъ нападеній Турокъ, уладилъ отношенія къ Латинамъ, и поднялъ значеніе Мизиѳри [4]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ организуетъ эту часть Пелопонниса какъ самостоятельное деспотство, въ которомъ Кантакузины послѣ своего паденія находятъ себѣ убѣжище, и которое Іоаннъ Палеологъ долженъ признать неприкосновеннымъ, другими словами—онъ полагаетъ начало отдѣленію этой провинціи отъ общаго организма имперіи.

Одновременно съ возвышеніемъ своихъ сыновей, Кантакузинъ старается всячески ослабить значеніе Іоанна Палеолога, заставить за-

---

[1]) Cantac. IV, c. 5: Ματθαῖον δὲ τὸν πρεσβύτερον υἱὸν ἀξίας μὲν οὐδεμιᾶς ὀνομαστῆς ἠξίου, τιμὴν δὲ παρεῖχε τὴν ὑπὲρ δεσπότας, ὡς εὐθὺς εἶναι μετὰ βασιλέα, ἣν ὁ πρῶτος τῶν Παλαιολόγων βασιλέων Μιχαὴλ ἐκαινοτόμησεν ἐπὶ υἱῷ Κωνσταντίνῳ τῷ Πορφυρογεννήτῳ, ἣ ἐδόκει πλέον τι τῆς τῶν δεσποτῶν ἀξίας ἔχειν. См. еще vol. III, p. 33. Ср. также Greg. XVI, c. 1.

[2]) Greg. XXVI, c. 27, vol. III, p. 93.

[3]) Greg. XXVII, c. 48, vol. III, p. 167.

[4]) Cantac. IV, c. 13.

быть самое существованіе его какъ императора. Насильно, противъ его желанія [1]), выдавъ за него свою дочь, онъ, въ качествѣ тестя, получилъ полную возможность опекать его отъ всякихъ вліяній. Онъ не допускаетъ зятя ни до государственныхъ дѣлъ, ни до областнаго управленія и неотлучно держитъ при себѣ, беретъ съ собою въ поѣздки и походы, или же поручаетъ надзоръ за нимъ довѣреннымъ лицамъ [2]). Принимая такія мѣры предосторожности, Кантакузинъ боялся вліянія партіи Палеологовъ, которая не отказывалась еще отъ своихъ задачъ поддерживать права законнаго наслѣдника. Опасенія эти были не безосновательны. Трудно допустить, чтобъ Анна, столь энергически ведшая борьбу съ своимъ соперникомъ и подчинившаяся только необходимости, совсѣмъ успокоилась, особенно когда видѣла, что ея сынъ совсѣмъ въ рукахъ ненавистнаго ей человѣка. Въ томъ же 1347 г. былъ открытъ заговоръ, имѣвшій цѣлью похитить юнаго императора, отвести его въ Галату и поднять новую войну противъ Кантакузина. Дѣло не удалось, заговорщики посажены были въ тюрьму, но почему-то и на этотъ разъ помилованы „милостивымъ“ Кантакузиномъ [3]). Затѣмъ оставался еще одинъ пунктъ въ имперіи, гдѣ открыто велась агитація въ пользу Палеолога. Въ черноморскомъ городкѣ Медеѣ храбро держался извѣстный намъ Добротичъ, братъ Балика Карвунскаго, помогавшій императрицѣ Аннѣ въ послѣдній годъ междоусобной войны. Кантакузинъ сломилъ и эту послѣднюю опору партіи Палеологовъ. Въ 1348 г. онъ послалъ къ городу съ суши и съ моря войска, а затѣмъ вмѣстѣ съ Іоанномъ Палеологомъ (вѣроятно, для большаго его униженія) явился самъ и переговорами убѣдилъ Добротича сдать городъ [4]).

Дѣйствія Кантакузина по отношенію къ членамъ своей семьи и назойливая опека, которою онъ окружалъ Іоанна Палеолога, вызывали въ послѣднемъ подозрѣніе въ коварствѣ намѣреній его тестя, которое еще болѣе поддерживалось ненавистью, съ дѣтства внушенною ему матерью къ мнимому ихъ благодѣтелю. Но въ данный моментъ, спутанный по рукамъ и ногамъ, при полномъ подавленіи своей партіи, молодой императоръ долженъ былъ сдерживать въ себѣ скрытое чувство негодованія. Для открытаго протеста, для защиты

---

[1]) Greg. XXVII, c. 47, vol. III, p. 166.
[2]) *Parisot*, p. 227.
[3]) Cant. IV, c. 7.
[4]) Cant. IV, c. 10.

своихъ правъ, онъ дожидался болѣе удобнаго времени. Вскорѣ оно наступило.

Между тѣмъ какъ въ первые годы царствованія Кантакузина такъ усердно полагались сѣмена будущихъ внутреннихъ смутъ, перемѣна правительства отнюдь не отразилась на улучшеніи внѣшнихъ дѣлъ имперіи. Стефанъ Душанъ продолжалъ свои завоеванія, и словно рѣка, вышедшая изъ своихъ береговъ, все болѣе и болѣе захватываетъ разливомъ сербскихъ водъ — византійскія области [1]). Округливъ завоеваніе Македоніи взятіемъ Сереса и Верріи, въ 1347 или въ началѣ 1348 г. онъ возобновляетъ движеніе на югъ и подчиняетъ своей власти Янину, южную часть Эпира, Акарнанію и Этолію [2]). Кантакузина тревожитъ потеря еще цѣлой провинціи. Онъ посылаетъ посольство къ Стефану, указываетъ на нарушеніе мира, но могущественный завоеватель оставляетъ его безъ вниманія. Тогда императоръ рѣшается показать свою дѣятельность и выступить съ оружіемъ противъ опаснаго врага. Сильной арміи на готовѣ у него не было; онъ обращается за помощью къ Орхану. 10,000 Турокъ, подъ начальствомъ Сулеймана, сына Орхана, переправились во Өракію; здѣсь и къ нимъ присоединился небольшой византійскій отрядъ, предводимый Матвѣемъ Кантакузиномъ. Союзники двинулись вмѣстѣ по направленію къ Македоніи. Чтò же вышло изъ этого похода? Едва Турки достигли Христополя, границы новыхъ сербскихъ завоеваній, какъ съ неудержимою силой, не слушая приказаній своихъ начальниковъ, набросились на Мигдонію, недавно потерянную византійскую область, сожгли и опустошили ее, жителей перебили и во множествѣ забрали въ плѣнъ. Затѣмъ, удовлетворивъ своимъ хищнымъ инстинктамъ, они считали свое дѣло по отношенію къ императору конченнымъ и съ большою добычею вернулись въ Азію. Кантакузинъ какъ будто не зналъ обы-

---

[1]) Кантакузинъ въ рѣчи къ сыну Матвѣю говоритъ: «Ἡ πόθεν ἄλλοθεν μέγας καθ᾽ἡμῶν ὁ Τριβαλλὸς ἐγέγονει ὃς καθάπερ ποταμὸς πλημμυρήσας, καὶ μακροῖς διαστήμασι τοὺς οἰκείους, ὑπερβὰς ὅρους, τὰ μὲν τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας παμπληθέσιν ἤδη ῥοθίοις κατέκλυσε, τὰ δ᾽ἀπειλεῖ κατακλύσειν. Greg. XVI, c. 4, p. 817.

[2]) Кантакузинъ здѣсь (IV, c. 4.) говоритъ только о завоеваніи Сербами Македоніи. Молчаніе его объ Акарнаніи и Эпирѣ, вѣроятно, умышленное. По внимательномъ чтеніи его 20-й главы, гдѣ онъ опять-таки вскользь упоминаетъ о завоеваніи этихъ провинцій, и на основаніи другихъ соображеній, я отношу движеніе Душана въ эту сторону къ первымъ годамъ царствованія Кантакузина. Подробный разборъ извѣстій о завоеваніяхъ Душана излагается мною въ особомъ изслѣдованіи.

чаевъ и характера помощи своихъ излюбленныхъ союзниковъ и въ заключеніи разказа объ этомъ неудачномъ движеніи противъ Душана выражаетъ скорбь, что они въ конецъ разорили ту страну, которую собственно онъ имѣлъ въ виду освободить при ихъ содѣйствіи [1]). Вскорѣ послѣ такой плохой услуги Сулеймана, въ томъ же 1348 г., Кантакузину пришлось самому обороняться противъ Турокъ. Дѣло въ томъ, что заключенный имъ родственный союзъ съ повелителемъ Османовъ могъ служить нѣкоторою гарантіей только въ томъ, что самъ Орханъ не предприметъ дальнѣйшаго завоеванія византійскихъ областей, но онъ отнюдь не обезпечивалъ имперію отъ частныхъ нападеній и высадокъ, съ цѣлью грабежа, мелкихъ турецкихъ (османскихъ и сельджукскихъ) беговъ, которые въ частныхъ своихъ дѣйствіяхъ сохраняли значительную самостоятельность, что обусловливалось самымъ устройствомъ первоначальнаго Османскаго государства. Возвращаясь изъ-подъ Медеи, Кантакузинъ наткнулся близъ Месены на конный турецкій отрядъ (до 1200 ч.), зашедшій для грабежей, въ виду полной опустошенности Ѳракіи, въ глубь страны. Послѣ жестокаго боя, въ которомъ палъ одинъ изъ турецкихъ предводителей Кара-Могамедъ, другой Кара-Османъ [2]) долженъ былъ сдаться на волю императора. Одновременно съ этой побѣдой, Матвѣй Кантакузинъ совершенно уничтожилъ близъ Граціанополя другую пѣшую часть того же турецкаго отряда, которая въ числѣ 1400 человѣкъ опустошала Халкидику. Не смотря на ничтожность непріятеля, съ которымъ пришлось имѣть дѣло, Кантакузинъ придавалъ большое значеніе одержанному успѣху и подробно съ восторгомъ описываетъ оба столкновенія [3]). Такое отношеніе къ незначительной побѣдѣ показываетъ, до какой степени была угнетена Византія, почти отвыкшая не только побѣждать, но и обороняться противъ своихъ враговъ. Но самый фактъ появленія во Ѳракіи разбойничьихъ турецкихъ отрядовъ, на время было прекратившагося, былъ неутѣшителенъ. Вообще 1348 г. былъ особенно тяжелъ для имперіи. Тогда въ ней, какъ и во всѣхъ

---

[1]) Cantac. IV, c. 4. Григора (XVI, c. 5) говоритъ, что Кантакузинъ ждалъ на помощь противъ Сербовъ Омура, но такъ какъ тотъ въ это время былъ убитъ подъ Смирною, то и самый походъ не состоялся. Но Омуръ, какъ мы видѣли, уже раньше сошелъ со сцены. Григора здѣсь смѣшиваетъ его съ Орханомъ. Ту же ошибку дѣлаетъ и Паризо (стр. 240).

[2]) У Кантакузина (vol. III, p. 65) ошибочно—Μαρατσουμάνος, ср. *Parisot*, p. 245 not. 6.

[3]) Cantac. IV, c. 10; Greg. XVI, c. 7.

странахъ, прилегающихъ къ Черному и Средиземному морямъ, свирѣпствовала страшная эпидемія, извѣстная подъ именемъ „черной смерти“. Кантакузинъ и Григора [1]) подробно описываютъ признаки этой прежде неизвѣстной болѣзни. Медицина того времени оказывалась безсильною противъ нея; народъ умиралъ массами. Сама столица, если вѣрить одной западной хроникѣ [2]), лишилась $^{8}/_{9}$ своего населенія. Жертвой эпидеміи палъ и младшій сынъ Кантакузина, Андроникъ. Но это еще не все. Въ исходѣ 1348 г. начинается война съ Галатой. Эта война имперіи съ небольшею генуэзскою колоніей, присосавшеюся къ ея почвѣ, ясно свидѣтельствуетъ, до какой степени безпомощности и безсилія дошла тогда Византія. Временемъ междоусобія генуэзскіе владѣтели Галаты воспользовались какъ нельзя лучше для своихъ интересовъ. Византія оставалась совсѣмъ безъ флота. Ихъ суда наполняли весь Архипелагъ, господствовали во всѣхъ портахъ имперіи. Вся ввозная торговля была въ ихъ рукахъ. Таможенные доходы Галаты простирались ежегодно до 200,000 иперперовъ, между тѣмъ какъ Византіи эта отрасль доходовъ давала едва 30,000 иперперовъ [3]). Словомъ, экономическая зависимость столицы имперіи отъ генуэзской колоніи была полная. Кантакузинъ всегда хорошо понималъ опасность, которая грозила его отечеству со стороны Латиновъ, близко видѣлъ вредъ для него отъ постоянно усиливающагося господства Генуэзцевъ въ Эгейскомъ и Черномъ моряхъ, которое все болѣе угрожало ему не только экономическимъ, но и территоріальнымъ порабощеніемъ, и всѣми силали старался противодѣйствовать этому наростающему злу. Въ царствованіе Андроника, будучи великимъ доместикомъ, онъ умѣло и стойко оборонялъ противъ генуэзскихъ захватовъ византійскія владѣнія на Эгейскомъ морѣ. Во время междоусобной войны результаты этой борьбы были утрачены, и самое орудіе, которымъ онъ ихъ добился, имъ же созданный флотъ пропалъ. Теперь, уже императоръ, онъ еще съ большею энергіей преслѣдуетъ ту же задачу, хотя выполнять ее, послѣ пятилѣтняго пагубнаго перерыва, при печальномъ положеніи, въ кото-

---

[1]) Cantac. IV, c. 8; Greg. XVI, c. L.

[2]) Chronicon Estense у *Muratori* XIV, p. 448. Объ этой чумѣ см. также хронику Matteo Villani (*Muratori* XIV, p. 12—14) и Annales Caesenates (Ibidem, p. 1179). ВъВенеціи погибло отъ этой чумы до 100,000 чел. см. Historia anonymi Itali (*Muratori*, v. XVI, p. 285). Черная смерть нѣсколько позже господствовала и въ Россіи; жертвой ея сталъ, какъ извѣстно, великій князь Симеонъ Гордый (1353 г.).

[3]) Greg. XVII, c. 1.

ромъ тогда находилась имперія, было слишкомъ трудно. Вновь выстроить флотъ, и какъ можно скорѣе, было первою его заботой. Собравъ все, что было въ государственной казнѣ, и присоединивъ къ этой ничтожной суммѣ незначительныя пожертвованія, полученныя вышеупомянутымъ, не удавшимся обращеніемъ его къ народу, онъ немедленно приступаетъ къ постройкѣ военныхъ и торговыхъ судовъ. Къ увеличенію строительнаго фонда должны были ему служить принятыя имъ финансовыя мѣры: пониженіе таможенной платы для ввозныхъ въ Константинопольскій портъ продуктовъ, чрезъ что иностранныя торговыя суда болѣе стали направляться въ этотъ портъ, а не въ Галату, и ограниченіе права Галатцевъ брать на откупъ таможенные доходы [1]). Всѣ эти приготовленія и мѣры, конечно, не могли нравиться Галатцамъ. Они чувствовали, что ихъ захватамъ и дерзкой эксплоатаціи византійской торговли ставятся серьезныя препятствія, столкновеніе съ Греками имъ казалось неизбѣжнымъ; они стали сами готовиться къ войнѣ, чтобы сохранить господство своего военнаго и торговаго флота. Но такъ какъ съ суши Галата была беззащитна, то обитатели ея задумали такъ, либо иначе овладѣть господствующею надъ ихъ колоніей возвышенностью, и создавъ на ней укрѣпленіе, смѣло дѣйствовать противъ противника. Сперва они сдѣлали попытку просьбою добиться отъ Кантакузина уступки нужной имъ мѣстности, подъ предлогомъ, что занимаемое ихъ колоніей пространство уже недостаточно для возрастающаго населенія. Императоръ понималъ значеніе этой позиціи и отказалъ въ просьбѣ. Тогда Галатцы рѣшились немедленно же перейдти къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Пользуясь отсутствіемъ Кантакузина, хворавшаго въ Димотикѣ, они неожиданно явились у противоположной стороны Золотаго рога, сожгли расположенныя на берегу загородныя византійскія селенія, прошли въ портъ и къ верфямъ, гдѣ такимъ же способомъ истребили строившіяся и уже спущенныя суда; Византійцы едва успѣли спасти три большихъ судна и нѣсколько малыхъ. Въ то же время Галатцы съ поспѣшностью заняли желаемую возвышенность и принялись дѣятельно укрѣплять ее, пользуясь заранѣе приготовленнымъ для того матеріаломъ. Все населеніе Галаты, мужчины и женщины, знатные и простолюдины, работали здѣсь днемъ и ночью надъ постройкою башни, стѣны и земельныхъ укрѣпленій. Небольшой византійскій отрядъ, выступившій изъ столицы, не могъ помѣшать работамъ и ограничился

[1]) Cantac. IV, c. 11. Cp. *Heyd*, I p. 394; *Parisot*, pp. 230—234.

сожженіемъ нѣсколькихъ генуэзскихъ домовъ, близъ галатской стѣны. Между тѣмъ Галатцы пользуются беззащитностью Константинополя, задерживаютъ своимъ флотомъ подвозъ провіанта и даже дѣлаютъ попытку взять городъ штурмомъ, но отбиты съ урономъ. Наконецъ, вернулся Кантакузинъ. Созвавъ народное собраніе, онъ вновь доказывалъ необходимость обязательныхъ взносовъ на флотъ. Серьезная опасность заставила теперь смолкнуть оппозицію; сборъ, порученный Константину Тарханіотѣ, пошелъ успѣшно, хотя многіе неохотно согласились на него. Вскорѣ были уже готовы девять большихъ триремъ и много мелкихъ судовъ. Частныя лица сами по себѣ снаряжали легкія военныя лодки и ставили вооруженныхъ людей. Вылазки Византійцевъ начали серьезно безпокоить Галатцевъ, а вновь устроенныя ихъ бойницы наносили значительный вредъ постройкамъ Галаты и транспортамъ, стоявшимъ ближе къ берегу. Такая дѣятельность со стороны Византіи встревожила слишкомъ предпріимчивыхъ Латиновъ. Они хлопочутъ о примиреніи, ищутъ посредничества то Родосцевъ, то своей митрополіи—Генуи, но ни за что̀ не соглашаются уступить занятую возвышенность. Весною 1349 г. византійскій флотъ величаво выплылъ въ заливъ. Онъ началъ хорошо; захватилъ богатый галатскій транспортъ и этимъ быстрымъ успѣхомъ, и своимъ вооруженіемъ подѣйствовалъ угнетающимъ образомъ на непріятеля. Но затѣмъ, когда нужно было вступить въ рѣшительный бой, онъ потерпѣлъ полную катастрофу. Обстоятельства этой вторичной гибели византійскаго флота, а равно развязка самой войны съ Галатой, представляются весьма затемненными какъ у Кантакузина, такъ и у Григоры. Ясно только, что внезапная буря и неопытность греческихъ наварховъ были главными причинами несчастія. Галатскому адмиралу оставалось только пользоваться паникою Византійцевъ, забирать и жечь уцѣлѣвшія отъ крушенія суда. Сухопутный византійскій отрядъ также почему-то отступилъ отъ Галаты. Пораженіе было полное, нѣсколько дней Галатцы съ торжествомъ разъѣзжали по Босфору и въ виду столицы издѣвались надъ императорскимъ флагомъ, снятымъ съ разбитыхъ триремъ. Вслѣдъ затѣмъ, при посредствѣ генуэзскихъ пословъ, былъ заключенъ миръ. Византія должна была уступить Галатѣ спорную мѣстность [1]). Кантакузинъ всячески старается скрасить горечь этой уступки [2]). Но ударъ, нанесенный имперіи какъ самымъ

---

[1]) Cantac. IV, c. 11; Greg. XVII, cc. 1—7.

[2]) Онъ говоритъ, напримѣръ, что Галатцы обязались по условіямъ мира—

фактомъ войны, такъ и ея плачевными результатами, во всякомъ случаѣ долженъ былъ быть весьма чувствителенъ. Послѣ мира обратились къ Тарханіотѣ за отчетомъ о расходѣ по постройкѣ погибшаго флота. Оказалось, что было издержано до 50,000 иперперовъ специальнаго сбора, не считая того что̀ было взято изъ государственной и императорской казны [1]. Столько денегъ и усилій пропало даромъ! Голоса недовольства снова стали раздаваться въ Византіи.

Но Кантакузинъ не падалъ духомъ, не терялъ обычной своей энергіи. Онъ снова принялся чинить старые корабли и строить новые, а для полученія денегъ предпринялъ цѣлый рядъ новыхъ финансовыхъ мѣръ, которыя оказались до нѣкоторой степени удачными и цѣлесообразными [2]. Результатомъ такой дѣятельности императора было то, что въ непродолжительномъ времени Византія обладала почти двумя стами торговыхъ судовъ, которыя могли служить и для военной надобности. Уладивъ такъ либо иначе дѣла съ Галатою, Кантакузинъ обратилъ вниманіе на о. Хіосъ и Фокею, видѣть которые во власти Генуэзцевъ ему было особенно тяжело. Вырвать ихъ открытою силой у него не было средствъ, и онъ обращается къ

возвратить занятыя позиціи, и что онъ самъ уже добровольно уступилъ ихъ Галатѣ. Фальшь и неестественность разказа здѣсь выдаютъ себя сами собою.

[1]) Cant. IV, c. 12.

[2]) Cantac. IV, c. 12. Вопервыхъ, онъ обложилъ пошлинами предметы потребленія, привозимые изъ западныхъ государствъ. Такъ, для хлѣба эта пошлина была половина золотаго за медимнъ. Для вина была назначена двоякая пошлина, смотря по тому, самъ ли винодѣлъ его продавалъ, или купецъ: въ первомъ случаѣ золотой за 50 хоевъ, во второмъ—два золотыхъ. Эта мѣра, съ одной стороны, имѣла цѣлью поднятіе греческаго земледѣлія, а также была направлена противъ Венеціанцевъ и Генуэзцевъ—особенно противъ послѣднихъ, которые главнымъ образомъ снабжали имперію хлѣбомъ изъ Кафы; но съ другой—она должна была увеличить дороговизну самыхъ необходимыхъ предметовъ, такъ какъ для поднятія земледѣлія во Ѳракіи, послѣ всѣхъ опустошеній, которымъ она подвергалась, еще недоставало многаго другаго, кромѣ возвышенія заграничнаго тарифа. Вовторыхъ, онъ понизилъ торговые взносы купцовъ съ $^{1}/_{10}$ стоимости ихъ товаровъ на $^{1}/_{50}$, то-есть съ $10^{0}/_{0}$ на $2^{0}/_{0}$. Черезъ это внутренняя торговля естественно оживилась, но финансовыя выгоды новаго̀ распоряженія не могли обнаружиться скоро. Паризо (стр. 231), толкуетъ послѣдній законъ Кантакузина, формулированный весьма кратко, совсѣмъ иначе—въ смыслѣ возвышенія платы за право торговли. Такое толкованіе намъ кажется произвольнымъ. Вотъ подлинныя слова Кантакузина объ этомъ предметѣ: νόμου δὲ ὄντος ἀρχαίου δεκάτας τοὺς ἐμπορευομένους ἅπαντας τελεῖν τῷ δημοσίῳ, πεντεκοστύας ἔταξεν αὐτὸς (vol. III, p. 81).

косвенному пути. Прежде всего онъ потребовалъ отъ Генуэзской республики возвращенія острова; Генуэзскій дожъ отвѣчалъ, что это не зависитъ отъ республики, такъ какъ захватъ сдѣланъ частною компаніей, но затѣмъ, желая, вѣроятно, привлечь императора къ союзу съ Генуею въ ожидаемой войнѣ съ Венеціей, выдалъ Кантакузину актъ, въ силу котораго компанія Маона должна была сдать весь островъ Византіи и только на десять лѣтъ могла удержать за собою главный его городъ, и то подъ условіемъ признанія верховной власти императора и уплаты ему ежегодно 22,000 иперперовъ. Актъ этотъ ни къ чему не повелъ. Виньози, владѣвшіе Хіосомъ, признали его не обязательнымъ для себя. Тогда Кантакузинъ сошелся съ правителемъ старой Фокеи, Кибо, который нѣкогда былъ византійскимъ архонтомъ на Хіосѣ, передалъ потомъ островъ Виньози и теперь тяготился званіемъ генуэзскаго намѣстника. Послѣдній передалъ императору Фокею, а затѣмъ обѣщалъ отвоевать и Хіосъ. Онъ ужь имѣлъ успѣхъ, овладѣлъ большею частью острова, но вскорѣ палъ въ битвѣ, а отрядъ его долженъ былъ отказаться отъ экспедиціи. Такимъ образомъ Хіосъ остался за Латинами. Но Кантакузинъ доволенъ былъ и тѣмъ, что вернулъ хоть Фокею [1]). Какъ плохи ни были дѣла на Эгейскомъ и Мраморномъ морѣ, онъ не могъ останавливаться исключительно на нихъ, на борьбѣ съ Латинами. Вниманіе его, естественно, отвлекалось на западъ, гдѣ сербскій колоссъ росъ все выше и выше и грозилъ совсѣмъ поглотить имперію.

Въ 1349 г. умеръ намѣстникъ Ѳессаліи Іоаннъ Ангелъ. Стефанъ Душанъ увидѣлъ въ этомъ обстоятельствѣ удобный случай овладѣть Великою Валахіей. Онъ послалъ Кесаря Прилупа, одного изъ близкихъ къ себѣ людей, съ сильнымъ албанскимъ корпусомъ, и тотъ занялъ почти безъ сопротивленія всю Ѳессалію, пройдя до венеціанской крѣпостцы Птеліона [2]). Затѣмъ самъ Стефанъ предпринимаетъ движеніе на Солунь. Здѣсь все еще продолжалась анархія, борьба партій; стоявшіе во главѣ управленія Алексѣй Метохита и Андрей Палеологъ отказывались признать власть Іоанна Кантакузина и не приняли присланнаго имъ и поставленнаго Исидоромъ въ Солунскіе епископы Григорія Паламу [3]). Демократическая партія—зилоты хлопотали уже о сда-

---

[1]) Cantac. IV, c. 12; *Hopf*, Giustiniani, p. 316. Она держалась Византіи до 1358 г.

[2]) Misti, XXVII Fol., 11 v.; *Hopf*, Griechenland im Mittelalter (Bd. 85), p. 446; Cantac. IV, cc. 16, 20 (vol. III, p. 113, 147).

[3]) Cantac., IV, c. 15.

чѣ города Сербамъ, которые оцѣпили его со всѣхъ сторонъ кольцомъ. Въ эту то критическую минуту, опасность иноземнаго завоеванія сплотила остальныя партіи противъ измѣнниковъ зилотовъ. Демократы были побѣждены, Андрей Палеологъ долженъ былъ оставить городъ, а Алексѣй Метохита сталъ во главѣ патріотовъ и далъ знать Кантакузину, чтобы тотъ спѣшилъ на помощь къ Солуни [1]). Нужно было сдѣлать что-нибудь для спасенія этой второй столицы, утрата которой означала бы переходъ во власть Сербовъ всей западной половины Балканскаго полуострова, съ главнымъ ключомъ къ ней съ восточной стороны. Но своего войска въ достаточномъ числѣ не было. Кантакузинъ обращается снова къ Орхану. Такое обращеніе на этотъ разъ, пожалуй, обусловливалось необходимостью, но пользы отъ него было не больше, тѣмъ въ 1348 г. Сулейманъ явился во Ѳракію съ 20,000 всадниковъ. Но эти огромныя толпы Османовъ отнюдь не имѣли въ виду помогать кому то ни было, а опять таки преслѣдовали свои хищныя цѣли. Едва Кантакузинъ съ Іоанномъ Палеологомъ (котораго онъ по обычаю увлекъ съ собою въ походъ) достигли сербской границы (близъ Анакторополя), какъ Турки возвращаются назадъ, будто бы отзываемые Орханомъ, для защиты собственнаго ихъ царства. При этомъ оказалось, что на обратномъ пути они набросились на Болгарію и подвергли ее жестокому опустошенію: огромныя стада скота и массы плѣнныхъ людей послѣдовали за Османами въ Азію. Уходъ союзниковъ ставилъ Кантакузина въ затруднительное положеніе. Съ ничтожными своими силами онъ не могъ и помышлять выступить противъ Сербовъ, приходилось совсѣмъ отказаться отъ Ѳессалоники. Выручили его изъ бѣды все же Турки. Отъ стараго знакомаго Серба Браяна (Μπραϊάνης), сдружившагося съ нимъ во время пребыванія у Душана и теперь правившаго въ Амфиполѣ, онъ узналъ, что въ устьяхъ Стримона стоятъ 22 турецкихъ корабля. Какіе это были Турки: Сельджуки или Османы,—трудно сказать. Гораздо яснѣе цѣль пребыванія ихъ флота у Стримона: они только что занимались опустошеніемъ Македоніи и Вотіэи. Теперь къ нимъ обратился Кантакузинъ за содѣйствіемъ, вѣроятно обѣщая въ будущемъ право поживиться добычею на счетъ непріятеля. Турки приняли его предложеніе. При помощи ихъ онъ очистилъ отъ Сербовъ окрестности Солуни и съ торжествомъ вступилъ въ городъ. Наиболѣе ярые пред-

[1]) Cant., IV, c. 16.

ставители зилотовъ были отправлены въ Константинополь [1]). Такою удачею начался для Кантакузина 1350 годъ. Она ободрила его для продолженія кампаніи. Немедленно отправился онъ съ византійскимъ войскомъ къ Верріи, Турки же на судахъ по р. Быстрицѣ должны были подплыть къ городу съ другой стороны. Веррія была лучшій изъ всѣхъ городовъ Вотіэи. Душанъ обратилъ на него особенное вниманіе. Немедленно послѣ завоеванія онъ выгналъ изъ него большую часть греческаго населенія и вмѣсто него поселилъ Сербовъ, въ числѣ которыхъ было не мало богатыхъ. Для укрѣпленія города онъ началъ въ немъ постройку двухъ акрополей; одинъ изъ нихъ былъ оконченъ и ввѣренъ защитѣ гарнизона изъ Германцевъ; надъ другимъ же еще работали до 10,000 работниковъ, собранныхъ со всего Сербскаго царства. Кромѣ того, въ самомъ городѣ были расположены значительныя сербскія дружины. Такимъ образомъ, овладѣніе Верріей, представляло большія трудности. Но случай легко передалъ ее Кантакузину. Старшина верріискихъ пастуховъ, нѣкто Маркелатъ, за освобожденіе сына, который былъ въ числѣ плѣнниковъ, захваченныхъ союзниками Кантакузина — Турками во время нападенія на Вотіэю, обязался помочь имъ проникнуть въ городъ. Посредствомъ лѣстницъ, заранѣе приготовленныхъ Маркелатомъ, часть византійскаго отряда перебралась черезъ стѣны Верріи и отворила ворота Кантакузину и Туркамъ. Нападеніе было произведено вполнѣ неожиданно, Сербы сдѣлали попытку обороняться и заперлись въ акрополѣ, но вскорѣ принуждены сдаться. Германцы оказались тѣми самыми, которые нѣкогда были присланы Душаномъ Кантакузину для борьбы съ императрицею Анной. Императоръ обошелся съ ними благосклонно и съ оружіемъ и конями отпустилъ ихъ къ своему государю. Точно также отпустилъ онъ на свободу и всѣхъ сдавшихся Сербовъ, отнявъ только у нихъ лошадей, въ которыхъ нуждалось его войско; плѣнники, очевидно, затрудняли его. Кантакузинъ ликовалъ по случаю своей побѣды, и по видимому, не придавалъ особаго значенія тому, что въ награду за эту побѣду онъ долженъ былъ позволить Туркамъ разграбить страну, подчиненную кралю [2]). Едва ли нужно сомнѣ-

---

[1]) Cantac. IV, c. 17.

[2]) Cantac. IV, c. 18. Кантакузинъ весьма подробно описываетъ сербскую войну 1350 г., начало которой для него было такъ удачно. Сообщенныя имъ подробности весьма драгоцѣнны для сербской исторіи; но изложеніе его здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо проникнуто тономъ самодовольства и изобилуетъ прикра-

ваться, что страна эта была недавно утраченныя византійскія провинціи. Затѣмъ Кантакузинъ обратился на прочіе города Вотіэи и на восточную часть Албанія, гдѣ власть Сербовъ была утверждена менѣе прочно. Едесса (нынѣ Водена) одна оказала большое сопротивленіе. Кантакузинъ взялъ ее штурмомъ самъ съ своими войсками, усиленными веррійскими милиціонерами, турецкія же полчища стояли на всякій случай въ сторонѣ отъ города. Сербскій гарнизонъ и отсюда выпущенъ, а управленіе городомъ поручено Георгію Лизику. Присоединеніе ближайшихъ къ Едессѣ городковъ: Старидолы, Петры, Соска, Дивры, Острова и Нотіи обошлось безъ особыхъ усилій [1]). Өессалійскіе города, Ликостомъ и Кастри, также легко были возвращены имперіи. Но тутъ, кажется, военные успѣхи Кантакузина и кончились. Проникнуть въ глубь Өессаліи ему не удалось. Кесарь Прилупъ, правившій отъ имени Душана всею Өессаліей, сталъ самъ во главѣ защиты Сервіи, пограничной крѣпостцы между Өессаліей и Вотіэей. О неприступность позицій крѣпостцы и стойкость храбраго ея защитника разбились всѣ попытки Византійцевъ взять ее силою. Въ виду наступленія зимы, они возвратились въ Веррію. Но Турки продолжали свое дѣло. Ихъ набѣги и грабежи простирались до Скопіи. Стефанъ Душанъ былъ занятъ войною въ Босніи и не могъ явиться для защиты новыхъ своихъ завоеваній. Вообще Македонія, за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ, оставалась почти безъ прикрытія сербскихъ войскъ. Самое присоединеніе ея къ Сербскому царству, по видимому, ограничивалось оставленіемъ въ городахъ сербскихъ правителей. Оттого-то многіе города такъ легко перешли на сторону Кантакузина. Сербскіе правители видѣли беззащитность ввѣренныхъ имъ мѣстностей, и чтобы сохранить ихъ отъ турецкаго хищничества, присылали пословъ къ Кантакузину съ изъявленіемъ покорности. Такіе послы явились и изъ сербской столицы Скопіи. Но этимъ номинальнымъ заявленіемъ о подчиненіи дѣло и кончилось. Фактически Скопія никогда не переходила къ Византіи, какъ думаетъ Паризо (стр. 242), основываясь на утвержденіи Кантакузина, смыслъ котораго ослабляется нѣсколько ниже собственными же словами историка [2]). Двое сербскихъ вельможъ:

сами. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, «что овладѣлъ Верріей безъ пролитія крови», но самъ же передъ этимъ повѣствуетъ объ ожесточенныхъ схваткахъ между Сербами и Византійцами.

[1]) Cantac. IV, c. 19.

[2]) Cantac. IV, c. 19. Онъ говоритъ про Скоплянъ: ἧκουσι πρὸς βασιλέα καὶ τὴν πόλιν παρεδίδουν πρὶν διαφθαρῆναι, а за симъ заключаетъ, что когда опасность

Хлапенъ — родственникъ кралевскаго дома, имѣвшій въ своемъ распоряженіи значительный отрядъ и Томиславъ (Τολίσθλαβος—вѣроятно, ошибочно), правитель одного городка, открыто перешли къ Кантакузину; вѣроятнѣе всего они были увлечены его обѣщаніями и дипломатическою обворожительностію. Они предлагали ему свои услуги для дѣятельной войны съ Душаномъ. Но при всѣхъ успѣхахъ, при всей благопріятности обстоятельствъ, которыя складывались въ его пользу, Кантакузинъ чувствовалъ свою слабость для подобной войны и отклонилъ предложенія Сербовъ. Поставивъ въ Верріи начальникомъ Дипловатаци, самъ онъ ушелъ въ Θессалонику [1]). Вслѣдъ за нимъ наконецъ прибылъ сюда и Стефанъ Душанъ. Онъ не кончилъ дѣлъ въ Босніи и Далмаціи, встревоженный потерею части своихъ завоеваній, поспѣшилъ въ Македонію и немедленно же вступаетъ въ переговоры съ Кантакузиномъ о мирномъ улаженіи дѣла. Свиданіе двухъ монарховъ, ихъ переговоры, заключеніе мирнаго трактата и сряду же послѣдовавшее нарушеніе его описаны вѣнценоснымъ участникомъ всѣхъ этихъ событій весьма подробно, съ претензіей на полную обстоятельность, но, къ сожалѣнію, описаніе это носитъ въ себѣ столько признаковъ дѣланности, фантастичности и даже парадоксальности, что у читателя само собою, безъ обращенія къ серьезной критикѣ, зарождается сомнѣніе въ дѣйствительности описываемаго. Такъ какъ записки Кантакузина представляютъ единственный источникъ для этой греко-сербской войны, и факты, которыхъ онѣ здѣсь касаются, имѣютъ большой интересъ какъ для византійской, такъ и для сербской исторіи, то считаемъ необходимымъ остановиться на нихъ нѣсколько долѣе.

На первомъ свиданіи монарховъ, нашъ историкъ влагаетъ въ уста Душана краткую рѣчь, въ которой тотъ упрекаетъ Кантакузина, за то, что онъ, забывъ о гостепріимствѣ, оказанномъ ему въ Сербіи, теперь нарушилъ всѣ договоры и отнялъ то, что̀ ему, Ду-

улеглась, краль призвалъ къ суду лицъ, виновныхъ въ посылкѣ посольства, но за нихъ будто бы вступился архіепископъ.

[1]) Ibidem. Кантакузинъ называетъ еще одного Серба Βέλχος — вѣроятно, Вълкъ-Вукъ — правителя Гинекокастра (близь Солуни), который притворно далъ присягу императору, и затѣмъ, при приближеніи Душана, соединился съ своимъ законнымъ государемъ, хитростью сохранивъ городъ отъ византійскаго занятія. IV, с. 20. Не такое ли значеніе имѣло отступничество и другихъ сербскихъ намѣстниковъ? Для провѣрки фактической стороны этихъ свидѣтельствъ Кантакузина, нѣтъ другихъ историческихъ данныхъ.

шану, принадлежало по праву завоеванія. Кантакузинъ отвѣчаетъ длинною, патетическою, проникнутою сознаніемъ собственнаго достоинства, рѣчью. Онъ весьма благодаренъ кралю, его супругѣ, всѣмъ Сербамъ за гостепріимство, оказанное ему въ трудное для него время; но онъ не можетъ признать себя виновнымъ. Не онъ, императоръ, а краль—первый нарушилъ установившіяся между ними узы дружбы. Онъ лишилъ его помощи въ самую нужную минуту, онъ открыто строилъ ему ковы, онъ отнялъ у него одну за другою всѣ западныя провинціи имперіи. Кантакузинъ съ паѳосомъ набрасывается на Душана за сдѣланный имъ намекъ, что онъ-де, Кантакузинъ, долженъ быть доволенъ предоставленною ему частью территоріи, которая все-таки превышаетъ долю, перешедшую къ Стефану и собственно не должна ему принадлежать [1]). „Нѣтъ", восклицаетъ онъ,—ни о какомъ раздѣлѣ имперіи у меня никогда не могло быть рѣчи. Еще до возложенія на себя этого царскаго облаченія, я повелѣвалъ уже Ромэями, и какъ тогда ставилъ, такъ и теперь, сдѣлавшись императоромъ, выше всего ставлю защиту интересовъ и достоянія имперіи". Пожалуй, онъ готовъ примириться съ государемъ Сербовъ и заключить съ нимъ договоръ, но подъ условіемъ возвращенія Акарнаніи, Ѳессаліи и Македоніи [2]). На слѣдующій день переговоры возобновились, но имѣли мало успѣха: ни одна сторона не уступала. Душанъ требовалъ уступки отвоеванныхъ Византійцами городовъ, а Кантакузинъ—возвращенія всѣхъ завоеванныхъ Сербами областей имперіи. Результатомъ этихъ переговоровъ было то, что Душанъ почувствовалъ необыкновенный страхъ передъ императоромъ, до такой степени сильный, что, какъ онъ самъ утверждалъ, еслибъ увидѣлъ Кантакузина во снѣ, сразу бы проснулся. Одна мысль о войнѣ съ такимъ страшнымъ человѣкомъ лишала его сна. Открыто и Сербамъ, и Ромэямъ онъ заявлялъ, что не было человѣка, передъ которымъ онъ такъ бы дрожалъ, котораго такъ бы боялся, какъ Кантакузина [3]). Подъ вліяніемъ этого страха

[1]) Вотъ слова Душана: εἰ δέ σε λυπεῖ τὸ καὶ αὐτὸν ἐκ τῆς Ρωμαίων ἡγεμονίας μοῖράν τινα παρῃρημένον ἔχειν, ἀλλ' ἐκεῖνο ἐννοεῖν χρὴ ὡς αὐτὸς ἔχεις πολλαπλάσιον λαβὼν ἐκ τῆς αὐτῆς ἑτέρῳ προσηκούσης» (vol. III, p. 140). Послѣдняя часть угрозы можетъ быть не случайно, имѣетъ двусмысленный характеръ. Въ ней можно видѣть указаніе на неправильный захватъ власти у Іоанна Палеолога. Самъ Кантакузинъ понялъ ее иначе, именно какъ заявленіе притязаній Душана на всю имперію.

[2]) Cantac. IV, c. 20.

[3]) Cantac. IV, c. 21: καίτοι γε ἔλεγε κράλης, ἐς τοσοῦτον δέους πρὸς βασιλέα

Стефанъ дѣлается уступчивѣе. Онъ проситъ императора удовольствоваться Едессой и Верріей и другими отвоеванными городами и съ клятвой увѣряетъ, что онъ не можетъ отказаться отъ всѣхъ пріобрѣтеній не изъ корыстныхъ стремленій, а изъ стыда передъ собственными подданными. Но Кантакузинъ недоволенъ этимъ; упорство Душана сердитъ его. Онъ обращается къ угрозамъ: война остается единственнымъ средствомъ свергнуть сербское иго; но теперь у него нѣтъ войска: онъ возвратится въ Византію, и слѣдующею весною явится во всеоружіи съ сильнымъ войскомъ продолжать борьбу съ твердымъ намѣреніемъ или сложить голову въ бою, или же не только освободить Ромэевъ, но и погубить, и поработить и самого Душана, и весь народъ его [1]. Такая угроза еще болѣе подѣйствовала на несговорчиваго царя Сербовъ. Онъ проситъ не возбуждать новой войны и предлагаетъ найдти какой-нибудь средній путь для выхода изъ общихъ затрудненій. Тогда Кантакузинъ, соображая всѣ тягости войны и невозможность поручиться за исходъ ея, а также принимая во вниманіе, что для веденія ея ему придется обратиться за содѣйствіемъ варваровъ, которые и Ромэямъ, своимъ союзникамъ, причиняютъ не мало вреда, а несчастнымъ Сербамъ принесутъ величайшія бѣдствія, согласился на миръ подъ условіемъ слѣдующаго раздѣленія западной территоріи: Акарнанія, Ѳессалія, крѣпость Сервія, и лежащія за ней города къ морю: Верріа, Едесса, Гинекокастро, вся область Мигдонія и селенія въ долинѣ Стримона—до Сереса и горы Тантессанъ—должны отойдти къ Византіи; Сербы же удерживаютъ Зихну, Сересъ (иначе Феры), Мельникъ, Струмницу (Στρόμβιτζα), Касторію и другіе города и селенія Македоніи, которыя были за горами Тантессаны. Стефанъ Душанъ вполнѣ удовлетворился такими условіями. Соглашеніе было отпраздновано пиромъ [2]. На слѣдующій день назначено было утвердить порядокъ сдачи городовъ отъ сербскихъ властей къ византійскимъ. Но въ эту ночь настроеніе Душана неожиданно

καθεστάναι, ὡς καὶ ἐν ὀνείροις εἴ ποτε ὁρᾶν συμβάιη, τοῦ ὕπνου ἀφίστασθαι αὐτίκα, καὶ πρὶν ληφθῆναι ὕπνῳ ἄϋπνον διανυκτερεύειν εἰ λογίζοιτο περὶ ἐκείνου, ὅπως χρὴ πολεμεῖν, ἐν ἀπόροις ὑπὸ δέους καθεστώς·........ ἔλεγε διὰ βίου μήτε πρότερον, μηθ' ὕστερον ὥσπερ Καντακουζηνὸν τὸν βασιλέα ἐκπεπλῆχθαι καὶ δεδοικέναι (vol. III, p. 152).

[1]) **Ibidem, p. 154.** ..... ὑμῖν ἐπιστρατεύσω, γνώμην ἔχων, ὡς ἢ μαχόμενος πεσεῖσθαι, ἢ πρὸς τῷ 'Ρωμαίους ἐλευθεροῦν καὶ αὐτὸν καὶ ὑπηκόους ἐξανδραποδίζεσθαι καὶ διαφθείρειν καὶ καταδουλοῦσθαι.

[2]) **Cantac. IV, c. 21.**

измѣнилось. Враги Кантакузина пробрались въ сербскій лагерь, разъяснили кралю все безсиліе Византійцевъ и совѣтовали ему не возвращать городовъ, а по уходѣ Кантакузина, заключить болѣе выгодный миръ съ Іоанномъ Палеологомъ, который за помощь противъ тестя будетъ гораздо уступчивѣе. Подъ вліяніемъ такихъ внушеній Душанъ утромъ отказался принять условія послѣдняго соглашенія и опять потребовалъ если не возвращенія отвоеванной Кантакузиномъ страны, то по крайней мѣрѣ сохраненія за своею державою всего остальнаго. Кантакузинъ, въ негодованіи отъ такого образа дѣйствій противника, готовится дать ему сраженіе. Затѣмъ разыгрывается такая комическая сцена: войска сербское и византійское выстроились другъ противъ друга близъ Өессалоники; вожди ихъ по очереди вызывали другъ друга начать бой, но ни одинъ не рѣшался. Такъ они простояли цѣлый день и наконецъ разошлись. Душанъ предпочелъ враждебныя дѣйствія въ другой сторонѣ. Онъ перешелъ Аксій (нынѣ Вардаръ) опустошилъ окрестности Едессы и осадилъ самый городъ. Вскорѣ Едесса была въ его рукахъ и предана жестокому разграбленію; жители большею частью изгнаны; Византійскій намѣстникъ Лизикъ подвергнутъ истязаніямъ, поруганію и умираетъ въ Скопіи на дорогѣ въ заточеніе. Между тѣмъ, Кантакузинъ, разыгравъ церемонію парада, возвращается въ Солунь. Онъ остается безмолвнымъ свидѣтелемъ начала военныхъ дѣйствій Душана подъ Едессою, ничего не предпринимаетъ противъ него и торопится въ Константинополь. Въ Солуни же онъ оставляетъ Іоанна Палеолога подъ надзоромъ шурина, Андроника Асана, при прощаніи строго предписывая имъ остерегаться сближенія съ Душаномъ.

Такъ представляетъ дѣло Кантакузинъ, но врядъ ли все было такъ въ дѣйствительности. Прежде всего замѣтимъ, что самый фактъ переговоровъ, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію; притомъ очень вѣроятно, что иниціатива установленія мирныхъ отношеній принадлежала Стефану Душану. Онъ занятъ былъ войною съ Уграми, отъ которой оторвало его не столько завоеваніе нѣсколькихъ городовъ Кантакузиномъ, сколько вѣсть объ опустошеніяхъ, производимыхъ въ его земляхъ Турками, явившимися по призыву Византійцевъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, для него было совершенно естественно принять какія нибудь мѣры къ скорѣйшему и легчайшему обезпеченію себя съ востока, пока онъ будетъ занятъ на западѣ. Личное соглашеніе съ Кантакузиномъ должно было ему казаться первою такою мѣрою. Черезъ свиданіе съ нимъ и уступку ему части отвоеванной территоріи

онъ могъ надѣяться, что добьется отсрочки появленія варваровъ по призыву императора на нужное время, пока уладитъ всѣ другія дѣла, чтобы снова ринуться на беззащитную имперію. Но отъ такой слишкомъ скромной, чтобы не сказать болѣе, податливости весьма далеко до той комической трусости, которую нашъ историкъ такъ не кстати приписываетъ самому смѣлому, самому независимому во всѣхъ отношеніяхъ сербскому государю. Какъ-то странно читать фантастическія повѣствованія, въ родѣ вышеприведенныхъ, о мощной личности основателя Сербскаго царства, о томъ Стефанѣ Душанѣ, который болѣе чѣмъ кто-либо изъ современниковъ прославилъ себя неустрашимостью, который такъ недавно былъ покровителемъ, хотя можетъ быть, и не искреннимъ тому же Кантакузину, и который только что съ полнымъ сознаніемъ своей силы провозгласилъ себя царемъ Сербовъ, Грековъ и Болгаръ! Да и чего ему было бояться Кантакузина въ это время? Самые успѣхи Византійцевъ развѣ были на столько велики, чтобы возбуждать въ немъ такой фаталическій страхъ къ ихъ главѣ? Если даже оставить въ сторонѣ его неудачи подъ Сервіей, то все-таки что же такое было достигнуто Кантакузиномъ? Онъ возвратилъ при помощи Турокъ, два большіе города—Едессу и Веррію и нѣсколько мелкихъ пунктовъ въ Македоніи и Ѳессаліи. Но въ сущности эти завоеванія охватывали весьма небольшую территорію; притомъ большая часть городовъ сдались, такъ сказать, изъ чувства самохраненія и ни одинъ изъ нихъ, за исключеніемъ можетъ быть Верріи, не былъ достаточно укрѣпленъ за имперіею, то-есть, снабженъ сильнымъ византійскимъ гарнизономъ. Турки, по видимому, удовольствовались набранною добычею и убрались во свояси; по крайней мѣрѣ, о нихъ не упоминается ни во время, ни послѣ переговоровъ. Своего войска у Кантакузина, какъ, мы знаемъ, было очень немного. Отрядъ Душана, дѣйствовавшій тогда противъ него, самъ по себѣ небольшой, все-таки превышалъ византійскій въ три раза. Наконецъ, Кантакузинъ нѣсколько разъ самъ сознается [1]) въ тогдашнемъ своемъ безсиліи, что лучше всего показалъ на дѣлѣ, отказавшись помочь Едессѣ, вскорѣ отнятой Сербами. При такомъ положеніи дѣла, ужь если кому изъ противниковъ приходилось бояться другаго, такъ это именно Кантакузину. Недавнія побѣды его были слишкомъ эфемерны, и по результатамъ почти плачевны. Поэтому странная, высокопарная рѣчь его, въ которой онъ грозитъ призвать вновь Турокъ и слѣдующею же весною разрушить Сербское царство,

---

[1]) Vol. III, p. 135, 154.

если только она дѣйствительно была произнесена, должна была поразить непомѣрнымъ бахвальствомъ ея автора, но отнюдь не могла склонить Душана къ принятію договора, въ силу котораго отъ него отходила большая часть завоеваній, сдѣланныхъ на счетъ имперіи. Можно положительно сказать, что никакого договора на почвѣ несообразнаго раздѣла, приводимаго Кантакузиномъ, никогда не могло быть. Если даже планъ такого выгоднаго мира тогда дѣйствительно былъ у него въ головѣ, а не есть плодъ позднѣйшаго измышленія, то врядъ ли онъ могъ выступить съ нимъ передъ Душаномъ. Въ самомъ дѣлѣ неужели взятіе Едессы и Верріи, при отсутствіи достаточнаго войска, чтобы поддержать и эти завоеванія, давало ему право требовать Θессаліи и Акарнаніи? Что касается до обстоятельствъ нарушенія договора и безцѣльнаго цѣлодневнаго стоянія непріятельскихъ войскъ другъ противъ друга, то все это является весьма плохо придуманною развязкою никогда не существовавшаго соглашенія. Сколько можно догадываться, дѣло было гораздо проще. Душанъ соглашался уступить Кантакузину только часть городовъ, и вѣроятно, требовалъ назадъ Едессу; императоръ, конечно, не хотѣлъ поступиться своими успѣхами. Они ни на чемъ не сговорились, и Душанъ сряду же перешелъ къ другому средству—къ вооруженной борьбѣ съ Византійцами. Для него это было нетрудно. Едесса была немедленно возвращена. Приверженцы Іоанна Палеолога, весьма вѣроятно, теперь же вступаютъ въ сношенія съ Душаномъ, но нельзя согласиться съ Кантакузиномъ, который приписываетъ ихъ подстрекательству враждебный образъ дѣйствій сербскаго государя. Послѣдній и безъ подобнаго подстрекательства очень хорошо понималъ положеніе вещей и свои интересы.

Такимъ образомъ историческая несостоятельность свидѣтельствъ Кантакузина въ данномъ случаѣ сказывается весьма ярко [1]).

Какъ бы то ни было, удачный походъ Кантакузина въ Македонію

---

[1]) Начало этой войны съ Сербами былъ наиболѣе счастливый моментъ изъ всего царствованія Кантакузина. Понятно, ему было тяжело разстаться съ добытыми результатами. Оттого, впослѣдствіи, въ монастырскомъ уединеніи, составляя свои записки, онъ старался представить этотъ моментъ въ возможно лучшемъ освѣщеніи, желая при этомъ рѣзко выставить на видъ своимъ врагамъ силу нравственнаго своего обаянія и широкое пониманіе возложенныхъ на него временемъ государственныхъ обязанностей. Тутъ ему былъ полный просторъ высказаться. Рѣчи его, кромѣ субъективнаго значенія, имѣютъ иногда и историческій интересъ. Паризо (стр. 240—244) относится къ этой части записокъ Кантакузина съ слишкомъ слабымъ анализомъ.

отнюдь не ослабилъ могущества Сербскаго царства. Еще до отъѣзда императора изъ Солуни въ Константинополь, Душанъ началъ возвращеніе потеряннаго. Затѣмъ онъ принялъ участіе въ новой междоусобной войнѣ, вспыхнувшей въ Византіи, и вѣроятно, воспользовался этимъ временемъ, чтобъ окончательно закрѣпить за Сербіей недавнія свои завоеванія. Еще до 1355 г. Эпиръ, Акарнанія, Өессалія, Македонія являются округленными частями Сербской монархіи, которыя Душанъ раздаетъ въ удѣлы своимъ родственникамъ и жупанамъ. Изъ сохранившихся данныхъ не видно, удержали ли Византійцы Веррію. Но вѣрнѣе—нѣтъ, потому что южная Македонія (кромѣ Өессалоники) составляла два сербскіе удѣла [1]); въ одинъ изъ нихъ и должна была войдти Верріл.

Немедленно послѣ возвращенія въ столицу, Кантакузинъ вступилъ въ сношенія съ Александромъ Болгарскимъ. Ему надо было гдѣ-нибудь искать союзниковъ противъ Душана; но еще важнѣе было для него всячески усилить себя для предупрежденія опасности, которая грозила ему и съ другихъ сторонъ. До сихъ поръ онъ былъ въ ладу съ Александромъ. Но частыя опустошенія, которымъ подвергалась Болгарія со стороны Турокъ, являвшихся на помощь къ Кантакузину противъ его враговъ, естественно возбуждали въ Болгарскомъ царѣ враждебныя чувства къ императору. Чтобъ устранить эту враждебность, Кантакузинъ теперь отправилъ въ Терново посольство. Онъ увѣрялъ Александра, что Турки въ нападеніяхъ на Болгарію дѣйствовали самостоятельно; онъ не могъ ихъ удержать, и призывалъ ихъ по необходимости для защиты имперіи отъ сербскаго завоеванія. Стоитъ только имъ соединить свои усилія, и они въ состояніи будутъ защитить свои земли отъ варварскихъ нашествій. У него, императора, есть уже флотъ, но нѣтъ средствъ для вооруженія его; пусть теперь Александръ дастъ эти средства, и безопасность государства будетъ достигнута; общій ихъ флотъ будетъ охранять берега Өракіи и допускать высадки Турокъ только въ тѣхъ размѣрахъ, какіе императоръ признаетъ нужными для успѣха войны съ Сербами. Это предложеніе было принято съ сочувствіемъ, какъ Александромъ, такъ и болгарскимъ населеніемъ, собравшимся въ то время въ большомъ числѣ

---

[1]) Юго-западная часть Македоніи по р. Вардару досталась Жаркѣ, а восточная—между Вардаромъ и г. Сересомъ (Феррами)—Богдану. Laonicus Chalcocondylas: De rebus Turcicis, l. I, c. 1, p. 29 (Edit. Bonn.). Ср. также *Макушевъ*, Историческія разысканія о Славянахъ въ Албаніи, стр. 47.

въ Терново по случаю какого-то праздника. Кантакузину обѣщано было полное содѣйствіе Болгаріи въ его предпріятіи. Но къ немалому огорченію хитраго дипломата, это обѣщаніе осталось не выполненнымъ. Стефанъ Душанъ наложилъ свое veto на желаніе Александра добровольно платить Византійскому императору дань, которая отчасти должна была тратиться на мѣры, направленныя къ противодѣйствію сербскимъ завоеваніямъ; Александръ же не смѣлъ противорѣчить своему сильному родственнику. Планъ Кантакузина не удался. Съ огорченіемъ онъ прекратилъ переговоры съ Болгарскимъ царемъ, предсказывая ему въ скоромъ времени новыя несчастія отъ Турокъ [1]). Такимъ образомъ здѣсь, въ этомъ не удавшемся дипломатическомъ шагѣ, императоръ-историкъ хотѣлъ выставить себя ревнителемъ общаго блага всѣхъ государствъ Балканскаго полуострова. Но едва ли онъ думалъ серьезно о мѣрахъ противъ Турокъ. Турки были ему еще нужны; мы увидимъ, что онъ пользуется ими до послѣдней минуты своей власти. Конечно, онъ желалъ защитить Ѳракію отъ частныхъ высадокъ турецкихъ пиратовъ, но онъ вполнѣ былъ равнодушенъ къ опустошеніямъ, которыя производили его союзники въ сербскихъ и болгарскихъ земляхъ, хотя видимо старается прикрыть это равнодушіе громкими фразами о безмѣрномъ своемъ человѣколюбіи. Нѣтъ, вооруженный флотъ былъ нуженъ Кантакузину не столько противъ Турокъ, сколько противъ Латиновъ, которые, казалось, не хотѣли дать минуты покоя со всѣхъ сторонъ тревожимой имперіи, и противъ личныхъ его враговъ, которые все смѣлѣе и смѣлѣе выступали на защиту попираемыхъ имъ правъ Іоанна Палеолога. Не успѣла кончиться Галатская война, какъ воды Эгейскаго и Мраморнаго моря, даже самый Босфоръ, сдѣлались театромъ новой продолжительной, кровопролитной борьбы. На этотъ разъ состязались двѣ постоянныя соперницы среднихъ вѣковъ въ морскомъ могуществѣ—Генуя и Венеція. Императоръ, находясь между двухъ огней, по необходимости, долженъ былъ принять участіе въ этой войнѣ, и чтобъ оградить интересы Константинополя отъ покушеній той и другой стороны, не могъ не заботиться о вооруженіи своей наскоро выстроенной флотиліи. Расчеты его на казну Александра однако не оправдались, и роль, которую ему пришлось играть въ войнѣ, вышла жалкою. Самая война получила тѣмъ болѣе печальное значеніе для Византіи, что съ нею соединилась новая междоусобица

---

[1]) Cantac. IV, c. 21: Βασιλεὺς δὲ τὴν ἐσομένην αὐτῷ φθορὰν ὑπὸ τῶν βαρβάρων προειπὼν καὶ διαμαρτυράμενος (vol. III, p. 165).

кантакузинистовъ и палеологистовъ, кончившаяся низложеніемъ Іоанна Кантакузина и его фамиліи. Обращаемся теперь къ этимъ двумъ событіямъ занимающей насъ эпохи.

Обстоятельства, вызвавшія войну между Генуей и Венеціей, были слѣдующія. Генуя, постепенно усиливаясь на Эгейскомъ морѣ, владѣя въ Галатѣ выходомъ изъ Чернаго моря и богатыми колоніями: Каффой въ Крыму и Таной у устьевъ Дона, въ первой половинѣ XIV в., стремилась обратить въ свою монополію всю торговлю съ понтійскими городами. Она наложила особыя торговыя пошлины на всѣ негенуэзскія суда, пристававшія къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, и готова была даже въ Галатѣ устроить нѣчто въ родѣ генуэзской таможни, обязательной для всѣхъ входящихъ въ море судовъ [1]) другихъ государствъ, не исключая и Византіи. Венеція, въ это время также достигнувшая большаго значенія на италіанскомъ материкѣ, не могла сносить такого дерзкаго хозяйничанья Генуэзцевъ въ Черномъ морѣ, гдѣ ея суда издавна пользовались полною свободою плаванія, и отказалась подчиняться самовольнымъ требованіямъ своей соперницы. Отношенія между ними дѣлались натянутыми; наконецъ, когда въ 1350 г. вошедшія въ Азовское море безъ вѣдома Генуэзцевъ венеціанскія суда были конфискованы въ Каффѣ, война стала неизбѣжною. Въ сентябрѣ того же года венеціанскій адмиралъ Маркъ Руццини напалъ близъ Евбеи на генуэзскія суда, шедшія въ Галату и Каффу; изъ 14 кораблей только 4 успѣли спастись къ Хіосу. Затѣмъ онъ прошелъ мимо Галаты въ Черное море для продолженія подвиговъ каперства; но въ это время спасшіяся четыре судна, соединившись съ флотомъ Хіоскаго Виньози, набросились на Евбею и разорили беззащитные венеціанскіе порты острова [2]). Эти событія были только прелюдіей къ болѣе серьезной войнѣ, къ которой Венеціанцы дѣятельно готовились. Они заключили союзъ съ королемъ Петромъ IV Аррагонскимъ [3]) и хотѣли привлечь на свою сторону и Іоанна Кантакузина. Первое венеціанское посольство съ этою цѣлью явилось къ императору въ Θессалонику; тогда онъ отказался принять какое-либо участіе въ союзѣ, ссылаясь на войну съ Сербами [4]). Лѣтомъ 1351 г. венеціано-аррагон-

[1]) Greg. XVIII, c. 2 и XXV, c. 17; Cantac. IV, c. 26. Ср. *Heyd*, Le Colonie, I, p. 399.

[2]) Gregor. XVIII c. 2, p. 877 и XXV, cc. 18, 19, 20; Dandolo y *Muratori*, XII, p. 420; Sanuto, Vite dei Dogi y *Muratori*, XXII, p. 621.

[3]) *Heyd*, I, p. 402.

[4]) Cantac. IV, c. 18.

скій флотъ—23 галеры—подъ начальствомъ Николо Пизани, вошелъ въ Галату, и опустошивъ гавань, занялся перехватомъ генуэзскихъ судовъ. Прибывшій съ Пизани посолъ республики, Дельфинъ, снова сдѣлалъ предложеніе Кантакузину выступить вмѣстѣ съ ними противъ Генуи. По мотивамъ не вполнѣ яснымъ [1]), Кантакузинъ и на этотъ разъ отказалъ. Венеціанцы сочли такой отказъ за оскорбленіе и отозвали изъ Констäнтинополя своего байла; Галатцы же не повѣрили искренности дѣйствій императора и немедленно по отбытіи венеціанскаго посольства выразили свое негодованіе бросаніемъ камней въ столицу. Тогда Кантакузинъ какъ бы спохватился, послалъ въ погоню за Дельфиномъ и заключилъ съ нимъ договоръ [2]), по которому Венеція принимала на себя двѣ трети расходовъ по снаряженію двѣнадцати триремъ, выставляемыхъ Византіей, и возвращала послѣдней заложенныя въ Венеціи драгоцѣнности; въ случаѣ завоеванія Галаты Кантакузинъ соглашался на разрушеніе генуэзской колоніи [3]). Венеціанцы и Византійцы немедленно приступили къ осадѣ Галаты съ суши и съ моря. Городъ былъ хорошо вооруженъ и снабженъ провіантомъ. Союзники начали приготовленія къ штурму, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что сильный генуэзскій флотъ (60 судовъ) во главѣ съ адмираломъ Паганино Доріà направляется въ Эгейское море. Пизани оставилъ Кантакузина одно́го продолжать осаду Галаты, а самъ поспѣшилъ на защиту Евбеи и другихъ венеціанскихъ владѣній въ Романіи [4]). Къ нему присоединились свѣжія венеціанскія и аррагонскія силы, что̀ заставило Генуэзцевъ снять начатую ими осаду Негропонта [5]). Обѣ стороны усиленно готовились къ рѣшительному бою, который состоялся только въ 1352 г. почти у самаго Константинополя. Между тѣмъ Кантакузинъ, предоставленный самому себѣ, очутился въ затруднительномъ положеніи. Доріа съ большею частью флота устремился въ Мраморное и Черное море: Императоръ едва могъ защитить столицу; южное и восточное побережье Ѳракіи были

---

[1]) Ср. *Parisot*, p. 251. По видимому, онъ хотѣлъ, сколько возможно, держаться нейтралитета. Ослабить Галату, конечно, было для него выгодно, но Генуя представляла силу, и кто могъ поручиться, что побѣда останется не за этою силою. Поэтому лучше всего для него было выжидать. Рѣшительный образъ дѣйствій Дельфина заставилъ его открыто перейдти на сторону Венеціи.

[2]) Cantac. IV, cc. 25, 26; Greg. XVIII, c. 2.

[3]) *Heyd*, I, p. 404.

[4]) Cantac. IV, c. 26; Greg. XXV, c. 20, XXVI, c. 10.

[5]) *Hopf*, Griechenland, p. 447.

вполнѣ открыты для нападенія Генуэзцевъ. Они выбрали для своихъ ударовъ лучшіе пункты на томъ и другомъ морѣ: Ираклея (на Мраморномъ морѣ) и Созополь (на Черномъ) были взяты ими послѣ небольшаго сопротивленія гражданъ и подверглись страшному разрушенію и опустошенію; массы народа, особенно изъ Ираклеи, были уведены въ плѣнъ въ Галату; выкупъ ихъ, состоявшійся благодаря дѣятельности Ираклейскаго епископа Филоѳея, перевелъ въ руки алчныхъ Латиновъ послѣдніе остатки византійскаго золота [1]).

13-го февраля 1352 г. Константинополь сдѣлался свидѣтелемъ большой морской битвы. Близъ Диплокіона (на европейскомъ берегу Босфора, по сосѣдству съ Галатою) [2]), развернулись въ двѣ линіи, одна противъ другой, до 140 военныхъ судовъ: съ одной стороны Доріа съ Галатцами, а съ другой—возвратившійся изъ Архипелага венеціано-аррагонскій флотъ и небольшая (до 14 судовъ) византійская эскадра. Противники сражались съ ожесточеніемъ и равною храбростью. Бой продолжался до ночи, и такъ какъ внезапною бурею нѣкоторыя суда были пригнаны къ берегу, то одновременно шелъ и на твердой землѣ. На разсвѣтѣ безчисленные обломки кораблей и множество плавающихъ труповъ ясно свидѣтельствовали, какія громадныя жертвы понесли участники битвы. Обѣ стороны приписывали себѣ побѣду; но вѣрнѣе она осталась ни чьею. Особенно пострадали Аррагонцы, лишившіеся своего адмирала, и Галатцы, потерявшіе половину вооруженныхъ людей. Византійскія суда, по видимому, старались держаться въ сторонѣ, что̀ вполнѣ понятно, и остались въ цѣлости. Въ результатѣ и Венеціанцы, и Генуэзцы чувствовали себя обезсиленными для немедленнаго возобновленія военныхъ дѣйствій. Доріа принималъ мѣры къ защитѣ Галаты, но Пизани не могъ и думать о какомъ-либо нападеніи. Съ оставшимися судами онъ отошелъ въ Терапійскую бухту и затѣмъ расположился въ Константинополѣ. Эта квартировка союзниковъ ложилась тяжелымъ бременемъ на несчастныхъ Византійцевъ. Генуэзскіе крейсеры задерживали подвозъ провіанта въ столицу, и 18,000 венеціанскихъ и каталонскихъ моряковъ, сами голодая, заставляли терпѣть горькую нужду и своихъ невольныхъ соучастниковъ въ войнѣ. Къ недостаточности продовольствія присоединилась страшная болѣзненность въ городѣ, есте-

---

[1]) Cantac. IV, cc. 28, 29; Greg. XXVI, c. 13—16.

[2]) *Heyd*, I, p. 407. Кантакузинъ называетъ эту мѣстность: πρὸς τῷ Βραχοφάγῳ (vol. III, p. 221).

ственное послѣдствіе предыдущей битвы. Наконецъ, Пизани нашелъ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ водахъ Мраморнаго моря и отплылъ на западъ [1]). Это избавляло имперію отъ одного зла, но вообще мало облегчало ея положеніе. Еще не задолго до упомянутой битвы въ Босфорѣ, Генуэзцы, сознавая свою изолированность въ борьбѣ съ нѣсколькими противниками, завязали дружественныя сношенія съ Орханомъ, деньгами и разными обѣщаніями склоняя его оказать имъ содѣйствіе [2]). Государь Османовъ уже съ 1351 г. сталъ холоденъ къ своему тестю и теперь позволилъ Генуэзцамъ вербовать войска въ своемъ царствѣ. Напрасно Кантакузинъ просилъ зятя не помогать его врагамъ, напрасно и Венеціанцы старались умилостивить его дарами: Орханъ принималъ подарки отъ тѣхъ и другихъ и въ то же время пользовался случаемъ для посылки грабительскихъ отрядовъ во Ѳракію и Македонію и для перехвата торговыхъ судовъ [3]). Поддержка Генуэзцевъ съ его стороны принимала все бóльшіе и бóльшіе размѣры. Константинополю начинала грозить серьезная опасность подвергнуться совмѣстному нападенію Латиновъ и Турокъ. При такомъ положеніи дѣлъ, Кантакузинъ рѣшился отказаться отъ Венеціанцевъ и сойтись съ другою стороною. Съ согласія Пизани, онъ заключилъ миръ съ Паганино Доріа [4]). Императоръ обѣщалъ ни въ чемъ не помогать Венеціи и другимъ врагамъ Генуи и соглашался окончательно на расширеніе генуэзской колоніи Галаты [5]). Такимъ обра-

[1]) Подробное описаніе битвы и ея результатовъ у Cantac., IV, cc. 30, 31, Greg. l. XXVI, cc. 19—27. Сводъ относящихся сюда западныхъ источниковъ см. въ *Heyd*, Le Colonie, I, p. 409, not.

[2]) Greg. XXVI, c. 17 (p. 84). Кантакузинъ (IV, c. 31) ставитъ заключеніе договора Генуэзцевъ съ Орханомъ послѣ Босфорской битвы. Но приведенное свидѣтельство Григоры находитъ себѣ опору въ самыхъ обстоятельствахъ битвы, когда генуэзскій адмиралъ держался ближе азіатскаго берега, очевидно расчитывая на поддержку Турокъ.

[3]) Gregor. XXVI, c. 33. По Кантакузину (IV, c. 31) выходитъ, что Османы начали помогать Генуэзцамъ еще до ухода Пизани. Венеціанцы, не смотря на всѣ приглашенія Кантакузина, не хотѣли защитить имперію. Нашъ историкъ сильно обрушивается на венеціанскаго адмирала, обвиняя исключительно его въ неудачномъ исходѣ самой битвы при Диплокіонѣ. Послѣднее обвиненіе едва ли справедливо, а своекорыстный образъ дѣйствій Венеціанцевъ по отношенію къ Византіи не можетъ подлежать сомнѣнію. Ср. *Parisot*, p. 261.

[4] Cant., IV, c. 31 (vol. III, p. 234); Greg. XXVII, c. 23.

[5]) Самый договоръ у *Sauli* Della colonia dei Genovesi in Galata, II, p. 216; Ср. *Heyd*, p. 410, гдѣ объяснены новыя границы Галаты. Одно изъ условій этого мира ограничивало право торговли Византійцевъ въ Танѣ.

зомъ, путемъ потерь и пожертвованій Византія едва освободилась отъ участія въ тягостной для нея венеціанско-генуэзской войнѣ. Между тѣмъ война продолжалась съ прежнею силою, только театръ ея былъ перенесенъ съ востока на западъ. Въ 1353 г. у береговъ Сардиніи Генуэзцы были разбиты на голову. Они обращаются за покровительствомъ къ Миланскому герцогу Джіовани Висконти и не прекращаютъ военныхъ дѣйствій, которыя опять склоняются въ ихъ пользу. Только въ 1355 г. соперники, взаимно утомленные борьбою, подписали миръ [1]). Въ войнѣ этой ясно обнаружилась одна характерная черта, до нѣкоторой степени общая всѣмъ войнамъ Латиновъ между собою за преобладаніе въ прежней Восточной имперіи. И Генуэзцы, и Венеціанцы, оспаривая другъ у друга это преобладаніе, во все время борьбы не оставляютъ основнаго своего стремленія—возможно болѣе ослаблять Византію, пользуются всякимъ случаемъ оторвать отъ ея небольшаго цѣлаго послѣдніе цѣнные куски. Стремленіе это и теперь увѣнчалось успѣхомъ, который обусловливался новыми смутами въ самой имперіи. Взглянемъ, что̀ происходило внутри ея въ эти пять лѣтъ.

Оставляя Іоанна Палеолога въ Ѳессаломикѣ, вдали отъ столицы, внѣ вліянія его матери, Кантакузинъ расчитывалъ тѣмъ легче выполнить задуманный планъ передачи права престолонаслѣдія своимъ дѣтямъ. Ожиданія обманули его. Около молодаго императора оказалось много преданныхъ людей. Въ самой Ѳессалоникѣ, которая, какъ мы видимъ, долѣе другихъ городовъ отказывалась принять новый переворотъ, была сильная партія Палеологовъ. Андроникъ Асанъ не въ состояніи былъ противодѣйствовать ея вліянію. Такимъ образомъ, оппозиція развивалась и здѣсь. Уже составлялись проэкты рѣшительныхъ дѣйствій, въ которыхъ большую роль долженъ былъ играть Стефанъ Душанъ. Вступили съ нимъ въ соглашеніе. Это было не трудно: сербскій монархъ желалъ добиться расширенія своихъ завоеваній въ имперіи возможно легкимъ путемъ, а ничего не было легче, какъ съ незначительными силами принять участіе въ распряхъ Византійцевъ. Въ сопровожденіи супруги, царицы Елены, Душанъ самъ пріѣхалъ въ Ѳессалонику, обѣщалъ Іоанну помощь войскомъ и деньгами и заключилъ выгодный для себя договоръ [2]). Кантакузинъ

[1]) Существенное условіе его было, что обѣ республики обязывались въ теченіе трехъ лѣтъ не посылать торговыя суда въ Тану; *Hopf*, Griechenland, p. 448.

[2]) Cant., IV, c. 27.

не приводитъ самыхъ условій. Однимъ изъ нихъ, сколько можно догадываться, было признаніе всѣхъ завоеваній сербскихъ въ Македоніи, Ѳессаліи, Эпирѣ и Акарнаніи. Другое находимъ у Григоры [1]): Іоаннъ Палеологъ обязывался отослать въ Сербію свою жену Елену, дочь Кантакузина, и жениться на племянницѣ Душана, еще несовершеннолѣтней дочери Александра Болгарскаго [2]). Заключеніе такого брака должно было открыть широкій просторъ дальнѣйшимъ замысламъ Душана на Византію. Вѣсть объ этихъ приготовленіяхъ партіи Палеолога, поданная Андроникомъ Асаномъ, сильно встревожила Кантакузина. Самъ онъ не могъ оставить Константинополь: началась уже война съ Генуей и Галатой. Не могъ онъ воспользоваться и помощью Турокъ. Мы говорили уже о союзѣ Генуэзцевъ съ Орханомъ. Но охлажденіе государя Османовъ къ Кантакузину началось еще въ 1351 г., когда дружбы Орхана сталъ искать и Стефанъ Душанъ. Это былъ самый вѣрный шагъ обезопасить, хотя отчасти, свои земли отъ нападеній варваровъ и лишить императора единственнаго его союзника. Сербское посольство почтительно заявило Орхану желаніе своего царя поддерживать союзъ съ повелителемъ Османовъ и предлагало ему въ супружество для одного изъ сыновей дочь Душана. Предложеніе было принято, и турецкіе уполномоченные, въ сопровожденіи сербскихъ, съ богатыми дарами отправились въ Сербію для заключенія самаго договора. На пути, близъ Редеста, на нихъ напалъ, вѣроятно, съ вѣдома Іоанна Кантакузина, деспотъ Никифоръ, отнялъ дары, а пословъ однихъ убилъ, другихъ отвелъ въ Константинополь [3]). Такой поступокъ раздражилъ Орхана. Немедленно онъ послалъ одного за другимъ двухъ старшихъ сыновей опустошать Ѳракію, а самъ, стоя противъ столицы на азіатскомъ берегу въ Халкидонѣ, требовалъ возвращенія пословъ и похищенныхъ сокровищъ. Все, что сохранилось, было отдано ему, но онъ не удовлетворился, пока не возвратились сыновья съ богатою добычею [4]). Отсюда и начался временный разрывъ между Кантакузиномъ и Османами, который соединилъ послѣднихъ съ врагами Византіи. И такъ, за недостаткомъ вооруженныхъ силъ, пришлось обратиться къ дипломатиче-

---

[1]) Greg., XXVII, c. 27.

[2]) Достовѣрность этого условія обставлена основательными соображеніями у *Parisot*, p. 226 и слѣд.

[3]) Gregor., XXVI. c. 34.

[4]) Gregor., XXVI, cc. 52, 53, 54. Во время этого нашествія пострадала, кромѣ Ѳракіи, южная балканская Болгарія.

скимъ средствамъ и уступкамъ. Императрица Анна была отправлена въ Ѳессалонику съ письмомъ Кантакузина. Результатъ миссіи былъ тотъ, что сынъ ея отказался отъ помощи Душана [1]) и вернулся въ Византію. По разказу Григоры [2]), такая уступчивость Іоанна Палеолога была вызвана письменною клятвою Кантакузина въ томъ, что онъ передастъ молодому императору всю верховную власть, а за собою удержитъ управленіе небольшою частью Ѳракіи до Селиврiи; если же зять не согласенъ и на это, то онъ готовъ будто бы и совсѣмъ оставить государственную дѣятельность. Это свидѣтельство, передаваемое Григорою со словъ его ученика Агаѳангела, мнѣ кажется преувеличеннымъ. Кантакузинъ и въ болѣе трудныя минуты никогда не думалъ добровольно отрекаться отъ высокаго своего положенія и дальнѣйшихъ властолюбивыхъ плановъ. Теперь же, когда только подготовлялись мѣры къ оспариванію у него власти, но не было еще сдѣлано ничего рѣшительнаго, когда самый успѣхъ предпріятія Палеолога былъ подверженъ сомнѣнію, Кантакузину не было никакой причины впадать въ совсѣмъ неподходившій къ нему тонъ смиренія и опускать униженно голову передъ зятемъ. Для достиженія своей цѣли ему достаточно было сдѣлать нѣкоторыя уступки. Одною изъ нихъ, вѣроятно, было раздутое Григорою завѣреніе Кантакузина, что по окончаніи условленнаго десятилѣтняго срока Іоаннъ Палеологъ займетъ вполнѣ византійскій престолъ; другая же, главная, заключалась въ предоставленіи ему въ полновластное управленіе части имперіи, именно Энноса и Халкидики, которые были подчинены Матвѣю Кантакузину [3]). Передача Іоанну Палеологу уступленной ему провинціи и возвращеніе его въ Константинополь произошло въ началѣ 1352 г. [4]). Опасность междоусобной войны была отклонена, но не надолго. Кантакузинъ прибѣгъ къ уступкамъ только въ виду крайности, но отнюдь не покидалъ своего плана. Онъ немедленно спѣшилъ ограничить успѣхъ, достигнутый Палеологомъ, и предоставилъ сыну Матвѣю вмѣсто утраченной области другую, не менѣе

---

[1]) Кантакузинъ и здѣсь старается представить Душана въ комическомъ видѣ. Онъ и его супруга поражены громовою рѣчью Анны, которая уличаетъ ихъ въ вѣроломствѣ и безчестномъ образѣ дѣйствій по отношенію къ имперіи, и со стыдомъ удаляются изъ Ѳессалоники. Едва ли слѣдуетъ сомнѣваться въ фантастичности и этой сцены.

[2]) Greg., XXVII, c. 28.

[3]) Cantacuz., IV, c. 27.

[4]) *Parisot*, p. 269.

важную—Адріанопольскій округъ [1]). Этимъ новымъ выдѣленіемъ части имперіи своему наслѣднику Кантакузинъ снова выказалъ свое намѣреніе выставить его соперникомъ законному императору. Неопредѣленныя отношенія, въ которыя были поставлены другъ къ другу Матвѣй Кантакузинъ и Палеологъ, какъ правители сопредѣльныхъ областей, сами собою давали поводъ къ соперничеству и неудовольствіямъ [2]). Матвѣй, вслѣдствіе внушеній и дѣйствій отца проникнувшійся мыслью, что онъ долженъ наслѣдовать византійскій престолъ, не соглашался давать молодому императору никакого отчета въ своемъ управленіи, на что послѣдній, въ силу фактическаго вступленія въ права императора, естественно предъявлялъ свое требованіе. Іоаннъ Кантакузинъ само собою поддерживалъ сына и этимъ еще болѣе убѣждалъ Іоанна Палеолога въ неискренности своихъ обѣщаній. Антагонизмъ между зятемъ и сыномъ развивался все сильнѣе и сильнѣе [3]). Борьба казалась неминуемою. Каждая сторона чуяла ея неизбѣжность и принимала мѣры къ обезпеченію за собою побѣды. Императрица Анна, по отъѣздѣ сына въ Константинополь, осталась въ Θессаловикѣ [4]). Цѣль пребыванія ея здѣсь понятна: этотъ важный пунктъ остается во все время борьбы на сторонѣ Палеолога. Здѣсь же въ 1351 г. вступаетъ съ нею въ сношенія Доріа, который предлагаетъ ей помощь Генуи противъ Кантакузина [5]). Это было тотчасъ послѣ установленія соглашенія. Анна не рѣшалась принять предложеніе, не зная, къ чему еще поведутъ только что состоявшіяся уступки. Затѣмъ, когда, послѣ заключенія мира между Генуей и Кантакузиномъ, положеніе дѣлъ разъяснилось, она признала необходимымъ обращеніе за поддержкою къ Западу. Переговоры съ Іоанномъ Палеологомъ венеціанскаго адмирала Пизани, вскорѣ вошедшаго съ небольшимъ флотомъ въ Мраморное море [6]), не прошли безслѣдно: 10-го октября 1352 г. Іоаннъ занялъ для борьбы съ тестемъ у венеціанскаго посла Марино Фальера 20,000 дукатовъ, за что обязался предоставить республикѣ занятый тогда пиратомъ Пергаменомъ о. Тенедосъ со всѣми крѣпостцами, подъ условіемъ не ка-

---

[1]) Cantac., IV, c. 32.
[2]) Cantac., IV, c. 32, vol. III, p. 240.
[3]) Gregor., XXVII, c. 29.
[4]) Cantac., IV, c. 32, vol. III, p. 237.
[5]) Matteo Villani y *Muratori*, XIV, pp. 119, 125.
[6]) Sanuto y *Muratori*, XXII, p. 625; Gregor. XXVII, c. 55.

саться религіи и обычаевъ греческаго населенія [1]). Вмѣстѣ съ изысканіемъ матеріальныхъ средствъ молодой императоръ старался возможно шире распространить въ народѣ убѣжденіе, что ему, законному наслѣднику престола, грозитъ опасность со стороны узурпаторовъ. Многіе ѳракійскіе города внѣ его провинціи заявляли ему сочувствіе и обѣщали поддержку [2]). Между тѣмъ Іоаннъ Кантакузинъ чувствовалъ, что во мнѣніи народа онъ опускается все ниже, и готовился къ борьбѣ нѣсколько иначе. Заключивъ союзъ съ Генуэзцами, онъ спѣшитъ примириться съ Орханомъ, въ Константинополѣ изъ акрополя образуетъ для себя надежное убѣжище отъ всякихъ случайностей; вокругъ себя заводитъ иноземную стражу изъ 500 Каталонцевъ [3]). Такимъ образомъ онъ заботится главнымъ образомъ о безопасности своей личности, а для вооруженной борьбы расчитываетъ единственно на Турокъ.

Окончательному разрыву предшествовалъ еще одинъ дипломатическій маневръ Кантакузина, который всячески хотѣлъ избѣжать междоусобія. Императрица Ирина, въ сопровожденіи двухъ епископовъ, отправилась въ Димотику, чтобы мирнымъ путемъ уладить дѣло между сыномъ и зятемъ. По Кантакузину [4]), она убѣждала Іоанна Палеолога дать обязательство, что онъ признаетъ независимость Матвѣя Кантакузина въ управляемой имъ области; Григора же прибавляетъ къ этому требованію заявленіе императора, что онъ сохранитъ верховную власть пожизненно и непосредственное управленіе тою частью имперіи, которая останется отъ раздѣла между Матвѣемъ и Іоанномъ Палеологомъ; послѣ же смерти его, византійскій престолъ долженъ перейдти къ послѣднему [5]). Предложенія эти были слишкомъ незаманчивы. Іоаннъ Палеологъ отвергъ ихъ [6]). Онъ рѣшилъ уже ору-

---

[1]) Commemoriali, vol. V, fol. 74; *Hopf*, Griechenland, p. 447. Впрочемъ, въ этомъ году Венеціи не удалось завладѣть Тенедосомъ. Въ 1355 и 1369 г. республика повторяетъ свои требованія и только въ 1375 г. за новую плату получаетъ въ свое распоряженіе эту важную станцію при входѣ въ Дарданеллы. См. *Heyd*, Le colonie, I, p. 420.

[2]) Greg., XXVII, c. 29.

[3]) Greg., XXVII, c. 30.

[4]) Cant., IV, cc. 32, 33, vol. III, p. 239—241.

[5]) Greg. XVII, cc. 31—33.

[6]) Григора влагаетъ въ уста Палеологу длинную обвинительную рѣчь (XXVII, cc. 34—54), въ которой онъ рѣзко осуждаетъ всю дѣятельность Кантакузина, направленную къ удовлетворенію своихъ честолюбивыхъ замысловъ

жіемъ возвратить отцовскій престолъ, который у него такъ явно вырвали. Осенью того же 1352 г. съ небольшимъ войскомъ онъ вступилъ въ предѣлы Матвѣя. Города одинъ за другимъ добровольно сдавались ему. Адріанопольцы также отворили ему ворота; въ акрополѣ же города укрѣпился самъ Матвѣй. Іоаннъ Палеологъ старался принудить его къ сдачѣ до прихода Іоанна Кантакузина, который спѣшилъ уже на выручку сына съ турецкими полчищами, присланными отъ Орхана; но не успѣлъ и долженъ былъ отступить [1]). Успѣхи его кончились. Іоаннъ Кантакузинъ занялъ Адріанополь и предалъ его на

и устраненію отъ престола его, законнаго наслѣдника. Онъ припоминаетъ последовательно весь ходъ интриги, искусно веденной тестемъ, и бѣдствія, которыя принесла эта интрига имперіи. Рѣчь эта несомнѣнно составляетъ плодъ сочинительства почтеннаго историка, но во всякомъ случаѣ вѣрно передаетъ враждебныя чувства, которыя тогда Палеологъ долженъ былъ питать къ своему опекуну. По поводу находящихся въ ней рѣзкостей считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о значеніи свидѣтельствъ послѣднихъ 15 книгъ исторіи Григоры. (3-й томъ Бонн. изд.). Никифоръ Григора, хотя и близкое лицо къ преданному приверженцу Андроника Старшаго, Метохитѣ, первоначально былъ въ хорошихъ отношеніяхъ къ Кантакузину. Мы уже нѣсколько разъ указывали мѣста изъ его исторіи, гдѣ онъ выступаетъ на защиту этого узурпатора. Церковныя разногласія (о нихъ будетъ рѣчь послѣ), борьба Григоры съ ученіемъ Паламы, защитникомъ котораго выступилъ Кантакузинъ, вызвали между ними охлажденіе и даже привели Григору въ заточеніе (1351 г.). Въ то время, которое мы теперь описываемъ, онъ былъ лишенъ свободы, получалъ свѣдѣнія о событіяхъ черезъ своего ученика Агаѳангела и на основаніи ихъ составлялъ исторію. Понятно, что какъ Григора, такъ и преданный ему ученикъ, смотрѣли на событія, сами по себѣ печальныя, еще болѣе пессимистически: видѣли въ Кантакузинѣ виновника всѣхъ бѣдствій и не могли быть вполнѣ безпристрастны въ своемъ повѣствованіи. Это обстоятельство нужно имѣть въ виду при обсужденіи весьма важныхъ свидѣтельствъ Григоры, относящихся къ событіямъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Кантакузина. Разница въ отзывахъ его объ этомъ государственномъ человѣкѣ, которая усматривается между послѣдними 15-ю главами и первою частью его исторіи, заставляетъ относиться осторожно и къ сообщаемымъ имъ извѣстіямъ.

[1]) Кантакузинъ говоритъ (IV, c. 33, vol. III, p. 242), что Палеологъ воспользовался помощью Турокъ, которые не задолго до того заняли ѳракійское укрѣпленіе Чимпу (Τζύμπην). Если дѣйствительно такая помощь и была оказана, то она была ничтожна. Но врядъ ли она была: Турокъ мы не видимъ въ рядахъ Палеолога; да и какимъ образомъ одни и тѣ же Турки могли помогать одновременно двумъ сторонамъ? Не имѣетъ ли это брошенное вскользь упоминаніе о турецкой помощи изъ Чимпы какого умысла со стороны вѣнценоснаго историка? Къ этому важному свидѣтельству мы обратимся еще ниже.

разграбленіе [1]), затѣмъ бросился на другіе сдавшіеся Палеологу города и вездѣ жестокими опустошеніями наказывалъ за отпаденіе [2]). Турки служили при этомъ прекраснымъ орудіемъ. Іоаннъ Палеологъ изъ Димотики проситъ помощи у сербскаго царя; Стефанъ Душанъ потребовалъ въ заложники брата императора, деспота Михаила Палеолога, и прислалъ во Ѳракію Каснеца Бориловича (Κασνιτζὸς Μπριλοβίκης) съ значительнымъ коннымъ отрядомъ [3]). Болгары, имѣя въ виду совокупныя дѣйствія противъ Турокъ, которые такъ часто опустошали ихъ подбалканскія земли, а отчасти по настоянію Душана, также согласились выступить на защиту Іоанна Палеолога [4]). Союзники направили свои усилія противъ крѣпости Емпифія (недалеко отъ Димотики). Іоаннъ Кантакузинъ вывелъ сюда противъ нихъ свѣжія силы—вновь вызванный изъ Виѳиніи десятитысячный корпусъ [5]) Османовъ, подъ начальствомъ Сулеймана. Болгары при одномъ видѣ Турокъ отступили къ Димотикѣ; Сербы же съ греческимъ отрядомъ Палеолога храбро вступили въ бой, но были подавлены многочисленностью непріятеля. Обратившись въ бѣгство, они сбились съ дороги и были совсѣмъ истреблены Турками. Самъ Каснецъ Бориловичъ едва успѣлъ спастись съ нѣсколькими Сербами. Османы разграбили лагерь побѣжденныхъ и съ большою добычей и множествомъ плѣнныхъ явились въ Адріанополь. Затѣмъ они же вторглись [6]) въ Болгарію и не менѣе жестоко заплатили ей за участіе въ войнѣ, хотя и пассивное. Самъ Кантакузинъ продолжалъ свирѣпствовать во Ѳракіи. Усмиривъ Морру и нѣкоторые города другихъ частей Родопіи, которые было поднялись за Палеолога, онъ заставилъ вновь признать свою власть и въ Халкидикѣ. Отовсюду стѣсненный, Іоаннъ Палеологъ просилъ у тестя мира. Кантакузинъ поставилъ главнымъ условіемъ — отказъ отъ Димотики и всей уступленной ему об-

---

[1]) Разграбленія не отрицаетъ и самъ Кантакузинъ (IV, c. 33, p. 245); Григора (XXVIII, c. 3, vol. III, p. 178) же говоритъ о разрушеніи и сожженіи города и о величайшихъ бѣдствіяхъ, которымъ подверглись несчастные Адріанопольцы.

[2]) Особенно пострадалъ Чирменъ (ἡ Τζερνομιάνου) на Марицѣ, на западъ отъ Адріанополя. Cantac., IV, c. 33, vol. III, p. 246.

[3]) По Кантакузину (ibidem), который преувеличиваетъ силы непріятелей— 7,000; а по Григор. (XXVIII, c. 7)—4,000.

[4]) Cantac., IV, c. 33.

[5]) Григора (XXVIII, c. 7) увеличиваетъ число Турокъ до 12,000.

[6]) Κατὰ σφᾶς αὐτοί, прибавляетъ Кантакузинъ, какъ бы для очищенія совѣсти. IV, c. 34, vol. III, p. 250.

ласти. Молодой императоръ отказался и отплылъ въ Тенедосъ —собирать силы для продолженія борьбы [1]). Такъ кончился 1352 годъ.

Весною слѣдующаго года, пользуясь пребываніемъ Кантакузина въ Адріанополѣ, Іоаннъ Палеологъ на нѣсколькихъ судахъ подошелъ къ Константинополю, расчитывая овладѣть имъ при содѣйствіи сочувствовавшей ему партіи. Ирина во-время распорядилась обороною города и попытка не удалась. Палеологъ успѣлъ только побывать въ Галатѣ и заручиться здѣсь союзомъ Генуэзцевъ для дальнѣйшихъ своихъ плановъ [2]). Кантакузинъ теперь торжествовалъ и полагалъ, что наступило удобное время разыграть послѣдній актъ задуманной имъ драмы—возложить императорскую корону на сына Матвѣя. Намѣреніе свое онъ приводитъ въ исполненіе и по обычаю старается снять съ себя всякую отвѣтственность за такой поступокъ. Онъ выставляетъ коронованіе Матвѣя какъ необходимый актъ, вызванный требованіями высшихъ представителей столичнаго населенія, будто бы возмущеннаго образомъ дѣйствій молодаго императора, и придаетъ ему обстановку чего-то узаконеннаго и величественнаго. Но факты, которыми сопровождалось это окончательное устраненіе Іоанна Палеолога отъ отцовскаго престола, прямо показываютъ, что оно было дѣломъ полнаго произвола, насиліемъ надъ требованіями и желаніями массъ и могло осуществиться только подъ условіемъ террора и деспотизма, которыми ознаменовались послѣдніе годы царствованія Іоанна Кантакузина. Страшная экзекуція большей части Ѳракіи, произведенная при участіи Турокъ, которые опустошеніями должны были уничтожить послѣдніе слѣды жизни въ многострадальной странѣ, естественно произвела какъ въ столицѣ, такъ и во всѣхъ частяхъ имперіи, самое тяжелое впечатлѣніе и вызвала негодованіе населенія противъ узурпатора, не останавливавшагося ни передъ какими средствами для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей. Если нельзя согласиться съ Григорою, что Кантакузинъ въ это время ненавидѣлъ Ромэевъ и былъ привязанъ къ Туркамъ [3]), то съ другой стороны, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ замѣчаніяхъ того же историка о тѣсномъ сближеніи императора съ его постоянными союзниками. На-

---

[1]) Cantac., IV, c. 34, vol. III, p. 251.

[2]) Cant., IV, c. 35, Gregor., XXVIII, c. 18.

[3]) Gregor., XXVIII, c. 2, vol. III, p. 177: σύνοικον γάρ τινα κατὰ 'Ρωμαίω ἔχων ὑποψίαν ἐκ πολλοῦ πρὸς ἀπέχθειαν ἀνεκλάλητον τοσοῦτον ἐμίσει καὶ ἀπεσείετο σφᾶς ὅσον ἐφίλει τε καὶ προσίετο βαρβάρους.

ходя въ нихъ единственную опору, онъ долженъ былъ уступать и угождать имъ. Поэтому вполнѣ возможно, что первыя поселенія Турокъ въ Херсонисѣ произошли съ вѣдома и согласія Кантакузина [1]); возможно и то, что Османы были допущены въ столицу и являлись при дворѣ, гдѣ не стѣсняясь пѣли свои магометанскіе гимны въ то время, какъ рядомъ въ церкви совершалось христіанское богослуженіе, и то, что присутствовали съ своею музыкой и пѣснями при царскомъ столѣ [2]). Такое сближеніе съ нечестивыми и варварами, составлявшими истинный бичъ для имперіи, возбуждало всеобщее раздраженіе, которое увеличивалось рядомъ святотатствъ, совершенныхъ Кантакузиномъ для удовлетворенія своихъ союзниковъ. Орханъ уже не соглашался помогать даромъ; притомъ онъ не всегда посылалъ войска, иногда приходилось отдѣльно нанимать волонтеровъ изъ Турокъ. Все, что было собрано въ казну, благодаря новымъ финансовымъ реформамъ, разошлось въ самомъ началѣ войны. Чтобы добыть какъ нибудь средства, Кантакузинъ не поколебался воспользоваться драгоцѣнностями византійскихъ святынь, передѣлалъ ихъ въ монету и расплачивался ею съ Орханомъ [3]). Къ тѣмъ же Туркамъ перешли деньги, присланныя изъ Россіи великимъ княземъ Московскимъ Симеономъ Гордымъ на поправленіе храма св. Софіи [4]). Этимъ уже затрогивалось одно изъ самыхъ дорогихъ чувствъ народа. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ, кромѣ нѣсколькихъ лицъ, никто не могъ сочувствовать эгоистическимъ планамъ Кантакузина. Защитникомъ имперіи, оскорбленной святыни и правъ законности выступилъ патріархъ Каллистъ, лицо, выбранное, послѣ смерти Иси-

---

[1]) Gregor., XXVIII, c. 41, XXIX, c. 2.

[2]) Greg. XXVIII. c. 40, vol. III, p. 202: οὗτοι (т. е. βάρβαροι) τοίνυν μελλούσης τῆς ἱερᾶς τελεῖσθαι μυσταγωγίας ἐν τῷ τῶν βασιλείων ἐκτὸς ἱερῷ τεμένει, χοροὺς ἱστῶντες ἐκεῖνοι παρὰ τὰς βασιλείους αὐλὰς ἀντάδουσί τε τὴν γυμνικὴν ἐκείνην ὀρχούμενοι ὄρχησιν, καὶ ἀσήμοις κλαγγαῖς τὰς τοῦ Μωάμεθ ἀναβοῶσιν ᾠδὰς καὶ τοὺς ὕμνους, δι' ὧν καὶ ἀνθέλκουσιν πρὸς τὴν ἑαυτῶν μᾶλλον ἀκρόασιν ἢ τὴν τῶν θείων εὐαγγελίων ποτὲ μὲν πάντας ἁπλῶς ποτε δ' ἐνίους τῶν ἠθροισμένων ἐκεῖ. τὸ δ' αὐτὸ καὶ περὶ τὴν βασίλειον τράπεζαν δρῶσιν ὡς τὰ πολλὰ μετά γε δὴ κυμβάλων καὶ θυμελικῶν ὀργάνων καὶ ᾀσμάτων, ὁπόσα τοῖς ἀσεβέσιν εἴθισται.

[3]) Greg., XXXIII, c. 4.

[4]) Greg. XXVIII, c. 35. Изъ Россіи деньги были присланы въ 1350 г. (ср. *Parisot*, p. 281). На сколько силенъ былъ ропотъ народа по поводу этого злоупотребленія, видно изъ того, что позже, при новомъ патріархѣ Филоѳеѣ, Кантакузинъ назначилъ особый сборъ для возобновленія храма св. Софіи. Gregor. XXVIII, c. 39.

дора (1350 г.), самимъ Кантакузинымъ и сохранявшее къ нему до того времени полную преданность. Уже въ 1352 г. онъ уговаривалъ императора прекратить усобицу и не призывать Турокъ; ѣздилъ онъ и къ Іоанну Палеологу, склоняя его къ миру, но нигдѣ не имѣлъ успѣха. Теперь, когда Кантакузинъ предложилъ ему короновать сына Матвѣя, Каллистъ открыто объявилъ такой актъ незаконнымъ и отказался принять въ немъ какое-либо участіе. Такъ какъ императоръ продолжалъ настаивать на своемъ требованіи, то онъ оставилъ Константинополь и удалился сперва въ свой монастырь св. Мамонта, а затѣмъ на Аѳонъ въ лавру св. Аѳанасія [1]. Кантакузинъ не обратилъ вниманія на такой протестъ и провозгласилъ Матвѣя императоромъ, объявивъ его своимъ соправителемъ и наслѣдникомъ; имя Іоанна Палеолога запрещено поминать въ церквахъ и общественныхъ торжествахъ [2]). Для низложенія непокорнаго патріарха, въ слѣдующемъ 1354 г., былъ созванъ соборъ епископовъ, который выбралъ на вакантную каѳедру трехъ кандидатовъ. Изъ нихъ Кантакузинъ утвердилъ патріархомъ епископа Ираклейскаго Филоѳея [3]). Въ храмѣ Влахернской Божіей Матери императоръ и новый патріархъ торжественно возложили императорскій вѣнецъ на Матвѣя, который затѣмъ, согласно обычаю, самъ короновалъ свою супругу [4]). Такимъ образомъ Кантакузинъ дождался наконецъ желаннаго результата давнишнихъ своихъ стремленій.

Но недолго ему пришлось торжествовать. Прежде всего, въ томъ же 1354 г., онъ долженъ былъ наглядно убѣдиться въ гибельныхъ послѣдствіяхъ злоупотребленія помощью Турокъ. Только теперь, когда Херсонисъ и часть ѳракійскаго побережья на Мраморномъ морѣ неожиданно очутились въ рукахъ его союзниковъ, онъ понялъ, что, преслѣдуя свои династическіе интересы, онъ незамѣтно привелъ къ гибели имперію, верховную власть въ которой, для ея же блага, онъ хотѣлъ и удержать за собою и передать своему потомству. Обстоятельства перваго утвержденія Османовъ въ Европѣ возбуждаютъ большой интересъ. Къ сожалѣнію, источники передаютъ ихъ не вполнѣ согласно. Что касается частныхъ поселеній Турокъ, то очень вѣроятно, что они при частыхъ переходахъ ихъ во Ѳра-

---

[1]) Cant. IV, c. 36; Greg. XXVIII, c. 19.
[2]) Cant. IV, c. 37; Greg. XXVIII, c. 43.
[3]) Cant. IV, c. 37; Greg. XXVIII, cc. 38, 39.
[4]) Cant. IV, c. 38; Greg. XXVIII, c. 43.

кію, могли явиться тамъ еще въ первые годы царствованія Кантакузина. Когда началась война съ Палеологомъ, императоръ, по словамъ Григоры, переселялъ въ Херсонисъ турецкихъ наемниковъ съ ихъ семьями. Ко времени коронаціи Матвѣя этихъ поселенцевъ въ Херсонисѣ было такъ много, что сынъ Орхана Сулейманъ, переправясь чрезъ Дарданеллы, вступилъ на берегъ, какъ бы въ свою колонію [1]). Всѣ они, конечно, подчинялись византійскимъ властямъ. Собственно же начало господства Османовъ въ Европѣ, первыя завоеванія ихъ во Ѳракіи, относятся къ 1352 г., когда въ ихъ власть перешла крѣпостца Чимпа, недалеко отъ Каллиполи (Галлиполи). Кантакузинъ не распространяется о фактѣ занятія крѣпостцы [2]). Турецкій, впрочемъ позднѣйшій, хронистъ Сеадеддинъ изображаетъ это завоеваніе какъ заранѣе обдуманное Сулейманомъ предпріятіе для выполненія широкаго плана—разрушенія Византіи и ниспроверженія трона Константина, выполненное съ особыми приключеніями довѣренными людьми его Аджебегомъ и Ходжи-Фазилемъ. Эти герои, будто бы развѣдавъ предварительно мѣстность, ночью съ 80-ю товарищами ворвались въ Чимпу, овладѣли городомъ, а спящихъ жителей заковали и отправили въ Азію. Затѣмъ черезъ три дня въ крѣпостцѣ было уже 3,000 турецкаго гарнизона [3]). Григора, напротивъ, говоритъ, что Кантакузинъ самъ предоставилъ Туркамъ крѣпостцу, дабы всегда имѣть на-готовѣ защиту и помощь противъ Іоанна Палеолога [4]). Если принять во вниманіе, что Кантакузинъ только вскользь упоминаетъ о такомъ важномъ событіи и совсѣмъ не кстати заставляетъ Турокъ изъ Чимпы помогать Іоанну Палеологу, то нельзя не догадываться о намѣреніи нашего историка замаскировать самый фактъ, въ которомъ онъ, вѣроятно, долженъ былъ принимать участіе. Съ другой стороны, остальные два источника равно не заслуживаютъ полнаго довѣрія. Сеадеддинъ, составляя свою хронику спустя слиш-

---

[1]) Gregor., XXVIII, cc. 41, 42.

[2]) Cantacuz., IV, cc. 33, 38, vol. III, pp. 242, 276.

[3]) Seadeddin въ переводѣ *Bratutti*: Chronica dell'origine e progressi della casa ottomana. Vienna 1649, P. I, p. 58—63.

[4]) Gregor. XXIX, c. 2. Онъ, впрочемъ, не называетъ самой крѣпостцы, но изъ всего разказа его видно, что это была Чимпа: «τοῦ γὰρ βασιλέως Καντακουζηνοῦ πρὸ ἐτῶν που δυοῖν, ὡς εἴρηται, μίαν τῶν ὀχυρωτέρων ἐκεῖ πόλεων παρασχόντος αὐτοῖς οἰκητήριον ὥστε ἔχειν αὐτοὺς ἐπιτείχισμα καὶ συμμαχίαν πρόχειρον κατὰ Παλαιολόγου τοῦ γαμβροῦ. Именно за два года (т. е., подъ 1352 г. см. выше) Кантакузинъ упоминаетъ о Чимпѣ какъ о пунктѣ, занятомъ Турками.

комъ два столѣтія послѣ разсматриваемаго событія, очевидно, старался прикрасить подвигъ предковъ, съ котораго началось основаніе могущественнаго Османскаго царства въ Европѣ. Григора въ данномъ случаѣ, какъ мы уже сказали, также едва ли безпристрастенъ. Такимъ образомъ, сводя всѣ три свидѣтельства, мнѣ кажется, можно прійдти къ слѣдующему среднему выводу: въ 1352 г. Турки въ одно изъ своихъ нашествій на Ѳракію, и весьма вѣроятно, до примиренія съ Кантакузиномъ, овладѣли крѣпостцою Чимпою; Кантакузинъ же, нуждаясь въ помощи Османовъ, согласился уступить имъ этотъ пунктъ. Какъ бы ни было, Чимпа была въ рукахъ Турокъ. Сулейманъ укрѣпилъ ее и сдѣлалъ исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ завоеваній. Онъ взялъ еще нѣсколько укрѣпленій на Херсонисѣ [1]), и скоро почти весь полуостровъ былъ обращенъ въ пустыню [2]). Но вниманіе дальновиднаго Османлія направлялось главнымъ образомъ на маленькій городокъ, лежащій на мысу, у самаго узкаго мѣста Дарданелльскаго пролива и, по своему прекрасному положенію справедливо носящій имя Каллиполи. Сулейманъ хорошо понималъ важность пріобрѣтенія этого городка, какъ главной торговой станціи между востокомъ и западомъ, сѣверомъ и югомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ ключа отъ входа въ Европу [3]). Скоро счастливый для него и несчастный для Византіи случай передалъ этотъ ключъ въ его распоряженіе. Грандіозность предпріятій Сулеймана наконецъ бросилась въ глаза Кантакузину. Восторжествовавъ надъ Іоанномъ Палеологомъ, онъ оглянулся на занятыя Турками позиціи и рѣшился освободить Чимпу. 10,000 иперперовъ предлагало его посольство Орхану лишь бы только онъ вывелъ Турокъ изъ крѣпости. По Кантакузину [4]), соглашеніе будто бы уже состоялось, но исполненію его помѣшало новое физическое бѣдствіе, разразившееся надъ имперіей, уже второе въ непродолжительное царствованіе Кантакузина. Ночью 2-го марта 1354 г. почти весь южный берегъ Ѳракіи постигло страшное землетрясеніе. Нѣсколько городовъ совсѣмъ исчезло съ лица земли, со всѣмъ населеніемъ; много было разрушено до основанія.

---

[1]) *Zinkeisen*, Geschichte des Osmanischen Reiches, I, p. 209.

[2]) Gregor., XXIX, c. 2.

[3]) Сеадеддинъ такъ опредѣляетъ значеніе (стр. 65) Каллиполи: «Passo della Grecia ed Italia: schalla delle caravane e mercantie, che vengono di levante e di ponente: transito delle navi di Chietta, di Chirm, di Russia, e d'altri Paesi Settentrionali, e chiave d'aprire e soggio gare molte Provincie».

[4]) Cantac., IV., c. 38.

Массы народа погибли подъ развалинами, а тѣ, которые уцѣлѣли отъ погребенія за-живо подъ камнями, сдѣлались жертвами холода и голода во время бѣгства въ болѣе безопасныя мѣста, или же перехвачены Турками. Избѣгшіе того и другаго остались безъ крова и средствъ и толпами бродили около столицы, вымаливая себѣ пропитаніе за какой угодно трудъ [1]). Этимъ бѣдствіемъ и всеобщею паникою спѣшили воспользоваться Турки Чимпы и другихъ занятыхъ ими пунктовъ на Херсонисѣ. Они тотчасъ же бросились въ полуразрушенные, покинутые населеніемъ города и заняли ихъ своими гарнизонами. Сулейманъ, бывшій въ это время въ Пегахъ, переправился черезъ Дарданеллы съ массою колонистовъ и дѣятельно принялся за заселеніе и возстановленіе захваченныхъ мѣстностей. Каллиполи особенно сталъ предметомъ его заботъ: онъ выстроилъ вновь стѣны, соорудилъ въ городѣ сильныя укрѣпленія и кромѣ большаго гарнизона поселилъ въ немъ много знатныхъ Турокъ [2]). Вѣсть о переходѣ во власть варваровъ такого важнаго пункта произвела угнетающее впечатлѣніе на обитателей Царьграда. Стоны и рыданія раздались во всѣхъ углахъ столицы. Молва о неминуемой и скорой гибели имперіи охватила всѣ слои населенія. Паника была такъ велика, что многіе торопились немедленно оставить городъ и переселялись въ Италію и даже въ Испанію [3]). Кантакузинъ, конечно, не менѣе другихъ былъ встревоженъ грознымъ оборотомъ, который принимали дѣла. О вооруженномъ сопротивленіи Туркамъ нечего было и думать. Онъ снова послалъ уполномоченныхъ ходатайствовать передъ Орханомъ о возвращеніи городовъ, захватъ которыхъ совершился де вопреки всякой справедливости и узамъ дружбы, которыя де связываютъ имперію съ царствомъ Османовъ. Орханъ слагалъ всю отвѣтственность на Сулеймана, который-де дѣйствовалъ самостоятельно, и обѣщалъ за уплату 40,000 иперперовъ склонить сына къ уступчивости,

---

[1]) Cantac. IV, c. 38; Greg. XXIX, cc. 2, 3, 4; Villani y *Muratori*, XIV, p. 227. Точную дату этого событія находимъ въ краткой византійской лѣтописи — *Müller*, Byzantinische Analekten (*Sitzungsberishte der Wiener Akademie*, IX, 1852, S. 392): 'εν ἔτει, ζω'ξ'β' ἰνδικτιῶνος ζ' μηνὶ Μαρτίῳ β' τῇ νυκτὶ τῆς ὀρθοδοξίας ἐπὶ τῆς βασιλείας κυροῦ 'Ιωάννου τοῦ Καντακουζηνοῦ γέγονε σεισμὸς μέγας ὅτε καὶ τὰ τείχη κατέπεσον τῆς Καλλιουπόλεως καὶ τῶν μετ'αὐτὴν καὶ παρεδόθησαν, οἷς κρίμασιν οἶδε Θεός, τοῖς 'Αγαρηνοῖς.

[2]) Cantacuz. IV, c. 38.

[3]) См. Demetrii Cydonii, Oratio de non reddenda Callipoli petente Amurate; ср. *Migne*, Patrologia graeca, vol. CLIV, p. 1014.

для чего приглашалъ императора въ Никомидію. Кантакузинъ явился въ назначенное мѣсто въ условленное время, но свиданіе не состоялось: Орханъ сказался больнымъ [1]). Теперь не могло уже быть сомнѣнія, что Сулейманъ предпринялъ завоеваніе европейскихъ владѣній имперіи, съ благословенія своего родителя, какъ выражается Сеаддединъ [2]). Каллиполи и Чимпа остались за Османами. Завоеванія ихъ быстро увеличиваются. Въ томъ же 1354 г. Сулейманъ взялъ Кипселу (на нижнемъ теченіи Марицы) и Малгару (южнѣе Родосто) и наложилъ дань на многіе другіе ѳракійскіе города; а въ началѣ 1355 г. легкіе турецкіе отряды господствовали по всему побережью Мраморнаго моря до самыхъ стѣнъ Константинополя. Богатыя долины южной Болгаріи также сдѣлались цѣлью постоянныхъ ихъ набѣговъ [3]).

Утвержденіе Турокъ во Ѳракіи наносило послѣдній ударъ популярности Кантакузина. Венеціанскій баилъ въ Цареградѣ, въ августѣ 1354 г., доносилъ дожу Андрею Дандоло, что Византійцы въ виду опасности со стороны Турокъ и Генуэзцевъ и не ожидая никакой защиты ни отъ Кантакузина, ни отъ Палеолога, готовы подчиниться Венеціи, или же одному изъ королей—Угорскому или Сербскому [4]). Очень возможно, что такое движеніе противъ правительства дѣйствительно было. Но развязка была уже недалеко. Іоаннъ Палеологъ собирался съ силами и искалъ союзника для возобновленія борьбы. Всѣ остававшіеся за имперіей острова: Тенедосъ, Лесбосъ, Лимносъ,

---

[1]) Cantac., IV, c. 38.

[2]) У *Bratutti*, o. c., p. 59: Se Iddio m'assisterà con la ma gratia e gl'auspicii paterni mi secondarono ho buona speranza d'effetuare questa impresa .....

[3]) Seadeddin, o. c., p. 65; Gregor. XXIX, cc. 3, 26; Demetr. Cydon., o. c., *Migne*, Patrol. graec., CLIV, p. 1011; Cantac. IV, c. 38. У Сеаддедина, если только вѣренъ переводъ Братутти, невѣрно показанъ годъ занятія Каллиполи—760 по магометанскому лѣтосчисленію, чему по христіанскому лѣтосчисленію соотвѣтствуетъ 1382. (Братутти въ примѣчаніи передаетъ его 1350 г., но какъ же это можетъ быть, когда магометанская эра начинается съ 622 г.?) Цинкейзенъ (I, p. 210) также невѣрно относитъ утвержденіе Турокъ въ Херсонисѣ къ 1356 и 1357 годамъ. Хронологія этого событія вполнѣ вѣрно устанавливается, благодаря точно извѣстному факту землетрясенія, которому Цинкейзенъ не придаетъ большаго значенія, слѣдуя болѣе разказу Сеаддедина, представляющему и занятіе Каллиполи, какъ результатъ новой побѣды надъ византійскими стратигами, защищавшими городъ.

[4]) *Ян. Шафарикъ*, Србски споменици млетачког архива въ *Гласникъ Српског ученог друштва*, XII, стр. 13. и *Ljubić*, Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalicim. Zagrobiae 1872. Vol. III, p. 265.

Θазосъ, Самоθракія признавали его императоромъ [1]). Попытка Кантакузина въ іюлѣ 1354 г. овладѣть Тенедосомъ и Имбросомъ встрѣтила сильный отпоръ со стороны островитянъ [2]). Низложенный патріархъ Каллистъ, оставивъ Византію, нашелъ на время убѣжище въ Галатѣ и возобновилъ здѣсь начатыя прежде самимъ Іоанномъ сношенія съ Генуэзцами, съ цѣлью облегчить задуманное нападеніе на Константинополь, а затѣмъ переѣхалъ къ императору въ Тенедосъ, откуда поддерживалъ агитацію противъ Кантакузина путемъ обличительныхъ писемъ. Такъ подготовлялась почва для успѣха самаго предпріятія. Для выполненія его предложили свои услуги Генуэзцы. Въ водахъ Архипелага въ это время плавалъ на двухъ галерахъ нѣкто Франческо Гаттилузіо—Генуэзецъ, одинъ изъ тѣхъ, которые, подобно извѣстной компаніи Маона, искали случая овладѣть тѣмъ или другимъ изъ немногихъ византійскихъ острововъ. Съ нимъ-то Іоаннъ Палеологъ вступилъ въ соглашеніе, обѣщая выдать за него свою сестру Марію и дать въ приданое о. Лесбосъ, если онъ поможетъ ему занять византійскій престолъ. Въ темную декабрьскую ночь [3]) съ большимъ флотомъ, они подступили къ столицѣ съ южной стороны и хитростью проникли въ городъ черезъ Одигитрійскія ворота. Ближайшія укрѣпленія тотчасъ же были заняты отрядомъ Іоанна Палеолога, а Кантакузинъ, находившійся во дворцѣ,—отрѣзанъ отъ своей каталонской дружины, оберегавшей Золотыя ворота. На разсвѣтѣ все населеніе съ восторгомъ привѣтствовало молодаго императора и открыло ожесточенное преслѣдованіе немногочисленныхъ его враговъ. Іоаннъ Кантакузинъ далъ знать о присылкѣ помощи сыну Матвѣю, деспоту Никифору и Андронику Асану, а самъ защищался во дворцѣ. Но помощь не могла придти скоро; недостатокъ продовольствія уже черезъ нѣсколько дней заставилъ его сдаться зятю. Послѣдній хотѣлъ было обнаружить великодушіе по отношенію къ тестю и соглашался на время раздѣлить съ нимъ власть, но народъ громко требовалъ окончательнаго устраненія его отъ управленія имперіей. Кантакузину ничего больше не оставалось, какъ самому отречься отъ престола. Съ вынужденнымъ смиреніемъ онъ перемѣнилъ порфиру на клобукъ и подъ именемъ Іосафа удалился въ Манганскій монастырь. Императрица Ирина по-

---

[1]) Gregor., XXIX, c. 5.

[2]) Gregor. XXIX. cc. 19, 20; Cantac. IV c. 39; *Гласник*, XII, стр. 11.

[3]) Это было въ 1354, а не въ 1355 г., какъ думаютъ многіе. См. *Parisot*, pp. 285—288 и *Muralt*, II p. 647.

слѣдовала его примѣру и принявъ имя Евгеніи постриглась въ монастырѣ св. Марты [1]).

Съ удаленіемъ Кантакузина не сразу прекратились внутреннія смуты. Сыновья его не хотѣли отказаться отъ владѣнія областями, которыя имъ предоставилъ отецъ. Война съ Матвѣемъ Кантакузиномъ продолжалась три года и только въ 1358 г., послѣ нѣсколькихъ пораженій, онъ былъ выданъ Сербами и также принужденъ отречься не только отъ притязаній на престолъ, но и отъ всякой власти въ имперіи [2]), Удачнѣе дѣйствовалъ другой братъ, Мануилъ Кантакузинъ, деспотъ Мисиѳры. Онъ выгналъ изъ своихъ владѣній вождей Іоанна Палеолога, прошедшихъ было до Монемвасіи, и заставилъ признать себя государемъ византійскихъ областей Пелопонниса (до 1380 г.) [3]). Обособленіе этой части имперіи, притомъ подъ управленіемъ династіи, враждебной той, которая занимала императорскій престолъ, было однимъ изъ послѣдствій новаго переворота и связанной съ нимъ междоусобной войны. Другимъ послѣдствіемъ былъ переходъ чуть не послѣднихъ крохъ византійской территоріи въ обладаніе Латиновъ. Гаттилузіо, согласно условію, получилъ отъ Іоанна Палеолога въ приданое за его сестрою о. Лесбосъ [4]). Затѣмъ Венеція, какъ мы видѣли, за это время подготовила себѣ пріобрѣтеніе Тенедоса. Что же касается того печальнаго положенія, въ которомъ очутилась Ѳракія послѣ всѣхъ этихъ событій, то мнѣ кажется, о немъ нечего и говорить. Оно должно было представлять картину болѣе плачевную, болѣе ужасную той, которую мы видѣли при вступленіи Кантакузина на престолъ. Такимъ образомъ Іоаннъ Палеологъ по-

---

[1]) Gregor. XXIX, cc. 27, 28, 29, 30; Ducas, c. XI; Matteo Villani y *Muratori*, XIV, p. 268; Кантакузинъ (IV cc. 39, 40, 41, 42) ничего не говоритъ объ участіи во всемъ этомъ дѣлѣ Гаттилузіо, а въ длинномъ своемъ разказѣ объ обстоятельствахъ этого переворота настойчиво старается доказать, что его отреченіе было актъ съ его стороны вполнѣ добровольный, а отнюдь не вынужденный успѣхомъ зятя. Оттого приводимыя имъ подробности рѣзко выдѣляются своею неправдоподобностью, и все его повѣствованіе расходится съ другими, болѣе достовѣрными источниками.

[2]) Cantacuz., IV, cc. 42—49.

[3]) *Hopf,* Griechenland, p. 450.

[4]) Фамилія эта имѣла громадное вліяніе въ позднѣйшей исторіи Византіи. Въ концѣ XIV в. она присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ Эносъ, важный городъ при устьѣ Марицы; а въ XV в. постепенно сдѣлались собственностью Гаттилузіо острова: Лимносъ, Ѳазосъ, Имбросъ и Самоѳракія. Ср. *Heyd*, I. pp. 414—417.

лучилъ весьма жалкое наслѣдство. Нѣсколько острововъ и одна провинція, въ конецъ разоренная и обезлюженная, въ одномъ концѣ которой, у самой столицы, гнѣздились хищные Генуэзцы, а съ другаго поднимался могущественный турецкій колоссъ: вотъ та имперія, которою ему приходилось править.

Іоаннъ Кантакузинъ, принявъ монашество, уже болѣе не вмѣшивался въ политическія дѣла. Живя то у сына въ Пелопоннисѣ, то въ Византіи, ,онъ посвятилъ себя исключительно литературнымъ занятіямъ. Кромѣ записокъ, представляющихъ апологію его продолжительной государственной дѣятельности, къ этому времени относятся и всѣ его полемическіе труды богословскаго содержанія. Онъ пережилъ обоихъ своихъ сыновей и умеръ въ глубокой старости (13-го іюня 1383 г.) въ Мисиѳрѣ [1]). Почти вслѣдъ за Кантакузиномъ сошли съ политической сцены и два другіе государя, его современники, стоявшіе къ нему въ близкихъ отношеніяхъ, и въ противоположность ему, оставившіе по себѣ славную память въ исторіи своихъ народовъ. Въ 1355 г. умеръ — Стефанъ Душанъ, а въ 1359 г. — Орханъ. Съ окончаніемъ дѣятельности этихъ трехъ лицъ формально оканчивается тотъ періодъ исторіи Византіи, разсмотрѣнію котораго мы рѣшились посвятить настоящій очеркъ, и который, намъ кажется, можно вѣрно назвать переходнымъ между временемъ возстановленія имперіи и уже безповоротнымъ ея паденіемъ. Мы прослѣдили всѣ событія этого періода. Сводъ ихъ рисуетъ картину безконечнаго ряда войнъ. Жестокая борьба внутри между претендентами на императорскую власть, не менѣе жестокая борьба съ Латинами, Турками, и сосѣдями Славянами, словомъ—борьба и борьба—вотъ единственное содержаніе и смыслъ исторіи цѣлой четверти вѣка. Мы видѣли съ какою энергіей, съ какимъ успѣхомъ сначала было ведено Кантакузиномъ дѣло возстановленія имперіи, какъ это стремленіе не покидало его даже въ печальный періодъ его дѣятельности, когда властолюбивые порывы заглушали въ немъ сознаніе государственнаго долга, и какъ все-таки результатъ борьбы вышелъ весьма печальный. Одна изъ причинъ этого, безъ сомнѣнія—внутреннія неурядицы въ Византіи (источникъ которыхъ опять-таки—не вырожденіе національности, какъ думаютъ многіе, и не отсутствіе даровитыхъ людей; Кан-

---

[1]) *Müller*, Byzantinische Analekten *Sitzungsberichte der Wiener Akademie*, IX, S. 60.

такузинъ, какъ бы его ни обвиняли,—личность недюжинная [1]), но это далеко не единственная и не самая главная причина. Вся бѣда имперіи заключалась въ томъ, что судьба послала ей сразу нѣсколько враговъ. Турки выступаютъ на путь завоеваній въ то время, когда Византія напрягала свои силы въ борьбѣ съ Сербами и Латинами. Какъ отнеслись послѣдніе къ мусульманамъ-завоевателямъ, насколько готовы были защитить отъ нихъ христіанскій міръ, на это приведено нами нѣсколько примѣровъ. Не объ оказаніи помощи Византіи противъ невѣрныхъ думали представители тогдашняго латинства, а о вторичномъ завоеваніи восточной столицы. Они какъ бы дожидались ея полнаго ослабленія, чтобы нанести ей окончательный ударъ, и пользовались ея безпомощностью для постепеннаго вырыванія изъ ея тѣла бо̀льшихъ или меньшихъ кусковъ. Въ 1355 г. когда Турки стали уже прочно на европейскомъ берегу, Латинамъ казалось, что наступилъ этотъ удобный моментъ и венеціанскій посолъ въ Царьградѣ, Марино Фальеръ, извѣщалъ свою республику, чтобъ она спѣшила занятіемъ столицы имперіи, пока Константинополь окончательно не сдѣлался добычею Турокъ [2]). Но теперь уже было поздно. Турки составляли силу; оспаривать у нихъ Константинополь было трудно. При такомъ положеніи дѣлъ, когда съ одной стороны Византіи угрожало поглощеніе Сербскимъ царствомъ, а съ другой—стояли болѣе опасные для ея центра—Латины и Турки, при чемъ первые, какъ стародавніе, непримиримые враги Грековъ, возбуждали въ нихъ больше опасеній, чѣмъ послѣдніе, когда, словомъ, воевать со всѣми было невозможно и приходилось между врагами искать союзниковъ, византійскіе правители предпочли Османовъ. Они могли не подозрѣвать ихъ будущей силы и сдѣлать имъ уступки считали болѣе выгоднымъ, чѣмъ отдаться въ порабощеніе католическому Западу. Изъ двухъ золъ выбиралось меньшее. Затѣмъ злоупотребленіе турецкимъ союзомъ ускорило развязку. Турки быстро окрѣпли; разливъ ихъ могущества на Балканскомъ полуостровѣ сдѣлался неудержимымъ, и пошелъ своимъ чередомъ, начиная съ Галлипольскаго полуострова, все дальше и дальше... Знаменательныя событія нынѣшняго столѣтія показали уже, а будущія еще болѣе покажутъ, который изъ двухъ разливовъ

---

[1]) Не смотря на существованіе прекраснаго труда Парисо, личность Кантакузина нуждается еще въ болѣе основательной характеристикѣ.

[2]) *Hopf*, Griechenland, p. 448.

по своему существу долженъ былъ оказаться болѣе выгоднымъ для народовъ Балканскаго полуострова: турецкій ли, черезъ пять вѣковъ совсѣмъ изсохшій и не лишившій жизни потопленные имъ элементы, или латинскій, который навѣрно состоялся бы, еслибы не осуществился турецкій, и который въ своемъ теченіи грозилъ уничтожить всѣ жизненныя, національныя и религіозныя особенности народностей, составлявшихъ населеніе большей части имперіи и другихъ государствъ Балканскаго полуострова.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Стран.	Стр.		*Напечатано*:	*Должно быть*:
16	13	снизу:	междоусобицею	усобицой
48	18	»	видѣнъ	виденъ
85	4	сверху:	междоусобицы	усобицы
104	13	»	больше, тѣмъ	больше, чѣмъ
105	6	снизу	кралю	Душану
107	8	»	быдто	будто
120	5	сверхи:	племянницѣ	свояченицѣ
—	6	»	дочери	сестрѣ
—	4	снизу:	р. 226	р. 263

На 56 стр. 5-ю строку знизу нужно исправить слѣдующимъ образомъ: «въ 1336 г. ихъ вниманіе все еще сосредоточено на Македоніи».

5/[illegible] X-Ca 1.50

ТИМОѲЕЯ ФЛОРИНСКАГО.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ И ВИЗАНТІЯ

ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВѢКА.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

С.-Петербургъ.
1882.

ТИМОѲЕЯ ФЛОРИНСКАГО.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ И ВИЗАНТІЯ

ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВѢКА.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

С.-Петербургъ.
Типографія В. Киршбаума, въ д. М-ва Финанс., на Дворц. площ.
1882.

ОБРАЗОВАНІЕ СЕРБСКАГО ЦАРСТВА.

Содержаніе.

Стран.

Стран.

I.

Общій характеръ и направленіе исторической жизни сербскаго народа до Душана. Внутреннее состояніе Сербскаго королевства передъ началомъ политической дѣятельности Душана.

Образованіе Сербскаго царства составляетъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ моментовъ въ средневѣковой исторіи южнаго Славянства. Это была послѣдняя и самая широкая по замыслу попытка—создать на юго-востокѣ Европы сильное славянское государство въ замѣнъ распадавшейся Византійской имперіи. Болгаре два раза (въ X и XIII вв.) брались за эту задачу: она оказывалась имъ не подъ силу. Въ XIV в. выдвигаются Сербы, и Душанъ въ своихъ политическихъ планахъ идетъ дальше своихъ предшественниковъ—и знаменитаго Симеона и обоихъ Асѣней. Но и съ этой стороны не вышло ничего прочнаго. Всѣ завоевательные планы и стремленія Душана такъ и остались на ступени попытки. Правда, на нѣкоторое время является Сербская монархія, обнимающая значительную часть Балканскаго полуострова, но существованіе этой монархіи такъ не продолжительно, что въ ней, собственно говоря, наблюдать можно только два момента: моментъ образованія, продолжающійся во все время царствованія Душана и моментъ распаденія, начавшійся тотчасъ послѣ смерти ея основателя. Главныя причины неудачи и этой попытки должны заключаться во внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ, при которыхъ состоялось это образованіе Сербскаго царства, а также въ характерѣ самой дѣятельности Душана, до сихъ поръ не оцѣненной съ должнымъ безпристрастіемъ. Выяснить процессъ появленія на полуостровѣ этой

новой монархіи и опредѣлить значеніе политической дѣятельности Душана—самаго выдающагося изъ сербскихъ государей и составляетъ задачу настоящаго изслѣдованія.

Предложенный нами въ первомъ выпускѣ очеркъ положенія Византійской имперіи въ первой половинѣ XIV вѣка даетъ ключъ къ уразумѣнію многихъ явленій занимающаго насъ такъ называемаго блестящаго періода сербской исторіи. Но чтобы еще лучше понять и болѣе правильно оцѣнить это кратковременное возвышеніе сербскаго народа, мы считаемъ небезполезнымъ предпослать спеціальному изслѣдованію нашего предмета сжатое припоминаніе хода всей предшествующей исторической жизни сербскаго народа, а равно сжатый же очеркъ внутренняго состоянія сербскаго королевства въ то время, когда Стефанъ Душанъ восходилъ на престолъ своего „прародителя" Немани. Чрезъ то и другое припоминаніе обнаружится связь и отношеніе разсматриваемаго періода сербской исторіи къ предшествовавшимъ, до нѣкоторой степени выяснится: насколько сербскій народъ своею предъидущею жизнью и развитіемъ былъ подготовленъ къ той исторической роли, для которой онъ былъ выдвинутъ своимъ могущественнымъ государемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сами собою опредѣлятся тѣ дѣйствительно-національныя и существенно необходимыя для блага южнаго Славянства задачи, осуществленіе которыхъ въ то время было прежде всего обязательно для славянскаго государя, задумавшаго созданіе новаго, болѣе прочнаго порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ. Этой-то, собственно говоря, вводной части нашего изслѣдованія мы отводимъ первую главу настоящаго труда.

Въ началѣ второй четверти XIV вѣка, ко времени Душана, сербскій народъ занялъ уже довольно видное политическое положеніе на полуостровѣ. Византійская имперія въ періодъ правленія Андроника Старшаго и наступившихъ затѣмъ внутреннихъ смутъ пришла въ полный упадокъ; Болгарское царство, такъ пышно разцвѣтшее при Іоаннѣ Асѣнѣ II, снова значительно съузилось въ границахъ и было ослаблено внутри; Хорватскаго государства давно уже не существовало. Между тѣмъ Сербы имѣли свое еще молодое, но политически самостоятельное государство; сербскіе крали, какъ Милутинъ и Дечанскій, играютъ выдающуюся роль

въ событіяхъ всего полуострова силу; сербскаго оружія испытали уже и Византійцы, и Болгаре, и Мадьяры; имя Сербовъ начинаетъ уже внушать извѣстныя опасенія вѣчно-властолюбивому Западу... Но въ этомъ политическомъ возвышеніи, которое уже съ самаго начала получило характеръ чего-то случайнаго и искусственнаго, участвовалъ не весь сербскій народъ. Сербскаго единства еще не было—ни политическаго, ни національнаго. Душанъ, наслѣдуя своему отцу, Стефану Дечанскому, собственно говоря, становился государемъ лишь части сербскаго народа, именно той, которая входила въ составъ Сербскаго королевства. Но кромѣ королевства были и другія сербскія земли, и онѣ-то, оставаясь непритянутыми къ одному общему политическому центру, находились въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ, которыя съ одной стороны угрожали этой части сербскаго народа потерею его національной самобытности, а съ другой свидѣтельствовали о ненадежности, непрочности возвышенія, котораго успѣла достигнуть та вторая половина сербскаго народа, образовавшая уже самостоятельное государство.

Усиленіе сербскаго народа и дѣятельное участіе его въ политической жизни Балканскаго полуострова начинаются сравнительно весьма поздно. Первоначальныя историческія судьбы этой славянской вѣтви сложились совершенно иначе чѣмъ судьбы близко родственныхъ Сербамъ Славянъ болгарскихъ. Послѣдніе успѣли уже прожить блестящій періодъ своей политической жизни, рано основали сильное государство по обѣимъ сторонамъ Балканъ, пытались вырвать игемонію у Грековъ, успѣли уже разъ потерять независимость и приступали къ образованію втораго царства, между тѣмъ какъ Сербы въ это время т. е. въ концѣ XII вѣка и въ началѣ XIII вѣка едва начинаютъ сплачиваться политически. Вообще въ западной половинѣ Балканскаго полуострова, получившей славянское населеніе одновременно съ восточной, т. е. въ VII вѣкѣ, историческая жизнь пошла иначе, чѣмъ въ послѣдней. Здѣсь благодаря пришлой тюркской ордѣ рано, въ томъ же VII вѣкѣ, начинается быстрое сплоченіе разрозненныхъ славянскихъ племенъ въ одну народность, въ одно государство. На западѣ же самыя первыя страницы исторіи утвердившагося здѣсь новаго населенія открываются фактами обособленія, партикуляризма. Двѣ близко-

родственныя, быть можетъ даже совершенно тождественныя вѣтви одного народа, Сербы и Хорваты, приходомъ которыхъ изъ-за Карпатъ въ царствованіе императора Иракліи (610—641) завершилось заселеніе Славянами западной части полуострова, съ самаго начала устраиваются отдѣльно одна отъ другой въ отведенныхъ имъ земляхъ Иллирика. Первое время сохраняется еще болѣе или менѣе значительная связь между обѣими вѣтвями, которая главнѣйше выражается въ томъ, что Сербы и Хорваты довольно долго остаются въ политической и церковной зависимости отъ имперіи. Но съ IX вѣка Хорваты т. е. славянскіе обитатели сѣверо-западной части Далмаціи и области между рр. Савой и Дравой, приходятъ въ столкновеніе съ западными народами—Франками и Венеціанцами. Вынуждаемые борьбой съ Западомъ они постепенно переходятъ отъ племеннаго или жупнаго строя жизни къ государственному, создаютъ у себя королевство, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергаются значительному вліянію Запада; въ концѣ концовъ они порываютъ совсѣмъ съ Византіей въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ и примыкаютъ къ Риму. Между тѣмъ славянскія племена восточной части Иллирика, принявшія имя Сербовъ, остаются вѣрными Византіи и восточной церкви. Такъ рано началось раздвоеніе въ средѣ южныхъ Славянъ, въ силу своей этнографической близости долженствовавшихъ составить одно цѣлое. Это раздвоеніе имѣло печальныя послѣдствія для всего Славянскаго юга; отзывается оно и теперь. Но прежде всего отъ него пострадали Хорваты, столь неудачно повернувшіе въ ту сторону, откуда имъ могло прійдти одно порабощеніе, политическое и духовное. Въ началѣ XI вѣка они утратили уже независимость и должны были войдти въ составъ Угорскаго королевства.

Политическая раздробленность Славянства на западѣ Балканскаго полуострова не ограничилась однакожъ этимъ отдѣленіемъ Хорватовъ. Послѣдніе, какъ мы сказали, все же рано успѣли образовать свое государство. Не то было у Сербовъ. Племенная обособленность здѣсь долго оставалась въ силѣ. Почти пять вѣковъ сербскія племена сохраняютъ первичную форму политическаго быта, которую прошли болѣе или менѣе всѣ славянскія племена—форму жупнаго устройства. Занятыя ими земли въ Иллирикѣ

долго представляютъ нѣсколько независимыхъ одна отъ другой областей или жупанствъ, которыя по временамъ и то номинально признаютъ верховную власть одного великаго жупана. Только въ концѣ XII вѣка благодаря дѣятельности Стефана Немани начинается постепенное объединеніе сербскихъ областей, но оно идетъ чрезвычайно медленно и не удается вполнѣ ни одному сербскому государю. Главная причина такой разъединенности сербскаго народа, разительно проявляющейся и по нынѣ, заключается въ географическихъ условіяхъ страны, выпавшей на его долю. Уже одного взгляда на топографическую карту западной половины Балканскаго полуострова достаточно, чтобы убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія.

Къ X столѣтію Сербы являются племенемъ уже вполнѣ разселившимся и занимаютъ почти тѣ же предѣлы, чтó и въ настоящее время. На западѣ ихъ владѣнія доходили до горъ, раздѣляющихъ воды Вербаса и Саны отъ водъ Унны, гдѣ онѣ соприкасались съ хорватскими областями [1]); затѣмъ, отъ истоковъ Саны граница шла мимо Имоски къ устью Цетины, Адріатическимъ моремъ до Леша и Бара; отсюда на юго-востокъ вдоль Скадарскаго озера горною страною къ Призрену и верховьямъ Моравы. На востокѣ трудно указать границу распространенія сербскаго элемента: онъ сливался съ болгарскимъ, но вѣроятно не переходилъ за Мораву. На сѣверѣ предѣлъ сербскихъ областей составляли Сава и Дунай до впаденія въ него Моравы. На всемъ этомъ протяженіи сербскихъ земель, обнимавшемъ нынѣшнія Боснію, Герцеговину, княжество Сербію, Черногорію, южную Далмацію, Новобазарскій пашалыкъ и сѣверную Албанію, рѣзко обозначаются гористыя свойства страны. Горы разной высоты и разнаго протяженія идутъ по всѣмъ направленіямъ этой части Балканскаго полуострова, цѣлые хребты и отдѣльныя возвышенности перекрещива-

---

[1]) Вопросъ о границѣ между народами сербскимъ и хорватскимъ не разъ служилъ и продолжаетъ служить предметомъ ученыхъ споровъ. Мы держимся здѣсь мнѣнія г. Новаковича, высказаннаго имъ въ его обстоятельномъ трудѣ: „Српске области X и XII вѣка“. У Београду. 1880 г. стр. 88—109 (См. также „*Гласник Српског ученог друштва*“ кн. XLVIII).

ются и образуютъ равнины и плоскогорія, нерѣдко закрытыя со всѣхъ сторонъ.

Отсюда видно разнообразіе страны занятой Сербами, естественно способствовавшее продолжительному сохраненію частныхъ, обособленныхъ формъ государственнаго быта. Но это разнообразіе, зависящее отъ степени гористости, не вездѣ одинаково. Южныя сербскія земли, прилегающія къ Адріатическому морю цѣлымъ рядомъ хребтовъ, составляющихъ продолженіе Альпійской горной системы, рѣзко отдѣляются отъ сѣверныхъ или Дунайскихъ. Эти хребты, изъ которыхъ какъ выдающіеся можно отмѣтить Динару-планину, Марину пл., Чабулью пл., Терентиль пл., Поринъ, Велешъ, Градину, Думочь, Ягодину, Любоміръ, Любичню, высоты Черной горы и многія другія, тянутся непрерывною полосой съ сѣверо-запада на юго-востокъ до встрѣчи съ горными кряжами и узлами сѣверной Албаніи и наполняя своими отрогами всѣ приморскія земли, придаютъ имъ характеръ суровой, скалистой и недоступной страны. Это всѣмъ хорошо извѣстныя земли Герцеговины, Черногоріи и южной Босны. Сѣверныя сербскія земли, лежащія въ бассейнахъ рр. Вербаса, Босны, Дрины и Моравы имѣютъ болѣе ровный видъ. И здѣсь глазъ по всюду видитъ планины, но онѣ уже гораздо ниже, чѣмъ на югѣ, не имѣютъ такихъ крутыхъ подъемовъ и спусковъ какъ тамъ и представляютъ гораздо больше равнинъ и долинъ. Но и въ этихъ сѣверныхъ сербскихъ земляхъ орографическія условія не вездѣ одинаковы. Именно въ западныхъ частяхъ между Саною и Дриною возвышенностей несравненно больше чѣмъ въ восточныхъ, и направленіе эти возвышенности имѣютъ такое же, какъ и въ приморскихъ земляхъ, т. е. съ сѣверо-запада на юго-востокъ; между тѣмъ въ восточныхъ частяхъ между Дриною и Моравою горъ гораздо меньше и многія изъ нихъ направляются съ сѣвера на югъ (напр. Трешневица, Медвѣдникъ, Златоборъ, Копаоникъ). Такія условія страны, занятой сербскимъ народомъ уясняютъ многія стороны его исторіи и, между прочимъ, его разъединенность и позднее выступленіе въ дѣятельной политической жизни.

Въ X — XII столѣтіи мы видимъ до семи сербскихъ областей стоящихъ за немногими исключеніями въ очень слабой связи

между собой. Въ южной приморской полосѣ были расположены: 1) *Зета* (Дукля). Она простиралась отъ устьевъ Дрина и Бояны по берегу до Котора, обнимала большую часть Черногоріи и отдѣлялась отъ Рашки рѣкою Зетою и прилегающими къ ней планинами; на востокѣ она не доходила до Скадра. 2) *Травунія* или Требинье съ центромъ того же имени. Эта область соприкасалась съ Зетою близь Рудина и Котора; затѣмъ граница ея шла берегомъ до Дубровника, пересѣкала рѣку Требишницу между Поповымъ полемъ и Шумами и сливалась съ горными высотами Любоміра и Бабы—планины. Въ X вѣкѣ приморье этой области составляло также особое жупанство—*Конавлію*. 3) *Захолмье* (Хумъ, Захлумье). Оно занимало пространство отъ Дубровника до устья Неретвы. На сколько въ глубь Герцеговины вдавалась эта область въ X вѣкѣ, трудно сказать на основаніи имѣющихся данныхъ. Но впослѣдствіи она значительно расширилась и охватывала Невесинье поле, Гацко и Мостарско блато на правой сторонѣ Неретвы. Рядомъ съ Захолмьемъ въ X вѣкѣ существовала *Паганія* или *Неречанія*, впослѣдствіи слившаяся въ одно цѣлое съ Захолмьемъ. Эта область занимала приморье между Неретвой и Цетиною и на сѣверъ простиралась до Дувна и Хлевна. Племя Неречанъ владѣло и лежащими близь берега островами: Корчулою, Млитомъ, Хваромъ и Брачемъ. Такимъ образомъ на югѣ сербское племя раздѣлялось между пятью, а потомъ тремя областями.

На сѣверѣ издавна являются двѣ области: 1) *Собственная Сербія* или *Раса—Рашка* и 2) *Босна*. Границею между ними служитъ рѣка Дрина и частью рѣка Лимъ. *Босна* простиралась на сѣверѣ до рѣки Савы, на западѣ — до Унны и Саны, а на югѣ отдѣлялась горными цѣпями отъ южно-сербскихъ областей. Предѣлы *Рашки* заключались между Дриной и Болгарскою Моравой и слѣдовательно обнимали бассейны Сербской Моравы и Ибара. На югѣ они не совсѣмъ доходили до Шара—планины, а на сѣверѣ—до Дуная. Кромѣ этихъ областей до конца XII вѣка существовала еще одна сербская область, лежавшая по срединѣ между сѣверными и южными жупанствами. Это было—упоминаемое Дуклянскимъ лѣтописцемъ—*Подгорье*, занимавшее ту гористую страну, гдѣ берутъ начало рѣки: Морача, Зета, Пива, Лимъ, и гдѣ нахо-

дятся высочайшія вершины сербскихъ горъ — Комъ и Дормиторъ (сѣверо-западная часть нынѣшней Черногоріи). Средоточіемъ этой области былъ Оногоштъ (близь Никшичей).

Такимъ образомъ южныя сербскія области, въ силу орографическихъ условій обособленныя одна отъ другой, отдѣлялись отъ сѣверныхъ высокими горными хребтами. Отсюда понятно, что связи между ними было мало. Каждое жупанство, каждая область управляется своими жупанами, которые иногда принимаютъ титулъ князей, даже королей (въ болѣе позднее время). Надъ всѣми этими мелкими жупанами возвышался одинъ великій жупанъ, главный представитель всей сербской земли. Но власть и значеніе великаго жупана до XII вѣка были весьма малы. Это верховное достоинство не держалось въ одной какой либо фамиліи и даже въ одной области. Большею частію его носили жупаны Зеты и Рашки; но переходило оно и въ другія области. Признавалось оно не всѣми и не всегда. Неречане большею частію совсѣмъ отказывались отъ подчиненія великому жупану. Въ разное время при великихъ жупанахъ собственной Сербіи или Рашки мы видимъ независимыхъ сильныхъ жупановъ въ Требиньѣ и Захолмьѣ. Такимъ образомъ политическій центръ сербскихъ земель постоянно мѣняется. Жупаны постоянно ссорятся за великое жупанство, ведутъ между собою распри и при недоступности ихъ территорій обыкновенно ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ достаточно силы, чтобы получить прочное преобладаніе надъ прочими.

Кромѣ этихъ географическихъ условій, было много другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, способствовавшихъ поддержанію политической раздробленности сербскаго народа. Такъ, признаніе верховной зависимости отъ византійскаго императора, въ которой находятся сербскія княжества съ самаго своего основанія и которая становится номинальною или совсѣмъ прекращается только въ эпоху правленія неспособныхъ императоровъ, мѣшало отдѣльнымъ сербскимъ правителямъ, получавшимъ утвержденіе своей власти отъ Византіи и пользовавшимся полною внутреннею самостоятельностью, дойдти до сознанія необходимости образовать единое національное государство. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ послѣднемъ стремленіи Сербы были стѣснены сильнымъ сосѣдомъ—Бол-

гарами. Постепенно распространяя свое государство на счетъ славянскихъ областей имперіи, болгарскіе государи вскорѣ приблизились къ сербскимъ владѣніямъ. Распри и смуты между сербскими жупанами даютъ имъ возможность утвердить свое вліяніе въ сербскихъ земляхъ, а нѣкоторыя изъ нихъ подчинить своей власти. Въ IX столѣтіи Сербы испытываютъ уже всю тяжесть болгарскаго оружія, а въ началѣ X вѣка знаменитый Симеонъ проходитъ побѣдоностно по значительной части сербскихъ земель и подвергаетъ ихъ жестокому опустошенію. Много лѣтъ прошло пока страна оправилась отъ этого погрома и вновь приняла разбѣжавшееся населеніе.

Въ XI вѣкѣ положеніе вещей на полуостровѣ измѣняется. Въ 1018 г. Императоръ Василій Болгаробойца положилъ конецъ существованію Болгарскаго царства. Византійцы въ послѣдній разъ достигли значительнаго могущества и возстановили предѣлы имперіи до Дуная. Сербы теперь должны были еще болѣе стать подъ власть Византіи. Во многихъ сербскихъ земляхъ, какъ и въ Болгаріи, явились греческіе правители. Притѣсненія послѣднихъ не замедлили вызвать недовольство и тамъ, и тутъ. Вскорѣ начались попытки возстанія среди Болгаръ. Не долго ждали и Сербы. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ фактическаго утвержденія господства Византіи въ сербскихъ областяхъ, здѣсь начинается движеніе. Неурядицы въ самой имперіи благопріятствуютъ ему. Средоточіемъ движенія первоначально становится хорошо защищенная Зета. Зетскіе жупаны, которыхъ лѣтописецъ называетъ кралями, удачно ведутъ борьбу съ Греками, освобождаютъ приморскія сербскія земли и затѣмъ переносятъ знамя возстанія въ Расу. Часть этой области также была освобождена, и со временъ Бодина и Вукана она дѣлается центромъ сербской государственности. Эти два борца за сербскую свободу хорошо поняли выгодное географическое положеніе этой сербской области въ бассейнѣ Ибара, откуда было удобнѣе чѣмъ изъ приморской Зеты вліять на прочія сербскія земли, отстаивать ихъ противъ сосѣдей, а при благопріятныхъ условіяхъ и образовать болѣе или менѣе сильное государство. Но болѣе пятидесяти лѣтъ прошло, пока Раса вполнѣ стала политическимъ центромъ сербскаго народа.

Съ Рашскаго жупана *Стефана Немани* (1159—1195), по общепринятому, вполнѣ справедливому мнѣнію начинается новый періодъ въ исторіи сербскаго народа. Неманя, „обновитель отчинной дѣдины“, собиратель земли сербской, первый пологаетъ основаніе самобытной государственной жизни Сербіи, разрывая господствовавшую дотолѣ обособленность сербскихъ областей, притягивая ихъ къ одному центру—Расѣ. Дѣятельность его и заслуги, оказанныя имъ своему народу, уже были оцѣнены современниками и достаточно разъяснены въ настоящее время. Результаты предшествующаго періода представлялись ему въ очень неутѣшительномъ видѣ. Правда, нѣкоторая часть сербскихъ земель была уже освобождена отъ иноземнаго владычества и выдвинуто было значеніе Расы; но въ этой послѣдней, какъ и въ другихъ областяхъ все еще продолжались прежняя обособленность и раздѣленіе на удѣлы. Затѣмъ, нѣкоторыя сербскія земли оставались еще во власти Византіи, именно—бо́льшая часть южной Рашки и придунайскія земли. Наконецъ и на западѣ нѣкоторыя изъ сербскихъ областей утратили уже независимость. Бо́льшая часть Паганіи и принадлежавшіе къ ней острова отошли къ Хорватамъ, а Босна съ 1120 г. сдѣлалась частью Угорскаго королевства. Такимъ образомъ предъ Неманею, какъ основателемъ сербскаго государства стояла весьма сложная задача. Самую главную часть ея онъ выполнилъ при помощи Византіи. Своею вкрадчивостью и смиреніемъ онъ добился того, что императоръ Алексѣй Комнинъ не только призналъ его сербскимъ великимъ жупаномъ, но и далъ ему военную помощь для усиленія его власти въ странѣ. Съ помощью византійскаго войска Неманя успѣлъ соединить въ своихъ рукахъ всѣ удѣлы Рашки и подчинить своей верховной власти Захлумье и Травунію, управленіе которыми онъ предоставилъ своимъ родственникамъ, положивъ такимъ образомъ начало подчиненію сербскихъ областей одной династіи—Неманичамъ. Добившись желаемой цѣли при помощи Византійцевъ, Неманя разошелся съ ними и предпринялъ завоеваніе у нихъ южныхъ и восточныхъ сербскихъ земель, что выполнилъ съ успѣхомъ. Именно онъ включилъ въ свое государство: Зету и прилегающее къ ней приморье съ городами—Которомъ, Баромъ и Ульциномъ, Пилотъ

(в сѣверной Албаніи—Пулаты) область Хвостно (на р. Быстрицѣ близь Печи), область Подримье (между Коссовымъ полемъ и Бѣлымъ Дриномъ), Липлянь или Коссово поле, область Нишевскую (на правомъ берегу Моравы, по Нишавѣ и Моравицѣ) и Поморавье (на лѣвомъ берегу Моравы). На время Неманя занялъ также Призренскую область и Пологъ (на южн. скл. Шара-Планины, нын. Тетово), но онъ не удержалъ за собой этихъ областей. Озабоченный главнѣйше собираніемъ сербскихъ земель, Неманя вмѣстѣ съ тѣмъ ясно обнаруживалъ свои завоевательныя стремленія въ отношеніи болгарскихъ земель. По словамъ его біографа, Стефана Первовѣнчаннаго, онъ побѣдоносно доходилъ до Средца (Софія) Вельбужда (Кюстендиль) Петрича и Скопіи и даже будто бы разрушилъ эти города. Такимъ образомъ все вниманіе, вся дѣятельность Немани были сосредоточены на юго-востокѣ. Относительно сѣверо-западныхъ сербскихъ земель основатель новаго славянскаго государства ничего не сдѣлалъ. Какъ бы то ни было сербское государство было заложено.

Сынъ и преемникъ Немани и вмѣстѣ съ тѣмъ его жизнеописатель, *Стефанъ Первовѣнчанный* (1195—1224), вѣнчаясь королевскимъ вѣнцомъ, формальнымъ образомъ свидѣтельствовалъ передъ тогдашнимъ политическимъ міромъ объ образованіи новаго государства на полуостровѣ. Династія Немани предъявляла право на управленіе всѣмъ сербскимъ народомъ. Неманичи начинаютъ называть себя въ грамотахъ „кралями всѣхъ сербскихъ земель.“ Другой сынъ Немани, Растько, рано принявшій монашество подъ именемъ Саввы, получаетъ отъ цареградскаго патріарха, уже жившаго въ Никеѣ, санъ архіепископа всѣхъ сербскихъ земель; онъ устроетъ въ новомъ государствѣ правильную церковную іерархію и тѣмъ самымъ способствуетъ государственной сплоченности доселѣ разъединеннаго народа. Неманя, принявшій въ постриженіи имя Симеона и его сынъ Савва, имена которыхъ связаны съ основаніемъ знаменитой Хиландарской Лавры на Аѳонѣ, стали народными святыми и доселѣ чтутся всѣмъ Сербскимъ народомъ какъ его постоянные покровители и заступники.

Образованіе Сербскаго королевства происходило въ ту эпоху, когда верховная представительница Греко-Славянскаго міра —

Византія была завоевана латинскими крестоносцами. Появленіе новаго славянскаго государства на полуостровѣ вмѣстѣ съ возстановленіемъ Болгарскаго царства были событія большой важности для восточнаго міра. Оба государства должны были служить противовѣсомъ только что одержаннымъ успѣхамъ Запада. Болгары вскорѣ самымъ дѣломъ показали это, вступивъ въ жестокую борьбу съ Латинянами. Сербы же тѣмъ самымъ уже, что начали соединяться въ одно государство ставили предѣлы дальнѣйшимъ завоеваніямъ крестоносцевъ на полуостровѣ. Отсюда понятно, что и самое образованіе Сербскаго королевства извнѣ не могло встрѣтить большаго сопротивленія. Греческій императоръ уже въ силу историческихъ обстоятельствъ не былъ въ состояніи помѣшать этому обособленію земель нѣкогда составлявшихъ часть имперіи. Поставленный въ необходимость промѣнять Византію на Никею, видя гораздо бо̀льшую часть земель имперіи въ рукахъ пришлыхъ Латинянъ, не щадившихъ ни вѣры, ни народности мѣстнаго населенія, онъ естественно долженъ былъ только признать перемѣну происшедшую въ сербскихъ земляхъ, что̀ и выразилось въ поставленіи Саввы въ архіепископа всѣхъ сербскихъ земель, съ предоставленіи ему права вѣнчать Стефана II королевскимъ вѣнцомъ. Признаніе это, констатированное указаннымъ актомъ въ Никеѣ, становится тѣмъ понятнѣе, что имперія, хотя и униженная и ослабленная, для новаго славянскаго государства продолжала сохранять значеніе высшаго политическаго и духовнаго авторитета.

Удачно совершенное Неманею объединеніе юго-восточныхъ сербскихъ земель, повидимому, ясно указывало его преемникамъ на необходимость привлеченія областей сѣверо-западныхъ къ созданному уже политическому центру. Только при такомъ условіи Сербское королевство могло стать на столько сильнымъ, чтобы хотя съ нѣкоторымъ успѣхомъ принять на себя руководящую роль въ политической жизни полуострова. Между тѣмъ западнымъ сербскимъ областямъ такъ и не суждено было слиться когда-либо въ одно цѣлое съ королевствомъ.

Первыя 80 лѣтъ существованія сербскаго государства не представляютъ ни одного выдающагося событія, которое свидѣтельствовало бы о его внутреннемъ и внѣшнемъ ростѣ. Это была пора

смутъ и усобицъ въ королевской семьѣ, отчасти объясняемыхъ недостаточнымъ развитіемъ въ сознаніи народа и членовъ королевской семьи принципа единодержавія. Государственная земля долго еще разсматривалась какъ достояніе всей владѣющей семьи, почему младшіе братья, при вступленіи на престолъ старшаго, также предъявляли права на землю. Этими смутами, которыя, впрочемъ, иногда имѣли и другое происхожденіе, сопровождается правленіе всѣхъ преемниковъ Немани, вплоть до Милутина. Ни объ одномъ изъ этихъ преемниковъ (Стефанъ Первовѣнчанный (+ 1224), Радославъ (до 1230), Владиславъ (до 1243), Урошъ I (1243—76), Драгутинъ (1276—82), не смотря на хвалебный тонъ ихъ житій, составленныхъ людьми жившими близко къ ихъ времени, не сохранилось свѣдѣній, которыя бы говорили объ ихъ дѣятельности на пользу усиленія сербскаго государства. Одного изъ нихъ—Уроша, источники называютъ Великимъ, но мы не знаемъ, что онъ сдѣлалъ великаго. Безъ сомнѣнія, въ этотъ періодъ времени въ новомъ государствѣ шло внутреннее развитіе, складывались тѣ формы экономическаго и соціальнаго быта, какія застаемъ позже; но какъ все это происходило, на это почти нѣтъ указаній. Мы видимъ только, что Сербское королевство за это время не только не увеличивается въ объемѣ, а напротивъ уменьшается. Государи сосѣдняго Угорскаго королевства, пользуясь усобицами сербскихъ кралей и общею ихъ неспособностью въ управленіи, стремятся къ захвату или хотя бы къ подчиненію своему вліянію нѣкоторыхъ сербскихъ областей, побуждаемые къ тому со стороны духовнаго главы Запада настойчивыми увѣщаніями въ смыслѣ распространенія католическаго правовѣрія и въ другой половинѣ сербо-хорватскаго племени. Стремленія эти остаются не безъ успѣха, они не встрѣчаютъ почти противовѣса со стороны Рашскихъ кралей и западно-сербскія области, предоставленныя себѣ самимъ, находятся въ постоянной опасности быть окончательно отдѣленными отъ ихъ естественнаго центра. Уже при Стефанѣ Первовѣнчанномъ Угры принимаютъ дѣятельное участіе въ сербскихъ смутахъ. Уже тогда король Эмерикъ, призванный соперникомъ Стефана, Вуканомъ, занимаетъ своими войсками часть Сербіи и присоединяетъ къ своему титулу слова rex Serviae.

Только неурядицы въ собственномъ королевствѣ заставили его отстраниться отъ сербскихъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе съ этого времени вліяніе Угріи въ сербскихъ областяхъ постепенно возрастаетъ. Захолмье вскорѣ послѣ смерти Вукана совсѣмъ отдѣляется отъ Рашки и подчиняется Угріи. Въ 1254 г. Жупаномъ Хлумскимъ является Родославъ Андреевичъ, который называетъ себя клятвенникомъ Угорскаго короля и обѣщаетъ Дубровчанамъ дѣйствовать противъ Уроша I. Босна по прежнему остается въ зависимости отъ Угріи. Въ 1245 г. ею даже правитъ Угринъ Котроманъ, а въ 1254 г. она соединяется съ Мачвою [1]), въ рукахъ зятя Белы IV, Ростислава Михайловича, князя Галицкаго и воеводы Славонскаго. Крали слѣдующіе за Стефаномъ Первовѣнчаннымъ ничего не предпринимаютъ для противодѣйствія угорскому вліянію. Одинъ изъ нихъ—Драгутинъ, напротивъ того, даже призвалъ Угровъ для сверженія отца съ престола, женился на дочери короля Андрея III и получилъ отъ него въ леиное управленіе Срѣмъ и Мачву.

Быстрое возвышеніе Сербскаго государства начинается во второй половинѣ XIV в. при кралѣ *Милутинѣ* (1282—1320). Продолжительное правленіе этого государя несомнѣнно составляетъ эпоху въ исторіи сербскаго народа. Соединяя въ своей личности не особенно высокую нравственность съ дипломатическимъ умомъ и храбростью, Милутинъ съ успѣхомъ продолжалъ выполненіе поставленной Неманею задачи образованія сербскаго государства, для чего рѣшительно выступаетъ на путь завоеваній на юго-востокѣ, отчасти указанный уже его знаменитымъ предшественникомъ. При вступленіи его на престолъ объединеніе сербскихъ областей представляло еще много дѣла, но не оно было главнымъ предметомъ его вниманія. Все, что было имъ сдѣлано для притяженія сѣверо-западныхъ сербскихъ земель къ королевству, оказалось очень непрочнымъ. На Босну онъ только предъявлялъ слабыя притязанія

---

[1]) *Мачвой*—собственно называлась область между р. Колубарою, планинами Влашичемъ и Церою и рр. Дриною и Савою. Въ широкомъ смыслѣ, какъ здѣсь, Мачва простиралась до Моравы и слѣдов. обнимала и Бѣлградскую область. Н о в а к о в и ч ъ. Српск. Обл. 117.

и никогда ею не владѣлъ [1]). Въ началѣ его правленія эта область является раздѣленною; сѣверная часть ея, вмѣстѣ съ Мачвою и Срѣмомъ, находились во власти Драгутина, получившаго всѣ эти земли отъ угорскаго короля въ приданое за женою, а въ южной утверждается господство хорватскихъ бановъ Шубичей—Павла, а потомъ сына его Младена, которые владѣли и Захолмьемъ. По смерти Драгутина (1317) Милутинъ занялъ его земли, но не могъ устоять противъ натиска угорскаго короля, дѣйствовавшаго въ союзѣ съ Филиппомъ Тарентскимъ и вторгнувшагося въ самую Сербію; Младенъ присоединилъ къ своему значительному банству остальную часть Босны, а Мачва отошла опять непосредственно къ Угріи.

Совсѣмъ другимъ результатомъ сопровождались завоевательныя стремленія Милутина на юго-востокѣ. Болгарское царство Іоанна Асѣня II (1221—1242) уже значительно съузилось въ своихъ границахъ; на мѣсто его съ юга и юго-востока къ Сербіи опять примыкала Византійская имперія. Границы того и другаго государства сходились у Липляна (на Коссовомъ полѣ), т. е. на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ ее Неманя. Въ нѣсколько удачныхъ походовъ Милутинъ присоединилъ *Пологъ* (обл. на верховьяхъ Вардара, нынѣ Тетово), гор. *Скопію*, *Овче-поле* (обл. между Карадагомъ, Вардаромъ и Плашковицею), *Злетову* (область по Злетовской рѣкѣ, впадающей въ Брегальницу), *Піанецъ* (на истокахъ Брегальницы) и земли: *Дебръскую*, *Кичавскую* (обѣ по р. Черному Дрину) и *Порѣчьскую* (на р. Трешнѣ, впад. въ Вардаръ). Такимъ образомъ границы Сербскаго королевства со стороны Византійской имперіи, но на счетъ земель болгарскихъ Славянъ и частью Албанцевъ, были расширены Милутиномъ на востокѣ по городъ Кратовъ и рѣку Брегальницу, а на югѣ почти до городовъ Штипа, Велеса, Прилѣпа и Охриды. Но заходилъ онъ со своими побѣдоносными войсками гораздо дальше: до Сереса, Христополя, Аѳона

---

[1]) Нѣкоторые историки Сербіи (Энгель, Майковъ, Крстичъ и др.) утверждаютъ, что Милутинъ получилъ Босну въ приданое за женою своею Елизаветою, дочерью Стефана V, въ 1286 г. Но по изслѣдованію академика Либича (Opis Jugoslavenckih novaca. Zagreb. 1875) оказывается, что часть Босны получилъ не Стефанъ Милутинъ, а его братъ Стефанъ Драгутинъ.

и Влахіотской земли или Өессаліи. Печальное положеніе имперіи послѣ Михаила Палеолога, умершаго во время похода, предпринятаго противъ Милутина, открывало полный просторъ дѣйствій сербскому завоевателю. Новый императоръ—Андроникъ Старшій, стѣсненный внутренними и внѣшними затрудненіями, не былъ въ состояніи оказать какое-либо сопротивленіе сербскому кралю и ищетъ съ нимъ примиренія и союза. Удачная борьба на Дунаѣ и дипломатическія сношенія съ Болгарами и Татарами (Ногай), которые въ это время распоряжались въ Болгарскомъ царствѣ, доставили Милутину нѣсколько болгарскихъ земель, именно — Браничевскую область и страну между верховьями Моравы и Стримона, и вмѣстѣ съ тѣмъ большое вліяніе на болгарскія дѣла.

Естественнымъ исходомъ этихъ завоеваній было возвышеніе Сербіи надъ остальными государствами Балканскаго полуострова. Она заключала въ себѣ обширныя земли, которыя по составу населенія не были только сербскими, и представляла собою довольно значительные размѣры. Отсюда понятно, что болгарскій царь и византійскій императоръ ищутъ свиданія съ сербскимъ кралемъ, одинъ въ Терновѣ, другой—въ Солуни. Понятно и то, что Андроникъ жертвуетъ своею семилѣтнею дочерью Симонидою, отдавая ее въ супруги сорокапятилѣтнему Милутину. Самъ краль чувствовалъ свою силу на православномъ Востокѣ и въ то же время не прочь былъ сойтись ближе съ имперіею, разсчитывая чрезъ союзъ со вселенскимъ царемъ Новаго Рима еще болѣе поднять значеніе своего государства. Оттого со времени его женитьбы на греческой царевнѣ (ок. 1300 г.) начинаются его частыя сношенія съ византійскимъ дворомъ. Оттого онъ не отказываетъ Андронику въ помощи противъ Турокъ и подвиги сербскаго вождя Новака Гребострѣка разносятъ далеко по Малой Азіи славу сербскаго оружія. Можно предполагать, что въ головѣ Милутина уже носился планъ дальнѣйшихъ завоеваній на счетъ имперіи, которымъ только мѣшала опасность со стороны Угріи; но едва ли можетъ быть признана справедливою утвердившаяся въ сербской исторіи догадка, будто онъ серьезно замышлялъ соединить свое королевство съ имперіей и для осуществленія этого замысла вступилъ въ соглашеніе съ императрицею Ириною, которая и обѣщала содѣйство-

вать ему въ занятіи Цареградскаго престола, съ тѣмъ, чтобы ему наслѣдовали ея дѣти. До этого шага Милутину было еще далеко. Затѣмъ, относящееся сюда византійское свидѣтельство (Niceph. Gregor. l. VII. c. 5) не даетъ права заключать о подобномъ соглашеніи: изъ него видно только, что Ирина искала поддержки сербскаго краля, намѣреваясь возвести на византійскій престолъ своего сына Димитрія, помимо правъ дѣтей Андроника отъ первой жены. Наконецъ, происходившіе около того времени переговоры съ неапольскимъ королемъ Карломъ Валуа, который считалъ себя претендентомъ на византійскій престолъ, ясно указываютъ на невозможность существованія у Милутина подобнаго обширнаго замысла. Между ними былъ заключенъ договоръ, по которому сербскому кралю предоставлялась часть греческихъ областей въ томъ случаѣ, если бы Карлъ успѣлъ овладѣть Цареградомъ. Очевидно первому не было нужды вступать въ соглашеніе на подобныхъ основаніяхъ, если онъ дѣйствительно самъ мечталъ о Византіи. Какъ бы то ни было эти сношенія и заискиванія у Милутина и со стороны Византіи, и со стороны неапольскаго короля, еще болѣе уясняютъ важное значеніе завоевательной державы, какое пріобрѣтала въ это время Сербія.

Непродолжительное (1320—1331) правленіе преемника Милутинова, Стефана Уроша III, прозваннаго Дечанскимъ, отмѣченное въ началѣ обычными внутренними смутами, въ концѣ ознаменовалось славною побѣдой Сербовъ надъ Болгарами при Вельбуждѣ, послѣдствіемъ которой было полное ослабленіе значенія Болгарскаго царства на полуостровѣ и новое расширеніе предѣловъ Сербскаго королевства на югѣ и востокѣ. События эти произошли при дѣятельномъ участіи сына Дечанскаго, Стефана Душана, будущаго основателя Сербскаго царства, и мы изложимъ ихъ подробно въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же мы только отмѣтимъ пріобрѣтенія, сдѣланныя при этомъ кралѣ. Отъ Болгаръ вскорѣ послѣ понесеннаго ими пораженія отошли къ Сербіи города: Нишъ, Дубница, Самаковъ и Ихтиманъ. У Византійскаго же императора Андроника Младшаго, дѣйствовавшаго въ союзѣ съ Михаиломъ болгарскимъ царемъ, были заняты города: Велесъ, Просѣкъ (на Вардарѣ, ниже Велеса) Штипъ, Чрѣшьче и Добрунь.

Такимъ путемъ быстро росло государство Неманичей. При вступленіи на престолъ Стефана Душана предѣлы королевства были уже значительно расширены на счетъ двухъ сосѣднихъ государствъ. На востокѣ они доходили до Тимока, Средней-Горы и верховьевъ Искера и Марицы, а на югѣ захватывали сѣверныя части Македоніи и Албаніи съ городами Штипомъ, Просѣкомъ и Деврицей. На сѣверѣ только въ Браничевской области (тогда населенной Болгарами), между рр. Млавою и Тимокомъ, Сербія упиралась въ Дунай. Сербскія области на сѣверо-западѣ и западѣ все еще не принадлежали королевству, такъ что на сѣверѣ граница его шла отъ Млавы и средняго теченія соединенной Моравы къ Колубарѣ и Тамнавѣ, а на западѣ по р. Дринѣ и горной странѣ, отдѣлявшей Захолмье отъ Травуніи, которая вмѣстѣ съ Зетой входила въ составъ королевства.

Такимъ образомъ уже предшественники Душана обнаружили увлеченіе завоевательною политикою на юго-востокѣ. Посредствомъ этой политики они думали создать новое сильное государство на полуостровѣ. Перейдя за Шаръ-Планину и р. Мораву, естественныя границы сербскаго племени, они указывали будущему основателю Сербскаго царства путь къ пріобрѣтенію открывавшихся за этими границами обширныхъ, плодоносныхъ, легко доступныхъ для завоеванія областей. Весьма понятно, что за этими увлеченіями сербскіе крали забыли объ основной задачѣ, поставленной Неманею, т. е. о собираніи земель, составлявшихъ неотъемлемое достояніе сербскаго народа. Западныя сербскія области, какъ мы уже сказали, были оставлены ими почти совсѣмъ безъ вниманія. Послѣдствія этого пренебреженія были весьма печальны. Ко времени Душана области эти уже потеряли самостоятельность и подобно Хорватскимъ землямъ были близки къ полному подчиненію латинскому Западу. Мачва (подъ этой назв. разум. и Бѣлградская область), соединявшаяся съ Сербіей на весьма непродолжительное время—при Милутинѣ, теперь опять составляла часть' Угорскаго королевства. Той же участи подверглись Босна и Захолмье, которыя при Стефанѣ Дечанскомъ находятся подъ управленіемъ одного бана Стефана Котроманича (1322—1353), поставленнаго Карломъ Робертомъ на мѣсто низложеннаго этимъ послѣднимъ Младена

Шубича. Стефанъ хотя пользуется значительною свободою въ управленіи своими землями [1]), но продолжаетъ считать себя вассаломъ угорскаго короля и дѣятельно помогаетъ ему въ его предпріятіяхъ.

Невыгодныя политическія условія, сложившіяся для этихъ областей, въ разсматриваемое нами время весьма сильно отразились и на ихъ внутреннемъ положеніи. Единство населенія, составляющее самое важное условіе для самостоятельной государственной жизни народа, здѣсь было нарушено въ одной изъ своихъ наиболѣе существенныхъ сторонъ. Сербскій народъ Босны окончательно принявшій христіанскую вѣру вмѣстѣ со всѣми другими Сербами отъ греческаго православнаго духовенства (въ IX вѣкѣ), теперь былъ раздѣленъ между тремя вѣрами. Католическая пропаганда начавшаяся здѣсь со времени подпаденія страны вліянію и власти Хорватовъ и Угровъ, теперь считала среди Сербовъ не мало вѣрныхъ сыновъ Римской церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Боснѣ была весьма распространена такъ называемая патаренская ересь, явившаяся здѣсь въ концѣ XI вѣка. Католичество не имѣло силъ вести постоянную внутреннюю борьбу съ нею, а православіе переставъ быть вѣрою государственно-господствующею относилось къ ней пассивно. Оттого патаренство или богомильство имѣло здѣсь огромный успѣхъ и было какъ бы третьею народною вѣрою. Сами правители Босны покровительствовали этой ереси и многіе изъ нихъ (конечно тайно отъ своего верховнаго государя и папы) были ея послѣдователями (напр. Нинославъ, Младенъ Шубичъ, Стефанъ Котроманичъ). Впрочемъ православные всетаки составляли большинство населенія; но большинство это было стѣснено въ своей вѣрѣ и ничѣмъ не было обезпечено отъ превращенія въ меньшинство. Православнаго епископа совсѣмъ не было въ Боснѣ; между тѣмъ какъ католическая епископія существовала съ конца XII вѣка. При такой религіозной разъединенности Боснякамъ трудно было самимъ выбиться изъ колеи зависимости, въ какую

[1]) Въ грамотахъ онъ называетъ себя: Liber princeps et dominus Bosnae, Ussorae, Salae et plurium aliorum locorum atque Chelmi comes, см. Lucius „De regno Dalmatiae et Croatiae". l. v. c. 3.

*

они попали. Безъ сильной поддержки извнѣ они не могли ни образовать своего самостоятельнаго государства, ни примкнуть къ образовавшемуся уже православному Сербскому королевству. То же самое было и въ Захолмьѣ. И здѣсь католики и патарены замѣнили часть прежняго православнаго населенія. Разница въ сравненіи съ Босною заключалась только въ томъ, что въ Захлумьѣ еще держалась православная каѳедра, учрежденная еще преподобнымъ Саввою, и не было особой католической епископіи; но этотъ последній недостатокъ съ успѣхомъ восполнялся близостью католическихъ епархій въ Далматинскомъ приморьѣ, въ Сплѣтѣ, Стонѣ и Дубровникѣ. Вообще со стороны Адріатическаго побережья латинская пропаганда велась весьма дѣятельно и грозила серьезно сербскимъ областямъ. Находившіеся въ предѣлахъ сербскаго племени далматинскіе города Дубровникъ и Которъ, въ XIV вѣкѣ значительно ославянившіеся, принадлежали міру католическому.

Это болѣе или менѣе значительное распространеніе латинской вѣры въ западныхъ сербскихъ областяхъ составляло обстоятельство, имѣвшее весьма важное вліяніе на ихъ дальнѣйшую судьбу. Оно не только вносило духовный, внутренній разладъ въ самый народъ, но и служило путеводною нитью къ утвержденію фактической власти Запада надъ сербскою народностью, какъ она уже давно утвердилась надъ Хорватами. Вмѣстѣ съ этою религіозною рознью и всѣ другія внутреннія и государственныя отношенія въ Боснѣ и Захолмьѣ за это продолжительное время обособленной жизни получили свои особыя черты, которыя не могли не затруднять сліянія сѣверо-западныхъ областей съ юго-восточными. Важнѣйшею изъ такихъ чертъ было сильное развитіе здѣсь боярства. Боснійское и захлумское боярство въ силу особыхъ политическихъ условій, въ которыхъ оказались западныя сербскія земли, пріобрѣло себѣ еще бо̀льшую силу и значеніе, чѣмъ боярство въ Сербскомъ королевствѣ, также пользовавшееся немалымъ вліяніемъ. Благодаря частой смѣнѣ правителей Босны и Захолмья, иногда принадлежавшихъ чужой, не сербской народности, бояре здѣсь успѣли образовать крѣпкое сословіе, съумѣвшее обособить свои выгоды и стремленія. Они играютъ главную роль въ политической жизни страны; они собственно вѣдаютъ все управленіе въ ней;

они помогають искателямъ престола, выставляютъ имъ соперниковъ и выдѣляютъ изъ себя нѣсколько родовъ, представители которыхъ являются полунезависимыми и богатѣйшими землевладѣльцами. (Таковы напр. были извѣстные впослѣдствіи - Санковичи, Яблановичи, Храничи и др.). Такимъ образомъ Босна и Захолмье, и между собой не имѣвшія тѣсной политической связи, не представляли и каждая въ отдѣльности крѣпко сплоченнаго государственнаго тѣла. Объединителю сербскихъ земель здѣсь приходилось имѣть дѣло не только съ баномъ, но и съ сильнымъ боярствомъ, не сочувствовавшимъ самодержавной власти краля. Не лишено значенія и то обстоятельство, что тѣсныя связи и сношенія съ Западомъ наложили свою печать на многія явленія внутренней жизни западныхъ сербскихъ областей. Это вліяніе сказывалось и въ образованности, и въ формахъ быта, и въ обычаяхъ проникавшихъ сюда вмѣстѣ съ латинствомъ, что все шло въ разрѣзъ съ византійскимъ вліяніемъ, подъ которымъ главнымъ образомъ находились земли Сербскаго королевства.

Принадлежавшіе сербскому племени острова — Брачъ, Хваръ, Млитъ и Корчула, какъ уже замѣчено, давно отошли подъ латинское господство. Здѣсь какъ и на всѣхъ почти островахъ Адріатики утвердилась власть Венеціи. Въ XIV в. эта республика снова старается возвратить утраченное было могущество и рѣшительно стремится подчинить себѣ приморскую Далмацію съ ея богатыми, торговыми городами—общинами, которая также какъ Хорватія и Захолмье числилась за угорской короной.

Въ политической зависимости отъ Венеціи и подъ сильнымъ культурнымъ ея вліяніемъ находился въ разсматриваемое время и самый важный, самый могущественный изъ далматинскихъ городовъ—Дубровникъ. Это маленькое оригинальное государство, помѣщавшееся въ предѣлахъ сербскаго племени, именно, въ юго-восточномъ углу Захолмья, постоянно увеличивая свою территорію сербскими землями, по составу населенія все болѣе становится славянскимъ. Ведя обширную торговлю въ значительной части Балканскаго полуострова, Дубровникъ поддерживаетъ самыя тѣсныя, живыя связи съ сосѣдними государствами—Босной и Сербскимъ королевствомъ и въ тоже время ревниво оберегаетъ противъ нихъ свою свободу,

которая однакожъ была уже значительно стѣснена Венеціей. Послѣдняя была озабочена не только внѣшнимъ подчиненіемъ себѣ Дубровника, но и ослабленіемъ его торговаго значенія. Венеціанскіе купцы были недовольны тѣмъ, что торговля во внутреннихъ земляхъ полуострова—т. е. въ Боснѣ, Сербіи и частью въ Болгаріи находилась главнымъ образомъ въ рукахъ Дубровчанъ и хотѣли и здѣсь также господствовать, какъ они господствовали въ приморскихъ—восточныхъ и западныхъ—частяхъ полуострова.

Таково въ главныхъ чертахъ было политическое бытіе сербскаго народа въ ту эпоху, когда начинается историческая дѣятельность Душана. Народъ сербскій все еще находился въ состояніи партикуляризма, разъединенности. Одна половина его уже составляла самостоятельное государство которое стремилось къ пріобрѣтенію внѣшняго могущества путемъ завоеваній на юго-востокѣ; а другая, распадаясь на нѣсколько частей, не имѣвшихъ одного общаго центра вела борьбу за свою національную самобытность и не выдерживая этой борьбы уже подпала иноплеменному политическому и культурному вліянію. Такимъ образомъ политическія задачи, какія ставила Душану, какъ преемнику Немани и Милутина вся предшествующая исторія сербскаго народа, были задачи весьма сложныя и трудныя. Съ одной стороны ему былъ указанъ путь къ завоеваніямъ на юго-востокѣ, на счетъ другихъ народностей полуострова, а съ другой предстояло спасать западныя сербскія земли и нести знамя освобожденія еще далѣе къ родственнымъ Хорватамъ. Послѣдующія событія, наступившія уже послѣ Душана показали, которая изъ этихъ двухъ задачъ наиболѣе соотвѣтствовала истиннымъ потребностямъ и интересамъ тогдашняго Югославянства и какъ таковая нуждалась въ скорѣйшемъ осуществленіи. Стефанъ же Душанъ сосредоточилъ все свое вниманіе на первой изъ нихъ. Онъ явился продолжателемъ скорѣе Милутина, чѣмъ Немани. Слишкомъ мало думая о спасеніи западныхъ сербскихъ областей, онъ задался величавымъ планомъ завоеванія Византійской имперіи и соединенія съ нею своего королевства и выполненію этого плана посвятилъ всю свою дѣятельность.

Тутъ естественно возникаетъ вопросъ: насколько же подъ силу была эта исполинская задача еще молодому королевству? Такимъ

образомъ является необходимость представить здѣсь, насколько позволяютъ источники, очеркъ внутренняго состоянія Сербіи при вступленіи на престолъ Душана. Въ этой области остается еще много темнаго, неразъясненнаго, еще ожидающаго обнародыванія новыхъ матеріаловъ и появленія особыхъ, частныхъ изслѣдованій. Для своей цѣли мы считаемъ достаточнымъ ограничиться здѣсь сообщеніемъ самыхъ общихъ и наиболѣе важныхъ чертъ и неподлежащихъ никакимъ сомнѣніямъ фактовъ.

Мы намѣтили уже предѣлы Сербскаго королевства около 1331 г. Занимая сплошную полосу земли въ срединѣ полуострова, между Дунаемъ и Адріатическимъ моремъ, оно въ пространственномъ отношеніи не много превосходило сосѣднее Болгарское царство, заключавшее въ себѣ Дунайскую Болгарію и Забалканскія земли по линію: Средняя-Гора-Эски-Загра-Анхіалъ. Но оно значительно отличалось отъ своего сосѣда разнообразіемъ своихъ этнографическихъ и политическихъ элементовъ. Населеніе въ Сербіи было менѣе однородно, чѣмъ въ Болгаріи. Сербскій народъ численно господствовалъ только въ коренныхъ областяхъ Сербскаго королевства. Земли же, пріобрѣтенныя завоеваніемъ, и лежавшія за Болгарской Моравой и на югъ отъ Пологa и Зеты были заселены главнымъ образомъ другими народностями: съ одной стороны Болгарами — народностью, хотя и весьма близкою къ Сербамъ, но тянувшею къ своему политическому центру, съ другой Албанцами и Греками (въ Албаніи, въ городахъ Македоніи) живо помнившими свою непосредственную связь съ Византіей. Сербская колонизація въ Албаніи, Македоніи и за Моравой была еще весьма незначительна.

Въ самыхъ сербскихъ областяхъ королевства были довольно сильны инородческіе этнографическіе элементы. Тутъ нужно упомянуть прежде всего Влаховъ, т. е. остатки романизованнаго туземнаго населенія, которое застали Славяне на полуостровѣ. Въ довольно значительномъ числѣ, подъ различными названіями (Цинцары, Куцовлахи) они и теперь сохраняются какъ въ другихъ частяхъ полуострова, такъ и въ княжествѣ Сербскомъ. Въ средніе вѣка ихъ было гораздо болѣе. По сохранившимся грамотамъ удостовѣрено для XIV в. значительное распространеніе этого элемента въ предѣлахъ такъ называемой Старой Сербіи. Душанъ въ своемъ

Законникѣ говоритъ о Влахахъ какъ особой народности. Подобно Албанцамъ, Влахи занимались преимущественно скотоводствомъ, почему ихъ имя, также какъ имя Албанца стало тождественнымъ съ обозначеніемъ пастуха. Эта народность находилась въ подчиненномъ, приниженномъ положеніи въ отношеніи сербской, но была близка къ ней по вѣрѣ, ибо исповѣдывала тоже греко-восточное православіе, что̀ и сербская. Рядомъ съ этимъ элементомъ стоялъ другой—пришлый и иновѣрный.

Земли Сербскаго королевства, какъ извѣстно, щедро надѣлены разнообразными дарами природы. Изъ нихъ въ средніе вѣка особенно славились горныя богатства. Золото, а особенно серебро, олово, мѣдь, желѣзо сербскихъ (Копаоникъ, Рудникъ, Ново-Брдо) и боснійскихъ рудниковъ (Крешево, Сребрница, Зворникъ) издавна уже стали привлекать къ себѣ вниманіе иноземныхъ предпринимателей и купцовъ. Въ XIII и XIV в. эти предприниматели съ двухъ сторонъ устремляются въ Сербію: изъ Угріи переселяются нѣмецкіе рудокопы, получающіе у мѣстныхъ славянскихъ жителей имя Саксовъ (Саси); изъ далматинскихъ городовъ—Котора, Сплѣта, Трогира, Задра и особенно изъ Дубровника—купцы-капиталисты и мелкіе торговцы. Дубровчане въ первой половинѣ XIV в. держатъ въ своихъ рукахъ почти всю торговлю Сербіи и Босны. Не смотря на значительную степень ославяненія Дубровника къ этому времени, представители его старинныхъ торговыхъ фирмъ и аристократія крѣпко держались римско-итальянской культуры и латинской церкви. Вмѣстѣ съ Саксами и другими иноземцами, между которыми были и Венеціанцы, и разные итальянскіе купцы, Дубровчане имѣли колоніи во всѣхъ городахъ и значительныхъ мѣстечкахъ Сербіи. Многіе изъ городовъ обязаны были если не своимъ происхожденіемъ, то главнымъ населеніемъ—этимъ иноземцамъ. Такъ—*Рудникъ* (въ горахъ Рудникъ), *Трепче* (въ одной мили на сѣверо-востокъ отъ Вучитрна) знаменитые своими серебрянными рудниками и *Новое Брдо* (на юго-востокъ отъ Приштины) — одинъ изъ самыхъ богатыхъ и населенныхъ городовъ внутри всего полуострова, имѣли вполнѣ иностранный, латинскій характеръ. Какъ эти, такъ и другіе меньшіе горнозаводскіе города состояли изъ укрѣпленнаго замка (cittade, castello) расположеннаго на возвышенности, и

прилегавшей къ нему торговой части. Замокъ служилъ на случай обороны, а торговая часть представляла собою длинные ряды деревянныхъ домиковъ, принадлежавшихъ купцамъ, ремесленникамъ и мастерамъ почти исключительно изъ Саксовъ и Дубровчанъ. Они носятъ или нѣмецкое названіе purgari (Bürger) или итальянское—borghesani. Управленіе городами этими принадлежало не столько мѣстному владѣльцу — сербскому властелю, сколько сильнѣйшимъ представителямъ колоніи. Сами колонисты, обыкновенно — Дубровчане, были и сборщиками всякихъ торговыхъ пошлинъ, сдававшихся кралемъ имъ на откупъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они занимались своими промыслами и торговыми дѣлами. Кромѣ трехъ указанныхъ, самыхъ главныхъ, пунктовъ иностраннаго населенія по всему королевству было разбросано много мѣстечекъ, изображавшихъ собою ничто иное, какъ колоніи Саксовъ и Дубровчанъ. Вотъ важнѣйшія изъ нихъ: *Плана* (близъ Студеницы, на правомъ берегу Ибара), *Ковачи* (на востокъ отъ Планы), *Копоричи* (на южной сторонѣ Копаоника, въ долинѣ верхней Топлицы), *Остроци* (на юго-западъ отъ Копаоника), *Брвеникъ* (при сліяніи Брвеницы съ Лабой), *Янево* (на югъ отъ Приштины) *Брсково* и *Преполье* (на верховьяхъ р. Лима). Въ каждой такой колоніи былъ „латинскій консулъ"—блюститель ея интересовъ передъ мѣстными правителями. Въ каждой, самой маленькой изъ нихъ, была по крайней мѣрѣ одна католическая церковь. Всѣ эти латинскія церкви въ XIV в. были подчинены которскому епископу. Сербскіе правители высоко цѣнили пользу этихъ пришлыхъ колонистовъ для экономическаго развитія своей стороны и оказывали имъ всевозможное покровительство. И Саксы, и Дубровчане пользовались бо́льшими правами и привилегіями. Такъ иноземцамъ-рудокопамъ позволялось безпрепятственно рубить лѣса и распространять свои колоніи всюду, гдѣ предполагались минеральныя богатства. Какъ они, такъ и Дубровчане освобождались отъ многихъ государственныхъ повинностей, имѣли свое самоуправленіе, свой судъ и проч. Сербское населеніе мало сближалось съ этими пришельцами. Оно относилось къ нимъ съ недовѣріемъ, видя въ нихъ противниковъ своей вѣры—„Латинянъ". Притомъ послѣдніе, пользуясь своимъ привиллегированнымъ положеніемъ въ странѣ, на первомъ планѣ ставили свои выгоды и

ради ихъ не стѣснялись эксплоатировать мѣстное населеніе. Они стремились къ захвату въ свои руки всей экономической производительности государства. Отсюда становятся понятными встрѣчающіяся въ источникахъ жалобы дубровницкихъ купцовъ сербскимъ государямъ на грабежи и притѣсненія, коимъ подвергаются въ Сербіи ихъ сограждане. Отсюда же объясняется и попытка Душана ограничить права Саксовъ — рудопромышленниковъ и всѣхъ вообще живущихъ въ Сербіи „Латинянъ", нашедшая свое выраженіе въ Законникѣ.

Съ разнородностью населенія въ королевствѣ соединялась неодинаковость государственнаго устройства его составныхъ частей. Сербское государство создавалось, какъ мы видѣли, завоеваніемъ. Присоединяя къ своимъ кореннымъ землямъ другія сосѣднія, сербскія и несербскія земли, Неманичи повидимому ограничивались заключеніемъ съ покоряемыми общинами или правителями договоровъ, на основаніи которыхъ оставляли общинѣ или правителю ихъ прежнія права и налагали на нихъ обязанность платить извѣстную дань и доставлять войско. Но если и въ сербскихъ областяхъ вслѣдствіе ихъ продолжительной обособленной жизни устройство селъ, общинъ, жупъ, нужно думать, не было совсѣмъ одинаково, то въ земляхъ, завоеванныхъ отъ Болгаріи и Византіи это разнообразіе было еще больше. Между тѣмъ ни одинъ изъ кралей—до Душана, сколько извѣстно, не позаботился придать управленію болѣе однообразія. Въ началѣ XIV в., вслѣдствіе усиленія латинскихъ колонистовъ и недальновидной внутренней политики самихъ кралей, государственное устройство Сербіи обнаруживаетъ отсутствіе строго опредѣленной системы. Послѣдняя не успѣла еще сложиться, а направленіе, по которому она начинала развиваться, не предсказывало ему прочности и для будущаго.

Село, заселькъ, катунь, градъ, жупа—вотъ единицы государственнаго быта Сербіи, находимыя въ памятникахъ XIV в. Жупа утратила уже значеніе области болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ, какое имѣла до XIII в. Теперь подъ этимъ терминомъ обыкновенно разумѣется округъ, состоящій изъ нѣсколькихъ селъ. Число городовъ значительно увеличилось. Притомъ они не только играютъ роль административныхъ и военныхъ центровъ для жупъ, но

и имѣютъ свое спеціальное значеніе—торговыхъ и промышленныхъ пунктовъ. Но и города, и жупы пользуются самымъ разнообразнымъ управленіемъ, стоятъ въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ къ верховному главѣ государства—кралю. Такъ вышеупомянутые города, населенные Саксонцами и Дубровчанами пользовались своимъ широкимъ самоуправленіемъ, въ которомъ представитель королевской власти принималъ весьма слабое участіе. Но были и почти совсѣмъ независимые, также „латинскіе" города. Это—далматинскія общины Баръ, Которъ, Ульчинъ, Лешъ и Будва, нынѣ представляющія жалкій видъ ничтожныхъ городковъ, а въ XIV в. и позже имѣвшія важное торговое значеніе на Адріатикѣ. Онѣ пользовались такимъ же городовымъ устройствомъ, какое было и въ другихъ городахъ Далмаціи, и на основаніи жалованныхъ грамотъ сербскихъ кралей сохраняли это устройство и съ признаніемъ верховной власти Сербіи. Наконецъ, въ королевствѣ были старые греческіе города, завоеванные у Болгаріи и Византіи, каковы напр. Нишъ, Призрѣнъ, Приштина, Скопія Здѣсь также, вѣроятно, были оставлены старые порядки, но высшее управленіе вѣдали ближайшіе довѣренные люди краля. Города эти были любимыми столицами сербскихъ государей.

Трудно опредѣлить съ точностью, какіе именно города стояли въ тѣсной связи съ жупами, служили для нихъ административнымъ центромъ и какіе сами по себѣ представляли государственныя единицы, имѣвшія свое особое управленіе. Равнымъ образомъ, невозможно на основаніи извѣстныхъ доселѣ данныхъ разграничить всѣ жупы и области, на которыя было раздѣлено королевство, а также и отмѣтить особенности этого областнаго, жупнаго устройства въ разныхъ частяхъ государства соотвѣтственно ихъ различію въ этнографическомъ отношеніи. Несомнѣнно вѣрно лишь то, что большихъ жупанствъ — областей не существовало. Въ данное время въ Сербіи господствовала административная раздробленность. Краль, смотрѣвшій на себя какъ на самодержавнаго государя, управлялъ мелкими государственными единицами, изъ которыхъ состояло королевство, т. е. жупами и городами двоякимъ образомъ. Надъ одними изъ нихъ стояли королевскіе намѣстники—„кефаліи", „владалци градски", жупаны, челники. Они назначались

на срокъ и именемъ краля обороняли ввѣренную мѣстность противъ непріятеля, собирали дань и различные поборы, судили и проч. Отношеніе ихъ къ населенію управляемаго города или жупы опредѣлялось отчасти королевскими грамотами, отчасти обычаями, которыми особенно ревниво отстаивался принципъ общиннаго самоуправленія. Другими же городами, общинами и жупами правили властели по праву собственности. Они дѣйствовали отъ своего имени, собирали доходы на себя и передавали свою власть наслѣдственно дѣтямъ. Подчиненіе ихъ кралю состояло въ томъ, что они платили ему извѣстную дань и выставляли по его требованію войско. Такія полунезависимыя владѣнія, какъ и всякая другая недвижимая собственность, назывались *баштинами*. Происхожденіе баштины относится къ весьма старому времени. Весьма вѣроятно, что уже при собираніи сербскихъ земель Неманею, нѣкоторыя изъ мелкихъ жупанствъ стали баштинами. Съ теченіемъ времени число ихъ начало быстро увеличиваться, ибо сами крали, занятые постоянными войнами охотно раздавали своимъ властелямъ земли въ собственность, облегчая тѣмъ для себя управленіе ими. Ко времени Душана этотъ послѣдній способъ управленія становился господствующимъ. Временные намѣстники, королевскіе люди постепенно исчезали; на мѣсто ихъ все болѣе появлялось властелей-баштинниковъ.

Отсюда сами собою открываются отрицательныя черты государственнаго устройства Сербіи въ пред-Душановскую эпоху. Въ королевствѣ существовали уже зародыши столь несвойственнаго духу славянскихъ народовъ феодализма и вытекающихъ изъ послѣдняго явленій: господства дворянскаго или боярскаго сословія и порабощенія народной массы.

Краль, верховный глава государства, находился въ большой зависимости отъ многочисленнаго, сильнаго сословія—бояръ. Имѣя въ своихъ рукахъ фактическую власть въ странѣ послѣдніе являются главными двигателями ея политической жизни. Судьбы короля и народа въ ихъ распоряженіи. На соборахъ, которые созываетъ краль для рѣшенія дѣлъ, касающихся всего государства присутствуютъ только бояре-властели и духовенство. При кралѣ властели составляютъ нѣчто въ родѣ постояннаго совѣта. Нерѣдко

Неманичи въ домашнихъ источникахъ являются исполнителями воли бояръ. Властели же всегда — главные дѣятели въ кровавыхъ драмахъ и переворотахъ, которыми переполнена исторія дома Неманичей. Душанъ застаетъ бояръ уже сплоченнымъ, вполнѣ сформировавшимся сословіемъ. Они раздѣляются на великихъ и малыхъ, властелей и властеличищъ и ревниво оберегаютъ уже пріобрѣтенныя права.

Простой народъ, поселяне, самый многочисленный классъ населенія, съ принятіемъ на сербской почвѣ началъ феодализма, оказывается въ весьма незавидномъ положеніи. Онъ униженъ властельскимъ сословіемъ; человѣческое достоинство поселянина ставится ниже достоинства властелина, что ясно выражено въ законникѣ Душана въ назначеніи неравномѣрныхъ наказаній за одинаковыя преступленія. Этотъ классъ и составляющій собственно народъ лишенъ права голоса въ дѣлахъ государственныхъ; онъ не участвуетъ въ земскомъ соборѣ. Число свободныхъ поселянъ, такъ называемыхъ „себровъ", жившихъ на своей землѣ и пользовавшихся стариннымъ общиннымъ самоуправленіемъ, значительно уменьшилось. Взамѣнъ того явился многочисленный классъ людей зависимыхъ: меропховъ, сокальниковъ, кметовъ, которые сидятъ на земляхъ, принадлежащихъ кралю, властелямъ и церкви. Большая часть этихъ поселянъ не имѣютъ прямаго отношенія къ государственной власти. Они платятъ подати и справляютъ барщину въ пользу владѣльцевъ земли, на которой живутъ и которую обрабатываютъ, а тѣ ими управляютъ, ихъ судятъ. Впрочемъ большею частью эти зависимые люди сохраняютъ право перехода, переселенія отъ одного землевладѣльца къ другому. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ XIV в. находимъ ясныя указанія на закрѣпощеніе народа. Властели, становясь баштинниками, перенося на себя права государственной власти, начинаютъ тѣснить зависящихъ отъ нихъ поселянъ и наконецъ добиваются прикрѣпленія ихъ къ землѣ. Такимъ образомъ мы застаемъ сословіе отроковъ, людей лишенныхъ права свободнаго перехода. Въ сербскихъ жалованныхъ грамотахъ первой половины XIV в. нерѣдко говорится о людяхъ, какъ о прочихъ принадлежностяхъ селъ. Наконецъ въ Сербіи были и рабы, т. е. люди безусловно лишенные личной свободы.

Кромѣ властелей большимъ значеніемъ и вліяніемъ въ Сербіи пользовалось духовенство, особенно высшее. На земскомъ соборѣ оно было непремѣннымъ представителемъ, занимало первыя мѣста. Архіепископъ принималъ серьезное участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Церковное устройство, начало которому положено св. Саввой, было поставлено въ Сербіи широко. При Стефанѣ Дечанскомъ въ королевствѣ было 15 епископій и митрополій, подвѣдомственныхъ печскому архіепископу. Вся страна усѣяна множествомъ церквей и монастырей (особ. замѣчат. Студеница, Жича, Милешево, Дечаны, Печь). Крали сербскіе и властели отличались благочестіемъ и усиленно благотворили церкви. Сербскія церкви и монастыри владѣли огромною поземельною собственностью. На церковныхъ земляхъ жили массы меропховъ и отроковъ.

Сельскій людъ былъ главной тягловой, податной силой государства. Кромѣ земельной подати—„*сока*" и барщины, которую несли меропхи и отроки, было много государственныхъ повинностей, какъ „приселица" (постойная пов.), „псарь", „соколарь", „градозиданіе" и проч. Властели вносили только „сокъ", который, конечно сбирали со своихъ крестьянъ; главная, лежавшая на нихъ повинность—была воинская. Войско выставлялось боярами-властелями, которые набирали его изъ своихъ людей. При господствующей наклонности значительной части сербскаго народа къ мирнымъ земледѣльческимъ и пастушескимъ занятіямъ, военныя дружины, повидимому не легко составлялись. Своего войска не всегда бывало достаточно. Крали держатъ при себѣ наемные отряды изъ иноземцевъ. У Милутина служатъ Татары и Турки подъ начальствомъ Мелекаля; у Стефана Дечанскаго—Итальянцы, навербованные Дубровчанами; у Душана мы увидимъ наемныхъ Германцевъ. Войско сербское состояло изъ пѣхоты и конницы, и было хорошо вооружено.

Экономическая производительность королевства была въ цвѣтущемъ положеніи, но она эксплоатировалась иноземцами. Почти вся сербская торговля, какъ уже замѣчено, находилась въ чужихъ рукахъ. Торговыя пошлины составляли одну изъ самыхъ важныхъ статей дохода края. На богатую казну краля и властелей, между прочимъ, указываетъ масса великолѣпныхъ построекъ — церквей,

монастырей и дворцовъ, воздвигаемыхъ въ правленіе кралей Милутина и Стефана Дечанскаго. Оказываются значительныя средства и сокровища для церковнаго благотворенія не только въ предѣлахъ своего государства, но и въ дальнихъ центрахъ православія—на Аѳонѣ, въ Царградѣ и Палестинѣ. Это матеріальное довольство и благосостояніе высшаго сербскаго сословія, конечно, составляло рѣзкій контрастъ съ угнетеннымъ, бѣдственнымъ положеніемъ безправнаго простаго народа.

Въ культурномъ отношеніи Сербское королевство въ данное время находится подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи. Вліяніе это началось издавна, съ самаго поселенія Славянъ, образовавшихъ сербскую народность, въ предѣлахъ имперіи, а особенно съ принятія ими христіанства. Со времени основанія Сербами самостоятельнаго государства оно не только не уменьшилось, а усилилось. Сербскіе крали состояли нерѣдко въ родствѣ съ византійскимъ императорскимъ домомъ; греческія царевны приносили съ собою въ Сербію византійскіе обычаи и порядки, византійскую образованность. Стремленіе Сербовъ къ завоеваніямъ на юго-востокѣ, и пріобрѣтеніе ими части Македоніи и Албаніи, гдѣ мѣстами, особенно въ городахъ, встрѣчалось греческое поселеніе, открывало имъ возможность ближайшаго ознакомленія съ византизмомъ. Но болѣе всего тѣснымъ, живымъ общеніемъ съ Византіей — этимъ вселенскимъ городомъ, сербскій народъ обязанъ своей церкви, своему духовенству. Значительная часть представителей послѣдняго была греческаго происхожденія или же получила византійское образованіе. Въ этомъ отношеніи особенно важную роль игралъ Аѳонъ—общая святыня всего греко-славянскаго міра. Знаменитая сербская Хиландарская лавра, находившаяся въ постоянныхъ близкихъ сношеніяхъ съ остальными аѳонскими греческими монастырями, служила одновременно и главною школою, откуда выходили пастыри церкви на все королевство, и если не единственнымъ, то самымъ важнымъ центромъ сербской литературы и письменности. Въ то время, о которомъ мы теперь говоримъ, она дала сербскому народу извѣстнаго Даніила II, послѣдняго архіепископа сербскаго (1323—1337) и автора т. н. „Цароставника“ или „Родослова“, т. е. сборника (или части его) житій сербскихъ

кралей и архіепископовъ. Весьма любопытно было бы изслѣдовать всѣ проявленія византійскаго вліянія на сербскій бытъ и образованность. Такой трудъ до сихъ поръ еще не сдѣланъ и едва ли еще возможенъ въ настоящее время: для него требуется еще не мало подготовительныхъ работъ. Во всякомъ случаѣ, въ началѣ XIV в. это вліяніе сказывалось уже весьма осязательно: его можно прослѣдить и въ экономическо-соціальномъ устроѣ королевства, напр. въ податной системѣ, и въ обычаяхъ и должностяхъ королевскаго двора, и въ законодательствѣ свѣтскомъ и духовномъ, и въ литературѣ, и въ искусствѣ (архитектура, живопись) однимъ словомъ во всемъ томъ, что принято включать въ понятіе образованности. Мы не можемъ здѣсь касаться и другаго не менѣе любопытнаго вопроса—о свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ этого вліянія; онъ также требуетъ своего спеціальнаго внимательнаго изученія. Намъ приходится только еще разъ повторить, что въ данную эпоху Сербское королевство, несмотря на свою политическую независимость, въ культурномъ отношеніи отражало въ себѣ сильное воздѣйствіе византійскихъ началъ. Ничего особенно замѣчательнаго, отличающагося оригинальностью, цѣльностью, сербскій народъ не успѣлъ еще выработать; для этого ему не хватало силъ, именно вслѣдствіе его раздробленности.

На ряду съ этимъ сильнымъ, вполнѣ понятнымъ и естественнымъ, вліяніемъ византійскимъ въ Сербское королевство успѣло уже проникнуть и другое вліяніе — западное, „латинское". Оно шло сюда, какъ уже сказано, со стороны Угріи и Адріатическаго приморья вмѣстѣ съ нѣмецкими, итальянскими и далматинскими купцами, ремесленниками и промышленниками. Большинствомъ населенія королевства (Сербами, Болгарами, Влахами, Греками), это вліяніе встрѣчалось не съ сочувствіемъ, но тѣмъ не менѣе, благодаря настойчивости и умѣнью его проводниковъ, оно все глубже пускало корни на свѣжей, еще рыхлой славянской почвѣ. Главнымъ образомъ оно сказывалось въ усиленной пропагандѣ католицизма. Число католическихъ церквей въ Сербіи было весьма значительно. Въ Призренѣ, любимой столицѣ будущаго сербскаго царя Душана, ихъ было двѣ. Это вторженіе западныхъ началъ, „латинства", въ молодое, еще не вполнѣ сформировавшееся сла-

вянское государство заслуживаетъ вниманія, ибо и здѣсь оно могло имѣть значеніе подготовительнаго средства для осуществленія исконныхъ властолюбивыхъ стремленій Запада въ отношеніи Востока, что̀ въ свою очередь необходимо имѣть въ виду, дабы составить ясное понятіе о внѣшнемъ и внутреннемъ положеніи Сербскаго королевства въ разсматриваемое время. Въ первомъ выпускѣ своихъ изслѣдованій, посвященномъ Византіи, мы привели уже факты, изъ которыхъ видно, что антагонизмъ и вражда между міромъ западнымъ — латино-германскимъ и міромъ восточнымъ — греко-славянскимъ, столь обострившіеся въ началѣ XIII вѣка, не прекратились, да и не могли прекратиться въ XIV вѣкѣ. Изъ дальнѣйшаго нашего изслѣдованія читатель получитъ возможность убѣдиться, что въ умахъ Запада въ отношеніи Сербскаго народа и Сербскаго государства господствовало тоже враждебное настроеніе, какое проявлялось въ отношеніи Грековъ и Византіи; и противъ Сербіи, какъ члена все того же ненавистнаго восточно-православнаго міра строились подобные же коварные планы завоеванія и порабощенія, какіе уже не разъ были приложены въ отношеніи верховной главы этого міра. Здѣсь въ подтвержденіе своего положенія мы считаемъ достаточнымъ ограничиться приведеніемъ весьма характерной выписки изъ любопытнаго сочиненія французскаго путешественника по Востоку, аббата Брокара, ближайшаго современника занимающей насъ эпохи, человѣка весьма умнаго и близко знакомаго съ Востокомъ. Сочиненіе это, носящее въ латинскомъ оригиналѣ заглавіе „Directorium ad passagium faciendum ultra mare“ написано въ 1332 году и, слѣдовательно, прямо относится къ тому времени, о которомъ мы теперь говоримъ. Приводимъ эту выписку въ заключеніе настоящей главы тѣмъ охотнѣе, что она можетъ служить поясненіемъ и дополненіемъ къ предложеннымъ нами общимъ замѣчаніямъ о состояніи Сербскаго королевства предъ началомъ дѣятельности Душана. Если и принять во вниманіе, что сочиненіе Брокара не лишено извѣстной тенденціозности, и что авторъ, быть можетъ, намѣренно преувеличиваетъ слабость Сербскаго королевства, тѣмъ не менѣе сущность изложеннаго имъ взгляда на положеніе дѣлъ въ Сербіи остается вѣрною. Въ общемъ оно было дѣйствительно не блестяще. Возвышеніе

королевства было возвышеніе условное; оно объясняется прежде всего благопріятными внѣшними обстоятельствами; внутри себя оно носило слишкомъ мало задатковъ прочности и силы.

Поставивъ задачею своего труда—склонить французскаго государя Филиппа VI Валуа къ снаряженію новаго крестоваго похода на Востокъ, Брокаръ доказываетъ ему необходимость завоеванія Византіи и Сербскаго королевства, при чемъ даетъ слѣдующее описаніе послѣдняго: „Въ Сербіи, говоритъ Брокаръ, нѣтъ укрѣпленныхъ городовъ, окруженныхъ рвами и стѣнами; дома и дворцы какъ короля, такъ и бояръ выстроены изъ дерева; нигдѣ я не видѣлъ каменнаго дома или дворца, кромѣ латинскихъ городовъ, что̀ стоятъ при морѣ. Это государство изобилуетъ хлѣбомъ, виномъ и скотомъ, богато потоками, ключами и рѣками; въ немъ есть и лѣса, и горы, и равнины, и долины; вкороткѣ: все, что есть тамъ, все прекрасно, особенно въ странѣ, прилегающей къ морю. Въ Сербіи пять золотыхъ рудниковъ и столько же серебряныхъ, въ которыхъ непрестанно работаютъ рудокопы; кромѣ того есть смѣшанные золото-серебряные рудники — въ различныхъ мѣстахъ. Лѣса также превосходны. Кто овладѣетъ этой землей, тотъ пріобрѣтетъ драгоцѣннѣйшее сокровище нынѣшняго вѣка. Это государство легко завоевать, ибо въ немъ живутъ два народа: одинъ Арбанасы, другой Латины, и оба повинуются латинской церкви. Латины имѣютъ шесть городовъ и столько же епископій. Первая называется Баръ, гдѣ пребываетъ архіепископъ; затѣмъ идутъ: Которъ, Ульчинъ (Ольгунъ), Свачъ, Скадаръ, и Дивра; всѣ живущіе здѣсь горожане суть Латиняне. Во всѣхъ этихъ епархіяхъ есть и Арбанасы, которые имѣютъ также и своихъ четыре города: Великій и Малый Пулатъ, Саву и Албанъ, и всѣ они, какъ и жители названныхъ шести латинскихъ городовъ подчинены архіепископу Барскому. Нужно и то также знать, что Арбанасы говорятъ другимъ, отличнымъ отъ латинскаго языкомъ, но книги имѣютъ латинскаго письма. Арбанасы довольно сильное племя: могли бы выставить на боевое поле болѣе 15,000 всадниковъ; одѣваются они по обычаю своей земли, весьма храбры и прекрасные воины. Оба народа, Латины и Арбанасы, находятся подъ невыносимо тяжелымъ ярмомъ гнуснаго и отвратительнаго славянскаго владыче-

ства. По истинѣ это — порабощенные народы; духовенство ихъ угнетено, епископы и аббаты заточаются въ темницы, церкви закрываются, монастыри разоряются. Всѣ они и каждый изъ нихъ готовы пожертвовать своей силой и кровью противъ упомянутыхъ Славянъ; всѣ они желаютъ, чтобы пришелъ къ нимъ кто-либо изъ французскихъ принцевъ, и принялъ надъ ними предводительство противъ упомянутыхъ проклятыхъ Славянъ, враговъ правды и нашей вѣры. Воистину 1,000 французскихъ всадниковъ, да пять — шесть тысячъ пѣхоты, при помощи Арбанасовъ и Латинянъ овладѣли бы этой державой, какъ она ни велика" [1]).

---

[1]) Monuments pour servir à l'historie des provinces de Namur, de Hainaut et de Luxenburg. Tome IV. Bruxelles, 1846, p. 423—425.

Перечень важнѣйшихъ источниковъ и пособій, которыми воспользовался авторъ при составленіи настоящей главы:

Источники:

1) **Византійскіе лѣтописцы:** Константинъ Порфирородный, Іоаннъ Скилица, Георгій Кедринъ, Іоаннъ Зонара, Анна Комнина, Іоаннъ Киннамъ, Никита Хонскій, Георгій Акрополитъ, Пахимеръ, Никифоръ Григора, Іоаннъ Кантакузинъ (Боннск. изд.).

2) **Сербскія лѣтописи:** а) въ изданіи Шафарика — Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův. Vydáné druhé. v Praze 1873; б) въ изд. *Гласник српског ученог друштва* кн. I, V, X, XI, XXI, XXXII, XXXV. в) *Дуклянская лѣтопись* изд. Črnčića. Popa Dukljanina Letopis po latinsku i toga nekoliko još nešto po hrvatsku. 1874.

3) **Сербскія житія:** а) Житіе свв. Симеона и Саввы—въ изд. Шафарика (Památky) и Даничича: Живот св. Саве и Симеуна; б) Житіе Стефана Дечанскаго — *Гласник* XI, и *Arkiv za povjestnicu jugoslavensku* кн. IV; в) Животи краљева и архиепископа српских написао Архиепископ Данило и други, на свијет издао Ђ. Даничић. У Загребу 1866. См. также Домаћи извори за српску историју, уредио Иван Павловић: Житиа краль срьбьскыихь. 1877.

4) Хроника Ѳомы Сплѣтскаго: Historia Salonitana въ изд. Швандтнера Scriptores rerum Hungaricarum. T. III.—Хроника Михи Мадія „De gestis Romanorum imperatorum et pontificum summorum. Швандтн. T. III.

5) **Дубровницкіе лѣтописцы:** а) Отрывки лѣтописей въ кн. Макушева: Объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. Спб. 1867. б) Seraf. Razzi La storia di Raugia scritta nuovamente in tre libri. In Lucca. 1595.

в) Mauro Orbini Il regno degli Slavi. Pesaro. 1601. г) Giacomo di Pietro Luccari Copioso ristretto degli annali di Rausa libri XI In Venetia. 1605. д) Giugno Resti Chroniche di Ragusa—неиздан. По рукописи, сообщенной проф. В. И. Ламанскимъ.

6) **Венеціанскіе лѣтописцы:** а) Iohannis Chronicon Venetum (Pertz VII). б) Andr. Dandolo. Chronic. Venet. (Muratori Script. r. Italic. T. XII). в) Marino Sanuto Vite dei duchi di Venezia (Muratori XXII).

7) **Сербскія и греческія грамоты, хрисовулы и документы.** а) Карано-Твртковичъ Србскіи споменицы или старн рисовулѣ, диплоне, повелѣ и пр. Бѣлградъ. 1840. — б) Авраамовичъ. Описаніе древностій Србски у Светои Гори. У Београду 1847. — в) Миклошичъ Monumenta Serbica. Viennae. 1858. — г) Медо Пуцичъ Споменици Српски кн. II. 1863. — д) Шафарикъ Památky и пр. — е) Арх. Леонидъ Историческое описаніе сербской царской Лавры Хиландаря М. 1867.—ж) *Акты* русскаго на св. Аѳонѣ *монастыря св. Пантелеимона.* Кіевъ. 1873. — з) К. Н. Саѳа. Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη I. 1872. — і) *Аѳонскіе акты* и фотографическіе снимки съ нихъ въ *собраніяхъ* П. И. Севастьянова. Спб. 1880.—и) Отдѣльныя грамоты въ періодическихъ изданіяхъ: въ „*Гласникъ*" (кн. VII, XI, XIII, XV, XX, XXIV, XXVI, XXVII, XXXII); въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древностей,* въ *Запискахъ Акад. наукъ* (Т. III) и др.

8) **Латинскіе и итальянскіе документы:** а) *Венеціанскаго архива:* S. Ljubić Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium Vol. I, II III. Zagrabiae. 1868—1873. б) *Дубровницкаго архива:* Monumenta Ragusina. Zagrabiae. 1879. в) *Ватиканскаго архива:* Theiner Vetera monumenta Slavorum meridionalium historiam illustrantia. T. I. Romae. 1863. и Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia t. I. г) В. Макушева Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи.—Спб. 1872. д) Kukuljević-Sakcinski Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Vol. I. Zagrabiae. 1874. — е) Rački Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia. Zagrabiae. 1877. и *Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti.* Knj I.—ж) Fejer Codex diplomaticus Hungariae. з) Въ старыхъ сочиненіяхъ: Raynaldus. Annales ecclesiastici. Romae. 1646—1676; Farlati Illyricum Sacrum; Assemani Calendaria ecclesiae universae. Romae. 1755.

9) **Законникъ Стефана Душана.** По изданіямъ 1) Новаковича „Законик Стефана Душана цара српскōг". 1349 и 1354 у Биограду 1870; 2) Зигеля Законникъ Стефана Душана. Спб. 1872. и 3) по двумъ неизданнымъ спискамъ, найденнымъ В. И. Григоровичемъ и хранящимся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ.

10) Разнородные **сербско-хорватскіе историческіе и литературные памятники** преимущественно въ изданіяхъ: *Гласник српског ученог друштва, Starine* (изд. Югослав. Академ.), *Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, Српски Летопис* и др.

11) **Сербскія эпическія пѣсни** преимущественно въ изд. Вука Караджича и Петрановича.

Пособія:

Appendini. Notizie storico-critiche sulle antichità, storia e letteratura dei Ragusei. Ragusa. 1802.

Ami Boué. La Turquie d'Europe. Paris. 1848.

Blau Reisen in Bosnien und der Hertzegowina. Wien. 1877.

Bogišić. Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena. U Zagrebu 1874. — Pisani zakoni na slovenskom jugu. U Zagrebu 1872.

В. Г. Васильевскій. Изъ исторіи Византіи въ XII в. (*Слав. Сборн.* Т. II, III).

Голубинскій. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской. М. 1871.

В. И. Григоровичъ. Очеркъ путешествія по Европейской Турціи. 2-е изд. М. 1873. — О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ. Казань. 1859 г.

А. Ѳ. Гильфердингъ. Собраніе Сочиненій. Т. I, III. 1868—1873 г.

К. Я. Гротъ. Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербахъ и Хорватахъ. Спб. 1880.

Hahn. Albanesische Studien. — Reise von Belgrad nach Salonik — 2-te Ausgabe. Wien. 1868.—Reise durch die Gebiete des Drin und Wardar. Wien. 1869.

Даничић. Рјечник из књижевних старина српских у Биограду. 1868.

М. Дриновъ. Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. М. 1872. — Южные Славяне и Византія въ X в. М. 1875. (а также въ *Чтеніяхъ М. Об. Ист. и Др.* 1872 г. и 1875).

Dümmler. Aelteste Geschichte der Slaven in Dalmatien въ *Sitzungsberichte d. Acad. in Wien.* 1856.

Engel. Geschichte von Serbien und Bosnien. Halle. 1801.

W. Jagić. Historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga. U Zagrebu. 1867. — Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung (*Archiv fur slavische Philologie.* 1876. Bd. II. Hf. I). — Винодольскій законъ. Спб. 1880 г.

Jukić. Zemljopis i povjestnica Bosne. Zagreb. 1851.

K. Jireček. Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. Prag. 1877. — Die Handelsstrassen und Bergwerke von Serbien und Bosnien während des Mittelalters. Prag. 1879. — Wlachen und Maurowlachen in den Denkmälern von Ragusa (Sitzungsberichte der Kgl. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften 1879.). — Исторія Болгаръ. Перев. Бруна и Палаузова. Одесса. 1878.

Kanitz. Serbien. Historisch-ethnographische Reisestudien aus den jahren 1859—1868.— Reise in Südserbien und Nord-Bulgarien, ausgeführt in j. 1864.

Катанчић. Спомен Београда, негдашнег Сингидуна (*Гласник V*).

В. Качановскій. Сербскія житія и лѣтописи какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ въ XIV и XV вѣкахъ (*Славянск. Сборникъ.* Т. III).

Ковачевић. Неколико хронолошких исправака у српској историји (*Годишњица Николе Чупића* Год. III. 1879).

Косановић. Српске старине у Босни (*Гласник* XXIX и XXXVIII).

Крстић. Разсматрања о Душановом Законику (*Гласник* VI). — О старим српским правима (*Гласник* IX, XI). — Историја српског народа.

Kukuljević. Putne Uspomene iz Hrvatske, Dalmacije, Arbanije, Krfa i Italije. U Zagrebu. 1857 и 1873. Много статей и замѣтокъ въ изданіи этого автора: *Arkiv za povjestnicu jugoslavensku*, 1851—1872.

В. И. Ламанскій. О Славянахъ въ Малой Азіи и пр. Спб. 1859. — Сербія и южнославянскія провинціи Австріи. Спб. 1864. — Объ историческомъ изученіи Греко-славянскаго міра Спб. 1871. — Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вв. (*Славян. Сборн.* Т. I. 1875).

Lucius. De regno Dalmatiae et Croatiae (Швандтнеръ. Script r. Hungaric. T. III).

S. Ljubić. Ogledalo književne poviesti jugoslavenske 1869.—Pregled hrvatske poviesti U Rieci 1864. — O odnošajich dubrovačke sa mletačkom republicom tja' do god. 1858. u Zagrebu 1868. (*Rad.* V).—Opis jugoslavenskih novaca. U Zagrebu. 1875.

А. Майковъ. Исторія сербскаго языка по памятникамъ писаннымъ кирилицею въ связи съ исторіею народа. М. 1857. — О земельной собственности въ Сербіи (*Чтенія Моск. Общ. ист. и. древн.* 1860. I).

В. Макушевъ. Объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. Спб. 1867. — Историческія разысканія о Славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка. Варшава. 1871. — О проніи въ древней Сербіи (*Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1874. II).

Matković. Prilozi k trgovačko-političkoj historiji republike Dubrovačke (*Rad.* XIII. XV). — Putovanja po Balkanskom poluotoku za srednjega vieka (*Rad.* XLII).

Maciejowski. Historya prawodawstw Slowian'skich, 2-е изд. 1858—62.

Мијатовић. Финанције српског краљевства у XIII и XIV в. (*Гласник* XXV, XXVI). – Студије за историју српске трговине (*Гласник* XXXIII. XXXVII, XXXVIII).

Милићевић. Кнежевина Србија. Београд. 1876.—Метеорски монастири (*Гласник* XVIII).

Никетић. Насртања римских папа на српску и хрватску цркву (*Гласник* XXIII).—Историски развитак српске цркве (*Гласник* XXVII. XXXI).

Николаевић. Комненовке или народне песме о србским Комненима.—Србски Комнени (*Гласник* XI, XII XIII).

Новаковић. Историја српске књижевности. 2-е изд. 1871. — Земљиште радње Немањине (*Годишњица Николе Чупића* I. 1877).—Brskovo, Danj i carina u svetoga Spasu i putovi s Jadranskoga primorja u stare srpske zemlje (*Rad.* 1876);—Ново Брдо и Враньско Поморавље у историји српској XIV и XV века (*Годишн. Ник. Чупића* III. 1879).—Српске области X и XII века (*Гласник* XLVIII. 1880).

Павловић. Неколико хронолошких питања из српске историје (*Гласник* XLVIII).

Петрановић. O robstvu (*Rad* XVI).—O pravu nasliedstva kod Srba (*Rad* XXIII).—O kmetstvu po srbskom običajnom pravu, po ustanovam Dušanovim i po statutam Dalmatinskih gradova.—Богомили црква Босаньска и крьстяни. 1867.

Petter. Dalmatien. Gotha. 1857.

Fr. Rački. Ocjena starijich izvora (*Književnik* 1864. I).—Biela Hrvatska i Biela Srbija (*Rad.* LII).—Bogomili i Patareni. (*Rad* VII, VIII, X);—Borba južnih Slovena za državnu neodvisnost u XI vieku (*Rad* XXIV, XXV, XXVII, XXVIII, XXX,

XXXI). — Iztraživanja u pismarah i knjižnicah Dalmatinskih (*Rad* XXVI) и множество частныхъ изслѣдованій по хорватской исторіи—преимущественно въ изд. *Rad*.

Ристић. Србски у царском библіотеки Паризској налазећи се рукописи. — О историческој важности успомена стара путника неки, који су кроз Србију прошли (*Гласник* VI).

Ил. Руварац. Прилошци к објашњењу извора српске историје (*Гласник* XLVII, XLIX).

Roskiewić. Studien über Bosnien und die Hercegovina. 1861.

Смирновъ. Очеркъ исторіи Хорватскаго государства до подчиненія его Угорской коронѣ. Казань. 1880 г. — Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи съ XII до половины XIV в. Казань 1881.

P. I. Šafařik. Slovanské starožitnosti. v. Praze. 1837.—Geschichte der Südslawischen Literatur. Th. III. Prag. 1865.

Schweiger-Lerchenfeld. Bosnien u. s. w. Wien 1878.

Ѳ. Успенскій. О нѣкоторыхъ славянскихъ и по славянски писанныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Лондонѣ и Оксфордѣ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1878. Сентябрь).

II.

Біографическія свѣдѣнія о Душанѣ. Обстоятельства вступленія его на сербскій престолъ.

Стефанъ Душанъ *Сильный* принадлежитъ къ числу историческихъ личностей, которыя уже съ первыхъ шаговъ жизни оказываются среди условій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ. Его дѣтство, юность, вступленіе на престолъ отмѣчены событіями, которыя должны были оказать не маловажное вліяніе на складъ его характера, на выработку извѣстныхъ стремленій, на направленіе всей его государственной дѣятельности. Извѣстные доселѣ источники представляютъ немного данныхъ для освѣщенія этой первой поры жизни и дѣятельности будущаго сербскаго царя, но тѣмъ бо́льшее они имѣютъ значеніе. Соберемъ ихъ здѣсь въ одно цѣлое.

Неманичъ по отцу, Стефанъ Душанъ происходилъ отъ матери болгарки. Около 1294 г. краль Милутинъ, для лучшаго упроченія мира съ болгарскимъ царемъ Смильцою, просваталъ его дочь [1]), имени которой не сохранилось, за своего сына Стефана Уроша III, тогда только что вернувшагося отъ Ногая, изъ татарскаго полона. Отъ этого брака около 1308 г. родился знаменитый впослѣдствіи сербскій царь [2]). Не болѣе трехъ лѣтъ было малюткѣ, когда онъ

---

[1]) Даничиħ. Животи краљева и архиепископа српских. Написао арх. Данило и други. у Загребу 1866 г. стр. 124. Троношская лѣтопись въ *Гласникъ Српског ученог друштва*. V. 58.

[2]) Годъ рожденія Душана приблизительно вѣрно опредѣляется изъ свидѣтельства современника, близко знавшаго сербскія дѣла, историка Григоры, который говоритъ, что Душану въ моментъ исполненія его преступнаго замысла противъ отца

долженъ былъ сдѣлаться свидѣтелемъ и участникомъ страшнаго несчастія, постигшаго его отца и всю ихъ семью и заставившаго его провести дѣтство не въ родной Зетѣ, которую Милутинъ выдѣлилъ его родителямъ тотчасъ послѣ ихъ свадьбы, а на чужбинѣ, въ неволѣ у Грековъ. Сербскіе источники расходятся въ объясненіи обстоятельствъ, вызвавшихъ эту драму въ королевской семьѣ. Одни [1]) видятъ причину разлада между отцемъ и сыномъ въ клеветѣ и проискахъ Симониды, послѣдней жены Милутина, домогавшейся, по настоянію своей матери устраненія пасынка Уроша отъ престола; другіе—какъ архіеп. Даніилъ [2]), указываютъ на властелей, которые будто бы подняли молодаго Уроша на отца, но несумѣли его поддержать. Намъ кажется, что оба эти объясненія имѣютъ свою долю основательности и не исключаютъ одно другаго. Выше мы упомянули уже о тѣсномъ сближеніи Милутина съ Византіею,

---

шелъ двадцать третій годъ (ἦν αὐτῷ παῖς δεύτερον τηνικαῦτα καὶ εἰκοστὸν παραλλάττων ἔτος, ὃν ἐξ ἑτέρας γεγέννηκε γυναικός. Nicephor. Gregorae Historia Bysant. Ed. Bonn I. IX. c. 12. Vol. I p. 456). Этотъ переворотъ произошелъ, какъ увидимъ, въ 1331 г.; слѣдовательно рожденіе Стефана Душана должно приходиться на 1308 или 1309 г. Въ сербскихъ лѣтописяхъ, которыя всѣ, относительно говоря, поздняго происхожденія, именно въ *Коприeничской* (1453 г.) и *Сеченичской* (1501 г.) (въ изданіи Шафарика: Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův. Vydáni druhé, v Praze. 1873. 53. 71) и въ хроникѣ Юрія Бранковича (*Arkiv za pověstnicu jugoslavensku.* Uredio Kukuljević Sakcinski. III. 13) рожденіе Душана отмѣчается подъ 1812 г. Послѣдняя дата несомнѣнно ошибочна: въ 1312 г. Стефанъ Дечанскій былъ уже съ сыномъ въ Константинополѣ и имѣлъ другаго сына Душицу; оба сына по согласному свидѣтельству двухъ біографовъ Стефана Дечанскаго,—діакона Даніила, продолжателя извѣстнаго составителя сербскихъ житій Архіепископа Даніила, и Григорія Цамблака, сопровождали отца въ его изгнаніи, и слѣдовательно должны были явиться на свѣтъ еще въ Сербіи. Первый изъ нихъ говоритъ (Даничић „Животи“ стр. 168): *„и вдасть и въ славныи градь Коньстаньтинь съ двѣма сынома сего Доушаномь и Доушицею;* а второй (Житиѥ Стефана Оуроша г҃ съписано Григориѥмь Мнихомь (*„Гласник“* XI стр. 50): „Тоже ѡтъ тоудоу въ Коньстантинь градь посилаеть се заточень бывь, тако и сь двоима ѥго дѣтми“.

[1]) „Житіе Дечанскаго написан. Григоріемъ Цамблакомъ (*Гласник* XI. 45—48), Родословіе Сербскихъ царей (*Гласн.* XXI. 244) и Троношская лѣтопись (*Гласн.* V. 66).

[2]) „Животи“ 124.

со времени его брака съ дочерью императора Андроника. Если мы и отказались тамъ допустить справедливость догадки о дѣйствительномъ существованіи плана соединенія Сербскаго королевства съ Византійскою имперіею въ одно цѣлое, подъ однимъ главой, то тѣмъ не менѣе не можемъ не признать, что вліяніе византійской партіи при сербскомъ дворѣ было велико. Частыя сношенія императрицы Ирины съ сербскимъ кралемъ и посылка къ нему обоихъ ея сыновей должны были выдвинуть въ Сербіи значеніе пришлаго греческаго элемента [1]). Опираясь на это значеніе и находясь подъ вліяніемъ матери, которая хлопотала о передачѣ права на сербскій престолъ въ потомство дочери, или одному изъ своихъ сыновей, Симонида, очень вѣроятно, дѣйствительно вооружала мужа противъ Уроша. Но съ другой стороны совершенно естественно, что сербскіе властели, привыкшіе властвовать въ странѣ, питали неудовольствіе противъ краля, за его сближеніе съ иностранцами и подстрекали сына къ сверженію отца, указывая на опасность потери престола. Какъ бы то ни было, дѣло дошло до открытаго разрыва: Стефанъ Дечанскій поднялъ возстаніе. Милутинъ съ войскомъ явился въ Зету; Стефанъ бѣжалъ за Бояну, но вскорѣ смирился и пришелъ къ отцу съ повинною. По совѣту вельможъ, между которыми были вѣроятно греки, Милутинъ не рѣшился оставить сына на свободѣ; онъ велѣлъ заковать его и отправить въ Скопле. Спустя немного времени сюда прибыли нѣкоторые изъ „возлюбленныхъ“ краля и ослѣпили юнаго Стефана [2]). Злодѣи впрочемъ не довели свой звѣрскій поступокъ до конца; жертва ихъ не вполнѣ лишилась зрѣнія [3]). Вслѣдъ за тѣмъ несчастный королевичъ съ обоими своими дѣтьми, Душаномъ и Душицею, и небольшою свитою домочадцевъ былъ отправленъ въ Цареградъ къ императору Андронику. Здѣсь, по словамъ одного біографа—Григорія Цамблака, который ради большей похвалы особенно старался выдвинуть страданія Дечанскаго, онъ былъ зато-

[1]) Gregor. VII. c. 5.
[2]) Даничиħ. Животи. 123.
[3]) Mauro Orbini. Il regno degli Slavi. p. 254.

ченъ въ монастырѣ Пантократора [1]), а по свидѣтельству другаго—продолжателя Даніила—былъ помѣщенъ въ одной изъ палатъ царскаго дворца [2]). Во всякомъ случаѣ изъ обоихъ „житій" видно, что на первое время Стефанъ былъ поставленъ подъ строгій присмотръ, но потомъ кротость и благочестіе заключеннаго расположили въ его пользу и Андроника, и высшихъ представителей гражданской и духовной власти въ Византіи, послѣдствіемъ чего было предоставленіе ему нѣкоторой свободы [3]). О семилѣтнемъ пребываніи Дечанскаго и его семьи въ Константинополѣ имѣются весьма скудныя извѣстія. Византійскіе историки совсѣмъ молчать о царскихъ славянскихъ гостяхъ, посѣтившихъ ихъ всемірный городъ; вѣроятно тогда имъ было не до того. Имперія переживала время послѣдствій каталонской кампаніи, жестокихъ нападеній Сельджуковъ и внутреннихъ церковныхъ смутъ. Эти событія поглощали все вниманіе мѣстныхъ лѣтописцевъ. Оба извѣстные автора „Житія Стефана Дечанскаго", являющіеся единственными самостоятельными источниками для сербской исторіи этого времени, пространно и витіевато толкуютъ о благочестіи и смиреніи заточеннаго краля, о его чудесномъ прозрѣніи и вообще обо всемъ, что нужно имъ для прославленія его, какъ Святаго, но почти ничего не сообщаютъ ни о положеніи семьи заключеннаго, ни особенно объ участи знаменитаго его сына. Изъ неупоминанія о женѣ Дечанскаго, надо думать, что въ то время ея уже не было на свѣтѣ. Въ такомъ случаѣ совершенно неизвѣстно—кому ввѣрено было и при какой обстановкѣ происходило воспитаніе Душана [4]). Мы можемъ только догадываться, что при врожденной впечатлительности и живости, качествахъ, которыя ярко обнаруживаются въ Душанѣ

---

[1]) „*Гласник*" XI. 50. И вь обители вьсехъ Бога и вьседрьжителя прѣбывати повѣленно бисть. Оть иже царствующаго, Андроника глаголю Палеолога, никомоу иномоу кь немоу приходити вь бесѣдоу завѣщавь, развѣ игоуменоу обитѣли и имь же онь повелить".

[2]) Даничић „Животи" 163. И приведеноу кмоу бывьшоу тамо кь благовѣрьномоу цароу Аньдроникоу, повелѣ блюсти и, кединоу палатоу царьскыихъ давь кмоу вь прѣбываник, рекь да вьдають вьса клико на потрѣбоу кмоу.

[3]) *Гласник*. XI. 55.

[4]) Братъ его Душица умеръ въ пятый годъ заточенія. *Гласн*. XI. 59.

въ періодъ его зрѣлаго возраста, жизнь то въ греческомъ монастырѣ, то при византійскомъ дворѣ, не прошла безслѣдно для десятилѣтняго ребенка. Онъ могъ тогда уже достаточно усвоить греческій языкъ, приглядѣться къ византійской жизни и, можетъ быть, хотя смутно понять печальное положеніе имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ не сознавать всей жестокости поступка дѣда по отношенію къ его родителю и горечи положенія ихъ обоихъ—какъ изгнанниковъ; между тѣмъ среди окружающихъ его Византійцевъ онъ, вѣроятно, находилъ оправданіе этихъ актовъ вопіющаго насилія, какъ вполнѣ необходимыхъ и законныхъ. Отсюда понятно, какъ рано въ юной душѣ мальчика должны были возникнуть нравственныя противорѣчія, изъ которыхъ впослѣдствіи развилась его рѣшимость на еще болѣе ужасный поступокъ по отношенію къ тому же его многострадальному отцу.

Въ 1317 г. [1]) послѣдовало возвращеніе Дечанскаго въ Сербію. За годъ передъ тѣмъ скончалась главная виновница сербской смуты—императрица Ирина [2]). Съ ея кончиною и у Милутина должны были ослабѣть чувства вражды и подозрительности къ сыну, который при своей полуслѣпотѣ не могъ казаться ему опаснымъ. Къ тому же ходатаемъ за угнетеннаго выступило духовенство, которое въ Сербіи имѣло огромное нравственное вліяніе на кралей. Благодаря стараніямъ игумна Хиландарской лавры, Даніила (впослѣдствіи сербскаго архіепископа и писателя), отъ собора Святой горы было послано прошеніе ко вновь поставленному сербскому архіепископу Никодиму о томъ, чтобы онъ отъ себя и собора ходатайствовалъ предъ кралемъ за его сына [3]). Къ этому ходатайству очень вѣроятно [4]) присоединилось и другое со стороны настоятеля монастыря Пантократора, гдѣ содержался Дечанскій, прибывшаго въ Сербію съ посольствомъ отъ Андроника,

---

[1]) Ковачевић. Неколико хронолошких исправака у српској историји. *Годишњица Николе Чупића* III. 1879. стр. 387—391.

[2]) Gregor. I. VII. c. 12 Muralt. Essai de Chronographie byzantine. II. 518.

[3]) Даничић. „Животи" 166—168.

[4]) Ср. Раичъ. Исторія разныхъ славенскихъ народовъ, наипаче Болгаровъ, Хорватовъ и Сербовъ. Ч. II. 1823. стр. 650.

который искалъ сербской помощи противъ Туровъ [1]). Милутинъ уступилъ вполнѣ этимъ просьбамъ. Онъ милостиво принялъ Стефана, возвратившагося съ сыномъ Душаномъ и „съ нѣкоторою малою чедию своихъ", и предоставилъ ему въ управленіе Будимль [2]). Теперь десятилѣтній Душанъ повидимому былъ отдѣленъ отъ отца; онъ перешелъ на житье къ дѣду, какъ бы въ залогъ прочности примиренія его съ сыномъ. Въ такомъ смыслѣ, вѣроятно, нужно понимать выраженіе Цамблака: „онь же сына, иже отъ Константинова града сь нимь пришьдьшаго, своему его дѣдоу *прѣдасть*" [3]). Но вслѣдъ за этой перемѣною въ положеніи Душана вскорѣ послѣдовала другая, болѣе важная: 29 октября 1320 г. умеръ Милутинъ [4]); а 6 января 1321 г. Стефанъ Урошъ III, съ благословенія архіепископа Никодима и всего собора сербскаго, занялъ сербскій престолъ въ Призренѣ. Вмѣстѣ съ нимъ вѣнчался на „кралевство" и сынъ его „Стефань, младый краль" [5]).

Это одновременное вѣнчаніе отца и сына составляло новое и знаменательное явленіе въ сербской исторіи. Въ немъ ясно сказывалось вліяніе Византіи, гдѣ издавна господствовалъ обычай у

---

[1]) *Гласник*. XI. 61.

[2]) „Ж и в о т и": „честь малоу оть дрьжавы жоупы Боудимьскыѥ". Другіе источники иначе опредѣляютъ область, предоставленную Дечанскому. Ц а м б л а к ъ (*Гласник*. XI. 63) говоритъ: „тоже мало дьніи прѣбывь, *вь некоторомь Діоклитіисцѣ мѣстѣ*, оть цара коупно и отьца сь многою чьстью посилаѥть се прѣбывати"; а *въ Тронoшской лѣтописи:* „и даде Урошꙋ сынꙋ своѥму обе Зете во княжество". (*Гласник*. V. 62).

[3]) *Гласник*. XI. 63.

[4]) *Гласник*. VII. 93.

[5]) Въ Житіи Стефана Дечанскаго („Животи" 207): вь лѣто бо, въ нѥже приѥть сь прѣвысокыи краль Оурошь третии прѣстоль отьца своѥго..... вь то врѣме такожде сына своѥго вьзлюбленааго вѣньча на кралѥвьство нарекь ѥго Стефань младый краль". Въ грамотѣ, данной Дечанскому монастырю въ 1330 г., самъ Стефанъ такъ говоритъ объ этомъ событіи: „и Богомь дарованьнимь вѣньцемь кралѥвьства срьпьскаго вѣнчань быхь на кралѥвьство вь ѥдинь дьнь сь сыномь моимь вь лѣто 6829 мѣсяца генара, 6 дьнь индикта 5, вь праздникь Богоявлѥния благословениѥмь и роукою прѣосвещеньнаго арьхиѥпискоупа Никодима и всѣхь ѥпискоупь и вьсего Сьбора срьбскаго, яко зьвати се Стефань Богомь помилованы и Богомь просвѣщены краль Оурошь третии. M i k l o s i c h „Monumenta Serbica". 90.

императоровъ, имѣть при себѣ коронованныхъ соправителей съ тѣмъ же императорскимъ титуломъ. Но, помимо стремленія къ подражанію византійскимъ порядкамъ, въ этомъ новомъ шагѣ Стефанъ Дечанскій могъ руководиться и своими частными соображеніями. При своей полуслѣпотѣ онъ чувствовалъ потребность въ помощникѣ и выдвинуть сына какъ можно раньше въ роли соправителя тогда было для него совершенно естественно, дабы избѣжать окончательнаго подчиненія волѣ властелей, пріобрѣтавшихъ все большее и большее значеніе въ королевствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поступая такимъ образомъ, много испытавшій краль заранѣе освящалъ право престолонаслѣдія за Душаномъ и могъ разсчитывать чрезъ эту санкцію отнять у властелей самый существенный предлогъ къ новымъ смутамъ и къ обычному возстановленію сына противъ краля—отца. Вѣнчая Душана на „кралевство", Стефанъ Дечанскій согласно обычаю обѣщалъ выдѣлить ему часть страны въ управленіе, но въ то время юный краль все еще былъ мальчикомъ; только по достиженіи совершеннолѣтія, т. е. не раньше 1326 г., онъ получилъ землю Зетскую, которая теперь заключала въ себѣ и часть отвоеванной Албаніи [1]).

Біографъ Дечанскаго упоминаетъ, что прославляемый имъ краль воспиталъ своего сына „въ чистотѣ и цѣломоудрии наказоуѥ и оуче боголюбьзныими глаголы" [2]). Если это замѣчаніе о хорошемъ направленіи воспитанія Душана и справедливо, то все таки нельзя не признаться, что окружавшая его дѣйствительность представляла очень мало такого, что могло бы вліять возвышающимъ и нравственнымъ образомъ на душу будущаго сербскаго царя. Все время правленія Стефана Дечанскаго, кромѣ послѣдняго года (года войны съ Болгарами) отмѣчено событіями и явленіями, весьма мало привлекательными и съ внѣшней, и съ внутренней стороны. Сперва идутъ двѣ усобицы. Константинъ, незаконный сынъ Милутина, и Владиславъ, сынъ Драгутина, одинъ за другимъ съ оружіемъ въ

---

[1]) „Животи" 207:.. „и дасть ѥмоу землю зетьскоую".—Троношская лѣтопись (*Гласник* V. 64): „Стефанъ же Доушанъ восприиалъ от отца Албонію и обе Зете".

[2]) „Животи". 186.

рукахъ оспариваютъ у Дечанскаго права на сербскій престолъ. Оба претендента терпятъ неудачу и послѣ кровавой борьбы гибнутъ— одинъ на полѣ битвы, а другой въ темницѣ побѣдителя [1]). Затѣмъ слѣдуютъ два новые брака самого Уроша: съ Бланкою, дочерью Филиппа Тарентскаго [2]), Герцога Ахайскаго и (по смерти этой второй жены) съ Маріею, дочерью Солунскаго намѣстника— Паниперсеваста Іоанна Палеолога [3]). Это многобрачіе со всѣмъ не шло къ лѣтамъ и положенію плохо видѣвшаго краля и, кромѣ того сопровождалось обстоятельствами, которыя не говорили въ пользу пониманія имъ лежавшихъ на немъ важныхъ обязанностей— упрочивать изнутри и извнѣ молодое сербское государство. Первый изъ этихъ браковъ на нѣкоторое время опутывалъ его обязательствами католическому Западу: онъ долженъ былъ присягать въ вѣрности папскому престолу и сблизиться съ однимъ изъ видныхъ тогдашнихъ поборниковъ идеи вторичнаго разрушенія Латинами восточнаго православнаго царства [4]). Другой бракъ втягивалъ его во внутреннія византійскія смуты, участіе въ которыхъ (сперва при поддержкѣ мятежника Паниперсеваста, потомъ при защитѣ Андроника Старшаго) не сопровождалось для Сербіи никакими

---

[1]) Engel. Geschichte des Ungarischen Reichs und seiner Nebenländer. 1801. III. ss. 256, 259.

[2]) Сербскіе историки Энгель и Майковъ, признавали этотъ бракъ не состоявшимся. Но о немъ есть положительно достовѣрное извѣстіе въ дубровницкихъ документахъ и у пользовавшагося ими дубровницкаго историка Растича, къ сожалѣнію до сихъ поръ неизданнаго. Дубровчане на своихъ судахъ доставили невѣсту изъ Тарента на сербскій берегъ, съ торжествомъ приняли ее въ своемъ городѣ и съ большою свитою отправили къ кралю. Это было въ 1323 г. См. Monumenta Ragusina. Libri Reformationum tomus. I. Zagrabiae 1879. p. 75, 82, 90. Resti „Historia della republica di Ragusa“. Рукоп. Вл. И. Ламанскаго. Подъ 1323 г.

[3]) Gregor. VIII. c. 14. p. 373. Cantacuz. 1. c. 43. p. 209.

[4]) Theiner. Vetera monumenta Slavorum meridionalium historiam illustrantia. Romae. 1863. Tomus I. p 181. Папа Іоаннъ XXII, обращаясь къ Стефану Дечанскому съ письмомъ по одному дѣлу, пользуется слѣдующими выраженіями: Carissimo in Christo filio Urosio Regi Rasie illustri gratiam in praesenti et gloriam in futuro. Firmam gerimus de tua circumspectione fiduciam, quod in hiis, que divinam reverentiam et ecclesiasticam libertatem et anime tue salutem respiciunt, *precibus nostris promptis affectibus obsecundes et votis apostolicis efficaciter te coaptes.*

выгодами и скорѣе безплодно истощало нужныя ей силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ женитьбою на византійской принцессѣ, при сербскомъ дворѣ опять получали значеніе пришельцы—греки, со всѣмъ было утратившіе его послѣ смерти Милутина. Если къ этимъ фактамъ присоединить разказы біографовъ Дечанскаго о его набожности и благочестіи, проявлявшихся въ построеніи церквей и благотвореніи монастырямъ не только въ предѣлахъ Сербской земли, но и во всѣхъ замѣчательныхъ мѣстахъ православнаго міра, то получатся всѣ имѣющіяся данныя для представленія той обстановки, при которой протекла юность Душана до выступленія его въ дѣятельной роли самостоятельнаго правителя. Скудные сербскіе источники не даютъ никакихъ указаній для сужденія о томъ, принималъ ли „младый краль“ до 1330 г. какое либо участіе въ управленіи, а равно о томъ, въ какихъ отношеніяхъ онъ находился къ отцу послѣ второй и третьей его женитьбы. Для изслѣдователя сербской исторіи вполнѣ ясно лишь то, что пустота и безцвѣтность правленія Уроша III не могла приходиться по вкусу умному, развитому, жаждавшему дѣятельности Душану. Между нимъ и отцемъ не могло быть много общаго, и задатки послѣдующаго роковаго разрыва между ними должны были возникнуть именно на почвѣ печальныхъ условій, развившихся въ государствѣ и королевской семьѣ благодаря нравственной неустойчивости и неразсудительности Стефана Дечанскаго.

Только конецъ правленія Уроша III ознаменовался событіемъ огромной исторической важности, связавшимъ и съ его именемъ славу утвержденія внѣшняго могущества Сербіи. Событіе это — пораженіе Болгаръ подъ Вельбуждомъ въ 1330 г. и послѣдовавшее за тѣмъ утвержденіе сербскаго вліянія въ Болгаріи. Но слава этого новаго успѣха сербскаго оружія принадлежала Дечанскому лишь въ небольшой части; онъ долженъ былъ раздѣлить ее съ сыномъ Душаномъ. „Младый краль“ здѣсь впервые выступаетъ въ дѣятельной роли помощника отца; онъ не только участвуетъ въ этой войнѣ, но и является главнымъ руководителемъ и рѣшителемъ ея. Здѣсь впервые обнаруживаются его военныя способности, его находчивость и беззавѣтная храбрость, качества, которыя тогда же подняли его высоко въ глазахъ властелей и народа и затѣмъ

проложили путь къ его послѣдующему могуществу. Отсюда видно, какое важное значеніе имѣла болгарская война 1330 г. не только по своимъ послѣдствіямъ для обоихъ боровшихся государствъ, но и по отношенію къ личности будущаго сербскаго царя. Какъ такое крупное событіе современные лѣтописцы не могли пройти ее молчаніемъ. И сербскіе, и иностранные источники сообщаютъ о ней довольно подробныя, хотя и не совсѣмъ согласныя, свѣдѣнія. Воспользуемся ими здѣсь съ возможною полнотою.

Обстоятельства, вызвавшія сербско-болгарское столкновеніе, были весьма не сложны. При Милутинѣ стремленіе сербскихъ кралей распространить свое господство на болгарскія земли, какъ мы видѣли, обнаружилось весьма осязательно. Противодѣйствовать этому стремленію было совершенно естественно со стороны болгарскихъ государей. Но пока живъ былъ грозный Милутинъ, внутреннія неурядицы въ самой Болгаріи не позволяли и думать о какомъ либо отпорѣ сербскимъ притязаніямъ. Между тѣмъ вскорѣ послѣ его смерти и для Болгаріи настали лучшія времена. Раздѣленіе страны между нѣсколькими владѣтелями и связанные съ нимъ смуты и несогласія постепенно прекратились, и въ 1323 г. бдинскій деспотъ Михаилъ, выбранный на терновскій престолъ, опять соединялъ подъ одною властью всѣ независимыя болгарскія земли [1]). Теперь можно было обратить вниманіе и на Сербію, попытаться вырвать у ней захваченное и остановить ея движеніе на юго-востокъ. Самъ Михаилъ сознавалъ себя достаточно сильнымъ для того, а преемникъ Милутина по всѣмъ своимъ начинаніямъ не казался ему страшнымъ. Враждебныя чувства къ сербскому государю онъ поспѣшилъ обнаружить почти тотчасъ (1324 г.) послѣ вступленія на болгарскій престолъ. Именно, онъ прогналъ свою первую жену Неду, сестру Стефана Дечанскаго, и женился на Өеодорѣ, сестрѣ Андроника Младшаго и вдовѣ болгарскаго царя Святослава [2]). Непріязнь между обоими государями еще болѣе усилилась во время участія ихъ въ

---

[1]) К. Иречекъ. Исторія Болгаръ. Перев. Бруна и Палаузова. Одесса. 1878 г. стр. 382.

[2]) Cantacuz. I. c. 38, 39 p. 186—188; Gregor. I. IX. c. 1. p. 390. Muralt. Essai de Chronographie byzantine II. 536.

византійской усобицѣ. Стефанъ Дечанскій держалъ сторону Андроника Старшаго. Правда, онъ не оказалъ ему существенной помощи; его вождь—храбрый Хреля явился въ Сересъ, когда полководцы Андроника-Деспотъ Димитрій и Михаилъ Асѣнь—были разбиты Андроникомъ Младшимъ, и потому долженъ былъ вернуться въ Сербію. Но кое что онъ все-таки сдѣлалъ; разбитые вожди Андроника Старшаго нашли у него пріютъ, и самъ онъ даже послѣ окончательнаго сверженія императора—дѣда, продолжалъ грозить византійской границѣ и осаждалъ Охриду [1]). Между тѣмъ Михаилъ Болгарскій старался сойтись съ Андроникомъ Младшимъ, предугадывая, что онъ возьметъ верхъ надъ дѣдомъ. Породнившись съ нимъ, онъ въ 1327 г. имѣлъ съ нимъ свиданіе во Ѳракіи, на которомъ былъ заключенъ между ними наступательный и оборонительный союзъ [2]). Уже тогда онъ просилъ помощи противъ Сербовъ. Съ своей стороны посылкою Русса Ивана съ отрядомъ въ 3000 ч. онъ оказалъ союзнику весьма двусмысленную поддержку [3]). Тѣмъ не менѣе Андроникъ Младшій, занявъ престолъ, предпочелъ опять сойтись съ Михаиломъ. Дечанскій все время былъ его врагомъ, да и Сербы представлялись ему опаснѣе Болгаръ; напустить на нихъ Болгаръ казалось ему лучшимъ средствомъ для спасенія областей имперіи отъ завоеванія ихъ тѣмъ или другимъ славянскимъ сосѣдомъ. Руководимый Кантакузиномъ, онъ спѣшилъ прекратить начатую было войну съ болгарскимъ царемъ, который уже предпринялъ завоеваніе Забалканскихъ земель [4]). Соглашеніе между ними состоялось на почвѣ общаго похода въ Сербію, назначеннаго на лѣто 1330 г. [5]). Такъ составился греко-болгарскій союзъ.

Въ виду такихъ явно враждебныхъ приготовленій со стороны Болгаръ, и Сербы стали принимать мѣры на случай войны. Уже въ 1328 г. Стефанъ Дечанскій вступаетъ въ соглашеніе съ Дубровникомъ о до-

---

[1]) Cantacuz. I. c. 52. p. 261. II. c. 21 p. 427. Gregor. IX. c. 4. p. 409. c. 5. p 413.

[2]) Cantac. I. 42 p. 206–208; Greg. l. IX. c. 1. p. 390—392.

[3]) См. выпускъ I, стр. 12.

[4]) Gregor. IX. c. 7.

[5]) Cantac. II. c. 21. p. 428. Gregor. l. IX. c. 12. p. 454.

ставленія въ Сербію оружія, „которое ему нужно для войны съ Михаиломъ Болгарскимъ" [1]). Тому же дубровницкому сенату поручено было навербовать отрядъ иностранныхъ волонтеровъ [2]). По свидѣтельству дубровницкаго историка Луккари, имѣвшаго въ своихъ рукахъ многіе, недошедшіе до насъ источники, всѣ заботы по приготовленіямъ къ войнѣ были возложены на Душана [3]). Онъ даетъ порученіе доместику Смильѣ (Smiglio) въ Дубровникъ, касательно присылки наемнаго отряда; онъ же вербуетъ Славянъ въ Туровомъ полѣ и посылаетъ Николо Луккари къ валашскому воеводѣ Влайкѣ для привлеченія его на сторону Сербовъ въ предстоящей борьбѣ съ Болгарами [4]). Нѣтъ никакихъ основаній заподозрить достовѣрность этого разказа. Всѣ другіе источники не противорѣчатъ ему. Именно теперь, когда Душанъ достигъ полнаго возраста, Дечанскій, неспособный къ управленію, и долженъ былъ предоставить сыну дѣятельность, къ которой предназначалъ его еще вѣнчая вмѣстѣ съ собою королевскимъ вѣнцомъ. Вслѣдъ за этими приготовленіями обѣихъ сторонъ послѣдовалъ и окончательный разрывъ.

1-го мая 1330 г. сербскій краль запретилъ Венеціанцамъ привозъ товаровъ въ Болгарію, не распространяя, впрочемъ, этого запрещенія на Византійскую имперію [5]). На этотъ вызовъ Михаилъ отвѣтилъ выступленіемъ въ походъ. У него уже все было готово. Собственно болгарское войско доходило до 15,000 [6]); кромѣ того въ теченіе весны въ Терново собрались частью присланные союз-

---

[1]) Resti. Il senato subito lo compiaque, e fece che il Lucari con cellerita lo servisse acciò il Gozze acquistasse e benevolenza, e confidenza appresso il Rè stante che lui aveva bisogno di tal armi per la guerra, che gia era cominciata tra lui e Michiel, Rè di Bulgaria....

[2]) Resti подъ 1330 г.: „Questo (Rè di Bulgaria) con un buon esercito nelli confini di Rassia, ma Orossio raccolte le proprie truppe tra le quali ebbe certa soldatesca Italiana fattali aver dalli Ragusei per meritarsi la sua grazia".

[3]) Luccari. Copioso ristretto degli Annali di Rausa 1605. p. 48: e fece guerra a Michel Rè de Bulgari ch'era successo a Suetislau suo cugino; e la cura fu data a Vuksan, overo Dusean, figliulo maggiore di Urosc.

[4]) Ibid. 49.

[5]) Ljubić „Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium". I, 377.

[6]) Gregor. IX. c. 12 p. 455.

никомъ Михаила, валашскимъ воеводою Иванкою Бессарабою, частью нанятые — обитатели другаго берега Дуная: Румыны, Черные Татары и „господство ѩшко“ [1]). Число этихъ задунайскихъ пришельцевъ, охотно стремившихся на Балканскій полуостровъ для поживы и грабежа, должно было быть весьма велико и, несомнѣнно, превосходило тѣ 3000, которые указываетъ Григора [2]). На сколько много ихъ было, видно изъ того, что самый походъ Михаила представлялся Сербамъ не столько болгарскимъ вторженіемъ, сколько нашествіемъ „безбожныхъ и поганыхъ ѩзыкъ“ [3]). Потому-то и самъ Михаилъ въ одной древней сербской лѣтописи названъ „скифскимъ начальникомъ“ [4]). Одновременно съ Михаиломъ, согласно условію, выступилъ въ Македонію и Андроникъ. Войска у него было мало; онъ не рѣшился начинать военныхъ дѣйствій и расположился на сербской границѣ близъ Деврицы и Сидерокастра съ тѣмъ, чтобы выждать здѣсь исхода неминуемаго сербско-болгарскаго столкновенія [5]). Вѣсть о движеніи на Сербію двухъ враговъ, особенно многочисленныхъ полчищъ Михаила, встревожила краля Стефана; по видимому, онъ не ожидалъ такой быстроты дѣйствій отъ своихъ противниковъ и, чувствуя себя не вполнѣ готовымъ, послалъ въ Терново гонцевъ съ предложеніемъ мира. Но теперь было уже поздно: Михаилъ жаждалъ борьбы съ Сербами и отвергъ посольство. Кралю оставалось

---

1) Грамота Душана по поводу составленія Законника въ изданіи Новаковича (1870 г.) XXIII.—Копривницкая лѣтоп. въ Památkah Шафарика 53. Тронопіская лѣтоп. *Гласн.*. V. 64.... „Господство ѩшко“—Ясы—или Аланы жили въ части Молдавіи. См. Руварац Прилошци к обjашњењу извора српске историје 1880. XVII.

2) Greg. IX. c. 12. p. 455. У Григ. Цамблака (*Гласн.* XI. 71): и много оубо того воинство соуще. *множайше же отъ различныхъ* ѩзыкъ *присъвъкоуплѧ*. У Даніила („Животи“ 190): онаго злокозньнаaго врага царꙗ Бльгаромь пришьдъшааго *съ многыими силами* ѩзыкъ *иноплеменьныихъ* (поганыихъ).

3) „Животи“ 186.

4) „Pamatky“ 53.

5) Greg, IX. c. 12 p. 454. Θέρους δ'ἤδη ἱσταμένου ὁ μὲν βασιλεὺς ἐπειδὴ μὴ ἀξιόλογον εἶχε στρατὸν πρὸς τὴν τοῦ Κράλη δύναμιν, ἐστρατοπεδεύσατο παρελθὼν παρὰ πεδίον τι τῆς Πελαγόνων χώρας, ὅπη καὶ ὅμορα ἦσαν Ῥωμαίοις ὑπείκοντα πολίχνια καραδοκῶν ἐκεῖθεν τὴν ἑτέρωθεν τοῦ Μιχαήλου στεῤῥοτέραν κατὰ τῶν Τριβαλλῶν ἔφοδον

только какъ можно скорѣе приготовиться къ отпору. Такъ какъ нельзя было разсчитывать на успѣшную борьбу разомъ противъ обоихъ непріятелей, то онъ рѣшился сперва помѣряться съ однимъ, болѣе сильнымъ. Сербскіе властели по королевскому приказу одинъ за другимъ собирались съ своими четами въ долинѣ Добричи, при сліяніи Топлицы и Моравы, издавна служившей полемъ жестокихъ международныхъ битвъ [1]). Здѣсь предполагалось встрѣтить болгарскаго царя, въ виду слуховъ о пребываніи его съ частью войскъ въ Бдинѣ. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что Михаилъ изъ Бдина идетъ не на Нишъ, а черезъ Софію въ Македонію, разсчитывая, вѣроятно, соединиться съ Андроникомъ. Стефанъ тотчасъ поспѣшилъ на югъ. Остановившись на нѣкоторое время въ устроенныхъ отцемъ его монастыряхъ — Нагоричинѣ (близъ Куманова) и Сарандапорѣ, онъ направился къ Струмѣ, гдѣ на сербской границѣ, у мѣстечка Земельна [2]) стоялъ лагеремъ Михаилъ, уже четыре дня опустошавшій огнемъ и мечемъ окрестности. Его задунайскіе союзники ничего не щадили и безжалостно съ корнемъ истребляли плодовыя деревья [3]). Сербы расположились на р. Каменчѣ, у самаго Вельбужда [4]). Въ продолженіе двухъ или трехъ дней посланцы переходили изъ одного лагеря въ другой;

ὅπῃ χωρήσειεν ἀκούσεσθαι πρότερον. По разказу Кантакузина (II, c. 12. p. 428) Андроникъ будто бы и вошелъ въ предѣлы сербскіе и занялъ сдавшіяся ему добровольно сербскія крѣпостцы: Βουτζοῦνιν, Δευρίτζαν, Δουβροῦνιν, Καβαλλάριον и Σιδηρόκαστρον. Что Добруня дѣйствительно была занята Византійцами, это подтверждается и житіемъ Дечанскаго („Животи“ 197). Можетъ быть и остальные названные пункты, лежавшіе на границѣ, также отпали отъ Сербіи, но въ виду согласія свидѣтельствъ Григоры и Даніила нельзя не считать извѣстія Кантакузина нѣсколько преувеличенными. Участіе Андроника въ этой войнѣ было весьма слабо и не шло дальше военной демонстраціи на границѣ.

[1]) „Животи“. 179—180.

[2]) „Животи“. 182. Cantac. II, 21 p., 428. Μιχαὴλ δὲ..... ἐστρατοπέδευσεν ἐν τόπῳ Βελμάσδιν ἐγχορίως προσαγορευομένῳ. См. Иречекъ. Исторія Болгаръ стр. 388.

[3]) Gregor. IX. 12 p. 455. Эти опустошенія страны, которую Михаилъ имѣлъ въ виду присоединить къ своему царству и которая была населена родственнымъ ему народомъ, объясняются, быть можетъ, инородческимъ составомъ его войска.

[4]) „Животи“ 182.

Стефанъ тянулъ время, поджидая запоздавшихъ властелей. Между тѣмъ болгарское войско, чувствуя недостатокъ въ провіантѣ, разбрелось по сторонамъ для фуражировки.

Наконецъ настала суббота 28-го іюля [1]). Въ сербскомъ лагерѣ началось движеніе; всѣ готовились къ бою. Болгарскія войска были разсѣяны на далекомъ разстояніи; Михаилъ, введенный въ заблужденіе сербскою медлительностію, никакъ не ожидалъ сраженія въ этотъ день. Въ полдень 15,000 [2]) сербскихъ воиновъ развернулись въ боевомъ порядкѣ; ихъ блестящее новое вооруженіе ослѣпляло глаза [3]); впереди всѣхъ помѣщался отрядъ германскихъ всадниковъ, рѣзко выдѣлявшихся своимъ исполинскимъ ростомъ, воинскою ловкостію и изящнымъ оружіемъ [4]). Краль Стефанъ самъ выѣхалъ ободрять войско; начальство главными силами и веденіе боя принялъ на себя мужественный Душанъ. Вотъ затрубили трубы, воинственные клики огласили воздухъ, и Сербы устремились на непріятеля. Болгаре пришли въ полное смятеніе; царь, какъ могъ, собиралъ и приводилъ въ порядокъ разбросанные отряды; но было уже поздно. Душанъ съ своею наемною дружиною впереди всѣхъ ворвался въ самую средину нестройныхъ враговъ;

---

[1]) Въ грамотѣ, данной Дечанскому монаст. Сгефанъ говоритъ (*Миклош.* 100): цара Михаила оубихь, и отьехь поношение его, и иные царе побѣдихь и разьбихь и вьзехь достоjаниjа ихь на мѣстѣ рекомѣмь Вельблоуждь въ лѣто 6838 мѣсеца июлиа въ 28 день. Въ грамотѣ Душана (Законникъ изд. Н о в а к о в и ч а. XXIV) 27 Іюля показано ошибочно. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1330 г. (Ср. Животи 183), суббота, когда происходила битва приходилась на 28 число.

[2]) Грамота Душана при изданіи Законника. XXIV.

[3]) Gregor. IX. c. 12. p. 455: ὁ Κράλης Σερβίας, χεῖρα βαρεῖαν ἐπαγόμενος καὶ ὅπλα τῇ λαμπρότητι τὰς τῶν ὁρώντων ἀποκρύπτοντα ὄψεις.

[4]) Что этотъ отрядъ составляли нѣмецкіе выходцы, навербованные въ Италіи чрезъ посредство Дубровника видно изъ приведеннаго свидѣт. Растича. Кантакузинъ и Григора расходятся скорѣе въ опредѣленіи числа этихъ наемниковъ, чѣмъ ихъ народности. Первый (II, c. 21. p. 429) называетъ ихъ Германцами, участвовавшими въ бою всего въ числѣ 300 ч. (καὶ τριακοσίους ἐξ Ἀλαμανῶν ἐπαγόμενος καταφράκτους); а второй (IX. c. 12 p. 455) говоритъ, что это былъ тысячный отрядъ Кельтовъ (ἔχων περὶ αὐτὸν χιλίους ἱππέας Κελτοὺς μεγέθει τε σώματος καὶ ῥώμης περιουσίᾳ καὶ ὅπλων ἐμπειρίᾳ πολεμικῶν κράτιστα ἠσκημένους τε καὶ ἐσκευασμένους). Кельты Григоры вѣроятно тожественны съ Алеманами Кантакузина.

началась жестокая сѣча—и воды Струмы, на берегу которой происходилъ бой, окрасились кровью [1]). Болгаре были совсѣмъ разбиты и бѣжали. Конь подъ Михаиломъ споткнулся; царь свалился на земь и тяжело расшибся. Тутъ его окружили Сербы, и Душанъ самъ отсѣкъ ему голову [2]). Затѣмъ тѣло несчастнаго царя положили на коня и привезли къ кралю. Весь лагерь болгарскій достался побѣдителямъ; вельможи и бояре были взяты въ плѣнъ, а простые ратники обезоружены и затѣмъ какъ единовѣрцы и единоплеменники отпущены на свободу [3]). Остальныя части войска Михаила, бывшія во время боя на фуражировкѣ, узнавъ о бѣгствѣ своихъ, спѣшили спасаться, какъ могли. Къ вечеру все поле усѣяно было трупами; не мало потребовалось времени на преданіе ихъ землѣ; только убитые Татары, какъ „языкъ безбожный и поганскій", были оставлены безъ погребенія [4]). Такой исходъ имѣла Вельбуждская битва. Не смотря на нѣкоторое несогласіе источниковъ, Душанъ несомнѣнно былъ главнымъ рѣшителемъ ея. Продолжатель Даніила, имѣвшій для біографіи Дечанскаго въ этой побѣдѣ единственное событіе государственной важности, очевидно боялся умалить его заслуги, какъ краля, и потому весьма осторожно говоритъ о дѣятельномъ участіи въ немъ Душана. Другіе же лѣтописцы—какъ Цамблакъ [5]) и Троношскій монахъ [6]), приписываютъ все веденіе боя „юному кралю". Наконецъ собственный разказъ Душана въ его объяснительной грамотѣ къ Законнику

---

[1]) „Животи". 184—186.

[2]) Грамота Душана при „Законникѣ" изд. Новаковича. По разказу же обоихъ нашихъ византійскихъ лѣтописцевъ—Михаилъ умеръ отъ ранъ спустя нѣсколько дней въ сербскомъ лагерѣ. Это разногласіе объясняется тѣмъ, что о вельбуждской битвѣ, какъ выдающемся событіи, ходили самые различные, нерѣдко преукрашенные и невѣрные разказы, которыми и воспользовались Кантакузинъ и Григора. Къ числу такихъ фантастическихъ повѣствованій долженъ быть отнесенъ и попавшій въ Троношскую лѣтопись разказъ о томъ, будто бы Душанъ „главу Михаила отсѣчену сваривъ и у злато окова и изъ нея многи крать пияше" (*Гласн.* V. 64).

[3]) Cantac. Ibidem p. 429.

[4]) „Животи". 186.

[5]) *Гласник.* XI. 73.

[6]) *Гласник.* V. 64.

устраняетъ всякія сомнѣнія въ этомъ вопросѣ. Любопытно также участіе въ этомъ дѣлѣ иноземнаго наемнаго отряда, который предводительствуется самимъ Душаномъ и болѣе всего способствуетъ пораженію Болгаръ [1]).

На другой день послѣ битвы, въ воскресенье, рано утромъ, краль со своими сподвижниками съ торжествомъ принималъ взятую у непріятеля богатую добычу. Къ нему вели дорогихъ коней, и несли „злато много и свиты царскыѥ и богатьство неисчьтено“ самого царя и его бояръ. За добычею слѣдовали скованные бояре. Они не хотѣли вѣрить извѣстію о смерти своего повелителя и при видѣ его трупа разразились громкими рыданіями. Уступая ихъ просьбѣ краль велѣлъ похоронить убитаго Михаила съ нѣкоторымъ почетомъ въ Нагоричинскомъ монастырѣ. Въ тотъ же день были отправлены вѣстники къ архіепископу Даніилу, кралицѣ Маріи и ко всему собору Сербской земли. „Пусть будетъ вамъ вѣдомо“, писалъ всѣмъ имъ краль, что мы „съ прѣвьзлюблѥныимь сыномь кралѥвьства ми Стефаномь и сь вои моими“ побѣдили „оного зьловьзньнаго врага цара Бльгаромь“ и теперь „идемь на прѣдьлежештии намь поуть вь дрьжаву царьства землѥ бльгарьскыѥ“ [2]). Этотъ походъ побѣдителей въ страну побѣжденныхъ былъ настоящимъ торжественнымъ шествіемъ. Краля и его мужественнаго сына сопровождали въ оковахъ болгарскіе бояре и передавали имъ города, которыми они правили. Наконецъ, въ мѣстечкѣ Изворѣ явились послы отъ Белаура, брата Михаила, и отъ всѣхъ „велемоштьныихь земли той“ и вручили побѣдителямъ все царство, смиренно соглашаясь на соединеніе Сербіи и Болгаріи подъ одною державою [3]). Но Стефанъ Дечанскій не рѣшился на такой смѣлый

---

[1]) Самъ Стефанъ заявилъ дубровницкимъ посламъ, пришедшимъ поздравить его съ побѣдою, что успѣхомъ дѣла онъ обязанъ главнымъ образомъ итальянскому отряду. Resti:.. essendo stato battuto il Bulgaro, et il Re Orossio vitorioso per opera particolare delli soldati Italiani come *lui stesso confesso* agli Ambasciatori di Ragusa che furono inviati felicitarlo della vitoria avendo.....

[2]) „Животи“. 188—190.

[3]) Послы отъ бояръ говорили: нь не остави насъ, рабы твоѥ, имѣти печальноу доушоу нашоу и срьдьце же скрьбьно. отъ сеѣ бо срьбьскоѥ кралѥвьство и царьство бльгарьскоѥ въ ѥдино соуште съвькоуплѥниѥ и миръ боудеть. Написоуѥмь же се и мы повелѥнии кралѥвьства ти. „Животи“ 195.

шагъ. Онъ ограничился тѣмъ, что послалъ отрядъ въ Терново для возстановленія на престолѣ своей сестры Анны (Неды) и ея малолѣтняго сына Шишмана II, и затѣмъ съ Душаномъ и остальными войсками вернулся въ Сербію [1]). Почему Сербы не воспользовались своею побѣдою и отказались подчинить своей власти Болгарію—этотъ вопросъ уже издавна занималъ юго-славянскихъ историковъ [2]) и вызывалъ разныя предположенія. Но отвѣтитъ на него не такъ трудно. Сербское королевство само по себѣ не было еще достаточно сильно, чтобы принять на себя управленіе такою обширною страною, какою было тогда Болгарское царство, притомъ населенною народомъ, хотя близкимъ и родственнымъ Сербамъ по языку и вѣрѣ, но все-таки уже имѣвшимъ свою особую исторію и выработавшимъ свой отличный характеръ, свое особое бытовое устройство. Это, впрочемъ, была главная и внутренняя причина. Были, конечно, и другія, частныя — наприм. личное желаніе Дечанскаго возвратить престолъ своей сестрѣ и ея сыну, неувѣренность въ искренности заявленій болгарскихъ бояръ и проч.

Во всякомъ случаѣ результаты вельбуждской битвы были немаловажны для молодаго Сербскаго королевства. Греко-болгарскій союзъ былъ разстроенъ; попытка со стороны Болгаріи задержать завоевательныя стремленія Сербіи подорвана въ самомъ корнѣ. Теперь она рѣшительно выдвинулась впередъ изо всѣхъ государствъ Балканскаго полуострова. Не могла эта побѣда не сопровождаться для Сербіи и территоріальными пріобрѣтеніями, какъ справедливо замѣчаетъ г. Голубинскій [3]), хотя о нихъ и молчатъ источники. Именно теперь должны были отойти къ Сербіи тѣ города въ болгарской землѣ, которые отмѣчены нами въ первой главѣ. Кромѣ того, добыча, доставшаяся отъ побѣжденныхъ Болгаръ, конечно, повліяла на возвышеніе матеріальнаго благосостоянія Сербіи. На царскія и боярскія сокровища Стефанъ могъ не только украсить выстроенный имъ великолѣпный храмъ въ Дечанахъ (на р. Быстрицѣ), но кое-что сдѣлать и для внут-

---

1) „Животи“ 196. Cantacuz. II. c. 21. p. 430.

2) Ср. напр. Luccari: „Annali di Rausa“. 50.

3) *Голубинскій.* Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей. стр. 437.

ренняго устройства страны, наприм. для лучшаго вооруженія войска. Этой послѣдней цѣли способствовала и масса доставшагося оружія, что въ то время, когда оружіе пріобрѣталось изъ Венеціи и Далматинскихъ городовъ нерѣдко съ большими затрудненіями, составляло обстоятельство не лишенное значенія.

Немного времени спустя, по возвращеніи изъ Болгаріи, Стефанъ Дечанскій и Душанъ совершили вмѣстѣ еще походъ въ Македонію. Кралю хотѣлось наказать и другаго врага — византійскаго императора, за союзъ его съ Михаиломъ Болгарскимъ. Походъ этотъ былъ весьма не продолжителенъ и не имѣлъ большаго значенія. Еще во время движенія въ Болгарію, въ селѣ Models Мракѣ [1]), Стефанъ узналъ, что Андроникъ, пораженный вѣстью объ исходѣ Вельбуждской битвы, поспѣшно отступилъ отъ сербской границы и направился въ столицѣ. Теперь, явившись въ Македонію, Сербы, очевидно, не застали тамъ византійскихъ силъ и ограничились возвращеніемъ тѣхъ пограничныхъ крѣпостей, которыя на время занялъ было Андроникъ, а также присоединеніемъ нѣсколькихъ добровольно передавшихся городовъ на Вардарѣ: Велеса, Просѣка Штипа, Чрѣшчи и Добруни [2]). Оставивъ въ этихъ городахъ

---

[1]) „Животи" 193.

[2]) *Продолжатель Данiила* изъ всѣхъ источниковъ одинъ говоритъ объ этомъ походѣ и, пользуясь случаемъ восхвалить Дечанскаго, очевидно прикрашиваетъ это событіе (196—199). Отрицать самое присоединеніе названныхъ городовъ нѣтъ основанія; авторъ житія стоялъ близко къ этимъ событіямъ и не могъ ихъ не знать, а въ трудѣ своемъ онъ вообще нигдѣ не обнаруживаетъ стремленія къ вымысламъ. Молчаніе Григоры объ этомъ движеніи краля въ Македонію и краткое его замѣчаніе: „ὁ δὲ βασιλεὺς μαθὼν τὸ πραχθὲν τὴν ταχίστην εἰς Βυζάντιον ἐπανήει μηδὲν μήτε δεδρακώς, μήτε πεπονθώς" (Greg. IX. 12 p. 456) объясняется тѣмъ малымъ значеніемъ, которое придавали въ Византіи утратѣ нѣсколькихъ городовъ въ Македоніи. Что касается Кантакузина, который хорошо могъ знать дѣло и между тѣмъ положительно говоритъ, что краль ничего не предпринялъ противъ императора, такъ что послѣдній, поручивъ Сиргіану всѣ пограничныя крѣпостцы, пошелъ войною на Болгаръ (Ὁ Κράλης δὲ μετὰ τὴν νίκην βασιλεῖ μὲν οὐκ ἐπεστράτευσε Ῥωμαίων ἐπικειμένῳ ὁμοίως καὶ πολιορκοῦντι τὰς ἐν τοῖς μεθορίοις αὐτοῦ τε καὶ τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας πόλεις ἀλλ' ἔμεινεν ἐστρατοπεδευμένος οὐκ ἐγγύς. (II. 21 p. 480), то здѣсь нашъ историкъ прибѣгаетъ къ нерѣдко употребляемой имъ манерѣ — скрывать то, что не говорило въ пользу опекаемаго имъ государя.

сербскихъ воеводъ, съ соотвѣтствующими отрядами, оба краля вернулись въ свои дворы царскіе [1]), Дечанскій въ Неродимлю, а Душанъ въ Скадаръ. Такъ счастливо для Сербіи кончился 1330-й годъ. Судя по согласію и единодушію, которое, по описанію продолжателя Даніила, сохранялось между отцемъ и сыномъ во все время войны, нельзя было и предполагать, что уже въ слѣдующемъ году Сербское государство постигнетъ новая внутренняя смута, которая завершится страшнымъ преступленіемъ въ Звечанѣ и кровавымъ вступленіемъ на престолъ новаго Неманича.

Обстоятельства, вызвавшія новый переворотъ въ Сербіи, объясняются неодинаково въ существующихъ историческихъ свидѣтельствахъ [2]). Свѣряя эти показанія между собою и сопоставляя ихъ съ несомнѣнно извѣстными фактами, нельзя не прійдти къ убѣжденію, что здѣсь дѣйствовали тѣ же условія, что и въ смутѣ при Милутинѣ. У Душана, какъ нѣкогда у отца его Стефана, является опасеніе за устраненіе его отъ престола. У Дечанскаго, отъ третьей его жены Маріи Палеологъ, былъ уже сынъ Симеонъ или Синиша, который могъ быть выставленъ соперникомъ своему

---

[1]) Въ этомъ походѣ Душанъ также игралъ главную роль. У продолжателя Даніила много на это указаній: Мнози оубо отъ нихъ (людей того времени) знають сьбывшаѧ се вь отьчьствіи и дрьжавѣ господина кралѥ сътворьшааго вьса сиѥ *и съ прѣвьзлюбленыимь сыномь своимь младыимь кралѥмь* („Животи" 197); „сь благочьстивыи краль одолѣ вьсѣмь иноплеменьникомь *съ прѣвьзлюбленыимь сыномь своимь Стефаномь*" (199); „и тоу ѥмоу великою славою прославльшоу се и сь прѣвьзлюбленыимь сыномь своимь".

[2]) Наиболѣе подробныя извѣстія—въ житіи Стефана Дечанскаго, писанномъ продолжателемъ Даніила „Животи" 208—214 и въ исторіи Ник. Григоры IX. c. 12. p. 456. Краткія упоминанія: въ другомъ житіи Дечанскаго, составленномъ Григоріемъ Цамблакомъ — *Гласник* XI. 77—79; въ важнѣйшихъ сербскихъ лѣтописяхъ—Копривничской, Сеченичской, Троношской, Вукомановича, Родословіи сербскихъ царей и друг. и въ объяснительной грамотѣ Душана къ Законнику. Свидѣтельство продолжателя Даніила расходится со всѣми остальными въ самомъ главномъ; вся вина смуты сваливается на Стефана Дечанскаго, который будто бы „ненависть вьздвиже на сына своѥго вьзлюбленааго", и смерть его представляется естественною. Это разногласіе объясняется тѣмъ, что авторъ житія, составляя свой трудъ при жизни Душана не могъ передать всю печальную правду, какъ она была.

старшему брату [1]). Правда, Душанъ въ своемъ первомъ вѣнчаніи имѣлъ достаточный залогъ неприкосновенности своихъ правъ на престолонаслѣдіе, тѣмъ не менѣе вѣра въ прочность этого залога у него колебалась живо сохранявшимся воспоминаніемъ о самовластномъ поступкѣ Милутина съ его теперь подозрѣваемымъ отцемъ. Съ этимъ подозрѣніемъ у юнаго краля соединялось вообще недовольство семейными отношеніями [2]) Дечанскаго и его государственною бездѣятельностію. Состоя при немъ соправителемъ, онъ домогался какъ можно большей дѣятельности и самостоятельности и, повидимому, былъ стѣсненъ въ той и другой. Со времени Вельбуждской битвы, въ силу пріобрѣтеннаго обаянія среди служилыхъ людей, честолюбіе и желаніе власти въ немъ еще болѣе усилились. Такимъ образомъ отецъ и сынъ сами по себѣ имѣли достаточно поводовъ къ несогласію. Окончательно раздула эти искорки неудовольствія въ страшное пламя усобицы, приведшей къ отце-убійству, сила, которая во всѣхъ мрачныхъ событіяхъ сербской исторіи играла весьма выдающуюся роль — боярское сословіе, властели. Дечанскій имъ также былъ не по душѣ какъ въ свое время Милутинъ; Греки, прибывшіе въ Сербію съ послѣднею супругою краля и господствовавшіе при дворѣ, тревожили ихъ. Чувство народности и стремленіе къ сохраненію своихъ правъ подсказывали имъ необходимость смѣстить полуслѣпаго, неспособнаго правителя. Къ этому храбрый, дѣятельный Душанъ, съ которымъ они уже раздѣлили военные подвиги, при-

---

[1]) Greg. IX. c. 12. p. 456. „Ἐπεὶ δ' αὐτὸς (ὁ βασιλεὺς) μὲν τῇ τοῦ Καίσαρος θυγατρὶ συνεζύγη, πεντηκοντούτης ἀνὴρ κόρῃ δωδέκατον ἀγούσῃ τὸν χρόνον, καί πρὶν τῷ παιδὶ γυναῖκα ἀγαγέσθαι, παιδοποιεῖν ἤρξατο μετὰ τῆς τοῦ Καίσαρος θυγατρός, ἐς ὑποψίας καὶ φόβους ὁ παῖς ἐξενήνεκται, ὁποίους ὑποσπείρειν εἰκὸς τοὺς ἡλικιώτας ἐς τὴν σφριγῶσαν τούτου ψυχήν. По свѣдѣніямъ, которыми воспользовался Луккари (Annali di Rausa 51) вражда между отцемъ и сыномъ съ ея послѣдствіями была вызвана намѣреніемъ Дечанскаго передать престолъ Синишѣ: „Il quale morto Urosc suo padre (come giudicano gli huomini) d'ordine proprio, perche procurava di trasferire l Regno nella persona di Scisman ò Scinisa suo minor figliulo.

[2]) И теперь въ народѣ сохраняются разказы о томъ, что зависть и происки мачихи Душана вооружили его противъ отца. Гильфердингъ. Собр. Сочин. III. 99.

влекалъ къ себѣ сердца всѣхъ. Подстрекнуть его противъ отца имъ ничего не стоило [1]).

Въ Скадрѣ, при дворѣ молодаго краля, стали собираться недовольные властели, воеводы и сотники. Они вели съ собою и лучшее войско. Уступая ихъ совѣтамъ, Душанъ поднялъ возстаніе и провозгласилъ себя кралемъ всей Сербіи [2]). Но на первый разъ Дечанскій успѣлъ смирить сына; онъ самъ явился въ Зету, опустошилъ владѣнія сына и разрушилъ его дворецъ на Дринцѣ: Душанъ изъявилъ покорность [3]). Тѣмъ не менѣе вражда не прекратилась, и властели настаивали на низложеніи Дечанскаго. Видя колебаніе Душана, они стали грозить ему, что войдутъ въ соглашеніе съ отцемъ и отъѣдутъ къ нему обратно, и тогда пусть престолъ займетъ братъ его отъ матери-гречанки. Угрозы подѣйствовали. Начались приготовленія къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Спокойно сидѣлъ Стефанъ въ своемъ стольномъ дворѣ въ Неродимлѣ, не подозрѣвая о новомъ заговорѣ, когда войска Душана со всѣхъ сторонъ окружали королевскую столицу. Краль едва успѣлъ ускакать на конѣ въ Петричь, оставивъ жену и дѣтей во дворцѣ. Душанъ занялъ Неродимлю и тотчасъ же поспѣшилъ за отцемъ. Отецъ сдался ему на милость [4]). Очень возможно, что и теперь состоялось бы примиреніе, если бы противъ него не были властели. Они требовали немедленной расправы съ кралемъ и сами взялись привести ее въ исполненіе. Стефанъ, въ сопровожденіи жены и дѣтей, былъ отправленъ въ заточеніе въ гор. Звечанъ и спустя нѣсколько дней погибъ здѣсь отъ задушенія [5]). Едва ли можно отрицать ви-

---

[1]) О дѣятельномъ участіи властелей главное свидѣтельство у Григоры (IX. 13. p. 456): ὃν οὕτως ἔχοντα βλέποντες οἱ ἐκεῖ μεγιστᾶνες καὶ στρατηγοὶ καὶ ταξίαρχοι, καὶ ὅσοι κόρον εἰλήφεσαν τῆς ἀρχῆς τοῦ πατρὸς διὰ τὸν χρόνον, λάθρα τούτῳ προσήεσαν ἕκαστοι καὶ τοὺς τῆς ἀποστασίας ἐξεπύρσευον αὐτῷ λογισμούς. Затѣмъ, у продолжателя Даніила и въ Троношской лѣтописи (Желаа самовластіа паче же подстрекаваемъ от ласкателеи *Гласн.* V. 65); наконецъ въ собственной грамотѣ Душана (Законн. изд. Новаков. XXIV): скрьбна сътворише (люди отьчьства нашегъ) о мне родитела моего и тако наоустише его на ме".

[2]) Gregor. IX. c. 12. p. 57. *Гласник.* XI. 77.

[3]) „Животи" 209.

[4]) „Животи". 212—213.

[5]) Gregor. IX. c. 12. p. 457. οὐ πολλαὶ παρῆλθον ἡμέραι κἀκεῖνον μὲν ἐν δεσμοῖς

повность Душана въ совершеніи этого преступленія. Если несомнѣнно, что оно было непосредственно—дѣло рукъ бояръ, какъ удостовѣряетъ Григора, то также несомнѣнно, что оно произошло не безъ вѣдома и согласія молодаго краля. Оттого большинство серскихъ лѣтописей прямо приписываютъ смерть Дечанскаго его сыну. Въ народной памяти одинаково живетъ убѣжденіе какъ въ томъ, что бояре были главные подстрекатели къ злодѣянію, такъ и въ томъ, что распоряженіе объ убіеніи отца проистекало отъ Душана. Въ одной пѣснѣ, записанной Петрановичемъ въ Босніи, ясно высказывается это убѣжденіе. Историческіе факты здѣсь перепутаны; Стефанъ Душанъ называется царемъ Симеономъ, является старикомъ:

Бијела му брада до појаса
На златну се штаку опираше

и угощаетъ у себя четырехъ царей и семерыхъ кралей, въ числѣ которыхъ находится и Дечанскій. Все это анахронизмы; самый поводъ къ ссорѣ—уступка трехъ задужбинъ—конечно вымышленъ народною фантазіею; но вѣренъ здѣсь отзывающійся историческою правдою взглядъ народа на виновниковъ смерти краля. Послѣ пира, на которомъ царь Симеонъ подарилъ кралю Дечанскому три задужбины, разошлись всѣ цари и крали; съ царемъ остались только девять визирей сербскихъ. Вотъ эти визири, подъ кото-

---

ἀπέπνιξαν. Троношск. лѣт. *Гласн.* V. 65: „Но Стефанъ Душанъ славолюбецъ паче же отъ ласкателеи подстрекаваемъ посилаетъ войный дворныѧ и взѧша Уроша Стефана относѧтъ во градъ Звечанъ и тамо юго ужемъ тайно удавиша, и во Звечанѣхъ тамо погребоша“. Григорій Цамблакъ (*Гласн.* XI. 79): того же вь Звечань градь сице нарачемь пославь. по дьнехь нѣкыихь оудавленіа горчаишои сьмрьти осоуждаеть“. Въ тѣхъ же выраженіяхъ говорится объ этомъ въ Житомышличскомъ хронографѣ (*Гласн.* XXXII. 263) и въ лѣтописи Вукомановича (*Гласн.* X. 267), авторы которыхъ пользовались трудами Цамблака, а также и въ „Повѣсти“ изд. Ягичемъ (*Archiv* II. 76). *Въ Копривницкой лѣтоп.* (Památky 53): „постизает же кончину оть сына своего сьмрьтію моученичьскою вь лѣто 6840 и сь моученикы равночьстиѥ полоучи“. *Въ Сеченичской* лѣт. (Památky 71): „и коньчиноу пріѥмь ноѥмвріа 11 въ лѣто 6840 оть сына своего сьмрьть“. Родословіе сербскихъ царей (*Гласн.* XXI. 246): „и посла его свезана со женою и з детми во градь Звечань у заточеніе, идѣже и удавлень бысть одь сина своего Стефана Душана“.

рыми, конечно, нельзя разумѣть никого кромѣ властелей и вооружаютъ Симеона на краля Дечанскаго.

Међу њима везпре Тодоре
Везир Тодор цару бесјеђаше:
Царе Симо, наша круно златна!
Тешке ли те преварио краље
Што му даде до три задужбине?
До сад су се твоје називале
А од сад ће краља Дечанскога.

А вотъ какъ отвѣтилъ царь на это заявленіе визиря:

Лало моја, везире Тодоре!
Его теби до осам везира,
Хајде сиђи у Дечане красне
Право кули од Дечана краља,
Ухватићеш краља Дечанскога,
Ту ћеш њему свезати руке.
Доведи га цркви у Дечане
О вратима објеси вјешало,
Туде стани, да објесиш краља [1]).

Но „везиру Тодору" не удалось привести въ исполненіе это приказаніе царя: краль Дечанскій умираетъ самъ въ тотъ моментъ, когда его приготовились уже повѣсить, а девять визирей превращаются въ камни. Развязка этой пѣсни, имѣющая, вѣроятно, миѳическую основу, не совпадаетъ съ дѣйствительностію, но это общее свойство всѣхъ сербскихъ эпическихъ пѣсней древняго періода. Отмѣченныя нами въ ней черты оттого не теряютъ своей вѣрности. Въ глазахъ народа Стефанъ Дечанскій—краль-мученикъ, причисленный и церковію къ Святымъ, а о Стефанѣ Душанѣ и до сихъ поръ передается преданіе, какъ объ отце-убійцѣ [2]).

---

[1]) Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине. Епске пјесме старијег времена. Скупио Богољуб Петрановић. У Биограду. 1867. кн. I. стр. 107 и слѣд. Ср. также пѣсню въ кн. III. 1870. стр. 90—96.

[2]) Ср. Гильфердингъ. „Собраніе Сочиненій". Т. III. 209. Отголосокъ этого народнаго преданія находимъ уже въ извѣстной „Турецкой хроникѣ" (XV в.) Михаила Константиновича Островицкаго (*Гласник* XVIII. 72).

Звечанское дѣло легло темнымъ пятномъ на всю послѣдующую дѣятельность славнаго сербскаго царя [1]).

Смерть несчастнаго краля послѣдовала 11-го Ноября 1331 г. [2]). Но прежде этого печальнаго событія совершилось формальное вступленіе Душана на престолъ. Едва овладѣвъ личностью отца, онъ послалъ вѣстниковъ во всѣ части сербскаго государства объявить о своемъ вокраленіи. Вскорѣ потомъ, 8 Сентября, въ праздникъ Рождества Богородицы, „въ царскомъ дворѣ Сверчинѣ", въ присутствіи высшаго духовенства и всего собора земли Сербской, архі-

---

[1]) Извѣстный сербскій ученый Ст. Новаковичъ въ любопытномъ своемъ изслѣдованіи „Народне традицијe и критичка историја" (*Отаџбина* 1880 г.) старается смыть это пятно. Основываясь на показаніи продолжателя Даніила (Животи стр. 214) онъ утверждаетъ, что Дечанскій умеръ своею смертью. Отстаивая это показаніе противъ всѣхъ другихъ письменныхъ и устныхъ свидѣтельствъ, устанавливающихъ фактъ убійства, почтенный авторъ, однакожъ, забываетъ, что продолжатель Даніила, писавшій житіе Дечанскаго, вѣрнѣе всего былъ современникомъ Душана и потому уже не могъ обнаружить всѣхъ обстоятельствъ смерти несчастнаго краля.

[2]) Господствовавшее долгое время между изслѣдователями сербской исторіи мнѣніе о томъ, что смерть Дечанскаго и вокраленіе Душана будто бы произошли въ 1336 г., послѣ статей Крстича (*Гласник* VII) Руварца (*Rad jugoslavenske Academije znanosti i umjetnosti* XIX) и Ковачевича (*Годишн. Ник Чуп.* III) должно быть признано окончательно несостоятельнымъ. Крстичь впрочемъ самъ невѣрно относитъ Звечанское убійство къ 1332 г. Разъ точно опредѣлено время вступленія на престолъ Душана, не можетъ быть сомнѣнія и о годѣ кончины его отца. Изъ житія Дечанскаго, писаннаго Григоріемъ Цамблакомъ, видно, что удушеніе краля послѣдовало очень скоро („по дьнехь нѣкыихь оудавлєнія горчаишоя сьмрьти осоуждаеть" *Гласник* XI. 79) послѣ заточенія его и, слѣдовательно, не могло далеко отстоять отъ вокраленія Душана. Это послѣднее событіе, какъ неопровержимо доказалъ г. Руварацъ произошло 8 Сентября 1331 г. Значитъ на этотъ годъ должна падать и смерть Дечанскаго. Древнѣйшія лѣтописи—Копривницкая и Сеченичская и отмѣчаютъ ее подъ этимъ годомъ: „и коньчиноу пріемь ноємвріа 11 вь лѣто 6840 (1331 г.) Památky 71. (Въ хиландарскомъ типикѣ помѣченъ другой день—3 Ноября. *Миклош.* Monum. Serb. 115). Также и у Орбини 259. Какъ новое подтвержденіе того, что смерть Дечанскаго и вступленіе на престолъ Душана послѣдовали въ 1331 году можно указать на свидѣтельство драгоцѣннаго неизданнаго сочиненія Растича, гдѣ на основаніи архивной записи подъ 1331 г. говорится о Дубровницкомъ посольствѣ къ Душану, съ поздравленіемъ по случаю его коронаціи. Resti: Era già morto il Rè Orossio di Rassia pieno d'anni ed instabilità e gl'era sucesso Stefano suo figliolo, a cui la Republica mandò Ambasciatori per assister all'incoronazione........

епископъ Даніилъ торжественно вѣнчалъ Душана на Сербское королевство. По окончаніи обряда устроено было большое празднество. Преосвященный и всѣ бывшіе на соборѣ, получили приличные подарки [1]).

При такихъ условіяхъ состоялся окончательный переходъ къ Душану самодержавной власти въ Сербіи. Новый государь имѣлъ тогда около 23-хъ лѣтъ. Красота наружности соединилась въ немъ съ крупнымъ физическимъ сложеніемъ, и вся фигура его имѣла весьма внушающій видъ [2]). Пережитыя имъ сильныя впечатлѣнія дѣтства и юности уже выработали въ немъ стойкій, суровый, нѣсколько грубый характеръ; событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ, развили въ немъ, при содѣйствіи его природной живости ума, ловкость, находчивость, хитрость; онъ познакомился уже съ военнымъ дѣломъ, понималъ обаяніе побѣды и заявилъ себя храбростію. Хорошія и дурныя стороны порядка вещей въ государствѣ предъ нимъ уже были раскрыты вполнѣ. Однимъ словомъ Сербія получала въ лицѣ Душана вождемъ человѣка со всѣми задатками, которые позволяли ожидать отъ него большихъ услугъ родинѣ въ дѣлѣ развитія ея внѣшняго и внутренняго могущества, конечно подъ условіемъ, что эти задатки получатъ вполнѣ правильное примѣненіе.

---

[1]) „Животи“ 218—220. *Гласник* XXI. 245.

[2]) Ср. „Животи“: „красьнь оубо сы вьзоромь образа и дивьною добротою тѣла своѥго“. Разказъ Филиппа Мезьè о католической миссіи въ Сербію (*Гласник* XXI. 288): Rex inter omnes homines mundi suo tempore major erat corpore, et terribilis facie. Ср. также Orbini Il regno degli Slavi p. 260.

III.

Первые походы Душана на югъ. Участіе въ византійской усобицѣ. Завоеваніе Македоніи.

Ставъ самодержавнымъ сербскимъ кралемъ, Стефанъ Душанъ въ первый же годъ ясно обнаружилъ свои политическія стремленія, которыя потомъ легли въ основаніе всей его продолжительной государственной дѣятельности. Онъ сразу выступилъ на путь завоеваній на юго-востокѣ Балканскаго полуострова, указанный ему еще дѣдомъ Милутиномъ, и шелъ по нему настойчиво и искусно до самой своей смерти. Жалкое положеніе имперіи, съ которымъ онъ могъ и лично ознакомиться, недавняя удача похода въ Македонію, предпринятаго вмѣстѣ съ отцемъ, наконецъ съ дѣтства развившееся въ немъ влеченіе къ Византіи и ея культурѣ—все это манило его направить свою воинственную дѣятельность именно въ эту сторону. Ему казалось, что здѣсь онъ скорѣе всего и найдетъ самое широкое удовлетвореніе своимъ властолюбивымъ и славолюбивымъ стремленіямъ, и доставитъ внѣшнее могущество молодому Сербскому государству. Войны съ имперіею, походы въ ея предѣлы съ перерывами тянутся во все его двадцати-четырехлѣтнее правленіе. Нѣкоторые историки, какъ Энгель, насчитываютъ до 13 греческихъ походовъ Душана, но цифра эта, вѣроятно, ниже дѣйствительной, такъ какъ византійскіе лѣтописцы, на основаніи которыхъ дѣлается разсчетъ, отмѣчаютъ далеко не всѣ движенія сербскаго завоевателя, ограничиваясь переименованіемъ утраченныхъ областей. Успѣхъ этого стремленія на югъ былъ блистательный: къ Сербамъ отошла почти вся западная половина имперіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замыслы Душана естественно становятся все шире и шире. Онъ провозглашаетъ себя царемъ и обращаетъ свой смѣлый взоръ на самый Цареградъ...

Въ первомъ выпускѣ нашихъ изслѣдованій мы изобразили печальное положеніе, въ которомъ находилась въ данное время разтерзываемая со всѣхъ сторонъ имперія; тамъ же мы намѣтили и главные моменты завоеваній Душана. Здѣсь намъ предстоитъ привести ихъ въ связь, разсмотрѣть относящіяся къ нимъ подробности и, съ помощью послѣднихъ, уяснить общій характеръ и значеніе успѣховъ, одержанныхъ Сербами на югѣ.

Подъ предлогомъ все еще неудовлетворенной мести за союзъ Андроника съ Михаиломъ Болгарскимъ, Душанъ уже въ концѣ 1331 г. возобновилъ завоеваніе Македоніи и въ теченіе трехъ лѣтъ овладѣлъ всею западною половиною ея—до р. Стримона и г. Амфиполя [1]). Съ нимъ шла военная сила, собранная со всего государства, а страна, на которую онъ направлялъ свои удары, оставалась вполнѣ беззащитною. Императоръ Андроникъ и его руководитель великій доместикъ Іоаннъ Кантакузинъ, занятые обороною ближайшихъ къ столицѣ областей противъ Болгаръ и Турокъ, переходили съ своею единственною арміею то къ Балканамъ, то къ берегамъ Пропонтиды, то къ малоазіатскимъ крѣпостцамъ [2]) и не въ состояніи были оказать помощь западной половинѣ имперіи. Византійскіе гарнизоны по македонскимъ городамъ не были многочисленны и, сколько можно догадываться, состояли частью изъ славянскаго населенія, а потому не могли оказать большаго сопротивленія Сербамъ. Такимъ образомъ Душану стоило очень небольшихъ усилій покореніе Македоніи: въ открытое поле никто не выступалъ противъ него, а города сами сдавались ему [3]).

---

[1]) Greg. IX. c. 12. p. 457: καὶ ἅμα αὐτῷ (т. е. съ Душаномъ) ἐξελάσαντες εὐθὺς ᾠκειώσαντο τὴν Ῥωμαίων χώραν ἄχρι Στρυμόνος καὶ Ἀμφιπόλεως.

[2]) См. выпускъ I, стр. 37 и слѣд.

[3]) „Живоги“ 222, 223. „и иде тамо вьноутрь грьчьскаего царьства, и гради многы царьствиꙗ того *приєть*, и землѥ многыѥ дрьжави тоѥ игѣни.... и сь царь слышавь ꙗко вьса землꙗ дрьжави грьчьскиѥ и гради вьси и силы землѥ тоѥ *прѣдають се* вь роуцѣ благочьстиваго кралꙗ Стефана....“.

*

Здѣсь, собственно говоря, завоеванія и не было, а происходила въ своемъ родѣ оккупація беззащитной страны. Притомъ успѣхъ похода Душана зависѣлъ не мало еще отъ одного особаго обстоятельства. Войсками его предводительствовалъ извѣстный уже намъ [1]) половчинъ Сиргіанъ, одинъ изъ тѣхъ мятежниковъ-проходимцевъ, готовыхъ всегда эксплоатировать государственныя бѣдствія въ свою пользу, которыхъ не мало встрѣчается въ византійской исторіи, особенно послѣднихъ періодовъ. Уличенный въ преступныхъ замыслахъ противъ имперіи, онъ бѣжалъ къ сербскому кралю и предложилъ ему свои услуги для завоеванія Македоніи, которыя тотъ, конечно, и принялъ съ большою готовностью. Какъ бывшій войсковой начальникъ (стратигъ) въ западныхъ провинціяхъ, онъ сохранилъ значительное вліяніе въ странѣ и много способствовалъ подчиненію городовъ Сербамъ. До прихода Сиргіана Душанъ, кажется, овладѣлъ еще только слѣдующими городами: Охридою, Прилѣпомъ и Струмицею. Сиргіанъ же занялъ прежде всего Касторію и затѣмъ все дальше распространялъ господство сербскаго оружія. Для прочнаго утвержденія за Сербами Македонія, онъ совѣтовалъ Душану взять Солунь, и велъ уже сербскаго царя и все его войско къ низовьямъ Вардара. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ строилъ еще болѣе широкіе планы и агитировалъ возстаніе по всей Өракіи [2]).

Это былъ уже 1334-й годъ. Извѣстіе о новой опасности и съ западной стороны вызвало страшную панику въ Византіи. Правительству казался страшнымъ не столько Душанъ, сколько Сиргіанъ; если Сербы грозили отнятіемъ отъ имперіи Македоніи, то этотъ мятежникъ могъ произвести анархію въ ближайшихъ къ столицѣ областяхъ и, пожалуй, осуществить свои преступные замыслы относительно самихъ правителей. Избавиться отъ этой опасной личности они считаютъ прежде всего необходимымъ и для этого прибѣгаютъ къ средству, которое уже не разъ практиковалось въ подобныхъ случаяхъ византійскими государственными людьми. Въ Македонію былъ отправленъ преданный импе-

---

[1]) См. выпускъ I, стр. 10, 14, 18, 21.

[2]) Cantacuz. II. c.c. 22—24; Greg. X. c.c. 5—7.

ратору членъ синклита, нѣкто Францъ Палеологъ, который, принявъ на себя управленіе ближайшими къ Касторіи городами (Дивровю, Соскомъ, Старидолою и Хлериномъ), долженъ былъ притворно объявить себя измѣнникомъ Византіи, войти въ сношенія съ Сиргіаномъ и при первомъ благопріятномъ случаѣ убить его. Въ ожиданіи исхода дѣла, весною 1334 г., Андроникъ и самъ съ небольшимъ отрядомъ явился къ Солуни, расположившись лагеремъ на востокъ отъ города, недалеко отъ озера Болбы. Между тѣмъ сербскія войска стояли на Вардарѣ. Немного времени спустя Францъ успѣшно выполнилъ принятое имъ коварное порученіе. Онъ сумѣлъ сблизиться съ Сиргіаномъ, разъ какъ-то завлекъ его подальше отъ сербскаго лагеря на рѣчку Галикъ и здѣсь съ нѣсколькими сообщниками лишилъ его жизни; затѣмъ онъ успѣлъ бѣжать въ Солунь и былъ щедро вознагражденъ императоромъ [1]). Это неожиданное событіе поразило Душана: онъ лишился важнаго пособника въ осуществленіи своихъ завоевательныхъ плановъ. Горько плакалъ онъ на трупѣ несчастнаго Сиргіана и устроилъ ему пышные похороны. Андроникъ спѣшилъ пользоваться произведеннымъ впечатлѣніемъ и черезъ пословъ просилъ у краля мира [2]). Душанъ согласился; теперь, повидимому, онъ не надѣялся на большіе военные успѣхи, особенно узнавъ объ уничтоженіи войсками императора большаго турецкаго отряда, высадившагося у Сермиліи [3]); къ тому же извѣстіе о движеніи на Сербію угорскаго короля Карла Роберта заставляло его остановить на время завоеванія на югѣ. 26 августа 1334 г. [4]) на берегу той же рѣчки Галика, гдѣ погибъ Сиргіанъ, близь Солуни, состоялось свиданіе обоихъ государей. Андроникъ обнаружилъ уступчивость въ переговорахъ, а

---

[1]) Cantacuz. II. c. 25. p. 451—457; Greg. X. c. 7. p. 500.

[2]) Кантакузинъ, старающійся, какъ уже мы не разъ замѣчали, представить всѣ дѣянія свои и Андроника въ возможно лучшемъ освѣщеніи, и здѣсь прикрашиваетъ дѣло, представляя его такъ, какъ будто бы Душанъ первый искалъ мира и союза съ Византіею. Между тѣмъ Григора, согласно съ авторомъ житія Душанова („Животи“ изд. Даничиħ), приписываетъ инициативу переговоровъ и соглашенія Андронику.

[3]) См. выпускъ I, стр. 39.

[4]) „Животи“. 244. Ср. *Rad Jugoslovenske Akademije*. XIX. p. 182.

Душанъ, спѣша на защиту отъ вторженія Угровъ сѣверныхъ предѣловъ королевства, отказался отъ части завоеваній [1]), вѣроятно, отъ полосы земли, лежащей въ южной Македоніи между рр. Стримономъ и Вардаромъ. При всемъ томъ по этому миру къ Сербіи отошли города: Охрида, Прилѣпъ (здѣсь Душанъ устроилъ себѣ царскій дворецъ), Касторія, Струмица, Хлеринъ, Желѣзнецъ, Водена и Чемрѣнь [2]). Императоръ и краль пропировали цѣлый день, обмѣнялись подарками и разстались друзьями.

Душанъ на время вернулся въ Сербію. Въ Жичѣ онъ собиралъ войска, чтобы двинуться на встрѣчу Уграмъ. Но до столкновенія между ними дѣло не дошло. Карлъ Робертъ не ожидалъ встрѣтить Сербовъ готовыми къ отпору непріятеля и поспѣшилъ отступить къ Дунаю. Отступленіе происходило въ безпорядкѣ и, по словамъ автора житія Душана, сопровождалось большими потерями при переправѣ черезъ Саву [3]). Кантакузинъ къ этому добавляетъ, что императоръ Андроникъ послалъ къ сербскому кралю, по его просьбѣ, большой и самый лучшій отрядъ изъ своихъ войскъ [4]), и высказываетъ предположеніе, что извѣстіе объ этой помощи и должно было устрашить Угровъ. Мы позволяемъ себѣ усомниться въ справедливости этого свидѣтельства нашего историка, который, при всей огромной исторической важности его труда, не можетъ быть признанъ писателемъ объективнымъ и вполнѣ достовѣрнымъ, даже съ фактической стороны. Онъ не ограничивается тѣмъ, что даетъ свою особую окраску всѣмъ описываемымъ событіямъ, но и не прочь иногда (хотя и не часто) коечто присочинить. Такъ и здѣсь разказъ о помощи Византійцевъ

---

[1]) Кантакузинъ (Vol. I. p. 457) говоритъ будто Андроникъ снова получилъ всѣ города взятые было Сиргіаномъ. Но это несправедливо: поступаться всѣми пріобрѣтеніями Душану не было крайней необходимости. Притомъ Григора и совсѣмъ не упоминаетъ о какихъ либо уступкахъ со стороны Сербовъ, а въ житіи Царя Стефана, заключающемъ фактически достовѣрныя свѣдѣнія, говорится объ уступкѣ только нѣкоторой части земли и городовъ.

[2]) „Животи“. 226.

[3]) „Животи“. 230.

[4]) Cantac. II. 25. p. 458: ἡσθεὶς δὲ ὁ βασιλεὺς πρὸς τὴν πρεσβείαν, στρατιὰν ἀπολεξάμενος πολλὴν τε καὶ ἀγαθὴν, ἔπεμψεν εἰς Κράλην συμμαχίαν.

противъ Угровъ слѣдуетъ считать вымышленнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ императоръ посылать своему новому союзнику войска, да еще лучшія и въ большомъ количествѣ, когда постоянно самъ въ нихъ нуждался. Во всѣхъ войнахъ и походахъ, которые ему приходилось вести почти непрерывно, онъ вѣчно озабоченъ составленіемъ арміи, что̀, вслѣдствіе разоренія и обезлюженія провинцій имперіи и печальнаго положенія ея финансовъ, всегда сопряжено съ большими затрудненіями. Можно положительно сказать, что въ то время у Андроника не было лишняго солдата, особенно если взять во вниманіе, что, по собственному же свидѣтельству Кантакузина, онъ явился въ Солунь съ небольшимъ отрядомъ, а заключивъ миръ съ Душаномъ, готовился къ походу въ Ѳессалію. Но такъ какъ въ основаніи историческаго вымысла обыкновенно лежитъ какая либо черта дѣйствительности, то и въ упомянутомъ свидѣтельствѣ Кантакузина можно видѣть указаніе на то, что Андроникъ всячески старался расположить къ себѣ сербскаго государя и, быть можетъ, предлагалъ свою помощь, имѣя въ виду обезопасить свой тылъ на то время, пока онъ будетъ занятъ на югѣ возвращеніемъ къ имперіи областей Ѳессаліи и Эпира.

Душанъ, однако, не пустился преслѣдовать Угровъ; его не тянуло на сѣверъ къ Дунаю; въ коренной Сербіи онъ также не долго оставался [1]). Въ 1335 г. мы видимъ его снова въ Македоніи. Императоръ Андроникъ въ это время только что вернулся въ Солунь, удачно совершивъ присоединеніе къ Византіи Ѳессаліи и части Албаніи [2]). Такое скорое возвращеніе сербскаго краля въ недавно завоеванную область естественно возбуждало въ немъ сомнѣніе въ прочности Солунскаго мира. Борьба съ Латинами и Тур-

---

[1]) Что первый походъ Угровъ противъ Душана относится къ 1884 г., въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Ср. *Rad.* II, 82 статью Рачкаго. Кромѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ Кантакузина и автора житія Душанова можно еще сослаться на замѣчаніе Растича, стоящее подъ 1884 г. „Voltò (т. е. Душанъ) la sua gente alla rovina del stato vecchio di Ragusa, e l'aurebbe destrutto tutto se intanto non fosse stato necessitato *richiamar le sue truppe per difender il suo stato molestato di la dal Danubio dagli Ungari*“. Ср. также Fejer. Codex diplomaticus Hungariæ. VIII. Vol. 3 p. 728.

[2]) См. выпускъ I, стр. 51.

ками отзывала его на востокъ. Чтобы сдѣлать что-либо для обезпеченія запада отъ новыхъ сербскихъ завоеваній онъ прибѣгаетъ къ нерѣдко употребляемому имъ средству—дипломатіи.

Устраивается новое свиданіе императора съ Душаномъ, но уже во владѣніяхъ краля. На основаніи этого послѣдняго обстоятельства и соображеній о политическомъ положеніи вещей на Балканскомъ полуостровѣ въ это время, мы и составляемъ высказанное заключеніе о мотивахъ и значеніи этого свиданія. Кантакузинъ, въ исторіи котораго только и разказывается объ этомъ событіи, не безъ умысла умалчиваетъ о самомъ существенномъ—о цѣли свиданія и предметѣ переговоровъ, и весьма некстати приписываетъ инниціативу всего дѣла Душану, который будто бы хотѣлъ дружески повеселиться и побесѣдовать съ императоромъ [1]) и просилъ его назначить удобное для того мѣсто. Сообщаемыя имъ же самимъ весьма любопытныя подробности лучше всего доказываютъ всю неестественность подобнаго объясненія. Не Душанъ домогался лицезрѣнія императора, а напротивъ, послѣдній искалъ случая упрочить мирныя отношенія съ сербскимъ кралемъ, побуждаемый къ тому политическими затрудненіями въ другихъ частяхъ имперіи. Рѣшено было сойтись въ землицѣ Боимін (ἐν Βαϊμὶ..... χωρίῳ Μακεδονικῷ). Сюда и отправился Душанъ изъ своего города, вѣроятно, изъ Скопіи (Скопле). Но Андроникъ, желая напугать краля и частью выразить ему знаки самой искренней дружбы, какъ говоритъ Кантакузинъ, а по нашему мнѣнію, просто имѣя въ виду такъ либо иначе произвести впечатлѣніе въ свою пользу на опаснаго сосѣда, перемѣнилъ планъ и вмѣсто того, чтобы съ пышною свитою и большимъ военнымъ отрядомъ идти въ Боимію, въ сопровожденіи всего 300 воиновъ и нѣсколькихъ представителей знати, неожиданно подступилъ къ гор. Радовишту (Ραδοβόσδιον), гдѣ тогда остановился Душанъ. Сербскій краль дѣйствительно былъ встревоженъ этою неожиданностью и заподозрилъ императора въ непріязненныхъ намѣреніяхъ, но потомъ, увидя ничтож-

[1]) См. Cantacuz. II. c. 28. p. 474: Καὶ μετ' οὐ πολλὰς ἡμέρας πρεσβείαν πρὸς αὐτὸν ὁ Κράλης πεπομφὼς ἠξίου καθ'ὃν ἂν δοκοίη τόπον γενομένους ἐν ταὐτῷ φιλίας ἕνεκα, ἀλλήλοις τε συνησθῆναι καὶ ὁμιλίας τῆς ἀλλήλων καὶ συντυχίας ἀπολαῦσαι.

ную его свиту, вполнѣ увѣрился въ его доброжелательности и оказалъ ему самый радушный пріемъ и почетъ, соотвѣтствующій его императорскому сану. Семь дней они вмѣстѣ пировали и угощались на славу. На восьмой день государи разстались, оба довольные другъ другомъ. Императоръ отправился домой, а краль остался въ своемъ городѣ [1]. Изъ этого тона разказа ясно видно, что Андроникъ былъ въ гостяхъ у Душана. Ради государственныхъ интересовъ, онъ поступался традиціями величія самодержца вселенной и шелъ самъ задобривать славянскаго государя, угрожавшаго беззащитной имперіи [2].

Это дипломатическое путешествіе императора до нѣкоторой степени достигло своей цѣли. Во время его войны за Фокею и Лесбосъ Душанъ не предпринимаетъ новыхъ захватовъ въ Македоніи и даже какъ бы содѣйствуетъ Византіи, обращая оружіе противъ Латиновъ, гнѣздившихся на восточномъ берегу Адріатики. Въ 1336 г. онъ начинаетъ завоеваніе Средней Албаніи, обращаясь прежде всего на Драчъ, который съ прилегавшею къ нему страною признавалъ власть Анжуйцевъ. Опустошивъ огнемъ окрестности, онъ вошелъ въ сношенія съ мѣстными боярами и „ласкою и дарами" привлекъ ихъ на свою сторону [3]. Вскорѣ они отворили ему ворота Драча [4]. За предѣлы анжуйскихъ владѣній Сербы въ этомъ году не пошли. Быть можетъ, Душанъ, не хотѣлъ нарушать соглашенія съ императоромъ и занимать страну, которая признавала власть имперіи; съ другой стороны, его вѣроятно останавливало начавшееся сильное движеніе между воинственными албанскими племенами (въ странѣ между рр. Шкумбомъ и Воюсою). Онъ выждалъ то время, когда Андроникъ, при помощи турецкихъ

---

[1]) Ibidem. p. 475.... μετὰ τὴν ἑβδόμην αὐτὸς μὲν ὑπελείπετο εἰς τὴν οἰκείαν, βασιλέα δε χαίρων χαίροντα οἴκαδε ἀπέπεμπε.

[2]) Не можемъ здѣсь не отмѣтить одной весьма важной частности, попавшей въ разказѣ Кантакузина объ этомъ свиданіи. Онъ называетъ Радовиштъ— срединою земли Душана („ἔτι περὶ μέσην τὴν οἰκείαν διατρίβοντι τῷ Κράλῃ κατὰ τὸ 'Ραδοβόσδιον προσαγορευόμενον"). Подъ этой землей должна разумѣться недавно завоеванная Македонія. Отсюда видно какая значительная часть этой провинціи отошла уже къ Сербамъ.

[3]) В. Макушевъ. „Историческія разысканія о Славянахъ въ Албаніи". 46.

[4]) Ibidem. Registri Angiovini vol. C.C.C.II. f. 96.

полчищъ, смирилъ эти возставшія племена и своимъ движеніемъ подъ Драчъ [1]) далъ поводъ сербскому кралю опять открыть непріязненныя дѣйствія противъ Византіи. Едва императоръ двинулся въ Эпирское деспотство, какъ Душанъ вступилъ въ разоренную турками Среднюю Албанію и безъ труда занялъ важнѣйшіе пункты. Уже въ 1337 г. сербскія знамена развѣвались на стѣнахъ Авлоны и Канины [2]). Затѣмъ, пользуясь затрудненіями, съ которыми приходилось бороться Андронику для присоединенія къ Византіи деспотства Эпирскаго, онъ постепенно распространялъ свою власть далѣе къ югу и въ 1340 г. покорилъ уже всю страну прежнихъ независимыхъ Албанцевъ до Янины, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ титулъ албанскаго короля [3]). Подробностей объ этомъ покореніи почти неизвѣстно [4]). Со стороны Византійцевъ, оно, какъ мы уже замѣтили, не встрѣчало сопротивленія; албанское же населеніе, повидимому, не безъ борьбы признало сербское господство. Выдающіеся представители албанскаго боярства Музаки и Топія сперва заключили съ Анжуйцами договоръ, которымъ обязывались имъ помогать въ возвращеніи Албанскаго королевства, но затѣмъ имъ самимъ пришлось заботиться о самозащитѣ. Андрей II Музаки, при вѣсти о вторженіи Душана въ Албанію, выступилъ на встрѣчу ему съ большимъ войскомъ и разбилъ одного изъ сербскихъ вождей въ горахъ Перистери, у источника, называемаго Добрида, за что и былъ пожалованъ отъ византійскаго императора гербомъ съ изображеніемъ двуглаваго орла и титуломъ деспота Эпира [5]). Значитъ, здѣсь Сербамъ пришлось употребить нѣкоторыя усилія, но въ концѣ концовъ Албанцы, не получая поддержки ни отъ Византіи, ни отъ Анжуйцевъ, склонились передъ сербскимъ завоевателемъ

---

[1]) См. выпускъ I, стр. 52.

[2]) Hopf. Griechenland im Mittelalter *Ersch.* u. *Gruber*. Bd. 85. ss. 429, 446.

[3]) Ljubić. „Monumenta Slavorum meridionalium“. V. II. p. [illegible]

[4]) Важныя свѣдѣнія о походахъ Душана въ Албанію, сколько можно догадываться, должны находиться въ матеріалахъ, собранныхъ проф. В. В. Макушевымъ съ сожалѣнію, еще не вполнѣ изданныхъ, и особенно въ грамотѣ, данной Душаномъ Датайку Медину. Ср. „Разысканія“. 46.

[5]) В. Макушевъ: „Историческія разысканія о Славянахъ въ Албаніи“. 43. 52. Владѣнія Музакіевъ простирались между рр. Шкумбомъ и Воюсою.

Такимъ образомъ результатъ походовъ перваго десятилѣтія правленія Душана былъ тотъ, что его владѣнія вошли клиномъ между деспотствомъ Эпирскимъ и Ѳессаліею (герцогствомъ Влахіею). Занявъ такую позицію, онъ облегчилъ себѣ завоеваніе этихъ обѣихъ областей. Но прежде того, онъ обратился снова на Македонію; обстоятельства указывали ему на возможность новой легкой поживы въ этой странѣ.

Едва узнавъ о смерти Андроника Младшаго, Душанъ выслалъ отрядъ въ южную Македонію, который дошелъ до такъ называемаго Критскаго селенія, близь Солуни. Византійскаго войска для отраженія непріятеля, какъ и можно было ожидать, не оказалось; населеніе, предувѣдомленное объ опасности, укрылось со своимъ имуществомъ по городамъ; Сербы ограничились тѣмъ, что разграбили, сколько могли, несчастную провинцію и вернулись къ своему повелителю. Стоявшій во главѣ византійскаго правительства Іоаннъ Кантакузинъ, занятый планомъ кампаніи въ Пелопонисъ, считалъ нужнымъ поддержать мирныя отношенія съ сербскимъ кралемъ и отправилъ къ нему пословъ, которые возобновили прежній договоръ, заключенный при Андроникѣ [1]. Этотъ миръ былъ весьма не продолжителенъ. Вскорѣ въ Византіи началась новая усобица. Душанъ принялъ въ ней дѣятельное участіе и, поддерживая то одну, то другую сторону, извлекъ для себя не малыя выгоды. Кантакузинъ, провозгласившій себя императоромъ, стѣсненный противною партіею, первый обратился за помощью къ сербскому кралю. Весьма любопытны передаваемыя въ источникахъ подробности о пребываніи въ Сербіи этого искателя византійскаго престола и объ отношеніяхъ, которыя устанавливаются между нимъ и Душаномъ. Въ нихъ хорошо обрисовывается и личность славянскаго завоевателя Византійской имперіи и вся обстановка, при которой онъ довершаетъ завоеваніе Македоніи.

Явившись въ 1342 г. въ западные предѣлы имперіи искать помощи для добыванія Цареграда, Кантакузинъ нашелъ Македонію въ очень печальномъ положеніи. Южная ея часть, съ Солунью и

---

[1]) Cantacuz. III. c. 12. Vol. II. p. 82.

Сересомъ, находилась подъ управленіемъ византійскихъ намѣстниковъ; а вся сѣверная (немного далѣе за Просѣкъ) уже была занята Сербами. По городамъ сидѣли сербскіе воеводы, или перешедшіе на сербскую службу византійскіе чиновники (какъ въ Просѣкѣ) [1]), близь городовъ мѣстами явились сербскіе поселенцы [2]). Вслѣдствіе недавняго переворота и непрочности послѣдовавшихъ за нимъ новыхъ отношеній между элементами населенія, въ странѣ господствовала полная неурядица. Поселяне и всякій сборный людъ тайкомъ ходили по дорогамъ и производили грабежи и опустошенія [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и не вся занятая Сербами полоса Македоніи была тѣсно связана политически съ королевствомъ; городомъ Струмицею и среднимъ теченіемъ р. Стримона владѣлъ знаменитый въ сербской исторіи властель Хреля, который незадолго предъ тѣмъ объявилъ себя независимымъ отъ краля [4]). Образованное имъ княжество было не велико, но онъ фактически господствовалъ во всей восточной половинѣ Македоніи и со своими легкими отрядами ходилъ до Христополя [5]). Кантакузинъ уже раньше (особенно во время свиданія въ Радовиштѣ) сблизился со многими изъ сербскихъ бояръ и теперь прежде всего обратился къ Хрели Тотъ не отказался помочь, но дѣйствовалъ весьма уклончиво [6]), такъ что Кантакузинъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ привлечь на свою сторону нѣкоторые города, очутился въ концѣ концовъ въ весьма затруднительномъ положеніи и рѣшился искать помощи у самого Душана. Послѣдній между тѣмъ, какъ бы не обращая вниманія на военныя диверсіи Хрели и Кантакузина, думалъ о пріобрѣтеніи Вотіэи; его войска осаждали Едессу (Водену),

---

[1]) Ibidem. Vol. II. p. 257, 259.

[2]) Ibidem. p. 256. καὶ τῶν νομάδων Τριβαλλῶν τις περὶ Πρόσοιχον οἰκῶν ἐν κώμῃ τοῦ Δαβὶδ προσαγορευομένῃ, Τζιμπάνος ὄνομα........

[3]) Greg. XIII. c. 2. p. 638.

[4]) Greg. XII. c. 16. p. 626. φοβερός τις καὶ πάνυ τοι δυσεπιχείρητος τῷ κράλῃ Σερβίας ἐγίνετο. Кантакузинъ по обыкновенію смягчаетъ значеніе этого факта, и говоритъ, что Хреля, отпавъ отъ Душана, призналъ власть Андроника. Cantac. II. c. 31, 37.

[5]) Greg. ibidem. p. 632.

[6]) Cantac. III. c.c. 37, 38.

отъ которой, впрочемъ, должны были отступить съ приближеніемъ византійской арміи Апокавка [1]).

Предварительно Кантакузинъ отправилъ къ кралю посольство, которое должно было напомнить ему о непрочности земной славы и благополучія, и, объяснивъ постигшее императора несчастіе просить оказать ему посильную поддержку. Посольство это было перехвачено близъ Просѣка однимъ сельскимъ пастухомъ Чимпаномъ, который измѣннически отвезъ его въ Солунь къ Апокавку, былъ за это щедро награжденъ и принялъ византійское подданство [2]). Тогда Кантакузинъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ двинулся самъ въ сербскіе предѣлы. Направляясь отъ Гинекокастра, послѣ всякаго рода тревогъ и лишеній, онъ пришелъ сперва къ Просѣку, нашелъ здѣсь дружескій пріемъ у воеводы Михаила, оказавшагося старымъ его знакомымъ, бывшимъ служителемъ при византійскомъ дворѣ, затѣмъ переправился черезъ Вардаръ и вступилъ на дорогу въ Скопію. Близъ Велеса его встрѣтилъ правитель той части Сербіи Оливеръ (Λιβέριος). Это былъ одинъ изъ тѣхъ знатныхъ и вліятельныхъ Сербовъ, дружбою которыхъ Кантакузинъ въ свое время сумѣлъ запастись весьма кстати. Онъ оказалъ знатному пришельцу весьма радушный пріемъ и должный почетъ и обѣщалъ съ своей стороны всякое содѣйствіе. Кантакузинъ разсыпался передъ нимъ въ благодарностяхъ, одарилъ его бывшими при немъ драгоцѣнными одеждами и серебряными вещами и предлагалъ своего сына Мануила въ мужья дочери сербскаго вельможи, лишь бы тотъ облегчилъ ему доступъ къ кралю. Заручившись отъ Оливера рекомендательными письмами къ Душану и проводниками, онъ прибылъ на пятнадцатый день пути въ Скопію [3]). Между тѣмъ самъ Оливеръ отправился лично ходатайствовать предъ кралемъ. Онъ засталъ [4]) его гдѣ-то на Моравѣ, провожающимъ жену Елену въ Болгарію къ ея брату, царю Александру. Врядъ ли ему пришлось убѣждать краля въ необходимости оказать прі-

---

1) Ibidem. p. 240, 255.

2) Cantac. Vol. II. p. 256. Greg. XIII. c. 2. p. 637.

3) Cantac. III, c. 42. p. 256—260. Greg. XIII. c. 2. p. 638—639.

4) Cantac. p. 260: περί τινα τόπον Μοράβαν ἐγχωρίως προσαγορευόμενον...

емъ Кантакузину, какъ объ этомъ говоритъ послѣдній въ своей исторіи [1]). Принесенное имъ извѣстіе о прибытіи въ Сербію претендента на императорскій престолъ само по себѣ представляло большую важность, которой не могъ не оцѣнить самъ Душанъ. Краль и кралица отложили поѣздку въ Болгарію и отправились на встрѣчу византійскому гостю. Впередъ для привѣтствованія его былъ посланъ братъ Оливера, Богданъ. Свиданіе произошло близъ Приштины, въ мѣстечкѣ Тао (Ταῶ). Душанъ принялъ Кантакузина съ большимъ почетомъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, которыя приличествуютъ государямъ, они обмѣнялись подарками. Кантакузинъ поднесъ кралю и его супругѣ драгоцѣнныя вещицы изъ своихъ сокровищъ; полученные же имъ отъ Душана предметы не отличались ни великолѣпіемъ, ни изяществомъ работы. Непосредственно за тѣмъ краль предоставилъ византійскому отряду императора мѣста для жительства, пастбища и продовольствіе; но все это, по словамъ Григоры, отзывалось скупостью сербскаго государя и носило мѣстный грубый характеръ, который не нравился Византійцамъ [2]). Если не видѣть въ этомъ разказѣ обычной у византійскихъ писателей брезгливости ко всѣмъ вообще не-Ромэямъ, то можно думать, что Душанъ, не предоставляя Кантакузину сразу всѣхъ матеріальныхъ удобствъ, хотѣлъ тѣмъ яснѣе показать ему всю его зависимость отъ сербской помощи и тѣмъ скорѣе добиться извѣстныхъ уступокъ въ предстоящихъ переговорахъ. За то въ отношеніи внѣшнихъ знаковъ почтенія, которыя оказывались Кантакузину, если вѣрить всѣмъ сообщаемымъ имъ подробностямъ, трудно было ожидать чего нибудь бо̀льшаго. Сербскій краль какъ бы гордился тѣмъ, что у него гоститъ византійскій императоръ хотя бы пока номинальный и, быть можетъ, не безъ намѣренія старался выставить передъ своими властелями и народомъ высоту и величіе императорскаго сана, который онъ мечталъ современемъ перенести и на себя. Вездѣ, гдѣ-бы они ни сходились вмѣстѣ, за столомъ ли, въ дорогѣ ли, онъ предоставлялъ высокому гостю первое мѣсто, первую честь. Для Кантакузина былъ отмѣненъ прежній сербскій,

---

1) ἔπειθε φιλοφρόνως δέξασθαι..... οἱ δ'αὐτίκα τε ἐπείθοντο....

2) Greg. p. 640. γλισχρῶς μὲν καὶ σμικροπρεπῶς καὶ κατὰ σύντροφον ἔθος.

болѣе простой этикетъ и сдѣланъ обязательнымъ византійскій. По сербскому обычаю всякій властель, давно не видавшій своего государя, при встрѣчѣ съ нимъ сходилъ съ коня и привѣтствовалъ краля, который также спѣшивался, поцѣлуемъ сперва въ грудь, а потомъ въ уста; при вторичной же встрѣчѣ можно было ограничиваться выраженіемъ привѣтствія, оставаясь на конѣ. Теперь Душанъ предписалъ всѣмъ Сербамъ, при всякой встрѣчѣ съ Кантакузиномъ, на почтительномъ разстояніи оставлять коней, пѣшкомъ подходить къ императору и прикладываться къ его колѣну. Это постановленіе соблюдалось и тогда, когда государи были вмѣстѣ; краль, согласно обычаю, сходилъ съ коня для принятія привѣтствія, а императоръ дожидался знаковъ почтенія, оставаясь на конѣ. Еще бо̀льшею торжественностью сопровождались посѣщенія Кантакузиномъ королевскаго дворца, происходившія почти каждый день. У входа его встрѣчали молодые бояре, въ сѣняхъ (ἔνδον δὲ τῆς αὐλῆς) привѣтствовали болѣе старые и заслуженные властели и наконецъ въ первомъ покоѣ его привѣтствовалъ самъ краль; иногда же самъ Душанъ выходилъ къ тому мѣсту, гдѣ Кантакузинъ слѣзалъ съ коня. Кралица Елена не уступала мужу въ чествованіи императора [1]).

Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ пирахъ и выраженіи взаимныхъ знаковъ дружелюбія, приступлено было къ переговорамъ. Кантакузинъ подробно разказываетъ о ходѣ переговоровъ и приводитъ рѣчи, произнесенныя по этому случаю имъ самимъ, кралемъ и другими лицами, принимавшими въ нихъ участіе. Григора, повидимому, имѣвшій въ рукахъ эти рѣчи, выпускаетъ ихъ въ своемъ изложеніи этихъ событій, не безъ основанія находя въ нихъ болѣе риторики, чѣмъ разъясненія дѣла [2]). Въ общемъ нельзя не признать справедливымъ послѣднее замѣчаніе почтеннаго историка-современника. Можно даже болѣе сказать: многое что Кантакузинъ заставляетъ говорить себя и другихъ при этихъ переговорахъ, отзывается не только риторикою, но и позднѣйшимъ присочинительствомъ. Если и дѣйствительно были произнесены

---

[1]) Cantacuz. III. c. 43. p. 261—262.

[2]) Greg. p. 641.

приводимыя имъ его собственныя рѣчи, въ которыхъ онъ по всѣмъ правиламъ краснорѣчія хотѣлъ рельефно оттѣнить мысль, что онъ проситъ помощи краля во имя безкорыстной дружбы и не поступится ни одною іотою интересовъ имперіи ради этой помощи; то едва ли могла кралица Елена въ своей рѣчи такъ превозносить Кантакузина, какъ это представлено въ его исторіи. При всемъ томъ необходимо допустить, что разказъ вѣнценоснаго участника этихъ событій заключаетъ въ себѣ весьма важныя данныя какъ для сужденія объ отношеніи Душана къ Кантакузину и вообще къ византійскимъ дѣламъ того времени, такъ и для заключенія о нѣкоторыхъ сторонахъ положенія и значенія сербскаго государя въ собственномъ его государствѣ. Нужно только снять съ этихъ данныхъ лишній слой краски, густо наложенной самимъ авторомъ.

Прежде всего достойно вниманія то обстоятельство, что вопросъ о соглашеніи съ Кантакузиномъ и, слѣдовательно о войнѣ съ Византіею обсуждался и рѣшался не однимъ кралемъ, а при участіи его супруги и двадцати четырехъ властелей, между которыми былъ и Оливеръ. Душанъ соглашался оказать Кантакузину поддержку, но подъ условіемъ, чтобы тотъ уже теперь отказался въ пользу сербскаго государя отъ всей западной половины имперіи, начиная отъ Христополя, или, по крайней мѣрѣ, отъ Солуни [1]. Онъ мечталъ, такимъ образомъ, въ случаѣ успѣха поддерживаемаго имъ претендента безъ труда присоединить къ королевству южную Македонію, Вотіэю, Θессалію и Эпиръ. Кантакузинъ, который, какъ мы уже показали, не мало сдѣлалъ для собиранія земель имперіи и при всемъ своемъ честолюбіи сознавалъ интересы ея, теперь, провозглашая себя верховнымъ главою ея, не могъ принять подобнаго тяжелаго условія. Въ искусной рѣчи, онъ развивалъ предъ кралемъ философію истинной безкорыстной дружбы, при которой друзья не считаются услугами и не нуждаются въ наградахъ за нихъ, такъ какъ у нихъ все общее, и рѣшительно заявилъ намѣреніе искать скорѣе другихъ средствъ къ исходу изъ своего тяжелаго положенія, чѣмъ согласиться на добровольное распаденіе имперіи. Силою своего

[1]) Cantacuz. p. 264.

краснорѣчія онъ разсчитывалъ побудить Душана къ уступчивости. Но тотъ и самъ не имѣлъ основанія настаивать на своемъ условіи: для него важно было не упустить случая вмѣшаться въ византійскія дѣла, а одно обѣщаніе отдать Сербіи области, которыя еще не принадлежали и Кантакузину, не представляло въ его глазахъ большой важности; все равно ему приходилось еще отвоевывать эти области. Тѣмъ не менѣе на исходъ переговоровъ должно было повліять ходатайство за Кантакузина Оливера и его сестры кралицы Елены. Ихъ, вѣроятно, поддержалъ и совѣтъ бояръ: одни изъ нихъ могли быть также задобрены Кантакузиномъ, какъ Оливеръ; другіе дѣйствовали въ угоду кралицѣ, или самому Оливеру, который является однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ людей при Душанѣ; третьи, наконецъ, могли имѣть свои виды и цѣли, для участія въ предполагаемой кампаніи. Всѣ эти лица, по словамъ Кантакузина, находили достаточнымъ признаніе съ его стороны statu quo, т. е. всѣхъ уже сдѣланныхъ Сербами завоеваній въ предѣлахъ имперіи. Но нужно думать, что это было не единственное предложеніе со стороны сочувствовавшей Кантакузину партіи: странно было бы ожидать, чтобы Душанъ сталъ домогаться подобнаго признанія своихъ завоеваній; тогда Сербамъ не могло приходить въ голову, что Византійцы могутъ потребовать назадъ утраченное. Во всякомъ случаѣ краль не ограничился одними этими предложенными ему условіями. Уступая голосамъ, раздававшимся за оказаніе помощи Кантакузину, онъ заключилъ съ нимъ соглашеніе или союзъ, но внесъ въ него нѣсколько пунктовъ, посредствомъ которыхъ имѣлъ въ виду извлечь для себя извѣстныя выгоды [1]). Въ разказѣ Кантакузина эти пункты частью выпущены, частью облечены съ обычнымъ ему искусствомъ въ форму, отвѣчавшую его цѣли—представить въ своихъ запискахъ полное оправданіе всѣхъ своихъ дѣяній.

Въ его изложеніи весь договоръ является актомъ, основаннымъ главнымъ образомъ на взаимной дружбѣ обоихъ монарховъ и весьма выгоднымъ для того изъ нихъ, который нуждался въ помощи. Кантакузинъ признавалъ сдѣланныя Душаномъ завоеванія и обѣщалъ

---

[1]) Cantacuz. III. c.c. 43, 44. p. 263—270.

ему свою поддержку, когда самъ онъ будетъ императоромъ, а союзнику его будутъ угрожать враги; краль же за это обязывался оказать ему посильную военную помощь въ борьбѣ съ императрицею Анною и Іоанномъ Палеологомъ. Онъ долженъ принять открыто сторону Кантакузина и, помогая ему въ утвержденіи его власти въ византійскихъ областяхъ, долженъ отказаться отъ всякихъ своекорыстныхъ цѣлей за предѣлами уже признанныхъ завоеваній. Всѣ города, которые будутъ заняты или завоеваны при содѣйствіи Сербовъ, отходятъ къ императору. Еслибы даже случилось, что краль, или кто-либо изъ его воеводъ, въ отсутствіе Кантакузина, овладѣетъ принадлежащимъ Византіи городомъ—все равно, оружіемъ ли, черезъ добровольную сдачу, или путемъ подкупа—городъ этотъ долженъ быть переданъ императору, безъ всякаго возраженія [1]. Вотъ въ этомъ пунктѣ, мнѣ кажется, нашъ историкъ прежде всего и отступаетъ отъ истины. Высказать ее было ему и тяжело, и не хотѣлось. На самомъ дѣлѣ о такой безкорыстной помощи со стороны краля не могло быть и рѣчи. Дальнѣйшій образъ его дѣйствій ясно показалъ это; но и въ самомъ договорѣ уже сказалось не менѣе ясно намѣреніе Душана—не упускать изъ виду своихъ интересовъ. Кантакузинъ вынужденъ былъ поступиться до нѣкоторой степени благами имперіи и ужь отнюдь не выговорилъ для нея безопасности отъ дальнѣйшихъ захватовъ сербскаго государя. Григора, которому въ данномъ случаѣ нѣтъ никакого основанія не вѣрить, слѣдующимъ образомъ передаетъ это главное условіе договора: „Между ними (Душаномъ и Кантакузиномъ) было заключено соглашеніе, подтвержденное взаимными клятвами, о томъ, что они разставшись не будутъ мѣшать одинъ другому въ преслѣдованіи счастья, но всегда будутъ оставаться въ ненарушимыхъ предѣлахъ дружбы, и что подвластные Византійцамъ города должны отходить къ тому изъ нихъ, кому сами пожелаютъ сдаться, путемъ добровольнаго соглашенія, или кѣмъ будутъ приведены къ

---

[1]) Cantac. III. 45. p. 273: ἂν δ' ἀπόντος βασιλέως, ἢ αὐτὸς Κράλης ἢ ὅπλοις, ἢ ὁμολογίᾳ, ἢ χρήμασι τοὺς κατοικοῦντας διαφθείρας, ἢ τῶν ὑπ' αὐτὸν δυνατῶν τις πόλιν παραστήσεται τῶν Ῥωμαίοις ὑπηκόων καὶ ταύτην εἶναι βασιλέως καὶ ἀποδιδόναι ἀπαιτοῦντι, μηδὲν πολυπραγμονοῦντας.

покорности осадою, такъ что и здѣсь одинъ не будетъ помѣхою другому“ [1]).

И такъ, Душанъ получалъ право—помогая Кантакузину и для себя дѣлать пріобрѣтенія въ византійскихъ областяхъ. Изъ текста договора, приводимаго Григорою видно даже, что для этихъ пріобрѣтеній кралю открывался неограниченный просторъ. Оставалось только пользоваться удобнымъ случаемъ и возможно искуснѣе соперничать съ своимъ союзникомъ въ завоеваніи византійскихъ городовъ.

Другое условіе, внесенное въ договоръ по настоянію Душана, касалось извѣстнаго Хрели. Краль обязывалъ Кантакузина отказаться отъ всякой солидарности съ этимъ сербскимъ измѣнникомъ и возвратить полученный отъ него гор. Мельникъ. Что такое условіе дѣйствительно было поставлено Душаномъ и принято Кантакузиномъ на это нѣтъ прямаго свидѣтельства; о существованіи его мы заключаемъ на основаніи краткихъ указаній Григоры и соображеній касательно всѣхъ извѣстныхъ обстоятельствъ переговоровъ и ихъ послѣдствій. Самъ Кантакузинъ передаетъ вѣрно только фактъ подчиненія Хрели Душану и всячески старается скрыть, что это подчиненіе состоялось съ его согласія. Онъ представляетъ дѣло такъ, что послѣ продолжительныхъ преній краль, наконецъ, согласился на то, чтобы Хреля, какъ уже признавшій верховную власть императора, оставался за послѣднимъ. Но на другой день послѣ такого соглашенія, передъ окончательнымъ его скрѣпленіемъ, будто-бы оказалось, что Хреля, изъ страха быть выданнымъ Кантакузиномъ, самъ изъявилъ покорность Душану, и передалъ ему Мельникъ, незадолго передъ тѣмъ отнятый у родственника Кантакузина — Іоанна Асѣня. Краль былъ весьма доволенъ такимъ оборотомъ дѣла и поспѣшилъ измѣнить въ свою пользу пунктъ о Хрелѣ и Мельникѣ, ссылаясь на то, что

---

[1]) Greg. XIII. c. 6. p. 656: ἔφθη γὰρ ἑκατέρων μεταξὺ δι' ὅρκων βεβαιωθεῖσα συμφωνία μηδέτερον μηδετέρῳ ποτε γίνεσθαι κώλυμα πρὸς εὐτυχίαν ἡντιναοῦν ἀπαλλαγεῖσιν ἀλλήλων, ἀλλ' ἐμμένειν τοῖς ἀσύλοις ὅροις ἀεὶ τῆς φιλίας, καὶ συγχωρεῖν ταῖς τῶν Βυζαντίων ὑπηκόοις πόλεσιν, ὅτῳ βούλοιντο προσχωρεῖν ὁπώσποτε, νῦν μὲν καθ' ὁμολογίαν, νῦν δ'ἐκ πολιορκίας ἑκατέρων ἄλλη ἄλλῳ, ἐμποδὼν οὐδενὸς οὐδενὶ καθεστῶτι.

*

договоръ еще не скрѣпленъ окончательно присягою. Кантакузинъ протестовалъ, но тщетно [1]. Намъ кажется, нѣтъ нужды останавливаться на разборѣ такого объясненія злополучнаго императора-историка; придуманность его сама по себѣ очевидна. Достаточно будетъ указать на два обстоятельства. Во-первыхъ, странно допустить, чтобы Душанъ, выговаривая себѣ право завоеванія въ византійскихъ областяхъ, отказался возвратить къ повиновенію своего властеля, стремившагося къ независимости въ тѣхъ же областяхъ, и не менѣе странно думать, что Кантакузинъ могъ серьезно требовать признанія Хрели зависимымъ отъ имперіи, когда тотъ ничѣмъ и не обнаруживалъ этой зависимости и собственно не оказалъ ему никакого содѣйствія въ задуманной имъ борьбѣ. Во-вторыхъ, изъ свидѣтельства Григоры видно, что Мельникъ не былъ вновь отвоеванъ Хрелею, а былъ сданъ ему Іоанномъ Асѣнемъ, по приказанію Кантакузина [2]. Едва-ли можно сомнѣваться, что это приказаніе опиралось на обязательствѣ по договору. Какъ бы ни было, Хреля, по собственному свидѣтельству Кантакузина, снова обязался вѣрностью Душану; вскорѣ затѣмъ онъ умеръ, и его владѣнія въ Македоніи, управленіе которыми онъ до конца удержалъ за собою, окончательно перешли къ кралю.

Такимъ образомъ Душанъ уже заранѣе обставилъ свое участіе въ борьбѣ Кантакузина съ противною ему партіею условіями, согласиться на которыя было не такъ легко искавшему у него помощи претенденту на византійскій престолъ. Тѣмъ не менѣе онъ не переставалъ чествовать въ своемъ гостѣ византійскаго императора; всѣ факты этого чествованія Кантакузинъ тщательно отмѣчаетъ въ своей исторіи, какъ бы стараясь ими подтвердить проводимую имъ мысль о томъ, что онъ въ концѣ концовъ силою своего нравственнаго вліянія добился отъ сербскаго краля согласія на безкорыстную помощь, съ обезпеченіемъ цѣлости и неприкосновенности областей имперіи, и что Душанъ впослѣдствіи только нарушилъ этотъ договоръ. Окончательное скрѣпленіе договора

[1] Cantac. p. 273—276.

[2] Greg. XIII. c. 5. p. 654: ὁ γὰρ πρὸ βραχέος ἐπιτροπεύων ἦν Μελενίκου φρούριον, ἐντολαῖς νῦν βασιλικαῖς τῷ Χρέλῃ παραδεδωκώς...

должно было произойти въ присутствіи сербскаго архіепископа. Едва владыка подъѣхалъ къ королевскому дворцу, Душанъ вышелъ къ нему на встрѣчу на средину двора, взялъ за узду его коня и такъ подвелъ его къ крыльцу; здѣсь только, когда архіепископъ слѣзъ съ коня, краль поздоровался съ нимъ и принялъ отъ него благословеніе. Этотъ обычай встрѣчи, между прочимъ, можетъ служить однимъ изъ ясныхъ указаній того, какимъ большимъ почетомъ и уваженіемъ у краля пользовался высшій представитель сербской церкви; не мало существуетъ данныхъ въ доказательство того, что этотъ почетъ въ значительной степени связывался и съ вліяніемъ владыки на государственныя дѣла. Въ Византіи, гдѣ въ это время патріархъ, вслѣдствіе многоразличныхъ причинъ, уже не пользовался прежнимъ высокимъ значеніемъ и стоялъ въ полной зависимости отъ правительства, не существовало подобнаго обычая выраженія внѣшняго почтенія. Душану, вѣроятно, было это извѣстно и потому онъ освободилъ Кантакузина отъ встрѣчи сербскаго архіепископа на дворѣ. Согласно византійскимъ обычаямъ онъ встрѣтилъ его и благословился уже въ самыхъ покояхъ [1]). Въ этомъ эпизодѣ характерно рисуется какъ вниманіе хозяина-краля къ высокому гостю, такъ и степень развитія международныхъ приличій, существовавшихъ въ XIV в. на византійско-славянскомъ юго-востокѣ. Архіепископъ, очевидно, долженъ былъ привести къ присягѣ обоихъ договаривавшихся государей.

Такимъ образомъ наступилъ новый періодъ сербскихъ завоеваній на югѣ Балканскаго полуострова. Душанъ вмѣшался въ византійскую усобицу, принявъ сторону энергическаго претендента на императорскій престолъ. Заключенный между ними договоръ открывалъ ему широкій просторъ для дальнѣйшихъ пріобрѣтеній въ беззащитныхъ областяхъ. Дѣйствительно, помогая Кантакузину, онъ въ то же время занятъ систематическимъ преслѣдованіемъ своихъ интересовъ. Но этотъ союзъ съ одною изъ враждующихъ партій, какъ основанный на личныхъ разсчетахъ краля, былъ весьма не продолжителенъ. По мѣрѣ того, какъ усобица разгоралась все болѣе и болѣе и къ Душану обращалась за поддержкою

---

[1]) Cantac. III. 45. p. 274.

и другая сторона, онъ нашелъ весьма удобнымъ порвать съ Кантакузиномъ и работать исключительно въ свою пользу. Обстоятельства вполнѣ ему благопріятствовали; наступало время его быстрыхъ и легкихъ успѣховъ.

Кантакузинъ прибылъ въ Сербію въ концѣ іюля. Ровно черезъ мѣсяцъ, въ самомъ концѣ лѣта и въ началѣ осени, какъ опредѣляетъ время Григора [1]), онъ выступилъ съ сербскимъ войскомъ и своимъ небольшимъ отрядомъ въ походъ на Сересъ или Сѣръ. Душанъ предоставилъ въ его распоряженіе 20 воеводъ съ ихъ четами изъ числа 24, бывшихъ при немъ. Если и допустить, что не всѣ воеводы взяли съ собою четы въ полномъ ихъ составѣ, то все-таки при кралѣ осталась лишь небольшая часть наличнаго его войска. По собственному сознанію Кантакузина [2]), среди сербскихъ вождей, отпущенныхъ съ нимъ, не было къ нему довѣрія; онъ долженъ былъ оставить въ Сербіи заложникомъ сына Мануила, котораго требовалъ въ мужья своей дочери [3]) самый могущественный изъ сербскихъ властелей Оливеръ, также отправлявшійся въ походъ. Самъ краль и его супруга проводили до границы своего именитаго гостя и собранную для него дружину. Эта первая помощь, однакожъ, оказалась неудачною. Кантакузинъ и Сербы безпрепятственно прошли до самаго Сереса, но городомъ овладѣть не могли. Византійскій гарнизонъ и горожане приготовились къ стойкой оборонѣ, а главное, осаждавшіе войска, прежде чѣмъ успѣли приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ, сдѣлались жертвою лихорадочной эпидеміи. Попавъ въ южную Македонію ко времени сбора фруктовъ, Сербы не соблюдали должной умѣренности въ потребленіи всѣхъ благъ, какія въ изобиліи представляетъ роскошная природа этой страны, вслѣдствіе чего среди

---

[1]) Greg. XIII. c. 3. p. 647: ὁ γάρ τοι βασιλεὺς τριάκοντά που μόνας ἡμέρας ὁμιλικῶς τῷ κράλῃ μετά γε τὴν εἰς αὐτὸν κάθοδον, τελευτῶντος ἤδη τοῦ θέρους ἐκείνου, καὶ ἀρχομένου τοῦ φθινοπώρου.....ἧκε.....

[2]) Cantac. III. 48. p. 283—292.

[3]) Бракъ этотъ, впрочемъ, не состоялся. Кантакузинъ и тутъ хочетъ скрасить истинное значеніе факта оставленія сына въ заложникахъ и говоритъ, что Оливеръ, узнавъ о его согласіи на этотъ бракъ, не зналъ какъ выразить благодарность императору и цѣловалъ его ноги. Ibid. p. 292.

нихъ развилась болѣзнь, нѣчто въ родѣ дисентеріи, сопровождавшаяся большою смертностью. Ею переболѣло большинство воеводъ, въ числѣ ихъ и Оливеръ. До 1,500 Сербовъ было схоронено подъ Сересомъ. Оставшіеся въ живыхъ стали требовать возвращенія назадъ. Въ собственномъ отрядѣ Кантакузина также было недовольство. Онъ долженъ былъ отступить отъ города и направился опять въ Сербію [1]).

Потери, понесенныя Сербами подъ Сересомъ, конечно, были непріятны Душану и естественно ослабляли въ немъ желаніе помогать византійскому претенденту. Но то обстоятельство, что Сересъ не достался Кантакузину врядъ ли его печалило. Онъ самъ имѣлъ виды на этотъ важный городъ Македоніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти потери вознаграждались для него новыми пріобрѣтеніями. Проводивъ Кантакузина, съ оставшеюся частью войска онъ осадилъ Едессу (Водену). Благодаря искуснымъ переговорамъ и подкупу, городъ вскорѣ очутился въ его рукахъ. Между тѣмъ Кантакузинъ, вынужденный вернуться въ Сербію, направился черезъ южную Македонію, очевидно разсчитывая взять Едессу. Подойдя къ городу, онъ нашелъ его занятымъ сербскимъ гарнизономъ и, въ силу заключеннаго договора, долженъ былъ примириться съ этимъ новымъ тяжелымъ для него фактомъ [2]). Для него становилось ясно, что Душанъ преслѣдуетъ свои цѣли. Послѣднее было, впрочемъ, само по себѣ естественно. Независимо отъ неудачи подъ Сересомъ, всѣ обстоятельства указывали сербскому царю, что для него нѣтъ никакой выгоды помогать искренне Кантакузину. У него заискивала уже другая сторона, императрица Ирина и Апокавкъ.

Зимою, во время похода на Сересъ, прибыли въ Сербію изъ Цареграда послы Георгій Лука и солунскій митрополитъ Макарій. Отъ имени императрицы они просили Душана выдать въ Константинополь Кантакузина, обѣщая за это нѣсколько городовъ, какіе

---

[1]) Cantac. III. 49. p. 292—294. Gregor. XIII. c. 3. p. 647.

[2]) Изъ разказа Кантакузина (III. c. 51. p. 301) выходитъ будто бы Душанъ, при первомъ напоминаніи о договорѣ самъ де добровольно уступилъ ему на время городъ, не имѣя возможности оставить въ немъ свой достаточно сильный гарнизонъ. Но все это очевидно придумано авторомъ, чтобы снять съ себя отвѣтственность за потерю Едессы.

онъ самъ пожелаетъ. Краль на отрѣзъ отказалъ посламъ: значительная часть сербскаго войска находилась подъ начальствомъ Кантакузина, и вступать въ открытое соглашеніе съ его противниками было не своевременно и опасно. Черезъ нѣсколько времени тѣ же послы снова явились къ сербскому двору; они уже прямо предлагали Душану всю Македонію до Христополя, за исключеніемъ Солуни, за то только, чтобы онъ не помогалъ Кантакузину, а держалъ его подъ стражею. Но и это вторичное посольство было не удачно. Византійскій претендентъ нашелъ себѣ заступниковъ въ лицѣ все той же кралицы Елены и нѣкоторыхъ сербскихъ вельможъ. По словамъ Кантакузина, послы были пристыжены и осмѣяны за непатріотичность принятаго ими порученія и съ позоромъ оставили Сербію. Одинъ изъ сербскихъ властелей, особенно преданный императору, нѣкто *Ковачъ* (Κοβάτζης), будто бы грозилъ имъ смертью [1]. Къ этому разказу нашего историка мы опять не рѣшаемся отнестись съ полною вѣрою; онъ несомнѣнно отзывается преувеличеніемъ. Если Душанъ еще не хотѣлъ теперь входить въ сдѣлки съ византійскою партіею, то во всякомъ случаѣ грубымъ образомъ отклонять дѣлаемыя ему выгодныя предложенія вовсе не входило въ его планы. Вскорѣ мы видимъ новую попытку со стороны императрицы склонить сербскаго государя на свою сторону, и Душанъ оказывается уже не прочь вступить въ переговоры.

Наступилъ 1343 г.; приближалась весна. Кантакузинъ снова просилъ у Душана войска, намѣреваясь идти на Димотику на помощь своей партіи. Въ это же время великій дука Апокавкъ прислалъ кралю приглашеніе на свиданіе въ Амфиполь. Кантакузинъ въ своей исторіи [2]) усматриваетъ мотивы этого свиданія въ личныхъ цѣляхъ Апокавка, который будто бы хотѣлъ убѣдить Душана не мѣшать ему въ выполненіи задуманнаго имъ плана возведенія на византійскій престолъ своего зятя протовестіарія Андроника Палеолога и для того не позволять скрывавшемуся у него претенденту вступать въ предѣлы имперіи. Краль, по его разказу, будто бы принялъ приглашеніе, имѣя въ виду съ своей

---

[1]) Cantac. III. c. 52. p. 305—309.

[2]) Cantac. III. c. 54. p. 323.

стороны воспользоваться случаемъ т. е. захватить Апокавка живымъ, и потому предложилъ отправиться вмѣстѣ и Кантакузину. Едва ли все это было такъ въ дѣйствительности. За недостаткомъ данныхъ трудно, конечно, сказать, на сколько Апокавкъ, домогаясь свиданія съ сербскимъ государемъ, преслѣдовалъ свои планы, и на сколько дѣйствовалъ по порученію императрицы. Но нельзя допустить, чтобы Душанъ отправлялся въ Амфиполь съ единственною цѣлію—овладѣть личностью Апокавка, злѣйшаго врага Кантакузина. Мы сейчасъ увидимъ изъ фактовъ, которые разказываются тѣмъ же участникомъ и героемъ этихъ событій, что въ это время поддержка византійскаго гостя, желаніе доказать ему свою дружбу, всего менѣе занимали краля, все болѣе входившаго въ роль пріобрѣтателя возможно легкимъ путемъ городовъ и земель имперіи. Очевидно, онъ хотѣлъ въ Амфиполѣ что-нибудь выговорить себѣ у другой стороны, Кантакузинъ же понималъ угрожавшую опасность и сопровождалъ Душана, чтобы быть готовымъ принять во время мѣры къ выходу изъ затруднительнаго положенія въ томъ случаѣ, если краль рѣшится принять сторону его враговъ. Какъ бы то ни было, Душанъ и Кантакузинъ, въ сопровожденіи войска, отправились къ Амфиполю и, въ ожиданіи прибытія Апокавка, расположились у Соленыхъ озеръ (ἐν τοῖς Ἀλμυροῖς προσαγορευομένοις λάκκοις) [1]). Такимъ образомъ Кантакузинъ могъ разсчитывать на какую-либо военную помощь со стороны Сербовъ только послѣ исхода этого свиданія. Но оно не состоялось. Причиною тому была послѣдовавшая въ это время смерть прославленнаго сербскаго вояки, сильнаго Хрели. Дѣятельный сподвижникъ трехъ сербскихъ кралей—Милутина, Дечанскаго и Душана, народный герой, воспѣваемый подъ именемъ Рели, старикъ Хреля, въ послѣднее время носившій титулъ кесаря, передъ смертью принялъ монашество подъ именемъ Харитона и скончался въ болгарскомъ Рыльскомъ монастырѣ, гдѣ и до сихъ поръ показываютъ его могилу и выстроенную имъ „Релину кулу“ [2]). Признавъ себя,

---

[1]) Ibidem. p. 324.

[2]) *Гласник* VII. 182—184. Годъ смерти Хрели (1343) кромѣ свидѣтельства Кантакузина, удостовѣряется надписью на надгробной плитѣ Рыльскаго монастыря. *Гласник* ibidem.

на основанія договора между Кантакузиномъ и Душаномъ, зависимымъ отъ краля, онъ, какъ мы уже замѣтили, сохранилъ власть въ своемъ стримонскомъ княжествѣ. Теперь, при извѣстіи о его смерти, Душанъ спѣшилъ окончательно присоединить его владѣнія къ королевству, и отказавшись отъ свиданія съ Апокавкомъ, и забывъ о Кантакузинѣ. Къ нему переходила теперь долина средняго Стримона, съ городами Мельникомъ и Струмицею. Для занятія ея онъ отдѣлилъ значительную и лучшую часть войска; остатки же предоставилъ въ распоряженіе Кантакузина, двинувшись вмѣстѣ съ нимъ на Сересъ [1]).

На этотъ разъ еще менѣе можно было ожидать успѣха отъ этого движенія. Войско, подступившее къ городу, было слишкомъ слабо и ничтожно, чтобы овладѣть имъ. Душанъ, очевидно, не хотѣлъ уступить Кантакузину такой важный пунктъ. Весьма вѣроятно даже, что онъ потому и сопровождалъ Кантакузина, чтобы всячески помѣшать ему овладѣть Сересомъ въ томъ случаѣ, если правители города обнаружатъ готовность вступить съ нимъ въ соглашеніе. Но это было не возможно, ибо городомъ управляли злѣйшіе враги Кантакузина—Константинъ Палеологъ и мѣстный митрополитъ. Посольство, отправленное кралемъ къ этимъ лицамъ, какъ разказываетъ Кантакузинъ [2]), для убѣжденія ихъ въ томъ, чтобы они сдали городъ поддерживаемому имъ императору, уже заранѣе должно было разсчитывать на неуспѣхъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, Душанъ хотѣлъ только замаскировать свои отношенія къ Кантакузину и истинныя свои намѣренія. Но уже и самъ Кантакузинъ тогда хорошо понималъ дѣло; онъ боялся допустить осаду Сереса Сербами [3]) и рѣшилъ совсѣмъ отойти отъ города и двинуться къ Димотикѣ. Этотъ планъ ему также не удался. Бывшій съ нимъ небольшой сербскій отрядъ окончательно отказался идти черезъ Христопольскій проходъ, занятый Апокавкомъ съ сильнымъ

[1]) Cantac. c. 55. p. 328.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibid. p. 329. βασιλεὺς δὲ........συνορῶν οἶ κακῶν ὑπ' ἀναισθησίας συνελαύνονται, καὶ ὡς Ρωμαίων τῆς ἀρχῆς πόλις μεγάλη καὶ καλὴ μέλλει ἀφαιρεῖσθαι ὑπὸ τῆς πολιορκίας ἀνάγκῃ Τριβαλοῖς δουλεύσουσα, τῶν οἰκείων πέμψας ἕνα, παρεκάλει φείδεσθαι αὐτῶν....

войскомъ. Пришлось снова, уже въ третій разъ, идти въ Сербію. Краль между тѣмъ самъ опустошилъ окрестности Сереса и вернулся, довольный успѣхами, во вновь пріобрѣтенную Струмицу. Здѣсь и нашелъ его Кантакузинъ [1]).

Теперь уже достаточно выяснилось для каждой стороны значеніе союза, заключеннаго между Душаномъ и Кантакузиномъ. Въ теченіе шести мѣсяцевъ, которые протекли со времени приштинскаго договора, сербскій государь пріобрѣлъ почти всю долину Стримона; онъ близко подошелъ къ восточной части Македоніи— Мигдоніи съ ея богатыми Сересомъ и Зихною, и положилъ начало завоеванію крайней западной ея части — Вотіэи, занявъ своимъ гарнизономъ Едессу. Такимъ образомъ онъ воспользовался временемъ и случаемъ и значительно увеличилъ свои пріобрѣтенія. Для него было ясно, что Кантакузинъ ему въ тягость, что и не оказывая ему поддержки онъ можетъ добиться осуществленія своихъ завоевательныхъ стремленій; что гораздо выгоднѣе для него войти въ соглашеніе съ партіею императрицы, которая заискивала у него и въ данное время могла ему дать все же болѣе сильный отпоръ, чѣмъ Кантакузинъ. Однимъ словомъ, принятое имъ на себя обязательство въ его глазахъ теряло всякій смыслъ. То же самое вполнѣ сознавалъ и Кантакузинъ. Въ виду совершившихся фактовъ для него не могло быть сомнѣнія въ томъ, что отъ Сербовъ ему нечего ждать какой-либо помощи. Напротивъ, онъ естественно долженъ былъ опасаться, что Душанъ, охватывая все болѣе кольцомъ Македонію, наконецъ отрѣжетъ ему сообщеніе съ его приверженцами въ Димотикѣ, и, пожалуй, прямо выдастъ его врагамъ. Положеніе его въ Сербіи становилось весьма тяжелымъ. Неудачи обоихъ походовъ уменьшили въ средѣ Сербовъ число лицъ, ему сочувствовавшихъ. Большинство вліятельныхъ властелей относились къ нему съ недовѣріемъ и явною враждебностью. Только кралица Елена по прежнему покровительствовала ему. Затруднительность его положенія осложнялась еще истощеніемъ его казны, которая почти вся была имъ издержана на подарки знатнымъ сербскимъ воеводамъ, а также на жалованье и содержаніе серб-

---

[1]) Ibid. p. 335. Greg. XIII. c. 5. p. 654.

скихъ отрядовъ [1]). Въ виду всего этого Кантакузинъ самъ созналъ необходимость освободиться отъ покровительства Душана и какимъ либо смѣлымъ самостоятельнымъ шагомъ поправить свои дѣла, Вниманіе его остановилось на Верріи, важнѣйшемъ городѣ Вотіэи, на который уже обращалъ взоры и сербскій краль. Онъ сумѣлъ войти въ соглашеніе съ однимъ Хлеринцемъ *Арбеномъ* (Ἀρμπενος), которому Душанъ поручилъ подготовить добровольную сдачу Верріи, и черезъ его посредство составилъ себѣ въ этомъ городѣ партію. Затѣмъ онъ выпросилъ у кралицы Елены собственный ея отрядъ германскихъ тѣлохранителей и тайно отъ краля, подъ видомъ охотничьей прогулки, двинулся къ Верріи. Приверженцы его отворили ему ворота, и онъ занялъ городъ [2]). Эта удача имѣла весьма важное значеніе для Кантакузина. Онъ получилъ безопасное убѣжище и прекрасный опорный пунктъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. Прочіе города Вотіэи—Сервія, Платамонія, Петра, Соско и Старидола спѣшили признать его власть [3]). Его родственникъ и приверженецъ, Ѳессалійскій епархъ Іоаннъ Ангелъ также могъ вступить въ сношенія съ нимъ [4]). Поддержка, полученная Кантакузиномъ отъ Веррійцевъ и изъ Ѳессаліи, была на столько значительна, что онъ двинулся уже на Солунь. Все это происходило, вѣроятно, лѣтомъ 1343 г.

Такой переворотъ въ положеніи Кантакузина, конечно, не могъ понравиться Душану. Неожиданный переходъ въ руки энергическаго претендента на византійскій престолъ провинціи, кото-

---

[1]) Cantac. III. c. 57. p. 350: μεγίστη δὲ ἦν αὐτῷ τῶν δυσχερειῶν, ὅτι τῶν χρημάτων, ἃ οἴκοθεν ἦλθεν ἔχων, ἀναλωθέντων πρός τε τοὺς συνόντας ὄντας τοσούτους καὶ πρὸς Τριβαλοὺς τοὺς τῶν στρατοπέδων ἡγουμένους διὰ φιλοτιμίαν ἐν ἀπόρῳ εἴχετο τοῦ τί χρὴ δρᾶν.

[2]) Кантакузинъ (III. c. 57. p. 354), вопреки принятому нами свидѣтельству Григоры (XIII. c. 5. p. 655) старается представить дѣло такъ, что онъ овладѣлъ Верріею съ согласія Душана и при помощи наемныхъ Латинянъ, предоставленныхъ ему столько же кралицею Еленою, сколько ея супругомъ; но все это не вяжется съ тѣмъ негодованіемъ Душана, поведшимъ къ окончательному разрыву съ прежнимъ союзникомъ, которое было вызвано въ немъ, по разказу самаго Кантакузина, взятіемъ Верріи. Весьма любопытно передаваемое тѣмъ же историкомъ извѣстіе о томъ, что кралица дала Кантакузину „τοὺς ἰδίους μισθοφόρους Λατίνους“.

[3]) Cantac. III. c. 58. p. 355.

[4]) Gregor. XIII. c. 6. p. 657.

рую онъ самъ готовился занять, вызвалъ въ немъ намѣреніе немедленно объявить войну бывшему своему высокому гостю. Но на нѣкоторое время онъ все таки удержался отъ прямыхъ дѣйствій, разсчитывая отдѣлаться отъ своего соперника путемъ тонкаго соглашенія съ его врагами. Прежде всего онъ потребовалъ отъ Кантакузина отпуска латино-германской дружины, но та отказалась оставить своего новаго повелителя [1]). Тогда онъ снесся съ солунскими правителями о совмѣстномъ устройствѣ гибели непріятнаго для нихъ человѣка. Дѣйствительно Кантакузину угрожала большая опасность, Узнавъ о высадкѣ у Солуни Апокавка съ большимъ цареградскимъ войскомъ и турецкими полчищами, онъ поспѣшилъ отойти отъ города, направляясь обратно къ Верріи. На правомъ берегу Вардара, у переправы, поджидалъ его сербскій двухтысячный отрядъ подъ предводительствомъ *Божича* (Μποζίχης) и *Стефана*, готовый ударить на него въ моментъ перехода черезъ рѣку. Въ случаѣ удачи плана войску Кантакузина грозила полная гибель, такъ какъ отступленіе назадъ было отрѣзано преслѣдовавшимъ его по пятамъ Апокавкомъ. Къ счастью будущаго императора все обошлось благополучно. Одинъ поселянинъ при Вардарской деревни Гаврова за денежное вознагражденіе предупредилъ Кантакузина объ опасности и указалъ бродъ въ другомъ мѣстѣ, чрезъ который удачно провелъ его самого и его отрядъ. Кантакузинъ вернулся спокойно въ Веррію; замыселъ его враговъ не удался [2]). Если вѣрить Кантакузину, Душанъ старался скрыть предъ нимъ свою причастность къ этому дѣлу, слагая всю отвѣтственность на упомянутыхъ вождей, которые будто бы дѣйствовали безъ его вѣдома. Очень можетъ быть, что онъ дѣйствительно колебался еще открыто выступить противъ Кантакузина, не желая встрѣтить въ немъ, въ виду улучшенія его положенія, еще большей помѣхи своимъ планамъ. На явный разрывъ между ними повліяли настоятельныя старанія и происки византійской партіи. Апокавкъ посылалъ одно посольство за другимъ въ Сербію и не щадилъ императорской казны на подарки кралю, его супругѣ и вліятельнымъ

---

[1]) Cantac. III. p. 356.

[2]) Cantac. III. c. 59. p. 360—362; Greg. XIII. c. 7. p. 659—660.

сербскимъ вельможамъ, всячески стараясь склонить Душана, чтобы онъ принялъ сторону императрицы Анны и открыто объявилъ войну Кантакузину [1]). Считая все это недостаточнымъ для снисканія расположенія сербскаго государя, цареградское правительство обратилось къ посредничеству венеціанской республики. 12-го мая 1343 г. въ венеціанскомъ сенатѣ состоялось постановленіе, которымъ опредѣлено: въ видахъ удовлетворенія просьбы императрицы Анны и ея сына Іоанна Палеолога отправить отъ имени республики особаго посла къ сербскому королю, для установленія мира и согласія между нимъ и священною имперіею (ad tractandum pacem et concordiam inter sacrum imperium et ipsum dominum regem) [2]). Для выполненія этого порученія, а равно и другихъ, касавшихся непосредственно интересовъ республики, былъ выбранъ синьоръ Марино Венеріо, отправившійся въ Сербію съ хорошимъ штатомъ и содержаніемъ въ слѣдующемъ іюнѣ [3]). Всѣ эти посольства и подарки оказали свое дѣйствіе. Душанъ сдѣлалъ еще попытку хитростью овладѣть личностью Кантакузина, приглашая его къ себѣ для совѣщанія о важныхъ дѣлахъ, но не успѣлъ, такъ какъ императоръ, по совѣту друзей, уклонился отъ поѣздки на свиданіе, пославъ вмѣсто себя сына Мануила. Тогда, наконецъ, особымъ посольствомъ онъ извѣстилъ Кантакузина, что признаетъ заключенный между ними договоръ недѣйствительнымъ и объявляетъ ему войну, принимая сторону императрицы Анны [4]).

Сближеніе Душана съ византійскою партіею носило еще болѣе мнимый, отрицательный характеръ, чѣмъ его союзъ съ Кантакузиномъ. Послѣднему онъ все-таки оказалъ кое-какую помощь, хотя не столько самъ по себѣ, сколько по настоянію Елены и приближенныхъ властелей; онъ далъ ему пріютъ въ трудное для него время, снабжалъ его кое-какими военными силами; Германцы, съ которыми онъ занялъ Веррію, были предоставлены ему все-таки Сербами; наконецъ, между ними былъ заключенъ договоръ, въ кото-

---

[1]) Cantac. III. c. 59. p. 362; c. 61. p. 372. Greg. XIII. c. 8. p. 662.

[2]) Misti, XXI. 35. у Любича: Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. II. p. 174.

[3]) Ljubić ibid. p. 175—178.

[4]) Cantac. III. c. 61. p. 373—374.

ромъ, правда, на первомъ мѣстѣ стояли интересы Душана, но который все-таки обязывалъ его къ извѣстной поддержкѣ союзника. Здѣсь же ничего подобнаго мы не видимъ. Ни у Кантакузина, ни у Григоры нѣтъ ни слова о какомъ либо договорѣ Душана съ императрицею Анною, или съ кѣмъ либо изъ ея приверженцевъ. Византійская партія деньгами и обѣщаніями земельныхъ уступокъ старалась, повидимому, только вооружить краля противъ своего врага, не разсчитывая на прочный союзъ съ Сербами. Съ другой стороны и Душанъ, порвавъ съ Кантакузиномъ, ничѣмъ особеннымъ не проявляетъ свой переходъ на сторону другой партіи. Онъ, по прежнему, систематически преслѣдуетъ свои завоевательныя цѣли. Къ Кантакузину онъ относится какъ къ непріятелю, старается отнять у него занятыя имъ мѣстности въ Вотіэѣ, но дѣлаетъ это для себя и вмѣстѣ съ тѣмъ одинаково обрушивается на города, признававшіе византійское правительство. Дѣятельной помощи отъ него въ Цареградѣ не дождались, что̀ и естественно. Краль хорошо понималъ, что чѣмъ дольше будетъ тянуться усобица, тѣмъ легче для него будетъ присоединять къ своему королевству византійскія области, и не хотѣлъ способствовать перевѣсу одной партіи надъ другою. Онъ видѣлъ, что даже этотъ мнимый, наружный союзъ съ императрицею Анною для него выгоденъ тѣмъ, что можетъ парализовать всякія попытки съ этой стороны противодѣйствовать его завоеваніямъ; прикрываясь личиною враждебности противъ Кантакузина, онъ открывалъ себѣ просторъ для новыхъ пріобрѣтеній. Отсюда объясняются всѣ его дѣйствія и военные успѣхи въ слѣдующемъ періодѣ усобицы.

Сторонникомъ византійской партіи Душанъ открыто объявилъ себя лѣтомъ 1343 г. Нѣтъ никакихъ извѣстій о томъ, чтобы онъ во вторую половину этого года обнаружилъ чѣмъ-либо свое участіе въ смутахъ имперіи. Онъ предпочиталъ удержаться на время отъ всякихъ военныхъ дѣйствій. Южная Македонія тогда была наводнена разными турецкими полчищами. Сперва опустошали Вотіэю Турки, призванные Апокавкомъ, который тщетно ожидалъ вспомогательнаго сербскаго отряда, для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Кантакузина [1]). Затѣмъ, въ августѣ явился спаси-

[1]) Cantac. III. c. 62. p. 381; Greg. XIII. c. 9. p. 671.

тель императора Омуръ, съ огромными военными силами, которыя заставили Апокавка удалиться и въ свою очередь занялись разграбленіемъ и опустошеніемъ Македоніи, набросившись главнымъ образомъ на мѣстности, принадлежавшія Сербамъ [1]). Изъ источниковъ не видно, чтобы Душанъ принялъ какія-либо мѣры для отраженія этого нашествія. Вѣроятно, онъ не хотѣлъ мѣряться съ сильнымъ непріятелемъ; быть можетъ, онъ даже не имѣлъ достаточно войска, и дожидался пока очистится поле для дѣйствій. Только въ концѣ слѣдующаго года онъ снова является во главѣ своихъ легкихъ отрядовъ въ византійской Македоніи. Теперь уже ничто не мѣшало ему докончить завоеваніе этой несчастной области. Кантакузинъ съ Омуромъ ушли во Ѳракію. Здѣсь исключительно, въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ усобицы, были сосредоточены и вниманіе, и военныя силы обѣихъ враждующихъ партій. Западныя провинціи были предоставлены самимъ себѣ. Между тѣмъ въ Македоніи, которой прежде всего угрожало сербское завоеваніе, царствовало полное политическое разъединеніе, не позволявшее и думать о какомъ-либо общемъ отпорѣ непріятелю. Каждый изъ трехъ главныхъ стратегическихъ пунктовъ области тянулъ въ свою сторону; Солунь не хотѣла знать никакого императора, ни Кантакузина, ни Палеолога и управлялась анархическо-демократическою партіею Зилотовъ; въ Верріи еще держался Мануилъ Кантакузинъ, а Оересъ съ нѣсколькими меньшими городами оставался вѣренъ цареградскому правительству. „И вотъ сербскій краль, разказываетъ современникъ Никифоръ Григора, усматривая въ усобицахъ Ромэевъ счастливый случай увеличить свое могущество, словно занявшееся пламя опустошалъ и захватывалъ городъ за городомъ, страну за страною—и не было никого, кто бы противусталъ его нашествію“ [2]). Положеніе Македо-

---

[1]) Cantac. III. c.c. 63, 64. p. 390—391; Greg. XIII. c. 10. p. 672. Весьма подозрительно само по себѣ и прямо опровергается Григорою свидѣтельство Кантакузина о томъ, что онъ будто бы не позволилъ Туркамъ тревожить сербскія владѣнія, о чемъ де и извѣстилъ краля особымъ посольствомъ, выставляя этотъ великодушный поступокъ какъ выраженіе съ его стороны дружественныхъ чувствъ къ прежнему его благодѣтелю.—Объ Омурѣ см. выпускъ I. 67—75.

[2]) Gregor. XV. c. 1. p. 746: διὸ καὶ καθάπερ φλὸξ ἐπῄει καὶ ἐπενέμετο διηνε-

нія, разоренной и обезсиленной предыдущими походами и нашествіями Сербовъ и Турокъ, было ужасно. При всемъ томъ, болѣе полутора года прошло, пока Душанъ окончательно овладѣлъ страною, и то не всею вполнѣ; важнѣйшій ея городъ, вторая столица имперіи, Солунь отстояла свою независимость. Непонятнымъ представляется такой продолжительный срокъ войны, если принять во вниманіе указанную беззащитность Македоніи и настойчивое стремленіе краля къ завоеваніямъ, о которомъ знаемъ изъ византійскихъ источниковъ. Для объясненія его, намъ кажется, необходимо допустить два обстоятельства: болѣе или менѣе значительное сопротивленіе со стороны мѣстнаго населенія городовъ и незначительность военныхъ средствъ, которыми располагалъ Душанъ въ этихъ своихъ походахъ. Что такое сопротивленіе было довольно сильно, это видно изъ упорной обороны Сереса, на который особенно были направлены усилія Сербовъ. Касательно же численности войска Душана можно замѣтить слѣдующее. Главную часть его составляли наемные Латиняне, преимущественно Германцы и Итальянцы, обыкновенно вербовавшіеся по просьбѣ краля Венеціею. Они были хорошо вооружены, но, образуя обыкновенно конные отряды, мало оказывали помощи при взятіи городовъ. При томъ объ этой наемной дружинѣ ничего не упоминается въ эти два года. Затѣмъ численность боеваго сербскаго войска должна была уменьшиться, вслѣдствіе того, что значительная часть его была размѣщена Душаномъ по вновь завоеваннымъ городамъ. Наконецъ, на продленіе кампаніи несомнѣнно повліяло, ослабивъ военныя силы Сербовъ, пораженіе, понесенное ими отъ Турокъ въ началѣ 1344 г.

Послѣдовательнаго хода военныхъ дѣйствій Душана въ Македоніи въ теченіе 1344—1345 гг. нельзя воспроизвести на основаніи свидѣтельствъ Кантакузина и Григоры, остающихся все еще единственными источниками для этихъ событій. У того и другаго историка цѣлый рядъ большихъ главъ отведенъ подробному описанію всѣхъ фазисовъ усобицы, разыгравшейся въ это время со

κῶς τὰς πρόσω πόλεις καὶ χώρας Ῥωμαίων δουλούμενος μηδένος ὄντος, ὅτῳ ἂν ἀνθίστασθαι ἢ ταῖς τοιαύταις αὐτοῦ γε ὁρμαῖς.

всѣми ея ужасами во Θракіи и въ самой столицѣ, а о потерѣ для имперіи цѣлой провинціи говорится едва на нѣсколькихъ страницахъ. Въ общихъ фразахъ они не разъ упоминаютъ, что краль овладѣваетъ все новыми и новыми „большими городами“ [1]), не называя однако этихъ городовъ и, наконецъ, согласно устанавливаютъ самый фактъ завоеванія Македоніи. Очевидно, имъ тяжело было останавливаться на описаніи этого печальнаго событія; вмѣстѣ съ тѣмъ могъ быть недостатокъ въ свѣдѣніяхъ, вслѣдствіе трудности сношеній съ завоеванною областью. Только у Кантакузина находимъ нѣсколько подробностей о нѣкоторыхъ моментахъ этого завоеванія.

Оставшись полновластнымъ господиномъ въ Македоніи, Душанъ прежде всего двинулся въ юго-восточный уголъ ея, за Стримонъ, куда манилъ его богатый, хорошо укрѣпленный Сересъ. Ограничившись на первое время опустошеніемъ окрестностей города, онъ прошелъ далѣе до Зихны. Кантакузинъ говоритъ, что Душанъ готовился напасть на него съ тылу во Θракіи [2]), но изъ послѣдующаго видно, что краль не пошелъ далѣе Македоніи. Онъ хотѣлъ овладѣть здѣсь нѣсколькими городами и, повидимому, тогда уже, т. е. въ самомъ началѣ 1344 г., въ январѣ или февралѣ, занялъ Зихну [3]). Завоевать всю эту область съ Христополемъ и приняться за осаду Сереса въ то время онъ не могъ, потому что долженъ былъ отправить лучшую часть войска въ другую сторону. Къ нему пришло извѣстіе о безпомощномъ положеніи союзниковъ Кантакузина Омуровыхъ Турокъ, которые были стѣснены у Паллены латинскою лигою, лишились всего флота и готовились вернуться въ Азію сухимъ путемъ чрезъ Θракію [4]). Душанъ рѣшился преградить имъ дорогу и выслалъ противъ нихъ отборнѣйшій отрядъ, подъ начальствомъ храбраго и опытнаго воеводы Прилупа.

---

[1]) Cantac. III c. 72. p. 437; c. 75. p. 470; c. 87. p. 535. IV. c. 4. Vol. III p. 34; Greg. l. XV. c. 1. p. 746; XVI. c. 1. p. 795.

[2]) Cantac. III. c. 68. p. 420.

[3]) Такую догадку мы основываемъ на выраженіи Кантакузина (III. c. 69. p. 423): Κράλης δὲ ἐν Ζίχνᾳ ἐστρατοπεδευμένος............ στρατηγὸν........ Πρεάλιμπον...... ἐκέλευσε συμπλέκεσθαι τοῖς βαρβάροις (т. е. Турками).

[4]) См. выпускъ I, стр. 70, 72.

Сербы и Турки встрѣтились у мѣстечка Стефаніаны. Произошла жестокая битва, о которой Кантакузинъ сообщаетъ любопытныя подробности [1]), заимствованныя имъ, вѣроятно, изъ перваго источника, изъ разказовъ самихъ участниковъ дѣла—Турокъ. Сербскій отрядъ состоялъ исключительно изъ конницы; Турки же, которыхъ было немного болѣе 3,000 [2]), были всѣ пѣшіе. Боясь быть стоптанными сербскими всадниками въ открытомъ полѣ, они поспѣшили отступить въ сосѣднія горы и лощины. Сербы пустились преслѣдовать ихъ, но такъ какъ ихъ конницѣ трудно было дѣйствовать въ тѣснинахъ и взбираться на горы, то они сошли съ коней, и пѣшими, въ тяжеломъ вооруженіи, продолжали наступать на непріятеля. Между тѣмъ Турки сумѣли воспользоваться этою оплошностью; они все далѣе отступали въ горы, увлекая за собою Сербовъ и затѣмъ, когда замѣтили, что послѣдніе значительно удалились отъ своихъ лошадей, неожиданно спустились съ горъ съ другой стороны; какъ легковооруженные они скорѣе Сербовъ добрались до ихъ стоянки, сѣли на ихъ лошадей и въ свою очередь понеслись на шедшаго имъ на встрѣчу уже истомленнаго непріятеля. Пораженіе было, конечно, полное. Много Сербовъ пало, много было взято въ плѣнъ; остальные едва спаслись въ горы. Душанъ былъ встревоженъ этою неудачею и, покинувъ Зихну, отступилъ въ свои предѣлы. Такимъ образомъ, Турки могли безъ помѣхи пройти черезъ Македонію и съ торжествомъ явились къ Кантакузину.

Исходъ боя при Стефаніанѣ, естественно, долженъ былъ остановить на время военныя дѣйствія Душана въ Македоніи. Но эта остановка была, вѣроятно, весьма непродолжительна. Сидя у себя дома, въ Скопіи или Струмицѣ, краль, по выраженію Кантакузина, не дремалъ, а продолжалъ войну [3]). Посылаемые имъ легкіе отряды брали мѣстность за мѣстностью въ Мигдоніи, въ окрестностяхъ Солуни и въ Вотіэѣ. Большіе города, какъ Со-

---

[1]) Cantac. III. c. 69. p. 423—424.

[2]) Въ такомъ числѣ они явились къ Кантакузину послѣ битвы, въ которой потеря ихъ была не велика. Ibid. p. 424.

[3]) Ibidem 424: οὐ μὴν ἠμέλει γε, ἀλλὰ καὶ οἴκοι καθήμενος ἐπολέμει.

лунь, оставались недоступными Сербамъ, но это не мѣшало имъ все болѣе и болѣе утверждать свою власть въ беззащитной провинціи на всемъ ея протяженіи отъ Верріи до Христополя. Смѣшанное, греческое и болгарское, а въ западныхъ частяхъ, кромѣ того, албанское населеніе селъ и небольшихъ городковъ, напуганное опустошеніями, которыми сопровождались всѣ движенія сербскихъ отрядовъ, охотно признавало новую власть, разсчитывая тѣмъ не только предохранить себя отъ полнаго разоренія, но и найти какую либо защиту противъ нашествій Турокъ, которые все чаще и чаще посѣщали Македонію. Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ даже составились сочувственныя Сербамъ партіи, не видѣвшія для страны никакого лучшаго выхода изъ бѣдственнаго положенія, вызваннаго всеобщею анархіею, какъ подчиненіе могущественному кралю. Мануилъ Кантакузинъ, оставленный отцемъ безъ помощи, былъ окончательно стѣсненъ Сербами въ управляемой имъ Верріи. Наконецъ сербская партія принудила его оставить городъ. Онъ бѣжалъ въ Ѳессалію къ своему дядѣ Іоанну Ангелу, а Веррія была занята гарнизономъ Душана. Когда именно произошло это событіе, трудно сказать съ точностью, вѣроятно въ 1345 г. [1]), незадолго до взятія Сереса, или непосредственно за тѣмъ. Но главное вниманіе краля было обращено на Сересъ. Онъ хорошо понималъ серединное положеніе этого большаго, прекрасно

---

[1]) Кантакузинъ и Григора упоминаютъ о переходѣ Верріи къ Сербамъ, излагая событія, имѣвшія мѣсто послѣ вступленія Кантакузина въ Константинополь (1347), но они говорятъ объ этомъ завоеваніи, какъ фактѣ прежде совершившемся, когда вся Македонія, кромѣ Солуни, была завоевана Душаномъ, а это было въ 1345 г. Вотъ подлинныя слова того и другаго: μὴ μόνον γὰρ Φεράς τε καὶ τὰς ἄλλας τῆς Μακεδονίας πόλεις καὶ τὰ φρούρια πλὴν Θεσσαλονίκης εἶλεν, ἀλλὰ καὶ Βεῤῥοιωτῶν τοὺς δυνατωτάτους χρήμασι καὶ μεγάλαις ἐπαγγελίαις διαφθείρας, τὸν βασιλέως ἔπεισεν υἱὸν ἐξελάσαι τὸν Μανουὴλ, κἀκείνῳ τὴν πόλιν παραδοῦναι. Cantac. IV. c. 4. p. 31.—Ἐν δὲ Μακεδονίᾳ, τῶν ἄλλων ὑπηκουσῶν τῷ τῶν Τριβαλλῶν ἡγεμόνι Βέῤῥοια μὲν καὶ αὐτὴ μετ' ὀλίγον τῶν ὑπηκόων αὐτοῦ ἐγεγόνει,..... Greg. XVI. c. 1. p. 795. Изъ приведеннаго текста Григоры ясно видно, что Веррія и Вотіэя входили въ объемъ географическаго термина „Македонія“. Слѣдовательно, необходимо допустить, что этотъ городъ также разумѣется въ XV кн. (стр. 746—747) Григоры, гдѣ онъ говоритъ вообще о завоеваніи Душаномъ всей страны до Христополя, которое завершилось занятіемъ Сереса.

укрѣпленнаго города между восточною и западною половинами имперіи, ясно видѣлъ, что овладѣніе имъ обезпечитъ ему обладаніе Македоніею съ востока, т. е. съ сухаго пути [1]) и сдѣлалъ его основною цѣлью своихъ завоеваній въ Македоніи. Взять его открытою силою у него не было средствъ; онъ обращается по этому къ обычному въ тѣ времена средству: болѣе или менѣе продолжительной осадѣ города и систематическому опустошенію его окрестностей. Населеніе Сереса, однакожъ, мужественно оборонялось. Нѣсколько разъ Душанъ снималъ осаду, уходилъ отъ города то для освѣженія своего войска, то вслѣдствіе слуховъ о приближеніи Турокъ, но черезъ нѣкоторое время снова являлся подъ городомъ и начиналъ морить голодомъ храбрыхъ его обитателей. Послѣ перваго нашествія Сербовъ, въ 1344 г., представители власти въ городѣ, не видя помощи изъ Константинополя, отправили къ Кантакузину посольство, которое просило у него заступничества и обѣщало покорность [2]) Сереса. Но Кантакузинъ тогда былъ слишкомъ занятъ борьбою во Ѳракіи и не могъ думать о какомъ либо движеніи въ Македонію. Только лѣтомъ 1345 г., побѣдивъ враговъ, добившись признанія своей власти почти во всей Ѳракіи, онъ хотѣлъ при помощи союзныхъ турецкихъ войскъ спасти этотъ важный городъ отъ сербскаго завоеванія, но уже было поздно, да и попытка его была сама по себѣ не удачна.

Усиленную осаду Сереса Душанъ возобновилъ въ 1345 г. [3]). Городъ былъ доведенъ до крайней нужды. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ уже образовалась значительная сербская партія, во главѣ

---

[1]) Cantac. III. c. 89. p. 548: Φεραὶ δὲ εἰ ἀμεληθεῖσαι ὑπὸ Κράλην γένοιντο, αὐτάς τε ἀνασώζεσθαι ἐλπὶς οὐκέτι οὐδεμία, καὶ τὰς ἄλλας τῆς Μακεδονίας πόλεις ὥσπερ μεθόριον κειμένη τῆς ἄλλης ἀρχῆς Ῥωμαίων διατέμνει.

[2]) Cantac. III. c. 75. p. 469 et seq. Кантакузинъ увѣряетъ, что Душанъ вслѣдствіе полученнаго имъ увѣщанія отъ него, какъ прежняго союзника, снялъ осаду Сереса. Намъ кажется, что здѣсь нашъ историкъ не совсѣмъ удачно рисуется силою своего нравственнаго обаянія. Въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о посольствѣ изъ Сереса вскорѣ послѣ Стефаніанской битвы, когда Душанъ спѣшилъ уйти изъ Македоніи не подъ вліяніемъ какихъ-либо просьбъ со стороны Кантакузина, а именно вслѣдствіе неудачнаго исхода этой битвы, ослабившей его военныя силы и повліявшей на его рѣшительность.

[3]) Ibid. c. 87. p. 535. Въ началѣ года краль былъ въ своихъ владѣніяхъ. Одна

которой стоялъ родственникъ Ирины Кантакузиной Мануилъ Асѣнь; она требовала добровольной сдачи города кралю. Кантакузинъ, извѣщенный своими приверженцами объ опасности, угрожавшей Сересу, двинулся въ сопровожденіи Омура по направленію къ Христополю. Слухъ о приближеніи Турокъ снова заставилъ Душана на время отойти отъ города. Но Кантакузинъ такъ и не явился на выручку Сереса. Турецкіе вожди убѣдили его вернуться назадъ и идти сперва на столицу, гдѣ происходили смуты вслѣдствіе убіенія Апокавка. Этимъ временемъ и воспользовался краль. Онъ окончательно стѣснилъ Сересъ и, благодаря содѣйствію своей партіи, добился наконецъ сдачи города. Между тѣмъ движеніе Кантакузина на Константинополь было не удачно; онъ хотѣлъ было снова поспѣшить къ осажденному Сересу, но Турки отказались ему сопутствовать и вернулись въ Азію. Такимъ образомъ бывшему собирателю византійскихъ земель оставалось только оплакивать потерю этого важнаго города и примириться съ этимъ печальнымъ фактомъ въ виду близкаго своего торжества надъ противною партіею [1]).

Когда именно Душанъ овладѣлъ Сересомъ—точно не извѣстно. Исходною точкою для установленія хронологіи какъ этого событія, такъ и предшествовавшихъ ему, должна служить сообщаемая Григорою точная дата смерти Апокавка, относимой имъ къ 11 іюня [2]). Если допустить, что на передвиженія Кантакузина, сперва къ Христополю, потомъ къ Цареграду, за тѣмъ снова по направленію къ Македоніи, потребовалось $1^1/_2$—2 мѣсяца, то сдача города Сербамъ должна была произойти въ августѣ, или самое позднее въ сентябрѣ, такъ какъ Кантакузинъ [3]) связываетъ этотъ новый успѣхъ Душана непосредственно съ уходомъ въ Азію своихъ союзниковъ Турокъ, покинувшихъ его въ тотъ моментъ, когда онъ шелъ на помощь къ Сересу. Во всякомъ случаѣ въ

грамота отъ 1-го января 1345 г. подписана имъ въ Скопіи. См. наше разысканіе „Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова“. Спб. 1880 г. стр. 66—68.

1) Cantac. III. c. 89. p. 551; Greg. XV. c. 1. p. 746. Ср. также выпускъ I, стр. 75.

2) Gregor. l. XIII. c. 10. p. 731.

3) Cantac. III. c. 89. p. 551.

октябрѣ городъ уже принадлежалъ кралю. Въ одномъ хрисовулѣ, помѣченномъ октябремъ 1345 г. Душанъ упоминаетъ, что Сересъ по милости Божіей сдѣлался достояніемъ его королевской державы [1]). Два другіе документа Душана, дошедшіе отъ того же мѣсяца и года, письмо его къ венеціанскому дожу отъ 13 октября [2]) и льготная грамота Дубровнику [3]) отъ 26 октября, подписаны въ Середѣ.

Съ паденіемъ Сереса рѣшена была участь Македоніи. И эта важная провинція имперіи, какъ незадолго предъ тѣмъ Албанія, сдѣлалась частью Сербскаго королевства. Только Солунь, благодаря своему приморскому положенію и прекраснымъ укрѣпленіямъ, устояла отъ сербскаго завоеванія. Пріобрѣтеніями, сдѣланными въ 1345 г., и завершился первый періодъ завоевательной дѣятельности Душана. Въ теченіе 15 лѣтъ онъ достигъ весьма большихъ успѣховъ: вся страна отъ Христополя до Драча и Канины и на югъ до Янины и сѣверной Өессаліи признала власть сербскаго краля.

Составивъ себѣ внѣшнее могущественное положеніе путемъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, онъ не довольствуется ролью простаго завоевателя византійскихъ областей, а задается смѣлымъ планомъ разрушенія Византійской имперіи и созданія своего царства. Почва для подобныхъ замысловъ, условія, вслѣдствіе которыхъ они могли зародиться въ головѣ предпріимчиваго государя, подготовлялись пятнадцать лѣтъ. Въ этомъ и заключается особенный интересъ и значеніе перваго періода. Вотъ вмѣстѣ съ тѣмъ и объясненіе, почему мы остановились нѣсколько долго на этомъ времени. Сводя въ одно цѣлое всѣ разобранныя выше данныя изъ источниковъ, относящіяся къ завоеваніямъ Душана, нельзя не прійти къ заключенію, что эти завоеванія достались Сербамъ сравнительно легко. Положеніе имперіи, всѣ внѣшнія обстоятельства имъ вполнѣ

---

[1]) ἀρτίως δὲ θεοῦ εὐδοκοῦντος ἐγένετο ἡ τῶν Σερρῶν πόλις ἐπὶ τὴν δούλευσιν τῆς κραλότητός μου—Хрисовулъ Душана монастырю Предтечи и Крестителя Іоанна на Меникейской горѣ въ „*Гласникъ*“ XXVII, стр. 20 и въ сборникѣ Саѳи Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη I. p. 235.

[2]) Ljubić. Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. II. 278.

[3]) Миклошичъ. Monumenta Serbiça. стр. 117.

благопріятствовали. Умному вождю ихъ оставалось только выбирать время, что и дѣлалъ онъ большею частью удачно, хотя и не всегда съ одинаковою дальновидностью пользовался тѣмъ, что давала ему въ руки счастливая судьба. Беззащитность провинцій, отсутствіе солидарности въ населеніи, обусловливавшееся его разноплеменностью, еще болѣе облегчали завоевательное движеніе Душана. При завоеваніи Албаніи мы все-таки видимъ вооруженную, хотя и непродолжительную борьбу въ настоящемъ смыслѣ слова: и цареградское правительство, и само албанское населеніе оказываютъ до нѣкоторой степени организованное сопротивленіе непріятелю. Тутъ, слѣдовательно, Сербамъ пришлось употребить значительныя усилія для подчиненія страны, горная природа которой также ставила свои затрудненія. Македонія же была оставлена совершенно на жертву завоевателя; изъ Византіи не было сдѣлано ничего для обороны беззащитной провинціи. Оппозиція Душану была чисто пассивная со стороны большихъ городовъ, для взятія которыхъ у него не было средствъ. Эти города, особенно Сересъ, и затянули на значительное время покореніе самой страны. Кромѣ того, помѣху на своемъ пути краль встрѣтилъ въ случайныхъ посѣтителяхъ Македоніи—Туркахъ, которые разбивъ Сербовъ подъ Стефаніаной, задержали на нѣкоторое время ихъ успѣхи. Наконецъ, причины того, что покореніе южной Македоніи тянулось такой продолжительный срокъ, могли заключаться, какъ уже замѣчено, въ самомъ Душанѣ, именно въ его медлительности, предпочтеніи дѣйствовать скорѣе переговорами и другими косвенными путями, чѣмъ оружіемъ, и въ недостаточности постояннаго войска.

Вотъ эта-то легкость пріобрѣтенія византійскихъ областей и должна была болѣе всего вызвать у Душана высокое мнѣніе о своемъ внѣшнемъ могуществѣ, она-то, вѣроятно, и подсказывала ему мысль о возможности осуществленія на юго-востокѣ еще болѣе смѣлыхъ замысловъ. Но независимо отъ самаго характера завоеваній сербскихъ, близкое ознакомленіе съ причинами беззащитности покоренныхъ областей необходимо должно было дѣйствовать на краля въ томъ же направленіи. Принявъ участіе въ византійской усобицѣ, входя въ близкія сношенія попеременно то съ тою, то съ другою стороною, онъ могъ вполнѣ убѣдиться въ тяжеломъ,

почти безвыходномъ положеніи имперіи, изнемогавшей отъ гражданскихъ смутъ и не имѣвшей силъ дать отпоръ своимъ внѣшнимъ врагамъ. За время завоеванія Македоніи печальная картина Византіи раскрылась передъ нимъ въ полномъ освѣщеніи и не могла не казаться ему контрастомъ съ тѣмъ, что представляло созидаемое имъ государство. Отсюда, естественно, его планы и начинанія раздвигались все шире и шире. Наконецъ, нужно отмѣтить, что всѣ дальнѣйшіе политическіе замыслы Душана въ значительной степени обязаны своимъ происхожденіемъ тѣсному сближенію ихъ носителя съ византійцами, чѣмъ особенно характеризуется первый періодъ его дѣятельности. Если пребываніе въ дѣтствѣ въ Цареградѣ уже ознакомило его нѣсколько съ Византіей и ея культурою, то теперь, послѣ неоднократныхъ свиданій съ императорами, послѣ тѣсныхъ связей въ теченіе полугода съ Кантакузиномъ, неоднократныхъ сношеній съ Апокавкомъ, наконецъ, непосредственнаго соприкосновенія съ греческимъ населеніемъ завоеванныхъ областей, послѣ всѣхъ этихъ фактовъ сближенія у него должны были получиться болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія не только объ указанныхъ печальныхъ сторонахъ положенія имперіи, но и о византійской образованности, въ которой продолжали сохраняться старыя начала, завѣщанныя отъ болѣе славныхъ временъ, и особенно о высшихъ правахъ императорской власти и заманчивыхъ формахъ ея внѣшняго обнаруженія. Въ это именно время подготовляется въ немъ увлеченіе византизмомъ, которое такъ наглядно обнаружилось во второй половинѣ его государственной дѣятельности.

IV.

Вѣнчаніе на царство.

Сдача Сереса Сербамъ была событіемъ большой важности. Независимо отъ того, что теперь, какъ мы уже замѣтили, вся Македонія, за исключеніемъ Солуни, переходила къ Душану, именно съ этого момента сербскій завоеватель выступаетъ съ тѣмъ смѣлымъ планомъ дальнѣйшихъ предпріятій на юго-востокѣ, который постепенно складывался въ его головѣ подъ вліяніемъ предшествовавшихъ успѣховъ. Оба современные византійскіе писателя связываютъ непосредственно съ завоеваніемъ этого города принятіе Душаномъ царскаго титула, а вмѣстѣ съ тѣмъ и формальное выраженіе съ его стороны притязаній на обладаніе имперіею и всѣми прерогативами власти императора Ромэевъ, другими словами, пріурочиваютъ къ этому событію открытое провозглашеніе новаго порядка вещей на полуостровѣ — основаніе Сербскаго царства рядомъ съ Болгарскимъ и Византійскою имперіею. Вотъ подлинныя слова Григоры: „и вся страна до Христополя, кромѣ Солуни, была порабощена имъ (кралемъ); сталъ принадлежать ему и Cересъ, этотъ большой и великолѣпный городъ (τὸ μέγα τε καὶ θαυμάσιον ἄστυ) доведенный до добровольной сдачи двумя неустранимыми бѣдствіями — голодомъ и продолжительною осадою. Теперь-то краль, превзойдя самого себя и усвоивъ слишкомъ неумѣренную надменность, думалъ, что ужь ничто не остановитъ распространенія его могущества и верховной власти надъ остальными греческими землями вплоть до самой Византіи, и провозгласилъ себя *царемъ Ромэевъ* и варварскій образъ жизни перемѣнилъ на обычаи Ромэевъ и торжественно

возложилъ на себя тіару и всѣ особенныя одежды, которыя усвоены этому высокому достоинству и пользуется ими до сихъ поръ. [1]) И предоставилъ онъ сыну управлять по сербскимъ законамъ страною отъ Іоническаго залива и рѣки Истра до города Скопія, назначивъ границею его владѣній величайшую рѣку Аксій (Вардаръ); себѣ же взялъ греческія земли и города до Христопольскихъ проходовъ [2]) для управленія по установленіямъ и обычаямъ Ромэевъ". Тоже самое, только короче, передаетъ Кантакузинъ: „Едва узнавъ объ уходѣ турецкаго войска на востокъ, краль подступилъ къ Сересу и овладѣлъ имъ при помощи своей партіи изъ горожанъ, искусно воспользовавшихся удобнымъ временемъ для передачи города. *Послѣ того* онъ высоко возмня о себѣ и видя себя обладателемъ большей части имперіи, провозгласилъ себя *царемъ Ромэевъ и Сербовъ*, а сыну предоставилъ титулъ краля" [3]).

Оба византійскихъ свидѣтельства и сами въ себѣ заключаютъ историческую достовѣрность и подтверждаются другими современными источниками — грамотами. Дѣйствительно теперь наступило для Душана время ясно и открыто обозначить стремленія, которыя постепенно въ немъ развивались, какъ мы видѣли, въ первый періодъ его дѣятельности; теперь совершенно естественно ему было подвести итогъ своимъ завоеваніямъ. Въ его руки перешелъ давно соблазнявшій его большой, хорошо укрѣпленный, густо населенный городъ, по своей величинѣ и значенію немного уступавшій Солуни, второй столицѣ имперіи. Съ занятіемъ его завоеваніе Македоніи могло считаться оконченнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ городъ былъ чисто греческій, ромейскій. Отнимая у имперіи

---

[1]) Gregor. XV. c. 1. p. 746. Ἐντεῦθεν ὁ Κράλης μείζων ἑαυτοῦ καταστὰς καὶ δαψιλέστεραν ἑαυτῷ ποριζόμενος τὴν ὀφρὺν (ᾤετο γὰρ οὐδὲ τῶν μέχρι Βυζαντίου λειπομένων Ῥωμαίοις ἀνθέξειν οὐδὲν πρὸς τὴν ἐκείνου ῥώμην τε καὶ ἡγεμονικὴν ἀρχὴν) βασιλέα Ῥωμαίων ἑαυτὸν ἀνηγόρευσε, τήν τε βάρβαρον δίαιταν ἐς τὰ Ῥωμαίων ἤμειψεν ἤθη καὶ καλύπτρᾳ καὶ πάσαις στολαῖς διασήμοις, ὁπόσαι τῇ μεγάλῃ ταύτῃ γε προσήκουσιν ἀρχῇ. περιφανῶς ἐχρήσατό τε καὶ χρῆται γε μέχρι καὶ ἐς ἐμέ.

[2]) Ibidem p. 747. ἑαυτῷ δ'αὖ τῶν ἐκεῖθεν Ῥωμαικῶν χωρῶν καὶ πόλεων κατὰ τὴν εἰθισμένην Ῥωμαίοις δίαιταν, ἄχρι καὶ εἰς τὰ περὶ Χριστούπολιν τῶν παρόδων στενά.

[3]) Cantac. III. c. 89. p. 551. καὶ μετὰ τοῦτο ἐκεῖνος ἤδη μέγα φρονῶν καὶ τοῦ πλείονος μέρους τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς ἐπειλημμένος, βασιλέα ἑαυτὸν ἀνηγόρευε Ῥωμαίων καὶ Τριβαλῶν, τῷ δὲ υἱῷ τὴν τοῦ Κράλη παρείχετο προσηγορίαν.

города въ западной и средней Македоніи, Душанъ собственно имѣлъ не много дѣла съ Греками, которые составляли меньшинство населенія, большинство же и въ городахъ и селахъ составляли Славяне. болгарской вѣтви, къ которымъ присоединились элементы румынскій и албанскій. Только восточная Македонія—Мигдонія съ Сересомъ и Зихною были по преимуществу заселены Греками. Здѣсь были земли и помѣстья многихъ знатныхъ константинопольскихъ фамилій, напр. Θедора Метохиты, Алексѣя Дипловатацы, Алексѣя Палеолога, Севаста Константина Ахиранта, Георгія Трулина и др.; здѣсь же была и Меникейская гора, знаменитая своими греческими монастырями и святынями. [1]) Эта-то область и перешла теперь къ Душану. Оглядываясь на свои пріобрѣтенія, онъ не безъ удовольствія могъ считать себя повелителемъ не только Сербовъ, Болгаръ и Албанцевъ, но и Ромэевъ. Часть его властолюбивыхъ плановъ осуществилась; въ виду недавнихъ удачъ, съ паденіемъ Сереса онъ естественно приходилъ къ сознанію своего могущества. Въ письмѣ къ венеціанскому дожу Андрею Дандоло, подписанномъ въ Сересѣ 15 Октября 1345 г., онъ въ первый разъ съ гордымъ сознаніемъ своей силы величаетъ себя „кралемъ Сербіи, Дукли, Хлума, Зеты, Албаніи и Приморья, владѣтелемъ не малой части Болгарскаго царства и *господиномъ почти всей Византійской имперіи*“ [2]).

---

[1]) О греческомъ населеніи этой страны свидѣтельствуютъ между прочимъ мѣстныя и личныя имена въ грамотахъ Меникейскаго монастыря, большую часть которыхъ нужно признать именами греческими. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя: τὸ Μονόσπητον ἡ Ζελίχοβα, τό χωρίον Ταχραβασμοῦντον, τόπον τὸν Μεριλίαν πλησίον τῶν Κουβουκλίων, γῆ τοῦ Πελαργοῦ, τόπος τοῦ Βερνάρη, Μετόχιον τοῦ Γασταλάγκου χωρ. Θολὸς, Κεραυνίτζα, Πηλορήγιον; личныя имена, кромѣ указанныхъ: Πραντουλῆ, Σταυρακοποῦλος, Συναδηνός, Ἱερομνήμων, Λασκάρης, Φωτινός и друг. См. K N. Σάθα Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη. I. 200—242.

[2]) Ljubić. „Monumenta. II. p. 278. Stephanus dei gratia Servie, Dioclie, Chilminie, Zentae, Albanie et maritime regionis rex, nec non Bulgariae imperii partis non modice particeps, *et fere totius imperii Romaniae dominus*.......... Между тѣмъ въ началѣ того же 1345 г., въ январѣ, Душанъ скромно титулуетъ себя только „частникомъ греческимъ странамъ“ (азь рабь Христоу Стефань четврьтыи вь ха҃ бо҃ вѣрни краль самодрьжьць всѣхь српскыхь земль и чстникь грьчьскыимь странамь). См. „Аθонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова“, стр. 66.

Теперь становится вполнѣ понятнымъ и естественнымъ то смѣлое и, по словамъ Григоры, надменное дѣяніе, которое было совершено Душаномъ вскорѣ по занятіи Сереса. Если въ первые пятнадцать лѣтъ своего правленія изъ войнъ и сношеній съ Византіею онъ убѣдился въ безсиліи цареградскаго императора, этого верховнаго главы всего восточнаго міра, въ ослабленіи его высокаго нравственнаго вліянія на внѣшнія дѣла, то теперь, сознавая свою мощь, считая себя обладателемъ большей части земель имперіи, онъ легко могъ прійти къ рѣшенію провозгласить себя царемъ и тѣмъ самымъ отказаться отъ признанія всякой высшей власти надъ собою и своимъ государствомъ. Подобное нарушеніе вѣковыхъ традицій, которымъ, какъ мы видѣли, онъ самъ поклонялся въ извѣстной степени, не представляло уже въ себѣ факта вполнѣ новаго, необычнаго. Если Душанъ ничего не зналъ о знаменитомъ болгарскомъ царѣ Симеонѣ, то, вѣроятно, хорошо былъ знакомъ съ дѣятельностію Асѣней, — основателей втораго Болгарскаго царства и ихъ могущественнаго преемника Асѣня II. Самое пребываніе его въ странѣ, въ которой должны были сохраняться преданія о Болгарскомъ царствѣ, укрѣпляло въ немъ мысль о возвышеніи своего политическаго положенія. Наконецъ, не могъ онъ оставаться кралемъ, когда сосѣдній, менѣе сильный государь, притомъ же облагодѣтельствованный имъ родственникъ Іоаннъ Александръ Болгарскій носилъ титулъ царя. Все это вмѣстѣ привело Душана къ мысли провозгласить себя царемъ.

Но не одни эти соображенія руководили сербскимъ завоевателемъ при этомъ важномъ политическомъ шагѣ. Его планы и замыслы были гораздо шире. Задуманное имъ царство не должно было походить ни на царство Асѣней, остатки котораго продолжали еще существовать, ни даже на царство Симеона. Послѣдній цѣлью своихъ войнъ ставилъ освобожденіе изъ подъ власти Византіи славянскихъ земель и образованіе изъ нихъ одного славянскаго государства; самая попытка его овладѣть Цареградомъ вытекала все изъ того же стремленія уничтожить господство Грековъ и замѣнить его господствомъ Славянъ. Другой вопросъ, могло ли что либо тогда выйти изъ этой замѣны. Но несомнѣнно то, что національныя цѣли, независимо отъ властолюбія и личнаго раздра-

женія противъ Византійцевъ, руководили громкою, но не вполнѣ удавшеюся дѣятельностью могущественнаго болгарскаго государя [1]). Асѣни, еще болѣе чѣмъ Симеонъ, преслѣдовали народныя задачи; они добивались освобожденія и полной независимости *болгарскаго народа*, основывали *болгарское* царство. Совершенно иное значеніе связывалъ Стефанъ Душанъ съ принимаемымъ имъ титуломъ *царя* или *василевса*. Тутъ было дѣло не объ одномъ освобожденіи сербскаго народа отъ верховнаго авторитета цареградскаго императора. Изъ приведеннаго свидѣтельства Никифора Григоры, подтверждаемаго и другими данными, какъ увидимъ, представляется несомнѣннымъ, что Душанъ занятъ былъ мыслью о созданіи новаго царства въ замѣнъ Византіи, но не сербскаго, а сербско-греческаго. Сербскій народъ, Сербское королевство, всѣ присоединенныя къ нему славянскія земли, должны были сдѣлаться только составною частью имперіи Ромэевъ, главою которой онъ провозглашалъ себя. Такое именно значеніе должно было имѣть нареченіе сына Уроша кралемъ, съ выдѣленіемъ ему въ управленіе собственно сербскихъ земель. Вѣданіе новопріобрѣтенными греческими землями онъ удерживалъ непосредственно за собою, провозглашая, что будетъ управлять ими по обычаямъ Ромэевъ. Такимъ образомъ Душанъ ясно выставлялъ себя претендентомъ на тронъ Константина Великаго, тогда уже служившій предметомъ споровъ. Онъ хотѣлъ стать прежде всего императоромъ Ромэевъ, а потомъ Сербовъ. Перенесеніе на себя всѣхъ внѣшнихъ атрибутовъ власти

---

[1]) Нашему взгляду на дѣятельность Симеона не можетъ противорѣчить ни принятіе имъ титула „Цѣсаря Блъгаромъ и Гръкомъ“, который продолжали носить его преемники, ни передаваемое Николаемъ Мистикомъ извѣстіе о томъ, что Симеонъ хотѣлъ занять византійскій престолъ и условіемъ міра съ Греками ставилъ признаніе его греческимъ императоромъ. Все это только доказываетъ, что болгарскій царь, въ своихъ удачныхъ войнахъ съ Греками, поводъ къ которымъ давали большею частью послѣдніе, пришелъ къ мысли объ окончательномъ уничтоженіи Византіи. Онъ хотѣлъ владѣть Цареградомъ и повелѣвать Греками, но не какъ императоръ ромейскій, а какъ царь болгарскій. Воспріявъ въ себя сокъ византійской культуры, и впустивъ въ свое государство и свой народъ широкую византійскую струю, Симеонъ все-таки рѣзко обозначилъ свои политическія стремленія, направленныя къ уничтоженію ромейскаго элемента. Отсюда понятенъ и тотъ ужасъ, который наводили на Цареградъ побѣды болгарскаго царя.

византійскаго императора, усвоеніе греческаго образа жизни обозначали эти сокровенныя стремленія сербскаго государя непосредственно за принятіемъ царскаго титула. Факты послѣдующей его дѣятельности уже окончательно раскрыли задуманный имъ широкій планъ водворенія въ своей личности сербской династіи на цареградскомъ престолѣ.

Подробностей, касающихся самаго факта воцаренія Душана, дошло очень немного. Изъ записи самого царя, сохранившейся въ одномъ спискѣ его „Законника", [1]) извѣстно, что торжественное вѣнчаніе на царство происходило въ Скопіи 16 Апрѣля 1346 г. Но есть данныя допустить, что этому вѣнчанію предшествовала церемонія провозглашенія, совершенная въ Induced Сересѣ, вѣроятно, вскорѣ послѣ занятія города. Согласно византійскому обычаю, она должно быть состояла въ возложеніи императорскихъ одеждъ и короны и въ торжественномъ возглашеніи имени новаго царя. Послѣ этой церемоніи Душанъ и сталъ пользоваться своимъ новымъ титуломъ. Въ одной грамотѣ, подписанной въ октябрѣ 1345 г., онъ называетъ себя еще кралемъ Сербіи и Романіи, (Κράλης καὶ αὐτοκράτωρ Σερβίας καὶ Ῥωμανίας) [2]); въ другой, помѣченной январемъ 1341 г., въ подписи стоитъ уже царскій титулъ (βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Σερβίας καὶ Ῥωμανίας) [3]). Въ этотъ трехмѣсячный промежутокъ и долженъ былъ состояться первый актъ принятія сербскимъ кралемъ царскаго достоинства. Въ глазахъ Душана онъ, конечно, имѣлъ не меньшее значеніе, чѣмъ второй, совершившійся позже въ собственно-сербской землѣ. Безъ всякаго сомнѣнія именно о немъ идетъ рѣчь въ письмѣ новаго царя къ венеціанскому сенату, отъ 3 марта 1346 г. (de coronatione sua in imperio Constantinopolitano). [4])

Отъ коронаціи въ предѣлахъ Византійской имперіи до торже-

---

[1]) Въ Раковацкой рукоп., изданной въ „Србском Летопису". 1828. IV. 46 и 53. Новаковић. Законик Стефана Душана Цара Српског. 1870. XXII — XXVI.

[2]) К. N. Σαθα „Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη". 1872. I. 239.

[3]) Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова, стр. 96.

[4]) Ljubić. Monumenta. II. 326.

ственнаго вѣнчанія въ Скопіи прошло около полугода. Почти все это время Душанъ провелъ во вновь завоеванной греческой землѣ. Ему надобно было устроить ее соотвѣтственно принятымъ имъ планамъ, сблизиться съ греческою аристократіею и духовенствомъ и постепенно подготовиться къ выступленію въ принятой имъ роли императора ромейскаго. Теперь и происходитъ въ немъ то живое увлеченіе византизмомъ, которое подсказывалось ему раньше практическими соображеніями. Теперь-то, вѣроятно, онъ и занялся введеніемъ пышнаго придворнаго штата и усвоеніемъ византійскихъ нравовъ и обычаевъ, о которомъ говоритъ Григора. Извѣстенъ цѣлый рядъ документовъ, принадлежавшихъ когда-то Меникейскому монастырю, содержащихъ въ себѣ весьма цѣнныя данныя для уясненія этой стороны дѣятельности Душана. Изъ нихъ раскрываются и отношенія, въ которыя онъ всталъ къ греческому населенію завоеванныхъ областей, и цѣлая система мѣръ, принятыхъ имъ для обезпеченія успѣха его широкихъ замысловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ же находитъ себѣ полное подтвержденіе сдѣланное нами, на основаніи свидѣтельства Григоры, опредѣленіе смысла и значенія, которыя придавалъ самъ Душанъ своему вѣнчанію на царство [1]). Выдѣливъ себѣ какъ императору Ромэевъ страну отъ Вардара до Христополя (Кавала), онъ дѣйствительно рѣшился управлять ею по установленіямъ Ромэевъ. Всѣ должности городскихъ и областныхъ правителей были предоставлены мѣстнымъ знатнымъ Грекамъ, вѣроятно, тѣмъ, которые и прежде ихъ занимали. Греческія имена кефалій и мѣстныхъ правителей въ

[1]) Подлинники этихъ документовъ давно не существуютъ. Извѣстны они стали изъ одного „стараго кодекса" Меникейскаго монастыря, куда были вписаны неизвѣстною рукою, неизвѣстно когда. Но и этотъ старинный кодексъ уже пропалъ, и остаются только списки съ него сдѣланные въ 1856 г. грекомъ Георгіемъ Іоаннидомъ (См. *Rad.* V. 151). Одинъ изъ нихъ хранится въ Бѣлградской народной библіотекѣ, по которому они и были напечатаны, къ сожалѣнію только въ сербскомъ переводѣ (за исключеніемъ одного хрисовула, который изданъ въ греческомъ подлинникѣ) въ журн. *„Гласник српског ученог друштва"* (XXVI и XXXII). У насъ въ рукахъ были два греческихъ списка, одинъ изъ нихъ полный. Грамоты весьма важны, но къ сожалѣнію, не всѣ могутъ быть признаны подлинными. Внимательное изученіе ихъ по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи спискамъ заставило насъ отказаться отъ пользованія нѣкоторыми изъ нихъ.

юго-восточной части Македоніи тянутся во все царствованіе Душана. Въ Сересѣ первымъ кефаліею послѣ сербскаго завоеванія былъ, вѣроятно, *М. Аврамбекъ*, имя котораго упоминается въ грамотѣ 1346 г. [1]). ЗатѣмъСересъ является подчиненнымъ одному общему правителю надъ нѣсколькими городами. Быть можетъ при этомъ оставался и мѣстный кефалія. Такъ въ грамотѣ 1349 г. мы находимъ имя *Мануила Ливерія*, воеводы надъ Волеромъ, Сересомъ и Струмою [2]). Подъ 1353 г. упоминается великій хартуларій (потомъ протовестіарій) и кефалія Волера, Мосинополя, Сереса и Струмы *Андроникъ Кантакузинъ*; преемникомъ его въ Сересѣ былъ *Димитрій Ангелъ Метохита* [3]). Затѣмъ, вѣроятно въ послѣдніе годы царствованія Душана, правилъ въ Сересѣ и въ области Пополъѣ великій чаушья (τσαυός) *Алексѣй Цамплаконъ* [4]). Кромѣ того въ меникейскихъ грамотахъ упоминается *Өедоръ Палеологъ* кефалія Волера, Мосинополя и Христополя [5]). Многіе представители мѣстной греческой аристократіи вошли въ составъ придворнаго штата, который былъ теперь составленъ по образцу византійскаго двора. Въ сересскихъ грамотахъ они являются не только съ общимъ именемъ царскихъ „дворянъ“ или „бояръ“ (οἰκεῖοι τῇ βασιλείᾳ μου), по и носятъ разные почетные титулы, съ которыми соединялись высшія должности по управленію краемъ, или же являются ближайшими довѣренными людьми новаго царя. При отсутствіи точныхъ и вѣрныхъ хронологическихъ датъ на грамотахъ, къ сожалѣнію, нельзя опредѣлить точно всѣхъ годовъ, когда были пожалованы высокими званіями и титулами упоминаемыя въ документахъ лица съ греческими именами. Но не подлежитъ сомнѣнію, что Душанъ началъ приближать къ себѣ греческую

---

1) *Гласник* XXXII. 284. Грамота помѣчена апрѣлемъ и 14 индиктомъ, который въ періодъ царствованія Душана могъ приходиться только на 1346 г.

2) Въ греческ. сп. № 21: Πάνσεπτε σεπτὲ Δοὺξ τοῦ θέματος Βολεροῦ καὶ Μοσυνοπόλεος, Σερρῶν καὶ Στρυμμόνος κὺρ Μανουὴλ Λιβερὲ. *Гласник* XXXII. 286.

3) Ibid. 280–282.

4) Ibid. 288—290.

5) *Гласник* XXVI. 32. Въ греч. спискѣ № 6. Οἰκεῖε τῇ βασιλείᾳ μου κεφαλὴ Βολεροῦ καὶ Μοσινοπόλου ἔτι Χριστοπόλου καὶ τῶν περὶ αὐτὰ κῦρε Θεόδωρε Παλαιολόγε.

знать непосредственно по взятіи Сереса и покоренія западной Македоніи. Это вполнѣ согласовалось съ его видами немедленно принять титулъ „василевса Ромэевъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывается нѣсколькими грамотами съ годами. Мы видимъ цѣлый рядъ греческихъ „дворянъ“, носящихъ титулъ „доместика“, которымъ Душанъ поручалъ рѣшеніе тяжебныхъ дѣлъ, сборъ доходовъ и управленіе отдѣльными областями. Извѣстны слѣдующія лица: доместикъ Макринъ [1]), доместикъ Іоаннъ Тарханіота [2]), великій доместикъ Алексѣй Рауль [3]). Выше названный сересскій кефалія Андроникъ Кантакузинъ послѣдовательно носитъ титулы великаго хартуларія, протовестіарія и протоспаѳарія [4]). Кромѣ того упоминаются: другой великій хартуларій Іоаннъ Ватаци [5]) и простые дворяне: Маргаритъ, Трулинъ, Фокопуло [6]) и родствен-

---

[1]) *Гласник* XXVI. 31. Въ греч. списк. № 4: ὡς διωρίζατο ἡ βασιλεία μου διὰ προστάγματος πρὸς τὸν δομέστικον τὸν Μακρῆνον (безъ года). Вѣроятно этого же Макрина надо разумѣть въ грамотѣ 1348 г. (инд. 1 м. Іюль; слѣдов.—1348 г.), гдѣ онъ является съ титуломъ доместика темъ“. *Гласник* XXXII: въ греч. сп. № 25: πάνσεπτε σεπτὲ οἰκεῖε τῇ βασιλείᾳ μου δομέστικε τῶν θεμάτων Κύριε Μακρῆνε. Если эта послѣдняя грамота, не имѣющая подписи, а только хронологическую помѣтку, сдѣланную царскою рукою, принадлежитъ Душану, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что тѣмъ же сербскимъ царемъ подписана (именно въ декабрѣ 1349 г. 3 инд.) изданная нами (Аѳонскіе акты. 88—90) простагма, которою подтверждается γράμμα τῶν καθολικῶν κριτῶν τῶν Ῥωμαίων о тяжбѣ между монахами Эсфигмена и жителями гор. Рентины; ибо въ этой граммѣ встрѣчается тоже имя „доместика темъ Макрина“ (δομεστίκου τῶν θεμάτων τοῦ Μακρήνου). Въ такомъ случаѣ получается еще одно вѣское доказательство того, что Душанъ сохранилъ въ завоеванной странѣ прежнія византійскія учрежденія: онъ признаетъ институтъ „суда римскихъ вселенскихъ судей“. Объ этомъ институтѣ см. „Zachariae Geschichte des griechisch—römischen Rechts. 2-te Auflage. Berlin. 1877. s. 359—363.

[2]) *Гласник* XXVI. 34. Въ греч. сп.: οἰκεῖε τῇ βασιλείᾳ μου δομέστικε κὺρ Ἰωάννη Ταρχανιώθη.

[3]) *Гласник* XXVI. 38. Въ греч. сп. № 10: ὁ οἰκεῖος καὶ πεφιλημένος τῆς βασιλείας μου μέγας δομέστικος κὺρ Ἀλέξιος ὁ Ῥαούλ.

[4]) *Гласник* XXVI. 36; XXXII. 280, 281. Въ греч. сп. №№ 8, 16, 17.

[5]) *Гласник* XXVI. 32; въ греч. сп. № 5: τοῦ οἰκείου τῆς βασιλείας μου μεγάλου χαρτουλλαρίου Ἰωάννου τοῦ Βατάτση καὶ τοῦ πανσέπτου οἰκείου τῇ βασιλείᾳ μου Ὀρφανοστρόφου κυρίου Κωνσταντίνου.

[6]) *Гласник* XXVI. 32; въ греч. сп. № 5: ὁ οἰκεῖος τῆς βασιλείας μου ὁ Μαργαρίτης; *Гласник* XXXII. 283; въ греч. сп. № 18: παρὰ τοῦ οἰκείου τῇ βασιλείᾳ

никъ царскій протостраторъ Синадинъ [1]). Очень вѣроятно, что нѣкоторые изъ переименованныхъ лицъ уже имѣли эти титулы отъ византійскаго двора и вошли съ ними въ придворный штатъ новаго царя; на другихъ, какъ наприм. на Андроникѣ Кантакузинѣ прямо видно пожалованіе въ разныя степени со стороны Душана. Вообще касательно новоустановленнаго греко-сербскаго двора трудно сказать точно, на сколько близко онъ походилъ на византійскій и заключалъ ли въ себѣ всѣ разнообразныя степени византійскихъ должностей и титуловъ. Тѣсное сближеніе Душана съ мѣстнымъ греческимъ боярствомъ, предоставленіе ему почетнаго положенія въ странѣ, естественно заставляетъ предполагать, что за послѣднимъ были сохранены всѣ прежнія землевладѣльческія и другія права. Въ нашихъ грамотахъ можно найти нѣсколько указаній на то, какъ осторожно и внимательно относился сербо-греческій царь къ этимъ правамъ. Онъ выдаетъ боярину Маргариту простагму, которою и на будущее время освобождаетъ его земли и виноградники отъ взноса податей и повинностей [2]), хрисовуломъ признаетъ неприкосновенность земель и имѣній боярина Фокопула отъ наѣздовъ и вмѣшательствъ мѣстныхъ властей [3]); если онъ и заставляетъ отобрать у нѣкоторыхъ бояръ земли, захваченныя у монастырей, то вознаграждаетъ ихъ равнымъ участкомъ въ другихъ мѣстахъ [4]). Греческій языкъ, повидимому, былъ признанъ языкомъ оффиціальнымъ наравнѣ съ сербскимъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ значительное количество сохранившихся греческихъ грамотъ самого Душана. Такими-то мѣрами Душанъ, принимая титулъ царя Ромэевъ, разсчитывалъ привлечь къ себѣ греческую аристократію покоренной страны. Ему нужно было показать, что онъ дѣйствительно царь не только Сербовъ, но и Грековъ.

Но не менѣе, если не болѣе важно было для него заручиться

μου κυρίου Γεωργίου τοῦ Τρουλη̃νοῦ. *Гласник* XXXII. 284; въ греч. сп. № 19—20: ὁ οἰκεῖος τῆς βασιλείας μου κὺρ Γεώργιος Φωκόπουλος.

[1]) „Аѳонскіе акты и фотогр. сн. съ нихъ въ собр. Севастьян.". 83: ὁ περιπόθητος θεῖος τῆς βασιλείας μου πρωτοστράτωρ ὁ Συναδηνὸς ἐκεῖνος.

[2]) *Гласник* XXVI. 32. Греч. спис. № 5.

[3]) Греч. сп. № 20: ἀρχόντων καὶ ἀρχοντοπούλων τῆς βασιλείας μου. *Гласник* XXXII. 283.

[4]) *Гласник* XXVI. 32—37. XXXII. 292. Греч. спис. №№ 8. 25.

*

расположеніемъ и греческаго духовенства. Епископскія и священническія мѣста не только въ греческой половинѣ Македоніи, но и славянской, а частью и въ собственно сербскихъ земляхъ, какъ извѣстно, занимали по преимуществу Греки. Еще болѣе извѣстно то огромное вліяніе на народныя массы, которое принадлежало духовенству греко-славянскаго міра въ средніе вѣка. Стало быть съ этой одной стороны греческое духовенство для Душана было силою, въ содѣйствіи которой онъ не могъ не нуждаться для осуществленія своихъ широкихъ замысловъ. Но кромѣ того былъ тутъ и частный, болѣе глубокій мотивъ. Согласно вѣковымъ преданіямъ, Душанъ хорошо понималъ, что его глубоко знаменательное провозглашеніе царемъ, можетъ получить право на законность и на всеобщее признаніе только въ томъ случаѣ, если будетъ освящено авторитетомъ высшей духовной власти. Сербскій архіепископъ, зависѣвшій отъ константинопольскаго патріарха, не могъ быть этою высшею властью; соборъ сербскихъ епископовъ долженъ былъ сперва установить полную независимость сербской церкви, но и тогда независимый глава ея—архіепископъ или патріархъ получалъ бы право вѣнчать сербскаго краля не болѣе какъ *сербскимъ царемъ*. Для освященія же титула „*Царя Сербовъ и Ромэевъ*“ для узаконенія связывавшихся съ этимъ титуломъ правъ на Византійскую имперію требовалось нѣчто большее. На согласіе константинопольскаго патріарха нечего было и разсчитывать. Вотъ это согласіе Душанъ и хотѣлъ замѣнить участіемъ греческаго духовенства завоеванныхъ областей въ задуманной имъ церемоніи санкцированія сдѣланнаго имъ политическаго шага. Ему нужно было добиться того, чтобы высшее греческое духовенство и греческіе монастыри Аѳонской горы, пользовавшейся огромнымъ авторитетомъ на всемъ Востокѣ, открыто признали сербскаго архіепископа патріархомъ, а затѣмъ и его, Душана, „царемъ Сербовъ и Грековъ“. И здѣсь опять исторія не сохранила документовъ, которые указывали бы на сношенія новаго царя по этому вопросу съ сересскимъ и другими епископами, хотя подобные документы и должны были существовать. За то дошло нѣсколько грамотъ меньшаго значенія, которыя тѣмъ не менѣе ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что Душанъ старался расположить въ свою пользу греческое духовенство.

Близь Сереса на Меникейской горѣ находится и въ настоящее время монастырь Св. Іоанна Предтечи. Въ царствованіе Андроника Старшаго онъ былъ поднятъ изъ развалинъ и великолѣпно переустроенъ митрополитомъ Зихны Іоакимомъ, который присоединивъ къ нему и другой монастырекъ того же святаго въ г. Середѣ, соединилъ ихъ подъ властью одного игумена и выговорилъ для нихъ независимость отъ сересскаго епископа, съ непосредственнымъ подчиненіемъ константинопольскому патріархату. Эта обитель пользовалась особымъ почетомъ въ европейскихъ владѣніяхъ имперіи. Оба императора Андроники—дѣдъ и внукъ—считались ктиторами ея. Дочь Андроника Старшаго и супруга Милутина Сербскаго Симонида принимала особенное участіе въ благотвореніи обители; ей жертвовали земли и такіе видные дѣятели своего времени, какъ Ѳедоръ Метохита. Великій доместикъ Іоаннъ Кантакузинъ имѣлъ личный надзоръ и попеченіе (ἐφόρειαν καὶ ἐπίσκεψιν) надъ монастыремъ [1]). Однимъ словомъ послѣ Аѳона это былъ одинъ изъ главнѣйшихъ религіозныхъ центровъ имперіи. Теперь этотъ центръ поступилъ подъ власть сербскаго завоевателя. На немъ Душанъ естественно останавливаетъ особенное вниманіе. Непосредственно за взятіемъ Сереса, въ октябрѣ 1345 г. онъ даетъ монастырю хрисовулъ, подписываясь подъ нимъ „кралемъ и самодержцемъ Сербіи и Романіи" [2]). Этимъ документомъ онъ не только подтверждаетъ за монастыремъ всѣ прежнія владѣнія, земли и метохи, которыя были приписаны обители хрисовулами и простагмами византійскихъ императоровъ, не только освобождаетъ эти земли и имѣнія отъ всякихъ государственныхъ и общественныхъ поборовъ и повинностей, предоставляя въ этомъ отношеніи еще большія льготы, чѣмъ его предшественники, но и съ своей стороны дѣлаетъ весьма значительныя приложенія; именно онъ даритъ: помѣстье *Ласкаря* въ селѣ Лепчини съ зевгелятіемъ (тягло), принадлежавшимъ Кантакузину, и тремя мельницами, париковъ въ селѣ Мельникичи (Μελενικίτζιον), дома и землю въ разныхъ мѣстахъ, которыми владѣлъ тотъ же Ласкарь; урочища (παλαιοχωρία): *Протокорицу* (Προτοκορίζη) *Велій-долъ* (Βελιδόλου) съ двумя мельницами, *Кюниги* (οἱ

---

[1]) См. Χρυσόβουλλοι Λόγοι у Саѳы. Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη I. 211—242.

[2]) Ibid. p. 234—239.

Κοντηγοί) на р. *Панакъ* (εἰς τὸν Πάνακα) съ париками, мельницами и проч. и четыре двора (αὐλάκια) въ *Пера-Полеанъ* (εἰς τὴν Πέρα Πολέαναν) [1]). Такую щедрость въ отношеніи названной мѣстной святыни Душанъ обнаруживаетъ уже съ перваго шага по вступленіи въ обладаніе восточной Македоніей. Затѣмъ Меникейская обитель остается навсегда предметомъ его особаго вниманія и попеченія. Онъ и дѣлаетъ ей новыя приложенія, и сохраняетъ за нею права на прежде ей пожалованныя угодья [2]). Эту церковную благотворительность Душана и его покровительство монастырю въ данномъ случаѣ нельзя объяснять одними религіозными побужденіями, одною набожностью, которою отличаются всѣ сербскіе государи, которой не былъ чуждъ и первый сербскій царь, по примѣру предковъ щедро одарившій сербскія церкви и монастыри [3]) и также устроившій свою задушбину—богатую и великолѣпную церковь Св. Архангела Михаила въ Призренѣ. Тутъ былъ несомнѣнно и другой—политическій разсчетъ. Ему нужно было выказать особенные знаки расположенія къ обители Іоанна Предтечи, потому что эта обитель была *греческая*, что ктиторами ея были *сами византійскіе императоры*—оба Андроника и Іоаннъ Кантакузинъ, теперь также стоявшій у подножія престола Константина Великаго, наконецъ потому, что обитель была подъ особымъ покровительствомъ епископовъ Зихны, преемниковъ знаменитаго устроителя ея митрополита Іоакима. Еслибъ не было никакого сомнѣнія въ подлинности всѣхъ извѣстныхъ меникейскихъ грамотъ (изданн. въ сербск. переводѣ Петрановичемъ), то можно было бы привести еще одно доказательство того, что Душанъ хотѣлъ возможно осязательнѣе выразить особое вниманіе и симпатіи къ греческому монастырю, и тѣмъ засвидѣтельствовать передъ греческимъ духовенствомъ, что онъ принимаетъ совершенно сознательно титулъ „царя Ромеевъ", вполнѣ разсчитывая на всеобщее признаніе его со стороны свѣтскихъ и духовныхъ представителей завоеванной

---

[1]) Ibid. p. 238.

[2]) *Гласник* XXVI. 29, 31, 32—43. XXXII. 284—286. 289—295.

[3]) Напр. церковь въ Трескавцѣ. (*Гласник* XI. 130. XIII. 369) и Хиландарь (см. грамоты у Миклошича, стр. 109, 115, 124 и друг.).

области. Именно, по нѣкоторымъ изъ грамотъ выходитъ, будто бы Душанъ назначилъ почетнымъ ктиторомъ Меникейской обители свою дочь—сербскую королевну, имени которой, впрочемъ, не приводится. Мы однако не рѣшаемся признать этотъ фактъ несомнѣнно вѣрнымъ, потому что тѣ грамоты, гдѣ упоминается о дочери Душана, представляются намъ наиболѣе подозрительными. Онѣ или носятъ слѣды позднѣйшей поддѣлки, или же принадлежать не Душану, а первому царственному ктитору монастыря, императору Андронику Старшему [1]). Въ послѣднемъ случаѣ кралица, о которой въ нихъ идетъ рѣчь, есть никто другая, какъ несчастная дочь Андроника Симонида — супруга извѣстнаго сербскаго краля Милутина. Но и безъ ктиторства неизвѣстной дочери Душана, ду-

---

[1]) Грамоты эти въ греческ. сп. стоятъ подъ №№ 6, 7, 12, 13, 23, 28; въ *Гласникѣ* XXVI. 32. 34. 42. 43. XXXII. 289. 294. О дочери Душана говорится здѣсь слѣдующимъ образомъ: Ἡ περιπόθητος θυγάτηρ τῆς βασιλείας μου ἡ ὑψηλοτάτη Κράλαινα ἀναδεξαμένη πρὸ χρόνων ἤδη τινῶν διά χρυσοβούλλων τῆς βασιλείας μου τὴν ἐφορίαν καὶ ἐπίσκεψιν τῆς περὶ τὰς Σέρρας εἰς τὸ ὄρος τοῦ Μενοικέως διακειμένης σεβασμίας μονῆς.... (№ 6—безъ подписи). Также и въ грамотѣ № 28; ...ἀπὸ μεσιτείας τῆς περιποθήτου θυγατρὸς τῆς βασιλείας μου τῆς ὑψηλοτάτης Κραλαίνης τῆς αὐθεντοπούλας σου (№№ 7. 23. Подп. Στέφαν. βασιλ. κ. αὐτοκρ. Σερβ. κ. Ῥωμαν. 9 Декабря); ... σεβασμίᾳ μονῇ τῆς περιποθήτου θυγατρὸς τῆς βασιλείας μου Ῥηγαίνης Κραλλαίνης Σερβίας (№ 12 безъ подписи): ... τοῦ περιποθήτου θυγατρὸς τῆς βασιλείας μου τῆς ὑψηλοτάτης Ῥηγαίνης Σερβίας (№ 13 безъ подписи). Подробный разборъ степени достовѣрности грамотъ требуетъ особаго изслѣдованія. Укажемъ здѣсь главныя основанія, по которымъ считаемъ ихъ сомнительными:

1) Душанъ не могъ назвать свою дочь κραλαίνα, или ρηγαίνα Σερβίας; ибо подобный титулъ могъ относиться только къ супругѣ сербскаго краля, а никакъ не къ дочери. Такимъ образомъ грамоты №№ 12, 13 отнюдь не могутъ принадлежать Душану: онѣ или подложны или же выданы императоромъ Андроникомъ Старшимъ.

2) Изъ остальныхъ четырехъ грамотъ только одна (№ 7) имѣетъ полную подпись „Стефана василевса", на одной же будто бы сохранилось только начальное слово „Στέφανος" (№ 23); прочія же двѣ (№№ 6, 28), какъ и первыя двѣ указанныя (№ 12. 13)—совсѣмъ безъ подписей. Для послѣднихъ, слѣдоват., нѣтъ никакихъ указаній о принадлежности ихъ Душану; а содержаніе ихъ и текстъ заставляютъ ихъ также отнести ко времени Андроника.

4) Остается одна грамота—№ 7; но она представляетъ много странностей: прежде всего вызываетъ разныя сомнѣнія титулъ, приданный Душаномъ его неизвѣстной дочери: τῆς ὑψηλοτάτης κραλαίνης τῆς Αὐθεντοπούλας σου (т. е. доместика

ховенство сересскаго округа не могло не быть польщеннымъ вниманіемъ, оказаннымъ новымъ царемъ ихъ знаменитой обители. Очень можетъ быть, что и самъ сересскій митрополитъ получилъ отъ Душана какія либо пожалованія уже въ 1345 или 1346 г. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что ему, какъ высшему іерарху въ восточной Македоніи, Душанъ позже оказывалъ большое расположеніе и вниманіе. Въ 1348 г. Душанъ устроилъ свою задушбину— церковь Св. архангеловъ Михаила и Гавріила близъ Призрена, которую надѣлилъ обширными землями и угодьями и первымъ игумномъ ея назначилъ сѣрскаго митрополита Іакова [1]). Затѣмъ отъ 1353 г. дошелъ за подписью самого царя Стефана и его сына „Уроша краля всемъ Серблемъ" весьма любопытный хрисовулъ, которымъ жалуется сѣрскому митрополиту Іакову въ пожизненное владѣніе церковь Св. Николая на Пшини, подъ „Ковлемъ", съ землею и приписанными къ ней людьми, съ виноградниками, мельницами, купленицами, задушбинами, ловами и другими угодьями и правами: „да моу ѥсть ондѣзи (говорится въ хрисовулѣ) прибѣжище и покоище, или моу се случи немощь или коѥ прѣселениѥ

Іоанна Тарханіоты). Трудно допустить, чтобы Душанъ обращаясь къ именитому греческому боярину величалъ свою дочь „его государыней". Затѣмъ по содержанію это одна изъ тѣхъ сомнительно-Душановскихъ грамотъ, гдѣ рѣшается вопросъ о землицѣ Моноспити, принадлежавшей некоему Мартину—вопросъ уже рѣшенный Андроникомъ Старшимъ въ 1297 г. (Саѳа. Μεσ. βιβλ. I. 215). Въ грамотѣ являются тѣ же лица, что и 50 лѣтъ назадъ: тотъ же Мартинъ—прежній владѣлецъ Моноспити и тотъ же безъимянный епископъ Зихны, который возстановилъ и обновилъ Меникейскій монастырь (ἐγνώρισεν ἡ βασιλεία μου ἐξ ἀναφορᾶς τοῦ θεοφιλεστάτου ἐπισκόπου Ζιχνῶν, ὅς συνεστήσατο τὴν μονὴν.....). Ужели они жили и дѣйствовали и въ 50 годахъ XIV в.? Если бы этотъ епископъ былъ живъ, то по завоеваніи Сереса Сербами ему естественно было бы обратиться самому къ Душану съ просьбою о хрисовулѣ на монастырскіи земли; и еслибъ съ его стороны было подобное ходатайство Душанъ не приминулъ бы о немъ упомянуть въ своемъ октябрскомъ хрисовулѣ 1345 г.; между тѣмъ онъ говоритъ объ этомъ приснопамятномъ епископѣ, котораго называетъ точно митрополитомъ Іоакимомъ только въ прошедшемъ времени, а происхожденіе своего хрисовула приписываетъ единственно просьбѣ монашествующихъ. Въ виду этихъ соображеній мы не рѣшаемся признать и этотъ документъ безусловно подлиннымъ.

[1]) *Гласник* XV. 276.

вольно, а или ноуждьно, да си има опоузи кѥлию, до своѥга живота никымъ неотѥмлѥмо" [1]).

Такую же политическую, а не одну религіозную подкладку должно было имѣть обращеніе Душана уже въ началѣ 1346 г. съ пожалованными грамотами къ нѣкоторымъ аѳонскимъ монастырямъ. Въ XIV в. большая часть святогорскихъ монастырей, кромѣ сербскаго Хиландаря и болгарскаго Зографа, принадлежали Грекамъ. Всѣ онѣ, не исключая и славянскихъ, имѣли общее соборное управленіе въ Протатѣ, засѣдавшемъ въ т. наз. Кареѣ, который только съ 1315 г. [2]) подчиненъ вѣдѣнію константинопольскаго патріарха, а до того времени представлялъ нѣчто въ родѣ вполнѣ независимой общины. Притомъ однако византійскій императоръ оставался верховнымъ покровителемъ всей Святой горы. Государи сербскіе и болгарскіе, жертвуя отъ себя своимъ монастырямъ— Хиландарю и Зографу, постоянно являются ходатаями за нихъ передъ императорами, постоянно испрашиваютъ у него покровительственные хрисовулы то по тому, то по другому случаю [3]). Это было и совершенно понятно: императоръ все таки былъ фактическимъ владѣтелемъ какъ всего Халкидскаго полуострова, такъ и Македоніи, гдѣ по преимуществу находились владѣнія и метохи аѳонскихъ монастырей. Теперь порядокъ вещей измѣнился. Съ заня-

---

[1]) *Гласник* XXIV, стр. 241—248. *Акты русскаго на святомъ Аѳонѣ монастыря* св. великомученика Пантелеимона. Кіевъ. 1873. стр. 361. Грамота эта представляетъ много любопытныхъ подробностей. Между прочимъ въ ней находятся важныя указанія объ экономическихъ отношеніяхъ, въ которыхъ стояли *„люди жупьсціи"* и *„люди церковные"*, и интересныя данныя для этнографіи такъ называемой Старой Сербіи въ XIV в. Отъ самого сѣрскаго митрополита Іакова дошелъ греческій актъ 1359 г. Славянская подпись на немъ сдѣланная крупною, красивою вязью (см. наше разысканіе—Аѳонскіе акты. 87) можетъ, пожалуй, говорить въ пользу славянскаго, точнѣе сербскаго происхожденія митрополита; но это обстоятельство не имѣетъ большаго значенія въ данномъ случаѣ: хотя бы и Сербъ по происхожденію Іаковъ все-таки былъ духовнымъ главою и греческаго города, и края по преимуществу греческаго.

[2]) Преосв. Порфирій. „Указатель актовъ Аѳонской горы". Журн. Мин. Нар. Просв. 1848 г. ч. LVIII. стр. 64 и Slavische bibliothek herausgeb. v. Miklosich. I. 1851. s. 156. 211.

[3]) См. „Аѳонскіе акты" стр. 36—45. 76—79.

тіемъ Сереса Сербами, Македонія перестала принадлежать имперіи, явился новый царь Ромэевъ, въ рукахъ котораго и находилась участь аѳонскихъ метоховъ и помѣстьевъ. О времени перехода къ Душану самаго Халкидскаго полуострова нѣтъ точнаго извѣстія, но переходъ этотъ долженъ былъ послѣдовать въ томъ же 1345 или началѣ 1346 г. Конечно, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что сербскія войска не проникли на самый Аѳонъ; тамъ имъ нечего было дѣлать, ибо это была святыня, общая и дорогая для всѣхъ народовъ греко-славянскаго міра. Тѣмъ не менѣе святогорскіе старцы греческихъ монастырей теперь не могли не понять, что верховное покровительство надъ ихъ обителями должно перейти отъ византійскаго императора къ новому царю, отъ котораго и будетъ зависѣть бо́льшая, или меньшая степень ихъ благосостоянія. Вотъ Душанъ и торопится разсѣять ихъ опасенія и сомнѣнія. Онъ не только подтверждаетъ за аѳонскими обителями ихъ прежнія владѣнія въ Македоніи, но и дѣлаетъ новыя приложенія, старается показать, что онъ принимаетъ на себя всѣ обязанности византійскаго императора по ктиторству надъ Святою горою, тѣмъ самымъ обязывая и самихъ иноковъ признать его дѣйствительнымъ „царемъ Ромэевъ“. Что подобное признаніе было весьма важно для Душана, это читатель вполнѣ пойметъ, если припомнитъ съ одной стороны то огромное духовно-нравственное значеніе Аѳона, которое въ XIV в. достигаетъ особенной высоты а съ другой отсутствіе у самозваннаго царя Ромэевъ высшаго духовнаго авторитета, который могъ бы санкцировать совершенную имъ политическую узурпацію. Греческое духовенство и Аѳонъ, какъ мы сказали, ему были необходимы, для приданія хоть какого нибудь вида законности его шагу. Оттого-то по принятіи царскаго титула въ Сересѣ, онъ на первыхъ же порахъ раздаетъ дарственныя грамоты не своей Хиландарской лаврѣ, а греческимъ монастырямъ. Извѣстны его четыре хрисовула отъ этого времени. Всѣ они, какъ и упомянутыя царскія грамоты, а равно позднѣйшіе его хрисовулы греческимъ монастырямъ Аѳона, писаны *по гречески*; три же изъ нихъ имѣютъ и *греческую подпись*: Στέφανος ἐν χῷ τῷ θῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Σερβίας καὶ Ρωμανίας [1]).

[1]) Сравненіе греческихъ хрисовуловъ Душана съ сербскими и общей ихъ ре-

Въ одномъ изъ нихъ, помѣченномъ январемъ 1346 г., Душанъ указываетъ на *общій хрисовулъ*, которымъ онъ уже облагодѣтельствовалъ всѣ аѳонскіе монастыри, перешедшіе подъ власть его царства [1]) и затѣмъ освобождаетъ Иверскій монастырь отъ взноса 400 иперперовъ за имѣніе Радоливо (τὸ κτῆμα τοῦ Ραδολίβου), которые уплачивались сперва въ императорскую казну (εἰς τὸ βασιλικὸν βεστιάριον), а потомъ мѣстнымъ военнымъ властямъ πρὸς τοὺς στρατιώτας) [2]). Этотъ общій хрисовулъ Душана, обращенный ко всѣмъ аѳонскимъ монастырямъ, къ сожалѣнію, не сохранился въ архивахъ Св. Горы; по крайней мѣрѣ его нѣтъ въ извѣстныхъ указателяхъ и перечняхъ аѳонскихъ актовъ. Тѣмъ не менѣе уже изъ ссылки на него, находящейся въ нашей иверской грамотѣ, явствуетъ его истинное значеніе: имъ вполнѣ доказывается высказанная нами мысль о желаніи новаго царя возможно скорѣе выразить свое благорасположеніе аѳонскимъ старцамъ. Предоставленіе 400 иперпер. Иверской обители, послѣдовавшее за общимъ успокоительнымъ хрисовуломъ, должно было служить уже явнымъ, вещественнымъ доказательствомъ этого благорасположенія.

Въ другомъ хрисовулѣ, данномъ Иверскому монастырю въ апрѣлѣ 1346 г. Душанъ подтверждаетъ за монастыремъ всѣ прежніе его метохи и владѣнія, находившіеся въ предѣлахъ Сереса, Зихны, Мельника и другихъ мѣстностей Македоніи и опять высказываетъ свое ктиторское рвеніе къ этой древней въ то время чисто-греческой обители тѣмъ, что освобождаетъ земли и помѣстья монастырскія безусловно отъ всѣхъ поборовъ и повинностей, не исключая и такихъ статей, которыя всегда оговаривались въ хри-

дакціи съ редакціею хрисовуловъ византійскихъ императоровъ, можетъ быть предметомъ любопытнаго изслѣдованія; начало подобной работы представляютъ статьи профессора В. Г. Васильевскаго въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1880 г. Августъ.

[1]) Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. 95. Διὰ τοῦτο ἡ βασιλεία μου πάσας τὰς ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει τοῦ Ἄθω διακειμένας μονὰς ἀναδεξαμένη ὅλῃ ψυχῇ προσελθούσας καὶ ὑποταγείσας αὐτῇ διὰ χρυσοβούλλου κοινοῦ πάσαις αὐταῖς πλουσίαν ἐχωρήγησε καὶ παρέσχε τὴν εὐεργεσίαν.......

[2]) Ibid. — Изъ этихъ 400 иперперовъ 200 — составляли земельный (тягловый) сборъ и 200—подушную подать: ἤγουν τὰ μὲν διακόσια ὑπέρπυρα ὑπὲρ ζευγαρατικίου, τὰ δὲ διακόσια ὑπὲρ κεφαλαίου.

совулахъ византійскихъ императоровъ, именно: отъ пени за убійство, за дѣворастлѣніе, за открытіе клада, когда эти дѣйствія произведены на монастырскихъ земляхъ (διδομένων ἑτέρων δημοσιακῶν κεφαλαίων..... του φόνου, τῆς παρθενοφθορίας, τῆς εὑρέσεως τοῦ θησαυροῦ) [1]), а равно даетъ льготу, которой совсѣмъ не упоминается въ византійскихъ документахъ: κεφάλαιον τῆς ἀπογραφικῆς ἀναθεωρήσεως, что̀ по нашему мнѣнію, должно означать освобожденіе монастырскихъ помѣстій отъ судебныхъ слѣдствій и розысковъ со стороны гражданскихъ властей.

Въ третьемъ хрисовулѣ отъ того же апрѣля, данномъ другому древне-греческому монастырю Филоѳеевскому, Душанъ подтверждаетъ права монастыря на разные его метохи и имѣнія не только въ Соресѣ, Мельникѣ и Зихнѣ, но и въ „богоспасаемомъ градѣ Ѳессалоникѣ", и затѣмъ и отъ себя дѣлаетъ весьма щедрое приложеніе: метохъ Чайно (Τζαΐνου), сельцо Просаки (Προσάκιον), землю у Зелихова, рыбныя ловли на р. Панакѣ (?) и поземельную подать съ париковъ и приписанныхъ къ нимъ поселянъ прежняго ихъ владѣльца *протостратора Синадина* [2]). Перечисляя льготы, предоставляемыя этимъ монастырскимъ владѣніямъ, онъ, повидимому, исключаетъ статью τοῦ φόνου и τῆς εὑρέσεως θησαυροῦ и со-

---

[1]) Ibid. стр. 91—94. Напротивъ въ хрисовулѣ Андроника Старшаго, данномъ Руссику въ 1312 г., читаемъ: ἀλλὰ διατηρηθήσεται ταῦτα πάντα καὶ μενοῦσιν ἀνενόχλητα παντελῶς καὶ ἀδιάσειστα ἀπὸ πάσης καὶ παντοίας ἐπηρείας καὶ συζητήσεως, τῆς κατὰ χώραν ἐπερχομένης, ἄνευ μόνον τῶν καθολικῶς τεταγμένων τεσσάρων τούτων κεφαλαίων ἤγουν φονικοῦ, παρθενοφθορίας, εὑρέσεως θησαυροῦ καὶ ἀλωνιατικοῦ, ἤτοι σιταρχίας. ταῦτα γὰρ οφείλουσιν ἀπαραιτήτως ἀπαιτεῖσθαι ἐξ αὐτῶν, ὥσπερ καὶ ἀπὸ τῶν λοιπῶν πάντων κτημάτων — см. Акты русскаго на Святомъ Аѳонѣ монастыря св. в.мч. Пантелеимона. Кіевъ. 1873, стр. 166.

[2]) „Аѳонскіе акты" стр. 81—84. τὸ ζευγαριτίκιον τῶν τοιούτων παροίκων καὶ προσκαθημένων καὶ τῶν ἄλλων τῶν ἐκεῖσε εὑρισκομένων ἐνοικούντων, ὡς ἐκράτει ταῦτα ὁ περιπόθητος θεῖος τῆς βασιλείας μου πρωτοστράτωρ ο Συναδηνὸς ἐκεῖνος. Фотографическій снимокъ, по которому изданъ нами этотъ актъ, представляетъ много трудностей для прочтенія, такъ что нельзя разобрать все, относящееся къ пожертвованіямъ самого Душана. Между прочимъ можно прочесть слѣдующее: ..... ἡ βασιλεία μου εὐεργετεῖ πρὸς αὐτὴν τὸ παρὰ τοῦ Πατρικίου ἀπαιτούμενον κεφάλαιον ὃ .... τοῦ τοιούτου μοναστηρίου. Какой это былъ Патрикій, какая статья здѣсь разумѣется подъ κεφάλαιον—все это къ сожалѣнію остается неизвѣстнымъ.

всѣмъ не упоминаетъ о κεφ. τῆς παρθενοφθορίας [1]). Тѣмъ не менѣе и его хрисовулъ предоставлялъ монастырю больше правъ, чѣмъ предыдущія жалованныя грамоты; въ немъ мы также видимъ освобожденіе монастырскихъ земель отъ той же статьи ἀπογραφικῆς ἀναθεωρήσεως καὶ ἀποκαταστάσεως, о которой упоминается и въ указанномъ выше иверскомъ хрисовулѣ.

Четвертымъ хрисовуломъ, подписаннымъ въ апрѣлѣ 1346 г. также, вѣроятно, до вѣнчанія въ Скопіи, Душанъ утверждаетъ за Зографскимъ монастыремъ стримонскую деревню Хандакъ, пожалованную монастырю по просьбѣ болгарскаго царя Іоанна Александра (1331—1365) императоромъ Іоанномъ Палеологомъ [2]). Сопоставляя этотъ хрисовулъ съ хрисовулами о той же деревнѣ Александра Болгарскаго [3]) и Іоанна Палеолога [4]) (óба 1342 г.) мы опять усматриваемъ въ первомъ не простое повтореніе предшествовавшихъ ему по времени актовъ, а предоставленіе какъ селу Хандаку, такъ и прочимъ метохамъ и землямъ Зографа еще болѣе широкихъ льготъ, полное освобожденіе ихъ отъ всякихъ общественныхъ поборовъ и повинностей, изъ которыхъ здѣсь не исключаются ни κεφ. τοῦ φόνου ни κεφ. τῆς παρθε νοφθορίας. Душанъ, очевидно, хотѣлъ фактически доказать монахамъ, что въ благотвореніи Св. Горѣ онъ идетъ далѣе законнаго византійскаго императора, котораго права онъ хотѣлъ перенести на себя, ставъ обладателемъ

---

[1]) Ibidem. Мы говоримъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ объ исключеніи двухъ упомянутыхъ статей, потому что не увѣрены въ точности предложеннаго нами прочтенія даннаго мѣста въ неразборчивомъ снимкѣ грамоты. Контекстъ мы воспроизвели въ нашемъ изданіи слѣдующимъ образомъ: καὶ πάντα τὰ ἀπαιτούμενα, ἀλλὰ δημοσιακὰ κεφάλαια τοῦ φόνου καὶ εὑρέσεως θησαυροῦ. Такимъ образомъ ἀλλὰ имѣетъ значеніе противоположенія, ограниченія (въ смислѣ ἄνευ, πλην); но такое употребленіе этого союза, даже безъ отрицательной частицы, не подходитъ къ строю даннаго періода. Не думаемъ также, чтобы чтеніе ἄλλα (другія) вм. ἀλλὰ — было болѣе подходящимъ въ данномъ случаѣ.

[2]) Аѳонскіе акты. 80. Писанъ по гречески; но подпись по славянски вязью: Стефанъ.

[3]) Срезневскій. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. 1879. LXXX 1. 24—28.

[4]) Аѳонскіе акты. 78.

той части имперіи, въ которой находился и Аѳонъ съ его монастырями и всѣ принадлежавшія имъ земли и помѣстья.

Нужно думать, что современемъ и въ потайныхъ уголкахъ македонскихъ монастырей и церквей и даже, быть можетъ, въ аѳонскихъ подвалахъ и ризницахъ будутъ найдены еще новые документы, которые еще болѣе уяснятъ отношенія Душана къ греческой аристократіи и къ греческому духовенству Македоніи и въ частности къ Аѳону за то время, когда онъ подготовлялся къ своему вѣнчанію на царство. Но и приведенные факты, намъ кажется, уже достаточно рѣшаютъ вопросъ о характерѣ этихъ отношеній и опредѣляютъ сокровенныя стремленія, которыя занимали нашего царя въ первые полгода послѣ взятія Сереса. Все вниманіе его сосредоточено на совершенномъ имъ государственномъ переворотѣ. Всѣ заботы направлены къ тому, чтобы придать видъ законности его смѣлой узурпаціи и его открытому посягательству на права единаго восточно-православнаго царя. Заботы эти оказались не напрасными.

16 Апрѣля 1346 г. приходившееся въ Пасху—знаменательный день въ сербской исторіи. Въ стольный городъ Душановъ—Скопію собрались именитые властели со всего Сербскаго королевства, все высшее сербское духовенство во главѣ съ сербскимъ архіепископомъ Іоанномъ, терновскій патріархъ Симеонъ и болгарскіе епископы, архіепископъ охридскій и греческое духовенство завоеванной области, наконецъ протъ, игумны и старцы святой Аѳонской горы. Такимъ образомъ составился весьма многолюдный торжественный соборъ; ему-то предстояло узаконить и освятить совершенный Душаномъ политическій переворотъ—основаніе новаго царства [1]). Первымъ дѣяніемъ собора было учрежденіе сербскаго

---

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ событіи содержатся главнымъ образомъ въ выше отмѣченной грамотѣ самого Душана, находящейся въ одномъ изъ позднѣйшихъ (Раковацкомъ) списковъ его законника (Н о в а к о в и ћ. Законик Стефана Душана" XXV). Затѣмъ кое-какія весьма краткія извѣстія даютъ слѣдующіе сербскіе источники: „Ж и в о т и краљева и архиепископа српских" (Д а н и ч и ћ 378—380). „*Сказаніе* о архіепискупехь срьбьскыхь иже въ Пеки бывшихь" (*Гласник* XI. 160). „Родословіе сербскихъ царей" (*Гласник* XXI. 246); „*Общи листъ* патријаршије пећске" (*Гласник* XXXV. 40); произшедшая изъ этого Листа или изъ

патріаршества. Совершенно понятны основанія такого возвышенія главы сербской церкви. Установленіе полной государственной самостоятельности съ отреченіемъ отъ верховной власти восточнаго императора, естественно требовало и полной церковной независимости отъ цареградскаго патріарха. Понятіе царства, по воззрѣніямъ того времени, непремѣнно предполагало не только царя, но и патріарха; царь безъ патріарха былъ немыслимъ. Передъ Душаномъ стоялъ живой примѣръ все того же Болгарскаго царства, основатели и возродители котораго, принимая титулъ царя, всегда добивались и признанія независимости своей церкви, усвоеніемъ главѣ ея званія патріарха. Да и теперь родственникъ Душана Александръ, государь сосѣдняго болгарскаго царства, имѣлъ своего терновскаго патріарха; какимъ же образомъ онъ могущественный основатель новаго государства, принявшій титулъ василевса Ромэевъ, могъ остаться при простомъ архіепископѣ? Но независимо отъ этого весьма естественнаго желанія самого Душана, патріархъ былъ ему необходимъ для самаго акта вѣнчанія. Предстоятель сербской церкви долженъ былъ быть главнымъ лицомъ при совершеніи этого акта, а для этого ему нужно было получить достоинство равное тому, которое носили присутствовавшій на соборѣ болгарскій владыка и отсутствовавшій на немъ духовный глава Цареграда; ибо изъ самой идеи царства какъ высшей формы государственнаго быта, предполагающей полную безусловную политическую независимость, вытекаетъ, что лицо, поставляющее, благословляющее

другаго, но общаго съ нимъ источника, *Троношская лѣтопись* (Гласн. V, 66); извѣстная авторамъ обѣихъ этихъ лѣтописей исторія дубровницкаго писателя Орбини „Il regno degli Slavi“ p. 269) и позднѣйшая компиляція—*хроника* Юрія Бранковича (*Србски летопис* кн. III. 1867. стр. 15).

Въ позднѣйшемъ спискѣ грамоты (1700 г.) при Законникѣ день вѣнчанія ошибочно отнесенъ на 14 апрѣля; въ 1346 г. Пасха приходилась 16 апрѣля. Окончательнымъ подтвержденіемъ даты этого важнаго событія могутъ служить недавно изданные документы Дубровницкой республики. 4 апрѣля 1346 г. малый совѣтъ постановилъ, что послы отъ республики назначенные присутствовать при коронаціи царя, должны непремѣнно, подъ угрозою штрафа, выѣхать изъ Дубровника въ субботу 8 Апрѣля (Monumenta ragusina. Libri reformationum. Tom I. Zagrabiae. 1879. p. 226. 228). Очевидно правительство республики было озабочено, чтобы послы прибыли въ Скопію во время, т. е. 16 Апрѣля.

царя должно быть облечено высшею духовною юридикціею, а таковая въ восточной церкви принадлежала патріарху.

Поставленіе сербскаго патріарха состоялось при условіяхъ не обычныхъ съ юридической точки зрѣнія восточной церкви и весьма отличныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ было возстановлено болгарское патріаршество. Терновскій архіепископъ былъ поставленъ въ болгарскаго патріарха, какъ извѣстно, соборомъ (1235 г. въ г. Лампсакѣ) болгарскаго и греческаго духовенства, съ разрѣшенія и благословенія цареградскаго патріарха и прочихъ восточныхъ патріарховъ [1]). Между тѣмъ въ Сербіи патріаршество было учреждено, какъ выражается сербскій лѣтописецъ [2]) „безчинно" и „не по закону", т. е. безъ участія и согласія не только восточныхъ патріарховъ, но и цареградскаго, которому принадлежала высшая власть надъ сербскою церковью. Изъ существующихъ краткихъ свѣдѣній объ этомъ важномъ событіи не видно: сносился ли Душанъ съ Цареградомъ по вопросу о патріархѣ или уже заранѣе рѣшилъ и въ этомъ дѣлѣ обойтись безъ согласія законной традиціонной власти. Намъ кажется, что онъ не могъ не желать придать полный законный характеръ отдѣленію сербской церкви отъ константинопольскаго патріархата, но добиться чего либо изъ Цареграда въ то время жестокихъ внутреннихъ смутъ и затруднительности сношеній со столицею имперіи было почти не возможно; между тѣмъ и ждать ему долго не хотѣлось; для него важно было возможно скорѣе освятить свое провозглашеніе. Съ другой стороны, если Душанъ и обращался къ цареградскому патріарху Іоанну XIV Калекѣ (1337 — 1347), то безъ всякаго сомнѣнія встрѣтилъ съ его стороны полный отказъ. Византійскіе правители—императрица Анна и патріархъ чувствовали, что переживаютъ послѣдніе дни своей власти: имъ было не до внѣшнихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стремленія и замыслы Душана относительно имперіи уже на столько опредѣлились, что не было уже мѣста надеждѣ путемъ уступокъ отклонить опасность, грозившую и самимъ правителямъ

---

[1]) Синодикъ царя Бориса. *Временникъ* Моск. Обществ. Исторіи и древностей. XXI. 1855, стр. 9. *Извѣстія втораго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ.* VII. 149. Голубинскій. Истор. Прав. церкв. 80.

[2]) *Гласник* XI. 161. „Животи" 380.

и Византіи. Какъ бы то ни было, поставленіе сербскаго патріарха произошло безъ участія вселенскихъ патріарховъ. Соборъ греческихъ епископовъ и святогорскіе старцы должны были замѣнить высшаго представителя цареградской церкви. Присутствіе ихъ на соборѣ рядомъ съ болгарскимъ патріархомъ и сербскими епископами было необходимо прежде всего для поставленія сербскаго патріарха. О выборѣ лица не могло быть рѣчи. Архіепископъ печскій Іоанникій, любимецъ Душана, возведенный имъ послѣ смерти Даніила II (1337) [1]) изъ логоѳетовъ на архіепископскій престолъ былъ провозглашенъ первымъ сербскимъ патріархомъ [2]). Событіе это повлекло за собою немаловажныя послѣдствія. Константинопольскій патріархъ Каллистъ отказался признать дѣйствія собора законными и произнесъ на сербскую церковь отлученіе (1352), которое было снято только въ 1375 г. при царѣ Лазарѣ и цареградскомъ патріархѣ Филоѳеѣ.

Вслѣдъ за поставленіемъ патріарха произошло торжественное вѣнчаніе Душана царскимъ вѣнцемъ [3]). Протъ, игумны и старцы собора святогорскаго и „архіерей престола греческаго" должны были, какъ мы уже сказали, подтвердить принятіе сербскимъ кралемъ достоинства царя не только Сербовъ, но и Грековъ. Формула провозглашенія, произнесенная на соборѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстна. Имя Сербовъ, конечно, должно было стоять въ ней на первомъ мѣстѣ, какъ оно стоитъ почти во всѣхъ извѣстныхъ подписяхъ Душана. До полнаго завоеванія имперіи онъ не могъ считать себя царемъ по преимуществу Ромэйскимъ. Византія, власть надъ Ромэями были предметомъ его особыхъ мечтаній и симпатій, но въ

---

[1]) Голубинскій. 459. 557.

[2]) Всѣ указанные выше (стр. 126) источники.

[3]) Грамота 1349. (Новаковиђ — Законик): „и Богомь дарованнимь вѣнцемь царскимь вѣнчань бихь на царство..... благословеніемь преосвештеннаго патріарха Іоанникія и вьсеми архіереи сьбора срьбскаго, тогожде благословеніемь и рукою преосвештеннаго патріарха бльгарскаго кирь Сѵмеона и вьсеми архіереи сьбора бльгарскаго и *молитвами же* и благословеніемь вьсечьстнаго лика светые гори Аѳона, протомь же и всеми ігумени и вьсеми старци сьбора Светогорскаго *паче* и оть *архіерея престола грьчкаго* и вьсего сьбора, иже изволише о мне царствовати".

это время онъ не могъ еще выдвинуть ихъ на первый планъ; онъ оставался еще сербскимъ государемъ. Сербы составляли главную силу созидаемой имъ монархіи; фактомъ вѣнчанія нужно было прежде всего засвидѣтельствовать освобожденіе роднаго народа изъ подъ игемонія цареградскаго императора. Внѣ всякаго сомнѣнія въ формулу провозглашенія были включены термины „царя Болгаромъ и Арбанасомъ“, находящіеся въ нѣкоторыхъ грамотахъ. Послѣдній, конечно, означалъ включеніе Албаніи въ составъ новаго царства, а первый указывалъ на власть царя надъ Болгарами, какъ составнымъ этнографическимъ элементомъ завоеванныхъ имъ областей; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ быть разсматриваемъ какъ выраженіе притязаній Душана на Болгарское царство. Во всякомъ случаѣ въ актѣ вѣнчанія Душана сказался, какъ уже замѣчено, его широкій взглядъ на значеніе его политической дѣятельности. Онъ приравнивалъ себя къ Константину Великому [1]) и констатировалъ созданіе новаго царства. Въ этомъ и заключается весь смыслъ событія 16 апрѣля 1346 г.

По византійскому обычаю вмѣстѣ съ собою Душанъ вѣнчалъ на царство и супругу Елену; тогда же и десятилѣтній сынъ ихъ Урошъ былъ вѣнчанъ „кралемъ всѣхъ сербскихъ земель“. Царица и молодой краль привлекаются теперь къ управленію дѣлами, имена ихъ являются съ именемъ Душана на всѣхъ важнѣйшихъ актахъ [2]). За малолѣтствомъ Уроша Душанъ, конечно, не могъ предоставить ему теперь же управленіе сербскими землями, о чемъ говоритъ Григора; но этимъ одновременнымъ вѣнчаніемъ Уроша въ крали всѣхъ сербскихъ земель вполнѣ подтверждается свидѣтельство упомянутаго историка о намѣреніи Душана выдѣлить сербскія земли какъ особую часть основываемой имъ монархіи [3]).

---

[1]) Ibidem: и вьсехь дасть ми въ руцѣ ꙗкоже и великому Константину цару.....
Гласник XXIV. 233: приѥми царствиꙗ благочстиꙗ вѣньць от руки Хріста моѥго, поревновахь житию и благопрѣбиванию стхь о Хрїстѣ цареи благовѣрно живших на земли, реку же великаго и славнаго и равнаго апостоломь и прьваго Хрїстиꙗномь Константина цара....

[2]) Указанная грамота при „Законникѣ“. См. также *Гласник* XV. 267. XXIV. 233, 239, 243. XXVII. 289; Миклошичъ Monum. Serb. 133, 136, 146; „*Аѳонскіе акты и фотограф. сн. Севастьянова*“ 63. 70.

[3]) Подтвержденіемъ той же мысли о значеніи, которое придавалъ Душанъ

При торжествѣ вѣнчанія, безъ сомнѣнія, присутствовали представители отъ нѣкоторыхъ славянскихъ государствъ полуострова. Отъ Болгарскаго царства былъ, вѣроятно, не только патріархъ съ духовенствомъ, о которыхъ упоминаетъ самъ Душанъ въ указанной грамотѣ, но и нѣкоторые члены царской семьи, если ужъ не самъ царь Александръ; къ этому и обязывали родственныя узы, существовавшія между обоими дворами — болгарскимъ и сербскимъ, и чувства международныхъ приличій, отчасти и уваженіе къ сильному сосѣду. Затѣмъ есть положительное извѣстіе [1]), что изъ Дубровника были присланы въ Сербію ко времени коронаціи три посланника съ довольно пышною свитою. Это были Giugnius Derse, Giugnius de Calichio и Niffícus Nicola de Gondola. Отъ имени республики они привѣтствовали нововѣнчаннаго царя и поднесли ему дары. Венеція, какъ мы уже замѣтили, письмомъ поздравила Душана еще до вѣнчанія въ Скопіи (3 Марта 1346 г.) [2]). Съ этимъ же торжествомъ Душанъ, вѣроятно, связалъ окончательное устрой-

---

принятому имъ новому титулу, можетъ служить слѣдующая надпись при изображеніи царя, находящемся въ Дечанской церкви: Стефанъ въ Христа бога вѣрны *царь грьчки и краль все србскїе земли* и поморскїе и ктиторь мѣста сего светаго". Гильфердингъ Собр. сочин. III. 132. Эта надпись относится, вѣроятно, къ болѣе позднему времени, когда Душанъ сдѣлалъ еще новыя пріобрѣтенія отъ имперіи.

[1]) *Monumenta Ragusina.* Libri reformationum. Zagrabiæ. 1873. Tom. I. (Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium Vol. X) p. 226. 228. Постановленіе малаго совѣта касательно этого посольства, къ сожалѣнію, сохранилось не въ полномъ видѣ; недостаетъ того мѣста, гдѣ говорится о дарахъ. Касательно самаго посольства считаемъ не лишнимъ привести изъ постановленія слѣдующія любопытныя подробности: ... captum fuit et firmatum, quilibet dictorum trium ambasiatorum eligendorum habere debeat pro suo salario dicte ambassiate ypp LX. Et debeant habere inter omncs XII famulos equestres et famuli habere debeant pro quolibet unam tunicam et unum mantellum de drappo cujus petia sit ypp XX. et expensas et nihil aliud. Et debeant habere inter omnes tres ambassiatores equos XXI. Et possint expendere omni die pro eorum expensis et pro expensis equorum et famulorum ypp IV. Atamen debeant habere a communi naulum equorum. Извѣстіе объ этомъ посольствѣ находится и у дубровницкаго историка Растича. Имена пословъ у него тѣ же, что и въ приведенномъ памятникѣ. Вотъ одно изъ доказательствъ, что трудъ Растича (Resti) составленъ по архивнымъ документамъ.

[2]) Ljubić. „Monumenta" II. 326.

ство своего новаго двора, начало которому положилъ въ Сересѣ. Теперь то и послѣдовало возведеніе сербскихъ властелей и воеводъ, успѣвшихъ заслужить расположеніе царя въ новоучрежденныя достоинства. Шуринъ царя великій воевода Овчепольской области *Оливеръ* получилъ титулъ деспота [1]), другой родственникъ царскій—*Дѣянъ* сдѣланъ севастократоромъ [2]), *Вукашинъ*—деспотомъ и виночерпіемъ (οἰνοχόος τοῦ βασιλέως), его братъ *Углеша* — царскимъ конюшимъ, (ὁ ἱπποκόμος) [3]) *Гойко* — великимъ логоѳетомъ, *Прилупъ*—кесаремъ, *Никола Буча*—протовестіаріемъ. Кромѣ этихъ лицъ были, вѣроятно, и другія удостоившіяся почетныхъ пожалованій [4]). Въ ознаменованіе того же событія былъ учрежденъ Душаномъ военный орденъ Св. Стефана, главнымъ назначеніемъ котораго было отличеніе личныхъ заслугъ. Одними изъ первыхъ кавалеровъ этого ордена были дубровницкіе послы, присутствовавшіе на торжествѣ [5]).

При такихъ то условіяхъ получилъ извѣстную санкцію переворотъ, совершенный Душаномъ на полуостровѣ. Вся сила санкціи, кромѣ болгарскаго патріарха, принадлежала высшему греческому духовенству и аѳонскимъ старцамъ. Душанъ, какъ мы уже замѣтили, хорошо понималъ это. До вѣнчанія на царство онъ старался расположить къ себѣ тѣхъ и другихъ; послѣ вѣнчанія онъ, естественно, старался показать, что цѣнитъ оказанную ими услугу. Въ отношеніи архіепископа охридскаго эта благодарность со стороны царя выразилась въ сохраненіи за его каѳедрою прежняго самостоятельнаго значенія, которымъ она пользовалась до перехода Македоніи подъ власть Сербовъ [6]). Можно думать, что извѣстная

---

[1]) Арх. Леонидъ. Описаніе Сербской Хиландарской Лавры. 69. *Гласник*. XXVII. 287—296.

[2]) Душанъ называетъ его въ одномъ изъ хрисовуловъ: „достовѣрнымъ о Господѣ любимымъ и всесердечнымъ своимъ братомъ". Оливеръ, Деянъ и Богданъ были родные братья супруги Душана, царицы Елены. Ср. Арх. Леонида Опис. Сербск. Лаврн. 73—76. и Николаевичъ. Србски Комненн (*Гласник* XII и XIII).

[3]) Laonic. Chalcocondyli De rebus turcicis. Ed. Bonn. 29.

[4]) Orbini. Il regno degli Slavi. p. 267. 268. Хроника Юрія Бранковича. *Србски летопис* кн. III. 16.

[5]) Luccari. Annali di Rausa. 56.

[6]) Голубинскій. Исторія Правосл. Церкв. 129—133.

доля независимости и нѣкоторыя преимущества были предоставлены церквамъ восточной Македоніи, именно: митрополіямъ мельникской, филиппинской, христопольской, сересской и архіепископіи драмской, которыя принадлежали къ діоцезу константинопольскаго патріарха, а теперь поступили подъ высшую юрисдикцію сербскаго патріарха [1]). А за тѣмъ сохранился цѣлый рядъ документовъ, которые свидѣтельствуютъ о желаніи царя выразить признательность и благорасположеніе Аѳонской горѣ. Въ томъ же 1346 г. въ дополненіе къ приведеннымъ январскимъ и апрѣльскимъ хрисовуламъ [2]), Душанъ выдалъ еще два хрисовула греческимъ монастырямъ Аѳона. Въ одномъ, помѣченномъ маемъ 1346 г., онъ под-

[1]) Fr. Miklosich et Ios. Müller. Acta patriarchatus Constantinopolitanae 1860. I—553. 555. 562. Намъ кажется, что подчиненіе означенныхъ митрополитовъ печскому патріарху было чисто внѣшнее и выражалось не болѣе какъ въ правѣ послѣдняго утверждать и хиротонисовать епископа, выбраннаго самимъ же греческимъ соборомъ, о которомъ упоминаетъ самъ Душанъ. Вѣроятно оно не касалось внутреннихъ дѣлъ каждой каѳедры и ихъ матеріальныхъ доходовъ. Въ основаніе нашей догадки мы полагаемъ слѣдующія соображенія. Печскій патріархъ никогда не называется въ грамотахъ патріархомъ греческимъ, а только сербскимъ. (Единственная грамота, гдѣ онъ является съ подобнымъ титуломъ—Миклош. 142—по хронологическимъ несообразностямъ представляется весьма сомнительною). Далѣе, извѣстно нѣсколько фактовъ (они приведены выше) расположенія Душана къ сересскому митрополиту Іакову, которыя заставляютъ предполагать въ сербскомъ царѣ желаніе привязать къ себѣ духовенство завоеваннаго греческаго края. Наконецъ не сохранилось никакихъ указаній, чтобы печскій патріархъ проявилъ въ чемъ нибудь свою власть надъ этими епископіями; въ указанныхъ греческихъ грамотахъ только въ общихъ словахъ говорится о подчиненіи ихъ новому патріарху. Позднѣйшее свидѣтельство (*Гласник* XI. 162 и „Животи" 881) о томъ, что Душанъ будто бы изгналъ изъ занятыхъ областей греческихъ епископовъ, замѣнивъ ихъ сербскими, должно быть сочтено незаслуживающимъ вѣры. Еслибъ подобное изгнаніе дѣйствительно состоялось, о немъ безъ сомнѣнія было бы упомянуто въ одной изъ греческихъ грамотъ, относящихся къ дѣлу примиренія сербской церкви съ цареградскою, между тѣмъ въ нихъ и патріархъ, и Деспотъ Углеша, безъ стѣсненія осуждая поступокъ Душана, ничего не говорятъ объ этомъ обстоятельствѣ. Притомъ, еслибъ означенныя каѳедры были замѣщены Сербами, вѣроятно, не могло бы состояться такъ скоро и легко возвращеніе ихъ къ константинопольскому патріархату (1371 г. Ср. Acta patriarchatus Constantinopolitanae 558), какъ это произошло.

[2]) О послѣднихъ, т. е. апрѣльскихъ неизвѣстно, когда собственно они были выданы: до вѣнчанія или послѣ него. Намъ казалось бы болѣе вѣроятнымъ первое.

тверждаетъ за Ватонедскимъ монастыремъ владѣніе прежде принадлежавшими ему землями и угодьями—на *Стримонѣ*, *въ Сересѣ*, *Солуни*, *Верріи* и жертвуетъ отъ себя *селеніе св. Маманта* на Каламаріи (χωρίον τὸ καλούμενον ὁ ἅγιος Μάμας) вмѣстѣ съ тѣмъ освобождая всѣ владѣнія монастыря отъ всякихъ повинностей [1]). Другой выданъ въ декабрѣ 1346 г. и подтверждаетъ за Эсфигменскимъ монастыремъ владѣніе разными землями и метохами [2]).

Но всѣ эти дарственныя грамоты были только началомъ царскихъ милостей. Въ декабрѣ слѣдующаго, т. е. 1347 г., Душанъ самъ посѣтилъ Аѳонъ въ сопровожденіи супруги царицы Елены и значительной свиты. Царь пробылъ на Святой горѣ около четырехъ мѣсяцевъ—приблизительно оть 12 декабря 1347 до 26 апрѣля 1348 г. [3]), обошелъ всѣ монастыри, принималъ всюду „благословеніе оть светыхь и чьстныихь и аггеломь подобныихь житіемь отьць“, украшалъ „светые и чьстные храмы отъ малыихъ даже и до великыихь, ово златыми сосоуди и сребьрьними, ово же свещеньными одеждами“ и выдавалъ льготныя и дарственныя грамоты на монастырскія земли и угодья. Первому представителю аѳонской общины—Проту Душанъ, естественно, долженъ былъ высказать особое вниманіе. „И придохь, пишетъ самъ царь въ хрисовулѣ [4]), въ великоую и сьборноую црьковь протата, и обрѣтохь чьстнаго прота Кvрь Германа, и поклонихь се чьстнѣй и велицѣй црькви, и оукрасихь црьковь елико мощно, *и чьстнаго прота одарихь и придахь кабаль злата* велицѣй црькви, помѣна ради“. Всего отъ этого времени извѣстно семь хрисовуловъ Душана; изъ нихъ одинъ— о приложеніяхъ, сдѣланныхъ кельѣ Св. Саввы въ Кареѣ—

---

[1]) *Аѳонскіе акты и фотограф. снимки* съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. 97.

[2]) Преосв. Порфирій. Указатель актовъ аѳонскихъ монастырей 171. Вѣроятно отрывокъ этого акта находится въ одномъ изъ неполныхъ снимковъ Севастьянова. См. Аѳонскіе акты и проч. стр. 50. № 3.

[3]) См. хрисовулы у Арх. Леонида. Описаніе Сербск. Лавры. 60—65. у Миклошича Monum. Serb. 124—129. 29 Апрѣля 1348 г. Душанъ уже былъ въ Призренѣ—Миклошичъ Mon. Serb. 139.

[4]) Миклошичъ 129. Арх. Леонидъ 62.

несомнѣнно подписанъ царемъ уже по возвращеніи съ Аѳона — въ Прилѣпѣ [1]). Но, вѣроятно, ихъ было и болѣе; кое что могло пропасть, кое-что можетъ и доселѣ скрыто въ ризницахъ и подвалахъ аѳонскихъ монастырей, оставаясь неизвѣстнымъ ученому міру и дѣлаясь достояніемъ сырости, мышей и другихъ неблагопріятныхъ условій всеразрушающаго времени. Хрисовулы эти относятся къ четыремъ монастырямъ, преимущественно къ тѣмъ, которымъ Душанъ не успѣлъ раньше сдѣлать пожалованій. Эсфигменской обители онъ предоставилъ снова владѣть всѣмъ метохомъ Красово, двѣ трети котораго по судебному приговору (δι'ἀπογραφικῆς καταστάσεως) были отобраны отъ монастыря и переданы нѣкіимъ Гавріилопулу и Фармаки [2]). Монастырю Росовъ, нуждающемуся въ большемъ попеченіи и помощи онъ подарилъ села на *Стримонѣ*: Анцисту, Веникію, Эгидомисту и Довникію (Ἀντζίσταν, Βενίκειαν, Αἰγιδομίσταν, Δοβνίκειαν) и потвердилъ за монастыремъ неприкосновенность его прежнихъ владѣній въ Солуни у Каламаріи и Аравеникіи [3]). Въ третьемъ греческомъ хрисовулѣ, данномъ въ декабрѣ 1347 г. Лаврѣ св. Аѳанасія, Душанъ подтверждаетъ всѣ прежніе хрисовулы, полученные монастыремъ въ разное время отъ разныхъ лицъ и предоставляетъ ему часть доходовъ съ соляныхъ варницъ у Хризополя и съ желѣзныхъ рудъ у Трилисія [4]).

Остальные четыре хрисовула писаны по славянски и относятся къ Хиландарской лаврѣ. Съ завоеваніемъ Македоніи и аѳонскаго полуострова Душанъ становился непосредственнымъ покровителемъ и благотворителемъ знаменитаго сербскаго монастыря, созданія его не менѣе знаменитыхъ „прѣродителей святыхъ Симеона и Саввы".

---

[1]) Миклошичъ 136—139. Арх. Леонидъ 56—59.

[2]) *Аѳонскіе акты* и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ Севастьянова. 85. (Декабрь 1347 г.).

[3]) *Акты русскаго на святомъ Аѳонѣ монастыря Св. Пантелеимона.* 288. Актъ помѣченъ: 6855 г. инд. 1 м. Январь. Такая дата невозможна: или въ годѣ, или въ индиктѣ должна быть ошибка. Мы склоняемся къ первому, такъ какъ лѣтосчисленіе въ старину преимущественно велось по индиктамъ, индикты помнились тверже, и года вставлялись нерѣдко позже. Такимъ образомъ мы относимъ эту грамоту къ январю 1347 г.

[4]) *Аѳонскіе акты* и пр. 98.

Совершенно понятно какъ то, что иноки хиландарскіе привѣтствовали съ особенною радостью посѣщеніе своего царя и ждали отъ него щедрой милостыни, такъ и то, что Душанъ вступалъ въ *свой* монастырь съ чувствомъ особаго благоговѣнія къ сербской народной святынѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ пріятнымъ сознаніемъ пріобрѣтеннаго имъ могущественнаго положенія царя, обязывавшаго его къ новымъ благотвореніямъ этой святынѣ. Хиландарь теперь становился въ полномъ смыслѣ слова сербскою царскою Лаврою. Съ нея Душанъ и началъ посѣщеніе аѳонскихъ монастырей, въ ней, понятно, и оставался онъ долѣе всего [1]. Украсивъ хиландарскую церковь, какъ и церкви другихъ аѳонскихъ монастырей священными одеждами, сосудами и „иними потрѣбами“, одаривъ игумена Гервасія и братію, „яко же мольбникы еже къ Богу о нашему спасенію и дрьжавѣ Царьства“, онъ ознаменовалъ свое пребываніе въ Хиландарѣ особенно цѣннымъ приложеніемъ: купилъ у собора Святой Горы за 1760 златицъ два мѣста на Превлакѣ (т. е. на аѳонскомъ перешейкѣ)—Ливаду и Паліокометицу и подарилъ ихъ своей царской Лаврѣ [2]. Не менѣе цѣнное приложеніе сдѣлалъ Душанъ и принадлежавшей къ Хиландарю такъ называемой кельѣ

---

[1]) Въ одномъ изъ хрисовуловъ его (Миклошичъ 124. Арх. Леонидъ 60) читаемъ: Азь вь Христа Бога благовѣрный и христолюбивый Самодрьжьць Срьблемь и Грькомь Стефань Царь божьствьною любовію раждигаемь, пріидохь вь Светоую Гороу Аѳонскоую, вь светоую и великоую Лавроу Срьбскоую, вь монастирь, глаголемии Хиланьтарь иже и сьзданьна бысть прѣродитѣлми моими, прѣподобнымь Симеономь, новіимь мvроточьцемь, и блаженьнымь іерарьхомь Кvрь Савомь прьвіимь оучителемь нашимь, и видѣхь храмь *и ракоу источившоую мvро прѣродителя моего, Сvмеона светаго, и облобызавь, поклонихь се* и покой пріемь елико мощно, и паки *благословеніе пріемь отъ прѣдрьжещаго начелство* прѣподобнаго рекоу игоумена Кvрь Герьвасіа іеромонаха, и оть братиѥ, еже поити и поклонити се светымь мѣстомь и иже вь безьмлвіи живоущіимь светымь и чьстнымь отьцемь“.

[2]) Хрисовулъ объ этомъ приложеніи отъ 12 Декабря 1347 г. у Миклошича и Арх. Леонида ibidem. Съ присоединеніемъ новой земли измѣнились конечно границы владѣній Хиландаря на Аѳонѣ; для опредѣленія ихъ Душанъ снова обратился къ собору Святой Горы и 26 Апрѣля, оставляя Аѳонъ издалъ новый хрисовулъ, гдѣ были отмѣчены эти границы. Миклошичъ 129; Арх. Леонидъ 62.

Св. Саввы въ Кареѣ [1]). По просьбѣ супруги царицы Елены, принявшей на себя званіе втораго ктитора келіи Св. Саввы, онъ приписалъ къ послѣдней *„оу Хвостьнѣ село Косорике и сь всѣми засѣлыци“*, освободивъ село отъ всякихъ поборовъ и повинностей, и кромѣ того назначилъ кельѣ отъ своего царскаго двора („коуке царьства ни“) ежегодно: „100 перперь бенетицѣхь и 10 гоунь (одеждъ) и 10 кожоухь и 10 клашьнь (обувь) и 10 мѣхь сиренія и 10 сировь и наконецъ на Плочи 50 спудь соли“ [2]).

Такими широкими благотвореніями Святой Горѣ Душанъ ясно хотѣлъ выставить себя новымъ царственнымъ главою восточно-православнаго міра, и вмѣстѣ съ тѣмъ отблагодарить Аѳонцевъ за признаніе его этимъ верховнымъ главою. Память о посѣщеніи царемъ Стефаномъ Святой Горы и донынѣ сохраняется среди иноковъ. На пути отъ моря къ Хиландарю путешественнику показываютъ старую маслину, называемую царскою маслиною, потому, что по монастырскому преданію, подъ ней отдыхалъ царь Стефанъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ въ сторону отъ того же пути стѣнка съ прибитымъ къ ней деревяннымъ крестомъ, означаетъ мѣсто, гдѣ Хиландарцы встрѣчали Душана при посѣщеніи имъ Аѳона; наконецъ въ хиландарской соборной церкви хранится боевая хоругвь Душана, оставленная имъ на память пребыванія на Аѳонѣ [3]). О личности самого Душана между старцами ходитъ много разказовъ, имѣющихъ, впрочемъ, скорѣе значеніе легенды, чѣмъ историческаго преданія [4]).

[1]) Т. е. келья, въ которой по устроеніи Хиландарской лавры спасался преподобный Савва. Во внутреннемъ управленіи она была независима отъ игумена лавры и имѣла свой особый, весьма строгій уставъ, написанный тѣмъ же св. Саввою. См. Арх. Леонида. Историческое описаніе Хиландаря стр. 13 и слѣдующ....

[2]) Миклошичъ 136. Арх. Леонидъ 56. Этотъ хрисовулъ былъ подписанъ царемъ въ Прилѣпѣ, по возвращеніи съ Аѳона. Въ томъ же 1348 г. Душанъ далъ Хиландарю 4-й хрисовулъ, которымъ приписывалъ къ своему монастырю еще нѣсколько селъ. Миклошичъ. 40.

[3]) Арх. Леонидъ. Историч. опис. Хиланд. 67.

[4]) Хиландарской лаврѣ, какъ общей задушбинѣ сербскихъ государей, Душанъ благотворилъ еще будучи кралемъ. Вообще хрисовуловъ аѳонскимъ монастырямъ отъ него осталось болѣе чѣмъ отъ кого-либо изъ его предшественниковъ. Кромѣ указанныхъ уже грамотъ извѣстны слѣдующія:

а) Въ 1340 г. Душанъ приложилъ Хиландарю села *Полошко и Драгожеля.*

Посѣщеніе Аѳона Душаномъ произошло почти черезъ два года послѣ его вѣнчанія. Уже шелъ 1348 годъ, когда онъ щедро расплачивался съ Аѳонцами за оказанную ими услугу. Но тотъ же 1348 годъ былъ ознаменованъ и другими церковными благотвореніями новаго царя. 29 апрѣля въ Призренѣ онъ подписалъ хри-

---

Григоровичъ „Очеркъ путешествія по Европейской Турціи". 2-е изд. стр. 43. не изданъ.

б) Въ 1342 г. онъ предоставилъ въ пожизненное владѣніе святогорскому старцу Іоанну Иконому Ходьчскому *церковь св. Николая Мрачкаю.* Микл. 115. Арх. Леонидъ. 70.

в) Въ 1343 г. данъ подтвердительный хрисовулъ на всѣ имѣнія Лавры. *Аѳонскіе акты и снимки* Севастьянова. 29.

г) Въ 1345 г. 1 января Душанъ приписалъ нѣсколько селъ на р. Струмѣ—Хиландарскому пиргу св. Вознесенія въ м. Хрусіи. „*Аѳонскіе акты*". 66.

д) Въ 1345 г. 28 марта краль Стефанъ приписалъ къ Хиландарю *властелина града Струмицы Рудла*, выстроенную имъ церковь Пр. Богородицы, село Боруево и прочія его имѣнія. *Аѳонскіе акты.* 68.

е) Въ неизвѣстномъ году краль Душанъ сдѣлалъ новое приложеніе тому же пиргу въ Хрусіи: церковь Богородицы оу Липляны, *тръгъ у Липляны и село Словине.* Миклош. 120. Арх. Леонидъ. 65.

ж) Два хрисовула, относящіеся, вѣроятно, къ послѣднимъ годамъ царствованія Душана—1354 или 1355 (одинъ изъ нихъ можетъ быть и подложный) заключаютъ подробное перечисленіе льготъ и экономическихъ правъ хиландарскихъ земель и метоховъ. *Аѳонскіе акты.* 63. 73.

з) 1354 г. хрисовулъ на село „Лѣсковлѣне". *Аѳонскіе акты.* 70.

и) Въ 1355 г. Іюнь. Душанъ утвердилъ неприкосновенность правъ Хиландаря на Карбинчскую землю. *Аѳонскіе акты.* 71.

Изъ другихъ аѳонскихъ монастырей Душанъ почтилъ грамотами, послѣ посѣщенія Аѳона, только два. Въ мартѣ 1349 г. онъ подарилъ м. Дохіару καστέλλιον Равеникію со всѣми угодьями, взамѣнъ прежде пожалованныхъ, но отнятыхъ деревень Варнара и Свестіаны. *Аѳонскіе акты.* 100.

Въ томъ же 1349 г. 12 іюня онъ далъ весьма важный хрисовулъ Руссику. Видя нищету монашествующихъ и „*еще отъ Русие въсекончно оставленіе*" онъ принимаетъ обитель подъ особое свое покровительство; приписываетъ къ ней нѣсколько селъ (Жидомищу, Дубницу, Новосель, Драгощу) церковь „у Бониия" предоставляетъ на всяко годище на Гюргевь днь отъ Трьлиса двѣстѣ перперь венетицѣхь и отъ Хрисополи двадессть кошниць соли", полное освобожденіе монастырскихъ земель отъ всякихъ повинностей и наконецъ объявляетъ самую обитель независимой отъ прота и всякихъ другихъ властей. *Гласник* XXIV. 282; Акты русскаго на святомъ Аѳонѣ монастыря. 350.

совулъ церкви св. архангелъ Михаила и Гавріила, что въ Іерусалимѣ, которымъ приписалъ къ ней церковь Николы Вранинскаго со всѣми принадлежавшими ей землями, и сверхъ того пожаловалъ ей ежегодной милостыни 500 иперперовъ изъ царскихъ доходовъ, получаемыхъ изъ Дубровника [1]). Около того же времени онъ надѣлилъ обильными землями, имѣньями, селами и всякими угодьями только что отстроенную и роскошно украшенную свою задушбину— церковь архангелъ Михаила и Гавріила, на Быстрицѣ, выше Призрена. Основаніе этой задушбины, вѣроятно, относится ко времени вѣнчанія Душана. По примѣру предковъ и особенно отца своего, устроителя знаменитой Дечанской обители, и первый сербскій царь хотѣлъ ознаменовать свое славное правленіе и особенно поставленіе въ цари созданіемъ величественнаго храма. Его Призренская церковь, по выраженію лѣтописца, не имѣла себѣ подобной „подъ солнцемъ"; „добротою и художествомъ" она превосходила Дечанскую церковь, „кромѣ мрамора, и величьствомъ лоучаша Дечанскаа" [2]). Устроивъ церковь, онъ сдѣлалъ ей земельныя приложенія, которыя своими размѣрами должны были вызывать еще большее удивленіе, чѣмъ самое великолѣпіе храма. Почти вся страна въ окрестностяхъ Призрена между Бѣлымъ Дриномъ и Ситницею сдѣлалась достояніемъ новой царской задушбины. Жалованная грамота на эти приложенія, вѣроятно, составляла цѣлую книгу, а память о нихъ и доселѣ удержалась въ названіи „метохія", подъ которымъ извѣстна страна по лѣвому берегу Бѣлаго Дрина, къ сѣверу отъ Призрена [3]).

Совпаденіе въ одномъ году такихъ крупныхъ фактовъ церковной благотворительности со стороны Душана не можетъ быть объясне-

---

[1]) Миклошичъ. 188.

[2]) P. Šafařik. Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův Vydani druhé. 1873. Okázky občanského písemnictvi. 61. Тотъ же сербскій лѣтописецъ дѣлаетъ еще слѣдующее любопытное замѣчаніе о задушбинѣ Душана: тѣмь же и глаголють жителє страни тоє, ꙗко Призрѣнскѣ црькві патось, и дечанскаа црькви, и пекьскаа припрать, и банско злато, и ресавско писаніе не обрѣтаеть се нигдѣже".

[3]) Драгоцѣнная грамота Душана, описывающая всѣ владѣнія его задушбины, къ сожалѣнію, сохранилась безъ начала и конца; она была издана два раза: въ *Гласникѣ* XV. 264—317 и въ книжкѣ Срећковића. Синан-Паша.

но одною случайностью. Хотя для каждаго изъ нихъ были свои частные мотивы, тѣмъ не менѣе сказавшееся въ нихъ широкое выраженіе религіознаго чувства должно было имѣть общую подкладку во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Сейчасъ мы увидимъ, что обстоятельства эти были весьма блестящи. Къ 1348 г. Душанъ одержалъ новые успѣхи, еще далѣе раздвинулъ свои владѣнія, сталъ еще могущественнѣе. Казалось самъ Богъ помогалъ ему—и набожный царь спѣшилъ выразить матеріальными благотвореніями свою благодарность Божественному Промыслу.

V.

Виды Душана на Царьградъ. Сношенія съ Венеціей и новыя войны съ Византіей.

Изъ сказаннаго въ предыдущей главѣ ясно, что царскій вѣнецъ не былъ конечною цѣлью завоевательныхъ стремленій Душана. Въ актѣ вѣнчанія онъ только формулировалъ свои тайные планы и замыслы, которые клонились къ полному завоеванію Византійской имперіи, къ пріобрѣтенію самаго Цареграда. Осуществленіе этихъ плановъ занимаетъ его и во вторую половину его государственной дѣятельности, въ десятилѣтній періодъ царствованія. Правда, походы въ предѣлы имперіи теперь не идутъ такъ непрерывно, какъ въ первый періодъ, вниманіе царя нерѣдко отрывается для другихъ дѣлъ, то для войны съ Босною, то для отраженія Угровъ, то для внутренняго устроенія созидаемой имъ монархіи; но для всего этого *оно только отрывается*, не болѣе: взоры и мысли Душана по прежнему сосредоточены на томъ же заманчивомъ крайнемъ юговостокѣ полуострова. Желаніе овладѣть этимъ юговостокомъ или собственно находящимся на немъ міровымъ городомъ теперь еще болѣе охватываетъ всѣ помыслы царя, становится руководящимъ мотивомъ его дѣятельности, характезуетъ все время его царствованія. Онъ не можетъ отказаться отъ этой излюбленной мечты и тогда, когда трудность, а потомъ и невозможность осуществленія ея должна была стать для него очевидною. Изъ Азіи на тотъ же самый юговостокъ все болѣе и болѣе надвигалась черная грозовая туча: исходившіе изъ нея громовые раскаты отдавались уже по всему ѳракійскому побе-

режью и доходили до предѣловъ новаго царства, неся такимъ образомъ его могущественному основателю грозное предостереженіе отъ увлеченія смѣлыми планами. Душанъ, повидимому, понялъ значеніе этого предостереженія, по необходимости сталъ сдержаннѣе, а все таки до самаго смертнаго часа не могъ разстаться съ мыслью о цареградскомъ престолѣ. Итакъ, поперегъ пути сербскихъ завоеваній выступила новая сила; съ ней вриходилось во всякомъ случаѣ считаться. Затѣмъ и со стороны Византіи была сдѣлана— хотя и слабая — попытка отпора. Отношенія Душана ко всѣмъ этимъ помѣхамъ, средства и мѣры, которыми онъ старается добиться осуществленія своего завѣтнаго стремленія и составляютъ самую любопытную сторону послѣднихъ фазисовъ образованія новой монархіи на полуостровѣ.

Никифоръ Григора, въ объясненіе дерзкаго принятія Душаномъ титула царя Грековъ, приписываетъ сербскому завоевателю увѣренность въ томъ, что, по взятіи Сереса, онъ не встрѣтитъ препятствій къ покоренію всей имперіи до самаго Константинополя. Сейчасъ мы увидимъ, что подобная увѣренность была ошибочна, но что она дѣйствительно существовала — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и догадка современнаго историка вполнѣ основательна. Легкость, съ которою доставались Душану пріобрѣтенія на юговостокѣ, зависѣвшая, какъ уже замѣчено, прежде всего отъ печальнаго, безотраднаго положенія Византіи, не могла не вызвать у него высокаго представленія о своихъ силахъ. Ему теперь дѣйствительно казалось, что вся территорія имперіи вплоть до Цареграда вскорѣ неминуемо должна перейти подъ его державу. О какихъ либо препятствіяхъ при этомъ завоеваніи онъ уже не думаетъ. Онъ озабоченъ со всѣмъ другимъ — крайнею послѣднею цѣлью своего наступательнаго движенія, занятъ мыслью о томъ, какъ овладѣть самимъ Цареградомъ, гдѣ онъ мечталъ взойти на престолъ Константина Великаго и такимъ образомъ основать новое греко-сербское царство.

И изъ личныхъ воспоминаній, и изъ разказовъ Грековъ, съ съ которыми ему пришлось вступать въ близкія сношенія, и съ голоса общей народной молвы Душанъ долженъ былъ составить себѣ ясное представленіе о прекрасномъ стратегическомъ поло-

женіи великаго города востока, его превосходныхъ недоступныхъ укрѣпленіяхъ съ суши и хорошей обезпеченности отъ тягостей осады, благодаря превосходному приморскому положенію. Онъ вполнѣ сознавалъ, что не съ его средствами и техническими знаніями разсчитывать на занятіе цареградскихъ рвовъ, стѣнъ и башенъ, видѣлъ что сидѣніе подъ городомъ, вымариваніе его голодомъ и другія подобныя средства, которыя употреблялись имъ при овладѣніи городами Македоніи и другихъ частей имперіи—непримѣнимы къ исполину-Цареграду; для него ясно было, что тутъ нуженъ прежде всего флотъ, а такъ какъ своего флота у него не было, то обращеніе къ посторонней помощи оставалось единственнымъ и необходимымъ средствомъ для осуществленія его величественнаго плана. Мысль о союзникѣ стала занимать Душана весьма рано, вѣроятно, съ того момента, когда, подъ вліяніемъ первыхъ военныхъ удачъ, онъ началъ мечтать о Цареградѣ. Выборъ его остановился на Венеціи. Ему казалось, что эта могущественная морская держава дѣйствительно можетъ оказать ему требуемую помощь, онъ твердо былъ увѣренъ, что путемъ извѣстныхъ уступокъ успѣетъ заключить съ нею союзъ для желаемой цѣли, и что изъ этого союза дѣйствительно можетъ выйти желаемый имъ результатъ. Но во всемъ этомъ, какъ увидимъ, онъ жестоко ошибся. Выборъ его былъ весьма неудаченъ, разсчеты его оказались вполнѣ несостоятельными. Въ нихъ ярко обнаружилась недальновидность мечтательнаго царя, его ограниченное пониманіе современнаго ему положенія вещей. Въ погонѣ за исполненіемъ своихъ властолюбивыхъ замысловъ онъ совершенно упустилъ изъ виду отношенія латинскихъ государствъ къ Византійской имперіи, ихъ исконное стремленіе къ владычеству на востокѣ и вздумалъ искать союза для окончательнаго завоеванія Византіи у того изъ нихъ, которое само болѣе всего обнаруживало притязанія на ту же Византію, и, конечно, не могло согласиться на переходъ ея въ руки какого-нибудь „славянина-схизматика". Въ концѣ концовъ онъ ничего не добился; но иначе и быть не могло.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно вспомнить важнѣйшіе факты политики Венеціи въ отношеніи имперіи, чтобы убѣдиться въ полной непрактичности обращенія Душана къ этой всемірно-торговой рес-

публикѣ, дѣйствительно обладавшей сильнымъ флотомъ, съ предложеніемъ совокупныхъ дѣйствій противъ Цареграда. Дѣятельная участница въ завоеваніи Константинополя Латинами въ 1204 г., щедро вознаградившая себя за это участіе, Венеція и по возстановленіи имперіи Палеологами, и въ XIV столѣтіи фактически владѣла, кромѣ множества мелкихъ пунктовъ, островами Евбеею, Критомъ, и, можно сказать, господствовала на всемъ греческомъ рахипелагѣ [1]). Вторичное завоеваніе восточной столицы для предпріимчивыхъ Венеціанцевъ всегда было предметомъ желаній, быть можетъ еще болѣе сильныхъ, чѣмъ для Душана. Независимо отъ сожалѣнія объ утраченномъ господствѣ въ Цареградѣ, имъ было тяжело переносить, что нѣкоторая часть этого господства, по крайней мѣрѣ по отношенію къ торговлѣ, принадлежала ихъ отъявленнымъ соперникамъ-Генуэзцамъ. Затѣмъ, мы видимъ, что Венеція пользуется всякимъ случаемъ для расширенія своихъ владѣній на счетъ имперіи. Наконецъ, широкіе виды, которые имѣла республика на водвореніе въ будущемъ знамени св. Марка на берегу Босфора—ясно выражались въ титулѣ, который продолжалъ носить дожъ республики, величавшій себя въ актахъ господиномъ четверти слишкомъ ($^1/_4 + ^1/_8$) имперіи Ромэевъ (dominus quartae partis et dimidiae imperii Romanorum). Такимъ образомъ Венеція, еслибъ и могла занять Константинополь, то, очевидно, сдѣлала бы это для себя, и во всякомъ случаѣ не могла сочувствовать такимъ же видамъ и на тотъ же предметъ, шедшимъ съ другой стороны. Но дѣло въ томъ, что въ данное время республика, которой союза искалъ Душанъ, и сама, при всемъ желаніи, не имѣла достаточно силъ для подобнаго предпріятія. При всемъ своемъ могуществѣ, которое, надо замѣтить, съ каждымъ днемъ возрастало все болѣе и болѣе, она находила невозможнымъ вступить въ рѣшительный бой съ немене́е могущественною Генуею, которая, владѣя Галатою, тщательно оберегала несчастный Царьградъ отъ алчныхъ взоровъ своей соперницы. Слѣдовательно, и съ этой стороны Душанъ дѣйствовалъ невпопадъ. Ужъ если ему было нужно обращаться къ Латинамъ, то болѣе основаній могъ представить союзъ съ Генуею, хотя и

[1]) См. выпускъ I, стр. 30 и слѣд.

тутъ нельзя было надѣяться на успѣхъ и дѣйствительную помощь. Западный латино-католическій міръ преслѣдовалъ свои планы на Востокѣ и домогаясь уничтоженія одного православнаго царства, не могъ добровольно допустить возникновенія взамѣнъ его другаго—православнаго же, а тѣмъ болѣе способствовать этому возникновенію. Всѣ эти соображенія остались чуждыми и непонятными Душану. Онъ ничего не видѣлъ передъ собою кромѣ Цареграда и серьезно вѣрилъ въ возможность овладѣть имъ при помощи Венеціи. Дальновидная республика, тщательно оберегавшая свои интересы, также поддерживала въ царѣ эту увѣренность до тѣхъ поръ, пока ей это было можно и выгодно.

Для объясненія мотивовъ, въ силу которыхъ Душанъ остановился на сближеніи именно съ Венеціею, достаточно припомнить то огромное политическое и торговое значеніе, которое эта республика получила въ это время на юго-западѣ славянскихъ земель. Давнишнее стремленіе ея обосновать свое могущество на Адріатическомъ морѣ путемъ утвержденія своего господства въ Далмаціи и сербо-хорватскомъ побережьѣ, стремленіе, обнаруженное еще въ X и XI вв., когда уже венеціанскіе дожи носили титулъ dux Croaciae et Dalmatiae, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ, послѣ продолжительной борьбы съ Неречанами, Хорватами, Византійцами, Норманами, Угорскимъ королевствомъ, съ 1204 г. начало осуществляться весьма значительно и къ первой четверти XIV в. обозначилось весьма значительнымъ успѣхомъ: всѣ важнѣйшіе политическіе и торговые пункты на протяженіи береговой полосы отъ Истріи до Дубровника, почти всѣ прилегающіе къ этой полосѣ острова находились теперь въ большей или меньшей зависимости отъ Венеціи. Старинныя далматинскія общины, къ XIV в. почти совсѣмъ ославянившіяся: Задаръ, Скрадинъ, Шибеникъ, Трогиръ, Сплѣтъ, Дубровникъ, острова Керкъ, Осоръ, Рабъ, Крезъ, Брачъ, Хваръ признавали власть венеціанскихъ сената и дожа, имѣли во главѣ своего мѣстнаго общиннаго управленія венеціанскихъ графовъ, платили республикѣ дань, связаны были съ нею извѣстными военными и торговыми обязательствами. Такимъ образомъ владѣнія Венеціи, захватывая приморскія славянскія земли почти соприкасались съ границами Сербскаго королевства. Душанъ

могъ смотрѣть на республику св. Марка, какъ на ближайшую свою сосѣдку, которая обладала нужными ему средствами и съ которою вступить въ политическій союзъ было всего легче въ виду этого сосѣдства. Ему казалось, что самой Венеціи этотъ союзъ съ сильнымъ славянскимъ государемъ будетъ очень полезенъ и выгоденъ. Венеціанскій флотъ, правда, господствовалъ на Адріатикѣ, но торговое значеніе республики въ славянскихъ земляхъ было еще далеко не преобладающимъ. Если венеціанскіе купцы посѣщали Хорватію, Босну, Сербію и даже Болгарію, то все-таки не они тамъ играли первую роль. Почти вся ввозная и отпускная торговля въ западной части Балканскаго полуострова находилась въ рукахъ знаменитаго Дубровника, который, хотя и находился въ зависимости отъ Венеціи, однако умѣлъ отстаивать свои издавна пріобрѣтенныя широкія торговыя права въ славянскихъ земляхъ. Собственно говоря, вліяніе Венеціанцевъ ограничивалось приморьемъ и не простиралось вглубь полуострова, между тѣмъ какъ захватъ въ свои руки всей торговли богатыхъ странъ полуострова былъ постоянною цѣлью политики этихъ всесвѣтныхъ купцовъ. Вотъ одно обстоятельство, которое должно было заставить Венецію отнестись сочувственно къ союзу съ сербскимъ государемъ: ей представлялся случай расширить свое торговое вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. Затѣмъ и въ самой Далмаціи власть республики не была еще упрочена. Далматинскія общины тяготились своею зависимостью отъ Венеціи и всегда готовы были сбросить ее, или даже промѣнять на какую либо другую. Послѣднее было тѣмъ болѣе возможно, что угорскій король предъявлялъ серьезныя притязанія на Далмацію и вообще юго-западныя земли Балканскихъ Славянъ. Такимъ образомъ и здѣсь Душанъ могъ быть для Венеціи весьма нелишнимъ помощникомъ и пособникомъ. Все это дальновидная республика понимала очень хорошо и съ точки зрѣнія своихъ выгодъ отнеслась къ предложеніямъ сербскаго царя. Она охотно вступила съ нимъ въ близкія, пріятельскія отношенія, постаралась извлечь изъ нихъ для себя все, что только могла, и въ концѣ концовъ ничего не сдѣлала для осуществленія широкаго плана Душана, ясно давъ ему понять, что подобный планъ не можетъ быть согласованъ съ интересами республики, которые пре-

слѣдуются ею на Востокѣ, какъ одною изъ видныхъ представительницъ латинскаго Запада.

Первыя документальныя и лѣтописныя свидѣтельства о сношеніяхъ Венеціи съ Сербскимъ королевствомъ относятся ко второй половинѣ XIII в. 12 сентября 1271 г. въ Большомъ Совѣтѣ республики состоялось постановленіе объ отправкѣ посольства къ сербскому кралю (ad regem Raxie) по дѣлу объ ограбленіи венеціанскихъ подданныхъ (pro Jacobo Colbo et Cauce et aliis derau batis) [1]. Но изъ отсутствія документальныхъ записей до 1271 г. отнюдь нельзя заключать, чтобы Венеціанцы раньше этого времени не вели никакихъ дѣлъ съ молодымъ сербскимъ государствомъ. Напротивъ, нужно думать, что торговыя связи между обоими государствами начались задолго до этого перваго извѣстнаго оффиціальнаго посольства отъ республики къ кралю. Черезъ сербскія земли пролегалъ одинъ изъ транзитныхъ путей, по которому совершалось движеніе торговыхъ каравановъ между Византіею и отдѣльными провинціями имперіи съ одной стороны и Адріатическимъ моремъ съ другой. Венеціанскіе купцы издавна были дѣятельными участниками этой торговли между Востокомъ и Западомъ и, проходя по сербскимъ землямъ, не могли не завязать и здѣсь извѣстныхъ торговыхъ сношеній. Затѣмъ въ записи одной венеціанской рукописи начала XIV в. (Liber pactorum. III. fol. 79) въ числѣ славянскихъ государей, съ которыми была въ сношеніяхъ Венеція, упоминается Urosvius rex Servie, Melinie, Chelmie, Dioclie, Albanie et maritime regionis, подъ которыми нельзя разумѣть никого другаго, кромѣ Уроша Великаго (съ 1243 г.) [2]. Отсюда видно, что нѣкоторыя связи между сербскими государями и республикою устанавливаются уже въ первой половинѣ XIII ст. Но дѣло въ томъ, что въ теченіе всего XIII ст. эти связи были очень незначительны. Господство Венеціи въ Далмаціи еще не было вполнѣ упрочено, и торговлю въ сербскихъ земляхъ по преимуществу сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ, какъ мы уже замѣтили, Дубровникъ, съ которымъ соперничать здѣсь была не въ силахъ его могущественная повелительница.

---

[1]) Ljubić. Monumenta. I. 105.

[2]) Ibidem. 192.

Къ концу же XIII ст. и особенно въ первой четверти XIV ст. знамя св. Марка начинаетъ получать все большее и большее значеніе на славянскомъ побережьѣ Адріатики. Вскорѣ послѣ подчиненія Задра, Дубровникъ тремя послѣдовательными договорами (1232, 1236 и 1252 г.) призналъ себя зависимымъ отъ Венеціи [1]). Его примѣру одинъ за другимъ послѣдовали и прочіе главные города и острова Далмаціи: въ 1278 году — Хваръ и Брачъ [2]), въ 1322 году Шибеникъ и Трогиръ [3]), въ 1327 г. Сплѣтъ [4]), въ 1329 г. Нинъ [5]). Вмѣстѣ съ этимъ увеличеніемъ политической силы Венеціи, естественно, должны были получить большое развитіе ея непосредственныя торговыя сношенія съ сербскими землями. Венеціанскіе купцы начинаютъ чаще и въ бóльшемъ числѣ посѣщать эти земли, хотя торговля здѣсь была для нихъ очень небезопасна. Какъ иновѣрцы и иноплеменники, они подвергались нерѣдко грабежу и всякимъ притѣсненіямъ со стороны мѣстнаго населенія. Такъ въ Боснѣ въ 1300 г. были задержаны разомъ до 50 венеціанскихъ купцовъ, объ освобожденіи которыхъ республика хлопотала чрезъ посредничество Дубровника [6]). Въ 1310 г. она добилась отъ бана всей Славоніи Стефана Котроманича формальнаго увѣренія въ покровительствѣ съ его стороны венеціанскимъ купцамъ, торгующимъ въ его земляхъ [7]). Точно также касательно венеціанской торговли въ Сербскомъ королевствѣ, кромѣ указаннаго свидѣтельства отъ 1271 г., имѣются указанія въ документахъ республики, относящихся къ годамъ 1286, 1287, 1309 и 1318 [8]). Изъ этихъ указаній видно, что и здѣсь венеціанскіе купцы также немало терпѣли.

Такимъ образомъ торговыя сношенія Венеціи съ королевствомъ несомнѣнно оживились нѣсколько, но, при всемъ томъ, повторяемъ

---

1) Ibidem. I. 46. 52. 82.
2) Ibidem. 115.
3) Ibidem. 330. 336.
4) Ibidem. 368.
5) Ibidem. 373.
6) Ibidem. 193.
7) Ibidem. 255.
8) Ibidem. 143, 144, 239, 299.

еще разъ, Дубровникъ оставался по прежнему главнымъ хозяиномъ всей сербской торговли [1]). Венеція приняла его въ свое подданство, но не могла вдругъ перебить его торговлю. За то она, пользуясь своими верховными правами, принимаетъ на себя обязанность защищать интересы Дубровника и его купцовъ передъ сербскими государями, черезъ что, конечно, все болѣе и болѣе входитъ съ ними въ политическія сношенія. Большая часть обнародованныхъ документовъ венеціанскаго архива времени до Душана, касающихся Сербіи, относятся къ ходатайству и заступничеству республики за Дубровникъ [2]). При Милутинѣ этимъ ходатайствомъ за Дубровникъ и торговыми претензіями и исчерпывались всѣ сношенія Венеціи съ Сербіею, насколько они извѣстны изъ документальныхъ источниковъ. Этотъ могущественный краль, наводившій страхъ на сосѣдей, не очень высоко смотрѣлъ на Венецію и не особенно уважалъ ея просьбы и требованія. Венеціанскіе купцы и ремесленники, проживавшіе въ Сербіи, не пользовались его покровительствомъ, ихъ грабили и подвергали всякимъ насиліямъ, даже люди, дѣйствовавшіе въ качествѣ комиссіонеровъ краля. Сами посланные, оффиціально уполномоченные отъ Венеціи, не были безопасны во время путешествія по Сербіи [3]). Къ этому нужно еще добавить, что не мало заботъ причиняла республикѣ производившаяся въ королевствѣ поддѣлка венеціанскихъ грошей, которая вызвала даже особое посольство къ Милутину [4]).

Въ непродолжительное царствованіе Стефана Дечанскаго Венеціанцы, повидимому, успѣли болѣе заручиться дружбою сербскаго государя, хотя послѣдній и съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на уси-

---

[1]) Это видно между прочимъ изъ слѣдующаго постановленія Большаго Совѣта: quod quando comes Ragusii constringet omnes homines de Ragusio, qui non vadant in terras regum Rascie et regine matris eorum, possit constringere homines de Venetiis et nostros fideles mercatores, qui essent Ragusii, ad voluntatem domini ducis, qui non debeant ire in dictas partes. Ljubić. Monumenta. I. 143.

[2]) Ljubić. Monumenta. I. 166. 167. 195. 196. 295. 363. Такого же рода показанія у Растича.

[3]) Ср. особенно Ljubić. Monumenta I. 299.

[4]) Ibidem. 131. 144.

леніе Венеціи въ Далмаціи [1]). Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что въ 1330 г., 1-го мая, краль вручилъ венеціанскому уполномоченному Якову Полани для передачи дожу Франциску Дандолу письмо, которымъ предоставлялъ венеціанскимъ купцамъ право свободной торговли въ сербскихъ земляхъ и равно свободнаго прохода черезъ королевство въ предѣлы Византійской имперіи и также въ другія мѣста, кромѣ Болгаріи [2]). Послѣдняя исключалась потому, что Дечанскій готовился тогда къ войнѣ съ Михаиломъ Болгарскимъ. Полученіемъ этой разрѣшительной грамоты республика была обязана двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, упомянутой войнѣ Стефана Дечанскаго съ Болгарами, для которой ему нужны были наемныя войска и оружіе, обыкновенно получавшіяся черезъ Адріатическое море; а во-вторыхъ—постояннымъ неудовольствіямъ между этимъ кралемъ и Дубровникомъ, послѣдствіемъ которыхъ было временное стѣсненіе дубровницкой торговли, приходившееся очень по вкусу ихъ корыстолюбивой покровительницѣ [3]). Но въ сущности и теперь, при этомъ государѣ, не видно особеннаго сближенія съ республикою св. Марка. Стефанъ Дечанскій ссорится, но и мирится съ Дубровникомъ, и не имѣетъ особенной дружбы съ Венеціею [4]).

Совершенно иначе отнесся къ могущественной морской сосѣдкѣ основатель сербскаго царства. Онъ дорожилъ Дубровникомъ, поддерживалъ съ нимъ большею частью дружественныя отношенія, къ которымъ мы обратимся въ слѣдующей главѣ, но уже съ первыхъ годовъ царствованія рѣшился сблизиться съ покровительницею и повелительницею этой славянской общины. Царица Адріатики, давно желавшая этого сближенія, конечно, пошла на него весьма охотно, хотя и съ обычною своею осторожностью. Дѣло началось

[1]) Resti подъ 1324 г.: desiderio Veneziani, i quali intanto uniti con l'armata et privati in Dalmazia s'impadronirono della citta di Spalato, Traù e Scibenico soggette al Regno d'Ungheria, ma il Rè Orossio pretese che quelle citte attenessero al Regno di Rassia asserendo membri et attinenze del contado di Chelmo, provincia a lui soggeta.

[2]) Ljubić. Monumenta I. 377.

[3]) Много указаній въ дубровницкой хроникѣ Растича; см. также Monumenta Ragusina. Vol. I. 92. 105. 110. 118.

[4]) Resti подъ 1328 и 1330 г.

съ обращенія Душана непосредственно къ Венеціи за доставкою оружія, предметовъ роскоши и необходимости для королевскаго двора и тому подобныхъ порученій. Въ благодарность за услуги слѣдовало дарованіе разныхъ льготъ венеціанскимъ купцамъ, посѣщающимъ сербскія земли. Затѣмъ сношенія между двумя государствами оживляются все болѣе и болѣе; постепенно они выходятъ за границы личнаго расположенія между представителями власти въ томъ и другомъ; начинаются взаимныя предложенія помощи во внѣшней политикѣ; наконецъ ставится вопросъ о тѣсномъ политическомъ союзѣ для выполненія громаднаго міроваго предпріятія—упраздненія Византійской имперіи, вопросъ, который, къ немалому огорченію размечтавшагося царя, не могъ получить никакого другаго рѣшенія, кромѣ отрицательнаго.

Въ 1332 г. Душанъ праздновалъ свою свадьбу съ Еленою, сестрою болгарскаго царя Александра. На торжествѣ присутствовали делегаты отъ Дубровника и Венеціи. Желая отвѣтить за любезность любезностью, молодой краль, по разказу Дубровчанина Растича, отправилъ посольства въ тѣ государства, которыя почтили его поздравленіями; въ Дубровникъ поѣхалъ Маринъ Михайловичъ, а въ Венецію на дубровницкомъ же суднѣ Николай Петровичъ [1]). Такъ начинаются сношенія между Душаномъ и республикою Св. Марка. Къ тому же 1332 г. относится и другое свидѣтельство, указывающее уже на чисто практическіе мотивы, заставлявшіе сербскаго государя обратиться къ Венеціи. 16 іюня состоялось постановленіе венеціанскаго сената, разрѣшавшее посольству сербскаго краля пріобрѣсти для сего послѣдняго у рес-

---

[1]) Растичъ не говоритъ прямо о присутствіи венеціанскихъ депутатовъ на сербскомъ праздникѣ, но это необходимо вытекаетъ изъ его словъ о мотивахъ, побудившихъ Душана отправить отъ себя посольство въ Дубровникъ и Венецію: Gli ambasciatori (Ragusei) furono acolti con amorevolezza conaturale a quel Principe e alla Republica furono use molte grazie, ma perche parve al Rè di dover corrisponder all'uficio di tútti questi principi, che suo avevano passato termine di congratulazione mandò Ambasciatori a tutti; richiesse la republica, che lo accomodasse d'una galera per trasportarli alli lochi statuiti; onde fu mandata una ben in ordine per levar Marino di Michiel destinato ambasciatore a Ragusa, e Nicolo di Pietro di Simone ambasciatore a Venezia per condurlo in questa citta. Resti 1332 г.

публики слѣдующіе предметы: ballas 67 pannorum, centuras argenteas 36, cupas argenti 33, pecias fusorum 200, кромѣ того оружія на 600 иперперовъ и spanni и прочихъ вещей на 300 иперперовъ. Послы должны были заплатить за все это сколько положено и вмѣстѣ съ тѣмъ поклясться, что всѣ эти предметы предназначаются лично для самаго краля (et jurentibus, quod predicta omnia sint tantum et propria dicti regis). [1]. Правители республики этимъ ясно давали чувствовать славянскому государю, что уже однимъ позволеніемъ пріобрѣсти у ея купцовъ нужные ему товары, они дѣлаютъ ему немалое одолженіе. Если обратить вниманіе на родъ купленныхъ Сербами въ Венеціи предметовъ, то является нѣкоторое основаніе думать, что они предназначались къ королевской свадьбѣ и въ такомъ случаѣ самая закупка должна была предшествовать упомянутому дипломатическому посольству Николая Петровича. Но съ другой стороны оружіе, да и прочіе предметы могли понадобиться для раздачи въ подарокъ и послѣ торжества; такъ что очень возможно, что указанное постановленіе сената относится именно къ посольству Николая Петровича. Впрочемъ это вопросъ, собственно говоря, второстепенный. Гораздо важнѣе самый фактъ закупки Душаномъ разныхъ вещей и особенно оружія непосредственно у Венеціи. Замѣтимъ также, что всѣ означенные предметы были доставлены въ Сербію, т. е. до Котора, Венеціанцами и на венеціанскихъ судахъ.

За этою первою покупкою слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ. Венеція обращается въ настоящаго поставщика для Душана. Рѣдкій годъ, чтобы онъ не обращался къ ней то за тѣмъ, то за другимъ. Оружіе и наемныя войска особенно были ему нужны для его непрерывныхъ войнъ. Республика доставляла ему то и другое, конечно, извлекая изъ этихъ доставокъ свои выгоды. Затѣмъ понадобились ему суда, и тутъ не было отказа, хотя разрѣшеніе дается почти всегда съ нѣкоторыми оговорками и ограниченіями. Одновременно съ этимъ и со стороны Венеціи обнаруживаются притязанія расширить и обезопасить свои торговые обороты въ сербскомъ государствѣ. Притязанія эти встрѣчаются сочувственно кралемъ.

---

[1]) Ljubić. Monumenta I. 384.

10-го іюня 1333 г. въ письмѣ къ своему любезнѣйшему родственнику (proximo suo carissimo), дожу Франциску Дандолу, Душанъ давалъ увѣреніе въ томъ, что разбойникъ Димитрій Суманъ (Suman), ограбившій венеціанскаго купца Николая Бриноссу, будетъ непремѣнно пойманъ, и что будутъ употреблены всѣ мѣры къ тому, дабы потерпѣвшій получилъ полное удовлетвореніе за свои убытки. „Видитъ Богъ, говорится въ заключеніи письма, какое расположеніе мы питаемъ къ Вашему Величеству: *несчастія Вашихъ подданныхъ для насъ то же, что несчастія нашихъ* (novit enim deus, quod ob afectum, quem ad magnificentiam vestram gerimus, dampna vestrorum ut vassalorum nostrorum fidelium reputamus)" [1]). Увѣреніе Душана, однако, было напрасно. *Николай Бриносса* не получилъ удовлетворенія, вѣроятно потому, что виновникъ грабежа не былъ пойманъ, а краль не могъ или не хотѣлъ платить изъ своей казны значительную сумму убытковъ— 75 фунтовъ грошей. Это обстоятельство огорчило Венецію. Она выразила свое неудовольствіе Душану тѣмъ, что запретила на нѣкоторое время своимъ купцамъ посѣщать Которскій портъ [2]). Но вскорѣ она должна была убѣдиться въ неудобствѣ подобной мѣры для нея самой. Душанъ, вѣроятно, также спѣшилъ съ своей стороны загладить причиненное республикѣ неудовольствіе. Въ концѣ концовъ Венеція получаетъ право сама отыскать мѣры для вознагражденія убытковъ своего подданнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣваетъ заручиться актомъ, который долженъ былъ вообще обезпечивать денежные интересы венеціанскихъ купцовъ.

Важнѣйшимъ пунктомъ непосредственныхъ торговыхъ сношеній Сербскаго королевства съ иноземными купцами былъ *Которъ*, единственная изъ всѣхъ далматинскихъ общинъ входившая въ составъ сербскаго государства, хотя и пользовавшаяся стариннымъ самоуправленіемъ. Превосходная бухта Котора и выгодное мѣстоположеніе его на югѣ сербскихъ земель дѣлали его послѣ Дубровника однимъ изъ главныхъ торговыхъ центровъ на восточномъ берегу Адріатики. Желая конкурировать съ Дубровникомъ, Венеціанцы

---

[1]) Ibidem. I. 410.
[2]) Ibidem. 449.

направляли въ Которскій портъ свои торговыя суда съ товаромъ для Сербіи и другихъ прилегающихъ къ ней земель. 30 декабря 1335 г. республика заключила съ Которомъ, съ вѣдома и согласія краля Душана, договоръ, которымъ до мелочей гарантировался венеціанскимъ купцамъ разсчетъ съ которскими покупателями. Отвѣтственность за неисправность платежей и удовлетвореніе кредиторовъ этимъ договоромъ расиространены не только на родственниковъ покупателя, но и на находящихся въ добровольномъ союзѣ такъ назыв. побратимства. Продажа имущества задолжавшихъ или близкихъ къ нимъ лицъ и заключеніе ихъ въ тюрьму должны примѣняться по требованію Венеціанцевъ безотложно и со всею строгостію. Договоръ этотъ, не представлявшій никакихъ выгодъ самому Котору, былъ заключенъ на 10 лѣтъ; въ случаѣ нарушенія договора сербскій краль отвѣтствовалъ пенею въ 1,000 иперперовъ изъ своего имущества [1]). Въ этотъ же договоръ былъ внесенъ особый параграфъ объ удовлетвореніи убытковъ Николая Бриноссы. Венеціанскіе купцы обязывались брать съ Которцевъ извѣстный лишній процентъ съ платы за проданный товаръ и передавать этотъ процентъ своему консулу, который собранную такимъ образомъ сумму пересылаетъ въ Венецію для передачи Бриноссѣ [2]). Однако этимъ постановленіемъ дѣло о вознагражденіи несчастнаго венеціанскаго купца не кончилось; процедура сбора процентовъ съ купли визвала разныя злоупотребленія, и венеціанскій сенатъ долженъ былъ предоставить самому Бриноссѣ личное участіе въ взысканіи присужденной ему пени [3]). Во всякомъ случаѣ, какъ самый договоръ, такъ и энергическій способъ, употребленный Венеціанцами для взысканія съ Которцевъ убытка, понесеннаго въ ихъ городѣ однимъ изъ ея подданныхъ, прекрасно свидѣтельствуютъ о томъ немаловажномъ вліяніи, которое получала республика на сербскаго государя, а вмѣстѣ и о тѣхъ выгодахъ, которыя она начинала извлекать изъ этого вліянія.

Отъ 1336 года дошли два указанія на сношенія Душана съ

1) Ljubić. Monumenta I. 464.
2) Ibidem. 466.
3) Ljubić. Monumenta II. 10.

Венеціею. 14 мая венеціанскій сенатъ далъ позволеніе посланнику сербскаго краля вывезти оружія на 30 фунтовъ грошей [1]). Въ объясненіе этого требованія на оружіе напомнимъ, что въ 1336 году начались завоеванія Душана въ Албаніи. Затѣмъ 6 декабря республика дала свободный пропускъ через свои владѣнія 300 всадниковъ, нанятыхъ кралемъ, вѣроятно въ Италіи, для охраны его особы (pro securitate sue persone) [2]). Быть можетъ это и была та гвардія Душана, которая нѣсколько позже въ хроникахъ Кантакузина и Григоры является подъ именемъ Германцевъ [3]).

Въ 1340 г. Душанъ, какъ мы видѣли, одержалъ весьма значительные успѣхи на югѣ. Къ этому году относится его первая попытка заключить союзъ съ Венеціею. Весьма любопытна форма, въ которой было сдѣлано предложеніе этого союза. Краль видимо заискивалъ у гордой республики и своею предупредительностію, не очень шедшей къ лицу могущественнаго завоевателя и основателя новой монархіи, ясно давалъ ей понять, какъ высоко ставитъ ея дружбу. Въ грамотѣ, представленной дожу сербскимъ посольствомъ прибывшимъ въ Венецію въ концѣ мая, или началѣ іюня, говорилось прежде всего о давнишнемъ желаніи сербскаго государя сблизиться съ Венеціанскою республикою. До сихъ поръ разныя обстоятельства мѣшали этому сближенію; но теперь онъ рѣшилъ уже вступить въ тѣсное общеніе съ дожемъ и республикою и въ знакъ того просить зачислить себя въ число венеціанскихъ граждан [4]). Въ посланіи указывались и ближайшія причины, которыя побуждали Душана искать венеціанскаго гражданства: у краля много враговъ въ лицѣ прежнихъ владѣтелей городовъ, замковъ, крѣпостей и земель, которыя теперь вошли въ составъ его государства. Очень можетъ быть, что какой либо несчастный случай заставитъ его искать убѣжища въ Венеціи, въ такомъ случаѣ пусть будетъ ему открытъ свободный доступъ во всѣ владѣнія республики, вмѣстѣ съ его дѣтьми, сокровищами, и со всѣмъ домашнимъ скарбомъ

---

[1]) Ljubić. Monumenta II. 4.

[2]) Ibidem. 10. 14

[3]) См. выше стр. 92.

[4]) Ljubić. Monumenta II. 75.

(cum suis liberis et thesauro et domestica suppellectile universa), а равно и свободный выходъ изъ нихъ по минованіи надобности. Такова была первая просьба Душана. Она должна была служить введеніемъ къ предложенію самаго союза. За недостаткомъ другихъ историческихъ свидѣтельствъ трудно опредѣлить, на сколько серьезны были опасенія краля за прочность своего политическаго положенія. Намъ кажется, что эти внутренніе враги, о которыхъ говоритъ Душанъ, несомнѣнно существовавшіе въ его королевствѣ, теперь врядъ ли еще могли представлять сколько-нибудь грозную силу для государя, который своими завоеваніями становился все выше въ глазахъ народа и имѣлъ вокругъ себя цѣлую свиту такихъ преданныхъ и вліятельныхъ въ странѣ людей, какъ Оливеръ, Прилупъ и друг. Если и можно привести основанія въ доказательство той мысли, что у Душана было сознаніе непрочности созидаемаго имъ зданія, сознаніе, которое заглушалось честолюбивыми и властолюбивыми стремленіями, то все-таки до сихъ поръ неизвѣстно никакихъ данныхъ, которыя бы указывали на необходимость для сербскаго государя уже въ 1340 г. заботиться о пріисканіи надежнаго убѣжища на случай потери власти. Поэтому гораздо естественнѣе видѣть въ этой жалостной просьбѣ Душана прежде всего желаніе возможно лучше польстить самолюбію республики, и тѣмъ легче заручиться ея согласіемъ на союзъ.

Во второмъ пунктѣ текста посланія обнаруживается главная цѣль этого столь желаемаго Душаномъ тѣснаго общенія съ республикою. Предупредительность краля здѣсь просто поразительна. Онъ слышалъ, что въ Далмаціи начинается движеніе противъ Венеціи, что готовъ подняться Задаръ, что республика озабочена военными приготовленіями угорскаго короля, и вотъ онъ готовъ оказать ей помощь противъ ея враговъ, обѣщаетъ ей выставить на свой счетъ конный отрядъ въ 500 человѣкъ, который она можетъ послать куда угодно, хотя-бы въ Ломбардію. Мало того, онъ готовъ даже, если это будетъ нужно, самъ лично во главѣ своего войска явиться на помощь своей союзницѣ [1]). За то, говорилъ Душанъ въ посланіи, еслибъ

[1]) et etiam, si cum vestro fuerit comodo, promittimus personaliter cum nostro exercitu in vestrum juvamen et auxilium interesse. Ibidem. 76.

случилось, что мы будемъ нуждаться въ вашей помощи, мы попросимъ того-же самаго и отъ васъ какъ близкихъ нашихъ друзей, *если только это будетъ вамъ пріятно и достаточно выгодно* [1]). Вотъ эта венеціанская помощь и была предметомъ желаній краля. Теперь еще не наступило время воспользоваться ею, но онъ уже заранѣе находилъ нужнымъ позаботиться о ней предложеніемъ своихъ услугъ, надѣясь обезпечить себѣ полученіе помощи, когда она дѣйствительно понадобится. Не ограничиваясь приведенными знаками благорасположенія къ Венеціи, далѣе Душанъ заявлялъ дожу, что торговые интересы республики для него такъ дороги, какъ свои собственные; поэтому онъ объявляетъ открытымъ и вполнѣ безопаснымъ для венеціанскихъ купцовъ проходъ черезъ сербскія земли въ Византійскую имперію и Константинополь; за всякій убытокъ, понесенный ими въ предѣлахъ государства, потерпѣвшіе будутъ получать удовлетвореніе изъ казны краля.

Всѣ эти предложенія краль считалъ весьма выгодными для Венеціанцевъ и потому просилъ дожа прислать довѣреннаго властеля, передъ которымъ онъ могъ бы торжественною клятвою подтвердить все, что было имъ обѣщано въ письмѣ [2]). Другими словами онъ выражалъ желаніе заключить формальный договоръ.

Въ заключеніе своего желанія Душанъ обращается къ дожу еще съ одною просьбою, уже частнаго характера. Оправившись отъ тяжкой болѣзни, угрожавшей его жизни, онъ хочетъ исполнить данный имъ въ минуту опасности обѣтъ—устроить церковь и монастырь имени Спасителя въ Іерусалимѣ. Для этого онъ намѣренъ послать туда нѣсколькихъ властелей съ большею суммою денегъ и желалъ бы, чтобы Венеція ссудила его двумя галерами, вооруженными на его счетъ, для доставки этихъ властелей на островъ Кипръ. „Мы никому не довѣряемъ, ни на кого не можемъ

---

[1]) Et si casu intercidenti vestro indigeremus auxilio, si *cum vestro beneplacito et bono comodo fieri poterit* liberali, quod ipsum a vobis amicabiliter postulemus tamquam *a nostris proximis et amicis.* Ibid. 76.

[2]) Ceterum ad hoc, ut omnia et singula praedicta robor et firmitatem obtineant, excelentiae vestre placeat ad nos aliquem virum nobilem destinare, cui possimus loco vestri vocis oraculo spopondere sub sanctis juramentis debitis deponentes, universa et singula in perpetuum servaturos domino duci et communitati Veneciarum prefate. Ibid. 76.

положиться въ этомъ дѣлѣ, кромѣ Васъ..." писалъ Душанъ сановитому представителю республики.

8 іюня состоялся отвѣтъ сената на предложенія Душана, переданный его посламъ. Венеціанцы сразу разгадали заискивающій, предупредительный тонъ обращенія краля и отнеслись къ нему съ обычною своею сдержанностью и мастерскою уклончивостію. Отвѣтъ ихъ, составленный въ выраженіяхъ утонченной международной вѣжливости, въ то же время пропитанъ высокомѣріемъ, презрительною снисходительностію и претендуетъ на нѣкоторую внушительность. Республика де не прочь принять Душана въ число своихъ гражданъ, она готова доставить ему у себя въ случаѣ нужды убѣжище, гдѣ онъ можетъ оставаться съ дѣтьми, сокровищами и со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, пока ему будетъ угодно, но подъ условіемъ соблюдать все, что будетъ признано нужнымъ для безопасности и спокойствія ея земель (dum modo veniat, moretur et stet cum illa decencia, quae necessaria fuerit pro securitate terrarum nostrarum) [1]). Этою оговоркою Венеціанцы ясно показали Душану, что они относятся весьма ревниво къ вопросу о возможности пребыванія у нихъ сербскаго государя, и что, еслибъ это пребываніе дѣйствительно состоялось, оно не имѣло бы въ ихъ глазахъ никакого особаго почетнаго значенія. То же самое касательно взаимной военной помощи. Республика весьма вѣжливо благодаритъ краля за предлагаемое содѣйствіе; въ случаѣ нужды она съ полнымъ довѣріемъ обратится къ нему и съ своей стороны предлагаетъ услуги, когда того потребуютъ его интересы. Но этими общими фразами она и ограничивается; о сербскомъ пятисотенномъ отрядѣ умалчивается, о заключеніи военнаго союза нѣтъ ни слова въ отвѣтѣ сербскимъ посламъ. Обѣщаніе Душана обезопасить венеціанскую торговлю, конечно, не могло не нравиться республикѣ. Разсыпаясь и тутъ въ благодарностяхъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ внушительно даетъ понять кралю, чтобы это обѣщаніе не оставалось на словахъ, а дѣйствительно бы приводилось въ исполненіе [2]).

---

[1]) Ibidem. 77.

[2]) ...et quod licet certi reddamur, quod, ut hec intentio regia erga nostros servetur

Такимъ образомъ на первый разъ Венеція отнеслась довольно холодно къ предложеніямъ Душана; она отвѣчала готовностью дружить съ сербскимъ государемъ, но подъ условіемъ покровительства съ его стороны венеціанской торговлѣ, и искусно отклоняла заключеніе какого-либо обязательнаго военно-политическаго союза. Просьбу Душана о присылкѣ въ Сербію довѣреннаго человѣка для заключенія договора между обоими государствами сенатъ обошелъ полнымъ молчаніемъ. Равнымъ образомъ ничего не говорится въ отвѣтѣ объ удовлетвореніи желанія краля—получить венеціанскія галеры для отправки его властелей въ Іерусалимъ. Венеціанцы хорошо поняли, что они для чего-то нужны Душану и, пользуясь принятою имъ на себя приниженностію, видимо хотѣли ему еще болѣе дать почувствовать его зависимость отъ ихъ міроваго, политическаго и торговаго значенія и черезъ то добиться отъ него еще болѣе важныхъ торговыхъ привилегій на славянскомъ Востокѣ. Бѣдный краль долженъ былъ быть благодарнымъ и за то, что ему не было отказано въ венеціанскомъ гражданствѣ, которое было пожаловано ему и его потомству дожемъ Варфоломеемъ Градоникомъ 12 іюня того же 1340 г. [1]).

Въ слѣдующіе два года отношенія между Душаномъ и Венеціею ограничиваются тѣми же мелочными одолженіями. 22 мая 1341 г. краль дружески извѣщалъ дожа Франциска Дандола о присылкѣ довѣренныхъ лицъ, для полученія отъ сербскаго правительства вещей и товаровъ, расхищенныхъ послѣ крушенія венеціанскихъ судовъ, происшедшаго близь сербскихъ портовъ [2]). Съ другой стороны сербскія посольства не переставали являться въ Венецію за покупкою оружія. Мы видимъ ихъ въ маѣ и іюнѣ 1341 г. и въ маѣ 1342 г. Венеціанцы берутъ обычную пошлину (dacium) за эти покупки и не всегда соглашаются на полное удовлетвореніе просьбъ сербскаго краля. Такъ 5 мая 1341 г., разрѣшивъ серб-

efficaciter, providebit, tamen majestatem suam devote exoramus, quatenus nostro intuitu mandet, et sic effectualiter faciat provideri, quod nostri mercatores cum suis rebus eundo et redeundo per regnum, tute, libere, et favorabiliter tractentur. Ibidem. 76.

[1]) Ibidem. 78.

[2]) Ibidem 111.

[3]) Ibidem 111. 118. 144.

скимъ посламъ вывезти оружія, они не позволяли имъ навербовать войска (soldizandi homines). Иногда самый вывозъ оружія обставляется извѣстными условіями. Республика постоянно удерживаетъ за собою видимо импонирующій тонъ по отношенію къ Душану.

Между тѣмъ могущество Душана росло съ каждымъ днемъ. Онъ пользовался смутою, поднятою Кантакузиномъ и все болѣе угрожалъ Византійской имперіи. Это обстоятельство начинало безпокоить Венецію. Ей было не по душѣ усиленіе Сербскаго королевства на счетъ слабой имперіи, не говоря уже о томъ, что перевороты и бѣдствія, которымъ подвергалась Византія, отзывались и на торговыхъ интересахъ Венеціанцевъ [1]). Къ тому же внѣшнія дѣла самой республики не были особенно блестящи. Въ Задрѣ недовольство управленіемъ венеціанскихъ графовъ росло все болѣе и болѣе. Боснійскій банъ, Книнскій князь Нелепичъ и другіе славянскіе князья тѣснили венеціанскія владѣнія на Адріатикѣ; самъ угорскій король все настойчивѣе останавливалъ взоры на возвращеніи Далмаціи подъ свою корону. Все это заставило Венецію смягчить сурово надменный тонъ по отношенію къ Душану и дать бóльшее развитіе своимъ политическимъ интригамъ.

Византійскимъ правителямъ уже стало извѣстно, что Венеція имѣетъ нѣкоторое вліяніе на сербскаго государя. Они обратились къ ней съ просьбою подѣйствовать на Душана такимъ образомъ, чтобы онъ пересталъ поддерживать Кантакузина. Въ іюнѣ 1343 г. Маринъ Венеріо отправился посломъ республики ко двору краля. Онъ долженъ былъ содѣйствовать установленію мира между Сербами и Греками и просить Душана объ оказаніи покровительства „венеціанскимъ владѣніямъ въ Славоніи, которыя притѣсняются боснійскимъ баномъ, княземъ Нелепичемъ и другими баронами Славоніи“ [2]). Посольство было удачно. Душанъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно расходится съ Кантакузиномъ и вступаетъ въ сношенія съ партіею императрицы Анны. Маринъ Венеріо

---

[1]) habentes sapientes respectum, quod omnis novitas et sinistrum, quam et quod subiret ipsum imperium, *toti communitati nostre redundaret in damnum*, ut clare potest quilibet judicare et extat cunctis notorium. Ibidem. II. 164.

[2]) Ibidem. 174. 175. 178.

проектировалъ даже брачный союзъ между сыномъ краля и сестрою византійскаго императора (вѣроятно Андроника Младшаго) [1]), но бракъ этотъ не состоялся. Ходатайство за венеціанскихъ подданныхъ также было принято Душаномъ. 4-го сентября 1343 г. венеціанскій сенатъ, отзывая своего посланника изъ Сербіи, письменно благодарилъ краля за его благорасположеніе къ республикѣ (regraciando sibi de liberali oblatione sua ad gratiam nostram) [2]).

Въ виду опасности, угрожавшей Далмаціи со стороны угорскаго короля, Венеція также принимала дѣятельныя мѣры. Она заключала мирные договоры съ особенно безпокойными хорватскими князьями, Книнскимъ и Скрадинскимъ, разсылала по всей Далмаціи лазутчиковъ, составляла проекты общаго союза всѣхъ венеціано-далматинскихъ городовъ и хорватскихъ князьковъ съ боснійскимъ баномъ и сербскимъ кралемъ [3]); но дѣло не особенно ладилось. Общій союзъ не могъ составиться; только нѣкоторые хорватскіе князья, какъ Младенъ—князь Клисскій, Омишскій и Скрадинскій и Павелъ Островицкій изъявили готовность дѣйствовать сообща съ Венеціанцами [4]). Между тѣмъ Угры уже двигались къ Далмаціи; Книнъ перешелъ въ ихъ руки [5]). Наконецъ въ началѣ августа 1345 г. поднялся Задаръ [6]). Началась продолжительная Задарская война. Въ это время Душанъ, не смотря на нѣкоторое сближеніе съ партіею Палеолога, продолжалъ завоеванія въ Македоніи. Въ октябрѣ 1345 г. мы видимъ его уже обладателемъ Сереса. Подъ вліяніемъ новыхъ успѣховъ мысль о союзѣ съ Венеціей для совокупныхъ дѣйствій противъ имперіи все болѣе занимала его. Затрудненія, возникавшія для республики на Адріатикѣ, подсказывали ему надежду добиться отъ нея согласія на этотъ военный союзъ. По прежнему онъ начиналъ съ предложенія ей своихъ услугъ и предупредительнаго удовлетворенія ея корыстныхъ желаній. Ему какъ бы хотѣлось возможно болѣе обязать,

---

[1]) Ibidem. 192. 193.
[2]) Ibidem. 192.
[3]) Ibidem. 181. 196. 207. 257.
[4]) Ibidem. 268.
[5]) Ibidem. 269.
[6]) Ibidem. 256.

одолжить эту царицу морей и черезъ то уже заполучить ея расположеніе къ себѣ. Въ письмѣ къ дожу Андрею Дандолу, писанномъ 15 октября 1345 г. изъ Сереса, Душанъ, исполняя желаніе Венеціанцевъ, объявляетъ свое согласіе на возобновленіе упомянутаго договора съ Которомъ объ удовлетвореніи венеціанскихъ купцовъ на два года или болѣе, смотря по соглашенію съ Которцами, которымъ онъ не замедлитъ послать соотвѣтствующее предписаніе. Къ этому онъ присоединяетъ увѣреніе, что вообще торговые интересы Венеціи будутъ вполнѣ обезпечены какъ въ Которѣ, такъ и во всѣхъ другихъ частяхъ его государства [1]). Въ заключеніе письма Душанъ дѣлаетъ слѣдующую характеристическую прибавку: „Сверхъ того мы узнали, что городъ Задаръ, увлеченный безразсудною дерзостію, возмутился противъ Васъ. Это обстоятельство не мало огорчило насъ, вмѣстѣ съ тѣмъ мы удивились почему Ваша милость отказала намъ въ извѣщеніи о немъ; *мы вѣдь желаемъ Вамъ славы и могущества, также какъ себѣ,* и понятно, ибо мы — одинъ изъ Вашихъ (et merito, quia unus vestrum); итакъ, если будетъ полезно, чтобы мы послали часть нашего войска, или всѣ наши силы (aut in copiam), не откажите увѣдомить Вашимъ письмомъ, *такъ какъ найдете наше величество въ высшей степени расположеннымъ быть Вамъ полезнымъ*“ (non resservatis vestris litteris intimare, quum revera invenietis majestatem nostram ad vestri beneplacitum fortissime promptiorem) [2]). Отсюда видно, что Душанъ не догадывался о нежеланіи Венеціанцевъ пользоваться его военною помощью, которая могла потомъ сдѣлаться и для нихъ обязательною. Ему хотѣлось непремѣнно навязать имъ свои услуги. Одновременно съ этимъ письмомъ Душана къ дожу было отправлено другое съ Николою Бучемъ, „каморникомъ“ краля (camerarius regius), игравшимъ при немъ роль секретаря. Письмо это такого же содержанія какъ первое; въ немъ только еще въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ говорится о готов-

---

[1]) et sic scribimus Catarensibus antedictis, ut vestri fideles valeant ibidem debito commodius extrahere et habere et non solum illic, sed ubique locorum nostre regie majestatis. Ibidem. 278.

[2]) Ibidem. 279.

ности Душана пожертвовать всѣмъ для блага Венеціи [1]) и о предоставленіи въ распоряженіе послѣдней по первому ея призыву уже сформированнаго, прекрасно вооруженнаго (theothonice jam armatos) отряда въ 500 человѣкъ или болѣе.

Отвѣтъ венеціанскаго сената на это новое, столь трогательное обращеніе Душана, послѣдовалъ 22-го ноября. Положеніе вещей, какъ мы сказали, измѣнилось; измѣнился вмѣстѣ съ тѣмъ и дипломатическій тонъ представителей власти въ республикѣ. Уже одинъ многозначительный титулъ (Stephanus dei gratia Servie, Dioclie, Chilminie, Zente, Albanie et maritime regionis rex, nec non Bulgarie imperii partis non modice particeps et fere totius imperii Romanie dominus), который усвоилъ себѣ Душанъ въ письмѣ къ дожу, долженъ былъ заставить ихъ отнестись съ возможно большимъ уваженіемъ и осторожностію къ предложеніямъ сербскаго государя. Какъ бы то ни было, онъ становился силою, росту которой они должны были если не мѣшать, то хоть не содѣйствовать, а для того нужно было поступать по всѣмъ строгимъ правиламъ политико-дипломатическаго искусства, столь прекрасно выработаннаго ихъ міровою практикою. Иначе можно было обратить эту силу и на себя. Въ своемъ отвѣтѣ [2]) сенатъ трогательно благодаритъ за выраженныя чувства дружбы и Душана, и его каморника, принимаетъ съ признательностію утвержденіе договора съ Которомъ, и съ сердечнымъ расположеніемъ позволяетъ сербскому уполномоченному вывезти изъ Венеціи разнообразнаго оружія на 300 человѣкъ. Отъ предложенной военной помощи онъ на этотъ разъ прямо отказывается, обставляя однако этотъ отказъ самыми деликатными и утонченными увѣреніями въ тѣсной дружбѣ, связывающей свѣтлѣйшаго монарха съ республикою. Она де, когда будетъ нужно, не преминетъ обратиться къ нему (ad serenissimum et excelenten amicum et affinem nostrum charissimum) за такъ обязательно предлагаемою помощію; а теперь де у ней довольно и своихъ силъ сухопутныхъ и морскихъ; такъ что мятежные За-

---

[1]) pronus, promptus et efficax, scio vobis dicere, est se et sua opponere pro vestro reipublice commodo et honore. Ibidem. 279.

[2]) Ibidem. 289.

дарцы, навѣрно, вскорѣ понесутъ заслуженное наказаніе. Изъ венеціанскихъ документовъ видно, что въ ноябрѣ, когда обсуждался отвѣтъ Душану, дѣйствительно были получены изъ подъ Задра довольно удовлетворительныя вѣсти [1]), которыя, пожалуй, въ данную минуту дѣлали лишнею помощь со стороны. Но тѣ же документы показываютъ, какъ республика озабочена была пріисканіемъ себѣ союзниковъ среди мелкихъ славянскихъ князьковъ Хорватіи и Далмаціи и какъ трудно было надѣяться на это скорое усмиреніе мятежнаго города [2]). Не можетъ быть сомнѣнія, что Венеція и на этотъ разъ отвѣчала кралю неискренно, она намѣренно уклонялась отъ принятія его предложенія. Между тѣмъ Душанъ и теперь еще не могъ разгадать истинной причины этой уклончивости. Вскорѣ затѣмъ онъ рѣшается уже безъ околичностей объясниться съ Венеціанцами насчетъ осуществленія своей давнишней мечты.

Въ концѣ февраля 1346 г. [3]) сербское посольство снова явилось въ Венецію. Оно доводило до свѣдѣнія республики о вѣнчаніи Душана царскимъ вѣнцомъ (de coronatione sua in Imperio Constantinopolitano) и предлагало отъ его имени союзъ для овладѣнія византійскою имперіею (pro aquisitione imperii Constantinopolis); вмѣстѣ съ тѣмъ посольство передавало готовность своего повелителя принять на себя посредничество въ дѣлѣ примиренія республики съ Задромъ. Новый царь, очевидно, разсчитывалъ своимъ вмѣшательствомъ уладить венеціанскія дѣла и тѣмъ скорѣе приступить къ совмѣстному исполненію задуманнаго имъ міроваго переворота.

Отвѣтъ (3-го марта) венеціанскаго сената, какъ и слѣдовало ожидать, не оправдалъ этого разсчета. Душану передавалось въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ заявленіе радости республики по случаю его царскаго вѣнчанія и пожеланіе, чтобы еще болѣе уве-

---

1) Ibidem. 286. 287.

2) Не перечисляемъ ихъ здѣсь, потому что они занимаютъ почти всю вторую половину втораго тома сборника венеціанскихъ документовъ Любича. См. также Смирнова Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи съ XII до половины XIV. в. стр. 100 и слѣд.

3) Ibidem. 324

личились его слава и могущество; но при этомъ прямо отклонялись оба его предложенія. Венеціанцы де всегда настроены къ дѣяніямъ, служащимъ къ пользѣ и славѣ его величества, но въ настоящее время они не могутъ согласиться на предлагаемый союзъ: во-первыхъ, потому что сами заняты войною съ Задромъ и, кромѣ того, многими другими дѣлами; а во-вторыхъ, потому что связаны съ Византійскою имперіею клятвенными договорами, нарушеніе которыхъ будетъ преступленіемъ противъ Бога и людей. Посредничество царя по отношенію къ Задру они также не могутъ принять. Это будетъ съ одной стороны безполезно, такъ какъ самъ Задаръ, безъ разрѣшенія угорскаго короля, ни на что не рѣшится, а съ другой и унизительно: Задарцы вообразили бы, что это посредничество вызвано Венеціею, между тѣмъ не ей, всегдашней ихъ повелительницѣ, приходится заискивать у мятежниковъ, а имъ слѣдуетъ вымаливать у нея милосердіе [1]).

Разбирая отвѣтъ республики, только отказъ отъ перваго предложенія мы можемъ признать до нѣкоторой степени правдивымъ безхитростнымъ. Вопросъ ей былъ поставленъ прямо, и обстоятельства давали ей возможность отвѣтить на него прямо, безъ опасенія навлечь на себя негодованіе Душана. Дѣйствительно достаточно прочесть хронику „De obsidione Jadrensi“ и документы въ сборникѣ Любича, чтобы составить понятіе о томъ, какъ тяжелъ былъ для Венеціи 1346 г. Сколько пришлось ей пережить тогда тревогъ и опасеній за свою власть въ Далмаціи, сколько потребовалось усилій для войны съ Задромъ, съ которымъ она не могла ничего подѣлать ни войскомъ, ни флотомъ, ни силою, ни угрозами, ни деньгами: мятежный городъ находилъ поддержку въ Униграхъ и хорватскихъ князьяхъ и стойко держался въ теченіе всего 1346 года. Республикѣ теперь дѣйствительно было не до предпріятій на востокѣ. Душанъ не могъ этого не видѣть. За то не могло не казаться страннымъ, почему, находясь въ такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, Венеціанцы не хотѣли воспользоваться помощью, которую такъ охотно предлагалъ имъ сербскій царь. Вѣроятнымъ остается все тоже объясненіе: они опасались вступать въ военный

---

[1]) Ibidem. 326. 327.

союзъ съ Душаномъ, хотѣли быть съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ для своихъ выгодъ, но никакимъ образомъ не содѣйствовать усиленію его могущества. Тотъ же мотивъ ясно звучитъ въ объясненіи причинъ отказа отъ втораго предложенія Душана. Венеціанцы находятъ щекотливымъ и оскорбительнымъ для своего самолюбія посредничество сербскаго царя въ ихъ распрѣ съ Задромъ; между тѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя они, безъ ущерба своему достоинству, заключаютъ союзъ съ боснійскимъ баномъ, просятъ его помощи и соглашаются, чтобы онъ былъ посредникомъ въ ихъ переговорахъ съ тѣмъ же мятежнымъ Задромъ [1]). Не ясно ли послѣ этого, что въ отвѣтѣ Венеціанцевъ ссылка на неумѣстность посредничества Душана не болѣе какъ пустая отговорка, которою они хотѣли отвязаться отъ назойливыхъ предложеній могущественнаго государя? Будь Душанъ одаренъ дальновидностью государственнаго человѣка, понимающаго ходъ и сцѣпленіе политическихъ событій, и онъ сумѣлъ бы по крайней мѣрѣ на этотъ разъ оцѣнить по достоинству свои отношенія къ такъ привлекавшей его морской державѣ; но у нашего мечтательнаго завоевателя, какъ мы не разъ повторяли, не доставало именно этого важнаго качества. Онъ не понялъ истиннаго смысла отвѣта Венеціанцевъ и вмѣсто того, чтобы прямо порвать съ ними, или по крайней мѣрѣ перемѣнить въ отношеніи къ нимъ унизительно-заискивающую политику на болѣе серьезную и достойную его, какъ независимаго государя, ограничился тѣмъ, что отложилъ свой проектъ союза до болѣе удобнаго времени, продолжая твердо вѣрить въ честность и искренность словъ и дѣйствій ловкихъ и хитрыхъ торгашей. Отношенія между царемъ и Венеціею остаются по прежнему дружественными. Душанъ продолжаетъ свои завоеванія въ Византійской имперіи и обращается къ республикѣ то за оружіемъ, то за военными судами, а республика, хотя и скрѣпя сердце, не можетъ отказать ему въ этихъ бездѣлицахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ старается извлечь для себя болѣе или менѣе важныя выгоды изъ сближенія съ могущественнымъ завоевателемъ.

Въ концѣ іюля того же 1346 г. сербскіе послы снова являются

---

[1]) Ibidem. 398.

въ Венецію съ разными предложеніями, и теперь республика не отказывается принять посредничество царя въ дѣлѣ примиренія ея съ опаснымъ соперникомъ. Если Душанъ увидится съ угорскимъ королемъ, говорилъ сенатъ посламъ, то пусть постоитъ за интересы республики; къ нему непосредственно обратятся за помощью и совѣтомъ венеціанскіе уполномоченные, посылаемые для переговоровъ въ Угрію [1]). Такой образъ дѣйствій Венеціи объясняется тѣмъ, что ея дѣла въ Далмаціи, не смотря на частныя побѣды надъ угорскими войсками, были весьма не блестящи: осада Задра все болѣе затягивалась и обаяніе республики на Адріатикѣ становилось все слабѣе и слабѣе; чтобы не потерять его окончательно, для нея важно было какъ можно скорѣе примириться съ королемъ. Но для посредничества Душана теперь не могло быть мѣста. Король Лудовикъ не принялъ венеціанскаго посольства [2]), а предполагаемое свиданіе двухъ монарховъ тѣмъ менѣе могло состояться. Вниманіе Душана теперь опять было устремлено на юго-востокъ. Венеціанское посольство, въ ноябрѣ того же года отправленное къ сербскому царю, для предотвращенія войны между нимъ и боснійскимъ баномъ, къ которомъ республика разсчитывала имѣть своего союзника, не нашло уже Душана въ Сербіи; онъ былъ далеко въ предѣлахъ Византійской имперіи (invento dicto rege pluribus dietis infra terram in partibus Romaniae) [3]).

Мы упоминали уже, что союза и помощи Венеціанцевъ Душанъ искалъ собственно для осуществленія конечной цѣли своихъ завоевательныхъ стремленій—взятія Цареграда, которое могло быть выполнено только при участіи флота. Но до этого послѣдняго предпріятія еще было не такъ близко. Сербскому завоевателю открывалось еще широкое поле для дѣйствій одному, безъ морскаго союзника. Быть можетъ поэтому онъ отнесся спокойно и къ отказу Венеціи. Прежде чѣмъ продолжать движеніе на востокъ къ столицѣ, онъ рѣшился пріобщить къ своей монархіи остававшіяся еще за Византіею области на югѣ. Это были южный Эпиръ съ

---

[1]) Ibidem. 366.
[2]) Ibidem. 395.
[3]) Ibidem. 408.

Янинною, Акарнанія, Эллинская Влахія и Өессалія. Всѣ эти земли находились подъ управленіемъ родственника Кантакузина Іоанна Ангела [1]). Еще осенью, въ годъ своего вѣнчанія на царство, Душанъ выступилъ въ Эпиръ, сѣверная часть котораго уже раньше была имъ завоевана. Въ теченіе слѣдующаго года вся страна на западѣ отъ Пинда, т. е. Эпиръ, Акарнанія и Этолія вошли въ составъ Сербскаго царства. Обстоятельства, по прежнему, благопріятствовали Сербамъ. Подъ стѣнами Византіи въ это время разыгрывался послѣдній актъ междоусобной войны, передавшей тронъ Константина Великаго Іоанну Кантакузину, а затѣмъ наступили первые годы правлѣнія новаго императора, который не могъ сразу разобраться въ массѣ внутреннихъ и внѣшнихъ затрудненій, вызванныхъ предшествующими печальными событіями, и оказать какую-нибудь помощь своему энергическому родственнику. Византійскіе лѣтописцы почти не сообщаютъ подробностей о завоеваніи этихъ областей. Изъ свидѣтельства т. н. Эпирской хроники можно заключить, что Албанцы, стремившіеся къ занятію южныхъ земель полуострова, составляли главную часть Душанова войска и болѣе всего способствовали покоренію края. При этомъ нашествіи свирѣпыхъ горцевъ греческое населеніе бывшаго деспотства подверглось ужасимъ бѣдствіямъ и массами покидало родную страну [2]). У Кантакузина въ его фантастической рѣчи, съ которою онъ обращался къ Душану во время переговоровъ 1350 г., также находится, хотя несомнѣнно преувеличенное, показаніе того же рода. Онъ упрекаетъ царя за то, что онъ, напавъ съ сильною пѣхотою и конницею на Өессалію и Акарнанію, произвелъ то памятное истребленіе, которое привело Акарнанцевъ къ такому крайнему голоду, что они охотно приходили къ морскому берегу и отдавали себя въ легкую добычу промышляющимъ рабами варва-

---

[1]) См. выпускъ I. 67.

[2]) Историческое сказаніе инока Комнина и инока Прокла о разныхъ деспотахъ Эпирскихъ. Изданіе Гавріила Дестуниса. Спб. 1858 г. стр. 7: καὶ τῶν δύο ἐπαρχίων τὴν ἀρχὴν σφετερισάμενος (Никифоръ II) τῆς Βλαχίας, φημὶ, καὶ τοῦ δεσπότου Αἰτωλίας, καὶ τοὺς Ρωμαίους πάντας ἐξορίστους εὑρών, τοὺς μὲν τῆς Βλαχίας ἐκ τῆς τῶν Σέρβων ἐπιθέσεως τοὺς δὲ τῆς Αἰτωλίας ἐκ τῆς τῶν Ἀλβανιτῶν δυστροπίας καὶ κακογνωμίας.

рамъ: они предпочитали быть лучше перевезенными на чужбину въ вѣчную неволю, нежели тутъ же умереть съ голода [1]). Управленіе Этоліею и Акарнаніею Душанъ поручилъ своему сводному брату Симеону или Синишѣ, предоставивъ ему титулъ деспота. Въ это время въ странѣ уже находилась прежняя ея повелительница деспина Анна Палеологъ, съ дочерью Ѳомандою, такъ настойчиво оспаривавшая власть у Іоанна Ангела. Теперь Синиша женился на Ѳомандѣ; а сама деспина Анна вышла замужъ за царскаго родственника, знаменитаго Іоанна Оливера, теперь носившаго титулъ деспота и прозваніе Комнина. Этотъ Комнинъ былъ поставленъ правителемъ Канины и Бѣлграда, въ Средней Албаніи [2]). Такими браками своихъ вельможъ съ представительницами греческаго владѣтельнаго дома сербскій царь, быть можетъ, хотѣлъ вознаградить мѣстное греческое населеніе за стѣсненія, которымъ оно подвергалось со стороны воинственныхъ Албанцевъ и которыя сдерживать самъ онъ, вѣроятно, былъ не въ силахъ [3]).

---

[1]) Cantacuz. IV. c. 20. p. 147..... εἰς τοσαύτην ἀνάγκην Ἀκαρνᾶνες ἦλθον ὑπὸ τοῦ λιμοῦ ὡς ἑκοντὶ πρὸς τὰ παράλια γινόμενοι, προκεῖσθαι τοῖς ἀνδραποδισταῖς βαρβάροις κέρδος ἄπονον, καὶ δεῖσθαι ἐφ' ἑτέραν γῆν μετενεχθέντας δουλεύειν μᾶλλον διὰ βίου, ἢ ἐν τῷ αὐτίκα διαφθείρεσθαι ὑπὸ λιμοῦ.

[2]) Эпирская хроника. 4—5. Объ Оливерѣ — Комнинѣ см. также прекрасную статью Николаевича Србски Комнени—(*Гласник* XIII. 283—322).

[3]) О времени завоеванія этихъ областей Душаномъ нѣтъ вполнѣ точныхъ извѣстій. См. Cantacuz IV c. 16 p. 113; c. 20 p. 147; Laonic. Chalcocondyl. Ed. Bonn. p. 28. Эпирская хроника. 4—5. Изъ всѣхъ показаній ясно слѣдуетъ лишь то, что это завоеваніе имѣло мѣсто непосредственно за покореніемъ Македоніи и Сереса, что какъ мы знаемъ, относится къ 1345 г. За тѣмъ изъ сочиненія Кантакузина мы почерпаемъ свѣдѣніе, что Этолія и Акарнанія перешли подъ власть Душана прежде чѣмъ непосредственныя владѣнія Іоанна Ангела, т. е. такъ называемая Эллинская Влахія (страна лежавшая по обоимъ склонамъ Пинда, по верховьямъ Воюси, Аспропотама и Селембріи—объясн. Г. С. Дестуниса при изданіи Эпирск. хрон.), занятіе которой произошло въ 1349 г. (p. 147). Наконецъ тотъ же лѣтописецъ прямо относитъ потерю имперіею Акарнаніи еще ко времени междоусобной войны: οὐ περὶ Θεσσαλονίκης μόνον ποιήσεσθαι τὸν λόγον, ἀλλὰ καὶ περὶ τῆς ἄλλης Μακεδονίας καὶ Θετταλίας καὶ Ἀκαρνανίας, ἃς ἔχουσιν οἱ Τριβαλοὶ κατασχόντες ἐπὶ τὸν τοῦ πολέμου χρόνον (p. 113). Все это въ связи съ венеціанскими извѣстіями о походѣ Душана въ предѣлы имперіи въ концѣ 1346 г. и его большихъ вооруженіяхъ въ слѣдующемъ году заставляетъ насъ пріурочить разбираемыя со-

Этотъ новый успѣхъ Душана въ наступательномъ движеніи на югъ не могъ не встревожить Венеціанцевъ. Независимо отъ несочувствія къ созданію новаго сильнаго государства на полуостровѣ, они опасались за остатки Анжуйскихъ владѣній на материкѣ, въ Акарнаніи и Эпирѣ, и на островахъ (Кефалонія, Закинфъ, Левкада, Итака), на которыя сами имѣли виды [1]). Тѣмъ не менѣе въ 1347 г. имъ пришлось снабдить Душана оружіемъ въ весьма значительномъ количествѣ [2]). За эту вынужденную любезность сербскій царь съ своей стороны платилъ немалою цѣною. 1 апрѣля 1348 г. въ письмѣ на имя своего любезнаго друга (amico nostro predilecto) дожа Андрея Дандола, величая себя *царемъ Грековъ* (Stephanus Dei gratia Grecorum Imperator), Душанъ изъявлялъ свое согласіе на новое продолженіе вышеупомянутаго, столь выгоднаго для республики договора съ г. Которомъ [3]). Черезъ нѣсколько дней въ сенатѣ обсуждалось новое предложеніе и новая просьба Царя. Душанъ предлагалъ свое посредничество въ переговорахъ между республикою и угорскимъ королемъ, и просилъ для своихъ надобностей (pro aliquibus sibi incumbentibus possit hinc extrahi facere) три вооруженныхъ галеота [4]). Отношенія между Венеціей и Лудовикомъ угорскимъ оставались по прежнему враждебными. Задаръ долженъ былъ подчиниться республикѣ, но оттого опасенія за потерю Далмаціи отнюдь не уменьшились. Поэтому сенатъ съ удовольствіемъ принялъ посредничество Душана, надѣясь черезъ него скорѣе добиться уступчивости отъ несговорчиваго Лудовика. За то весьма неохотно онъ согласился удовлетворить просьбу царя. Ему были предоставлены просимыя суда (къ тремъ разрѣшеннымъ въ апрѣлѣ потомъ прибавлено было еще одно) [5]), но не было позволено вооружить ихъ въ Венеціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было

бытія ко времени вступленія Кантакузина на престолъ и къ первому году его правленія.

[1]) Hopf Griechenland im Mittelalter—*Encyclop. von. Ersch u. Gruber Bd.* 85. s. 445.

[2]) Ljubić Monumenta II. 453.

[3]) Ibidem. III. 72.

[4]) Ibidem. 75.

[5]) Ibidem. 109.

дано понять, что вовсе не въ обычаяхъ республики оказывать кому-либо подобныя одолженія (quamvis similem gratiam aliquibus de mundo nunquam consueverimus facere, sed pocius contradicere). Очень возможно, что эти суда были нужны Душану для удовлетворенія военныхъ надобностей, въ виду задуманнаго имъ пріобрѣтенія и послѣдней византійской области на западѣ.

Теперь доходила очередь до Эллинской Влахіи и Өессаліи. Безпомощному правителю этихъ областей Іоанну Ангелу не привелось увидѣть завоеваніе ихъ иноземцами. Онъ умеръ вскорѣ послѣ потери Эпира и Акарнаніи. Душанъ спѣшилъ пользоваться этимъ обстоятельствомъ. Любимый его властель Прилупъ съ сильнымъ албанскимъ корпусомъ нагрянулъ на беззащитныя области. Онъ началъ съ Янины и въ непродолжительный срокъ прошелъ всю Өессалію до Птелея. 3-го января 1349 г. Венеція поздравляла царя съ новыми успѣхами и поручала его защитѣ и покровительству Птелей и другія свои владѣнія, которыя теперь соприкасались съ новыми предѣлами сербскаго царства. Прилупъ получилъ титулъ кесаря и поставленъ правителемъ завоеваннаго края [1]. И эти пріобрѣтенія достались Сербамъ безъ особыхъ усилій. Кантакузинъ велъ въ это время жестокую, неудачную для Византіи борьбу съ самымъ опаснымъ ея непріятелемъ — Галатскими Генуэзцами и не могъ думать объ оказаніи какой-нибудь поддержки столь отдаленной отъ столицы, со всѣхъ сторонъ окруженной врагами области, какою была для того времени Өессалія [2]. Душанъ, конечно, придавалъ мало значенія этому обстоятельству и приписывалъ ростъ своего внѣшняго могущества прежде всего своему генію и своимъ силамъ. Безъ сомнѣнія, потому съ каждымъ новымъ успѣхомъ въ немъ все болѣе крѣпла мысль о возможности полнаго завоеванія имперіи. Начало 1349 года въ этомъ отношеніи было особенно счастливо для него. Царь былъ въ упоеніи отъ своей военной славы.

---

[1]) Cantacuz. IV, c. 20 p. 147 Эпирская Хроника 4. Ljubić Monumenta III. 110. Hopf. o. c. 445.

[2]) Cantacuz. IV c. 11, 12. Gregor XVII. cc. 1 — 7. Ср. выпускъ I стр. 99 — 102.

Съ этими внѣшними успѣхами, быть можетъ, не случайно совпало въ томъ же году событіе глубокой важности для внутренней жизни сербскаго государства. 21 мая въ Скопіи состоялся соборъ, на которомъ патріархомъ, архіереями и церковниками съ одной стороны, и царемъ съ властелями съ другой, былъ выработанъ извѣстный „Законникъ" Душана, драгоцѣннѣйшій памятникъ южно-славянскаго законодательства. Этимъ важнымъ дѣяніемъ новый царь, безъ сомнѣнія, хотѣлъ ознаменовать свои послѣднія обширныя завоеванія, подобно тому какъ учрежденіе патріаршества и вѣнчаніе на царство ознаменовали пріобрѣтеніе Македоніи. Теперь слѣдовало бы ожидать, что начнется постепенное внутреннее устроеніе новосозданнаго обширнаго государства, что царь всецѣло займется сплоченіемъ въ одно прочное цѣлое разнообразныхъ элементовъ, только силою оружія поставленныхъ подъ его державу, что вслѣдъ за „Законникомъ", представлявшимъ собственно письменное подтвержденіе дѣйствовавшаго въ жизни обычнаго права, явится цѣлый рядъ узаконеній, которыя точнѣе и лучше опредѣлятъ государственный и общественный строй новаго царства. Между тѣмъ ничего подобнаго не оказалось. Душанъ по прежнему поглощенъ мыслями о постоянно новыхъ и новыхъ завоеваніяхъ, о пріобрѣтеніи Цареграда и не имѣетъ ни времени, ни охоты заняться устройствомъ и обезпеченіемъ и безъ того обширныхъ своихъ владѣній.

Издавъ „Законникъ", онъ въ томъ же году самъ предпринимаетъ движеніе на Солунь, единственный городъ во всей Македоніи, отстаивавшій свою независимость противъ многократныхъ покушеній сербскаго завоевателя. Въ этой бывшей второй столицѣ имперіи, не признававшей теперь и византійскаго правительства, все еще продолжалась анархія. Для овладѣнія ею силою у Душана, какъ мы знаемъ, не было средствъ. По обычаю онъ обложилъ городъ и вступилъ въ дѣятельныя сношенія съ одною изъ партій— Зилотами, которые деньгами, въ изобиліи получаемыми отъ царя, расположили въ его пользу многихъ горожанъ и обѣщали сдать ему городъ [1]). Въ слѣдующемъ году, все болѣе пріобрѣтая увѣ-

---

[1]) Cantacuz. IV. c. 16.

ренность въ прочности своего могущества, онъ дѣлаетъ новую, послѣднюю попытку заключить съ Венеціей наступательный союзъ противъ Византійской имперіи. Но въ томъ и другомъ случаѣ онъ терпитъ полную неудачу. Время успѣховъ Душана въ его стремленіяхъ на юго-востокѣ приходило къ концу. Сдѣланныя имъ въ 1349 г. пріобрѣтенія были послѣдними. Наступалъ періодъ, когда основателю новаго царства приходилось убѣдиться, что при задуманномъ имъ полномъ разрушеніи имперіи ему не всегда придется имѣть дѣло съ беззащитными провинціями и безъ встрѣчъ съ соперниками, что путь къ такъ манившему его Цареграду уже представляетъ цѣлый рядъ серьезныхъ препятствій, которыя преодолѣть у него не хватитъ силъ, и что, слѣдовательно, его грандіозный планъ не осуществимъ. Но это послѣднее обстоятельство сознано было имъ не скоро и не вполнѣ. Онъ ни за что не хотѣлъ отказаться отъ своей мечты, твердо вѣрилъ въ нее, началъ борьбу съ препятствіями, имѣлъ и тутъ частные успѣхи, но ничего уже не могъ прибавить къ тому, что было сдѣлано раньше.

Мнимая союзница Душана—Венеція прежде всего старалась остановить его въ дальнѣйшемъ наступательномъ движеніи на имперію. Усиленіе сербскаго могущества все болѣе озабочивало республику; ея владѣнія на Негропонтѣ и въ Птелеѣ примыкали къ сербскимъ и уже испытывали тягость этого сосѣдства. Кесарь Прилупъ позволялъ себѣ немалыя притѣсненія венеціанскихъ колонистовъ [1]). Это обстоятельство еще болѣе заставляло Венеціанцевъ сдѣлать что нибудь къ задержанію усиленія новаго царства, которому, какъ мы не разъ упоминали, они вообще не сочувствовали. Затѣмъ въ данное время имперія была нужна Венеціи: она готовилась къ войнѣ съ Генуею и ея колоніею Галатою и разсчитывала заключить союзъ съ Іоанномъ Кантакузиномъ. 6-го апрѣля 1349 г. венеціанскій сенатъ предписывалъ своему посланнику, отправлявшемуся въ Сербію по дѣлу объ удовлетвореніи дубровницкихъ и венеціанскихъ купцовъ, постараться склонить

---

[1]) Ljubić. „Monumenta". III. 110. 169. 14 Марта 1350 г. республика писала Душану „pro satisfactione dictorum damnorum (понесенныхъ Птелейцами) et ut illum Prealipo subditum suum corrigat et admoneat taliter, quod in posterum non presumat damnificare nostrates vel adherere damnificantibus eos".

царя къ миру съ византійскими императорами. Въ томъ случаѣ, если бы Душанъ выразилъ согласіе на примиреніе, посланникъ долженъ былъ немедленно снестись съ венеціанскимъ уполномоченнымъ при византійскомъ дворѣ, а въ случаѣ надобности, для скорѣйшаго улаженія дѣла, обязанъ былъ и самъ съѣздить въ Константинополь [1]). Однакожъ эти старанія республики остались безъ успѣха. Душанъ, какъ и слѣдовало ожидать, отклонилъ ея предложеніе. Съ его точки зрѣнія оно не могло не показаться ему страннымъ. Іоаннъ Кантакузинъ въ первый годъ своего царствованія самъ обратился къ нему съ переговорами о мирѣ, и тогда онъ уже не хотѣлъ слышать о какомъ либо соглашеніи [2]). Какимъ же образомъ могъ онъ принять на себя примирительное посредничество теперь, послѣ цѣлаго ряда новыхъ военныхъ успѣховъ, теперь, когда у него окончательно созрѣвала мысль о завоеваніи Цареграда. Воинственныя стремленія положительно брали въ немъ верхъ надъ всякими другими соображеніями. Венеціанскій посолъ уѣхалъ отъ него ни съ чѣмъ, а онъ продолжалъ вооружаться, закупая суда и оружіе у той же республики [3]). Венеціанцы, однако, продолжаютъ свою политику и въ ноябрѣ того же 1349 г. заключаютъ мирный договоръ съ имперіею [4]). Оба эти дипломатическіе шага республики краснорѣчиво указывали Душану, что по отношенію къ Византіи она преслѣдуетъ свои цѣли, рѣзко расходящіяся съ его цѣлями, что столь обязательные къ нему въ разныхъ случаяхъ Венеціанцы никогда не могутъ быть ему помощниками въ исполненіи его замысловъ противъ Цареграда. Но все это и теперь осталось недоступнымъ пониманію нашего завоевателя, который въ своемъ увлеченіи широкою затѣею не умѣлъ дать себѣ отчета въ совершавшихся вокругъ него политическихъ событіяхъ.

---

[1]) Ibidem. 119.

[2]) Cantacuz. IV c. 4. p. 81.

[3]) Ljubić. Monumenta III. 133. Республика, конечно, была недовольна неуспѣхомъ своей миссіи, и быть можетъ выразила это недовольство въ требованіи отъ Душана немедленной уплаты денегъ за суда, и въ отказѣ ему собрать въ Венеціи экипажъ для купленныхъ судовъ.

[4]) Zachariae. Jus graecoromanum. III. 705.

13 апрѣля 1350 г. онъ снова обращается къ Венеціи съ проектомъ союза, повторяя въ немъ тѣже желанія, что и въ первыхъ двухъ проектахъ, но только въ болѣе опредѣленной формѣ. Эти послѣднія предложенія Душана и отвѣтъ на нихъ республики являются весьма любопытными историческими документами. Въ нихъ яркими чертами сказывается противоположность между Душаномъ, съ его политическимъ недомысліемъ, сумасброднымъ преслѣдованіемъ одной фантастической идеи и неразборчивымъ принесеніемъ въ жертву ей интересовъ своего государства—съ одной стороны и Венеціею, съ ея выдержанною умною, искусною политикою—съ другой. Царь всѣ свои предложенія и заискиванія сводитъ къ заключенію тѣснаго союза для совокупнаго завоеванія Цареграда, а республика отклоняетъ этотъ союзъ, но старается сдѣлать это такъ, чтобы сохранить съ царемъ дружественныя отношенія и извлечь изъ нихъ свои выгоды.

Предложенія Душана [1]), изложенныя въ засѣданіи сената чрезвычайнымъ сербскимъ посломъ Михаиломъ Бучею, состояли изъ слѣдующихъ 11 пунктовъ:

1) Послѣ обычнаго привѣтствія слѣдовало предложеніе дожу явиться на свиданіе съ царемъ въ предѣлы Дубровника или Наренты для переговоровъ о важныхъ и серьезныхъ предметахъ (pro aliquibus magnis et arduis pertractandis).

2) Царь просилъ для себя, сына—краля Уроша, царицы и всего своего потомства правъ венеціанскихъ гражданъ.

3) Какъ таковые граждане всѣ они должны пользоваться полною свободою и безопасностію въ Венеціи. Ни царь, никто изъ его семьи не могутъ быть выданы никому въ мірѣ и ни за какія блага міра. Они должны имѣть право пріобрѣтать собственность какъ въ городѣ, такъ и въ земляхъ республики, а равно перепродавать ее по своему желанію.

4) Если случится царю, царицѣ, или сыну ихъ—кралю жить въ

---

[1]) Ljubié „Monumenta" III. 174—176. Въ венеціанской записи объ этихъ переговорахъ Душану приданъ слѣдующій титулъ: .... exposita per nobilem virum dominum Michaelem de Buchia ambaxatorem serenissimi domini imperatoris Raxie et Romaniae, dispoti Larte et Blachíe comitis.

Венеціи, то чтобъ имъ шло отъ республики содержаніе (regalia) соотвѣтствующее ихъ высокому сану.

5) Если дожъ будетъ нуждаться въ людяхъ для войска, царь охотно доставитъ ему по первому требованію и пѣхотинцевъ, и всадниковъ, и моряковъ. Наоборотъ, если царь будетъ вести войну и нуждаться въ людяхъ и судахъ, пусть дожъ обяжется доставить ему то и другое.

6) Такъ какъ царь пріобрѣлъ и завоевалъ 10-ть частей Византійской имперіи (decem partes Romanie imperii Constantinopolitani), кромѣ Константинополя, которымъ не можетъ овладѣть (quam expugnare et subjugare nequit), то чтобы Венеція помогла ему на морѣ людьми и судами. Если затѣмъ удастся взять Царьградъ, царь согласенъ, чтобы все деспотство перешло къ Венеціанской республикѣ, а если она не желаетъ деспотства, то царь обѣщаетъ съ помощью морскихъ силъ дожа напасть на городъ Перу (Галату) и, если овладѣетъ имъ, отдать его Венеціанцамъ [1]). Все это предпринимаетъ царь единственно ради того, чтобы вырвать изъ рукъ узурпатора Кантакузина беззаконно захваченнаго имъ (captivatum) сына Императора (Іоанна Палеолога).

7) Царь проситъ и желаетъ, чтобы какъ ему, такъ и всѣмъ его подданнымъ была предоставлена въ венеціанскихъ владѣніяхъ свободная торговля, безъ уплаты пошлинъ и поборовъ (quod omnes sint liberi et franchi et exempti ab omni datio et angaria); и наоборотъ предоставляетъ въ предѣлахъ своего царства право свободной, безпошлинной торговли гражданамъ и подданнымъ Венеціи.

8) Въ томъ случаѣ, если какой нибудь государь или князь пойдетъ войною на царя, или на сына его—краля, или на земли ихъ, то чтобы республика не оказывала таковымъ ни помощи, ни сочувствія; наоборотъ и царь не будетъ помогать никому на свѣтѣ, кто вознамѣрится напасть на владѣнія республики [2]).

---

[1]) Et si tantum continget, faciente domino, quod dicta civitas subjugetur, vult et contentatur dominus imperator, quod totus despotus sit libere communis Venetiarum et si noluerit despotum, tunc dominus imperator cum auxilio ducalis dominationis per mare offert se facere guerram civitati Pere, et si contigerit, quod subjugetur, quod dicta civitas sit libere communis Venetiarum. 175.

[2]) Item ci contingeret, quod aliquis dominus vel princeps moueret guerram vel veniret super dominum imperatorem, vel dominum regem ejus filium aut supra terras eorum

9) Царь согласно предложенію Венеціи готовъ примириться съ боснійскимъ баномъ, но подъ условіемъ, что тотъ возвратитъ ему захваченныя земли и вознаградитъ за опустошенія, причиненныя имъ сербскимъ подданнымъ.

10) Царь соглашается заплатить убытки, понесенныя однимъ Венеціанцемъ въ Авлонѣ отъ царскаго родственника, для чего посылаетъ съ Михаиломъ Бучею 1,120 иперперовъ.

Наконецъ 11, Буча просилъ о точномъ разсчетѣ по одному денежному дѣлу Которцевъ.

Венеція отвѣчала послѣдовательно на всѣ эти предложенія. На одни изъ нихъ она согласилась съ большою охотою, другія приняла съ оговорками и двусмысленными замѣчаніями, а нѣкоторыя, самыя важныя, безъ стѣсненія отвергла [1]). Свиданіе въ Дубровникѣ или по сосѣдству съ нимъ было наотрѣзъ отклонено, подъ тѣмъ предлогомъ, что дожъ по законамъ республики не можетъ оставлять Венеціи. Царю, царицѣ, кралю Урошу и наслѣдникамъ ихъ съ полною готовностью дано венеціанское гражданство со всѣми его правами; имъ предоставлено безопасное пребываніе въ городѣ, полная свобода дѣйствій, почетъ и проч. На взаимную военную помощь республика изъявила согласіе въ общихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ [2]). Подобнымъ же образомъ давалось увѣреніе, что Венеція никогда не будетъ на сторонѣ враговъ царя: дожъ навсегда сохранитъ истинную любовь и особенное расположеніе къ его царскому величеству [3]). По вопросу

---

quod ducalis dominatio non debeat dare illis talibus auxilium vel fauorem, et sic e converso quod dominus imperator non debeat dare auxilium alicui persone de mundo, qui vel que veniret supra aliquem terram vel locum communis Venetiarum.

[1]) Ibidem, 176—179.

[2]) Ad quintum capitulum de subventione hinc inde prestanda respondetur, quod propter magnam affectionem, quam visus est et videtur ipse imperator habere ad honores ducalis dominii, quandocunque sibi opus esset ipsum dominum imperatorem ducale dominium requiverit in opportunitatibus suis et sic e converso ipse dominus imperator ipsum posset requirere in gratis sibi, quia in quantum decentius posset cum honore et statu suo, esset dispositum eidem amicabiliter complacere. 177.

[3]) . . . . . ymo teneat (Царь) pro constanti, quod ducale dominium ad ipsum semper habere proposuit verum amorem et benevolentiam specialem. 178.

о свободѣ торговли въ отвѣтѣ уклончиво говорится, что царь и его сынъ и подданные ихъ, какъ самые почетные и дорогіе граждане республики, будутъ находить въ земляхъ ея благосклонный и сочувственный пріемъ и обхожденіе. Что же касается безусловной свободы торговли, то собственно говоря она не можетъ быть допущена для Сербовъ, такъ какъ и сами подданные республики не освобождены отъ пошлинныхъ сборовъ, но изъ чувства особенной любви къ его царскому величеству, какъ лучшему другу республики, и здѣсь будетъ исполнено его желаніе [1]). На самое важное, самое роковое для Душана предложеніе объ участіи венеціанскаго флота въ завоеваніи Цареграда послѣдовалъ категорическій отказъ: республика де находится въ дружбѣ съ константинопольскимъ императоромъ, скрѣпленной присагою, обязывающей ихъ соблюдать взаимно между собою ненарушимый миръ. Такимъ образомъ принятіе предложенія царя было бы для нея равносильно нарушенію святости божественнаго закона и униженію собственной чести и достоинства. Посему, прибавлялось въ отвѣтѣ, его царское величество по справедливости можетъ извинить нашъ отказъ [2]). Затѣмъ республика благодарила за удовлетвореніе потерпѣвшаго въ Авлонѣ Венеціанца, обѣщала побудить бапа къ уступкамъ и выражала готовность разобрать дѣло Которцевъ.

Такимъ образомъ самый положительный результатъ, котораго добился Душанъ отъ Венеціи этими своими послѣдними предложеніями, состоялъ въ томъ, что ему со всѣмъ потомствомъ пожалованы были права гражданства республики, обезпечивавшія ему въ

---

[1]) licet de libertatibus et franchisiis, que petuntur pro eis, non possit effectualiter complaceri, cum nostrimet fideles et subditi non sint ab oneribus hujusmodi absoluti; sed ob amorem imperialis culminis pro ipsis fiet sicut subditis et fidelibus cujuslibet principis et carrissimi amici nostri, quem habemus et reputamus dominum imperatorem premissum.

[2]) Ad sextum capitulum, por quod petitur auxilium galéarum pro subjugando imperium Romanie, respondetur, quod nos sumus in treugua cum imperatore Constantinopolitano, per quam inter cetera vinculo sacramenti simus astricti eidem et gentibus suis puram et veram pacem servare; et hic e converso nobis astrictus est; et propterea id facere non possumus sine gravissima dei offensa et violatione sacramenti nostri et derogatione honoris et fame nostre. Quare potest nos serenitas imperialis habere a peticione premissa merito excusatos. 177—178.

случаѣ надобности безопасное убѣжище въ этомъ міровомъ городѣ. Не можемъ не отмѣтить здѣсь, что это исканіе какого-то убѣжища на какой-то случай было со стороны царя не однимъ предлогомъ къ упроченію связей съ Венеціей, но, быть можетъ, вызывалось и дѣйствительною неувѣренностью мечтательнаго завоевателя въ прочности своего положенія. При всѣхъ своихъ удачахъ внѣшнихъ онъ, повидимому, не умѣлъ обезопасить свою неограниченную власть внутри государства отъ оппозиціи властелей, имѣлъ среди нихъ массу недовольныхъ, отъ которыхъ могъ ждать какихъ-либо опасныхъ для себя смутъ, такъ часто встрѣчающихся въ сербской исторіи. Поэтому безусловное согласіе республики на первый пунктъ его предложеній не могло не быть ему пріятно. Уже 25 мая дожъ Андрей Дандоло подписалъ дипломъ на венеціанское гражданство Стефану Душану, величая его здѣсь: Grecorum imperator semper augustus et Raxie rex illustris [1]). Но для республики исполненіе этой просьбы царя было весьма выгодно. Это былъ лучшій и легчайшій способъ—отказывая Душану въ помощи противъ Византіи, все таки засвидѣтельствовать ему свое желаніе поддерживать съ нимъ самыя дружественныя отношенія. Она по прежнему не связывала себѣ рукп никакими обязательствами по военному союзу, а между тѣмъ дѣлала угодное сильному государю, который могъ ей быть полезенъ и котораго имѣть въ числѣ своихъ гражданъ для нея было и лестно, и почетно.

Свободная, безпошлинная торговля между двумя государствами, на которую Венеція выразила свое согласіе, придавъ ему значеніе какого-то особеннаго одолженія, оказываемаго съ ея стороны царю, очевидно представляла болѣе выгодъ первой, чѣмъ послѣднему; ибо Венеціанцы несомнѣнно имѣли больше торговыхъ оборотовъ въ Сербскомъ царствѣ, чѣмъ Сербы въ Венеціи. Льстивою формою своего отвѣта по этому пункту республика хотѣла не болѣе, какъ подсластить Душану горечь отказа на самое главное его предложеніе—идти вмѣстѣ на Царьградъ. Въ послѣднемъ случаѣ ей уже ничего не оставалось, какъ прямо отклонить предложеніе

---

1) Ibidem. 185.

недальновиднаго царя. Походъ на Константинополь представлялся ей весьма рискованнымъ предпріятіемъ. Прежде чѣмъ добраться до столицы восточнаго міра, ей предстояло одолѣть своего постояннаго врага — Геную, имѣвшую свои такіе же хищные виды на востокѣ; но и это одно уже было для нея не легко. Она готовилась къ этой борьбѣ, которая становилась необходимою и, не разсчитывая на свои силы, искала союза съ византійскимъ императоромъ. Затѣмъ она хорошо видѣла, что всякое новое покушеніе на Царьградъ встрѣтитъ еще сильный отпоръ и со стороны Грековъ и со стороны Турокъ. Сдѣланный Венеціей шагъ къ сближенію съ Кантакузиномъ, какъ мы сказали уже, ясно опредѣлялъ политическое положеніе, которое республика собиралась занять въ предстоящихъ событіяхъ на Востокѣ. Только Душанъ не хотѣлъ понять его. Наконецъ вспомнимъ, что Венеціанцамъ теперь дѣйствительно было не до новыхъ предпріятій; кромѣ войны съ Генуей, имъ приходилось быть на готовѣ противъ Угровъ, грозившихъ отнять у нихъ Далмацію. Награда, которую царь сулилъ Венеціи въ случаѣ удачнаго исполненія его грандіознаго плана, не могла особенно манить республику. Она разсчитывала получить ее и другимъ болѣе вѣрнымъ и безопаснымъ путемъ. Галата, въ случаѣ удачной войны съ Генуей, могла достаться ей и изъ рукъ самихъ Византійцевъ, которые рады были избавиться отъ владѣвшихъ ею Генуэзцевъ. Деспотство, подъ которыхъ Душанъ разумѣлъ, безъ сомнѣнія, бывшее деспотство Эпирское, Венеціанцы надѣялись получить и такъ, путемъ своей искусной дипломатіи. У Душана они уже торговали Арту, у Роберта Тарентскаго остатки Анжуйскихъ владѣній, Корфу, Кефалію, Закинфъ, Буѳротонъ. Въ 1350 г. для Арты былъ даже назначенъ дука съ двумя совѣтниками [1]). Дѣло это не уладилось, вѣроятно, потому только, что и Венеція и Душанъ должны были сосредоточить все свое вниманіе на новыхъ войнахъ.

Весьма любопытно, что и этимъ столь яснымъ отказомъ Душанъ не удовлетворился. Черезъ мѣсяцъ онъ снова предложилъ

[1]) Hopf. Griechenland im Mittelalter. *Encyclop. von Ersch u. Gruber*. Bd. 85. p. 445 (Grazie IX fol. 735: Universi Vol. I fol II v. 35 v.).

Венеція оказать ему помощь противъ Византіи, и, конечно, неудачно [1]). На этотъ разъ въ венеціанскихъ источникахъ, къ сожалѣнію, не сохранилась форма, въ которой царь возобновилъ свою просьбу. Занимательно было бы знать, съ какими новыми посулами республикѣ онъ выступилъ въ этомъ послѣднемъ своемъ обращеніи къ ней. Окончательный и категорическій отвѣтъ Венеціи послѣдовалъ 3 мая. Дипломъ на венеціанское гражданство, пересланный Душану въ концѣ того же мѣсяца, долженъ былъ смягчить горечь непріятнаго для него отказа. Но этого было уже недостаточно. Чувство досады, вызванное въ царѣ этою неудачею, было слишкомъ велико, чтобы остаться не выраженнымъ. Только теперь онъ начиналъ догадываться, что отъ Венеціи ему нечего ждать, что всѣ старанія его склонить республику къ союзу напрасны. Если у него еще и оставалась надежда на возможность этого союза въ будущемъ, то въ данное время онъ переживалъ полное разочарованіе, которое не могло не охладить его отношеній къ Венеціанцамъ. Прежнее расположеніе его къ республикѣ кончилось, да и больше не возобновлялось. Послѣдующія событія все болѣе разсѣявали иллюзіи царя, все яснѣе доказывали ему, что сама Венеція не въ состояніи доставить ему столь желаемое имъ обладаніе восточною столицею міра. До полнаго разрыва между ними, какъ и слѣдовало ожидать, теперь не дошло, тѣмъ не менѣе Душанъ все таки далъ почувствовать республикѣ свое негодованіе, хотя и тутъ не сумѣлъ поступить съ должною разсчетливостію и предусмотрительностію. Онъ ограничился тѣмъ, что попугалъ немного Венеціанцевъ; но за то и на себя принялъ бѣду, имѣвшую для него немаловажныя послѣдствія.

Въ сентябрѣ 1350 г. Венеціанцы начали военныя дѣйствія противъ Генуэзцевъ [2]). Около того же времени двинулся въ походъ и Душанъ, но только не на востокъ. Ожиданія его на счетъ Со-

---

[1]) Ljubić Monumenta III 181. .... quod ad ambassatam domini regis Rassie petentis auxilium nostrum contra imperium Romanie, respondeatur cum verbis, quibus pridie responsum fuit alteri ambassatori, et cum aliis, que dominio videbuntur excusando nos a dicta requisitione sua.

[2]) См. выпускъ I. стр. 115.

луни не сбылись. Сношенія съ Зилотами не привели ни къ чему, демократическая партія, сочувствовавшая Сербамъ, была побѣждена союзомъ всѣхъ остальныхъ, которыя рѣшились мужественно отстаивать городъ противъ иноземцевъ и звали на помощь Кантакузина [1]). Вмѣсто того, чтобы попытаться силою овладѣть городомъ, или по крайней мѣрѣ загородить, насколько возможно, доступъ къ нему посторонней военной помощи, нашъ царь совсѣмъ отворачивается отъ востока и со всѣми силами направляется на западъ. Для объясненія такого страннаго образа дѣйствій нужно допустить двѣ причины: Душанъ, повидимому, сознавалъ. что безъ флота и съ Солунью ему ничего не сдѣлать; затѣмъ ему хотѣлось, хотя бы немного, досадить Венеціи, поступить на перекоръ ея желанію. Дѣло вотъ въ чемъ.

Изъ приведенныхъ выше предложеній Душана, сдѣланныхъ республикѣ въ 1350 г. и отвѣтовъ на нихъ мы видѣли, что между сербскимъ царемъ и боснійскимъ баномъ происходили въ это время серьезные нелады. Къ самымъ неладамъ мы обратимся въ слѣдующей главѣ. Здѣсь укажемъ только то, что Венеція была чрезвычайно озабочена, чтобы нелады не перешли въ открытую войну между двумя сосѣдями. Такая война была весьма нежелательна для республики. Она боялась пораженія бана, въ которомъ разсчитывала видѣть союзника себѣ въ борьбѣ съ королемъ угорскимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у ней былъ невольный страхъ за Дубровникъ и другія свои владѣнія въ Далмаціи, на которыя легко и съ полнымъ правомъ могъ обратить свой взоръ властолюбивый Душанъ особенно въ случаѣ побѣды надъ баномъ. Однимъ словомъ, Венеціи хотѣлось, чтобы сербскій завоеватель не переступалъ съ своими дружинами западной границы своего царства. Поэтому-то она употребляла всѣ усилія на то, чтобы примирить царя съ баномъ [2]). Устраненіе главнаго повода къ несогласію, вызванному ограбленіемъ и занятіемъ Босняками нѣсколькихъ пограничныхъ сербскихъ мѣстностей, не могло представить большихъ затрудненій. Въ апрѣльскихъ переговорахъ съ республикою Душанъ выражалъ

---

[1]) Ср. тамъ-же 103. 104.

[2]) Ljubić. Monumenta. III. 119. 177.

готовность возстановить миръ и согласіе съ баномъ, если послѣдній согласится удовлетворить за вредъ, нанесенный имъ Сербамъ. Послѣ очерченныхъ нами предшествовавшихъ отношеній Душана къ Венеціи, столь поражающихъ своимъ заискивающимъ, угодливымъ тономъ, трудно допустить, чтобы царь находилъ для себя невозможнымъ уладить такъ либо иначе дѣло съ слабымъ сосѣдомъ и тѣмъ доставить удовольствіе своей желанной союзницѣ. Между тѣмъ послѣ окончательнаго отказа республики отъ союза противъ имперіи Душанъ видимо обнаруживаетъ упорство и неуступчивость въ своихъ требованіяхъ по отношенію къ бану. 11 іюня того же 1350 г. Венеція послала по одному уполномоченному къ бану и царю для примиренія ихъ [1]). Но посольства не могли добиться успѣха. Въ сентябрѣ Сенатъ снова предписывалъ посламъ употребить всѣ мѣры къ прекращенію распри между сосѣдями [2]). Однако всѣ старанія были тщетны; Душанъ, очевидно, собирался воевать съ Босною. 6 октября отъ республики было послано венеціанскимъ посламъ въ Сербіи приказаніе, чтобы они въ виду дурныхъ намѣреній, предпринимаемыхъ царемъ, не прежде покинули его страну, какъ увѣрятся въ полной безопасности Дубровника, Стона и другихъ владѣній республики [3]). Не ясно ли изъ всего этого, что, устремляясь войною на Босну, Душанъ, между прочимъ, хотѣлъ отплатить Венеціи за отказъ отказомъ и возможно нагляднѣе показать ей свою силу? Безъ сомнѣнія, тутъ были, какъ увидимъ ниже, и другіе мотивы. Такъ, весьма вѣроятно, ему присуще было простое желаніе пожать побѣдные лавры на западѣ, послѣ того, какъ на востокѣ уже начинались нѣкоторыя помѣхи. Но главнымъ мотивомъ оставался первый указанный. Западъ никогда не манилъ къ себѣ Душана; между тѣмъ на имперіи сосредоточивались всѣ его мечты. Если теперь на время онъ бросается въ другую сторону, то именно подъ вліяніемъ неуспѣха своего проекта о союзѣ противъ Византіи. Ему надо было сорвать на комъ-нибудь неудачу своихъ обращеній къ Венеціи, а

---

[1]) Ibidem. III. 189.
[2]) Ibidem. 199.
[3]) Ibidem.

обстоятельства весьма кстати толкали подъ его удары одного изъ друзей республики—бана. Вотъ на него-то и обрушился царь съ обычною своею порывистостью, отбросивъ въ сторону всякія предосторожности относительно востока. Походъ въ Босну дѣйствительно вышелъ тріумфомъ; за то для новопріобрѣтенныхъ областей его царства онъ отозвался весьма чувствительными бѣдствіями.

По свидѣтельству одного весьма достовѣрнаго источника, Душанъ вступилъ въ Босну съ 80,000 войскомъ [1]). Цифра эта для того времени очень большая. Соображая данныя, имѣющіяся о размѣрахъ военныхъ силъ, которыми вообще могъ располагать сербскій царь, нужно думать, что онъ забралъ съ собою почти все, что было разсѣяно въ предѣлахъ его царства. Дѣйствительно Македонія и Албанія остаются теперь совсѣмъ беззащитными [2]). Изъ подъ Солуни войска были отозваны. По городамъ и мѣстечкамъ оставались сербскіе властели съ весьма ничтожными гарнизонами. Въ самой главной крѣпостцѣ, на которую возлагалась оборона страны, въ прекрасно укрѣпленной Верріи сербскій отрядъ, кромѣ наемныхъ Германцевъ, состоялъ всего изъ 1,500 чел. [3]). Этою беззащитностью завоеванныхъ у Византіи земель и думалъ воспользоваться бывшій другъ, а потомъ врагъ Душана, теперь уже носившій императорскую корону, энергическій и предпріимчивый Іоаннъ Кантакузинъ. Оставаясь при высокомъ мнѣніи о прочности своего могущества, Душанъ, повидимому, не ожидалъ для себя съ этой стороны ни малѣйшей опасности. Между тѣмъ новый императоръ уже съ первыхъ дней по вступленіи на престолъ былъ серьезно озабоченъ изысканіемъ способовъ къ задержанію сербскаго царя на пути завоеваній и къ возвращенію имперіи потерянныхъ областей на западѣ. По-

---

[1]) Resti. Chroniche di Raugia: e..portata tutto alla notizia dell' Imperatore di Rascia, il quale aveva già masso guerra al Bano ed era entrato con un esercito di ottanta milla uomini in Bossina.

[2]) Это хорошо видно изъ разказа Кантакузина о событіяхъ, происходившихъ въ этихъ мѣстахъ въ 1350 г., не смотря на замѣтное его стремленіе представить положеніе непріятеля въ возможно лучшемъ видѣ и тѣмъ увеличить славу своихъ военныхъ подвиговъ. Cantacuz. IV. cc. 18. 19.

[3]) Ibidem. Vol. III. p. 124.

пытка склонить его къ миру переговорами не удалась. О борьбѣ своими силами нечего было и думать. Тяжелое, безвыходное положеніе государства не позволяло Кантакузину выставить противъ Душана свои сколько нибудь значительныя войска. За то онъ рѣшился воспользоваться для своихъ плановъ орудіемъ обоюдоострымъ, новою силою, все болѣе пріобрѣтавшею себѣ грозное значеніе на востокѣ. Силою этого, какъ безъ сомнѣнія догадывается читатель, были Турки-Османы, уже оказавшіе Кантакузину большія услуги въ его борьбѣ съ внутренними врагами. Опасность со стороны этихъ союзниковъ императора и просмотрѣлъ Душанъ въ свое время, въ чемъ встрѣчается новое доказательство его недальновидности. Уже въ 1347 г. 10,000 Турокъ, предводимые сыномъ Орхана, Сулейманомъ, сопровождавшіе византійскій отрядъ Матвѣя Кантакузина, грабили и опустошали восточные предѣлы Сербскаго царства [1]). Теперь, получивъ отъ солунскаго патріота Алексѣя Метохиты приглашеніе немедленно спѣшить для занятія Солуни, Іоаннъ Кантакузинъ снова обратился къ Орхану. На этотъ разъ Сулейманъ явился уже съ 20,000. Страшная участь ожидала владѣнія сербскаго царя, еслибъ до нихъ успѣли добраться эти хищныя полчища. Къ счастью, съ половины дороги они были отозваны въ Азію, и вмѣсто сербскихъ опустошили, уже на обратномъ пути, болгарскія земли [2]). Это обстоятельство, впрочемъ, не избавило Сербское царство отъ нашествія варваровъ. Кантакузинъ нашелъ себѣ такихъ же союзниковъ, какъ и покинувшіе его Османы, хотя не столь многочисленныхъ. Это были Турки, только что прибывшіе на 22-хъ судахъ къ берегамъ Македоніи и стоявшіе въ устьяхъ Стримона. При помощи ихъ Кантакузинъ прошелъ до Солуни, былъ признанъ здѣсь императоромъ и очистилъ окрестности города отъ Сербовъ. Одни изъ нихъ изъ страха сами покинули занимаемыя позиціи, другіе были разбиты императоромъ [3]). Такъ начались успѣхи Кантакузина въ Македо-

---

1) Cantac. IV. c. 5. Vol. III. p. 32.

2) Ibidem. p. III. 116. См. Выпускъ I. стр. 104.

3) Cantac. . . . . . Vol. III. 117. 118. τούς τε Τριβαλοὺς τῶν περὶ τὴν πόλιν φρουρίων ἐξήλαυνε, τοὺς μὲν δραπετεύοντας καὶ πρὸ τῆς συμβολῆς, ἐνίους δὲ καὶ μάχαις, πέμπων στρατιὰν. καὶ ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ καθαρὰν ἀπεδείκνυ χώραν πολεμίων.

ніи. Мы не станемъ слѣдить за ходомъ войны, въ концѣ концовъ не имѣвшей особенно счастливаго исхода для Византіи [1]). Въ своемъ очеркѣ исторіи Византіи мы достаточно остановились на важнѣйшихъ фактахъ. Припомнимъ здѣсь только общія черты экспедиціи и внесемъ нѣсколько новыхъ подробностей въ дополненіе къ сказанному.

Пользуясь отсутствіемъ Душана и беззащитностью его восточныхъ владѣній, Кантакузинъ въ теченіе нѣсколькихъ осеннихъ мѣсяцевъ отвоевалъ юго-западную часть Македоніи, всю Вотіею, проникъ въ Албанскія земли и въ Өессалію. Веррія, Едесса, Старидола, Петра, Соско, Дивра, Островъ, Нотія, Ликостомонъ и Кастри—вотъ города которые были возвращены имперіи. Все это довольно легко досталось Кантакузину. Турки были главными дѣятелями. Жестокія опустошенія и насилія ихъ отрядовъ, доходившихъ до царской столицы Скопіи, наводили ужасъ на мѣстныхъ сербскихъ правителей, спѣшившихъ заявить свою покорность императору [2]). Дипломатическія способности Кантакузина, его умѣнье всѣхъ располагать къ себѣ, всюду находить союзниковъ также много объясняютъ его успѣхи. Нѣкоторые изъ Сербовъ являются его старыми знакомыми съ достопамятнаго для него времени пребыванія его при дворѣ Душана и потому уже переходятъ на его сторону. Однимъ изъ такихъ былъ правитель Амфиполя Браянъ (Μπραϊάνης), указавшій Кантакузину на Турокъ, стоявшихъ въ устьяхъ Стримона, какъ на хорошихъ союзниковъ [3]). Затѣмъ царственный лѣтописецъ называетъ двухъ именитыхъ властелей, которые будто бы прямо предлагали ему свое содѣйствіе для войны съ Душаномъ. Это были: родственникъ краля—Хлапенъ, (Χλάπαινος) человѣкъ весьма богатый и имѣвшій въ своемъ распоряженіи значительный военный отрядъ [4]) и Томиславъ или Толиславъ (Τολίσθλαβος), особа менѣе знатная, но также вѣ-

[1]) Cantacuz. 1. IV. cc. 18. 22. Vol. III. p. 118. 165.

[2]) Ibidem. 134: οὕτω πᾶσαι πόλεις κατεσείσθησαν τῷ φόβῳ τότε καὶ προσχωρεῖν ἐβούλοντο ἑκοῦσαι βασιλεῖ πρὶν ἀναρπασθῆναι.

[3]) Ibidem. p. 116.

[4]) Ibidem. 135: στρατιάν τε ἔχων ὑφ' ἑαυτὸν οὐκ εὐκαταφρόνητον καὶ πολλὴν περιουσίαν.

давшая управленіе городами и имѣвшая начальство надъ войсками [1]). Мы не рѣшаемся вполнѣ принять это свидѣтельство Кантакузина. Измѣна со стороны сербскихъ властелей была очень возможна, такъ какъ недовольныхъ правленіемъ Душана въ Сербіи было не мало. Но едва ли названныя лица располагали большимъ количествомъ войска и вообще могли оказать императору дѣятельную помощь. Иначе трудно допустить, чтобы Кантакузинъ отказался воспользоваться ею. Несомнѣннымъ преувеличеніемъ отзывается и все то, что разказывается Кантакузиномъ о безвыходномъ положеніи Скопіи, будто бы изъявлявшей готовность подчиниться императору. Скопія въ это время была уже чисто сербскимъ городомъ, въ которомъ трудно допустить такое тяготѣніе къ Византіи, какое старается приписать ей нашъ историкъ. Не могъ и Душанъ отказать ей въ помощи, если городъ дѣйствительно послалъ за ней въ Босну, какъ утверждаетъ Кантакузинъ [2]). Что нѣкоторые Сербы переходили на сторону Византійцевъ не искренне, а по нуждѣ, это видно изъ примѣра правителя Гинекокастра, нѣкоего Волка или Вука (Βέλκος), который далъ ложную присягу императору, а потомъ примкнулъ къ Душану, когда послѣдній вернулся спасать свои завоеванія [3]). Изъ всѣхъ перечисленныхъ городовъ только Едессу Кантакузину пришлось брать открытою силою. Самый укрѣпленный изъ нихъ Веррія достался ему хитростью, при содѣйствіи одного облагодѣтельствованнаго имъ пастуха. Всѣ остальные города добровольно сдались. Занятіемъ этихъ городовъ собственно и ограничилась военные успѣхи Кантакузина. Попытка его взять неприступную крѣпостцу Сервію, закрывавшую доступъ во внутрь Θессаліи не удалась. Ее оборонялъ самъ правитель страны—любимецъ Душана Прилупъ, столь прославившійся даже у Византійцевъ, своимъ умомъ, неустрашимостью и знаніемъ военнаго дѣла [4]). Главные пособники импера-

[1]) Ibidem: ὁ λοιπὸς δὲ οὐ τῶν πάνυ περιδόξων ἦν, πλὴν κἀκεῖνος ἀρχάς τε πόλεων ἐγκεχειρισμένος καὶ στρατοπέδων ἡγεμονίας, ὄνομα Τολίσθλαβος.

[2]) Ibidem. 133. 134.

[3]) Ibidem. p. 136.

[4]) Ibidem p. 130: ἧς ἦρχε μετὰ τῆς ἄλλης Θετταλίας Πρεάλιμπος τῶν παρὰ Κράλῃ δυνατῶν, ὃς μάλιστα ἐδόκει συνέσει καὶ εὐτολμίᾳ καὶ τῇ περὶ τὰ πολέμια τῶν

тора Турки, вдоволь награбившись въ названныхъ областяхъ, вернулись на свои суда, для поисковъ новой добычи въ новыхъ мѣстахъ. Съ своимъ ничтожнымъ войскомъ Кантакузинъ, понятно, ничего не могъ предпринять. Сперва онъ поспѣшилъ отступить къ Верріи, затѣмъ окончательно вернулся въ Солунь.

Въ это то время, т. е. въ ноябрѣ или декабрѣ 1350 г. явился въ Македонію Стефанъ Душанъ, вызванный изъ Босны тревожными извѣстіями, шедшими изъ юго-восточныхъ предѣловъ его царства. Слѣды турецкаго нашествія должны были произвести на него неприятное впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія и въ виду неоконченности дѣлъ въ Боснѣ, онъ готовъ былъ примириться съ Кантакузиномъ, при чемъ въ основаніе примиренія не оспоримо потребовалъ возвращенія отнятыхъ у него городовъ. Но такъ какъ они ни на чемъ не сговорились [1]), то Душанъ немедленно приступилъ къ военнымъ дѣйствіямъ, которыя кончились вытѣсненіемъ Византійцевъ почти изъ всѣхъ занятыхъ ими мѣстностей въ Македоніи. Для Душана это было не трудно. Войска изъ Босны у него было приведено достаточно и Кантакузинъ, чувствуя свое безсиліе, совсѣмъ отказался отъ активнаго сопротивленія. Оставивъ въ Солуни зятя, Іоанна Палеолога, самъ онъ поспѣшно уѣхалъ въ Царьградъ, гдѣ его ждали уже новыя тревоги и заботы. Тотчасъ послѣ его отъѣзда Душанъ подступилъ къ Едессѣ. Городъ вынужденъ былъ сдаться и подвергся за свое отпаденіе ужасному разграбленію и разрушенію. Георгій Лизикъ, оставленный Кантакузиномъ оборонять Едессу, сдѣлался первою жертвою мести Душана за предшествующія удачи Византійцевъ. На этого храбраго коменданта, получившаго тяжелую рану при оборонѣ города, царь негодовалъ еще за старое пораженіе, понесенное имъ подъ Косторомъ при жизни Андроника. Бѣдному воякѣ, по словамъ Кантакузина, вырвали бороду въ присутствіи Душана и затѣмъ закованнаго отправили въ Скопію. Измученный страданіями отъ раны

ἄλλων προέχειν ἐμπειρίᾳ. У Кантакузина приводится любопытное описаніе неприступныхъ позицій Сербіи и ея укрѣпленій и маловѣроятный разказъ о системѣ обороны, принятой Прилупомъ.

[1]) О самыхъ переговорахъ см. выпускъ I стр. 107. 112.

й нравственными потрясеніями, онъ скончался на дорогѣ [1]). Это произошло уже въ январѣ 1351 г. О томъ, когда и какъ Византійцы должны были вновь очистить занятые ими города въ Македоніи, Вотіэѣ и Θессаліи, у Кантакузина нѣтъ ни слова [2]). Но и это очищеніе несомнѣнно послѣдовало въ очень скоромъ времени. Весною 1351 г. Душанъ уже имѣлъ возможность вернуться на западъ для войны съ Босной [3]). Съ другой стороны, на церковномъ соборѣ, созванномъ въ 1351 г. для осужденія ученія Варлаама и Акиндина присутствовали только θракійскіе епископы, потому что, по словамъ Григоры, кромѣ Θракіи въ это время ни одной области не оставалось за Греками [4]).

Такимъ образомъ успѣхи Кантакузина оказались весьма ничтожными и скоропреходящими. Тѣмъ не менѣе въ глазахъ Душана они должны были имѣть весьма важное значеніе. Теперь предъ нимъ все болѣе начиналъ выясняться длинный рядъ преградъ, которыя закрывали ему дорогу къ столь приглянувшемуся ему Цареграду. Онъ видѣлъ, что Кантакузинъ, окончательно ставъ во главѣ управленія имперіей, при всемъ стѣснительномъ положеніи, въ которомъ онъ находится, обнаруживаетъ такую энергію, такую находчивость, такое умѣнье пользоваться обстоятельствами, что вести борьбу лично съ нимъ будетъ очень не легко. Самое главное, для него теперь открылось, какую громадную силу составляютъ Турки, которыхъ столь искусно дѣлаетъ орудіемъ борьбы противъ своихъ враговъ этотъ, теперь ненавистный ему императоръ. Къ воспоминаніямъ о пораженіи подъ Стефаніаною теперь присоединились печальныя картины разоренія и опустошенія въ Македоніи, нанесеннаго все тѣми же варварами. Но это нашествіе ихъ съ Кантакузиномъ уже было не единственное. Мелкія нападенія и грабежи производились ими въ Македоніи и Θессаліи

---

1) Cantacuz. IV. c. 22. Vol. III. p. 161. 162.

2) У современника Кантакузина—Никифора Григоры нѣтъ никакихъ упоминаній объ этой войнѣ между Душаномъ и Византійцами.

3) Resti Chroniche di Raugia подъ 1351 г.

4) Niceph. Gregorae. XVIII. c. 3 p. 883. κἀπειδὴ Θρᾴκης ἐπέκεινα πλείων οὐκ ἦν ἐπαρχία Ῥωμαίοις, μόνους τοὺς Θρᾳκικοὺς εὐθὺς μεταπέμπεται (т. е. Καντακουζηνὸς) ἐπισκόπους...

также часто какъ во Ѳракіи [1]). Изъ послѣдней должны были доходить до Душана особенно тревожныя извѣстія о постоянныхъ движеніяхъ турецкихъ полчищъ по этой странѣ и ихъ нападеніяхъ на сосѣднюю Болгарію. Изъ всего этого вмѣстѣ необходимо создавалось представленіе о Туркахъ, какъ страшной силѣ, которая свободно хозяйничала на полуостровѣ, отъ которой каждому приходилось оберегать свое достояніе, и столкновенія съ которою нельзя было избѣжать при дальнѣйшемъ движеніи къ столицѣ восточно-православнаго міра. Наконецъ теперь сербскій царь могъ, такъ сказать, во очію убѣдиться въ невозможности получить отъ Венеціи когда-либо и какую-либо помощь, направленную противъ имперіи. Еще въ то время, когда Кантакузинъ занялъ Солунь, Венеціанцы приглашали его принять участіе въ войнѣ съ Генуей. Въ 1351 и 1352 г. они уже открыто являются союзниками [2]). Вотъ когда только Душанъ могъ сознать всю безполезность своихъ продолжительныхъ ухаживаній за умною и практическою республикою!

Всѣхъ этихъ противопоказаній, однакожъ, оказалось еще недостаточно, чтобы остановить нашего завоевателя въ его неудержимомъ стремленіи къ обладанію всею Греческою имперіею. Онъ слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ политическихъ мечтаніяхъ и слишкомъ долго останавливался на нихъ, чтобы вдругъ отказаться отъ нихъ. Попытаться такъ либо иначе осилить воздвигнутыя на его пути преграды ему кажется обязательнымъ для него. И вотъ, мы видимъ, Душанъ снова сосредоточиваетъ все вниманіе на юго-востокѣ, то онъ погружается въ тайные планы и политическія комбинаціи, то выступаетъ съ вооруженною силою. Но вездѣ и во всемъ его преслѣдуютъ однѣ неудачи.

Первая свѣтлая мысль, озарившая Душана, состояла въ томъ, чтобы подружиться съ Турками-Османами и, такимъ образомъ отвлекши эту грозную силу отъ Кантакузина, перетянуть ее къ себѣ. Способъ, какъ лучше это сдѣлать, открывался ему въ недавнемъ примѣрѣ самого византійскаго императора, пожертво-

---

1) Greg. XVI. c. 6. 7. p. 835. XXVI. c. 33. Vol. III. p. 99.

2) См. выпускъ I стр. 115. 118.

вавшаго родною дочерью ради снисканія дружбы и помощи тѣхъ же Турокъ. Онъ смотрѣлъ на себя какъ на могущественнаго царя, по чести и достоинству не уступавшаго императору, незаконно занимавшему цареградскій престолъ, и разсчитывалъ, что родственный союзъ съ нимъ, какъ таковымъ монархомъ, повелитель невѣрныхъ признаетъ для себя весьма почетнымъ и выгоднымъ, что̀ безъ сомнѣнія и поведетъ къ взаимному между ними расположенію. Такъ было имъ задумано, такъ было и поступлено. Въ 1351 г. послы сербскаго царя предстояли предъ Орханомъ, просили его о заключеніи договора и предлагали царскую дочь въ супружество одному изъ сыновей верховнаго главы Османовъ [1]). Варваръ сочувственно принялъ предложеніе и отправилъ уже пословъ къ царю какъ для заключенія договора, такъ и для рѣшенія вопроса о бракѣ. Но имъ не суждено было доѣхать до мѣста назначенія. Кантакузинъ и тутъ сумѣлъ разстроить дѣло, хотя и съ большимъ пожертвованіемъ для себя и имперіи. Турецкіе уполномоченные, ѣхавшіе въ сопровожденіи сербскихъ пословъ, близъ Родоста подверглись нападенію со стороны зятя Кантакузина, бывшаго деспота эпирскаго Никифора. Одни изъ нихъ были убиты, другіе взяты въ плѣнъ, а находившіеся при нихъ богатые дары захвачены разбойниками. Этотъ дерзкій поступокъ привелъ въ страшное негодованіе Орхана. Онъ порвалъ съ Кантакузиномъ, подвергнулъ жестокимъ опустошеніямъ Ѳракію и угрожалъ самому Константинополю [2]). Кантакузинъ перенесъ всю эту бурю, но въ концѣ концовъ достигъ своей цѣли. О возобновленіи сношеній Душана съ Орханомъ нѣтъ болѣе извѣстій; между тѣмъ византійскій императоръ, черезъ годъ послѣ этого случая, снова является въ дружбѣ съ Турками [3]). Такимъ образомъ и здѣсь сербскій царь не могъ соперничать съ ловкимъ и умнымъ Кантакузиномъ.

---

[1]) Gregor. 1. XXVI. c. 84. Vol. III. p. 100: πρεσβείαν ὁ τῶν Τριβαλῶν πρὸ βραχέος ἡγεμὼν ἐπεπόμφει, πρὸς γάμου ζητῶν κοινωνίαν συνάψαι τὴν ἑαυτοῦ θυγατέρα τῶν τοῦ Ὑρχανοῦ τούτου παίδων ἑνί...,.

[2]) Gregor. XXVI. cc. 52. 53. 54.

[3]) Выпускъ I, стр. 120. 123. 125. О дальнѣйшей участи дочери Душановой, упоминаемой единственно въ вышеприведенномъ мѣстѣ исторіи Григоры, не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

Посольство Душана къ Орхану съ указанными цѣлями составляетъ весьма характерное событіе разсматриваемой эпохи. По поводу его мы позволимъ себѣ сдѣлать одно небольшое замѣчаніе. Въ нашей и западно-европейской исторической литературѣ, посвященной византійской имперіи, довольно прочно установился взглядъ, по которому на Іоанна Кантакузина взваливается вся отвѣтственность за первоначальное утвержденіе Турокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Обыкновенно представляютъ дѣло такъ, что этотъ несчастный императоръ призваніемъ варваровъ противъ своихъ личныхъ и государственныхъ враговъ первый указалъ и проложилъ имъ дорогу въ Европу. Сербскіе историки, которыхъ воззрѣнія перешли и въ школьные учебники, особенно рѣзко оттѣняютъ это призваніе варваровъ противъ Душана, который такимъ образомъ изображается борцемъ противъ ислама, защитникомъ интересовъ всего восточно-православнаго міра. Въ своемъ „очеркѣ Византіи“ мы старались доказать всю несправедливость и односторонность такого взгляда. Изъ собранныхъ нами историческихъ свидѣтельствъ, по нашему мнѣнію, достаточно выясняется, что и безъ Кантакузина, Турки сами по себѣ своими постоянными набѣгами проложили себѣ путь къ завоеванію Ѳракіи; что успѣхамъ и безнаказанности ихъ нашествій содѣйствовало печальное внутреннее положеніе Греко-славянскаго міра; что, наконецъ, ни у одного изъ политическихъ дѣятелей разныхъ государствъ и народовъ, дѣйствующихъ въ данное время въ предѣлахъ этого міра, не видно ни малѣйшаго сознанія грозной опасности отъ надвигающейся мусульманской силы; никто изъ нихъ не предпринимаетъ серьезныхъ мѣръ для задержанія этой силы; напротивъ, всѣ стараются вступать съ нею въ компромиссы для узко-эгоистическихъ цѣлей, такъ что Кантакузинъ въ этомъ отношеніи не представляетъ особаго исключенія. Въ самомъ дѣлѣ, если неоспоримо, что Кантакузинъ устанавливаетъ тѣсныя связи съ Турками, усиленно пользуется ихъ помощью, то съ другой стороны, мы видимъ, что мыслью о такомъ же союзѣ съ варварами заняты и Венеціанцы и Генуэзцы, эти привелигированные защитники христіанства противъ исламизма. Достаточно вспомнить генуезско-венеціанскую войну 1351 и 1352 г., когда противники на-перерывъ засыпали

Орхана дорогими подарками, чтобы добиться отъ него желаемой военной помощи [1]). Совершенно такое же отношеніе къ Туркамъ замѣчается и со стороны нашего Душана. Приведенное свидѣтельство Никифора Григоры устраняетъ возможность признать какое либо основаніе въ сербскомъ взглядѣ, приписывающемъ первому сербскому царю какую-то сознательную борьбу съ невѣрными. Въ отношеніи глубины пониманія совершавшихся политическихъ событій Душанъ отнюдь не стоялъ выше другихъ своихъ современниковъ. Никакого особеннаго политическаго провидѣнія у него не было. Онъ видѣлъ и чувствовалъ тягость турецкихъ нашествій, но о какой либо организованной систематической борьбѣ съ варварами не помышлялъ, столкновенія его съ ними были чисто случайныя. Напротивъ, онъ искалъ союза съ ними, разсчитывая этимъ съ одной стороны обезопасить свои владѣнія отъ опустошеній, а съ другой—имѣть помощь противъ Византійцевъ. Дѣло только въ томъ, что ему не удалось осуществить этотъ союзъ что̀, безъ сомнѣнія, не могло его не огорчать. Никто, конечно, не станетъ совершенно оправдывать и Кантакузина; нельзя снять съ него всей вины за печальныя событія, приведшія къ утвержденію Турокъ въ Европѣ, но не нужно забывать, что и не одинъ онъ виноватъ. И Стефанъ Душанъ быть можетъ также водилъ бы съ собою турецкія полчища по полуострову, какъ водилъ ихъ Кантакузинъ, если бы послѣдній не предупредилъ его и не помѣшалъ ему сойтись съ Орханомъ. Такое ужъ было тогда тревожное, безпорядочное время!

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ Душанъ былъ занятъ мыслью о союзѣ съ Орханомъ, въ его головѣ складывался планъ вмѣшательства въ усобицы, вновь угрожавшія вспыхнуть въ Византійской имперіи. Партія Палеологовъ, отстаивавшая права обиженнаго юнаго императора, пользуясь неудачею Кантакузина во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ, готовилась къ открытому возстанію. Этимъ случаемъ и думалъ воспользоваться сербскій царь. Принимая сторону Палеолога, онъ разсчитывалъ тѣмъ легче проникнуть во Ѳракію, тѣмъ скорѣе найти возможность къ нападенію

[1]) Gregor. XXVI. c. 17. c. 83. Ср. также выпускъ I, стр. 118.

на Царьградъ. Уѣзжая въ началѣ 1351 г. изъ Македоніи Іоаннъ Кантакузинъ оставилъ въ Солуни Іоанна Палеолога. Приверженцы царевича тотчасъ же по его отъѣздѣ вступили въ сношенія съ Душаномъ. Вскорѣ затѣмъ онъ и самъ вступилъ въ переговоры для чего пріѣхалъ вмѣстѣ съ женою въ окрестности Солуни. Всѣхъ подробностей переговоровъ не сохранилось [1]). Но суть дѣла состояла въ томъ, что сербскій царь предлагалъ Палеологу свое содѣйствіе въ его борьбѣ съ тестемъ, а Палеологъ долженъ былъ за это отослать въ Сербію свою жену Елену, дочь Іоанна Кантакузина и жениться на свояченицѣ Душана, несовершеннолѣтней сестрѣ болгарскаго царя Александра [2]) Изъ того, что Душанъ предлагалъ въ супружество императору свояченицу, а не дочь, нужно думать, что послѣдняя въ это время была уже просватана за одного изъ сыновей Орхана. Не трудно понять всю глубину замысловъ, которые скрывались въ этомъ предложеніи царя. Онъ хотѣлъ не только съ фактической, но и съ правовой стороны облегчить себѣ пріобрѣтеніе полнаго обладанія имперіею. Но и этотъ проектъ постигла такая же печальная участь, какъ и турецкій. Въ самую рѣшительную минуту въ Солунь прибыла императрица Анна, присланная Кантакузиномъ и успѣла на столько повліять на сына, что онъ прервалъ сношенія съ Душаномъ [3]). Палеологъ

---

[1]) Кантакузинъ (IV. c. 27. p. 201. 209) передаетъ ходъ сношеній въ такомъ порядкѣ. Душанъ подкупами и подарками старался привлечь на свою сторону лицъ, окружавшихъ Палеолога. Уступая совѣтамъ этихъ лицъ, Палеологъ посылаетъ наконецъ уполномоченныхъ къ царю съ просьбою о помощи. Тогда-то Душанъ съ супругою явился къ Солуни и уже заключилъ самый договоръ. Въ чемъ состояли условія договора, нашъ историкъ ничего не говоритъ. Григора (XXVII c. 27. Vol. III. p. 148), иниціативу сношеній прямо приписываетъ Душану.

[2]) Niceph. Gregor. XXVII. c. 27. p. 148: χρόνον οὖν τινὰ τῷ κράλῃ Σερβίας ἐπιτιθεμένῳ καί ἀπειλοῦντι μεγίστους αὐτῷ περιστήσειν κινδύνους, εἰ μὴ κήδους ἕνεκα πρὸς συγγενῆ φιλίαν αὐτῷ συναφθείη κρατίστῳ καὶ πρὸς τὰς περιεστηκυίας αὐτῷ συμφορὰς ἐσομένῳ συμμάχῳ, πέμπει δεξιὰν ὀψὲ καὶ μόλις ἤδη διά ταυτί, καὶ κυροῦται πρὸς ἀμφοῖν δόντα οἱ τὸν Παλαιολόγον, εἰ ῥᾴδιον εἴη, ὅμηρα τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα Ἑλένην διὰ τὰς ἐκ γένους ταύτης ἐπιβουλάς, ἀγαγέσθαι τὴν τοῦ Κράλη γυναικαδέλφην, νέαν τε οὖσαν ἔτι κἀκείνην καὶ ἅμα ἀδελφὴν τοῦ τῶν Μυσῶν ἡγεμόνος Ἀλεξάνδρου. Ibidem. XXVII. c. 52 p. 169. Ср. также Parisot. Cantacuzène homme d'elat et historien. 264.

[3]) Greg. XXVII c. 28 p. 149. Cantac IV. c. 27. p. 207. 208.

на время примирился съ Кантакузиномъ и уѣхалъ въ Византію. Къ этой новой неудачѣ царь отнесся весьма сдержанно. Угрозы которыми онъ, по словамъ Григоры [1]), старался принудить Іоанна Палеолога къ переговорамъ, остались невыполненными. По разсказу Кантакузина, Душанъ и его супруга со стыдомъ оставили окрестности Солуни. Дѣйствительно, мы не видимъ съ его стороны ни малѣйшаго проявленія негодованія. Онъ не возобновляетъ осады города, не предпринимаетъ никакого новаго движенія во Ѳракію. Очевидно, первое онъ считалъ безполезнымъ, не находя возможности овладѣть прекрасно защищенною Солунью, а второе въ данное время находилъ для себя слишкомъ рискованнымъ. Это былъ первый результатъ впечатлѣній, оставленныхъ событіями 1350 г. Прежняя самонадѣянность царя начинала замѣняться осторожностію. Онъ рѣшился выждать, когда мнимое согласіе между императорами-соперниками нарушится и тогда уже попытать счастья вооруженною рукою. Случай къ тому представился уже въ слѣдующемъ году.

Осенью 1352 г. междоусобная война въ Византійской имперіи была уже въ полномъ разгарѣ. Халкидика и долина Марицы подвергались жестокимъ опустошеніямъ по очередно то одной, то другой враждующей стороны. Наконецъ Кантакузинъ при помощи турецкихъ отрядовъ всюду начиналъ брать верхъ надъ зятемъ [2]). Палеологъ, однако, не терялъ надежды на успѣхъ. Онъ укрѣпился въ Димотикѣ и отсюда уже самъ рѣшился обратиться за помощью къ Сербамъ и Болгарамъ. Душанъ, конечно, охотно принялъ предложеніе императорскихъ пословъ, но съ своей стороны поставилъ условіе, чтобы Іоаннъ Палеологъ взамѣнъ сербскаго военнаго отряда прислалъ ему въ заложники своего брата деспота Михаила Палеолога. Когда на это послѣдовало полное согласіе императора и деспотъ Михаилъ прибылъ къ сербскому двору, царь отправилъ

---

[1]) XXVII. c. 52. p. 169. Іоаннъ Палеологъ въ рѣчи къ Иринѣ Кантакузиной говоритъ, что ему со стороны Душана было предложено одно изъ двухъ: ἢ γυναικὸς διὰ τὰς μεταξὺ τύχας ἔρημον ἤδη με ὄντα τὴν ἐκείνου γυναικαδέλφην ἀγαγέσθαι τε γυναῖκα καὶ σώζεσθαι μετὰ τῆς πόλεως, ἢ συναπαχθῆναι τῷ τῆς ἐκείνου θαλάττης κύματι βιαιότερον ἐπιτίθεσθαι τῇ πόλει μέλλοντος.

[2]) Выпускъ I стр. 122. 125.

въ распоряженіе Палеолога одного изъ своихъ воеводъ *Каснеца Бориловича* (Κασνιτζὸς Μπορiλοβίκης) съ семитысячнымъ коннымъ отрядомъ [1]). Такимъ образомъ и на этотъ разъ Душанъ не выходитъ изъ предѣловъ осторожности. При всей заманчивости, какую представляло для него завоеваніе Ѳракіи и Константинополя, онъ не рѣшается двинуться самъ со всѣми войсками на соединеніе съ Іоанномъ Палеологомъ, а ограничивается отправкою одного воеводы. Очевидно, онъ не былъ вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ дѣла; Турки подъ предводительствомъ Кантакузина казались ему страшною силою, а исходъ неизбѣжнаго столкновенія съ нею слишкомъ гадательнымъ, чтобы ради его ставить на карту судьбу своего царства. Поэтому онъ хотѣлъ только сдѣлать попытку вооруженнаго вмѣшательства; въ случаѣ удачи ея заложничество Михаила Палеолога обезпечивало бы ему направленіе конечной развязки византійскихъ смутъ въ ту сторону, въ какую ему будетъ нужно согласно съ его планами. Такія мысли и соображенія могли руководить нашимъ царемъ въ его образѣ дѣйствій по отношенію къ даннымъ обстоятельствамъ. Какъ бы то ни было, но разсчетъ Душана на удачу этой уже послѣдней попытки проложить дорогу къ Цареграду оказался также несостоятельнымъ. Сербскій отрядъ погибъ въ жестокомъ побоищѣ съ Турками, прежде даже чѣмъ успѣлъ сдѣлать что-нибудь для Іоанна Палеолога, а не только что для своего государя. Вотъ какъ было дѣло.

Сербскій отрядъ, предводимый Каснецомъ Бориловичемъ, и Болгаре, присланные царемъ Александромъ, прибыли къ Димотикѣ въ то время, какъ Іоаннъ Палеологъ уѣзжалъ въ Эносъ. Встрѣтившись съ нимъ на дорогѣ, они получили отъ него приказаніе съ выдѣленною имъ частью греческаго войска напасть на крѣпостцу Эмпиѳій (τὸ Εμποθίου φρούριον), принадлежавшую Кантакузину. Въ

---

[1]) Cantacuz. IV. c. 34. Vol. III. p. 246. Григора цифру отряда даетъ всего въ 4,000. XXVIII c. 7 p. 181. Кантакузинъ, безъ сомнѣнія, лучше могъ знать дѣло; но очень возможно, что онъ нѣсколько преувеличиваетъ число враговъ, чтобы придать больше значенія послѣдующей побѣдѣ надъ ними своихъ союзниковъ — Турокъ. Въ общихъ чертахъ разказъ объ этомъ участіи Сербовъ въ византійской усобицѣ сходенъ у обоихъ историковъ, хотя у Кантакузина гораздо болѣе подробностей, чѣмъ у Григоры.

намѣреніи двинуться на слѣдующее утро въ назначенный походъ, славянскіе союзники императора, безъ особыхъ предосторожностей расположились стоянкою на берегу р. Марицы, не далеко отъ Димотики. Лагерь болгарскій стоялъ ближе къ городу, чѣмъ сербскій и отдѣлялся отъ послѣдняго значительнымъ разстояніемъ. Ни тѣ, ни другіе не чуяли, что по сосѣдству съ ними находится опасный врагъ. Между тѣмъ въ тотъ же день, къ той же Марицѣ направлялся конный отрядъ въ десять—двѣнадцать тысячъ всадниковъ, стройныхъ, прекрасно вооруженныхъ, на хорошихъ коняхъ. Это были Турки, предводимые храбрымъ сыномъ Орхана Сулейманомъ, вызванные Кантакузиномъ изъ Азіи для борьбы съ Палеологомъ и приглашенными имъ славянскими дружинами. Они только что переправились черезъ Геллеспонтъ, спѣшили къ императору въ Адріанополь и на ночь расположились лагеремъ на берегу той же р. Марицы. Такимъ образомъ на слѣдующее утро произошла неизбѣжная и неожиданная встрѣча враговъ. Болгаре, при видѣ стройныхъ, стремительныхъ турецкихъ всадниковъ, поспѣшно обратились въ бѣгство по направленію къ Димотикѣ и благодаря близости города успѣли во время укрыться въ немъ. Сербы же и находившіеся съ ними Греки рѣшились принять бой съ варварами. Условія оказались весьма неравными. Турки превосходили Сербовъ числомъ, были лучше вооружены, имѣли подъ собою быстроходныхъ и выносливыхъ коней, между тѣмъ Сербы и не были приготовлены къ бою, и на своихъ неповоротливыхъ лошадяхъ не могли маневрировать противъ непріятеля [1]). Къ этому присоединилось еще полное незнакомство Сербовъ съ мѣстностію и съ военными обычаями Турокъ [2]), дѣйствовавшихъ съ особеннымъ искусствомъ. При

[1]) ....μεταπέμπεται λάθρα ξύν γε σπουδῇ τὴν βαρβαρικὴν τοῦ Ὑρκανοῦ δύναμιν ἐμπαράσκευόν τε καὶ μάλα τι εὔοπλον........ οἱ δὴ (т. е. Турки)....... πρὶν αἰσθέσθαι Τριβαλούς, ἅμα τῷ πλησίον εἰς Διδυμότειχον ἥκειν ἐπεισπίπτουσιν ἐξαίφνης ἀόπλοις, πρὶν τὸν ἐκ τῆς ὁδοῦ μόχθον γοῦν ἀποτινάξασθαι. Gregor. XXVIII. c. 7 p. 181. ἐπὶ πεδία γὰρ τραπόμενοι βαθέα καὶ γυμνὰ καὶ οὐδεμίαν ἔχοντα καταφυγὴν καὶ ἵπποις φαυλοτάτοις χρώμενοι (Сербы) οἱ μὲν ἔθνησκον οἱ δ'ἡλίσκοντο........ ἐκ διαμέτρου γὰρ οἱ τῶν βαρβάρων ἵπποι τοῖς ἐκείνων θέειν τέ εἰσι ταχύτατοι καὶ πρὸς πόνους ἐξησκημένοι. Cantacuz. IV. c. 34. p. 249.

[2]) Gregor. XXVIII. c. 7. p. 181.: τῶν γὰρ Θρακικῶν τόπων παντάπασιν οὖσιν ἀήθεσι τοῖς Τριβαλοῖς, καὶ ἅμα ἀπείρως ἔχουσι τῶν βαρβαρικῶν ἐξαίφνης ἐφόδων... Cantac. IV

такомъ положеніи дѣла сопротивленіе, понятно, было не продолжительно. Сербы были смяты стремительнымъ натискомъ Турокъ и разсѣялись по открытому обширному полю, раскинувшемуся вдоль берега Марицы. На дорогу къ Димотикѣ они не могли попасть, а между тѣмъ на голомъ полѣ нѣтъ ни лѣска, ни даже деревца, словомъ никакого прикрытія—и вотъ началось безпощадное истребленіе всего сербскаго отряда. Тѣ, кто не успѣли сложить головы на кровавомъ полѣ, были взяты въ плѣнъ. Самъ Каснецъ Бориловичъ съ нѣсколькими удальцами едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Изъ Грековъ многіе также погибли въ бою, но нѣкоторая часть ихъ нашла возможность укрыться въ Димотику. Турки съ торжествомъ явились въ Адріанополь. Послѣ того они опустошили Болгарію и снова вернулись въ Азію. Сербскіе плѣнники, лошади и великолѣпныя повозки (ἁρμάτων πολυτελῶν) составляли украшеніе турецкой добычи, переправленной за Геллеспонтъ [1]).

Послѣ сказаннаго нами о разочарованіи, которое въ это время постепенно овладѣвало Душаномъ въ его увлеченіи завоеваніями на юговостокѣ, не трудно понять какое тяжелое впечатлѣніе должна была произвести на него эта несчастная битва, послужившая предвѣстницею Коссова и второй Марицы. Съ трудомъ спасшій свою жизнь Каснецъ Бориловичъ могъ живо познакомить своего государя съ тѣмъ, что именно представляли изъ себя могущественные Турки-Османы, теперь игравшіе на полуостровѣ роль не только уже постоянныхъ посѣтителей, но и весьма развязныхъ хозяевъ. Мрачная картина гибели всего сербскаго отряда невольно дѣйствовала поражающимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отрезвляющимъ образомъ на замечтавшагося завоевателя. Вѣсти о жестокомъ опустошеніи Болгаріи, куда Турки вторглись послѣ побѣды надъ Сербами, только усиливали такое впечатлѣніе отъ разказовъ Бориловича. Теперь для Душана было уже яснѣе бѣлаго дня, что при всѣхъ внутреннихъ неурядицахъ, которыми продолжала раздираться Византійская имперія, пути къ Цареграду для него совсѣмъ закрыты. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ возможно было какое-либо соперничество

c. 34. p. 249: ὀλίγα δὲ ἀντισχόντες πρὸς πλείους καὶ βελτίους, ἡττῶντο κατακράτος ἀπειρίᾳ δὲ τῶν τόπων ἅμα δὲ καὶ ὑπὸ τῶν πολεμίων θορυβηθέντες.

[1]) Cantac. IV. 34. p. 248. 249: Greg. XXVIII. c. p. 181.

между его Сербами, не имѣвшими понятія о спеціальной подготовкѣ къ военному дѣлу, вѣчно терпѣвшими нужду въ хорошемъ оружіи, нестройно двигавшимися на своихъ клячахъ, наконецъ незнакомыми съ топографіею страны, которую предстояло завоевать, и Турками являвшимися во Ѳракію не только сбродными толпами, а сильными прекрасно вооруженными и обученными военными отрядами, хорошо изучившими во время частыхъ посѣщеній Ѳракіи всѣ ея пути и дороги, и вдобавокъ дѣйствовавшими по призыву самихъ Византійцевъ? Нѣтъ, какъ ни было это тяжело, а теперь Душану приходилось совсѣмъ отказаться отъ всякихъ дѣятельныхъ попытокъ противъ Цареграда, и развѣ только утѣшать себя неосуществимыми мечтами. Такъ дѣйствительно и было. Разсказанная нами кампанія Каснеца Бориловича уже послѣдній исторически достовѣрный фактъ, указывающій на стремленіе сербскаго царя къ завоеваніямъ на юго-востокѣ. На какія либо новыя попытки его въ эту сторону нѣтъ ни малѣйшихъ указаній у современныхъ византійскихъ писателей. Уже вскорѣ послѣ Марицкой битвы, самъ Кантакузинъ является въ Моррѣ и Халкидикѣ производить экзекуцію за отпаденіе этихъ провинцій къ Іоанну Палеологу, и Душанъ не пользуется этою близостью своего врага къ предѣламъ царства, чтобы отмстить ему за гибель своего сербскаго отряда [1]). Онъ чувствовалъ себя вынужденнымъ оставить въ покоѣ востокъ, тѣмъ болѣе, что и съ запада на него надвигалась туча: начиналъ ему угрожать угорскій король, поднимался на него, какъ на схизматика, латинскій міръ, подстрекаемый папою. По неволѣ приходилось помириться на томъ, что было пріобрѣтено до 1350 г.

Въ 1354 г., когда усобица между императорами принимала все болѣе ожесточенный характеръ, а Турки, утвердившись въ Каллиполи, начинали грозить завоеваніемъ и другимъ частямъ Ѳракіи, въ это-то тревожное время среди Византійцевъ образовалось нѣсколько партій, которыя не видѣли другаго выхода изъ печальнаго положенія дѣлъ, какъ въ низложеніи и Палеолога, и Кантакузина и въ подчиненіи чьему-либо иноземному господству. Были и такіе,

---

[1]) Cantac. IV. c. 34. p. 251.

которые желали соединенія съ Сербскимъ царствомъ. Венеціанскій баилъ въ Константинополѣ Марино Фальеръ 6 августа 1354 г. доносилъ дожу Андрею Дандолу, что *Византійцы*, въ виду беззащитности государства со стороны Турокъ, *готовы признать власть Венеціанской республики, и если это невозможно, то призвать короля Угорскаго или царя Сербскаго* [1]). Венеціанскіе уполномоченные, безъ сомнѣнія, сильно агитировали за свою республику среди несчастныхъ Грековъ, обѣщая имъ помощь не только противъ Турокъ, но и противъ ненавистныхъ имъ галатскихъ Генуезцевъ, и въ тоже время торопили свое правительство не теряя времени пользоваться обстоятельствами. Такимъ образомъ изъ этого важнаго свидѣтельства ясно раскрывается главная причина, почему Венеція не соглашалась на союзъ съ Душаномъ противъ Цареграда: она сама имѣла виды на этотъ лакомый кусокъ и не хотѣла уступить его своему другу царю-схизматику. Но ни той, ни этому не удалось воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ столицы восточно-православнаго міра. Внѣшнія обстоятельства одинаково имъ не благопріятствовали, да и силъ у нихъ было мало для такого предпріятія. Весьма возможно, что до Душана доходили вѣсти о сербской партіи въ Цареградѣ, быть можетъ, велись и какіе нибудь переговоры. Тѣмъ не менѣе послѣ марицкой битвы мы не видимъ съ его стороны ни одного шага по направленію къ міровому городу. Очевидно, онъ не рѣшался его сдѣлать именно потому, что не могъ. Другаго объясненія быть не можетъ.

Здѣсь намъ нельзя обойти молчаніемъ сохранившееся въ позднѣйшихъ дубровницкихъ хроникахъ свидѣтельство о громадномъ походѣ Душана на Константинополь, предпринятомъ будто-бы въ 1355 г. и неосуществившемся только вслѣдствіе внезапной кончины царя, послѣдовавшей будто-бы во время самаго похода, въ предѣлахъ Византійской имперіи. До сихъ поръ свидѣтельство это не подвергалось критическому разбору и, какъ

[1]) Ljubić. Monumenta III 266: se la lor intention se po fornir de esser subjecti a la signoria et comun vostro, averallo per gratia special; quando questo no i podesse vegnir fato, elli e disperudi clamar re d' Ongaria vel quel de Raxia azo che i sia defesi et varentadi da i Turchy, et ensir de la signoria, che i tien, et simel de zenoesi de li qual molto dubita.

не подлежащее никакимъ сомнѣніямъ заносилось во всѣ извѣстныя сербскія исторіи. Между тѣмъ, намъ оно кажется не заслуживающимъ довѣрія. Само по себѣ свидѣтельство слишкомъ поздне, а фактъ похода Душана на Византію въ годъ его смерти не находитъ себѣ потвержденія въ современныхъ историческихъ свидѣтельствахъ.

Мы разумѣемъ два извѣстныхъ мѣста въ хроникахъ Орбинича и Лукарича. У послѣдняго мы читаемъ слѣдующее: „Въ 1356 г. сербскій царь Стефанъ объявилъ войну Константинополю и съ 85,000 человѣкъ, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, двинулся въ Романію. Но какъ суетны людскія надежды! Приблизившись къ неизвѣстной деревнѣ Діаполи, во Ѳракіи, онъ заболѣлъ лихорадкою, отъ которой и умеръ 18 декабря, или (по сербски) просинца [1]).

Орбиничъ, историческій трудъ котораго вышелъ четырьмя годами раньше „анналовъ" Лукарича, говоритъ объ этомъ событіи короче и собственно не упоминаетъ о походѣ: „Но находясь въ Діаволопотѣ, въ Романіи, царь Стефанъ былъ пораженъ лихорадкой, противъ которой не могли помочь никакія средства, почему въ 1354 г. на 45-мъ году возраста онъ перешелъ въ лучшую жизнь [2]). Среди письменныхъ историческихъ свидѣтельствъ эти дубровницкія извѣстія, перешедшія еще въ болѣе позднія сербскія хроники, остаются одинокими. Но весьма близкую параллель имъ находимъ въ сербскомъ народномъ эпосѣ. Въ одной былинѣ, записанной въ Боснѣ почтеннымъ собирателемъ памятниковъ сербскаго народнаго творчества, Боголюбомъ Петрановичемъ,

---

[1]) Nel anno 1356 r. Stefano Imperatore di Servia intimò guerra à Constantinopoli; e con ottantacinque mila persone esperte in guerra prese la volta di Romania. Ma come sono incerte le speranze degli huomini, gianto alla ignobili villa di Diapoli in Tracia s'amalo di febre, la quale il di 18 di Decembre, ch' i Serviani demandano Prosienaz, lo fece morire Luccari. Copioso ristretto degl Annali di Rausa. 60. 61.

[2]) Orbini Il regno degli Slavi. 1601, p. 268: Ma trovandosi a Diauolopota in Romania, fu assalito da febre, a cui non pote riparare con tutti i rimedij, che fece. Onde l'anno 1354 e di sua età 45 passo u miglior vità. Diauolopota и Лукаричево Diapoli безъ сомнѣнія находятся въ связи съ Давор-поље (приводимымъ ниже) сербскихъ пѣсенъ.

Душанъ также представляется умирающимъ во время похода на Византію [1]).

Пѣсня начинается съ описанія *пира въ Призренѣ* на царскомъ „бѣломъ дворѣ". Душанъ обращается къ своимъ храбрымъ сподвижникамъ (српска господа) съ слѣдующею рѣчью, вѣрно характеризующею широкіе его замыслы по отношенію къ Цареграду.

Ја ћу силну војску покупити
Водићу је бијелу Стамболу,
Од Грка ћу Стамбол прихватити,
Све под једну круну окренути.
Срби моји, сиви соколови!
Од како сам круну задобио,
На кого сам сабљу извадио,
Свакога сам до сад побједио,
И Стамбол ћу сјутра прихватити,
И Софију цркву задобити,
Сву изнутра златом позлатити,
А висине срмом накитити [2]),
И Србима славу подигнути,
Српским славом и српским јунаштвом.

Затѣмъ отъ словъ Душанъ переходитъ къ дѣлу. Къ греческому царю Ивану посылается грозное письмо съ требованіемъ прислать ключи отъ Цареграда, или же приготовиться къ войнѣ съ сербскимъ царемъ [3]). Греческій царь вмѣсто отвѣта обратился за помощью къ Туркамъ. И вотъ тогда

---

[1]) Богољуб Петрановић Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине. Книга трећа № 12 стр. 102.

[2]) *Украсить серебромъ.*

[3]) Пѣсня превосходно передаетъ высокое мнѣніе Душана о своемъ могуществѣ. Въ письмѣ къ греческому царю онъ говоритъ:

Добро види што ти књига пише,
Трјеба ми града Цариграда,
Нека знадеш пријеваре нејма,
Ја ти ваља самном раговати,
Јал' послати кључе од столице
Да се бијеш, избиг' се не мореш,
Да се молиш, одмолит' не мореш,

Серби удариште,
Душан силну покупио војску,
Кад је био Цариграду близу,
До широка поља Давор поља,
Када пољу на равнине дође,
Ту Душана суђен данак нађе:
Разболе се, умријети пође
И умрије, жалосна му мајка!

Лишившись вождя войско вернулось въ Сербію [1].

Сопоставленіе этой пѣсни съ приведеннымъ дубровницкимъ извѣстіемъ даетъ намъ возможность сдѣлать весьма вѣроятное предположеніе объ источникѣ этого извѣстія. Должно быть, оно взято прямо изъ народнаго преданія, быть можетъ составлено со словъ этой самой или другой какой-нибудь сербской пѣсни. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ что Diapoli и Diauolopota — испорченная въ итальянскомъ передача сербскаго „Давор-поље." Кромѣ того самъ Орбиничъ какъ бы указываетъ на устный источникъ приведеннаго свидѣтельства. Онъ не настаиваетъ на немъ и замѣчаетъ, что по *другому разказу* —Душанъ умеръ въ Неродимлѣ [2].

Намъ нѣтъ нужды здѣсь пускаться въ разсмотрѣніе того вопроса, какимъ именно путемъ въ фантазіи народа могло создаться такое представленіе о смерти Душана. Достаточно замѣтить, что громкіе факты его завоевательной политики въ отношеніи Византіи должны были оставить въ народѣ глубокую память по себѣ и послужить подкладкою къ дальнѣйшимъ поэтическимъ вымысламъ въ томъ же направленіи. Но мы не можемъ не остановиться на самомъ фактѣ похода Душана на Византію въ 1355 г. Именно, мы должны утверждать, что нѣтъ никакой возможности признать этотъ походъ за событіе исторически достовѣрное. Ибо, во первыхъ, въ современныхъ или близкихъ къ современнымъ источникахъ, какъ

Да с' откупиш, откупит' не мореш,
Пак ти гледај што је боље за те,
Ето мене у Цариград на те? стр. 103.

[1] Петрановић стр. 105.

[2] Orbini p: 268. Altri vogliono, che egli passasse da questa vita trovandosi in Nerodimie.

въ византійскихъ, такъ и сербскихъ, нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія объ этомъ походѣ, который, по своей важности, не могъ остаться не замѣченнымъ лѣтописцами. Особеннаго вниманія заслуживаетъ безусловное молчаніе въ этомъ случаѣ обоихъ столь обстоятельныхъ и аккуратныхъ лѣтописцевъ своего времени, какъ Іоаннъ Кантакузинъ и Никифоръ Григора. Обыкновенно они отмѣчаютъ, хотя и не всегда съ одинаковою подробностью и безпристрастіемъ, всѣ невзгоды, которыя переживала въ это время имперія. Поэтому странно, какъ они могли не занести въ свои хроники хотя бы краткаго извѣстія о нашествіи на Царьградъ восьмидесятипятитысячной арміи, еслибъ это нашествіе дѣйствительно было. По народному преданію и по словамъ Лукарича походъ Душана кончился для имперіи весьма счастливо—гибелью ея опаснаго врага; слѣдовательно Византійцамъ не было нужды скрывать это событіе съ цѣлью представить въ глазахъ потомства положеніе имперіи въ возможно менѣе печальномъ свѣтѣ, если объяснить это молчаніе именно этимъ стремленіемъ. Напротивъ это мнимое событіе было настолько важно, и такого пріятнаго для Византійцевъ свойства, что должно было само проситься на страницы ихъ историческихъ хроникъ. Еще болѣе страннымъ покажется игнорированіе этого факта, если мы припомнимъ, что и у того и другаго лѣтописца былъ и ближайшій поводъ упомянуть о немъ. Они говорятъ о смерти Душана [1]). Какъ же при этомъ случаѣ было не обмолвиться хотя однимъ словомъ о томъ, что смерть эта произошла во Өракіи, по близости отъ столицы имперіи, и притомъ во время самаго похода, если все это дѣйствительно было такъ, какъ повѣствуетъ Лукаричъ.

Во вторыхъ всѣ существующія историческія свидѣтельства, какъ увидимъ изъ слѣдующей главы, заставляютъ предполагать, что въ послѣдніе три года своего царствованія Душанъ былъ занятъ дѣ-

---

[1]) Cantacuz. IV. c. 43 p. 314: Ὑπὸ δὲ τοῦτον χρόνον καὶ Κράλης ὁ τῶν Τριβαλῶν δυνάστης ἐτελεύτησε, καὶ στάσις οὐ μικρὰ ἀνεῤῥιπίσθη Τριβαλοῖς. Затѣмъ рѣчь идетъ о сербскихъ дѣлахъ по смерти Душана.

Gregor. XXX. c. 50. p. 556: Τοῦ δ'ἦρος ἀρχομένου ὁ τῶν Τριβαλῶν ἀρχηγὸς ἐτεθνήκει Κράλης Σερβίας, καὶ θόρυβον ἔσχε καὶ ζάλην ἐντεῦθεν ἐκεῖ τὰ πράγματα τῷ νέῳ τῆς ἀρχῆς διαδόχῳ.........

ламп на западѣ, такъ что не остается времени, когда бы могъ быть выполненъ этотъ задуманный въ широкихъ размѣрахъ походъ. Въ 1353 и 1354 г. онъ озабоченъ войною съ Угріей. Только 24 мая 1355 г. Венеціанскій сенатъ получилъ отъ дубровницкаго графа извѣщеніе о возстановленіи согласія между угорскимъ королемъ и сербскимъ царемъ [1]). Но этимъ соглашеніемъ не устранились окончательно затрудненія на западѣ. Лудовикъ Угорскій продолжаетъ стремится къ подчиненію своей коронѣ Далмаціи. Вслѣдствіе чего мы видимъ Душана всю вторую половину 1355 г. въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Венеціей, которая добивалась у него уступки крѣпостей Клиссы и Скрадина. Сношенія эти тянутся въ теченіе всего декабря 1355 г. и указываютъ, что царь въ это время находился въ Призренѣ или въ Македоніи, и отнюдь уже не на дальнемъ востокѣ, гдѣ то по близости Цареграда [2]). Затѣмъ изъ сербскихъ письменныхъ источниковъ видно, что Душанъ скончался 20 декабря 1355 г. въ Призренѣ или вообще въ предѣлахъ своего царства [3])....

[1]) Ljubić. Monumenta III, 270.

[2]) Ibidem. p. 280. 288. 283. 296. 299. Въ сборникѣ графа Медо Пуцича: („Споменици србски" II. 23), одна грамота выданная Дубровчанину Мароэ Тогетичу, носитъ на себѣ слѣдующую помѣтку: 1355 г. 2 декабря подь Беромь. Эта Бера (или Фере-Фереджинъ) могла бы быть признана за городокъ того же имени, упоминаемый Кантакузиномъ (I. II. c. 13. p. 390) во Өракіи на р. Марицѣ, къ сѣверу отъ Эноса, что въ свою очередь указывало бы на возможность самаго похода Душана на Византію въ 1355 г., еслибъ помѣтка эта на грамотѣ не вызывала сомнѣній. Вся означенная грамота представляетъ много ошибокъ со стороны переписчика; почему очень вѣроятна догадка г. Даничича (Рјечник из књижевних старина српских. Дио први. стр. 36), что вм. „подь Беромь" нужно читать: „подь Серомь". Прибавимъ къ этому, что содержаніе грамоты, представляющей нѣчто въ родѣ увольнительнаго свидѣтельства бывшему чиновнику при царскомъ дворѣ, заставляетъ думать, что она была подписана скорѣе въ Сересѣ, чѣмъ гдѣ-то на пути въ Берѣ, во время спѣшнаго похода.

[3]) Тронošскій лѣтописецъ: „прочее намѣреніе положилъ ратовати на Франціи но смертъ ему препяла,....... умираетъ во Призрену, и тамо положенъ во сребрьномъ ковчезѣ въ соборной церкви". *Гласник* V. 70.;..... Копривницкая лѣтопись: „Прѣбивь же похвально и благочьстно коньць постизаеть въ лѣто 6864 (1355) декемвріа 20 въ недѣлю, оставивь великоу жалость и плачь срьбской земли. Šafařik. Památky dřevního písemníctuí Jihoslovanův. Okazky občanského písemnictví. 54.

Да и въ народномъ эпосѣ изображеніе смерти Душана при той обстановкѣ, какая является въ приведенной пѣснѣ, т. е. во время похода на Царьградъ, на какомъ то Давор-полѣ не единственное. Рядомъ съ нимъ видимъ другое, гдѣ царь спокойно умираетъ въ своемъ любимомъ Призренѣ, „у месту питомоме", „у биjелу двору", окруженный своею семьею и близкими боярами [1]). Самъ Орбиничь, какъ мы уже замѣтили, не знаетъ навѣрно — гдѣ умеръ Душанъ: въ Діаволопотѣ или Неродимлѣ.

Въ третьихъ, достаточно припомнить съ одной стороны то грозное положеніе, которое пріобрѣли Турки во Ѳракіи къ 1355 г., а съ другой все сказанное нами о страхѣ, внушенномъ Душану этими новыми восточными завоевателями при первыхъ столкновеніяхъ съ ними, чтобы отвергнуть возможность осуществленія со стороны сербскаго царя какой-либо новой попытки прорваться къ Босфору. Не забудемъ, что въ 1354 г. Османы уже владѣли Каллиполемъ, Малгарою и Кипселою (близъ р. Марицы), что ихъ легкіе конные отряды не только господствовали вдоль всего побережья Пропонтиды, не только рыскали по всѣмъ направленіямъ Ѳракіи, но и забирались въ глубь богатыхъ странъ южной Болгаріи, распространяя ужасную славу своихъ подвиговъ далеко по всему Балканскому полуострову [2]). Все это, безъ сомнѣнія, было извѣстно Душану. Какъ же могъ онъ теперь, при такихъ невыгодныхъ условіяхъ, послѣ цѣлаго ряда неудачъ, предпринять такой рискованный походъ, тогда какъ не рѣшался на него прежде, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ? Нѣтъ, мы рѣшительно отказы-

---

Општи лист Патриjаршиjе Пеhске. : и клетвою сіе утвердивъ умираетъ въ Призрену *Гласник* XXXV стр. 42.

[1]) Вук Стеф. Корацић Српске народне пjесме, Книг. II. Изд. 2-е.

Побоље се Српски цар Стjепане
У Призрену мjесту питомоме,
Побоље се, умриjети хоће.

Бог. Петрановић. Српске народне піесме из Босне и Херцеговине Кн. I. № 17. стр. 155.

Разбоље се српски цар Шћепане
У Призрену, у биjелу двору
и т. д.

[2]) Выпускъ I стр. 132.

ваемся признать походъ Душана подъ Царьградъ въ 1355 г. за дѣйствительно бывшее событіе.

По нашему мнѣнію и лѣтописное дубровницкое извѣстіе, и согласная съ нимъ сербская былина имѣютъ совсѣмъ другое значеніе. Въ нихъ или, лучше, въ лежащемъ въ основаніи ихъ народномъ преданіи, нашло себѣ весьма отчетливое выраженіе постоянно присущее Душану стремленіе къ завоеваніямъ на юго-востокѣ, съ цѣлью полнаго покоренія Византійской имперіи и овладѣнія Цареградомъ. Не смотря на всѣ неудачи, онъ не могъ отречься отъ своего завѣтнаго стремленія, продолжалъ мечтать о Цареградѣ и послѣ марицкой битвы; съ этою мечтою онъ, безъ сомнѣнія, и сошелъ въ могилу. Вотъ эту идею, намъ думается, и хотѣлъ оттѣнить народъ, при помощи своей фантазіи связавшій смерть своего сильнаго и славнаго государя съ никогда не бывшимъ походомъ его подъ самый Царьградъ.

Въ заключеніе главы, намъ остается подвести итоги предыдущимъ разсужденіямъ. Со времени вѣнчанія на царство Душанъ дѣятельно продолжалъ преслѣдовать давно поставленную имъ цѣль на юго-востокѣ. Онъ сдѣлалъ здѣсь большія завоеванія, вслѣдъ за Македоніею отнявъ у Византійцевъ Эпиръ, Акарнанію, Этолію и Θессалію. Но въ 1350 г. всѣ успѣхи его кончились. Старанія его заключить союзъ съ Венеціей разрѣшились для него горькою иллюзіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ рушились и его попытки окончательно завоевать Византійскую имперію и овладѣть Цареградомъ. Это ему не удалось, да и не могло удаться. Претендентомъ на столицу восточнаго міра выступила грозная сила въ лицѣ Турокъ-Османовъ, съ которыми соперничать Сербы были не въ силахъ. Царьградъ, о которомъ Душанъ не переставалъ мечтать до самой своей смерти, никогда не видалъ передъ своими стѣнами его войскъ. Находимое въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сербскихъ лѣтописяхъ упоминаніе о томъ, что „Душанъ и подъ саміи Царьградъ доспѣлъ“ и что Греческій царь высылалъ ему ключи отъ города [1]) должно быть признано за отголосокъ того же народнаго преданія, пере-

[1]) Троношскій лѣтописецъ. *Гласник.* V. 69.

шедшаго на степень легенды, которое заставляетъ славнаго сербскаго царя и умереть въ походѣ на Византію!

Такимъ образомъ вмѣсто Греко-Сербскаго царства, долженствовавшаго замѣнить Византійскую имперію, Стефанъ Душанъ успѣлъ образовать только Сербское царство, включавшее въ себѣ многія греческія земли. Единство и цѣлость прежней Восточной имперіи были окончательно подорваны. На Балканскомъ полуостровѣ явились три обособленныя царства: совершенно обезсиленная Византія, слабая, но не лишенная политическаго значенія Болгарія и могущественная Сербія.

VI.

Отношеніе Душана къ славянскому вопросу на Балканскомъ полуостровѣ и къ притязаніямъ латинскаго Запада.

Величавый планъ Душана не удался: онъ не успѣлъ занять византійскій престолъ. Тѣмъ не менѣе сдѣланныя имъ завоеванія со стороны имперіи были на столько громадны, что онъ становился безспорно сильнѣйшимъ государемъ на полуостровѣ, но государемъ славянскимъ, царемъ сербскимъ. Созданная имъ монархія получала названіе Сербскаго царства, т. е. первенствующее мѣсто въ ней должно было принадлежать народу сербскому. Но дѣйствительно ли это мѣсто принадлежало Сербамъ, да и могло ли принадлежать имъ? Въ какой степени основанное Душаномъ государство было славянскимъ? Что сдѣлалъ онъ какъ славянскій государь? Какъ отнесся онъ къ историческимъ задачамъ, которыя были поставлены ему всею предшествующею жизнью его собственнаго народа? Въ какихъ отношеніяхъ находилось его Сербское царство къ другимъ государствамъ полуострова? Вотъ вопросы, разсмотрѣніе которыхъ стоитъ теперь на очереди въ нашемъ сочиненіи.

Съ легкой руки достопочтеннаго славянскаго историка Раича въ сербской исторіи утвердилось мнѣніе, что царство Душана не только обнимало многія греческія земли, завоеванныя у имперіи, но и объединяло западныя сербскія области, которыя до того, какъ извѣстно, оставались отдѣленными отъ сербскаго королевства; а равнымъ образомъ что и Болгарія находилась въ политической зависимости отъ сербскаго царя; такъ что, по ходячему представ-

ленію, монархія Душана обнимала едва ли не весь Балканскій полуостровъ. Но такое мнѣніе должно быть признано основаннымъ на историческомъ недоразумѣніи. Извѣстныя доселѣ несомнѣнныя историческія данныя никакъ не вяжутся съ нимъ.

Предлагаемое здѣсь изслѣдованіе имѣетъ задачей разъяснить дѣло, на сколько позволяютъ источники. Мы послѣдовательно разсмотримъ отношенія Душана къ Болгаріи, Боснѣ, Угріи и Дубровнику и попытаемся выяснить его роль какъ первенствующаго славянскаго государя на полуостровѣ. Но съ этимъ вопросомъ непосредственно соприкасается другой—о притязаніяхъ латинскаго Запада, не имѣвшаго мужества относиться равнодушно къ возвышенію и могуществу какого либо государства на востокѣ, а тѣмъ болѣе государства славянскаго и не скупившагося на выраженіе этого неравнодушія. Такимъ образомъ совершенно умѣстно будетъ здѣсь же коснуться вообще отношеній Душана къ міру западному. Разобравъ оба эти вопросы мы получимъ приблизительно полный очеркъ политической дѣятельности перваго сербскаго царя, что дастъ возможность опредѣлить ея мѣсто и значеніе въ общей исторіи Греко-славянскаго міра.

1) Отношенія къ Болгаріи.

Прежде всего намъ приходится остановиться на Болгаріи, на государствѣ, которое еще такъ недавно—въ XIII в. играло первую роль въ политической жизни полуострова и затѣмъ, съ возвышеніемъ Сербіи постепенно теряя значеніе, наканунѣ вступленія Душана на престолъ, на вельбуждскихъ поляхъ было доведено до крайней степени униженія и ослабленія. Въ какомъ же положеніи находилась эта славянская страна въ періодъ образованія Сербскаго царства? Сохраняла ли она значеніе самостоятельнаго государства? Служила ли она, да и могла ли служить Душану пособницей въ осуществленіи его завоевательныхъ стремленій по отношенію къ Византіи?

Сопоставляя всѣ сохранившіяся, очень немногочисленныя, извѣстія о Болгаріи для даннаго времени, нельзя не прійти къ заключенію, что она, во времена Душана безусловно уступивъ пер-

венство Сербскому царству, ничѣмъ, однакожъ, не обнаруживаетъ своихъ зависимыхъ къ нему отношеній. Оба государства постоянно находятся въ мирныхъ отношеніяхъ, по крайней мѣрѣ ничѣмъ не нарушаютъ ихъ; иногда они дѣйствуютъ сообща, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не мѣшаютъ другъ другу преслѣдовать свои цѣли. Душанъ не дѣлаетъ ни одного шага къ подчиненію или ослабленію Болгаріи. Съ другой стороны болгарскій царь Александръ не отказывается отъ своей самостоятельной политики и успѣваетъ увеличить въ объемѣ свое государство. При всѣхъ печальныхъ явленіяхъ, которыя замѣчаются во внутренней жизни Болгаріи этого періода, общій строй этой жизни не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ сербскаго вмѣшательства, продолжаетъ развиваться своимъ самобытнымъ путемъ и представляетъ нѣсколько явленій, которыя говорятъ противъ мнѣнія о какомъ-то особенномъ упадкѣ Болгаріи въ сравненіи съ Сербіей.

Основнымъ фактомъ, объясняющимъ отношенія Сербіи и Болгаріи въ данное время, является близкое родство обоихъ царей. Душанъ, какъ уже не разъ было упомянуто выше, былъ женатъ на сестрѣ Александра [1]). Бракъ этотъ имѣлъ немаловажное значеніе не только для Болгаріи, но и для внутреннихъ отношеній самой Сербіи. Обстоятельства, при которыхъ онъ состоялся, къ сожалѣнію, не вполнѣ еще извѣстныя, также имѣютъ свою любопытную сторону.

О происхожденіи сербской царицы Елены и болгарскаго царя Александра доселѣ не найдено вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Тѣмъ не менѣе всѣ изданные новые историческіе матеріалы не только не подрываютъ, но отчасти подтверждаютъ остроумныя со-

---

[1]) Мы не считаемъ нужнымъ останавливаться здѣсь на вопросѣ о мнимомъ первомъ бракѣ Душана съ дочерью или внукой Іоанна Кантакузина. Относящееся сюда извѣстіе Троношской лѣтописи (*Гласник* V. 65) и другихъ стоящихъ съ ней въ близкой связи источниковъ (*Гласник* XXI. 245. 249. XXXV. 39) до очевидности фабулезно и не можетъ быть принято во вниманіе. Во время заточенія въ Константинополѣ, будучи маленькимъ мальчикомъ, Душанъ не могъ вступить въ таковой бракъ. Самое главное, еслибъ подобный бракъ состоялся, или только предполагался, о немъ, безъ сомнѣнія, было бы какое-либо упоминаніе въ хроникѣ Кантакузина.

*

ображенія и заключенія, сдѣланныя по этому вопросу болѣе двадцати лѣтъ назадъ почтеннымъ сербскимъ ученымъ Николаевичемъ въ его превосходномъ сочиненіи о сербскихъ Комнинахъ [1]). Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ этого ученаго, что родителями обѣихъ царственныхъ личностей былъ сербскій властель кесарь Воихна, сынъ знаменитаго Новака Гребострека и Керацa (въ монаш. Θеофанія) дочь Бдинскаго Шишмана и сестра Михаила, погибшаго подъ Вельбуждомъ. Такимъ образомъ Елена и Александръ происходили отъ знатнаго сербскаго рода, выросли и воспитались въ Сербіи. Что это было дѣйствительно такъ, видно изъ того, что ближайшіе родственники Елены играютъ выдающуюся роль въ Сербіи, являются первыми сербскими властелями. Оливеръ, Деянъ и Богданъ, братья царицы, пользуются особенною силой и вліяніемъ въ государствѣ. Оливеру, Деяну и Воихнѣ, какъ своимъ близкимъ родственникамъ, Душанъ даетъ, согласно византійскому обычаю высшіе титулы—деспота, севастократора и кесаря. Младшая сестра Елены, Θеодора, въ монашествѣ Евѳимія, была выдана замужъ за деспота Углешу Мерняčевича, одного изъ важныхъ сербскихъ вельможъ [2]).

Что супруга Душана родомъ была сербка, видно изъ Троношскаго лѣтописца [3]). Послѣдній только ошибается въ томъ, что называетъ ее сестрою Вукашина, очевидно смѣшивая этого властеля съ Оливеромъ и Богданомъ. Что касается Александра, то онъ какъ племянникъ (по матери — ἀδελφιδοῦς) убитаго царя Михаила, былъ одинъ изъ числа сербскихъ властелей, посланныхъ Стефаномъ Дечанскимъ для утвержденія на болгарскомъ престолѣ Неды и ея малолѣтняго сына Шишмана [4]). Вскорѣ затѣмъ въ

---

[1]) *Гласник* XII. XIII.

[2]) *Гласник*. XII. 441.

[3]) *Гласник*. V. 66.

[4]) Cantacuz. II. c. 26. p. 459. ἐκεῖνοι δὲ.... τὸν ἀδελφιδοῦν τοῦ προβεβασιλευκότος Μιχαὴλ, 'Αλέξανδρον τὸν Στρεαντζιμήρου ἀπέδειξαν βασιλέα ἑαυτῶν; — Даничић. Животи 195: и посьла нѣкоѥ ѥдини отъ вельмоужь своихь сь нѣкоторою честию войскы своѥѥ вь помошть ѥи (т. е. царицѣ Аннѣ); — Григорій Цамблакъ (*Гласник*. XI. 74. 75): и того Михаила възьмше мрътвое и подобающа о нѥмь сьврьшивше, обычними вь еже прѣудовлѥвати оустроивше мрьтваго,

1331 г. онъ является царемъ болгарскимъ, при чемъ Неда и ея сынъ принуждены покинуть Болгарію [1]). Такимъ образомъ переворотъ болгарскій совпадаетъ съ переворотомъ сербскимъ. Очень близко къ этому времени стоитъ и женитьба Душана. Изъ свидѣтельства Растича, несомнѣнно основаннаго на архивной записи, мы знаемъ, что свадьба Душана произошла очень скоро послѣ вступленія его на престолъ (8 сентября 1331 г.) и что уже въ 1332 г. послы Дубровницкой республики привѣтствовали сербскаго и болгарскаго государей по поводу вступленія ихъ въ близкое родство между собою [2]).

Хронологическое совпаденіе этихъ трехъ важныхъ событій невольно заставляетъ предполагать между ними тѣсную внутреннюю связь. Возстаніе Душана противъ отца и движеніе въ Болгаріи, поднятое противъ сестры Дечанскаго Неды и ея сына Шишмана, законнаго наслѣдника болгарскаго престола, по всей вѣроятности, были руководимы членами одной и той же знатной серо-болгарской фамиліи Гребострековичей. Въ этой семьѣ у Душана была уже намѣчена невѣста, на бракъ съ которой ему однакожъ не давали своего согласія Дечанскій и его третья супруга, что̀, по словамъ доселѣ живущаго въ устахъ народа преданія, и было однимъ изъ поводовъ къ ссорѣ между сыномъ и отцемъ [3]). Гребострековичи въ виду предстоявшей имъ высокой роли родственниковъ царскихъ, понятно, усиленно поддерживали Душана и, быть можетъ, болѣе всѣхъ и подстрекали его къ отцеубійству. Съ другой стороны, одинъ изъ старшихъ представителей этой семьи—Александръ спѣшитъ пользоваться смутными обстоятельствами въ Болгаріи, куда незадолго передъ тѣмъ онъ былъ присланъ самимъ Дечанскимъ. Задумавъ овладѣть болгарскимъ престоломъ, онъ разсчитывалъ,

---

и Александра того *нетіа* цара поставльше, въ своа отьлоучишесе;—Laonic. Chalcocondyl. I. 22. Ἔχων μεθ᾽ἑαυτοῦ τὸν Μιχαήλου ἀδελφιδοῦν, Ἀλέξανδρον......

[1]) Gregor. IX. c. 13. p. 458; Cantac. II. c. 26. О судьбѣ Неды и Шишмана см. Макушева. Исторія Болгаръ въ трудѣ К. О. Иречка (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1878. Май. 72—78.

[2]) Resti. *Non passo molto tempo*, che il nuovo Re di Rassia prendesse in matrimonio la sorella d'Alessandro Imperatore di Bulgaria.

[3]) А. Гильфердингъ. Собр. соч. III. 99. 100.

что Душанъ, будущій сербскій государь, охотно признаетъ совершенный имъ переворотъ. Это было бы со стороны Душана услуга за услугу, оказанную ему въ Сербіи Гребострековичами; вмѣстѣ съ тѣмъ Александру, какъ представителю единомысленной себѣ партіи, Душанъ долженъ былъ болѣе сочувствовать, чѣмъ Шишману или какому либо другому претенденту на болгарскій престолъ; ибо царь Александръ могъ обезпечить ему и внѣшнюю безопасность со стороны Болгаріи, которая, конечно, не могла забыть Вельбуждской битвы,—обстоятельство, имѣвшее немаловажное значеніе для Душана въ моментъ исполненія переворота и въ первое время послѣ него. Есть основанія и для такого домысла, что бракъ съ Еленою былъ поставленъ условіемъ соглашенія Душана какъ съ Александромъ, такъ и съ могущественными родственниками послѣдняго, остававшимся въ Сербіи.

Такъ было дѣло или иначе, но безспорнымъ остается тотъ фактъ, что Душанъ и Александръ, взаимно обязанные другъ другу въ достиженіи престола, съ самаго начала ихъ государственной дѣятельности оказываются связанными между собой столько же узами близкаго родства, сколько извѣстною солидарностью цѣлей и стремленій. Это обстоятельство вліяло на характеръ дальнѣйшихъ отношеній обоихъ государей. Царица Елена и ея могущественные братья, какъ извѣстно, имѣвшіе огромное вліяніе на Душана, не позволяли послѣднему остановиться на мысли объ увеличеніи своего могущества на счетъ земель сосѣдняго болгарскаго государства. Напротивъ, мы видимъ, что сербскій царь предоставляетъ своему родственнику полную свободу дѣйствій и что Болгарія въ правленіе Александра, величающаго себя *Іоанномъ Александромъ Асѣнемъ, царемъ Болгаръ и Грековъ*, значительно оправляется отъ того униженія, до котораго она была низведена предшественниками Душана, Милутиномъ и Дечанскимъ.

Лѣтописныя извѣстія представляютъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о дружественныхъ отношеніяхъ Душана и Александра. Между ними происходятъ свиданія; они сносятся по политическимъ дѣламъ, обращаются другъ къ другу съ просьбами и совѣтами. Чувства дружбы и родства прежде всего руководятъ отношеніями обоихъ монарховъ. Они стоятъ на равной ногѣ и

сильнѣйшій изъ нихъ ни въ чемъ не проявляетъ своего политическаго превосходства надъ слабѣйшимъ.

Александръ какъ узурпаторъ, понятно, былъ озабоченъ судьбою изгнанныхъ имъ Неды и Шишмана. Узнавъ, что устраненный имъ законный наслѣдникъ терновскаго престола и его мать пребываютъ въ Дубровникѣ, болгарскій царь обращается въ 1333 г. къ Душану съ просьбой потребовать отъ республики выдачи изгнанниковъ. Сербскій краль относится съ полнымъ сочувствіемъ въ этой просьбѣ и не только отправляетъ въ Дубровникъ посольство съ требованіемъ выдачи Неды и ея сына, но и берется за оружіе, чтобы силой заставить Дубровчанъ исполнить это требованіе, на которое они отвѣчали отказомъ. Дубровницкій историкъ Растичъ, передавая этотъ разказъ, замѣчаетъ, что Александръ за исполненіе просьбы обѣщалъ признать себя вассаломъ сербскаго краля [1]). Другой дубровницкій историкъ, Лукаричъ, писатель менѣе критическій, сообщающій рядомъ съ драгоцѣнными извѣстіями много запутанныхъ и нелѣпыхъ фактовъ, еще болѣе распространяется о вассальныхъ отношеніяхъ Болгаріи къ Душану. Онъ представляетъ Александра чѣмъ то въ родѣ сербскаго губернатора или намѣстника въ Болгаріи [2]), и говоритъ, что онъ былъ пораженъ холоднымъ отношеніемъ Душана къ вопросу о выдачѣ Шишмана и Неды (противорѣчіе съ разказомъ Растича) и потому съ согласія болгарскаго народа рѣшился просить у Душана царскую корону. Въ Сербію былъ посланъ Венцеславъ (maestro de' caualliеri) крестникъ краля. Душанъ уважилъ просьбу и прислалъ Александру корону, обязавъ его доставлять ежегодно 12 охотничьихъ собакъ и столько же соколовъ въ знакъ вассальныхъ отношеній къ нему, „верховному повелителю Сербіи и законному государю Болгаріи". Въ случаѣ требованія на войну Александръ обязывался выставлять на свой счетъ въ помощь Сербамъ 12,000 всадниковъ [3]).

---

[1]) Resti. Ma Allessandro mandò ricercar il Rè Stefano di Rássia con promesse *di farli tributario il regno Bulgaro...*

[2]) Luccari. Copioso ristretti degli Annali di Ragusa. Venetia. 1605. p. 52. Percioque depoi che mori Michele suo padre, il quale haueua arrichito ogn'uno, pareua ch'eglino fosero *per servir a stranissimi governatori Serviani.*

[3]) Ibidem. Dussan, il quale conferi la corona ad Alessandro, obligandolo che per

Вотъ эти два свидѣтельства, а особенно послѣднее, и дали поводъ нѣкоторымъ историкамъ Сербіи строить заключеніе о зависимости Болгаріи отъ Сербіи при Душанѣ. Подвергая ихъ критической провѣркѣ, нельзя не признать весьма сомнительною ихъ достовѣрность. Прежде всего замѣтимъ, что свидѣтельства эти весьма поздни (XVII в.) и источникъ ихъ неизвѣстенъ. Затѣмъ, разказъ Лукарича, длинный и сбивчивый, стоитъ въ противорѣчіи съ разказомъ болѣе обстоятельнаго и критическаго писателя Растича. Послѣдній, тщательно пользовавшійся архивными матеріалами, фактами свидѣтельствуетъ объ энергическомъ выполненіи со стороны Душана просьбы родственника, а Лукаричъ толкуетъ о какой-то холодности и уклончивости сербскаго краля, что будто-бы и побудило Александра просить у него короны съ признаніемъ зависимости отъ него. Все это абсолютно невѣрно. Изъ современныхъ византійскихъ лѣтописцевъ мы знаемъ, что Александръ былъ провозглашенъ болгарскимъ царемъ боярами въ 1331 г., нѣсколько ранѣе или одновременно съ тѣмъ, какъ и Душанъ, свергувъ отца, занялъ его престолъ [1]). Слѣдовательно въ 1333 г., когда шелъ вопросъ о выдачѣ Неды и Шишмана, онъ былъ уже царемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ обращаться за вѣнцемъ къ Душану, а тотъ не могъ прислать ему этотъ вѣнецъ; ибо онъ вступилъ на узурпированный имъ болгарскій престолъ, какъ потомокъ по женской линіи Бдинскихъ Шишмановичей, и слѣдовательно корону получилъ изъ рукъ взявшей перевѣсъ и ему сочувствовавшей партіи, какъ преемникъ болгарскихъ царей, почему онъ и спѣшилъ присоединить къ своему имени прибавку „Асѣнь". Обязательства, которыя, по словамъ Лукарича, принялъ на себя Александръ въ отношеніи сербскаго краля, по самому свойству своему представляются сомнительнымъ. Феодализма въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ существовалъ на западѣ, на юго-славянскомъ востокѣ никогда не было; псы и соколы

---

conto vassalaggio fosse tenuto mandar ogn' anno una dozena dé cani da caccia, et altra di falconi con tutta la loro provigione al Re di Servia supremo e *legitimo Re di Bulgaria*. Et quando g'li fosse commandato andar alla guerra, fosse tenuto levar in ajuto di Serviani *dodici mila caualli pagati a spese proprie.*

[1]) Cantac. II. c. 26; Gregor. IX. c. 13. p. 458.

какъ знакъ вассальныхъ отношеній прежде всего дѣлаютъ подозрительнымъ разбираемое свидѣтельство. Такимъ повидимому находилъ его и Растичъ, безъ сомнѣнія знавшій трудъ Лукарича и, однако, не заимствовавшій изъ него этого, собственно говоря, характернаго разказа, и взамѣнъ того ограничивающійся осторожнымъ лаконическимъ замѣчаніемъ: con promesse di farli tributario il regno Bulgaro. Не можетъ не казаться странностью въ данныхъ извѣстіяхъ еще одно обстоятельство: уже ли преслѣдованіе болгарскаго царевича и его матери на столько было нужно Александру, что ради его онъ рѣшился отказаться отъ самостоятельности и принялъ на себя унизительныя обязательства по отношенію къ государю, который по своему сану какъ краль стоялъ ниже его—царя? Поэтому нельзя ли видѣть источника всего этого сомнительнаго извѣстія въ недоброжелательныхъ слухахъ про Александра, которые могли быть распускаемы въ Дубровникѣ Недой и Шишманомъ въ видахъ лучшаго успѣха ихъ агитаціи въ Болгаріи? Но лучше всего говоритъ противъ достовѣрности разказовъ Лукарича и Растича все то, что мы знаемъ объ отношеніяхъ Душана и Александра изъ другихъ болѣе важныхъ источниковъ.

У византійскихъ лѣтописцевъ-современниковъ, Кантакузина и Григоры, довольно подробно описывающихъ войны Душана съ имперіей, мы не находимъ ни одного указанія на участіе болгарскихъ отрядовъ въ сербскихъ походахъ и предпріятіяхъ. Если-бъ дѣйствительно военная помощь обязательно выставлялась Александромъ, то названные лѣтописцы, особенно Кантакузинъ, безъ сомнѣнія не могли умолчать о ней. Вѣдь говорятъ же они объ Итальянцахъ, Германцахъ, Албанцахъ; а упомянуть о Болгарахъ представлялось болѣе поводовъ. Только однажды въ теченіе всего разсматриваемаго періода, именно въ 1352 г. въ Марицкой битвѣ Болгаре сражаются вмѣстѣ съ Сербами противъ Турокъ, призванныхъ Кантакузиномъ. Но и здѣсь они отнюдь не вспомогательный отрядъ Сербовъ, они являются на поле битвы по личной просьбѣ Іоанна Палеолога, занимаютъ позицію отдѣльно отъ Сербовъ, дѣйствуютъ совершенно самостоятельно отъ сербскаго главнокомандующаго Каснеца Борпловича и своимъ самовольнымъ и

преждевременнымъ отступленіемъ, быть можетъ, даже способствуютъ пораженію Сербовъ и Грековъ [1]).

Подобно Душану Александръ довольно часто воюетъ съ Византійцами. Въ смутахъ имперіи онъ принимаетъ также немаловажное участіе. Но вездѣ мы видимъ его дѣйствующимъ независимо отъ сербскаго царя, на свой страхъ, преслѣдующимъ свои цѣли, имѣющимъ въ виду пользу своего государства. Результатомъ его искусной дѣятельности въ этомъ направленіи является возвращеніе къ царству значительной полосы болгарскихъ земель. Разбирая эту дѣятельность и принимая въ соображеніе родственныя и дружественныя отношенія обоихъ монарховъ, приходится допустить, что Александръ, ослабляя по мѣрѣ силъ Византію, дѣйствовалъ отнюдь не какъ сподручникъ, а только какъ союзникъ Душана, притомъ союзникъ вовсе не сочувствовавшій властолюбивымъ стремленіямъ своего сильнаго зятя и не связывавшій себя никакими обязательствами по отношенію къ нему. Вмѣшиваясь въ дѣла имперіи оба государя держатся то одной общей политики то различной, но обыкновенно не мѣшаютъ одинъ другому; между ними поддерживается постоянный миръ [2]).

Съ перваго года своего царствованія Александръ, подобно Душану, находится въ войнѣ съ Византійцами. Пользуясь смутами, происходившими въ Болгаріи послѣ Вельбуждской битвы, императоръ Андроникъ, захватилъ подбалканскіе города отъ Тунджи до моря, Діаполь, (Ямболь), Росокастръ, Ктенію, Айтосъ, Анхіалъ и Месемврію. Новый царь, при содѣйствіи наемныхъ Татаръ, наноситъ Грекамъ пораженіе и въ 1332 г. по миру въ Росокастрѣ возвращаетъ всѣ утраченные города. Въ число условій мирнаго договора включено было обѣщаніе императора выдать свою дочъ за сына Александра, Михаила Асѣня [3]). Такимъ образомъ болгарскій царь заключаетъ миръ съ византійскимъ императоромъ,

---

[1]) См. выше, стр. 197.

[2]) Орбиничъ, издавшій свой историческій трудъ нѣсколькими годами ранѣе хроники Лукарича, объ отношеніяхъ Душана къ Александру выражается слѣдующимъ положительнымъ образомъ: Viveva in pace ancor con Alessandro Rè de' Bulgari.— Il regno degli Slavi. 268.

[3]) Cantac. II. cc. 26—27. Greg. IX. c. 13. X. c. 4. Ср. выпускъ I. 36.

между тѣмъ какъ Душанъ продолжаетъ оставаться во враждебныхъ отношеніяхъ къ имперіи до 1334 г., до убіенія Сиргіана и до свиданія на р. Галикѣ. Условленный бракъ болгарскаго царевича съ византійскою царевной произошелъ въ 1338 г., когда Душанъ снова находился въ разрывѣ съ Андроникомъ и дѣлалъ завоеванія въ Албаніи. Врядъ ли Александръ заботился тогда объ интересахъ сербскаго государя, усиленно домогаясь родства съ византійскимъ императоромъ. Андроникъ возвращался въ свою столицу послѣ удачнаго похода на западѣ, окончившагося присоединеніемъ къ имперіи давно оторванныхъ отъ нея областей Эпира и Акарнаніи. На дорогѣ въ Адріанополѣ его ожидали болгарскіе послы съ напоминаніемъ объ исполненіи обѣщанія. Императору, говоритъ Кантакузинъ, было не по душѣ это напоминаніе: ему хотѣлось лучше удержать свою дочь дома, чѣмъ отдавать ее въ супружество сыну Александра, ибо онъ зналъ какъ ей, воспитанной въ эллинскихъ и царскихъ нравахъ и обычаяхъ, будетъ тяжела жизнь у варваровъ. Однако же сознавая, что этотъ бракъ послужитъ ко благу Ромэевъ, онъ далъ посламъ свое согласіе" [1]). Свадьба въ присутствіи царя и императора была сыграна въ Адріанополѣ. Брачущіеся были еще совсѣмъ дѣти: жениху шелъ пятнадцатый годъ, а невѣстѣ Маріи Палеологъ исполнилось всего девять. Цѣлые восемь дней происходили пиры и празднества на берегу Тунджи. На девятый день молодые отправились въ Болгарію. Многіе знатные Греки провожали Марію до Тернова [2]). Съ этого времени, говоритъ Григора, насталъ глубокій миръ между Ромэями и Болгарами [3]). Въ совсѣмъ иныхъ, далеко не мирныхъ отношеніяхъ къ Андронику, какъ мы знаемъ, находился въ это время основатель сербскаго царства.

---

[1]) Cantac. II. c. 38. p. 504: βασιλεῖ δὲ τοῦτο μὲν οὐκ ἦν καθ. ἡδονὴν. μᾶλλον γὰρ ἐβούλετο τὴν θυγατέρα οἴκοι διατρίβειν, ἢ Ἀλεξάνδρου τῷ υἱεῖ εἰς κοινωνίαν ἐκδιδόναι γάμου, τὴν παρὰ τοῖς βαρβάροις διατριβὴν εἰδὼς οὐκ ἐσομένην πρὸς ἡδονὴν τοῖς ἤθεσι καὶ νόμοις ελληνικοῖς ἐντεθραμμένῃ καὶ βασιλικοῖς, τῷ κοινῷ δὲ Ῥωμαίω τὸν γάμον οἰόμενος τῆς θυγατρὸς λυσιτελεῖν, ὑπέσχετο ποιήσειν.

[2]) Cantac. II. c. 33. p. 508.

[3]) Greg. XI. c. 7. p. 546: καὶ ἦν τὸ λοιπὸν εἰρήνη βαθεῖα μεταξὺ Ῥωμαίων καὶ Μυσῶν.

Вынужденное согласіе Андроника на бракъ дочери съ Михаиломъ Асѣнемъ показываетъ, насколько опаснымъ врагомъ для имперіи представлялся болгарскій царь. Немаловажный вѣсъ и значеніе Александра въ политическихъ дѣлахъ полуострова признавали Византійцы и позже, когда по смерти Андроника Кантакузинъ провозгласилъ себя императоромъ и возстановилъ время усобицъ. Мы видимъ, что въ 1342 г. въ Константинополѣ, въ средѣ партіи противной Кантакузину былъ пущенъ слухъ о возможности подчиненія имперіи царю болгарскому Александру [1]). Послѣдній, повидимому, также дорожилъ дружбой и родствомъ съ Андроникомъ, а потомъ съ его сыномъ. Въ своемъ хрисовулѣ, данномъ Зографскому монастырю въ 1342 г., Александръ говоритъ: „еще же и на истиннѫѫ и нелицемѣрнѫѫ любовъ еже имѣше црство ми съ прѣвысокимъ цремъ Грьцкыимъ възлюбленнымъ братомъ и сватомъ црства ми киръ Андронікомъ Палеологомъ даже и до съмрти его и по съмрти еговы пакы не измѣнисѧ црства ми любовъ. Нѫ паче оусоугоуби тѫ и на сна его прѣвысокаго црѣ Гръкомъ Калоіоанна Палеолога възлюбленнаго анепсеа и свата црства ми“ [2]). По просьбѣ Александра Іоаннъ Палеологъ приписалъ къ Зографу Стримонскую деревню Хандакъ, на что выдалъ свой хрисовулъ [3]), о которомъ упоминается и въ указанной болгарской грамотѣ.

Свидѣтельство хрисовула о дружественныхъ отношеніяхъ Александра къ преемнику Андроника подтверждается фактами. Въ 1341 г. онъ потребовалъ отъ Византійцевъ выдачи Шишмана,

---

[1]) Cantac. III. c. 39. Vol. II. p. 207. Патріархъ убѣждая императрицу Анну не примиряться съ Кантакузиномъ говоритъ: ἂν δ'ἀδυνάτως ἔχωσι πρὸς τὸ ἀμύνεσθαι, μᾶλλον αἱροῦνται Ἀλεξάνδρῳ τῷ Μυσῶν βασιλεῖ δουλεύειν τὴν πόλιν παραδόντας, ἢ τοῖς ἐκ Βενετίας ἢ Γεννούας Λατίνοις ἢ Καντακουζηνῷ δεσπότῃ χρῆσθαι.

[2]) И. Срезневскаго Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. LXXXI. Спб. 1879. 26.

[3]) Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. 78. Александръ здѣсь называется дядей и родственникомъ императора: ὁ ὑψηλότατος βασιλεὺς τῶν Βουλγάρων καὶ περιπόθητος θεῖος καὶ συμπένθερος αὐτῆς κὺρ Ἰοάννης ὁ Ἀλέξανδρος.

скрывавшагося въ Константинополѣ и для подкрѣпленія требованія выступилъ съ войскомъ на границу къ Стилбну (Сливно) Регентъ великій доместикъ Іоаннъ Кантакузинъ отказалъ въ выдачѣ Шишмана, но всетаки успѣлъ склонить Александра не нарушать міръ [1]). Между тѣмъ Душанъ въ это время не обращалъ вниманія на напоминаніе о мирномъ договорѣ и опустошалъ Македонію.

Когда въ имперіи началась междоусобная война, Александръ принимаетъ въ ней значительное участіе. Подобно Душану ставя на первомъ планѣ въ этомъ участіи расширеніе предѣловъ собственнаго государства, онъ все время держитъ сторону императрицы Анны и Іоанна Палеолога.

Въ то время какъ Душанъ въ началѣ усобицы оказываетъ покровительство Кантакузину, Александръ старается вредить ему. Два раза представлялся ему случай овладѣть важнѣйшими городами Ѳракіи—Адріанополемъ и Димотикой, и каждый разъ мѣшали ему союзники Кантакузина Турки. Въ 1341 г., едва только вспыхнула усобица, Адріанопольцы, остававшіеся вѣрными законному императору, т. е. Палеологу, призвали Александра на помощь противъ Кантакузина. Болгарскій царь поспѣшилъ на зовъ; но въ самый Адріанополь горожане не рѣшились его пустить, а уронъ, понесенный въ стычкѣ съ отрядомъ Кантакузина и бродячими турецкими полчищами заставилъ его примириться съ узурпаторомъ и вернуться во свояси [2]). Въ 1342 г., когда Кантакузинъ уже гостилъ въ Сербіи, супруга его императрица Ирина, стѣсненная въ Димотикѣ военными дѣйствіями противной партіи, рѣшилась призвать на помощь Болгаръ. Александръ явился, прогналъ вождей Апокавка; но взамѣнъ того самъ стѣснилъ городъ и хотѣлъ силой овладѣть имъ. Мало того, для большаго успѣха дѣла онъ отпра-

---

[1]) Cantac. III. cc. 2. 7. 10. Въ рѣчи Кантакузина, держанной передъ болгарскими послами, находимъ косвенное указаніе на неболгарское происхожденіе Александра. Онъ грозитъ выставить Шишмана претендентомъ на болгарскій престолъ и какъ ручательство за успѣхъ этого дѣла приводитъ слѣдующій доводъ: ἴστε γὰρ δήπου καὶ αὐτοί, ὡς πολλοὶ Μυσῶν προσχωρήσουσιν ἐκείνῳ διὰ τὴν ἀρχαίαν φιλίαν καὶ τὴν οἰκειοτητα τοῦ γένους.

[2]) Cantac. III. c. 29.

вилъ пословъ къ Душану просить его, чтобы онъ не отпускалъ Кантакузина, а напротивъ чтобы заключилъ его подъ стражу, а то и убилъ бы его. Просьба эта, однакожъ, не была уважена кралемъ. Очень возможно, что въ своемъ отказѣ Душанъ, руководился не только нравственными требованіями и вообще желаніемъ дѣйствовать съ Кантакузиномъ, но кое какими другими соображеніями. Намъ думается, что возможенъ такой вопросъ: хотѣлъ ли будущій царь Сербовъ и Грековъ, чтобы его родственникъ владѣлъ такими важными и столь близкими къ столицѣ городами какъ Адріанополь и Димотика? Спасителемъ Ирины явился Омуръ, полчища котораго заставили Болгаръ поспѣшно отступить въ свою страну [1]).

Въ 1343 г. правительство императрицы Анны, добившись разрыва Душана съ Кантакузиномъ, обращается съ просьбою о дѣятельной помощи и къ Александру. Въ награду за это ему предложено давнишнее достояніе Болгарскаго народа—роскошная долина верхней Марицы, съ чудеснымъ и великимъ городомъ (πόλις θαυμασία καὶ μεγάλη) Филиппополемъ и крѣпостцы въ Родопѣ, Цѣпина, Кричимъ, Перуштица, Св. Юстина, Станимакъ, Воденъ, Айтосъ и Козникъ [2]). Александръ, конечно воспользовался прекраснымъ случаемъ расширить предѣлы своего государства и поспѣшилъ занять всѣ названные города. Но настоящей помощи Іоанну Палеологу онъ не могъ оказать. Турки Омура, бродившіе по Θракіи и Македоніи, заставляли его быть осторожнымъ. По уходѣ же ихъ въ Азію, сдѣланное имъ вторженіе въ Морру было отражено Кантакузиномъ [3]).

Въ 1350 г. Кантакузинъ, уже византійскій императоръ, пытается сойтись съ Александромъ. Онъ предлагаетъ болгарскому царю на общія средства устроить флотъ для защиты береговъ полуострова отъ высадки турецкихъ отрядовъ, причинявшихъ Болгаріи бѣдствій не меньше чѣмъ Θракіи. За такимъ проектомъ союза императора—дипломата, нужно думать, скрывались совсѣмъ иныя цѣли.

---

[1]) Cantac. III. c. 56. Ср. выпускъ I. 68.

[2]) О мѣстоположеніи этихъ укрѣпленій см. К. Иречка Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. 96.

[3]) Cantac. III. c. 66. p. 406. c. 69 p. 427.

Отнюдь не безопасностью Ѳракіи, а тѣмъ болѣе Болгаріи отъ турецкихъ вторженій былъ онъ озабоченъ въ ту пору. Деньги и флотъ, о которыхъ онъ просилъ Александра, нужны были ему не противъ Турокъ, которыхъ онъ самъ же охотно впускалъ въ предѣлы имперіи, а противъ другаго врага—Латинянъ. Предложеніемъ же своимъ онъ, очевидно, хотѣлъ удержать болгарскаго царя отъ крутаго выраженія неудовольствія за тѣ опустошенія, которымъ подвергалась его страна, и отвѣтственность за которыя въ значительной степени падала на императора—узурпатора. Попытка эта, однакожъ, не удалась. Александръ, если вѣрить разказу Кантакузина, принялъ было предложенный союзъ, но пришедшій отъ Душана совѣтъ не давать денегъ императору разстроилъ все дѣло. Этотъ эпизодъ—единственный извѣстный фактъ, который можетъ дать поводъ говорить о несамостоятельной политикѣ Александра. Но не говоря уже о томъ, что онъ единственный среди цѣлаго ряда другихъ прямо противоположнаго свойства, и самъ по себѣ онъ недостаточно убѣдителенъ. Даже изъ повѣствованія Кантакузина, въ данномъ случаѣ далеко не безпристрастнаго видно, что сербскій царь отнюдь не приказывалъ болгарскому, а только подсмѣивался, что этотъ хочетъ стать данникомъ Ромэевъ, и по родственному совѣтовалъ ему не довѣрять Кантакузину [1]). Въ 1352 г., какъ уже сказано, Александръ высылаетъ отрядъ для поддержки Іоанна Палеолога.

И такъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что Александръ во время могущества Душана оставался такимъ же независимымъ государемъ, какимъ является послѣ его смерти. Болгарія отнюдь не входитъ въ составъ Сербскаго царства. Родственныя узы связывавшія болгарскаго царя съ сербскимъ, мѣшали послѣднему сплотить въ одно цѣлое два юго-славянскія государства,

---

[1]) Cantac. IV. c. 22. Vol. III. p. 164. Въ первомъ выпускѣ (стр. 114), по неосторожности, мы допустили не совсѣмъ точныя выраженія, сказавъ, что „Душанъ наложилъ свое veto на соглашеніе Александра съ Кантакузиномъ, и что будто бы болгарскій царь не смѣлъ противорѣчить своему сильному родственнику". Въ этомъ эпизодѣ прежде всего слѣдуетъ видѣть указаніе на родственныя сношенія обоихъ государей.

что до нѣкоторой степени становилось возможнымъ послѣ Вельбуждской битвы. Не нарушая мира между собою, каждое изъ нихъ ведетъ свою самостоятельную политику, сходную, впрочемъ въ основномъ стремленіи усилиться на счетъ слабости имперіи. Вмѣшиваясь въ византійскія дѣла, извлекая изъ этого вмѣшательства выгоды для себя, болгарскій царь косвенно способствуетъ росту Сербскаго царства.

Но отчего же, спрашивается, мы не видимъ со стороны Болгаріи кое-чего бо́льшаго? Отчего при тѣхъ узахъ родства и дружбы, которыя соединяютъ обоихъ монарховъ, Александръ не является постояннымъ активнымъ помощникомъ Душану? Отчего съ ихъ стороны не замѣтно вполнѣ единомысленнаго и единодушнаго образа дѣйствій? Отчего, однимъ словомъ, Сербы и Болгаре не идутъ вмѣстѣ на Царьградъ, для довершенія завоеванія византійской имперіи, а вмѣсто того приглашаются для этого великаго дѣла совсѣмъ неподходящіе союзники—Венеціанцы? Вопросы эти весьма любопытны и существенно важны въ дѣлѣ разъясненія занимающихъ насъ событій. Къ сожалѣнію, въ настоящее время при скудости имѣющихся на лицо историческихъ данныхъ, трудно отвѣтить на нихъ вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ. Мы позволимъ себѣ здѣсь выставить только два соображенія.

Прежде всего возможно сомнѣніе въ томъ, чтобы Болгарія была въ состояніи оказать помощь Душану въ задуманномъ имъ огромномъ предпріятіи. О внутреннемъ состояніи Болгаріи при царѣ Александрѣ мы знаемъ очень немного, а то, что знаемъ, не говоритъ о ея могуществѣ. Мы видимъ, что Александръ увеличиваетъ размѣры своего государства, но это увеличеніе дается ему довольно легко, благодаря постороннимъ обстоятельствамъ, а не его собственной силѣ. Въ 1334 г. ему помогаютъ Татары; Филиппополь и Родопскія крѣпостцы уступаются ему добровольно византійскимъ правительствомъ. Собственныя же его военныя предпріятія, какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, не отличаются успѣхомъ. Ему не удается взять ни Адріанополя, ни Димотики, ни овладѣть Морройй. Отсюда естественно предполагать, что войско царя не было очень значительно. Оно не въ состояніи даже оборонять государство отъ вторженій Турокъ, которые нещадно опустошаютъ южную

Болгарію [1]). Александръ постоянно озабоченъ отраженіемъ этихъ варваровъ и, однако, не предпринимаетъ противъ нихъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Съ сѣвера Болгарія также терпитъ не мало отъ другихъ варваровъ—Татаръ. То обстоятельство, что самъ царь иногда для своихъ предпріятій нанималъ отдѣльныя татарскія орды, не обезпечивало страны отъ непрошенныхъ посѣщеній хищныхъ кочевниковъ [2]). Къ этому бѣдствію, шедшему извнѣ, въ Болгаріи присоединялось другое—внутри ея самой. Страна въ данное время раздирается религіозными смутами. Не смотря на преслѣдованія, установленныя Терновскимъ соборомъ 1211 г., Богомилы составляли большую силу въ Болгаріи. Но кромѣ нихъ въ царствованіе Александра проникли въ государство и другія ереси—болѣе вредныя и деморализующія—Исихасты и Адамиты. Проповѣдуя въ высшей степени безнравственное и грязное ученіе, эти еретики увлекали за собою массы народа. Къ тому же, со времени женитьбы Александра на еврейкѣ, замѣнившей первую супругу его дочь валашскаго князя, значительно увеличилось въ Болгаріи число Евреевъ. Полагаясь на покровительство царицы, принявшей, впрочемъ, христіанство, Евреи дѣлали не мало стѣсненій христіанамъ и открыто надсмѣхались надъ господствующею вѣрой [3]). Такимъ образомъ религіозное броженіе въ Болгаріи было весьма значительно; съ одной стороны оно не могло не отвлекать вниманія Александра, который для борьбы съ ересями созываетъ въ Терновѣ соборы (1350 и 1355 гг.), а съ другой оно должно было отпугивать и Душана отъ сближенія съ Болгаріей.

Такимъ образомъ, болгарскій царь, занятый своими внутренними дѣлами и не обладая большими военными средствами, которыя при томъ нужны были ему для защиты собственнаго государ-

---

[1]) Cantacuz. IV. c. 16. p. 116., c. 22. p. 162., c. 33 p. 247.—Gregor. XV. c. 5 p. 764. l. XXVI. c. 34., Vol. III. p. 100., c. 53. p. 118.

[2]) Cantac. III. c. 51. p. 302.

[3]) О религіозныхъ смутахъ въ Болгаріи въ царствованіе Александра см. житіе Θеодосія Терновскаго, написанное патріархомъ цареградскимъ Каллистомъ. *Чтенія въ Моск. Обществ. исторіи и древностей россійскихъ.* 1860 г. кн. 1. Ср. также Голубинскаго Очеркъ исторіи Прав. церкви. 675.

ства, намъ думается не предлагалъ, да и не могъ предлагать, своему родственнику, сербскому царю, дѣятельной помощи для созданія общими усиліями новаго порядка вещей на полуостровѣ.

Но рядомъ съ этимъ соображеніемъ возможно и другое: самъ Душанъ, повидимому, не хотѣлъ тѣснаго союза съ Болгарами для выполненія своего политическаго плана. Несмотря на родственныя и мирныя отношенія обоихъ государей, между ними существовали какія-то недоразумѣнія и взаимное недовѣріе. Душану какъ бы не нравилась попытка Александра присоединить къ своему царству Адріанополь и Димотику, онъ какъ бы боится соперничества со стороны болгарскаго царя, который въ правѣ былъ имѣть свои виды на столицу греко-славянскаго міра; съ другой стороны и Александръ, вѣроятно, не былъ склоненъ сочувствовать побѣдоносному шествію сербскаго царя на Царьградъ. Къ такому соображенію невольно приводятъ, кромѣ указанныхъ фактовъ самостоятельной политики болгарскаго царя, еще слѣдующія два обстоятельства:

Въ 1349 г. 20 сентября Душанъ заключилъ договоръ съ Дубровчанами. Разрѣшая имъ свободно торговать въ Сербскомъ царствѣ и проходить черезъ него съ товарами въ другія земли, онъ дѣлаетъ такую оговорку: „тькмо оружиѥ да не носѣ ни *у Бугаре*, ни у Басарабину земьлю, ни на Угрѣ, ни у Босну, ни у Грьке ни инамо камо любоо у тугю земьлю, тькмо у земьлю царьства ми и кралѥву“ [1]). Такимъ образомъ Болгарія оказывается въ спискѣ государствъ, съ которыми сербскій царь былъ уже въ непріязненныхъ отношеніяхъ, отъ которыхъ ожидалъ себѣ какихъ-то непріятностей. Запрещая провозъ оружія въ Болгарію, онъ тѣмъ самымъ ясно показывалъ, что не вполнѣ довѣряетъ своему родственнику и не разсчитываетъ на военный союзъ съ нимъ.

Въ 1352 г., когда Душанъ, огорченный неудачею своего проекта союза съ Венеціей, видимо находился въ разладѣ съ республикой, Александръ завязываетъ съ послѣднею дружественныя отношенія. Онъ даетъ Венеціанцамъ грамоту, которою обезпечиваетъ имъ права безпрепятственной торговли въ своемъ царствѣ и обѣщаетъ

---

[1]) Миклошичъ. „Monumenta Serbica“. 146.

имъ съ своей стороны всякую поддержку и покровительство. Между прочимъ Венеціанцы получаютъ право строить всюду въ Болгаріи свои церкви и биржи. Всякій, кто вздумаетъ помѣшать имъ въ этомъ, говоритъ царь въ своей грамотѣ, будетъ измѣнникомъ моего царства (sia traditore del mio imperio). Договоръ этотъ былъ переданъ Марку Леонарду, венеціанскому консулу въ Варнѣ. Къ договору или копіи съ него было приложено письмо царя (dio gratia imperator del Zagora, de Bolgari e de Giresi) къ его „великому и могущественному другу и любезнѣйшему брату" (al magnifico e possente amigo e fratel carissimo) дожу Андрею Дандолу. Въ немъ Александръ извѣщалъ главу республики о своей всегдашней готовности принять посольство, которое намѣрена ему послать Венеція, о чемъ онъ получилъ извѣщеніе отъ Марина Фальера [1]) (тогда венеціанскаго посла при дворѣ угорскаго короля). Цѣль этого посольства, очевидно, была политическая. Очень возможно, что хитрые Венеціанцы искали союза болгарскаго царя столько же противъ Генуэзцевъ, съ которыми въ это время вели войну, какъ думаетъ профессоръ В. Макушевъ [2]), сколько въ видахъ интриги противъ Душана. Во всякомъ случаѣ эти сношенія Александра съ Венеціей именно въ то время, когда сербскій царь долженъ былъ охладѣть къ республикѣ, искусно проведшей его, положительно свидѣтельствуютъ о недостаткѣ солидарности въ политическихъ стремленіяхъ обоихъ государей.

Итакъ, оба славянскія государства оказываются недостаточно единодушными и единомысленными въ тотъ благопріятный моментъ, когда историческія обстоятельства, повидимому, передавали на ихъ рѣшеніе задачу глубокой важности для всего Балканскаго полуострова, т. е. отраженіе Турокъ и Латинянъ и созданіе на мѣсто Византійской имперіи славянскаго царства. Событія 1330 г. открывали сербскому государю возможность привлеченія и Болгаріи къ осуществленію этой великой задачи, но Душанъ, вслѣдствіе многоразличныхъ причинъ, не могъ, не умѣлъ и не успѣлъ этого сдѣ-

---

[1]) Ljubić. Monumenta III. 246—248.

[2]) Макушева Исторія Болгаръ въ трудѣ К. О. Иречка. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1878. Май. 79.

лать. Онъ пошелъ искать союзниковъ въ ту сторону, откуда могъ встрѣтить лишь помѣхи своимъ начинаніямъ и какъ бы забылъ о своей ближайшей славянской союзницѣ. Вотъ еще одна изъ причинъ неудачи плана славянскаго завоевателя [1]).

2) Борьба за западныя сербскія области. Политика Душана относительно Угріи и Папы.

Выше мы уже замѣтили, какая трудная задача предстояла преемнику Немани и Милутина на западѣ его государства. Собираніе сербскихъ земель, остававшихся въ теченіе двухъ вѣковъ въ сторонѣ отъ сербскаго королевства, ко времени Душана уже весьма усложнилось. Сильное вліяніе Запада, которому подверглись Босна и Захолмье, внося внутренній разладъ въ славянское населеніе этихъ областей, укрѣпило въ нихъ и безъ того присущій имъ духъ партикуляризма. Сербскій сѣверо-западъ не только уже отличался отъ сербскаго юго-востока въ культурномъ и религіозномъ отношеніи, но и заявлялъ стремленіе къ обособленной отъ этого послѣдняго политической жизни. Но это обособленное политическое существованіе не могло носить и тѣни свободы или самобытнаго развитія. Надъ всею западною половиной Бал-

---

[1]) Однимъ изъ доказательствъ того, что внутреннее состояніе Болгаріи при царѣ Іоаннѣ Александрѣ было еще далеко отъ полнаго упадка, можетъ служить фактъ весьма значительнаго оживленія въ ней литературы, именно въ правленіе этого государя. Ни изъ одного періода болгарской исторіи не дошло до насъ столько древнихъ рукописей, какъ изъ временъ „благочестиваго и великаго царя Болгаромъ и Грекомъ Іоанна Александра". Самъ царь былъ ревностнымъ любителемъ книгъ и дѣятельно поощрялъ развитіе литературы. По его повелѣнію, какъ извѣстно, была переведена хроника Константина Манассіи и списано множество священныхъ книгъ и богословскихъ сочиненій. Такъ напр. извѣстны: патерикъ 1346 г. въ мон. Керкѣ въ Далмаціи, московскіе сборники 1345 и 1348 гг., два драгоцѣнныхъ евангелія (одно съ миніатюрами), вывезенныхъ съ Аѳона Курзономъ и хранящихся въ Оксфордѣ и др. См. Черткова О переводѣ манассіиной лѣтописи. 1842. Билярскаго О средне-болгарскомъ вокализмѣ. К. Иречка Исторія Болгаръ. 411. 567. Успенскаго О слав. рук. (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1878. Сент.). Ср. также В. Ламанскаго О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. Спб. 1864.

канскаго полуострова тяготѣло верховное владычество угорскаго короля, усерднаго поборника интересовъ міра латино-католическаго.

Банъ Стефанъ Котроманичъ, соединявшій въ своихъ рукахъ управленіе Босной и Захолмьемъ, подобно своимъ предшественникамъ, признавалъ себя вассаломъ угорскаго короля и послушно исполнялъ его приказанія [1]). Рожденный въ православной вѣрѣ Стефанъ въ началѣ сочувствовалъ и покровительствовалъ Богомиламъ, какъ извѣстно, составлявшимъ силу въ Боснѣ. Но вскорѣ, уступая угрозамъ папы и своего верховнаго государя Карла Роберта (1308—1342), онъ вынужденъ впустить въ свою страну инквизитора Фабіана и его помощниковъ францисканскихъ и доминиканскихъ монаховъ, которые дѣятельно принимаются здѣсь столько же за искорененіе богомильской ереси, сколько за преслѣдованіе ненавистной имъ православной схизмы [2]). Уступка его, однакожъ, этимъ не ограничивается. Дубровницкій каноникъ Доманя Бобаличъ, исполнявшій должность перваго секретаря при банѣ, склонилъ его перейти въ католичество [3]). Въ началѣ 1340 г. Стефанъ уже торжественно принималъ папскаго посла Геральда, который присоединилъ его къ католической церкви и взялъ съ него обязательство въ томъ, что онъ искоренитъ ереси и возстановитъ истинную вѣру въ своемъ государствѣ [4]). Особымъ письмомъ папа предписывалъ королю Роберту помочь бану въ этомъ дѣлѣ [5]). Измѣнивъ такимъ образомъ своимъ первоначальнымъ религіознымъ убѣжденіямъ, Стефанъ Котроманичъ остается вѣрнымъ данному имъ обязательству; онъ усердно искореняетъ богомильство, поддерживаетъ францисканцевъ, строитъ имъ церкви и монастыри и всячески покровительствуетъ католической пропагандѣ [6]). Въ качествѣ вассала онъ помогаетъ преемнику Карла Лудовику

---

[1]) Ср. Ljubić. Opis Jugoslavenskih novaca. U Zagrebu. 1875. 203.
[2]) Theiner. Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia. I. 617.
[3]) Luccari. Copioso ristretto degli Annali di Rausa. p. 54.
[4]) Theiner. I. 633.
[5]) Ibidem. 632.
[6]) Luccari p. 54. Cp. Farlati. Illyricum sacrum. T. IV. p. 59.

Великому въ его военныхъ предпріятіяхъ. Въ 1345 г. его войско вмѣстѣ съ войскомъ Лудовика идетъ усмирять хорватскихъ князей [1]). Въ 1346 г. онъ сопровождаетъ угорскаго короля въ его походѣ въ Далмаціи для освобожденія Задра, осажденнаго Венеціанцами [2]). Попытка Венеціи окончательно привлечь на свою сторону бана путемъ подкупа и получить отъ него дѣятельную помощь въ эту войну не удалась [3]). Наконецъ, мы видимъ боснійскія войска въ походѣ Лудовика на Татаръ [4]). Позже связь Босны съ угорскимъ королевствомъ еще болѣе укрѣпляется брачнымъ союзомъ: въ 1353 г. единственная дочь Стефана Котроманича Елизавета стала супругою короля Лудовика Великаго [5]).

Но причисляя къ своей коронѣ Босну и владѣя издавна Хорватіей и Далмаціей, въ которой господство на время пришлось уступить Венеціи, угорскіе короли сверхъ того фактически считали себя государями частицы сербской территоріи, лежавшей на востокъ отъ Босны, на правомъ берегу Дуная и нѣкогда принадлежавшей сербскому королевству. Это была Мачва (Маховскій банатъ) и прилегавшая къ ней Бѣлградская область. Со времени Милутина эта сербская землица находилась подъ непосредственнымъ управленіемъ намѣстниковъ угорскихъ королей [6]).

Притязанія угорскихъ государей, однакожъ, не останавливались на этомъ; они шли гораздо дальше. Завоеваніе или по крайней мѣрѣ подчиненіе своему политическому вліянію и восточной половины Балканскаго полуострова—вотъ что ставили они задачею своей внѣшней дѣятельности. Такія обширныя притязанія Угровъ стояли въ прямой связи съ планами и видами, которые преслѣдо-

---

[1]) Joh. Thurocz. Chronica Hungarorum. l. III. c. 7. ap. Schwandtner. Scriptores rerum Hungaricarum. T. I. p. 177. Cp. Lucii. Memorie di Trau. p. 240.

[2]) De obsidione jadrensi ap. Schwandtn. Ss. III. 679. Ljubić. Monumenta II. 288. 333.

[3]) Ljubić. Monumenta II. 364. Cp. Rački. Pokret na Slavenskom jugu koncem XIV i počеtkom XV stoljeća. Rad. II. 80.

[4]) Villani ap. Muratori. Ss. T. XIV. l. II. c. 71.

[5]) Ljubić. Op. jugosl. nov. 204.

[6]) Thurocz l. III. c. 39. Dominicus Filius Oslo, banus de Macho... Schwandtner. SS. I. p. 193.

вались по отношенію къ Востоку верховнымъ главою и духовнымъ руководителемъ всего западнаго міра—папой. Угорскій король, какъ послушный сынъ римской церкви, долженъ былъ мечемъ прокладывать путь католическому правовѣрію въ сосѣднихъ съ его государствомъ земляхъ схизматиковъ и приводить послѣднихъ къ подчиненію престолу римскаго первосвященника, подобно тому, какъ этотъ благочестивый подвигъ въ другихъ частяхъ греко-славянскаго міра совершали Французы, Нѣмцы, Итальянцы, Венеціанцы, Генуэзцы и другіе народы латинскаго запада. Въ XIV в., въ эпоху образованія Сербскаго царства, угорскіе короли особенно проникаются сознаніемъ важности своей миссіи на востокѣ, возложенной на нихъ папствомъ. Въ 1308 г. въ лицѣ Карла Роберта вступила на угорскій престолъ Анжуйская династія, представители которой, владѣтельные государи въ южной Италіи, какъ извѣстно, были самыми видными поборниками идеи завоеванія Цареграда Латинянами, а нѣкоторые даже усвоили себѣ фиктивный титулъ императора Романіи (Филиппъ Тарентскій). Подъ управленіемъ этой династіи Угрія достигаетъ наибольшей степени могущества Карлъ Робертъ приводитъ въ порядокъ финансы государства, создаетъ сильное войско и задается планомъ соединенія съ Угріей престоловъ неапольскаго и польскаго. Вмѣстѣ съ этимъ имъ усвоиваются традиціи неапольскихъ Анжуйцевъ относительно завоеванія Востока, которыя отожествляются у него съ исконными стремленіями угорскихъ государей, его предшественниковъ, утверждать и расширять свою власть на югъ отъ нижняго Дуная. Лудовикъ Великій (1342—1382) старается осуществить программу своего отца и преслѣдуетъ еще болѣе широкіе политическіе замыслы. Не смотря на большія усилія, онъ не успѣваетъ возложить на себя неапольскую корону; за то въ 1370 г., по смерти Казиміра II онъ торжественно восходитъ на польскій престолъ, соединяя такимъ образомъ подъ управленіемъ одной династіи два большихъ государства въ центрѣ Европы. Въ будущемъ имѣлось въ виду включить въ эту монархію еще третье государство—Чехію. Въ годъ своей смерти Лудовикъ съ согласія польскихъ и угорскихъ чиновъ назначилъ своею наслѣдницей дочь Марію, которая въ томъ же году была имъ сосватана за Сигизмунда, сына чешскаго короля Карла IV.

Озабоченный образованіемъ сильнаго федеративнаго государства, этотъ замѣчательный государь Угріи въ то же время стремится къ распространенію своей власти на земли и области, лежавшія вообще на Балканскомъ полуостровѣ и въ частности на нижнемъ Дунаѣ. Возвращеніе Угріи далматинскихъ городовъ, войны съ Татарами, Валахами, Сербами, Болгарами — были выраженіемъ этого стремленія. Не смотря на неудовольствія, которыя ему приходилось имѣть съ папой въ первые годы своего правленія, Лудовикъ постоянно является истиннымъ католическимъ государемъ. Высшимъ призваніемъ своего могущественнаго положенія среди монарховъ Европы онъ ставитъ распространеніе на православномъ Югѣ и Востокѣ культурныхъ началъ латинскаго Запада, что на языкѣ того времени называлось „искорененіемъ ересей и схизмы (т. е. православія)“ и обращеніемъ схизматиковъ къ общенію съ единою истинною церковью римскою и къ повиновенію верховному главѣ послѣдней—папѣ. Римскій первосвященникъ, въ разсматриваемую эпоху все еще томившійся въ „авиньонскомъ плѣну“, съ своей стороны неустанно напоминаетъ Лудовику объ этомъ высокомъ его призваніи. Онъ постоянно занятъ тѣмъ, что улаживаетъ неудовольстія и ссоры угорскаго государя съ другими членами того же западнаго міра, и проповѣдуетъ всѣмъ имъ миръ для скорѣйшаго снаряженія единодушнаго крестоваго похода противъ схизматиковъ [1]). Постепенно возвышавшееся на полуостровѣ Сербское государство, какъ носитель тѣхъ же началъ православія, которыя до послѣдней возможности отстаивала все ниже и ниже упадавшая Византія, сильно смущало многихъ государей Запада. Имъ нужно было во что бы ни стало остановить успѣхи схизматиковъ. Проэкты завоевательнаго движенія на Балканскій полуостровъ въ родѣ указаннаго нами проэкта Брокара, были въ большемъ ходу на всемъ Западѣ, но выполненіе этого великаго подвига по отношенію къ славянскимъ землямъ полуострова возлагалось латинскимъ міромъ и его духовнымъ главой на угорскаго короля, какъ непосредственно заинтересованнаго

---

[1]) О Лудовикѣ Великомъ см. Fessler, Geschichte von Ungarn. Zweite Auflage bearbeitet von E. Klein. 1869. Bd. II, 90—226.

въ распространеніи предѣловъ своего государства въ этомъ направленіи. Такимъ образомъ серьезная опасность грозила Сербіи и всему сербскому народу съ сѣверо-запада. Тяжелыхъ ударовъ приходилось имъ ждать отъ могущественной сосѣдки!

Стефанъ Душанъ, безъ сомнѣнія, хорошо понималъ и эту опасность со стороны Угріи и всю трудность собиранія западныхъ сербскихъ областей. Въ этомъ пониманіи положенія дѣлъ, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть одну изъ причинъ, почему онъ сосредоточилъ свою дѣятельность по преимуществу на юго-востокѣ: въ этой сторонѣ можно было ожидать успѣховъ болѣе легкихъ и болѣе вѣрныхъ. Родной единоплеменный западъ уже съ самаго начала отталкивалъ Душана. Не чуждаясь мысли объ единеніи сербскихъ земель, онъ слишкомъ мало останавливался на этой важной задачѣ, осуществленіе которой только и могло придать внутреннюю силу и крѣпость его государству. По мѣрѣ того какъ въ немъ росло увлеченіе завоеваніями на счетъ имперіи и крѣпла надежда овладѣть самимъ Цареградомъ, онъ естественно все меньше думалъ о спасеніи западныхъ сербскихъ областей и объ обезпеченіи своего царства отъ притязаній міра латинскаго. Вниманіе его въ эту сторону направляется не на долго, урывками, въ моменты крайней опасности и преимущественно въ послѣдніе годы его царствованія, въ періодъ неудачъ и разочарованій на юго-востокѣ. Понятно, что при такомъ недостаточно серьезномъ и мало дѣятельномъ отношеніи сербскаго царя къ одному изъ самыхъ жизненныхъ для тогдашняго юго-славянства вопросовъ, рѣшеніе этого послѣдняго не подвинулось впередъ. Никакихъ значительныхъ и сколько-нибудь прочныхъ земельныхъ пріобрѣтеній на западѣ Душанъ не успѣлъ сдѣлать. Равнымъ образомъ и отпоръ, который онъ вынужденъ былъ дать властолюбивымъ стремленіямъ Латинянъ, характеризуется мѣропріятіями недостаточно сильными для обезпеченія полуострова противъ опаснаго врага.

Скудны, отрывочны и сверхъ того по большей части весьма поздни извѣстія, которыми располагаетъ изслѣдователь для изученія этой стороны политической дѣятельности Душана. Наиболѣе достовѣрныя данныя имѣются только для сношеній сербскаго царя съ папствомъ, отношенія же его къ Угріи и Боснѣ, столкновенія

его съ этими государствами представляются въ источникахъ недостаточно ясными. Свѣдѣнія по этимъ вопросамъ приходится черпать по преимуществу изъ позднѣйшихъ дубровницкихъ лѣтописцевъ, для провѣрки и дополненія которыхъ лишь отчасти служатъ драгоцѣнные матеріалы архивовъ венеціанскаго, ватиканскаго и дубровницкаго [1]). За отсутствіемъ извѣстій современниковъ и нашъ разказъ въ этой части труда по необходимости не можетъ быть обстоятельнымъ и вразумительнымъ въ той степени, въ какой это было бы желательно.

Въ самые первые годы по вступленіи на престолъ Душанъ долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что со стороны Угріи строятся самые враждебные планы по отношенію къ нему и его государству. Уже въ 1332 г. Карлъ Робертъ собирался въ походъ противъ *схизматиковъ и еретиковъ и невѣрныхъ народовъ*, сосѣдившихъ съ его королевствомъ. Папа Іоаннъ XXII разрѣшилъ по этому случаю королю и его войску употреблять мясо въ постные дни [2]). Нужно думать, что схизматики, противъ которыхъ дѣлались эти военные сборы, были никто другіе какъ Сербы. Походъ этотъ, впрочемъ, состоялся только въ 1334 г. Узнавъ, что Душанъ занятъ завоеваніями въ Македоніи, Карлъ Робертъ съ огромнымъ войскомъ [3]) перешелъ Дунай и двинулся въ предѣлы Сербскаго королевства. Но разсчетъ его найти сербскую землю беззащитною оказался не вѣрнымъ. Душанъ въ это время заключилъ съ Андроникомъ миръ въ Солуни [4]) и поспѣшилъ со всѣмъ войскомъ на встрѣчу Саграмъ. По согласному разказу Кантакузина и

---

[1]) Съ нетерпѣніемъ ждемъ выхода въ свѣтъ втораго тома изданія Загребской академіи „Monumenta Ragusina“, гдѣ, по нашимъ соображеніямъ, должны оказаться важныя извѣстія объ отношеніяхъ Душана къ Боснѣ и Угріи послѣ 1847 г. (этимъ годомъ оканчивается первый томъ).

[2]) Theiner. Mon Hung. I. 588.

[3]) Даничић Животи 228: и приѥмь вь помошть себѣ окрьстьныѥ кралѥ и иныихь ѥзыкь и сьвькоупивь многыѥ воиски ихь сь силами своими и вьздвигноу брань на сего благочьстиваго, сьбравь тьмы тьмами ѥзыкь многыихь на погоублѥниѥ отьчьствиꙗ ѥго;—Cantac. II. c. 25 p. 458: ὑπὸ δὲ τοὺς αὐτοὺς χρόνους καὶ ὁ τῶν Οὔγκρων ἄρχων ὃν ῥῆγα καλεῖν οἶδεν ἡ Λατίνων φωνὴ στρατιᾷ μεγάλῃ ἐστράτευσεν ἐπὶ Κράλην περὶ γῆς ὅρων πρὸς αὐτὸν διενεχθείς.

[4]) См. выше стр. 70.

автора житія Душана, столкновенія между непріятельскими арміями не произошло. Самъ Карлъ Робертъ не хотѣлъ того и торопился отступить за Саву. Отступленіе было настолько поспѣшно, что при переправѣ черезъ рѣку погибла значительная часть угорскаго войска. Въ источникахъ не имѣется никакихъ опредѣленныхъ указаній на причины неудачи этого нашествія Карла. Непонятенъ внезапный страхъ угорскаго короля и его многочисленнаго войска передъ движеніемъ Душана. Кантакузинъ, какъ мы уже разъ замѣтили, неудачно объясняетъ его слухомъ о сильной военной помощи, будто бы полученной Сербами отъ императора Андроника. Сербскій же лѣтописецъ склоненъ приписывать благопріятный для родины исходъ дѣла чудесной помощи Божественнаго Промысла. Изъ того обстоятельства, что Угры очутились въ критическомъ положеніи при переправѣ черезъ Саву, можно сдѣлать предположеніе, что въ это время Мачва или часть ея вновь принадлежала Сербамъ. Косвеннымъ подтвержденіемъ такому предположенію можетъ служить свидѣтельство Кантакузина о томъ, что поводомъ къ вторженію Карла было неудовольствіе его противъ Душана *за пограничную землю* (περὶ γῆς ὅρων πρὸς αὐτὸν διενεχθείς). Этою спорною землей и была, безъ сомнѣнія, Мачва. Но если въ это время эта часть придунайской Сербіи и была присоединена къ королевству, то, повидимому, оставалась за нимъ весьма недолго. Мы упомянули уже, что и позже здѣсь является банъ, правящій именемъ угорскаго короля. Душанъ тотчасъ же по уходѣ Угровъ снова обращаетъ все вниманіе на югъ и ничего не дѣлаетъ для обезпеченія сѣвера; въ силу чего въ Мачвѣ и Бѣлградской области опять укрѣпляется угорское владычество. Только подъ конецъ своего правленія, въ 1353 г., Душанъ снова успѣваетъ выгнать Угровъ съ праваго сербскаго берега Дуная. Какъ все это происходило—остается неизвѣстнымъ. Изъ всѣхъ существующихъ краткихъ свидѣтельствъ можно вывести лишь одно, что Мачва и Бѣлградская область нѣкоторое время при Душанѣ входили въ составъ сербскаго государства [1]), но что онѣ не были упрочены за нимъ.

[1]) Это доказывается фактомъ обратнаго завоеванія этихъ областей Лудовикомъ послѣ смерти Душана. Ср. Fejer. Codex diplomaticus Hungariae. IX. 3 p. 50.

Послѣ неудачной попытки 1334 г. Карлъ Робертъ не возобновлялъ нападенія на Сербовъ; онъ слишкомъ былъ занятъ своими неапольскимъ и польскимъ проектами и связанными съ ними отношеніями къ сосѣднимъ западнымъ государямъ. Тѣмъ не менѣе непріязненныя отношенія между нимъ и Душаномъ не прекращались. Изъ папскаго посланія отъ 26 февраля 1339 г. мы знаемъ, что угорскій король присвоилъ нѣсколько имѣній Колочской церкви *„по причинѣ близкаго сосѣдства сербскаго краля, схизматика и общаго врага государства* (propter vicinitatem regis Rascie scismatici ac publici hostis regis ejusdem [1]). Папа также не переставалъ побуждать короля къ энергическимъ дѣйствіямъ противъ Сербіи. Въ томъ же 1339 г. Бенедиктъ XII объявлялъ прощеніе грѣховъ всѣмъ сражающимся *противъ язычниковъ и схизматиковъ* (cum paganis et scismaticis), живущихъ по сосѣдству съ угорскимъ королевствомъ [2]).

Тоже чувство вражды и презрѣнія къ сосѣднему королю-схизматику усвоилъ себѣ сынъ и преемникъ Карла Роберта, Лудовикъ Великій. По свидѣтельству угорскаго лѣтописца Туроча (XV в.) рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобы этотъ король не посылалъ войска противъ мятежныхъ Сербовъ. Банъ Мачвы Доминикъ Осло и вице-банъ Земерій были главными исполнителями воли своего государя въ этихъ предпріятіяхъ [3]). Гдѣ и какъ велась эта борьба—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ она ограничивалась частными столкновеніями пограничныхъ войскъ, а ближайшимъ поводомъ къ ней, безъ сомнѣнія, служилъ споръ за обладаніе Мачвой. Изъ дубровницкихъ лѣтописцевъ мы знаемъ только объ одномъ большомъ походѣ Лудовика на Сербію, въ которомъ вполнѣ ясно выразились миссійско-завоевательныя стремленія Угровъ. Точный

---

[1]) Theiner Mon. Hung. I. 631.

[2]) Ibidem 629.

[3]) Thurocz l. III. c. 39. ap. Schwandtner. Ss. I. 193: Item fere singulis annis, vel in quolibet anno movit exercitum contra aemulos et rebelles, et saepius contra *Rachenos* (Racenses) et Moldauos omnimodum diligentiam adhibendo, e maxime circa regnum Rachiae (Racie) Dominicus filius Oslo, Banus de Macho cum Zemere vice Bano suo et postmodum Nicolaus de Gara... labores assiduos impenderunt ad conservandum ipsum regnum sub regiae ditionis potestate.

годъ этого событія не извѣстенъ. Только на основаніи историческихъ соображеній можно пріурочить его къ 1353—1354 гг. Въ первыя десять лѣтъ своего управленія Угріей Лудовикъ не имѣлъ возможности обратиться къ завоеваніямъ въ восточной половинѣ Балканскаго полуострова; все вниманіе его было занято дѣлами на западѣ. Неапольскій проектъ его отца не удался. Братъ его Андрей, занявшій было неапольскій престолъ, палъ отъ рукъ убійцъ, подосланныхъ его супругой королевой Іоанной, которая вслѣдъ за тѣмъ отдала свою руку Лудовику Тарентскому. Лудовикъ Великій рѣшился мстить за смерть брата и во что бы ни стало присоединить Неапольское королевство къ Угорскому. Онъ совершилъ нѣсколько походовъ въ Италію, потратилъ много денегъ и войска, но не достигъ своей цѣли. Папа Климентъ VI держалъ сторону Іоанны и принудилъ, наконецъ, Лудовика отказаться отъ Неаполя. Итальянскія дѣла настолько сильно озабочивали короля, что ради нихъ онъ спѣшилъ кончить начатую было весьма важную для Угріи войну съ Венеціей за далматинскіе города (1345—1348). Задаръ, отложившійся отъ республики, не получилъ отъ него дѣятельной помощи и послѣ геройской обороны долженъ былъ вновь подчиниться Венеціанцамъ. Понятно, что среди такихъ предпріятій на западѣ Лудовику было не до востока. Уже одинъ разрывъ съ папой невольно заставлялъ его забыть на время о схизматикахъ. Такимъ образомъ, первое десятилѣтіе правленія Лудовика, собственно говоря, было для Душана временемъ весьма удобнымъ для энергическихъ дѣйствій по направленію западныхъ сербскихъ областей. Сербскій царь и воспользовался имъ, но уже слишкомъ поздно, да и то скорѣе въ силу случайнаго сцѣпленія обстоятельствъ, чѣмъ по заранѣе обдуманному разсчету. Въ самый разгаръ увлеченія Лудовика борьбой въ Италіи Душанъ оказывается въ мирныхъ отношеніяхъ съ нимъ Уже въ 1346 г. онъ предлагаетъ Венеціи свои услуги посредничества между республикой и угорскимъ королемъ [1]). Въ 1348 г. Венеція съ благодарностью приняла это посредничество, и оно повидимому, имѣло успѣхъ: между соперниками было заключено

[1]) Ljubić. Monumenta. II. 365.

перемиріе [1]). Только въ 1352 г. разрѣшился, наконецъ, неапольскій вопросъ. Лудовикъ подчинился рѣшенію папы, который призналъ Іоанну невиновной въ убіеніи Андрея Анжуйскаго и сохраняющей свои права на неапольскій престолъ. Вслѣдъ за примиреніемъ съ папой послѣдовало исполненіе его предписанія—обратить оружіе на язычниковъ Литовцевъ и на схизматиковъ Сербовъ. Противъ послѣднихъ, независимо отъ внушеній папы, угорскій король былъ раздраженъ за побѣды, одержанныя ими незадолго передъ тѣмъ надъ его сподручникомъ боснійскимъ баномъ.

Объ отношеніяхъ Душана къ Боснѣ имѣются весьма скудныя извѣстія. Въ первую половину разсматриваемой эпохи эти отношенія, нужно думать, не отличались характеромъ враждебности. Но по мѣрѣ того, какъ опредѣлялось политическое положеніе на полуостровѣ того и другаго повелителя сербскаго народа, столкновеніе между ними становилось неизбѣжнымъ. Уже въ самыхъ географическихъ условіяхъ сосѣдства Босны и Сербскаго королевства лежалъ поводъ къ антагонизму и соперничеству между баномъ и кралемъ или царемъ. На югѣ граница между

---

[1]) Ibidem. III. 75. Этими венеціанскими свидѣтельствами опровергается мнѣніе Феслера (Gesch. v. Ung. II. 133), котораго держались и другіе изслѣдователи (какъ напр. Голубинскій), о томъ, что Душанъ де изъ страха передъ угорскимъ королемъ, прибывшимъ въ 1347 г. съ большимъ войскомъ въ Далмацію, обратился за помощью къ папѣ, обѣщая ему перейти въ римскую церковь. Сербскій царь не нуждался въ подобномъ заступничествѣ, потому что Лудовикъ, съ которымъ онъ былъ въ мирныхъ отношеніяхъ, въ данную минуту не угрожалъ ему ничѣмъ, да и не могъ угрожать. Изъ относящагося сюда ватиканскаго документа, изданнаго Тейнеромъ (Monum. Hung. I. 734), никакъ нельзя дѣлать заключенія о непосредственныхъ сношеніяхъ Душана съ папой въ 1347 г. Документъ этотъ представляетъ письмо Климента VI къ довѣреннѣйшему человѣку сербскаго царя, Николаю Бучѣ. Называя его „catholice fidei lumine illustratum circa fidem ipsam defendendam“, папа проситъ его побудить Душана перейти въ католичество, о каковомъ намѣреніи царя онъ де слышалъ уже отъ скадарскаго епископа Марка. Очевидно, Климентъ, недовольный вынужденнымъ равнодушіемъ Лудовика къ дѣламъ церкви, самъ закидывалъ удочку насчетъ обращенія схизматиковъ, пробовалъ, такъ сказать, почву. Еслибъ Душанъ на самомъ дѣлѣ выражалъ черезъ епископа Марка римскому первосвященнику свое желаніе подчиниться западной церкви, то послѣдній, конечно, не преминулъ бы обратиться съ посланіемъ къ нему лично, какъ это было напр. въ 1354 г.

обоими государствами была весьма неопредѣленная. Травунія (или Требинье) составляла крайнюю юго-западную часть Сербскаго королевства; Захолмье же фактически принадлежало боснійскому бану. Но гдѣ разграничивались эти два старинныхъ жупанства, примыкавшія къ владѣніямъ Дубровника, трудно сказать. Душанъ не переставалъ считать за собой право на Захолмье, нѣкогда входившее въ составъ государства Неманичей. Въ извѣстномъ своемъ посланіи 1345 г. къ дожу Андрею Дандолу, о́нъ называетъ себя: Stephanus dei gratia Servie, Dioclie, C h i l m i n i a e, Zente, Albanie et maritime regionis rex... [1]). Полуостровъ Пунта (Сабіончелло), городъ Стонъ (Stagno) и прилегающій къ нему округъ одинаково принадлежали какъ королю сербскому, такъ бану боснійскому [2]). Въ 1333 г. оба государя за деньги уступили эти владѣнія въ вѣчное нользованіе (оу баштиноу) Дубровнику. Душану Дубровчане единовременно дали 8,000 перперовъ и сверхъ того обязались уплачивать ему ежегодно по 500 венеціанскихъ перперовъ. Такая же сумма ежегодной платы была предложена бану. Кромѣ того дубровницкіе уполномоченные, обдѣлывавшіе эту куплю, должны были потратить много денегъ на подарки родственникамъ и близкимъ совѣтникамъ какъ краля, такъ и бана. Изъ сохранившихся договоровъ, которые заключилъ по этому дѣлу Дубровникъ со Стефаномъ Душаномъ и со Стефаномъ Котроманичемъ, видно, что уже тогда въ глазахъ республики краль пользовался бо́льшимъ авторитетомъ, чѣмъ банъ [3]). Эта полюбовная уступка Стона и Пунты можетъ служить указаніемъ на то, что въ первое время Душанъ жилъ въ ладу со своимъ сосѣдомъ. Но вскорѣ неопредѣленность общей границы того и другаго государства и обоюдное стремленіе Душана и Котроманича къ расширенію своихъ

---

[1]) L j u b i ć. Monumenta. II. 278.

[2]) По словамъ Растича (подъ 1338 г.) эта мѣстность принадлежала князю Бранивою, а потомъ его дѣтямъ. Послѣдніе погибли насильственною смертью, послѣ чего краль и банъ tra di se divisero quel Banato pigliando uno porzione il Re come discendente della casa Nemagna e l'altro il Bano, come padrone antico di Chelmo.

[3]) M i k l o s i c h. Monumenta serbica 103—109. O r b i n i. Il regno degli slavi p. 260;—L u c c a r i. Cop. ristretto degli annali di Rausa. p. 53;—R e s t i. Chr. di Raug. подъ 1333 г.

владѣній, естественно, поставили ихъ во враждебныя отношенія между собой.

Съ переходомъ въ латинство, сдѣлавшись вѣрнымъ стражемъ интересовъ угорскаго короля, банъ сталъ настойчиво безпокоить юго-западные предѣлы Сербскаго королевства. Его люди дѣлали набѣги на Требинье, Конавле, Гацко, Рудине, въ Которскую область и всюду грабили сербскихъ подданныхъ [1]). Нѣсколько пограничныхъ мѣстечекъ банъ захватилъ подъ свою власть. Душанъ, сосредоточившій все свое вниманіе на завоеваніи византійскихъ провинцій, долго не принималъ дѣятельныхъ мѣръ для прекращенія дерзкихъ нападеній и захватовъ Котроманича. Мѣстнымъ властямъ и населенію приходилось самимъ обороняться отъ непріятеля. Такая безучастность къ интересамъ своего государства на западѣ объясняется, впрочемъ, не только увлеченіемъ Душана завоевательною политикой на юго-востокѣ, но и излишнею угодливостью его въ отношеніи мнимой его союзницы—Венеціи. Республика была сильно озабочена примиреніемъ обоихъ сербскихъ государей. Она опасалась, что банъ не устоитъ въ серьезной борьбѣ и отнюдь не желала его пораженія или ослабленія. Съ одной стороны она разсчитывала найти себѣ въ немъ союзника противъ Лудовика (что, впрочемъ, едва-ли могло осуществиться), а съ другой—она тревожилась за усиленіе и безъ того могущественнаго Сербскаго государства новыми пріобрѣтеніями на счетъ земель, близко сосѣдившихъ съ ея владѣніями. Венеціи именно хотѣлось держать Душана какъ можно дальше отъ западныхъ сербскихъ областей. Она хорошо понимала, что соединеніе всѣхъ ихъ въ одно политическое тѣло съ новообразованнымъ царствомъ болѣе всего придастъ силы послѣднему и скорѣе всего поведетъ къ уничтоженію латинскаго господства на полуостровѣ, какъ венеціанскаго, такъ и угорскаго. Между тѣмъ Душанъ, повидимому, забывалъ объ этомъ важномъ обстоятельствѣ и, разсчитывая заручиться расположеніемъ Венеціи, медлилъ войной съ Босной. Уже въ

---

[1]) Orbinio. c. p. 264: li suoi huomini tutta via guastavano i confini dell' Imperadore Stefano et specialmente facevano grave danno nelle contadi di Trebine, Canali, Gazko, Rudine et altri luoghi fin al Golfo di Cataro.

1346 г., уступая увѣщаніямъ венеціанскаго посла, онъ соглашался на примиреніе съ баномъ, причемъ ставилъ три условія: или безусловно возвратить ему землю, которую неправильно захватилъ банъ и которую онъ, Душанъ, считаетъ своею собственностью; или предоставить рѣшеніе вопроса о спорной землѣ третейскому суду; или, если и на это не согласится банъ, то заключить миръ на два или три года съ представленіемъ ручательствъ въ томъ, что за это время ни одна сторона не будетъ вредить другой [1]). Неизвѣстно, принялъ-ли Котроманичъ какое-либо изъ этихъ условій. Но въ 1349 г. мы видимъ его снова во враждебныхъ отношеніяхъ къ сербскому царю. Постановленіемъ 6 апрѣля венеціанскій сенатъ предписывалъ своему послу, отправлявшемуся въ Сербію по спеціальнымъ дѣламъ республики, попытаться возстановить согласіе между Душаномъ и баномъ [2]). По поводу этого ходатайства Венеціи посолъ царя Михаилъ Буча, представившій одинадцать извѣстныхъ предложеній своего государя, говорилъ приблизительно слѣдующее въ засѣданіи сената 13 апрѣля 1350 г.: „Господинъ царь изъ любви и расположенія къ господину дожу постоянно относился дружественно къ бану, но послѣдній отвѣтилъ за дружбу зломъ: онъ грабилъ и продолжаетъ грабить его подданныхъ и овладѣлъ его землями и мѣстечками. Самъ же господинъ царь изъ расположенія къ господину дожу никогда не позволялъ себѣ никакой обиды по отношенію къ бану. Итакъ, пусть знаетъ это господинъ дожъ, а равнымъ образомъ и то, что царь намѣренъ немедленно потребовать удовлетворенія отъ бана. Поэтому, если угодно господину дожу, то пусть онъ извѣститъ бана, чтобы тотъ выставилъ вознагражденіе за причиненныя имъ опустошенія и возвратилъ бы захваченное; иначе царь не можетъ долѣе терпѣть“ [3]). Въ своемъ отвѣтѣ на это заявленіе венеціанскій сенатъ старался успокоить Душана, выражалъ сожалѣніе по поводу преступныхъ дѣяній бана и обѣщалъ побудить послѣдняго къ удовлетворенію претензій царя [4]). Увѣщаніе въ такомъ смыслѣ, безъ сомнѣнія,

[1]) Ljubić. Monumenta. II. 208.
[2]) Ibidem. III. 119.
[3]) Ibidem. 175.
[4]) Ibidem. 178.

было послано бану, но онъ, повидимому, не соглашался на уступки. Это упорство, естественно, начинало раздражать Душана. Пришедшій въ Сербію въ іюнѣ окончательный отказъ Венеціи отъ военнаго союза для завоеванія Византіи, какъ это было уже замѣчено, долженъ былъ усилить это раздраженіе царя. Подъ вліяніемъ чувства досады въ головѣ его складывался планъ большаго похода въ западныя сербскія области. Историческая задача, завѣщанная Неманей, вспомнилась ему въ минуты горькаго разочарованія. Но послѣ пережитыхъ имъ политическихъ увлеченій эта задача не могла уже представиться ему во всей своей ясности и величіи. Съ мыслью о собираніи сербскихъ земель, о возвращеніи къ царству того, что естественно должно было ему принадлежать, у Душана соединялось грубое стремленіе жестокимъ образомъ отмстить бану за нанесенныя обиды, сорвать на немъ неудачу своихъ плановъ на востокѣ и ради страха развернуть свою грозную силу передъ Венеціей, столь деликатно насмѣявшейся надъ его продолжительными ухаживаніями. Лѣтомъ 1350 г. царь торопливо готовился къ войнѣ. Чрезвычайные послы, отправленные Венеціей къ сербскому и боснійскому дворамъ въ іюлѣ 1350 г. не имѣли никакого успѣха: о примиреніи враждующихъ не могло уже быть рѣчи [1]). Въ сентябрѣ, въ то время какъ сенатъ посылалъ своимъ уполномоченнымъ новое предписаніе примирить враговъ [2]), Душанъ, вѣроятно, уже находился въ походѣ.

Съ восьмидесятитысячнымъ войскомъ, въ сопровожденіи супруги, царицы Елены, Душанъ переправился черезъ р. Дрину и вступилъ въ предѣлы Босны. Время для похода было выбрано удачное. Угорскій король со всѣмъ войскомъ находился въ Италіи и не могъ явиться на защиту своихъ коронныхъ владѣній. Стефанъ Котроманичъ приготовился къ встрѣчѣ непріятеля, но не рѣшился выступить въ открытое поле, и занялъ сильными военными отрядами грады и горные проходы, разсчитывая такимъ образомъ задержать движеніе арміи Душана. Планъ его, однакожъ, разстроился въ самомъ началѣ вслѣдствіе измѣны многихъ бояръ-

---

[1]) Ibidem. 189.
[2]) Ibidem. 199.

вождей, которыхъ сербскій царь съ обычнымъ своимъ искусствомъ умѣлъ привлечь на свою сторону. Изъ опасенія быть прямо выданнымъ противнику банъ вынужденъ былъ покинуть передовыя позиціи и въ сопровожденіи преданныхъ людей отступилъ въ горы, внутрь страны. Такимъ образомъ Душану открылся полный просторъ дѣйствій, и онъ безъ удержу предался дикому обнаруженію своего гнѣва на родномъ и ни въ чемъ неповинномъ предъ нимъ сербскомъ народѣ. Страна подверглась жестокому опустошенію огнемъ и мечомъ. Великолѣпные дворцы бана прежде всего стали добычей пламени. Царица Елена, по словамъ Орбинича, въ данномъ случаѣ, быть можетъ, несовсѣмъ безпристрастнаго, болѣе всѣхъ подстрекала мужа къ жестокостямъ и опустошеніямъ [1]). Неизвѣстно, какъ далеко простиралось движеніе сербскаго войска въ 1350 году. Можно предполагать, что на этотъ разъ Душанъ прошелъ лишь юго-восточную часть Босны, и изъ нея проникъ въ Захолмье, которое должно было подчиниться его власти. Кампанія была непродолжительна. Царь получилъ извѣстіе о нападеніи на Македонію Іоанна Кантакузина и его союзниковъ Турокъ и уже въ ноябрѣ спѣшилъ на защиту своихъ новопріобрѣтенныхъ земель. Обратный путь онъ держалъ моремъ черезъ Дубровникъ на Которъ, откуда черезъ Зету добрался до своихъ областей, угрожаемыхъ страшнымъ непріятелемъ [2]).

Дѣла въ собственномъ царствѣ, какъ мы видѣли, не долго задержали Душана. Весной 1351 г. онъ снова является въ Боснѣ [3]). Самая главная цѣль похода была имъ достигнута уже въ предшествующемъ году: банъ былъ достаточно наказанъ, а Венеція напугана. Уже 6 октября 1350 г. венеціанскій сенатъ предписывалъ своимъ сербскимъ посламъ позаботиться о безопасности Дубровника, Стона и другихъ владѣній республики въ виду возможнаго

---

[1]) Orbini. 264—265.

[2]) Resti, подъ 1350 г.

[3]) Ibidem. Орбиничъ и Лукаричъ говорятъ объ одномъ походѣ Душана въ Босну. Мы принимаемъ ихъ два, слѣдуя Растичу, извѣстія котораго, не смотря на относительную краткость ихъ, отличаются, однакожъ, большею точностью и достовѣрностью, чѣмъ извѣстія обоихъ его предшественниковъ.

нападенія на нихъ со стороны Душана [1]. Но сербскій царь вовсе не былъ расположенъ посягать на свободу Дубровника или отнимать что либо у Венеціи. Ниже читатель увидитъ, въ какихъ прекрасныхъ, дружественныхъ отношеніяхъ къ Дубровнику постоянно находился Душанъ, съ какимъ почетомъ и торжественностью принимала его въ оба похода эта полу-славянская республика. Наглядно убѣдившись въ грозной силѣ царя, Венеція еще болѣе стала заботиться о примиреніи его съ баномъ. По ея настоянію Дубровчане приняли на себя посредничество и уже при первомъ посѣщеніи ихъ города Душаномъ склоняли послѣдняго къ прекращенію войны. Царь поставилъ условіемъ мира—бракъ дочери Стефана Котроманича Елизаветы съ сыномъ сербскимъ кралемъ Урошемъ и уступку Захолмья въ приданое за невѣстой. Банъ не хотѣлъ, да и не могъ согласиться на это условіе, ибо Елизавета была уже просватана имъ за угорскаго короля Лудовика Великаго. Такимъ образомъ переговоры кончились ничѣмъ. Между тѣмъ приведенное условіе весьма нравилось Душану. Разъ обратившись на западъ и испытавъ здѣсь нѣкоторую удачу, онъ, по свойственной ему способности къ увлеченіямъ, не могъ не войти ближе въ положеніе западно-сербскаго вопроса. Предъ нимъ мелькалъ планъ присоединенія Босны и Захолмья къ сербскому царству. Если это присоединеніе было невозможно въ данное время, то путемъ брачнаго союза оно могло быть подготовлено для будущаго. Заставить бана согласиться на бракъ дочери съ кралемъ Урошемъ—вотъ что Душанъ ставитъ главною цѣлью втораго своего похода въ Босну. Вмѣстѣ съ тѣмъ его влекло на западъ желаніе еще разъ пожать тамъ побѣдные лавры и тѣмъ вознаградить себя за недавно испытанныя неудачи на востокѣ.

Босна вторично подверглась самому жестокому опустошенію. На этотъ разъ сербское войско доходило до Думна. Одна его часть жгла и грабила въ области р. Цетины, а другая оперировала по направленію къ Хорватіи до р. Керка [2]. Самъ царь оса-

---

[1]) Ljubić. Monumenta. III. 199.

[2]) Resti: tutta la Bossina fosse di novo andata a ferro e foco.—Orbini. p. 265.

дилъ столицу банства г. Бобовацъ [1]), гдѣ укрылась Елизавета. Сильно хотѣлось Душану овладѣть этою неприступною твердынею, защищенной самою природой, но осадныя средства его и здѣсь, какъ во всѣхъ его войнахъ, оказались несостоятельными. Бобовацъ мужественно защищался. Послѣ продолжительной стоянки подъ его стѣнами, царь вынужденъ былъ снять осаду и снова направился въ Захолмье [2]). Города Имота и Новиградъ сдались ему и были заняты сербскими гарнизонами [3]). Многіе боснійскіе и захолмскіе бояре спѣшили признать себя его подданными, многіе изъ нихъ отправились потомъ въ Сербію [4]). Такимъ образомъ военные успѣхи Душана, повидимому, были огромны. Тѣмъ не менѣе основная цѣль его похода осталась не достигнутою. Въ переговорахъ о мирѣ, которые возобновились при посредничествѣ Дубровчанъ [5]), банъ оставался непреклоннымъ и не соглашался отдать дочь въ супружество сыну царя. Послѣ произведенной ужасной экзекуціи страны, Душанъ уже не зналъ какими средствами подѣйствовать на Стефана Котроманича и, оставивъ всякую мысль о мирѣ, довольный своимъ тріумфомъ, вернулся въ Сербію, на пути вторично посѣтивъ Дубровникъ [6]).

Такъ кончилась боснійская война. Самый существенный результатъ ея былъ присоединеніе къ Сербскому царству Захолмья. Не смотря на несогласіе бана область эта фактически принадлежала Душану, ибо была занята сербскими войсками. Босна же спаленная и опустошенная осталась при прежнемъ правительствѣ. Какъ бы огорченный неудачею своего брачнаго проекта, царь снова

---

[1]) *Бобовацъ*, нынѣ ничтожная деревня, лежитъ на с.-в. отъ гор. Високо, близъ мѣстечка Сутиски. Гдѣ былъ градъ, тамъ теперь стоятъ три турецкихъ хижины, а на мѣстѣ крѣпости сохраняется лишь каменная груда развалинъ. Ср. Zemljopis i poviestnica Bosne od Slavoljuba Bošnjaka (Jukića) 1851. 34.

[2]) Orbini. 265. Luccari. 57. Resti.

[3]) Orbini. 265: et preso il castello d'Imota et Novi lascio in essi un buon presidio de suoi.

[4]) Ibidem. Nel qual tempo molti nobili di Bosna, et di Chelmo vennero a lui facendosi suoi sudditi i molti ancor andarono con lui in Rassia.

[5]) Luccari. 57.

[6]) Orbini. 266. Luccari 57—58. Resti: Levato l'ossedio di Boboнaz per l'inirensa del Governo l'Imperatore si instrado verso li suoi stati per via di Chelmo.

отворачивается отъ сербскаго запада. Совершенно обезсиленная Босна, повидимому, вполнѣ находилась въ его рукахъ и однакожъ онъ не дѣлаетъ болѣе никакой попытки для оторванія ея отъ западнаго міра и привлеченія ея къ созданному имъ новому политическому тѣлу, хотя для подобной попытки оставалось еще нѣсколько времени. Вмѣсто того мы видимъ его опять озабоченнымъ предпріятіями на востокѣ, а вскорѣ затѣмъ онъ долженъ перейти къ оборонѣ своего государства отъ Угровъ. Нужно думать, что кромѣ многихъ другихъ причинъ, уже самые тріумфальные походы Душана по Боснѣ, сопровождавшіеся заревомъ пожаровъ, грабежами и жестокостями, стали серьезною помѣхой къ возможному соединенію западныхъ сербскихъ областей съ восточными. Они, естественно, должны были вызвать у Босняковъ лишь раздраженіе противъ основателя Сербскаго царства, что заставляло ожидать съ ихъ стороны отчаянной борьбы за сохраненіе своего status quo. Оттого-то, быть можетъ, и Захолмье не было прочно связано съ Сербіей; тотчасъ послѣ смерти Душана оно соединяется съ Босной. Какъ бы то ни было, Душанъ не успѣлъ стать царемъ или кралемъ Босны, и даже никогда не носилъ этого титула, какъ ошибочно думаютъ нѣкоторые изслѣдователи [1]). Захолмье, т. е. сербское поморье, отъ Дубровника до р. Цетины и прилегающая къ нему горная страна — были единственное пріобрѣтеніе, сдѣланное Душаномъ на Сербо-Хорватскомъ западѣ.

---

[1]) Ср. напр. **Любича**. Opis jugoslovenskih novaca 91: Napokon Mletčani и Dubrovčani sklone caraibana na dogovore, te ih pomire. Dušan nadjenu si naslov *Kralja bosanskoga, te pridrža njekoliko pograničkih miesta i Humje*. Ни въ одной подписи Душана не находимъ указанія на титулъ краля Босны. Притязанія на западныя сербскія земли можно видѣть лишь въ слѣдующемъ выраженіи титула: царь и самодрьжьць Срьблемъ и Грькомь *Поморию и Западной* странѣ. Кстати замѣтимъ, что приведенное мѣсто у г. Любича стоитъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, что онъ говоритъ въ томъ же своемъ почтенномъ трудѣ на стр. 204: Njeki tvrde da su se ona dva (т. е. царь и банъ) malo zatim pomirila i da je u tu svrhu *Stjepan ustupio Dušanu humsku pokrajinu, što je nevierojatno....* Обстоятельное свидѣтельство Орбинича, согласное съ показаніями другихъ дубровницкихъ лѣтописцевъ, едва ли позволяетъ сомнѣваться въ завоеваніи Захолмья Сербами. Эта область осталась за Душаномъ отнюдь не по мирному договору съ баномъ, а на основаніи завоеванія.

Но и за эти скромные успѣхи сербскому государю приходилось расплачиваться дорогою цѣной. Съ запада на него уже надвигалась страшная грозовая туча. Въ 1352 г. неапольскій вопросъ былъ наконецъ улаженъ и Лудовикъ спѣшитъ теперь перейти къ дѣламъ на Балканскомъ полуостровѣ. Смирить Душана, отнять у него захваченное и отмстить ему за бана онъ считаетъ первою своею обязанностью. Въ данное время его дѣйствіями руководило уже не одно традиціонное стремленіе къ расширенію предѣловъ угорскаго королевства на счетъ юго-славянскихъ земель, но и особенно близкія отношенія къ Стефану Котроманичу. Въ 1353 г. Елизавета, руки которой такъ домогался Душанъ для сына Уроша, стала супругою угорскаго короля. Захолмье, завоеванное Сербами, разсматривалось Лудовикомъ какъ утраченное приданое жены. Въ нанесенномъ бану пораженіи онъ видѣлъ уже свое личное оскорбленіе. Душанъ становился для него не только государственнымъ (hostis publicus), но и личнымъ врагомъ. Наконецъ съ этими личными счетами у короля соединился тотъ религіозный фанатизмъ, о возбужденіи котораго, какъ мы видѣли, такъ много старался римскій первосвященникъ. Предъ нимъ стоялъ царь-схизматикъ, котораго нужно было заставить отречься отъ своихъ заблужденій и привести къ повиновенію папскому престолу. Со времени примиренія съ папой Лудовикъ считалъ для себя обязательнымъ этотъ послѣдній подвигъ особенно потому, что царь-схизматикъ начиналъ представляться вождямъ западныхъ народовъ *силою опасною для католическаго міра*, именно въ смыслѣ помѣхи наступательнымъ движеніямъ послѣдняго на православный востокъ. Въ этихъ опасеніяхъ была доля основательности.

Быстрый ростъ могущества Душана явился для Запада неожиданностью весьма непріятною. Завоеваніе Македоніи, вѣнчаніе въ цари Сербовъ и Грековъ, присоединеніе Эпира, Өессаліи, Этоліи и Акарнаніи, побѣдоносное вторженіе въ Босну и Захолмье, всѣ эти событія, слѣдовавшія чрезвычайно скоро одно за другимъ, естественно встревожили тѣхъ Латинянъ, которые непосредственно были озабочены утвержденіемъ своего владычества на полуостровѣ. Анжуйцы были совсѣмъ стѣснены въ Албаніи, Венеція боялась за свои владѣнія въ Евбеѣ, Греціи и Далмаціи, ахайскій и аѳинскій

герцоги считали не безопасными отъ сербскаго завоеванія свои земли въ Элладѣ и Пелопонисѣ, угорскій король безпокоился за Босну и Захолмье. Для всѣхъ ихъ становилось ясно, что вмѣсто Византійской имперіи, дѣлежомъ которой были заняты они вмѣстѣ съ другими западными народами, создалось новое сильное государство, угрожавшее обнять весь полуостровъ. Государство это въ полномъ смыслѣ слова готовилось стать второю Византіей, оно выступало носительницею идеаловъ и стремленій, которыя въ теченіе многихъ вѣковъ отстаивались восточною имперіей. Вслѣдствіе непрерывныхъ сношеній сербскаго царя съ Венеціей его политическіе планы и стремленія были хорошо извѣстны на западѣ. Да и раскрывалъ онъ ихъ въ своей дѣятельности весьма ясно, безъ всякой утайки. Еще съ дѣтства подъ вліяніемъ ранняго знакомства съ византійскою образованностью и сближенія съ греческимъ и сербскимъ духовенствомъ у Душана образовалась извѣстная привязанность къ родной вѣрѣ. Ставъ царемъ, онъ уже рѣзко заявляетъ себя государемъ *православнымъ*. Сознательно поставивъ задачею своей политической дѣятельности—пріобрѣтеніе престола Константина Великаго, принимая на себя главенство въ греко-славянскомъ мірѣ, Душанъ хорошо понималъ всю необходимость для себя выступить поборникомъ и защитикомъ тѣхъ просвѣтительныхъ началъ, которыя составляли характерное отличіе этого міра отъ враждебнаго ему міра западнаго и служили вѣрнѣйшимъ залогомъ его политической и духовной самостоятельности. Оттого-то онъ не счелъ нужнымъ подобно своему предку Стефану Первовѣнчанному, или болгарскому царю Калояну искать на западѣ, у папы санкціи совершенной имъ политической узурпаціи, а постарался найти эту санкцію въ предѣлахъ греко-славянскаго міра. При всемъ своемъ сближеніи съ католическимъ государствомъ—Венеціей, онъ постоянно сохранялъ антипатію къ латинству и только *однажды*, какъ увидимъ, въ минуту опасности, выразилъ готовность и то мнимую вступить съ нимъ въ компромиссъ. Широкая благотворительность сербскимъ и греческимъ церквамъ и монастырямъ, множество сохранившихся хрисовуловъ и дарственныхъ грамотъ тѣмъ и другимъ, благочестивое путешествіе на Аѳонъ—все это свидѣтельствуетъ о глубоко-сознательномъ расположеніи царя къ право-

славію Эта важная черта характера Душана, возвышающая его личность, не могла не отразиться на внутренней его дѣятельности, столько же замѣчательной, какъ и его дѣятельность внѣшняя, политическая.

Мы говорили уже о томъ, насколько глубокіе корни въ Сербскомъ государствѣ пустила католическая пропаганда [1]). Совращеніе православнаго населенія въ латинство благодаря ловкости миссіонеровъ и поддержкѣ иностранцевъ, наполнявшихъ Сербію, производилось здѣсь въ большихъ размѣрахъ. Понятно, что Душанъ, близко принимавшій къ сердцу интересы православія, не могъ сочувствовать этому явленію, вносившему внутренній разладъ въ его молодое государство. Онъ рѣшился ограничить пропаганду и стѣснить Латинянъ. Изъ папскаго посланія отъ 8 января 1346 г. видно, что онъ началъ съ попытки ослабить связь отдѣльныхъ латинскихъ церквей съ которскою епископіею и для этой цѣли запрещалъ имъ вносить десятину духовному предстоятелю послѣдней [2]). За этой мѣрой, противъ которой протестовалъ папа Климентъ VI, послѣдовала другая. Дубровницкіе лѣтописцы Орбиничъ и Лукаричъ разсказываютъ, что сербскій царь вскорѣ послѣ своего вѣнчанія сталъ открыто преслѣдовать и изгонять католическое духовенство и отнимать у латинскихъ церквей золото, серебро и всякія драгоцѣнности. Первый изъ названныхъ лѣтописцевъ приписываетъ иниціативу этой мѣры не самому Душану, который будто бы былъ благосклоненъ къ Латинянамъ, а царицѣ Еленѣ, женщинѣ вѣроломной, ненавидѣвшей католиковъ („donna peruersa,

---

[1]) Въ папскихъ посланіяхъ отъ 1346 г. (Theiner Mon. Hung. I. 711 и Monum. Slav. I. 215) находимъ слѣдующій перечень мѣстностей, обязанныхъ платить десятину латинскому епископу въ Которѣ: города de Canol, Tribunia, Drazaviza, Resson, Budua, Lastua, Malont, Prisren, Noua Berda, Trepta, Janeua, Coporich, Plane, Ostacia, Berschoua, Rudnich, Lipnich, Chelminia, Zeptat, Gergoviste, Petrauiza, Gradez, Chertale, Tombe, Pinita, Mazovia, Golubezi и Albia dicta Belgard. Послѣднія три названія находимъ въ папскомъ посланіи того же содержанія и отъ того же года, адресованномъ Угорскому королю. Изъ этого видно, что въ 1346 г. Мачва и Бѣлградъ были еще предметомъ спора между обоими государствами.

[2]) Theiner Monum. Hung. I. 711.

che odiaua molto i Catolici“ [1]). Къ объясненію этихъ свидѣтельствъ служатъ слѣдующія три статьи Законника Душана.

Ст. 6. „И за ересь Латиньскоую, що соу братили хрстіане въ азімиство да се възврате опеть въ хрстіаньство. Ако ли се кто обрѣте прѣчювь, и не възвратився въ хрстіаньство, да се каже како пише оу законику светыихь отьць.

Ст. 7. И да постави прьковь велика протопоповѣ по вьсѣхь трьговѣхь, да възврате хрстіане оть ереси Латиньскыю, кои се соу обратили въ вѣроу Латиньскоу. и да имь даде заповѣдь доуховноу. и да се вьсакы врати въ хрстіаньство.

Ст. 8. И попь Латиньскы. ако се наиде обративь хрстіанина въ вѣроу Латиньскоу, да се каже по законоу светыихь отьць“ [2]).

Этими постановленіями наносился страшный ударъ католической пропагандѣ въ Сербіи. Всякое совращеніе въ латинство каралось закономъ и, наоборотъ, узаконялось обязательное возвращеніе въ православіе всѣхъ совращенныхъ. При исполненіи этихъ законовъ католическое духовенство не могло не подвергнуться притѣсненіямъ, о которыхъ упоминаютъ дубровницкіе лѣтописцы. Но едва ли справедливо сообщеніе Орбинича о разграбленіи Душаномъ латинскихъ церквей. Фанатической ненависти къ латинству у него не было; онъ былъ озабоченъ лишь огражденіемъ православія, господствующей вѣры своего государства [3]).

Такая смѣлая, энергическая политика Душана въ вопросѣ глубокой важности для всего славянскаго населенія полуострова естественно вызвала бурю на западѣ. Раздались голоса о преслѣдованіи латинства, о насильственномъ перекрещиваніи Латинянъ въ

---

[1]) Orbini. 261. Luccari. 55.

[2]) Зигель. Законникъ Стефана Душана. Спб. 1872. Прибавленія 10 — 12, Новаковиħ. Законик Стефана Душана. у Биограду 1870. 23. 44.

[3]) Доказательствомъ тому могутъ служить, напр., его дружественныя отношенія къ Дубровчанамъ—католикамъ, или его особенное довѣріе къ Николаю Бучѣ—исповѣдывавшему католицизмъ, какъ это видно изъ письма къ нему папы Климента VI отъ 1347. Theiner Monum. Hung. I. 734. Ср. выше стр. 238.

православіе, вообще о торжествѣ схизмы и ереси „надъ единой чистой католической вѣрой". Папѣ, верховному вождю западнаго міра, предстояло принять мѣры для защиты „истиннаго ученія" и организовать борьбу съ опаснымъ врагомъ. Уже съ первыхъ годовъ государственной дѣятельности Душана, предстоятели римской церкви Бенедиктъ XII и Климентъ VI убѣдились въ невозможности лично вліять на царя. Посланія папскія по дѣламъ католической вѣры встрѣчались имъ, повидимому, весьма холодно [1]. Въ 1347 г. Климентъ VI, не покидая мысли расположить Душана къ общенію съ престоломъ св. Петра, каковую надежду, вѣроятно, поддерживала въ немъ Венеція, не рѣшается заговорить объ этомъ дѣлѣ съ самимъ царемъ, а сносится съ его довѣреннымъ человѣкомъ Николаемъ Бучей и все-таки не имѣетъ никакого успѣха [2]. Поэтому, при извѣстіи объ изданіи законовъ „противъ латинской ереси" папа прямо обращается къ угрозѣ—„поднять противъ Душана Европу" [3], если онъ не отмѣнитъ своихъ постановленій. Угроза эта передавалась черезъ Дубровчанъ, находившихся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ царемъ и имѣвшихъ даже на него нѣкоторое вліяніе [4]. Душанъ, однако, не внималъ этимъ представленіямъ. Тогда Климентъ VI обращается за помощью къ свѣтской власти. Въ маѣ 1350 г. папскій легатъ ѣдетъ къ угорскому королю, венеціанскому дожу и магистру ордена Іоаннитовъ и увѣщеваетъ ихъ принять мѣры къ тому, чтобы Душанъ (qui se cesarem seu regem Raxie facit comuniter nominari) отказался отъ преслѣдованія христіанъ римской церкви и отъ насильственнаго перекрещиванія ихъ въ ересь [5]. Неизвѣстно, сдѣлали ли тогда названные государи какое-либо письменное представленіе сербскому царю по этому вопросу, какъ о томъ просилъ папа. Но

---

[1] Theiner Mon. Slav. I p. 185.

[2] Theiner Mon. Hung. I p. 734.

[3] Luccari. 55. Il minaccio di voler proceder contro di lui con le forze d'Europa.

[4] Ibidem.

[5] Ljubić. Monumenta III. 186. Cum..... Stephanus..... nonnullos christianos in ejus regno habitantes per vim et violenciam ad ejus perfidiam et infidelitatem trahat, ipsosque preter et contra formam ecclesie faciat batizari in christiane fidei non modicum detrimentum.

фактически оказать давленіе на него они во всякомъ случаѣ не могли въ то время. Лудовикъ былъ въ итальянскомъ походѣ, Венеція въ размолвкѣ съ Душаномъ и въ тревогѣ по случаю его движенія въ Босну, іоаннитскимъ рыцарямъ было много своего дѣла съ ближайшими схизматиками-греками. Отсрочка, впрочемъ, была непродолжительна.

Борцемъ за интересы латинства и мстителемъ царю-схизматику за всѣ его преступленія выступилъ Лудовикъ угорскій въ 1353 г. [1]). Съ многочисленнымъ войскомъ приблизился король къ Дунаю. Это шло настоящее крестоносное ополченіе. Душанъ сначала выступилъ на встрѣчу непріятеля, но въ виду превосходства его военныхъ силъ, по совѣту воеводъ, отступилъ въ обширную долину Ломницы и Рудника, защищенную дремучими непроходимыми лѣсами. Всѣ дороги ведшія черезъ эти лѣса внутрь страны были прекрасно защищены. Видя со стороны Сербовъ полную готовность къ отпору, Лудовикъ прежде начатія военныхъ дѣйствій рѣшился добиться своихъ цѣлей мирными переговорами. Состоялось свиданіе обоихъ государей, но при обстановкѣ, если вѣрить Орбиничу, весьма странной. Царь на конѣ подъѣхалъ къ Дунаю, а король приплылъ

---

[1]) Орбиничъ и Луккаричъ, у которыхъ находимъ свѣдѣнія объ этой войнѣ, не даютъ для нея удовлетворительной даты. Вообще у того и другаго лѣтописца—хронологія крайне запутана. Иногда событія стоятъ у нихъ въ невозможной послѣдовательности. Орбиничъ относитъ первое вторженіе Лудовика въ Сербію къ 1343 г., что невозможно, и затѣмъ, черезъ два года послѣ того ставитъ смерть младшаго брата короля, Стефана, случившуюся гораздо позже (1355). Лукаричъ пріурочиваетъ это событіе ко времени утвержденія Турокъ въ Галлиполи, что однако ставитъ ранѣе 1347 г. и похода Душана въ Босну. Время войны, впрочемъ, безошибочно опредѣляется переговорами Душана съ папой, которые относятся къ 1354 г. По свидѣтельству латинскихъ церковныхъ историковъ Райнальда, Фарлата и Ассемани, переговоры эти были вызваны опасностью со стороны Угорскаго короля. Уже Энгель (Geschichte von Servien 286) вѣрно принялъ 1353 – 1354 г. за дату событія, о которомъ говорятъ Орбиничъ и Лукаричъ; но онъ ошибочно сопоставилъ съ этими дубровницкими извѣстіями свидѣтельство автора житія Душанова, относящееся, какъ мы видѣли, къ походу Карла Роберта 1334 г. Ошибку эту повторили Рачкій (Rad. II. 82) и Любичъ (Opis jugoslav. nov. 89). Въ сербскихъ источникахъ (Тронопіская лѣтопись, Обшти листъ, родословіе сербскихъ царей, хроника Бранковича) свѣдѣнія о войнѣ съ Уграми заимствованы изъ Орбинича.

въ лодкѣ, но не вышелъ на берегъ; въ такомъ положеніи они обмѣнялись привѣтствіями и начали переговоры. Условіями мира Лудовикъ поставилъ Душану слѣдующія четыре требованія: 1) принятіе католической вѣры и повиновеніе римской церкви; 2) отказъ отъ земель, которыя считаются принадлежащими угорской коронѣ; 3) признаніе верховной власти угорскаго короля, повиновеніе и вѣрность ему; и 4) выдача заложникомъ сына Уроша [1]). Нѣтъ возможности провѣрить достовѣрность этихъ условій, но онѣ вполнѣ соотвѣтствовали тѣмъ стремленіямъ, которыя руководили Лудовикомъ при нападеніи на Сербію. Требованія эти, конечно, были отвергнуты Душаномъ. Тогда началась война. Изъ запутаннаго разказа Орбинича и Лукарича [2]), трудно составить о ней сколько-нибудь точное представленіе. Угры вторглись въ Сербію и подвергли жестокому опустошенію всю страну до Ломницы и Рудника. Но овладѣть устроенными въ этихъ пунктахъ сербскими укрѣпленіями не могли, а потому отступили въ свои предѣлы. Сербы также высылали отряды въ тылъ непріятелю и наносили ему значительный вредъ. Неизвѣстно, удержали ли Угры по отступленіи придунайскую Сербію, т. е. Мачву и Бѣлградъ. Орбиничъ говоритъ, что они укрѣпили Бѣлградъ и снабдили его сильнымъ гарнизономъ. Но Мачва, очень возможно, въ этомъ или слѣдующемъ году была опять во власти Сербовъ.

Лудовикъ, однакожъ, не ограничился этимъ походомъ, успѣхъ котораго былъ весьма сомнителенъ. Въ 1354 г. онъ собирался продолжать войну и дѣлалъ къ ней большія приготовленія [3]). Но второй походъ его въ Сербію въ этомъ году не состоялся. Душанъ, устрашенный грозными приготовленіями Угровъ, вступилъ въ дипломатическія сношенія съ папой, который, въ

[1]) Orbini 263: il Re Lodouico domandaua dall' Imperadore quattro cose: una, che abbracciasse la fede catholica, et fusse obediente alla Chiesa Romana; l'altra, che gli lasciasse le terre che furono del Re Stefano, le quali pretendeua, che fussero della corona d'Ungaria; terza che lo riconoscesse per suo superiore e li fusse obediente et fedele; quarta, che li desse per ostaggio Urosc suo figliuolo.

[2]) Orbini. 262—264. Luccari. 57.

[3]) Raynaldi Annales ecclesiastici ad ann. 1354. № 59. Assemanii Kalendaria Ecclesiae universae. V. 59.

виду выраженнаго смиренія царя-схизматика, долженъ былъ на время удержать угорскаго короля отъ осуществленія принятой имъ на себя религіозно-политической миссіи. Не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ для выясненія мотивовъ, заставившихъ Душана для отстраненія удара со стороны Латинянъ, обратиться именно къ этому средству, которое такъ не вязалось съ сознательно усвоеннымъ имъ положеніемъ *царя православнаго* и впослѣдствіи далъ поводъ католическимъ писателямъ упрекать его въ вѣроломствѣ. Намъ приходится ограничиться лишь нѣсколькими, наиболѣе вѣроятными соображеніями. 1354 годъ, предпослѣдній въ жизни и дѣятельности Душана, относится, какъ мы видѣли, къ порѣ его разочарованія въ своихъ политическихъ замыслахъ на востокѣ. Пораженіе, понесенное Каснецомъ Бориловичемъ на Марицѣ, указывало царю, какъ недостаточны его военныя средства для борьбы съ Турками. Оборонительная война съ Уграми въ 1353 г. также свидѣтельствуетъ, что царь въ это время чувствовалъ недостатокъ въ войскѣ. Потери въ эту войну, вѣроятно, были весьма значительны; опустошеніе страны, причиненное вторженіемъ огромныхъ полчищъ Угровъ, не могло не быть чувствительнымъ. Послѣ цѣлаго ряда неудачъ Душанъ, естественно, начиналъ сомнѣваться въ благопріятномъ исходѣ предстоящей борьбы, тѣмъ болѣе, что по слухамъ о большихъ приготовленіяхъ Лудовика, борьба эта обѣщала быть жестокою. Такимъ образомъ, не надѣясь на свои собственныя силы, царь не находитъ ничего лучше какъ обратиться къ дипломатическому пути—онъ сближается съ папой. Сближеніе это, конечно, не могло быть другимъ какъ мнимымъ, фиктивнымъ. Душанъ рѣшился притворно объявить себя послушнымъ сыномъ римской церкви, готовымъ исполнить требованія папы, разсчитывая черезъ это устранить поводъ для новаго нападенія Лудовика и найти въ папѣ своего заступника передъ угорскимъ королемъ. На самомъ же дѣлѣ онъ, безъ сомнѣнія, не думалъ ни на минуту измѣнять православію или въ чемъ-либо отступить отъ своей внутренней политики по отношенію къ латинству. Съ нравственной точки зрѣнія, избранный Душаномъ дипломатическій пріемъ является крайне нечистымъ и предосудительнымъ. Завѣдомое лганье въ такихъ важныхъ дѣлахъ какъ вѣра и совѣсть,

унизительное для частныхъ лицъ, еще болѣе недостойно великаго монарха. Но съ точки зрѣнія политики даннаго времени этотъ пріемъ лживыхъ обѣщаній папству имѣетъ за себя много оправданій и не можетъ быть строго осуждаемъ. Самое главное, онъ представлялъ явленіе весьма обычное въ политической жизни греко-славянскаго юго-востока и не былъ для Душана новостью или первымъ шагомъ, отвѣтственность за который падала бы на одного царя. Къ подобному заискиванію у папъ въ минуты опасности отъ Латинянъ, къ ложнымъ увѣреніямъ въ покорности престолу Св. Петра, обращался и дѣдъ Душана Милутинъ, и болгарскіе Асѣни, и греческіе императоры: Михаилъ Палеологъ, Іоаннъ Кантакузинъ, Іоаннъ Палеологъ. Вообще исторія греко-славянскаго міра представляетъ много разныхъ проектовъ уній съ Римомъ. Такимъ образомъ самыя неблагопріятныя политическія условія, въ которыя были поставлены южные Славяне и Византійцы, выработали означенный пріемъ вѣроломной политики въ отношеніи папства. Какъ ни безнравственъ самъ по себѣ этотъ пріемъ, онъ являлся вполнѣ понятнымъ, а иногда единственно возможнымъ отвѣтомъ на не менѣе безнравственныя и унизительныя махинаціи, къ которымъ прибѣгали папы и исполнители ихъ воли западные государи ради насильственнаго водворенія латинства на православномъ востокѣ. Вынужденъ былъ воспользоваться этимъ средствомъ и Душанъ въ виду поднимавшейся на него грозы съ запада. Средство удалось. Походъ Лудовика нѣсколько былъ замедленъ, а затѣмъ внѣшнія обстоятельства сложились такимъ образомъ, что царь могъ круто порвать съ папой ранѣе, чѣмъ и самъ предполагалъ, рѣзко выказавъ при этомъ и дѣйствительное значеніе своего кратковременнаго сближенія съ Римскимъ первосвященникомъ и всю свою непоколебимую вѣрность тѣмъ религіознымъ началамъ, носителемъ и выразителемъ которыхъ онъ оставался въ теченіе всей своей жизни. Сношенія его съ папой, начавшіяся весьма торжественно, имѣли весьма комическую развязку.

Лѣтомъ 1354 г., въ іюнѣ, сербскіе послы: Божидаръ—Главный Судья (Bossidarius judex generalis), Нестягъ—Сересскій Кефалія (Nestegius Cephalia Serenus) и Даміанъ—Которскій гражданинъ (Damianus de Catara civis Catarensis), снабженные полномочіями и

довѣрительными хрисовулами царя отправились въ Авиньонъ. Венеція, съ которою Душанъ съ 1354 г. находился снова въ дружественныхъ отношеніяхъ, особыми письмами рекомендовала пословъ папѣ и нѣкоторымъ кардиналамъ [1]). Уже 29 августа Иннокентій VI (1352—1362) радостно извѣщалъ Душана о благосклонномъ пріемѣ его уполномоченныхъ и о заключеніи съ ними соглашенія. Отъ имени своего царя послы признали римскую церковь матерью, наставницею и госпожею всѣхъ христіанъ (in matrem, magistram et dominam Christianorum omnium) а римскаго первосвященника всеобщимъ отцемъ и господиномъ христіанъ, намѣстникомъ Христа и преемникомъ перваго изъ апостоловъ блаженнаго Петра (in universalem Christianorum ipsorum patrem et dominum, ac verum Christi Vicarium et beati Petri apostolorum principis successorem), обѣщали постоянное повиновеніе своего государя папѣ и его преемникамъ и обязались возвратить Латинянамъ полную религіозную свободу въ предѣлахъ Сербскаго царства: перекрещиваніе Латинянъ въ православіе будетъ запрещено, церкви, несправедливо отнятыя у нѣкоторыхъ латинскихъ священниковъ будутъ возвращены послѣднимъ, за исключеніемъ шести монастырей, возвращеніе которыхъ по необходимости должно быть отсрочено; всякое притѣсненіе Латинянъ уже запрещено царскимъ указомъ и теперь всѣ латинскіе епископы, аббаты, пресвитеры и клирики могутъ свободно вернуться въ свои церкви, монастыри и бенефиціи и безъ помѣхи отправлять богослуженіе по обрядамъ своей церкви; наконецъ, всѣ перешедшіе изъ латинства въ православіе, по заблужденію ли или изъ страха, или вслѣдствіе насилія и принужденія — должны безпрепятственно возсоединиться съ прежнею церковью. Всѣ эти обѣщанія послы подтвердили отъ имени царя присягою надъ Св. Евангеліемъ. Извѣщая Душана о такомъ исходѣ переговоровъ, Иннокентій хвалилъ царя за чистоту вѣры (puritatem fidei) и обѣщалъ согласно его просьбѣ прислать ему людей „исполненныхъ страха Божія и ревностью къ Его закону“, для окончательнаго устройства церковныхъ дѣлъ въ его царствѣ [2]).

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Душанъ черезъ тѣхъ же пословъ

---

[1]) Ljubić. Monumenta III. 264.

[2]) Theiner. Mon. Hung. II. 8—9.

увѣдомлялъ папу, что онъ принялъ всѣ условія соглашенія и издалъ уже постановленія касательно возвращенія латинской церкви въ Сербіи ея прежнихъ правъ. Неизвѣстно—были ли на самомъ дѣлѣ обнародованы такія постановленія и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнены вышеприведенныя статьи Законника. Во всякомъ случаѣ если все это и было сдѣлано, то только для виду, на бумагѣ. Обстоятельства, при которыхъ произошла окончательная развязка переговоровъ съ папой, ясно доказали это. Между тѣмъ царь велъ интригу дальше. Черезъ Трогирскаго епископа Варѳоломея онъ просилъ Иннокентія „назначить его отъ имени церкви капитаномъ противъ Турокъ“ (ab eadem ecclesia matre tua contra Turchos ipsos Capitaneus ordinari), другими словами благословить его на крестовый походъ противъ невѣрныхъ для защиты христіанъ. Смыслъ этой просьбы вполнѣ понятенъ. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какъ мало Душанъ заботился о правильной борьбѣ съ Турками, и на сколько несостоятельнымъ оказался въ этой борьбѣ. Не о ней, слѣдовательно, онъ думалъ, обращаясь къ Иннокентію съ означеннымъ предложеніемъ. Онъ просто поддѣлывался къ папѣ, много наслышавшись о его попыткахъ устроить крестовый походъ противъ Турокъ, отъ которыхъ сильно страдали Латиняне въ южной части Балканскаго полуострова и на островахъ Архипелага. Принимая отъ римскаго первосвященника благословеніе на войну противъ Турокъ, онъ тѣмъ самымъ выговаривалъ безопасность своихъ владѣній со стороны Латинянъ—Угровъ. Иннокентій былъ въ восторгѣ отъ всѣхъ этихъ знаковъ покорности до сихъ поръ столь упорнаго царя-схизматика. Въ длинномъ посланіи къ нему отъ 24 Декабря 1354 г. онъ въ витіеватой формѣ приносилъ Душану глубокую благодарность за все сдѣланное для церкви, посылалъ ему пожеланіе многихъ лѣтъ счастливаго царствованія, удачи въ войнѣ, благополучія во время мира, и благословлялъ на принятіе званія „воеводы, или капитана для борьбы съ Турками“. Въ заключеніе онъ просилъ царя благосклонно принять посылаемыхъ въ Сербію для устройства церковныхъ дѣлъ благочестивыхъ мужей—Варѳоломея, епископа Трогирскаго и Петра, епископа Патскаго [1]). Порученіе, возложенное на этихъ легатовъ, какъ видно

[1]) Theiner. Mon. Hung. II. 11—13.

изъ данной имъ инструкціи и посланій папы къ царю и патріарху, имѣло большую важность. Они должны были разсѣять господствовавшія въ Сербскомъ государствѣ заблужденія (какъ-то въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа, о хлѣбѣ для причастія и пр.) искоренить ереси и схизму, обратить заблуждающихся къ единенію съ римскою церковью, возстановить обряды послѣдней и проч., однимъ словомъ формально привести сербскую церковь и сербскій народъ къ общенію съ церковью латинскою 1).

Епископы Вареоломей и Петръ отправились въ Сербію черезъ Угрію. Письмомъ отъ 22 ноября папа просилъ Лудовика оказать всякую помощь и содѣйствіе легатамъ, облеченнымъ высокою миссіей присоединить къ римской церкви Сербскаго царя и подвластные ему народы (pro uniendis et aggregandis unitati ecclesie matris tue auctore Deo, Rege Rassie illustri et populis subditis ipsi Regi) и *съ довѣріемъ принять особыя сообщенія, которыя они ему сдѣлаютъ* (nunciis quibus super premissis aliqua tibi exponenda oretenus duximus injungenda, in hiis, que tibi pro parte nostra retulerint, adhibens plenam fidem) [2]). Не трудно догадаться, что эти сообщенія представляли просьбу къ королю оставить на время въ покоѣ Сербію. Для обезпеченія успѣха миссіи отъ имени папы отправлены были посланія ко всѣмъ вліятельнымъ лицамъ въ царствѣ, отъ которыхъ могъ зависѣть ходъ дѣла. Царица Елена получила посланіе дословно того же содержанія, что и царь [3]). Патріарху Іоанникію Иннокентій писалъ, что онъ какъ пастырь многочислен-

---

[1]) Theiner. Mon. Hung. II. 13—16. Въ посланіи къ Душану цѣль миссіи названныхъ епископовъ нѣсколько затемнена фигуральными выраженіями. Но весьма ясно она выражена въ инструкціи легатамъ, данной 27 декабря 1354 г.: comittimus et mandamus, quatenus vos vel alter vestrum ad loca dictorum Regnorum, de quibus vobis magis videbitur expedire, vos personaliter conferentes, et contra errantes, presumptores et attemptatores hujusmodi pro ecclesia sancta Dei vos defensionis murum viriliter opponentes premissa *scismata dissipare, sectas dissolvere, errores evellere, excessus corrigere, deformata reformare et errantes ipsos ad veram ipsius catholice fidei unitatem et ecclesie prefate ritus et mores reducere.* Cp. Raynaldus ad an. 1354. № 26–29.

[2]) Theiner Mon. Hung. II. 11.

[3]) Ibidem. 13.

наго стада, хотя и не правильно принявшій это высокое званіе (quamquam illicite, cum non per ostium, idest per ipsam ecclesiam in ovile ovium, sed aliunde intraveris) долженъ прежде всего самъ узнать путь къ истинѣ, а потомъ вести по нему и свою паству; по этому пусть онъ благосклонно приметъ папскихъ легатовъ, послѣдуетъ ихъ спасительнымъ увѣщаніямъ и окажетъ имъ всякую помощь при совершеніи ихъ великаго дѣла [1]). Съ подобною же просьбою папа обращается ко всѣмъ архіепископамъ и епископамъ Рассіи, Сербіи и Албаніи, къ важнѣйшимъ правительственнымъ лицамъ государства, Севастократору Деяну, Великому Логоѳету Гойку, Деспоту Оливеру, Кесарю Прелюбу, Коморнику Грульбу, Пальману, начальнику германской наемной дружины (Palmanno Theutonico capitaneo gentis armigere ad stipendia regis Rassie) и ко всѣмъ начальникамъ и властелямъ Славоніи и Албаніи" [2]).

Изъ всѣхъ этихъ приготовленій видно, какія свѣтлыя надежды связывалъ Иннокентій съ посылаемою имъ миссіей въ Сербію. Но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Папа, очевидно, зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ планахъ, совершенно забывъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Зная сколько нибудь Душана, его идеалы и стремленія, а равно привязанность Греческаго и Славянскаго народовъ къ своей вѣрѣ, нечего было и думать о возможности здѣсь настоящей уніи съ Римомъ. Печальная участь ожидала папскихъ легатовъ. Объ одномъ изъ нихъ, Варѳоломеѣ епископѣ Трочирскомъ, мы не знаемъ даже, доѣхалъ ли онъ до Сербіи. Быть можетъ, уже дорогой онъ получилъ извѣстіе о рѣзкой перемѣнѣ въ образѣ мыслей царя и рѣшился вернуться назадъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ ни одного указанія на пребываніе его въ царствѣ Душана. О приключеніяхъ другаго, т. е. Патскаго епископа, сохранилось любопытное свидѣтельство его современника и біографа Филиппа Мезьѐ (1312—1405) секретаря у двухъ Кипрскихъ королей и позже совѣтника Французскаго короля Карла V. Для знакомства съ обстоятельствами разрыва Душана съ папой лучше всего будетъ привести это свидѣтельство, авторъ котораго, весьма

---

[1]) Ibidem. 13—14.

[2]) Ibidem. 15—16.

вѣроятно, находился въ свитѣ Петра во время его сербской миссіи [1]).

„Перенесши много трудовъ и опасностей, служитель Божій прибылъ наконецъ съ помощью Божіею въ Сербію и спустя нѣсколько дней предсталъ на лицезрѣніе царя Сербіи. Царь превосходилъ всѣхъ людей міра размѣрами своего тѣла и былъ грозенъ на видъ. Есть же такой обычай въ этомъ царствѣ, усвоенный царскому величеству, что всякій приходящій на пріемъ къ царю, прежде привѣтствія, долженъ поцѣловать его ногу и выполнить разные другіе унизительные обряды. Братъ Петръ, папскій легатъ, много разъ слышалъ объ этомъ и былъ предостерегаемъ, что онъ можетъ подвергнуться смерти, если не исполнитъ этого обычая. Тѣмъ не менѣе, явившись къ царю [2]), онъ не палъ передъ нимъ ницъ и не выразилъ особеннаго благоговѣнія, дабы этимъ, въ своемъ званіи папскаго посла, не умалить правъ церкви, а взамѣнъ того, оставивъ всякій страхъ, съ надеждою на Бога привѣтствовалъ царя прилично, внушительно и съ достоинствомъ. Царь же, окруженный стражею и боярами, надменно принялъ легата и много говорилъ съ нимъ съ важностью и хвастливостью (superbe nuncium papalem recepit, et multa verba magnifica et jactabunda secum habuit). Затѣмъ въ назначенный день Петръ пришелъ къ царю для объясненія цѣли своего посольства; въ своей рѣчи онъ ясно и точно изложилъ все дѣло. Въ отвѣтахъ же царя посолъ папы ясно замѣтилъ заносчивость, осторожность и лживость (superbiam, cautelas et mendacia clare cognovit). Тогда всѣ считали свиту брата Петра и его самого за людей осужденныхъ на смерть, видя лютость и злонамѣренность царя. Такъ прошло нѣсколько дней. Не разъ въ это время были заключаемы договоры въ пользу римской церкви, но всегда они снова коварнымъ образомъ были нарушаемы.

---

[1]) Сочиненіе Филиппа Мезье (Ph. de Maizières) напечатано въ 1659 г. въ Антверпенѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Vita S. Petri Thomasii ex ordine Fratrum B—mae Virginis Mariae de Monte Carmelo, episcopi Pactensis et Coronensis, Archiepiscopi Cretensis et patriarchae Constantinopolitani ac legati Apostolici: scripta et oculata teste Philippo Mazzerio Cancellario Cypri, et a Godefrido Hensehenio Societatis Jesu illustrata. Antverpiae. 1659. Извлеченіе изъ этого сочиненія, касающееся миссіи въ Сербію, сдѣлано Даниличемъ въ изд. *Гласник* XXI. 277—288.

[2]) Собств. Мезье называетъ Душана королемъ-Rex.

Между тѣмъ самъ братъ Петръ ежедневно заставлялъ совершать Божественную службу въ своемъ присутствіи, гдѣ бы онъ ни находился: въ полѣ ли, въ городѣ ли, или въ замкѣ. Наконецъ царь тиранъ на столько ожесточился, что сталъ открыто выражать свою злобу противъ римской церкви и обнародовалъ указъ, запрещавшій Христіанамъ римской церкви подъ угрозою лишенія глазъ присутствовать при миссѣ, совершаемой самимъ братомъ Петромъ. Было же при царѣ много знатныхъ Германцевъ и другихъ наемниковъ. Страхъ и ужалъ объялъ всѣхъ вѣрующихъ римской церкви. Но вѣрный посланникъ, будучи самъ неустрашимъ, и ихъ ободрялъ съ религіознымъ жаромъ; хорошо сознавая всю опасность, которой подвергались онъ самъ и вѣрующіе церкви, однакожъ, отложивъ страхъ передъ смертью, напротивъ желая ея ради „умноженія католической вѣры", онъ обратился къ нимъ съ веселымъ лицомъ и сказалъ, что завтра, въ обычный часъ, не смотря на запрещеніе царя онъ самъ лично будетъ служить торжественную миссу: если кто изъ нашихъ вздумаетъ прійти, пусть пожалуетъ, а кто не пожелаетъ, на томъ не взыщется. На слѣдующій день утромъ, въ обычный часъ, братъ Петръ спокойно ожидалъ смерти, приготовляясь на условленномъ мѣстѣ къ служенію торжественной миссы. И вотъ вѣрующіе, не обращая вниманія на царскій указъ, съ радостью какъ бы на мученическій подвигъ спѣшили на миссу легата и благоговѣйно выслушали богослуженіе. Присутствовало на немъ до 300 Германцевъ (Teutonici), кромѣ другихъ христіанскихъ народовъ.

По окончаніи службы царь, узнавъ о случившемся, воспылалъ яростью и потребовалъ къ себѣ Германцевъ, нарушившихъ его распоряженіе. Когда тѣ пришли, царь, измѣнившись въ лицѣ, грозно обратился къ нимъ: какъ вы не побоялись нарушить мой указъ? Развѣ вы не знали, что я постановилъ вырвать у всѣхъ васъ глаза, если вы вздумаете слушать миссу нашего непріятеля (si Missam inimici nostri audiretis). Тутъ одинъ изъ Германцевъ, человѣкъ набожный и сильный, начальникъ всего отряда (имени его не упомню) [1]), вдохновленный Святымъ Духомъ и ободренный моимъ От-

[1]) Вѣроятно это былъ Пальманъ, къ которому въ числѣ другихъ обращался съ письмомъ папа Иннокентій VI.

цомъ, прежде другихъ отвѣтилъ царю: „Господинъ, справедливо, что мы знали о твоемъ распоряженіи, но мы боимся Бога болѣе нежели тебя. И какъ же мы могли оставить такого Отца совершать службу одного безъ насъ? Ты хорошо знаешь, что всѣ мы католики и послѣдователи римской церкви; поэтому если ты хочешь лишить насъ глазъ, то знай, что мы готовы пожертвовать не только глазами, но и самою жизнью для защиты католической церкви". Услышавъ такія рѣчи царь смягчился и началъ даже смѣяться и удивляться такой твердости папскаго посла и Германцевъ. Съ этой минуты нѣкоторое время братъ Петръ сталъ пользоваться со стороны царя такимъ почетомъ и уваженіемъ, что я не въ состояніи описать этого. Между тѣмъ какъ царь продолжалъ упорствовать и пребывать въ ереси (Rege obstinato et in perfidia remanente) братъ Петръ успѣлъ обратить къ уніи съ Римомъ много церквей въ митрополіи и другихъ мѣстахъ государства, которыя до того были схизматическими. И послѣ многихъ безконечныхъ опасностей и козней, искусно устраиваемыхъ царемъ, братъ Петръ, съ Божіею помощью едва наконецъ выбрался здравъ изъ Сербскаго царства и вернулся къ папскому двору" [1]).

И такъ, разрывъ Душана съ папствомъ былъ полный. Совершенно ясны ближайшія причины его. Продолжать далѣе двойную игру съ римскимъ первосвященникомъ становилось невозможнымъ для царя, а между тѣмъ цѣль, ради которой начата была эта игра, была достигнута. Нашествіе Угровъ было задержано [2]). Въ 1354 и 1355 г. Лудовикъ, слѣдуя увѣщаніямъ папы, оставилъ въ покоѣ Сербію и совершалъ свою благочестивую миссію на дальнемъ востокѣ; онъ велъ войны съ Литовцами и Татарами и помогалъ польскому королю Казиміру завоевывать Галицкую и Червонную Русь [1]). Съ другой стороны у Душана нашлись уже союзники про-

---

[1]) Кромѣ указанныхъ документовъ относящихся къ вопросу о сношеніяхъ царя съ папой имѣется одинъ славянскій документъ, изданный въ Гласникѣ (VIII. 147) и выдаваемый за письмо папы Иннокентія VI къ Душану. Но подлинность этого документа весьма сомнительна.

[2]) Raynaldus ad. ann 1354: At descivit a suscepto damnandi schismatis consilio, retardato iterum bello Hungarico.

[1]) Fessler. II. 131. Еще лѣтомъ 1355 г. до Венеціи доходилъ неріятный

тивъ Угровъ. Въ 1355 г. состоялся бракъ краля Уроша съ Еленою дочерью Валашскаго князя Влайка [2]). Валахи, столь недавно образовавшіе свое государство, имѣли въ Уграхъ опасныхъ враговъ своей независимости. Теперь новозаключенный брачный союзъ обезпечивалъ обоимъ народамъ болѣе единодушный образъ дѣйствій противъ общаго врага. Другимъ союзникомъ навязывалась сербскому царю Венеція. Власть и значеніе республики въ Далмаціи въ это время подвергались все большей и большей опасности. Лудовикъ считалъ возвращеніе этой земли угорской коронѣ дѣломъ столь же важнымъ какъ усмиреніе схизматиковъ. Съ 1353 г. онъ уже принималъ мѣры для поднятія движенія въ Далмаціи [3]). Въ половинѣ 1355 г. былъ пущенъ слухъ о походѣ короля въ предѣлы Адріатики [4]). Душану, повидимому, открывался случай воспользоваться распрей двухъ латинскихъ государствъ и усилить свое значеніе на сербо-хорватскомъ западѣ. Но дѣятельность его въ эту сторону по прежнему отличается крайнею осторожностью и нерѣшительностію. Какъ союзникъ Венеціи онъ подчиняется ея вліянію въ ущербъ интересамъ государственнымъ и вообще славянскимъ. Сами обстоятельства, казалось, толкали Душана къ утвержденію своей власти на Адріатическомъ побережьѣ, и онъ однако не внималъ этимъ толчкамъ. У Душана была сестра Елача или Елена, выданная замужъ за хорватскаго князя Младина, владѣтеля городовъ Клиссы и Скрадина. Рано овдовѣвъ и оставшись съ малолѣтнимъ сыномъ, княгиня готова была отказаться отъ означенныхъ городовъ. Она вошла въ соглашеніе съ братомъ и передала ему оба города. Скрадинъ занялъ сербскій гарнизонъ подъ

для нея слухъ о примиреніи Угорскаго короля съ Душаномъ. Ljubić. III 270. 272. 273.

[2]) Orbini. 266—267. Luccari. 59. *Гласник.* V. 68—69. XXXV. 40. По словамъ Орбинича Душанъ сперва просилъ для Уроша руки дочери французскаго короля. Съ этою цѣлью во Францію ѣздилъ Николай Буча. Французскій король (Іоаннъ II) соглашался выдать дочь за сына сербскаго царя, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Душанъ и Урошъ приняли католическую вѣру. Условіе это не было принято и тогда уже обратились къ валашскому князю.

[3]) Ljubić. Monum, III, 257.

[4]) Ibidem, 270. 275.

начальствомъ Юраша, а Клиссу извѣстный намъ начальникъ германскаго отряда Пальманъ [1]). Занятіе этихъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ открывало Душану путь къ пріобрѣтенію Далмаціи и средства для борьбы съ Уграми. Но Сербы не только не успѣли воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами, но не могли даже удержать за собой названные города. Клисса въ 1355 г. была осаждена баномъ Хорватіи, дѣйствовавшимъ по приказанію угорскаго короля [2]). Венеція же усиленно хлопотала о пріобрѣтеніи за деньги въ свое распоряженіе обоихъ городовъ [3]). Переговоры ея съ Душаномъ, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ. 10 января 1356 г. Юрашъ, по распоряженію царя сдалъ Скрадинъ венеціанскимъ уполномоченнымъ въ виду невозможности защищать городъ именемъ своего государя [4]). Въ моментъ передачи Скрадина царя уже не было въ живыхъ.

Такъ безцвѣтна и ничтожна по своимъ послѣдствіямъ политическая дѣятельность Душана на западѣ. Умирая въ то время, когда греко-славянскій югъ болѣе всего нуждался въ могучей руководящей силѣ, первый сербскій царь, безъ сомнѣнія, уносилъ съ собою въ могилу тяжелое сознаніе всей затруднительности политическаго положенія созданной имъ монархіи. Если со стороны востока ему представлялся грозный призракъ несокрушимыхъ завоевателей Турокъ, разрушившихъ всѣ его мечты на счетъ Византіи, то и на западѣ передъ нимъ ясно вырисовывался образъ не менѣе опаснаго врага „короля латинина“ съ мечемъ въ рукѣ, занесеннымъ надъ беззащитною Сербіей, и во главѣ многочисленной дружины крестоносцевъ, созванныхъ для обращенія и порабощенія Славянъ-схизматиковъ.

Мѣра, принятая Душаномъ въ 1354 г. для отраженія Угровъ, какъ ни была удачна, была мѣра временная; она только отсрочивала, но не уничтожала опасность, грозившую царству. Разрывъ съ папой, изгнаніе его легатовъ не замедлили вызвать раздраженіе среди латинскаго міра и еще болѣе обострили враждебныя отно-

---

[1]) Ibidem, 271. 280. 289. 292. 298. 304. 305.

[2]) Ibidem. 289.

[3]) Она торговала ихъ еще у самой княгини. Ibidem. 276—279. 288. 296. 299.

[4]) Ibidem. 305.

шенія послѣдняго къ православному славянскому государству. Трудно представить себѣ, какъ велики должны были быть гнѣвъ и ярость Святаго Отца, столь жестоко обманувшагося въ своихъ планахъ и столь дерзко оскорбленнаго царемъ схизматикомъ. Чувства эти нашли откликъ въ сердцѣ послушнаго его сына короля Лудовика. Уладивъ дѣла въ Польшѣ, онъ спѣшитъ объявить себя защитникомъ поруганныхъ правъ церкви и въ началѣ 1356 г. проситъ папу объявить крестовый походъ противъ Сербовъ „мятежниковъ святой и единой матери церкви, схизматиковъ, невѣрныхъ и хулителей католической вѣры". Петръ Патскій, неудачно дѣйствовавшій въ Сербіи, является однимъ изъ главныхъ устроителей этого похода. Массы воиновъ не только изъ Угріи, но изъ чужихъ странъ стекались въ Загребъ, привлекаемые къ участію въ святомъ дѣлѣ столько же хорошимъ жалованьемъ и ожидаемою добычей, сколько отпущеніемъ грѣховъ и обѣщаніемъ небесныхъ блаженствъ. Вскорѣ въ сборномъ лагерѣ насчитывалось до 100,000 крестоносцевъ. Папа былъ въ восторгѣ. Радость его дошла до того, что онъ торжественно провозгласилъ Лудовика „знаменосцемъ церкви противъ схизматиковъ" (Signifer Ecclesiae aduersus infideles) и предписалъ всѣмъ христіанамъ молиться Богу не только о ниспосланіи побѣды королю, но и о дарованіи ему дѣтей, наслѣдниковъ его добродѣтелей [1]). Походъ этотъ въ Сербію, однакожъ, не состоялся въ 1356 г. Въ виду смерти Душана, Лудовикъ счелъ болѣе важнымъ раздѣлаться сперва съ своею соперницей—Венеціей. Въ 1358 г.

---

[1]) Theiner. Mon, Hung, II, 21—27; Raynaldus ad ann. 1356.—Fessler II, 135. Изъ манифеста изданнаго Лудовикомъ по случаю объявленія крестоваго похода, прекрасно раскрывается взглядъ этого короля на значеніе его политической роли по отношенію къ православному юго-славянству. Fejer Cod. diplom, Hung, IX, vol, 2. p. 171. Nos Ludovicus, D. g. rex Hangariae.... ut Catholicus et Christianissimus Princeps optauerimus, et affectanter optemus intuitu Dei, et sanctae matris Ecclesiae, et totius fidei Christianae, et ad ipsius laudem, et augmentationem regnum nuncupatum Rascie, *quod juris predecessorum nostrorum* ac nostri fuit et existit et quod de facto tentum est et tenetur occupatum *per sanctae et unicae matris Ecclesiae rebelles schismaticos, infideles et catholicae fidei contemtores, ac vesanos* ipsum regnum ad fidem Christianam, et sanctae Matris Ecclesiae unitatem, obedientiam, reverentiam debitam et honorem *et ad jus nostrum trahere et traducere prout etiam tenemur et ad predicta ex debito sumus adstricti.*

война была окончена, и Далмація на всемъ ея протяженіи отъ залива Кварнера до Драча снова вошла въ составъ Угорскаго королевства. Только теперь король могъ свободно обратиться къ исполненію обѣщанія, даннаго папѣ, и несчастный преемникъ Душана Урошъ долженъ былъ понести тяжелое наказаніе за грѣхи своего знаменитаго отца.

3) Отношенія къ Дубровнику.

Намъ остается коснуться отношеній Душана къ Дубровнику. Отношенія эти были почти всегда самыя дружественныя. Въ XIV в. Дубровникъ, какъ извѣстно, пріобрѣтаетъ весьма важное торговое и политическое значеніе какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и на Адріатикѣ, чѣмъ онъ былъ обязанъ прежде всего своему умѣнью ладить съ сосѣдними славянскими государями, сербскимъ и боснійскимъ [1]). Время Душана особенно благопріятствовало внутреннему росту и силѣ этого маленькаго полуславянскаго государства. Вытерпѣвъ не мало стѣсненій для своей торговли въ Сербскомъ королевствѣ отъ Стефана Дечанскаго, Дубровчане съ самаго начала сумѣли заручиться расположеніемъ его преемника и искусными мѣрами поддерживали это расположеніе почти все время его царствованія. Въ подаркахъ, одолженіяхъ, услугахъ, внѣшнихъ знакахъ почета сербскому царю не было недостатка съ ихъ стороны. Душанъ также дорожилъ дружбой республики. Не сочувствуя усвоенной Дубровникомъ роли католическаго миссіонера среди сербскаго народа, онъ, тѣмъ не менѣе, признавалъ важность тѣсныхъ торговыхъ сношеній его съ землями своего государства, оказывалъ всякую поддержку дубровницкимъ купцамъ, нуждался въ разныхъ услугахъ республики, а главное получалъ отъ нея и ея торговли весьма значительные доходы. По словамъ Орбинича и Растича, Дубровникъ во время правленія Душана пришелъ въ самое цвѣтущее положеніе. Торговля его получила огромное разви-

[1]) Свѣдѣнія о состояніи Дубровника въ первой половинѣ XIV в. почерпаются главнѣйше изъ недавно изданныхъ документовъ венеціанскаго и дубровницкаго архива. Извлеченіе изъ послѣднихъ можно найти въ нашей статьѣ: Новые матеріалы для исторіи Дубровника. (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880 г. сент.) стр. 221—261.

тіе; южно-славянскія земли были наводнены его мануфактурными товарами, а вывозимыя изъ этихъ земель сырье и горныя богатства развозились на дубровницкихъ судахъ въ дальнія страны; Босна и Сербія были усѣяны дубровницкими колоніями; во всѣхъ значительныхъ городахъ и мѣстечкахъ того и другаго государства были дубровницкіе консулы. Самый городъ Дубровникъ значительно разбогатѣлъ, населеніе его увеличилось, а размѣры государственной территоріи, благодаря удачнымъ пріобрѣтеніямъ со стороны Сербіи и Босны, почти удвоились [1]).

При первомъ извѣстіи о вступленіи Душана на престолъ послы отъ Дубровника явились привѣтствовать новаго краля и поднесли ему въ даръ 8000 перперовъ [2]). Послѣ того республика пользуется всякимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе сербскому государю. Дубровницкихъ пословъ мы видимъ на празднествѣ по случаю свадьбы Душана, и на его вѣнчаніи въ Скопіи. Дубровчане принимаютъ непосредственное участіе въ дѣлахъ сербскихъ. Въ первые же годы правленія Душана, противъ него поднялись нѣкоторые сильные властели и въ числѣ ихъ Богой. Это возстаніе отразилось на стѣсненія дубровницкихъ купцовъ, почему республика предложила кралю свое содѣйствіе для приведенія возмутившихся къ повиновенію [3]). Собственные же интересы заставили Дубровчанъ принять участіе и въ примиреніи сербскаго царя съ баномъ въ 1350 г., что, впрочемъ, не удалось имъ. Подкупаемый щедрыми приношеніями и выраженіями особеннаго вниманія, Душанъ въ 1333 г. уступилъ Дубровнику въ вѣчное владѣніе

---

[1]) Orbini 268. Resti подъ 1332 г.: li cittadini di Ragusa avevano respirato e col mezzo d'un florido commercio per la Slavonia fatto richezza grandi dalché era derivato, che si fossero moltiplicati gl'abitatori nellà città ... anche moltiplicato l'uso della navigazione con la quale portando le merci della Slavonia a paesi più lontani e riportandono anche le manifature abbondauano la Rassia, il che era di comodo al paese ed utile gránde all erano dal Re Stefano per la qual causa questo principe all oposto Orossio suo padre aveva in buoną opinione li cittadini di Ragusa, e lo dimostrava in ogni occasione. La republica,..., destinarono consoli per tutti li lochi di Bossina, Servia e Rassia....

[2]) Resti подъ 1331 г. Ljubić Monumenta I. 399.

[3]) Resti подъ 1332.

Стонъ, полуостровъ Пелешацъ, и береговую полосу земли отъ Стона до Дубровницкаго залива. Выше уже указано, при какихъ условіяхъ состоялась эта сдѣлка. Республикѣ она стоила много денегъ, но и принесла ей много выгодъ. Не говоря уже о значительномъ расширеніи ея владѣній, которое соединено было съ этимъ пріобрѣтеніемъ, однѣ солеварни, устроенныя близь Стона вскорѣ стали важнымъ источникомъ доходовъ. Болѣе всѣхъ помогъ Дубровчанамъ въ этомъ дѣлѣ любимецъ Душана Николай Буча. Въ благодарность за оказанныя услуги ему были пожалованы два дома, одинъ въ Дубровникѣ, другой въ Стонѣ, а самъ онъ былъ принятъ въ число знатныхъ гражданъ республики и постоянно чествуемъ приличными дарами и внѣшнимъ почетомъ [1]). Первая грамота Душана на уступку означенной территоріи Дубровчанамъ выдана 22 января 1333 года [2]). Но не вдругъ удалось республикѣ укрѣпить за собой сдѣланное пріобрѣтеніе. Уже въ слѣдующемъ году у Душана явились разныя сомнѣнія, и онъ готовъ былъ потребовать уступленную землю назадъ. Растичъ говоритъ, что краля смущали разные недоброжелательные совѣтники, внушавшіе ему мысль, что Дубровчане не въ состояніи сами защищать противъ непріятеля Стонъ и прилегающую къ нему область [3]). Но изъ грамоты самого Душана видно, что тутъ были и другія причины недовольства и сомнѣній, и между прочимъ стремленіе Дубровчанъ къ притѣсненіямъ православія въ новопріобрѣтенной области. Чтобы уладить дѣло, республикѣ пришлось еще разъ раскошелиться на подарки приближеннымъ краля. 19 мая 1334 г. Душанъ выдалъ Дубровнику новую подтвердительную грамоту, въ которую внесъ слѣдующіе три пункта: 1) Дубровчане не должны принимать къ себѣ людей краля; 2) да прѣбива попь срьбьски и да поѥ оу црьквахь коѥ соу оу Стону и оу Рьтоу (Пунта, Пелешацъ); 3) въ случаѣ войны Дубровника съ кралемъ, въ ней не должно принимать участія населеніе уступленной области [4]). Но и послѣ этого

---

[1]) Orbini 268. Resti подъ 1333 г. Monumenta Ragusina I. 86. 153. 156. 163. 172. 175. 262.

[2]) Ljubić Monumenta I. 398; Миклошичъ Mon. Serb. 103.

[3]) Resit подъ 1334 г.

[4]) Миклошичъ. Mon. Serbic 108. Resti подъ 1334 г.: e convenne, che li

документа Дубровчане еще не могли быть вполнѣ спокойными. Гостепріимство, оказанное ими болгарской царицѣ Аннѣ и ея сыну Шишману, вызвало, какъ мы видѣли, сильное негодованіе у Душана. Онъ потребовалъ назадъ договорную грамоту. На это Дубровчане отвѣчали, что сдѣланное имъ пожалованіе освящено клятвой и *одобрено высшими властелями сербскими* [1], и потому не можетъ быть отмѣнено. Краль двинулъ войско къ Стону, но нашелъ его прекрасно укрѣпленнымъ; къ тому же опасность, грозившая Сербіи отъ Угровъ отвлекла его на сѣверъ. Свой гнѣвъ и досаду онъ излилъ на дубровницкихъ купцахъ. Только черезъ властелей республика склонила Душана къ возстановленію мира, который послѣ того уже и не нарушался.

Прекрасно понимая, какую важную роль въ Сербіи играли властели, и какое большое вліяніе на Душана имѣли нѣкоторые изъ нихъ, пользовавшіеся особеннымъ его довѣріемъ, Дубровчане для достиженія своихъ цѣлей и обезпеченія своихъ выгодъ старались найти себѣ опору среди наиболѣе сильныхъ и вліятельныхъ представителей этого сословія. Ради этого они не останавливаются ни передъ денежными затратами, ни передъ всевозможными услугами, Особенно сильно они ухаживали за самымъ близкимъ къ Душану лицомъ, Николаемъ Бучей. Кромѣ того мы знаемъ, что почетнаго пріема и чествованія со стороны республики удостоивались властели Углеша [2], Воилъ, Ковачъ [3], Алтоманъ. Такъ послѣднему, вопреки статуту, республика даетъ галеру для поѣздки за невѣстой. Ему отпускаются на счетъ города всѣ жизненные припасы, а при обратномъ проѣздѣ его вмѣстѣ съ женой, имъ обоимъ оказывается

Slavi non potessero abitar in quelli contradi, ne ricettarsi, ma che li preti Slavoni stiano quest' ultimo punto la republica procurò di ottenere accio non ingrassandosi li Slavi di religione diversa e scismatica in quelli paesi, *esse potesse con piu facilita* (come era in animo di fare) *ridur tutti gl' abitanti alla religione cattolica, trovandosi la maggior parte macchiati coll' eresia della setta Patarina.*

[1]) Resti: ma li fu risposta che la Provincia era stata concessa con giuramento, con assenso de Baroni e con intervente de Patarini, et oltre cio da lui medesimo di nuovo confermata *ed approvata la concessione dalli Sovrani di Rassia.*

[2]) Monum. Ragusina 235.

[3]) Ibidem 257.

почетный пріемъ и подносятся дары [1]). Самому царю Дубровчане особенно охотно дѣлали разныя одолженія. 11 октября 1343 г. большое вѣче позволило послу Душана ввезти въ Дубровникъ нѣсколько боченковъ вина, назначеннаго для личнаго употребленія ему и его семьѣ [2]). Въ августѣ 1345 г. сербскій уполномоченный пріобрѣтаетъ въ Дубровникѣ какой то врачебно-модицинскій предметъ для своего государя, удрученнаго тяжкою болѣзнью [3]). Въ январѣ и іюнѣ 1346 г. Дубровчане даютъ царю суда для отправки посольства сперва въ Венецію, потомъ къ угорскому королю [4]). Кромѣ частныхъ подарковъ и денежныхъ приношеній, безъ которыхъ дубровницкіе послы никогда не являлись въ Сербію, республика ежегодно платила Душану весьма значительную дань. Въ день Св. Димитрія, т. е. 26 Октября, уплачивалось царю или его довѣреннымъ 2000 перперовъ [5]). Со времени уступки Стона и полуострова Пелешаца, къ этой суммѣ прибавилось еще 500 перперовъ, которые вносились на канунѣ Свѣтлаго Воскресенія. Съ 1348 г. Душанъ предоставилъ эти 500 перперовъ въ пользу церкви Св. Архангеловъ Михаила и Гавріила въ Іерусалимѣ [6]). Наконецъ таможенный сборъ съ дубровницкихъ купцовъ т. е. царины также давали немалый доходъ царю.

Совершенно понятно, что уже въ виду личныхъ своихъ выгодъ Душанъ покровительствовалъ Дубровчанамъ. Въ 1345 г. по ихъ просьбѣ онъ отмѣнилъ царину на Требиньѣ, самовольно устроенную королевскимъ слугой Дабиживомъ и весьма стѣснявшую дубровницкихъ купцовъ [7]). Затѣмъ онъ позволилъ Дубровчанамъ безпрепятственно скупать жито по всей сербской землѣ и всюду, во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ, свободно производить торговлю, не опасаясь за насильственное отнятіе товаровъ властями;

---

[1]) Ibidem. 279. 280.

[2]) Ibidem. 145.

[3]) Ibidem. 185. portari facere ad domum suae habitationis unum vastellum tenutum sex quingerum (ванна?) pro usu et conservacione sue persone.

[4]) Ibidem 211. 223.

[5]) Ibidem 212.

[6]) Миклошичъ Mon. Serb. 133.

[7]) Ibidem. 117.

самъ краль, говорилось въ льготной грамотѣ, не позволитъ себѣ взять что нибудь насильно, безъ купли [1]). Не смотря на всѣ эти обѣщанія, безопасность дубровницкихъ купцовъ и ихъ товаровъ въ Сербіи не была вполнѣ обезпечена. Во первыхъ, само сербское населеніе, какъ мы уже упоминали въ первой главѣ, не сочувствовало нерѣдко эксплоатировавшимъ его торговцамъ-латинянамъ. Во вторыхъ, правители отдѣльныхъ областей государства и властели-баштинники изъ за наживы нерѣдко самовольно дѣлали всякія стѣсненія купцамъ. Такъ упомянутый Дабижива или Дабижа не только задерживалъ дубровницкихъ торговцевъ, но и самъ производилъ грабежи и разбои въ Жупѣ и другихъ владѣніяхъ республики [2]). Въ этомъ отношеніи не оправдалъ ожиданій Дубровчанъ и Николай Буча, получившій отъ нихъ столько вещественныхъ знаковъ вниманія и расположенія. Въ 1348 году онъ неожиданно возвысилъ таможенную пошлину на дубровницкіе товары и началъ тѣснить купцовъ. За обижаемыхъ вступилась Венеція; въ 1349 г. особымъ посольствомъ она просила царя устранить своевольство его людей и отмѣнить нововведенныя стѣсненія [3]). Душанъ внялъ ходатайству и 20 Сентября 1849 г. выдалъ Дубровчанамъ грамоту, которою вновь предоставлялъ имъ свободную торговлю во всемъ царствѣ и подтверждалъ за ними всѣ прежнія права, которыми опредѣлялись ихъ отношенія къ мѣстному населенію и правителямъ [4]).

Во время боснійской войны 1350—1351 г. Душанъ съ царицею Еленою и сыномъ Урошемъ два раза посѣтили Дубровникъ. Республика тогда сильно боялась за своя владѣнія, часть которыхъ подверглась разграбленію со стороны сербскаго войска. До нея доходилъ слухъ, что бояре подстрекали уже царя завоевать столь важный торговый городъ, но совѣтъ этотъ, будто бы, былъ отклоненъ Душаномъ. Страхи эти особенно заставляли Дубровчанъ оказать возможно большій почетъ высокимъ гостямъ. Правительство, дожъ сенаторы и судьи встрѣтили царя и царицу у воротъ, и по ули-

---

[1]) Ibidem. 119. 120.

[2]) Monumenta Ragusina 161. 168. 169.

[3]) Ljubić. Monum. III. 115.

[4]) Миклошичъ Mon. Serb. 146.

цамъ, наполненнымъ народомъ, при шумныхъ оваціяхъ провели ихъ во дворецъ Ректора (Palazzo de Rettori), гдѣ имъ предложено великолѣпное помѣщеніе и угощеніе. Въ первый разъ Душанъ прибылъ со свитою лишь въ тридцать человѣкъ и пробылъ всего три дня. Во второе посѣщеніе, продолжавшееся 8 дней, царя сопровождало уже до 100 человѣкъ именитыхъ властелей. Царь и царица посѣтили соборъ Св. Власія и другія замѣчательныя церкви города, щедро одарили монастырь Св. Клары и приняли участіе въ устроенныхъ въ честь ихъ торжественныхъ празднествахъ. Важную роль въ этихъ празднествахъ играли сдѣланныя греческими художниками изображенія многочисленныхъ побѣдъ и трофеевъ сербскаго завоевателя. Царю, царицѣ, и ихъ боярамъ въ оба раза поднесены дорогіе подарки, состоявшіе преимущественно изъ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей. Съ такимъ почетомъ, съ какимъ встрѣчали Дубровчане, и провожали именитыхъ гостей на своихъ судахъ до Котора [1]).

Это былъ наивысшій моментъ славы и могущества Душана. Маленькая полуславянская республика чествовала въ немъ сильнѣйшаго государя на всемъ востокѣ.

Двукратное посѣщеніе Дубровника Душаномъ, повидимому, еще болѣе укрѣпило дружественныя отношенія республики къ сербскому царству. Послѣднее относящееся сюда свидѣтельство находится у дубровницкаго историка Серафима Червы (XVIII в.) въ неизданномъ его сочиненіи Sacra Metropolis Ragusina. Этотъ авторъ утверждаетъ, что Душанъ отправилъ въ 1351 г. особое посольство въ Дубровникъ съ просьбою прислать ему ко двору 20 благородныхъ юношей, а нѣсколько позже послалъ въ Дубровникъ на воспитаніе „primarios et litterarum studia aptiores suae gentis juvenes“ и основалъ тамъ библіотеку, для которой дорогою цѣною пріобрѣлъ множество рукописей латинскихъ и греческихъ по всѣмъ отраслямъ знанія [2]). Свидѣтельство это, какъ отмѣчающее еще новую весьма характерную черту въ замѣчательной личности осно-

---

[1]) Orbini 267. Luccari 58—59. Resti подъ 1350 и 1351 г.

[2]) В. Макушевъ. Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. 1867. 41.

вателя Сербскаго царства, безспорно весьма любопытно, но оно нуждается въ критической провѣркѣ или объясненіи, что станетъ возможнымъ лишь по выходѣ въ свѣтъ давно ожидаемаго втораго тома документовъ дубровницкаго архива.

Заключеніе.

Мы прослѣдили процессъ образованія Сербскаго царства. Въ теченіе четверти вѣка вся дѣятельность одной изъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ личностей XIV столѣтія была направлена на созиданіе новаго государства на полуостровѣ, которое по идеѣ своего основателя должно было включить въ себя Царьградъ и вполнѣ замѣнить Византійскую имперію. Страшныя усобицы Византійцевъ, усиленіе Турокъ въ Малой Азіи, непрерывныя вторженія ихъ въ Европу и, наконецъ, утвержденіе въ Каллиполи, почти у воротъ столицы восточно-православнаго міра, козни и происки Латинянъ противъ Грековъ и Славянъ—вотъ та обстановка, при которой путемъ завоеваній образуется монархія Душана. Конечная цѣль стремленій сербскаго царя осталась недостигнутой и прежде всего потому, что она была недостижима при тѣхъ средствахъ, которыми онъ располагалъ. Участь Цареграда и Византійской имперіи была уже рѣшена въ совершенно *иномъ* смыслѣ, въ пользу пришлой азіатской силы, сумѣвшей съ большимъ искусствомъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чѣмъ славянскій завоеватель. Этотъ успѣхъ Турокъ и неудача Душана, безъ сомнѣнія, имѣли значеніе дурнаго предзнаменованія для южныхъ Славянъ. Но не въ нихъ однихъ заключалась опасность за будущее. Огромные размѣры имѣло Сербское царство Душана. Въ 50-хъ годахъ оно обнимало, кромѣ земель прежняго Сербскаго королевства, Мачву, Захолмье, Албанію, Эпиръ, Өессалію, Акарнанію, Этолію и всю Македонію (за исключеніемъ Солуни) до Христополя (Кавалы). Но представляла ли эта монархія, составленная изъ областей съ самымъ разнороднымъ населеніемъ, прочно связанное политическое тѣло? Разсмотрѣніе

внутренней дѣятельности сербскаго царя, требующее особаго изслѣдованія, дастъ точный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но приблизительно вѣрное рѣшеніе его вытекаетъ уже изъ изложеннаго нами политическаго положенія дѣлъ и изъ событій, послѣдовавшихъ за смертью Душана. Не успѣвъ осуществить своей, имъ самимъ поставленной, обширной задачи, основатель Сербскаго царства не осуществилъ и той, которая уже была поставлена ему предшествующею исторіей роднаго народа. Не смотря на образованіе новаго большаго государства, Южное Славянство по прежнему оставалось въ состояніи раздробленности, партикуляризма. Цѣлыя сербскія области продолжали быть отрѣзанными отъ новообразованнаго политическаго центра. Въ Сербскомъ царствѣ сербскій народъ не представлялъ собою преобладающаго этнографическаго элемента. Вынужденный отказаться отъ роли византійскаго императора, Душанъ долженъ былъ раздвоиться въ своей дѣятельности на царя Сербовъ и царя Грековъ. Какъ ни была проникнута самыми прекрасными намѣреніями его внутренняя дѣятельность, для которой, впрочемъ, за постоянными внѣшними предпріятіями оставалось очень мало времени, она не могла сама по себѣ ни придать прочность и могущество новому царству, ни тѣмъ самымъ отклонить созрѣвавшій важный переворотъ для всего полуострова. Исторически высока, во многихъ отношеніяхъ замѣчательна мощная личность Душана, царя-завоевателя, ставшаго однимъ изъ любимыхъ героевъ народной поэзіи; но воздвигнутое имъ политическое зданіе судомъ исторіи должно быть признано весьма непрочнымъ. Самъ царь, повидимому, понималъ это, и быть можетъ, потому еще при жизни роздалъ отдѣльныя области своей монархіи въ почти независимое управленіе своимъ довѣреннымъ людямъ. По смерти Душана Сербское государство, по мѣткому выраженію Кантакузина, распалось на тысячу частей; а черезъ 34 года послѣ этого событія разрозненнымъ южнымъ Славянамъ пришлось встрѣтить Турокъ на Коссовомъ полѣ, и

Ту су Срби изгубили царство
Честитога цара земаљскога.

Опечатки.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
12	18 снизу	съ предоставленіи	и въ предоставленіи
14	17 „	XIV в.	XIII в.
15	3 „	Либича.	Любича
30	2 „	края	краля
41	11 сверху	несумѣли	не сумѣли
94	14 „	Венеріо	Веньеръ
121	8 „	онѣ	они
125	19 „	παρθε νοφθορίας	παρθενοφθορίας
126	15 снизу	Іоанномъ	Іоанникіемъ
141	6 „	характезуетъ	характеризуетъ
200	1 „	zenoesi	Zenoesi
206	10 „	Корацић	Карацић
219	5 „	Ῥωμαίω	Ῥωμαίων

Того-же автора:

Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. Спб. 1880.

